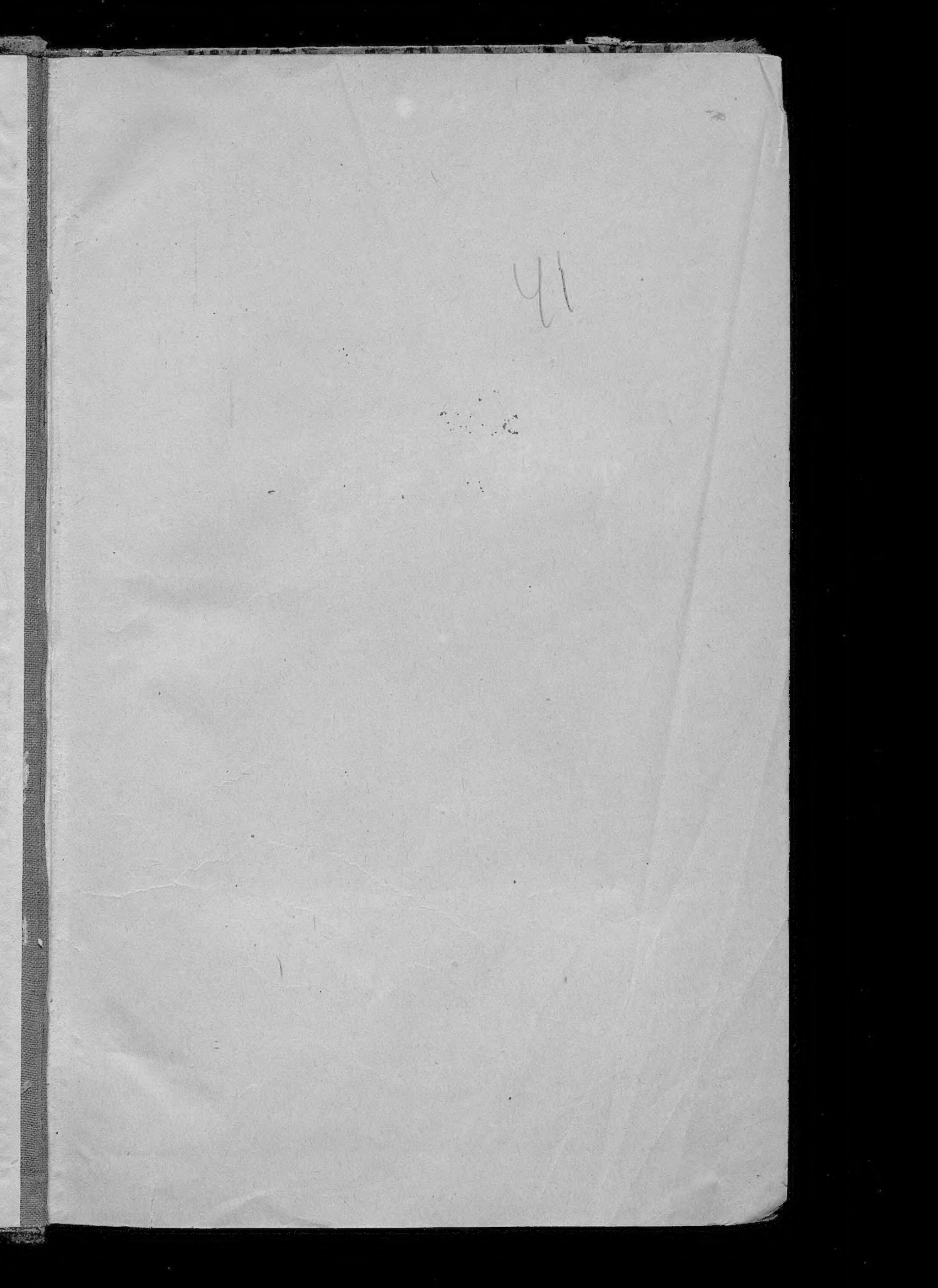
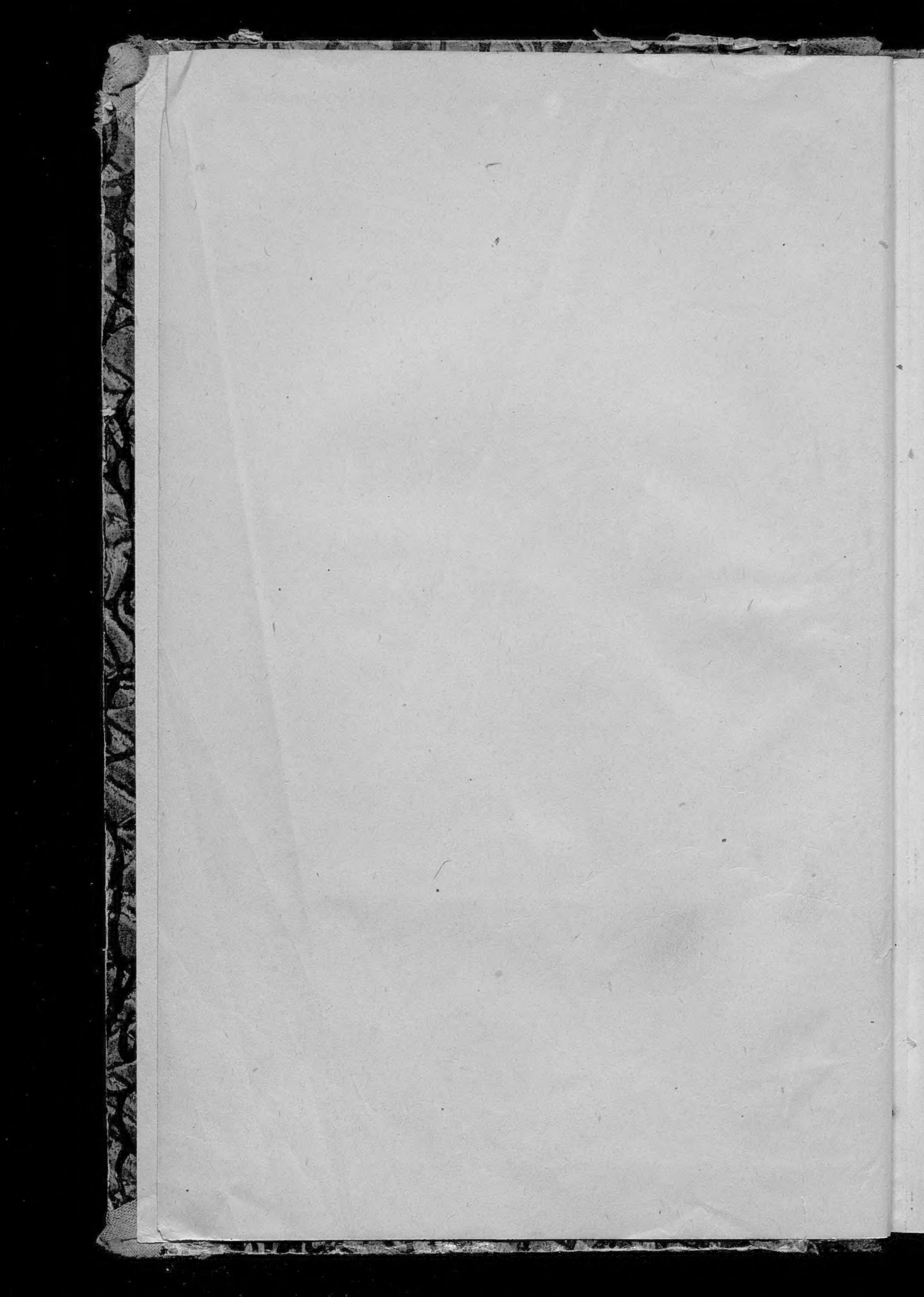

8P
B-381

41

победителю-ученику отъ побѣжденнаго-учителя.
въ тотъ высокоторжественный день въ который онъ окончилъ свою
поэму Русланъ и Людмила
1820 Марта 26 Великая пятница

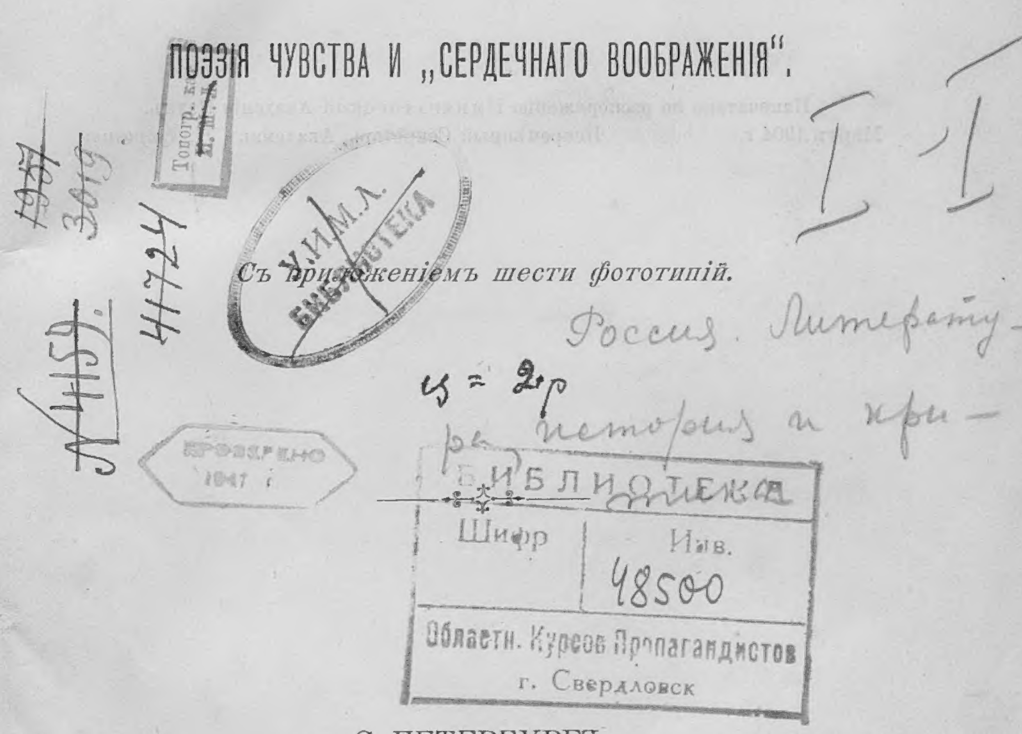
Василій Андреевичъ Жуковскій.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ

Академикъ А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія".

Съ приложеніемъ шести фототипій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1904 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
Веселый веселѣе вдвое.

(Жуковскій).

Александрѣ Семеновнѣ Усовой

въ неизмѣнной дружбѣ

Александръ Веселовскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Двѣ біографіи В. А. Жуковскаго написаны были его современниками; Плетневъ зналъ его во вторую половину его жизни, Зейдлицъ болѣе другихъ посвященъ былъ въ сердечныя тревоги его юности; обѣ характеристики сошлись въ томъ идеальномъ, я сказалъ-бы, нѣсколько иконописномъ образѣ, въ какомъ мы и теперь представляемъ себѣ поэта. Загаринъ попытался поставить его, и не всегда удачно, въ отношенія среды, которая его воспитала, въ новыя литературныя теченія, которыя его охватили; но образъ остался тотъ-же, только юношескій энтузіазмъ Зейдлица смѣнился тономъ панегирика. Образъ, написанный широкими полосами свѣта; идеализація часто напоминаетъ старую монету, на которой видны одни контуры и исчезли мелкіе штрихи. Намъ важны именно эти мелкія черты, трепещущія жизнью; онѣ объяснятъ намъ многое въ Жуковскомъ, человѣкѣ и поэтѣ, потому что большая часть Жуковскаго въ его поэзіи.

Для такой реальной характеристики собралось значительное количество матеріаловъ со времени появленія книги Загарина, встрѣченной превосходной критикой Тихонравова. Въ особенности работы И. А. Бычкова по изслѣдованію бумагъ Жуковскаго, изданію его писемъ и дневниковъ, и „Остафьевскій Архивъ“ съ драгоцѣнными примѣчаніями В. И. Саитова принесли множество новыхъ свѣдѣній; иныя разсѣяны по журналамъ. Мнѣ самому довелось воспользоваться нѣкоторыми неизданными пока документами, освѣщающими ту или другую часть біографіи поэта. Многое остается еще подъ спудомъ [1]),

1) По сообщенію П. Е. Рейнбота въ Гёте-Шиллеровскомъ архивѣ въ Веймарѣ хранятся письма Жуковскаго къ канцлеру фонъ-Мюллеру: одно отъ 12 мая 1846 года (изъ Франкфурта на Майнѣ), другое безъ даты (почтовый штемпель: Франкфуртъ на Майнѣ 14 іюня 1846 г.); въ обоихъ рѣчь идетъ объ „Арзамасѣ“.

или еще не найдено, если сбереглось, какъ напр. дневники Андрея Тургенева и А. С. Кайсарова; иное еще готовится къ изданію. Неизвѣстныя доселѣ письма Жуковскаго къ А. Мальтицу, изъ картоновъ Фарнгагена фонъ Энзе, явятся вскорѣ въ работѣ проф. И. А. Шляпкина: „Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго“, этюдѣ къ сочиненію: „Фарнгагенъ фонъ Энзе и его русскія отношенія“; письма касаются перевода Одиссеи, взглядовъ Жуковскаго на событія 1848 года и его историко-философскихъ воззрѣній. — Лишь при корректурѣ послѣдняго листа я могъ познакомиться, благодаря любезности А. Е. Грузинскаго, съ первыми листами редактируемаго имъ собранія писемъ Жуковскаго (къ Елагиной, Зонтагъ) и И. А. Мойеръ (послѣднихъ до ста) [1]. Новыя письма Жуковскаго, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны были лишь въ отрывкахъ, принесутъ, вѣроятно, неизвѣстныя намъ біографическія подробности, дополнятъ и исправятъ хронологію его поэтическихъ произведеній [2], но, судя по его накопляющейся постепенно

---

1) Владѣлица этихъ писемъ — М. В. Беэръ, рожд. Елагина, дочь Екатерины Ивановны Мойеръ.

2) Въ одномъ изъ писемъ, предоставленныхъ мнѣ А. Е. Грузинскимъ, Жуковскій сообщаетъ Елагиной въ ноябрѣ 1818 года, что занятъ своими „грамматическими таблицами“, и когда онѣ кончатся, снова сдѣлается поэтомъ. „До тѣхъ поръ потерпите!.... En attendant вотъ вамъ стихи, *произведеніе минуты, мимо пролетѣвшей, слѣдовательно, вамъ не должно выводить изъ этой пѣсни никакихъ заключеній.* Она написана для Вадковской, которая и лицомъ, и голосомъ (когда поетъ) похожа на Анну Ивановну (Плещееву). Натурально, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ тѣсно связано прошлое. Но не думайте, чтобы настоящее было дурно: я имъ доволенъ. Въ моемъ теперешнемъ положеніи много жизни; и я нахожу его часто прекраснымъ, точно по мнѣ. Однимъ словомъ, вообще не желаю перемѣны; и воспоминанія прошедшаго не иное что, какъ сонъ, который слѣда не оставляетъ, который *дѣйствуетъ* только по тѣхъ поръ, пока *длится* — и этотъ сонъ рѣдокъ; настоящее хорошо“. — Слѣдуетъ стихотвореніе: „Минувшихъ дней очарованье“, напечатанное въ томъ-же году въ изданіи „Для немногихъ“. Зейдлицъ (а за нимъ Ефремовъ, проф. Архангельскій и я) отнесъ его къ 1816 году, къ настроенію котораго онъ дѣйствительно подходитъ. Зейдлицъ могъ ошибиться въ хронологіи, но и Жуковскій могъ набросать стихотвореніе ранѣе, чѣмъ обработалъ его для голоса Вадковской—и для печати; либо написать его и въ 1818 году, среди „грамматическихъ таблицъ“, когда на него налетало воспоминаніе и онъ записывалъ въ дневникѣ, что онъ и доволенъ настоящимъ, и знаетъ на землѣ „одно потерянное счастіе“ (сл. далѣе стр. 240). — Сестры Вадковскія, Екатерина

корреспонденціи, мы не ожидаемъ новыхъ психологическихъ откровеній. Не смотря на свою сказочную лѣнь къ письмамъ, Жуковскій писалъ много, люди его кружка, Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Булгаковъ, даже грѣшили эпистолярнымъ изобиліемъ; и всѣ они повторялись. Повторялся и Жуковскій, вращаясь въ той-же фразеологіи, въ томъ-же кругѣ идей, ставшихъ общими мѣстами: о прелести воспоминанія — и уединенія въ „миломъ кругѣ", съ „подругой тишиной", безъ надеждъ, но съ вѣрой въ Провидѣніе, въ очистительную силу страданія и т. д.

Особенно печально, что я не могъ воспользоваться для своей работы письмами М. А. Протасовой-Мойеръ. Отъ нея извѣстны были лишь обрывки писемъ и дневника [1]); все остальное досказано Жуковскимъ и его друзьями; ея тихій образъ рисуется намъ въ отраженіи ихъ симпатій, нерѣдко заглазныхъ, направленныхъ симпатіями Жуковскаго. Она была не только предметомъ его юношескаго увлеченія, но и во многихъ отношеніяхъ его духовной дочерью; писала прекрасно [2]),

---

Өедоровна (съ 1820 г. замужемъ за Н. И. Кривцовымъ; сл. Остафьевскій Архивъ, I, стр. 496) и Софья Өедоровна (вышедшая за П. М. Безобразова въ 1816—или въ 1818 г., во второмъ бракѣ за Темирязевымъ; сл. Остафьевскій Архивъ, II, стр. 404, III, стр. 180) были дочерями сенатора Ө. Ө. Вадковскаго отъ брака съ графиней Екатериной Ивановной Чернышевой, сестра которой, Анна Ивановна, въ 1799 г. вышла замужъ за Александра Алексѣевича Плещеева, двоюроднаго брата Марьи Андреевны и Александры Андреевны Протасовыхъ — и большого пріятеля Жуковскаго. Очень вѣроятно, что стихи его обращены были къ С. Ө. Вадковской, извѣстной красавицѣ, которую впослѣдствіи воспѣвалъ и князь Вяземскій („Къ С. Ө. Безобразовой", Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, III, стр. 272—4, подъ 1822 г.).

1) Разумѣю ея нѣмецкій дневникъ, писанный за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти (сл. далѣе стр. 235—6). Въ письмѣ къ Елагиной 1 генваря 1831 года, сообщенномъ мнѣ А. Е. Грузинскимъ, Жуковскій приводитъ изъ него большія выдержки. Въ немъ она писала Зейдлицу, что посылаетъ ему die Weihrauchschen Lieder zum Geschenke und meinen Ring zum Andenken (сл. далѣе стр. 238—9).

2) „Знаешь-ли ты, у кого ты выучился писать? спрашивалъ Жуковскій И. В. Кирѣевскаго,—у твоей матери. Я не знаю никого, кто бы лучше писалъ ея. Она (А. П. Кирѣевская-Елагина), Марья Андреевна (Протасова-Мойеръ) и Александра Андреевна (Воейкова) — вотъ трое. Александра Андреевна писала прекрасно: il y avait du génie dans son style". Полное собр. соч. И. В. Кирѣевскаго, т. I, письмо 12 января 1830 г. У Елагиной „чудное чутье поэзіи (да и по русски пишетъ она, какъ никто),

и намъ интересно будетъ встрѣтить въ ея живомъ словѣ заявленіе ея личности, такъ рѣдко сказывающейся въ общихъ формулахъ сентиментализма.

Жуковскимъ онѣ овладѣли настолько, что абстрактный идеалъ *семьи*, какъ горнила нравственнаго преуспѣянія и счастья, заслонялъ въ немъ моментъ *личнаго* увлеченія [1]). Это не безразлично для оцѣнки его поэтическаго „строя". М. А. Протасова несомнѣнно вдохновила чающую и унылую поэзію его первой поры; онъ мечталъ о *своей семьѣ*, въ которой бы царила его Маша, и разстался съ этой надеждой послѣ тяжелой борьбы. 14 генваря 1817 года Марья Андреевна вышла замужъ за Мойера; въ ноябрѣ того-же года Карамзины ищутъ для Жуковскаго невѣсту [2]), но уже въ февралѣ она найдена: ее звать Анетой, Жуковскому говорятъ, что онъ ей приглянулся, хвалятъ ея характеръ, она необыкновенно умна, сердце прекрасное, но „она принадлежитъ къ одному изъ первыхъ домовъ Лифляндіи"; удовлетворится ли она его кругомъ? Надо съ ней поближе познакомиться, ибо онъ хочетъ „имѣть вѣрную привязанность, основанную на знаніи характера, на согласіи образа мыслей о счастіи". Онъ видѣлъ ее въ Петербургѣ, въ мартѣ она вернется въ Дерптъ, и у него будетъ „способъ что-нибудь узнать". Долженъ ли онъ оттолкнуть этотъ случай? Уѣхавъ изъ Дерпта, „я рѣшительно откажусь отъ того, что, можетъ быть, дастъ мнѣ счастіе, и откажусь, какъ слѣпой, добровольно, не давъ себѣ даже взглянуть на то, что само шло ко мнѣ навстрѣчу. Со всѣмъ тѣмъ этотъ мартъ меня пугаетъ: сердце молчитъ! Въ немъ совершенно нѣтъ никакого яснаго, рѣшительнаго желанія! Единственная связь между мною и ей есть та привязанность, которую я въ ней къ себѣ предполагаю. И эта связь можетъ быть сильной, теперь однако нѣтъ ничего! И я нахожу въ себѣ одно только безпокойное ожиданіе, чувство болѣе непріятное, чѣмъ пріятное! Я даже думаю, что обрадуюсь,

---

именно той поэзіи, которая заключается въ томъ je ne sais quoi, которое всюду и нигдѣ" (Жуковскій къ А. П. Зонтагъ 6/18 апрѣля 1849 г.). Интересны въ отрывкахъ писемъ А. П. Елагиной къ Жуковскому (6 ноября и 1 декабря 1851 г.) ея отрицательный отзывъ о темѣ „Странствующаго Жида" и осужденіе статьи „О смертной казни" (сл. далѣе стр. 358 отзывъ Аксакова). Жуковскій защищался, укрываясь и противорѣча себѣ, въ письмѣ изъ Бадена 3/15 января 1851 г. (сообщеніе А. Е. Грузинскаго).

1) Сл. далѣе гл. VIII, стр. 286 слѣд.

2) Сл. далѣе стр. 270—1.

когда увижу, что меня обманули; что этой привязанности ея ко мнѣ нѣтъ и не бывало“ [1]).

Въ мартѣ 1819 года до Елагиной дошли слухи, что Жуковскій женится на С. М. Карамзиной; въ ноябрѣ она пишетъ о какой-то его nouvelle espérance и проситъ вывести ее изъ тревожнаго ожиданія. То была пора увлеченія Жуковскаго графиней С. А. Самойловой, оставившей слѣдъ въ его „мадригальной“ поэзіи [2]). Ему хотѣлось бы жениться, писалъ о немъ Карамзинъ, „но при дворѣ не такъ легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго“ [3]).

Въ 1831 году матримоніальный вопросъ обновляется. До кн. Вяземскаго дошли слухи, что Жуковскій женится на княжнѣ Хилковой [4]); въ томъ-же году Зонтагъ сватаетъ ему графиню Н. Г. Чернышеву, не называя ее. „Можетъ быть, я сказалъ бы вамъ *да*, еслибы вашими и своими глазами глядѣлъ на вашу безыменную закорючку, если бы былъ съ вами, отвѣчаетъ Жуковскій. Разшевелить меня легко! Помните ли Корсаковыхъ“? Но ему хотѣлось бы знать что нибудь объ этой безъименной, ея „le cher à moi, каково оно? Не худо знать и то, что присоединяется извнѣ къ le cher à moi“. „Я все поджидалъ, что Провидѣніе какъ нибудь за меня похлопочетъ и пришлетъ мнѣ жену. Самому хлопотать было некогда. Но Провидѣніе ничего не сдѣлало; *вѣрно не суждено мнѣ, чтобы у меня была моя семья.* Лѣта между тѣмъ подоспѣли и сдѣлали меня весьма нерѣшительнымъ. Одиночество тяжко и грустно подъ старость, но съ семейной жизнью сколько заботъ и зависимости“! Онъ „про себя богатъ“, и тѣмъ, что теперь имѣетъ, „могъ бы дать жить семьѣ“ [5]).

Все это объясняетъ его неясныя мечтанія 1833 г. и венеціанское четверостишіе 1838 г.: „еще могу по прежнему любить“ [6]).

Личный моментъ лирики Жуковскаго понятъ былъ у насъ слишкомъ односторонне; данныя, собранныя мною и подтвержденныя новыми письмами Жуковскаго, введутъ этотъ моментъ въ надлежащія границы, въ большемъ соотвѣтствіи не только

1) Къ Юшковой-Зонтагъ 4 февраля 1817 г. (сообщеніе А. Е. Грузинскаго).

2) Сл. далѣе, стр. 273 слѣд.

3) Сл. далѣе стр. 282.

4) Сл. далѣе стр. 283, прим. 3.

5) Къ Зонтагъ 24 мая 1831 года (сообщено А. Е. Грузинскимъ).

6) Сл. далѣе стр. 417—8.

съ качествомъ чувства, но и съ нравственными и житейскими идеалами поэта.

Таковы матерьялы, накопляющіеся для біографіи реальнаго Жуковскаго. Біографія эта не будетъ носить заглавія: Жуковскій и его время; еще при его жизни время его опередило; скорѣе такое: Жуковскій и его друзья. Онъ долго былъ и оставался поэтомъ кружка, вышедшаго изъ карамзинской школы, тургеневскаго, поддѣвиченскаго, арзамасскаго, и не его führender Geist, а нравственное средоточіе, сердце. Люди кружка могли расходиться съ нимъ во многомъ, отставали отъ него или его опережали; вліяніе его поэзіи, мечтательной и патріотической, захватило широкіе общественные слои, а друзья по прежнему оглядывались на него, какъ на своего: это было ихъ лучшее, чистое прошлое, которымъ они себя провѣряли. Жуковскаго журили — и берегли и поднимали на щитъ, гордясь его литературной славой; собирали его стихи, ждали его писемъ, чтобы послушать его тихое, гуманное слово, внести его въ свой альбомъ и зажечь свои „фонари" отъ его мирнаго огня; и сами шли къ нему съ душевной исповѣдью. Онъ же сохранился, какъ былъ, не только въ силу того, что долгое пребываніе заграницей отчудило его отъ движенія русской живой дѣйствительности, но и по своей въ высшей степени консервативной натурѣ, все перерабатывавшей въ свою мѣру и прокъ. Такъ могло случиться, что на разстояніи тридцати слишкомъ лѣтъ онъ очутился на берегахъ Рейна съ идеалами „бѣлевскаго жителя", въ такой же „сельской кущѣ", какая ему снилась въ Муратовѣ. Годы проходили мимо него, какъ столѣтія мчались мимо „Странствующаго Жида"; пролетѣла пушкинская пора, байронизмъ, реализмъ и то, что называется русскимъ романтизмомъ; все это скользнуло по немъ, а онъ все тотъ-же. Мѣнялись предметы его привязанностей, не мѣнялось чувство въ сознаніи испытанной любви и дружбы, облагородившихъ его душу. Прошлое овладѣло настоящимъ; царило воспоминаніе.

Все это находило выраженіе въ его поэзіи; въ его балладахъ или идилліяхъ, повидимому не навѣянныхъ пережитымъ, есть невидимый элементъ признанія, confession, отъ Эпимесида или Теона — до Одиссеи. Онъ убаюканъ своимъ семейнымъ счастіемъ — и любуется дѣтской простотой Гомера, но когда онъ падаетъ подъ тяжестью семейнаго креста и сѣтуетъ о томъ въ письмахъ къ друзьямъ, — онъ переводитъ „Выборъ креста"

изъ Шамиссо. Его переводы и усвоенія чужихъ поэтическихъ произведеній, составляющіе три четверти его литературнаго наслѣдія, отвѣчаютъ тѣмъ-же требованіямъ: выбирались лишь тѣ, или то изъ нихъ, что отвѣчало его внутреннему содержанію, потребности его выразить, прививъ къ чужой идеѣ свою собственную. Содержаніе это было — міръ души, воспитаніе довлѣющей себѣ и Богу личности, „души“ Карамзина. Воспитаніе началось въ мечтательномъ уединеніи Бѣлева, удалось въ изолированности Петербургской придворной сферы, завершилось въ отчужденности Дюссельдорфа и Баденъ-Бадена. Жуковскій не закрывалъ глаза на происходившую вокругъ него общественную борьбу, но не понималъ ее; ему противны стали и Онѣгины и Герои нашего времени, эти „бѣсы“, расплодившіеся отъ „Вертера“ и „Донъ-Жуана“. Все дѣло въ „душѣ“, въ довѣріи къ Промыслу; герой его неоконченной поэмы, единственной, обѣщавшей быть самостоятельной, приходитъ къ сознанію, что счастіе — въ отреченіи отъ собственной воли, въ ея подчиненіи волѣ Божьей.

Уѣзжая въ 1841 году заграницу для женитьбы, онъ утѣшалъ А. П. Зонтагъ, потерявшую мужа: „Гёте сказалъ про поэзію:

Lied und Freude wird Gesang.

Онъ правъ—поэзія единственное вѣрное *земное* утѣшеніе. Но Гёте, еслибы могъ, долженъ бы былъ выразить это и такъ:

Lied und Freude wird Gebet“ [1]).

Vous êtes transparent, bon Joukovsky, писала ему графиня Разумовская. Онъ дѣйствительно прозраченъ, хрустальная душа, какъ говорилъ Пушкинъ, но не всякому удавалось такъ часто уединяться отъ толпы и уличнаго движенія, чтобы столь дѣвственно соблюсти свою прозрачность. Поэзія Жуковскаго — это поэзія сентименталиста карамзинской эпохи, прожившаго на островахъ блаженныхъ въ ожиданіи будущаго, которое осуществила бы идеалы его прошлаго. Оттого такъ искренне-мечтательна и тосклива его пѣсня, когда онъ — весь на лицо.

---

1) Письмо 29 ноября 1839 г., сообщ. А. Е. Грузинскимъ.

Я коснулся лишь нѣсколькихъ общихъ положеній моей книги, которую я не рѣшился назвать біографіей. Читатели найдутъ въ ней нѣсколько дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ, за сообщеніе которыхъ, равно какъ за цѣнныя указанія и помощь, приношу мою искреннюю благодарность проф. А С. Архангельскому, гр. А. А. Бобринскому, И. А. Бычкову, А. Е. Грузинскому, Н. Ѳ. Дубровину, П. В. Жуковскому, Н. К. Кульману, Е. А. Лёве, Б. Л. Модзалевскому, А. Ѳ. Онѣгину, П. К. Симони, Е. Е. Рейтерну, гр. А. А. Толстой, А. С. Усовой, А. А. Шилову, В. Ѳ. Шишмареву и А. А. Ѳомину. Благодаря Н. Ѳ. Дубровину я могъ воспользоваться нѣкоторыми дневниками Ал. И. Тургенева, доставленными его племянникомъ, П. Н. Тургеневымъ. Письма братьевъ Тургеневыхъ, Александра, Николая и Сергѣя, готовитъ къ изданію, по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, А. А. Ѳоминъ, въ копіи котораго я познакомился съ письмами Андрея И. Тургенева; письма Александра И. Тургенева, еще не приведенныя въ порядокъ, были мнѣ доступны въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ это было желательно. Нѣсколько данныхъ я могъ почерпнуть изъ писемъ Жуковскаго къ императору Николаю I и къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, печатаемыхъ А. А. Ѳоминымъ въ изданіяхъ того-же Отдѣленія, и изъ альбомовъ Жуковскаго, недавно принесенныхъ въ даръ Имп. Публичной Библіотекѣ его сыномъ, П. В. Жуковскимъ.

Будущій біографъ поэта будетъ, безъ сомнѣнія, богаче меня фактами, либо не открытыми доселѣ, либо недосмотрѣнными мною. Послѣдней возможности я не отрицаю; но для меня всего важнѣе вопросъ: угадалъ-ли я общее настроеніе, отвѣтилъ-ли требованіямъ объективности безпристрастнымъ выборомъ матеріала, предоставляющимъ читателю выводы и оцѣнку? Къ этой объективности я стремился, сознавая, что она всецѣло недостижима. Я старался направить анализъ не столько на личность, сколько на общественно-психологическій типъ, къ которому можно отнестись отвлеченнѣе, внѣ сочувствій или отверженій, которыя такъ легко заподозрить въ лицепріятіи.

Короваево,
лѣтомъ 1903 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Немного осталось между нами людей, которые въ юности зачитывались балладами Жуковскаго, трепетно заглядывали въ неприступную темноту лѣса, съ кивающими сквозь черныя вѣтки призраками (Ундина), а нѣсколько позже мечтали о таинственномъ „Цвѣтѣ завѣта", въ листкахъ котораго „милое цвѣтетъ воспоминанье". „Овсяный кисель" не интересовалъ, слишкомъ торжественнымъ казался паѳосъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", манило чудесное, фантастическое, міръ воспоминаній и чаяній, въ лунномъ сіяніи котораго настоящее почти исчезало. Все это поднимало юное чувство, настраивая его страстно, дѣвственно и недѣятельно — и все это входило когда-то въ понятіе *романтизма.*

Понятіе неопредѣленное для сверстниковъ Жуковскаго и ближайшаго къ нему литературнаго поколѣнія; въ немъ было болѣе инстинкта, чѣмъ сознанія; въ опредѣленіи не условились и теперь еще [1]), тѣмъ болѣе въ ту пору, когда наша критика руководилась готовыми формулами романтизма (Сталь, Шлегель) и мѣрила ими нашу поэзію, самостоятельно и не по теоріи воспринимавшую новыя теченія западной. Оттуда неизбѣжныя недомолвки и недоумѣнія. „Не знаешь-ли ты на нѣмецкомъ языкѣ разсужденій о романтическомъ родѣ?, писалъ князь Вяземскій романтику-Жуковскому 23 декабря 1824 г. Спроси у Блудова, нѣтъ-ли также на англійскомъ, мнѣ хочется написать объ этомъ и прочесть все сказанное. Романтизмъ, какъ

1) Сл. хотя бы Brunetière, Études critiques III, 300.

домовой: многіе вѣрятъ ему; убѣжденіе есть, что онъ существуетъ, но гдѣ его примѣты, какъ обозначить его, какъ наткнуть на него палецъ?“ Пушкина уже успѣли приписать къ романтикамъ, а въ 1825 году (25 мая) онъ пишетъ кн. Вяземскому: „Я замѣтилъ, что всѣ (даже ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надо будетъ на досугѣ поговорить“.

Разумѣется, романтики — новаторы, не уважающіе славнаго преданія, отрицающіе правила искусства, ищущіе угодить толпѣ выборомъ предметовъ новыхъ, неслыханныхъ, невѣроятныхъ, пишущіе „на новый ладъ“ (Мерзляковъ, Катенинъ). Въ этомъ смыслѣ „аѳинскій романтикъ“ Еврипидъ такой-же „литературный раскольникъ“, какъ современные романтики [1]). Съ формальной точки зрѣнія протестъ противъ новаго литературнаго направленія продолжалъ борьбу шишковистовъ съ карамзинистами, но онъ требовалъ и новой теоретической подкладки: что такое романтизмъ?

Всего менѣе разумѣли подъ этимъ словомъ ту нѣмецкую литературную школу, которая, сплотясь на границѣ двухъ столѣтій, поспѣшила оправдать себя теоріей и назвала себя романтической. Для Жуковскаго, романтика и германофила, она-то по преимуществу и должна идти въ счетъ; французская романтическая школа его не коснулась. Именно, понятія теоріи, школы надо держаться, чтобы найтись методически и исторически въ значеніяхъ, безразлично соединяемыхъ со словомъ романтизмъ. Англичане напр. говорятъ о своемъ романтизмѣ XVIII вѣка съ Греемъ, Томсономъ, Юнгомъ, балладами Перси и робкимъ обновленіемъ Шекспира. Такимъ образомъ можно дойти и до Руссо, у насъ не только до Карамзина и Озерова (кн. Вяземскій), но и до Державина-романтика (Марлинскій); орудуя терминомъ романтизма на столь широкихъ пространствахъ, мы никогда не уловимъ частностей эволюціи, изученіе которой требуетъ менѣе растяжимыхъ формулъ.

Такое растяженіе понятія наблюдается въ нашей критикѣ 20—30-хъ годовъ, распространившей обозначеніе романтизма на предшествовавшую ему эпоху, охватывая не только Гёте и

---

1) Сл. Катенинъ, Размышленія и разборы, статья 2-я, Литературная газета 1830 г., т. I, № 11, стр. 87. Къ романтикамъ причисленъ и Giraldi Cintio!

Шиллера, но и литературу Sturm-und Drang'-а и опредѣлившія ее англійскія вліянія. Смѣшеніе понятное именно у насъ: отъ періода „бури и натиска" до романтиковъ развитіе пошло такъ быстро, что мы не успѣвали разобраться въ его послѣдовательности и принимали оптомъ нагрянувшія литературныя откровенія, обѣщавшія освободить насъ отъ торжественнаго и галантнаго псевдоклассицизма.

Было и еще опредѣленіе романтизма, выставленное нѣмецкими романтиками: романтическими назывались самобытныя теченія христіанской литературы отъ трубадуровъ и Данте до Шекспира, Сервантеса и далѣе—въ противоположность къ классицизму и его позднѣйшимъ переживаніямъ. Новѣйшій романтизмъ представлялся возрожденіемъ средневѣкового, феодально- и народно-христіанскаго (Шлегель, Сталь, Гейне).—Либо дѣлили Европу на классическую и романтическую по народностямъ латинскаго и германскаго происхожденія: мнѣніе, противъ котораго возставалъ Пушкинъ [1]).

Въ какомъ изъ этихъ значеній называли и еще называютъ Жуковскаго романтикомъ? Самъ онъ говорилъ о себѣ, какъ о родителѣ „на Руси нѣмецкаго романтизма" и поэтическомъ дядькѣ „чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ". Но чертовщина, привидѣнія и сказочные страхи вовсе не показаніе исключительно романтизма: ихъ воздѣлывала съ лихвой банальная литература волшебныхъ, разбойничьихъ и т. д. романовъ, вродѣ произведеній Шписа, у котораго Жуковскій взялъ сюжетъ своихъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ". Бюргеръ не романтикъ въ смыслѣ школы, и если Жуковскаго прозвали „балладникомъ", то князь Вяземскій не былъ въ правѣ назвать его „свободнымъ рыцаремъ романтизма", когда побуждалъ его вернуться къ балладамъ. Баллады писалъ у насъ до Жуковскаго сентименталистъ Каменевъ, котораго Пушкинъ поставилъ въ преддверіи нашего романтизма: „Онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти" [2]).

Особое значеніе давали мечтательности Жуковскаго, его

1) Замѣтки при чтеніи книгъ 1825 г., по поводу Московскаго Телеграфа.

2) Сл. Прибавленіе къ Казанскимъ губ. Вѣдомостямъ № 2, 10 Генваря 1844 г.: Александра Фуксъ, А. С. Пушкинъ въ Казани.

любви къ таинственности, къ витанію въ области чудеснаго и мистическаго; онъ

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель.
(Русланъ и Людмила п. 4).

Въ этомъ смыслѣ, говорилъ онъ о себѣ въ старости, самъ онъ былъ когда-то таинственно-заносчивымъ романтикомъ. Нападая на самозванныхъ романтиковъ, „Благонамѣренный" не находилъ въ нихъ „ни глубокихъ чувствъ, ни прелестей мечтательности, составляющей существенность поэзіи романтической". И для Полеваго мечтательность — основная черта Жуковскаго-романтика. „Что за чертовски небесная душа? писалъ о Жуковскомъ Пушкинъ: онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще!" (Л. С. Пушкину 1825 г. нач. апрѣля).

Романтики унаслѣдовали изъ періода „бури и натиска" преклоненіе передъ Шекспиромъ, увлеченіе народной поэзіей и народной стариной. Въ началѣ 20-хъ годовъ Жуковскій смотрѣлъ на Гамлета нѣсколько по-вольтеровски, а русская народная жизнь осталась въ его поэзіи почти нетронутой. Именно Шекспира, „народные законы" его драмы имѣлъ ввиду Пушкинъ, когда выражалъ опасеніе за успѣхъ Бориса Годунова, „потому что робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма" [1]). Онъ-же подчеркнулъ идею народности, отдавая, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, предпочтеніе Катенинской „Ольгѣ" передъ „невѣрнымъ", но прелестнымъ подражаніемъ Жуковскаго Бюргеровой Ленорѣ (Людмила), ослабившимъ духъ и формы образца. Катенина-классика онъ считалъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, введшимъ въ возвышенную поэзію „языкъ и преданія простонародные" [2]).

Народность, простонародность, народная поэзія, народная литература — и романтизмъ: вотъ задачи, на которыхъ оста-

---

1) Сл. письмо къ князю Вяземскому 1825 г., осенью, и къ Бестужеву 1825, 30 ноября.

2) Сл. О сочиненіяхъ Катенина 1833 г.; отзывъ Грибоѣдова въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. XXXI, № 30, стр. 150—160.

новилась критика, разбираясь въ нашихъ романтическихъ начинаніяхъ. Необходимо познакомиться съ нѣкоторыми изъ высказанныхъ по этому поводу взглядовъ; изъ нихъ выяснится, хотя и нѣсколько одностороннее, пониманіе и значеніе Жуковскаго-романтика.

Книжка Ореста Сомова „О романтической поэзіи" (СПБ. 1823 г.) представляетъ образецъ критической сумятицы въ вопросѣ о томъ, что разумѣть подъ романтизмомъ. Прежде всего онъ отвѣтилъ требованіямъ нашего своенравнаго воображенія, наскучившаго однообразіемъ и захотѣвшаго „новаго, небывалаго" (стр. 2). Условившись съ читателемъ, что онъ будетъ называть романтической „новѣйшую поэзію, не основанную на миѳологіи древнихъ и не слѣдующую раболѣпно ихъ правиламъ" (стр. 23), авторъ даетъ намъ ея исторію: отъ арабовъ (трубадуры опущены, ихъ поэзія—„поэзія ума, а не сердца и воображенія", стр. 9) до итальянцевъ (Данте, Аріосто, Тассо), творенія которыхъ „представляютъ почти непрерывную борьбу вкуса романтическаго съ классическимъ" (стр. 24). Испанцамъ принадлежитъ внесеніе „романтизма въ драму" (Лопе де Вега, Кальдеронъ, стр. 25—6); представителями Франціи являются Корнелевскій Сидъ (стр. 11), Иснель и Аслега Парни, Шатобріанъ и Лемерсье (стр. 15); англійскій романтизмъ перекидывается отъ Спенсера, Шекспира (который отличается въ излишнемъ паренъѣ и даже надутости), Мильтона, къ Байрону, Муру, Вальтеру Скотту, Саутею и Кольриджу (стр. 26 слѣд.). Германія характеризована по книгѣ M-me de Staël — отъ Клопштока до Гёте и Шиллера; названы еще Маттисонъ, Бюргеръ, Тикъ, А. В. Шлегель, Вернеръ. „Словесность народа есть говорящая картина его нравовъ и обычаевъ и образа жизни", отраженіе его народности; сочиненіе нѣмца, англичанина или француза отгадаешь даже въ переводѣ (стр. 80). Часто слышатся сужденія, что въ Россіи не можетъ быть поэзіи народной, потому что мы стали писать слишкомъ поздно, когда всѣ удѣлы Парнасса были уже заняты, что наша природа не въ состояніи оживить поэтовъ, что вѣкъ рыцарства для насъ не существовалъ и преданій мало, да и тѣ не поэтическія (стр. 83—4). Все это у насъ есть: свои народные обычаи, красоты природы и народной пѣсни, сюжеты нашей исторіи, раскрытые „славнымъ исторіографомъ". Былъ и своего рода рыцарскій періодъ: „цѣль богатырей была та-же, какъ и рыца-

рей: защищать невинность и карать злыхъ притѣснителей, хотя неизвѣстно, чтобы богатыри русскіе составляли особый орденъ, были подчинены особымъ законамъ и носили гербы“ (стр. 92—3). На это возразятъ: все это богатство пособій еще не составляетъ поэзіи народной; но дѣло поэта собрать „въ одно разбросанныя черты и создать прекрасное цѣлое“, „влить огонь и чувство въ предметы неодушевленные, сообщить занимательность тѣмъ изъ нихъ, кои дотолѣ не привлекали нашего вниманія“ (стр. 94). Поэзія не сдѣлается народной, если мы будемъ отдаляться „отъ нравовъ, понятій и образа мыслей нашихъ единоземцевъ“ (стр. 99). Могутъ-ли заронитьcя въ память русскаго народа „нѣмцеобразныя рапсодіи“ нынѣшнихъ поэтовъ? (ib.). Мы сбросили узы классицизма, чтобы наложить на себя новыя. „Что же можетъ быть ограниченнѣе, однообразнѣе тѣхъ стиховъ, которыми ежедневно наводняется словесность наша? Всѣ роды стихотворства теперь слились почти въ одинъ элегическій: вездѣ унылыя мечты, желаніе неизвѣстнаго, утомленіе жизнью, тоска по чемъ-то лучшемъ, — выраженныя непонятно и наполненныя безъ разбору словами, схваченными у того или другого изъ любимыхъ поэтовъ.... То, что намъ нравилось, что восхищало въ одномъ поэтѣ (Жуковскомъ), становится приторно и наскучиваетъ намъ, встрѣчаясь слишкомъ часто у многихъ“ (стр. 100—1). „Необходимо имѣть свою народную поэзію, не подражательную и независимую отъ преданій чуждыхъ. Герои русскіе утвердили славу отчизны на поляхъ брани, мужи твердаго духа ознаменовали лѣтописи доблестями гражданскими. Пусть же пѣвцы русскіе станутъ на чередѣ великихъ пѣвцовъ древности и временъ позднѣйшихъ!.... Пусть въ ихъ пѣсняхъ высокихъ отсвѣчиваются, какъ въ чистомъ потокѣ, *духъ народа* и свойства языка богатаго и великолѣпнаго“ (стр. 102).

Когда въ 1822 году князь Вяземскій говорилъ, по поводу Кавказскаго плѣнника, объ успѣхахъ „посреди насъ поэзіи романтической“, онъ не уяснилъ себѣ ея понятія, но призналъ ее, какъ законное новшество: о ней ничего не пишетъ Аристотель съ преемниками, но литература отвѣчаетъ закону историческихъ измѣненій, а теперь настала эпоха „преобразованія“, когда геній, слѣдуя „вдохновеніямъ смѣлой независимости“, начинаетъ сбивать съ мѣста старые Геркулесовы столпы. Это можетъ обижать народную гордость у французовъ: у нихъ есть

за что постоять, и они ополчаются против новых течений „на защиту славы, утвержденной отечественными писателями“. У нас такой протест непонятен: „имѣем ли мы литературу народную, уже пустившую глубокіе корни и ознаменованную многочисленными, превосходными плодами? До сих пор малое число хороших писателей успѣли только дать нѣкоторый образ нашему языку, но образ литературы нашей еще не означился, не прорѣзался. Признаемся со смиреніем, но и с надеждою: есть язык русскій, но нѣт словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и мужественнаго“ [1]).

Два года спустя кн. Вяземскій вернулся к тому-же вопросу в извѣстном предисловіи к „Бахчисарайскому фонтану“. Оказывается, что романтическая поэзія нам не менѣе сродна, чѣм поэзія Ломоносова или Хераскова, которую считают классической. Та и другая у нас пришлыя, если романтизм обвиняют в германизаціи нашего языка, то и в Петріадѣ и Россіадѣ нѣт ничего народнаго, кромѣ имен. Мы еще не имѣем русскаго покроя в литературѣ, может быть, и имѣть не будем, потому что его нѣт. Этого требованія народности в литературѣ нѣт в піитиках Аристотеля и Горація; она не в правилах, а в чувствах: „оттѣнок народности, мѣстности—вот что составляет, может быть, главное, существеннѣйшее достоинство древних“. В этом смыслѣ Гомер, Горацій, Эсхил имѣют гораздо болѣе сродства и сотношеній с главами романтической школы, чѣм со своими послѣдователями, которые силятся быть греками и римлянами задним числом. Впрочем, опредѣленія „романтическаго рода“ никто еще не давал; на этот счет „еще не было времени условиться“; дайте срок, и анатомики явятся: Байрон, Томас Мур попадутся под рѣзец испытателей, как теперь Анакреон и Овидій, „и цвѣты их яркой и свѣжей поэзіи потускнѣют от кабинетной пыли и закоптятся от лампаднаго чада коментаторов, антикваріев, схоластиков, прибавим,— если только в будущих столѣтіях найдутся люди, живущіе чужим умом и кои, подобно вампирам, роются в гробах, гложут и жуют мертвых, не забывая при этом кусать и живых“ [2]).

---

1) Сын Отечества 1822 г., ч. 82, № 49.

2) Вмѣсто предисловія к Бахчисарайскому фонтану. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны и с Васильев-

Мысль не доразвита, но ее досказали Бейль и Брюнетьеръ: Tous les classiques ont jadis commencé par être des romantiques.... Un romantique serait tout simplement un classique en route pour parvenir, et réciproquemant, un classique ne serait de plus qu'un romantique arrivé; комментаторы, антиквары овладѣваютъ имъ, какъ классикомъ, и онъ становится ихъ критеріемъ для суда надъ будущимъ романтикомъ.

Еще въ письмѣ изъ Парижа кн. Вяземскій говоритъ о „такъ называемомъ" романтизмѣ, „ибо названіе это не иначе какъ случайное и временное; настоящій крестный отецъ такъ называемаго романтизма еще не явился". Во всякомъ случаѣ отличіе между нимъ и классицизмомъ нельзя ограничить внѣшними формами, отступленіемъ отъ существующихъ законовъ и правилъ, оно лежитъ глубоко, его надо искать „въ нравахъ, въ философическомъ изслѣдованіи исторіи послѣдняго пятидесятилѣтія, въ событіяхъ, столь плодовитыхъ послѣдствіями". По мнѣнію французскихъ классиковъ весь романтизмъ вертится на элегіи; а развѣ Аріосто, Шекспиръ, Гёте не умѣютъ смѣяться и смѣшить? „И у насъ была пора слезливости,... когда и романтизма еще въ поминѣ не было[1]).

Разсужденіе Кюхельбекера „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе"[2]) возвращаетъ насъ къ вопросу объ отношеніяхъ романтизма къ идеѣ народности. Вызвалъ-ли онъ у насъ ея сознаніе? Автору не по сердцу тонъ нашей лирики, преобладающее въ ней чувство унынія, отсутствіе жизнерадостности и силы: „все мечта и призракъ, все мнится и кажется и чудится, все только будто-бы, какъ-бы, нѣчто, что-то"; вездѣ однѣ картины: „луна, которая, разумѣется, уныла и блѣдна, скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало, лѣсъ, за которымъ сто разъ представляютъ заходящее солнце, вечерняя заря, изрѣдко длинныя тѣни и привидѣнія, что-то невидимое, что-то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія Труда, Нѣги, Покоя, Веселья, Печали, Лѣни писателя и Скуки читателя; въ особенности же туманъ: туманы надъ водами, туманы надъ боромъ, туманы надъ полями,

---

скаго Острова. 1824. Сл. Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго I стр. 168—71. Сл. письмо Пушкина къ кн. Вяземскому 1824 г. Мартъ—Апрѣль.

1) Московскій Телеграфъ 1826 г. № 22.

2) Мнемозина II 1824 г.

туманъ въ головѣ сочинителя". Виновникъ всему этому Жуковскій — подражатель новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру; второй—Батюшковъ, взявшій въ образцы двухъ пигмеевъ французской словесности, Парни и Мильвуа. Оба они—корифеи нашей романтической школы; но что такое романтическая поэзія? Она родилась въ Провансѣ, воспитала Данте, отважно свергла съ себя рабское подражаніе римлянамъ; по существу она была свободная, *народная*. Гдѣ ее искать теперь? Развѣ одинъ Гёте въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній удовлетворяетъ ея требованіямъ, нѣмцы-же вообще были учениками французовъ, римлянъ, грековъ, англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ. О нашихъ поэтахъ говорить нечего, они почти всѣ подражатели, переводчики переводчиковъ. Отъ этого надо отдѣлаться, надо быть самобытнымъ; Жуковскій освободилъ насъ отъ ига французской словесности, надо освободиться отъ нѣмецкаго и англійскаго владычества и не подражать безъ разбора „великому Гёте и недозрѣвшему Шиллеру", „огромному Шекспиру и однообразному Байрону". Надо имѣть поэзію народную, очистить поэтическій языкъ, ставшій un petit jargon de côterie, отъ германизмовъ и галлицизмовъ, открыть путь рѣченіямъ и оборотамъ славянскимъ. Печатью народности ознаменованы у насъ какіе нибудь 80 стиховъ въ Свѣтланѣ и въ Посланіи къ Воейкову Жуковскаго, нѣкоторыя мелкія стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкина. „Да создастся для славы Россіи поэзія истинно русская; да будетъ Святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою державою во вселенной. Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя — лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности".

Въ статьѣ „Нѣсколько мыслей о поэзіи" [1]) Рылѣевъ считаетъ несущественнымъ споръ о классической и романтической поэзіи, разумѣя подъ первой ту поэзію, которая въ новой Европѣ жила подражаніемъ античной, не достигая ея. Когда явились поэты, которые, „не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзіи, подарили Европу своими оригинальными произведеніями", представилась необходимость отличить ихъ отъ предъидущихъ. Кличка „романтическій" случайная, историче-

1) Сынъ Отечества 1825, 104, № 22.

ская; слѣдовало говорить о новой поэзіи (трубадуры, Данте, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гёте) въ отличіе отъ древней; если подъ романтической поэзіей разумѣть „оригинальную, самобытную", то въ такомъ случаѣ „Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты— романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя не по правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ и не признаютъ таковыми".

Пушкинъ нѣсколько разъ, но отрывочно, касался теоретическаго вопроса, его видимо интересовавшаго. У насъ жалуются на отсутствіе народности въ литературѣ, писалъ онъ въ 1825 году, но что такое народность въ литературѣ? Одни видятъ ее „въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи", другіе въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ. Но народность — въ *особенностяхъ духовной физіономіи народа*, результатъ климата, образа жизни, вѣры; физіономія, которая можетъ быть вполнѣ оцѣнена одними соотечественниками и находитъ свое отраженіе въ поэзіи. Для француза учтивые герои Расина такъ-же народны, какъ народенъ Шекспиръ въ Отелло и Гамлетѣ и т. д. [1]). Возникновенія романтической поэзіи Пушкинъ искалъ въ Италіи (Данте, Buovo d'Antona, Orlando Innamorato, Ariosto) [2]) и въ болѣе поздней замѣткѣ соединилъ съ нею идею народности: начало романтики у трубадуровъ, „народная" поэзія приготовила появленіе „геніевъ": Данте, Аріоста, Кальдерона, Спенсера, Шекспира, Мильтона, Виллона, Маро̀; въ эпоху Буало „старый одинъ Корнель остался представителемъ романтической трагедіи, которую такъ славно вывелъ онъ на французскую сцену"; позже являются во Франціи произведенія, носящія клеймо „чисто романтической поэзіи": сказки Лафонтена и „Дѣва" Вольтера (!). Пушкинъ считаетъ неточнымъ опредѣленіе романтизма у французскихъ журналистовъ, относящихъ къ нему все, „что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеалогизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ", но его собственное опредѣленіе крайне сбивчиво и поверхностно: отличіе романтическаго

1) О народности въ литературѣ, 1825 г.

2) Къ кн. Вяземскому 1825 г. іюнь.

отъ классическаго не въ „духѣ“, а въ „формѣ“, Пиндаръ разнится духомъ отъ Анакреона, Энеида отъ Освобожденнаго Іерусалима, и всѣ они принадлежатъ классическому роду; къ романтическому тѣ произведенія, которыя не были извѣстны грекамъ и римлянамъ, либо тѣ, „прежнія формы которыхъ измѣнились или замѣнены другими“. Мы ожидали бы, что Пушкинъ посчитается и съ „духомъ“: говоритъ же онъ, что мавры внушили средневѣковой поэзіи „изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе востока“, рыцари же „набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Готфрида и Ричарда“ [1])—Гёте для него „великанъ романтической поэзіи“ [2]).

Въ споръ романтиковъ и классиковъ вступился съ народноохранительной точки зрѣнія и классикъ Катенинъ. Дѣленіе поэзіи на классическую и романтическую представляется ему вздорнымъ, не основаннымъ на какомъ-либо ясномъ различіи. Есть первобытная народная поэзія, одна повсюду, на сколько она отразила одинакія условія быта; ихъ мѣстныя отличія найдутъ въ ней соотвѣтствующее выраженіе. Есть искусственная поэзія просвѣщеннаго народа, которая „можетъ вмѣщать въ себѣ различныя свойства разнородныхъ поэзій, не смѣшивая ихъ уродливо. Чѣмъ болѣе поэтъ новый, нашъ, обрабатывая предметъ древній или чуждый, подойдетъ къ свойству, быту и краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, тѣмъ превосходнѣе будетъ его произведеніе“: „прекрасное, во всѣхъ видахъ и всегда, прекрасно“ [3]). Поэзія современныхъ „литературныхъ раскольниковъ“ поражала уродливостью смѣшенія, и Катенинъ полемизируетъ съ Шлегелемъ за его „одностороннее пристрастіе къ тому, что онъ исключительно почитаетъ христіанствомъ, т. е. къ католицизму,.... требуя вездѣ и во всемъ романтизма, сирѣчь нравовъ, обычаевъ, повѣрій, преданій и всего быта среднихъ вѣковъ западной Европы; но любопытно узнать, почему наши такъ прилѣпились къ романтизму?... Россія искони не имѣла ничего

---

1) О русской литературѣ съ очеркомъ французской 1834 г.

2) Мелкія замѣтки 1829—31 гг.

3) Размышленія и разборы, статья I, Литературная газета 1830 г., т. I, стр. 30.

общаго съ Европой западной; первыя свои познанія, художества, науки получила она вмѣстѣ съ вѣрой православной отъ Царьграда, всѣмъ рыцарямъ ненавистнаго, ими коварно завоеваннаго на время, жестоко и безумно разграбленнаго. Въ нашихъ церквахъ со слезами и въ черныхъ ризахъ умоляли на милость гнѣвъ Божій, когда крестовики въ своихъ пѣли торжественные молебны. Правда, Петръ Великій много ввелъ къ намъ нѣмецкаго, но уже-ли, перенимая полезное, должны мы во всемъ обезъянить и утратить всѣ родовыя свойства и обычаи? По счастью это невозможно, и одна вѣра *своя* предостережетъ насъ отъ конечной ничтожности. *Сверхъ того все близкое къ исторіи нашей едва-ли годно въ поэзію, а старина наша отнюдь не романтическая;* прибѣгать же, какъ многіе дѣлаютъ съ отчаянія, къ Лифляндіи, Литвѣ, Польшѣ, Украйнѣ, Грузіи, мужествомъ предковъ или современниковъ пріобрѣтеннымъ, значитъ уже въ самомъ дѣлѣ слишкомъ дешево мѣнять святую Русь" [1]).

Изъ противорѣчій классицизма и романтизма, нашего романтизма и нашей народности пытался выйти Надеждинъ въ латинской диссертаціи, отрывки которой появились въ Вѣстникѣ Европы и въ Атенеѣ [2]). Полевой въ разборѣ книги Галича (Опытъ науки изящнаго) предоставилъ будущему „философу-дѣеписателю", „философу-критику" примирить классиковъ и романтиковъ, одинаково признавъ изящное древнихъ, съ его перевѣсомъ вещественности надъ духомъ, и сѣверныхъ народовъ, съ его перевѣсомъ духа надъ вещественностью [3]). Надеждинъ чаялъ этого примѣренія въ поэзіи будущаго, и Бѣлинскій, уличавшій Надеждина въ неискренности его воззрѣній и умышленномъ подборѣ доказательствъ [4]), на этотъ разъ подчеркнулъ его идею, что поэзія нашего времени не должна быть ни классической, ни романтической, а синтезомъ той и другой. „Мысль

---

1) Тамъ же стр. 151—2.

2) De origine, indole et fatis poëseos quae romantica audit, 1830; Вѣстникъ Европы 1830, № 1: О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи; Атеней 1830, стр. 1 слѣд.: Различіе между классическою и романтическою школою, объясняемое изъ ихъ происхожденія. Слѣдующія извлеченія сдѣланы изъ первой статьи.

3) Московскій Телеграфъ, 1826 г., № 6 слѣд.

4) Въ разборѣ „Ста русскихъ литераторовъ", 1841 г. Отеч. Зап., т. XVII, № 7.

справедливая и глубокая, г. Надеждинъ даже хорошо развилъ ее". Она то и осталась неразвитой [1]).

Ратуя противъ современнаго романтизма, переселившагося къ намъ съ запада, Надеждинъ исходитъ не изъ классическаго критерія, а изъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, органическими выраженіями которыхъ былъ античный классицизмъ и древній романтизмъ. „Человѣкъ классическій былъ покорный рабъ влеченію животной своей природы", бытіе его было „веселое пированіе на роскошномъ лонѣ природы", въ которой онъ видѣлъ „высочайшую представительницу безпредѣльнаго изящества", и его поэзія отразила это міросозерцаніе. „Человѣкъ романтическій былъ своенравный самовластитель движеній своей природы; внутренняя природа человѣческая предоставлена самой себѣ". „Оттуда самонравная покорность своимъ прихотямъ, мечтамъ и страстямъ", „беззаботное удальство, заставлявшее нѣкогда рыцарей мыкаться по бѣлу свѣту и доискиваться приключеній", „тоскливыя жалобы и грустныя томленія безутѣшной мечтательности; человѣкъ былъ игралище буйныхъ вихрей необузданнаго произвола, носимое по безмѣрнымъ пустынямъ фантастическаго міра". „Романтическая поэзія во время своей жизни имѣла предъ собой дѣйствительный міръ, коего живую душу составляла сія необузданная стремительность ширящагося духа. Она была вѣрнымъ эхомъ дѣйствительности, когда, растекаясь по безмѣрному склону человѣческой жизни, не поставляла себѣ никакихъ предѣловъ и отвергала всякую мѣру, прорывалась изъ всякаго порядка, посмѣивалась всякому устройству. Для нея всѣ изображенныя ею блужданія и скитанія духа имѣли важность естественности. Отсюда и вытекаетъ, что ея естественное назначеніе было быть свидѣтельницею и исповѣдницею верховной свободы духа человѣческаго".

Такимъ образомъ, какъ классическая (античная), такъ и романтическая поэзія выразили „одну только половинную сторону человѣчества", въ уровень съ бытовыми условіями и воззрѣніями создавшей ихъ среды. Если говорятъ, что классическая поэзія не отвѣчаетъ духу нашего времени, то-же надо сказать и о романтизмѣ: вѣкъ паладиновъ и „беззаботнаго удальства" прошелъ, жалобы и мечтательность нагоняютъ

1) „Мысль въ основаніи нелѣпа", Полевой. Очерки, II, 293.

тоску, страхи и „чернокнижіе", чары и призраки были когда-то объектомъ религіознаго вѣрованія, теперь развѣ дѣти „вѣрятъ сказкамъ о духахъ и мертвецахъ", и не лучше-ли предпочесть миѳологіи романтиковъ, полной оборотней и мертвецовъ, прелестные образы румяной Авроры, „оставляющей стыдливо шафранное ложе Тифона и отрясающей съ золотыхъ кудрей, развѣваемыхъ дыханіемъ утренняго Зефира, младой свѣтъ на пробуждающуюся землю"?

„Для того, чтобы воскресить снова романтическую поэзію, надлежало бы измѣнить весь настоящій порядокъ вещей и воззвать къ жизни святую старину временъ среднихъ".

Итакъ, органически обусловленный романтизмъ есть средневѣковой; протестъ вызываетъ все то, что возвращается къ его мотивамъ внѣ обусловившаго ихъ общественно-психическаго настроенія. Примѣры взяты широко: отъ Шекспира до лже-романтическаго неистовства Байрона и Ламартина. О Фаустѣ Гёте сказано: было бы естественнѣе, если бы авторъ поступился нѣсколько своею излишнею короткостью съ чертями и вѣдьмами; Черный рыцарь въ Орлеанской Дѣйственницѣ Шиллера принадлежитъ лжеромантической миѳологіи; необузданность стараго романтизма сказалась въ наши дни: „Кто не знаетъ ужасныхъ слѣдствій, порожденныхъ примѣромъ Гётева Вертера? Кому неизвѣстно бѣшеное сумасшествіе, возбужденное нѣкогда Шиллеровскими разбойниками"?

Мы не можемъ быть ни классиками, ни романтиками: нашъ вѣкъ какъ будто стремится соединить эти двѣ крайности „черезъ упроченіе, просвѣтленіе и торжественное, на алтарѣ истинной мудрости, освѣщеніе узъ общественныхъ. „Человѣкъ научился укрощать свободу силою той же свободы, хочетъ быть рабомъ самого себя, и это рабство есть безусловное владычество, коего ничто возвышеннѣе, ничто изящнѣе, ничто святѣе измышлено быть не можетъ"; періодъ, въ которомъ мы живемъ, ознаменованъ стремленіемъ къ гражданственности. Поэзія будущаго будетъ такъ же соединеніемъ полярныхъ противорѣчій классицизма и романтизма; предчувствіе этой гармоніи дано въ Мессинской Невѣстѣ Шиллера (?). Но, можетъ быть, Россіи суждено сыграть въ этомъ дѣлѣ будущаго ту-же роль, какую пелазги въ классическомъ мірѣ, тевтоны въ мірѣ романтическомъ. Жизнь закипѣвшая въ жилахъ омладѣвшей державы, вызвала „сознаніе внутренней своей гармоніи" и выра-

зилась „гармоническимъ пѣснопѣніемъ“: Ломоносовъ прошелъ школу „священной классической древности“ — и былъ поэтомъ русскимъ. Далѣе эта гармонія видимо исчезаетъ, ибо Ломоносовъ не оставилъ своей любви къ классической древности „въ наслѣдіе косному потомству“. На сценѣ одинъ „патріотическій энтузіазмъ“, идея отечества, она и составляетъ — гармонію. Показатели — Державинъ, наши Петровы, Дмитріевы, Капнисты; даже Жуковскій, котораго такъ несмысленно величаютъ „Пѣвцомъ Свѣтланы“, не инымъ чѣмъ стяжалъ себѣ неотъемлемое право на славное безсмертіе, какъ чудеснымъ своимъ „Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ“. Въ „патріотическомъ энтузіазмѣ“, непреложномъ наслѣдіи русской поэзіи, находитъ себѣ объясненіе и басня Хемницера, Дмитріева, Крылова; она ознаменована у насъ печатью народности. И вдругъ струны лирныя онѣмѣли для славнаго имени русскаго, — тогда какъ святая Русь продолжаетъ исполински восходить отъ славы во славу. Что это значитъ? Неужели въ груди пѣвцовъ не бьется сердце русское? „Увы, они сдѣлались романтиками!“

Требованія гармоніи, синтеза на почвѣ патріотическаго энтузіазма, осталось фразой. Бѣлинскій, увлекшійся было ею, предпочелъ остановиться въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ (1834 г.) на противорѣчіяхъ русскаго романтизма, типомъ котораго явился Жуковскій, и русской народности. Но Бѣлинскому оставалось лишь подчеркнуть то, что за два года передъ нимъ писалъ Полевой въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, лучшей исторической оцѣнкѣ изо всѣхъ, явившихся при жизни поэта. По мнѣнію Полеваго, Жуковскій не зналъ національности русской, когда издавалъ Марьину Рощу и старался обрусить Ленору, не знаетъ и теперь; народности у него не ищите; въ его душѣ отразился „первый отблескъ германскаго новѣйшаго романтизма: поэтическая мечтательность, продолженная на вѣкъ“; отраженіе одностороннее, потому что Жуковскій усвоилъ лишь одну изъ идей новаго романтизма, который „проходилъ и проходитъ мимо его такъ, что онъ едва успѣваетъ схватить и разложить одинъ изъ лучей, какими этотъ романтизмъ осіялъ Европу“ [1]).

Бѣлинскій пытается разобраться. „Романтизмъ — вотъ первое слово, огласившее Пушкинскій періодъ, народность, вотъ

---

1) Полевой, Очерки I, стр. 116, 117—118, 119, 138, 148.

альфа и омега новаго періода". Самъ Жуковскій вдругъ забылъ своихъ паладиновъ, прекрасныхъ и вѣрныхъ принцессъ, колдуновъ и очарованные замки и пустился писать русскія сказки, но онѣ „не въ ладу съ русскимъ духомъ, котораго въ нихъ слыхомъ не слыхать и видомъ не видать". Но что такое „русскій духъ"? Что такое наше пониманіе народности? спрашиваетъ критикъ; ее смѣшиваютъ съ простонародностью, ищутъ ее въ старинѣ, поддѣлываясь подъ тонъ лѣтописей и народныхъ пѣсенъ. Оттуда неизбѣжная односторонность: „цѣлая идея народа", „идея русской жизни", „народная физіономія" еще не схвачены сознаніемъ; въ нашей литературѣ народность если не мечта, то почти такъ, „хотя и не совсѣмъ". Это старая жалоба кн. Вяземскаго; Полевой говорилъ позже о „высшей народности", „русскомъ самобытномъ духѣ", котораго наша словесность едва коснулась [1]).

Жуковскій могъ быть романтикомъ, не заглядывая въ народность: таковъ результатъ, къ которому пришелъ Бѣлинскій въ статьѣ объ Очеркахъ Полевого [2]). „Жуковскій не народный поэтъ, и немногія попытки его на народность были неудачны, правда; но это совсѣмъ не недостатокъ, а скорѣе честь и слава его. Онъ призванъ былъ на другое, великое дѣло: осуществить черезъ поэзію въ своемъ отечествѣ необходимый моментъ въ развитіи духа, моментъ, выраженный въ жизни Европы средними вѣками, одухотворить отечественную поэзію романтическими элементами. Жуковскій по преимуществу *романтикъ*".

Статья Бѣлинскаго о комедіи Грибоѣдова проводитъ знакомыя намъ идеи надеждинскихъ полюсовъ и ихъ желательнаго слiянія [3]). Классическія поэзіи — это греческая, источникомъ романтизма было христіанство; подъ романтизмомъ разумѣется „искусство среднихъ вѣковъ, включая сюда и нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ, какъ напр. Шиллера". Что касается другихъ „такъ называемыхъ романтиковъ, то они „полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неистовствѣ". Мы не греки и не римляне: наше искусство, начиная съ Шекспира и Сервантеса до Байрона, Гёте, Пушкина, не ро-

1) Очерки II, стр. 483 слѣд. (въ отчетѣ о сочиненіи Тополи. Москва, 1837 г.).

2) Очерки явились въ 1839 г.; отчетъ въ Отеч. Запискахъ 1840 г. № 1.

3) Отечественныя Записки, тамъ-же.

мантическое, а новѣйшее [1]), его характеръ — примиреніе классическаго и романтическаго; „поэзія мужественнаго возраста человѣчества“ должна быть поэзіей дѣйствительности, „которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ роскошнымъ и „великолѣпнымъ днемъ“ и ранѣе его, хотя „непонятая, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте“ [2]).

Много говорится о романтизмѣ въ извѣстномъ этюдѣ Бѣлинскаго о „Русской литературѣ въ 1843 году“, но вопросъ о романтизмѣ, какъ общественно-психологическомъ и литературномъ явленіи конца XVIII и начала XIX вѣка, единственный, съ которымъ намъ приходится считаться, не подвинулся къ разъясненію. Какъ Полевой видѣлъ сущность романтизма въ „неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи человѣческаго сердца“ [3]), такъ и теперь намъ говорятъ, что „гдѣ человѣкъ, тамъ и романтизмъ“, „почти всякій человѣкъ — романтикъ“; романтизмъ — это внутренній міръ души, сокровенная жизнь сердца, „откуда подымаются всѣ неопредѣленныя стремленія къ лучшему и возвышенному“; въ его основѣ „непремѣнно лежитъ мистицизмъ“. Романтика — это „сторона внутренняя, задушевная, сторона *сердца*“, другая — „сторона сознающаго себя *разума*, сторона общаго, разумѣя подъ этимъ словомъ сочетаніе интересовъ, выходящихъ изъ сферы индивидуальности и личности“. Въ ихъ соприкосновеніи счастье современнаго человѣка; но мы знаемъ ихъ въ борьбѣ: въ греческомъ міросозерцаніи торжествуетъ сторона общаго, разума, Зевса и Олимпійскихъ боговъ; они низринули романтиковъ-индивидуалистовъ, титановъ, но романтическія силы возстали, гармоническія, одухотворенныя, и подкопали царство Зевса: элевзинскія таинства — романтизмъ, Платонъ — величайшій изъ романтиковъ; такъ оцѣниваются Еврипидъ и Гезіодъ, греческая элегія, элегическіе эпизоды Иліады.—Воззрѣніе, напоминающее взгляды Шатобріана, недавно развитые Pater'омъ.— Въ средніе вѣка отношенія борящихся перемѣнились, предержащая сила за элементомъ индивидуальнаго начала, страстнаго стремленія къ таинственному „тамъ“; начало „общаго“, если не разума, то дѣйствительности и общественности, принижено; ро-

1) Сл. строки, направленныя противъ Надеждина въ Отеч. Записк. 1841 г., т. XVII, № 7, въ отчетѣ о „Ста русскихъ литераторахъ“.

2) Моск. Телеграфъ 1825 г., № V, мартъ, стр. 45.

мантизмъ, робко проникавшій въ греческое міросозерцаніе, торжествуетъ, но его идеалы принадлежатъ области чаянія и поэзіи, не спускаясь въ жизнь, руководящуюся грубыми инстинктами. Таковъ романтизмъ среднихъ вѣковъ. Разсудочный XVIII-й вѣкъ нанесъ ему рѣшительный ударъ, но въ концѣ вѣка онъ возсталъ снова, какъ реакція крайнему протесту. Новый романтизмъ „есть органическое единство всѣхъ моментовъ романтизма, развивавшагося въ исторіи человѣчества", воскресеніе средневѣковаго. Онъ объявился въ Германіи: Шиллеръ—поэтъ гуманности и мечтательной любви и, вмѣстѣ, романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ, обновившій въ своихъ балладахъ ихъ безотчетный піэтизмъ; послѣ него, хватаясь „за слабую сторону Шиллера", возникли романтики, Шлегель, Тикъ, Новалисъ; ихъ идеалъ: вызвать къ жизни въ новомъ мірѣ формы жизни среднихъ вѣковъ. „Самъ Гёте, человѣкъ высшаго закала, поэтъ мысли и здраваго разсудка, въ легендѣ среднихъ вѣковъ высказалъ страданіе современнаго человѣка (Фаустъ), а въ своемъ „Вертерѣ" явился онъ романтикомъ тоже въ духѣ среднихъ вѣковъ".

Впечатлѣніе отъ этого перечня въ которомъ соединено многое несоединимое, получается такое, какъ будто основной чертой романтизма было возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, къ средневѣковому романтизму; недаромъ одинъ зовется сыномъ другого, Жуковскій—„переводчикомъ на русскій языкъ романтизма среднихъ вѣковъ, воскрешеннаго въ началѣ XIX вѣка нѣмецкими и англійскими поэтами, преимущественно же Шиллеромъ". Жуковскій „не долженъ" былъ понимать и Гамлета, потому что понимать его, значило бы отказаться отъ среднихъ вѣковъ — и романтизма! Такой взглядъ, въ которомъ повиненъ не одинъ Бѣлинскій, объясняется смѣшеніемъ цѣли съ средствами: романтики излюбили средніе вѣка, какъ излюбили Шекспира, востокъ и всякій экзотизмъ, потому что искали всюду и родственныхъ стремленій, и средствъ для ихъ выраженія; иные изъ нихъ могли уйти съ головой въ католицизмъ, теоретически или практически — въ поклоненіе феодальнымъ порядкамъ, но совершилось это на пути броженія и поисковъ за новымъ идеаломъ: они искали его и боролись, средневѣковые „романтики" чаяли его „тамъ", но онъ для нихъ существовалъ. Идеалы любви, въ которыхъ Бѣлинскій и другіе усматриваютъ одинъ изъ показателей романтизма стараго

и новаго, далеко не тождественны, содержаніе ихъ сложилось при разныхъ условіяхъ, и если „Рыцарь Тоггенбургъ" напоминаетъ издали нѣкоторые мотивы средневѣковой любовной лирики, то отъ Люцинды и Захаріи Вернера трубадуры отвернулись бы съ негодованіемъ. Если существовалъ средневѣковой романтизмъ, а новый явился его воскрешеніемъ, то понятенъ выводъ: „У Россіи не было своихъ среднихъ вѣковъ", не было и соотвѣтствующаго романтизма, нечего было и воскрешать. Жуковскій „привелъ намъ романтизмъ" съ Запада и, если его поэзія чуждается русскихъ національныхъ элементовъ, то это и недостатокъ, и достоинство: будь для него народность основной стихіей, онъ не былъ бы романтикомъ, и наша поэзія не была бы оплодотворена романтическимъ содержаніемъ.

Содержанію этому Бѣлинскій даетъ такое „неопредѣленное и туманное опредѣленіе": „это — желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несвершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастьѣ, которое Богъ знаетъ въ чемъ состояло; это — міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками....; это унылое, медленно текущее.... настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ предъ собой будущаго; наконецъ, это любовь, которая питается грустью и которая, безъ грусти, не имѣла бы чѣмъ поддержать свое существованіе". Жуковскій — пѣвецъ „скорби", „сердечныхъ утратъ", онъ первый на Руси „выговорилъ элегическимъ языкомъ жалобы человѣка на жизнь".

Въ этомъ опредѣленіи слышатся упреки Кюхельбекера, „унылый романтизмъ" Пушкина (Евгеній Онѣгинъ III, 12); они ведутъ насъ не къ романтизму, а къ психической средѣ, приготовившей развитіе романтической школы. Въ сущности это сознавали и Полевой и Бѣлинскій, говорившій въ 1834-мъ году о „Карамзинскомъ идеалѣ Жуковскаго", въ 1840-мъ о томъ, что и въ старости онъ остался „тѣмъ-же юношей, какимъ явился на поприще литературы". Названіе его романтикомъ — результатъ сокращенія перспективы, въ которой доходили до насъ смѣнявшія другъ друга западныя литературныя теченія, причемъ на цѣлое перенесено было обозначеніе, отвѣчавшее конечному эпизоду. Вмѣстѣ съ обозначеніемъ—и требованіе народности; такъ гласила теорія; но спросъ на народность въ литературѣ явился у насъ ранѣе и развился онъ въ сторонѣ отъ романтизма: мы видимъ его въ паѳосѣ державинской оды,

обрусившей нѣмецкихъ бардовъ и мотивы Оссіана; на рубежѣ XIX вѣка, когда народная пѣсня робко заглянула въ художественную лирику и старина стала проситься въ эпосъ, когда въ Оленинскомъ неоклассическомъ кружкѣ мечтали сдѣлать русскую жизнь, особенно древнюю, предметомъ поэтической идеелизаціи, когда Уваровъ открывалъ „русскіе средніе вѣка", а Кайсарову, этому одностороннему патріотическому энтузіасту, грезилось, какъ позже Надеждину, что, освободившись отъ романскихъ и германскихъ вліяній, мы выразимъ свой народный идеалъ человѣчности [1]). Идея эта прошла черезъ фазисы народнаго и оффиціальнаго патріотизма, декабристскихъ мечтаній о древне-русской вольности и скромныхъ идеекъ Плетнева о предпочтительности народной поэзіи передъ „неопредѣленной или всеобщей". Искали „народную душу". Для Жуковскаго-поэта она не существенна: выросши въ преданіяхъ сентиментализма, онъ не только усвоилъ себѣ форму его мышленія и выраженія, но и глубоко пережилъ содержаніе его идеаловъ, въ которыхъ народность заслонялось исканіемъ человѣчности; когда его коснулись вѣянія романтизма, они остались для него элементами стиля, поглощенные уже созрѣвшимъ въ немъ настроеніемъ, отъ котораго онъ никогда не могъ отвязаться.

Біографія его сердца въ дневникахъ, письмахъ, поэзіи, раскроетъ намъ, какъ сложилось это настроеніе, но любопытно спросить себя теперь-же, какими ранними чтеніями оно воспиталось и поддерживалось. Эти чтенія, французскія и англійскія, по существу, Карамзинскія: стихотвореніе „Человѣкъ" 1801 года сопровождается эпиграфомъ изъ Joung'a: A worm! a God! съ выноской при седьмой строфѣ: Югъ; къ 1801 году относится первая попытка перевести элегію Грея; еще до 1803 года Жуковскій заинтересовался, судя по письмамъ Андрея Тургенева, Гольдсмитовой The deserted village" и, можетъ быть,

1) Бурдахъ у Пѣтухова, Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ (Юрьевъ 1900 г.), стр. 37—8.

посланіемъ Элоизы къ Абеляру (Попе) [1]). Въ 1808 году переведенъ заключительный гимнъ къ поэмѣ Томсона, The Seasons, давно обратившій на себя вниманіе Карамзина (Гимнъ заключительный къ поэмѣ Томсона „Времена Года" 1787 г.), но Томсонъ принадлежитъ уже къ чтеніямъ 1804 года вмѣстѣ съ Saint-Lambert, Геснеромъ, Hervey, Bloomfield'омъ и Энеидой въ переводѣ Делиля [2]). Въ замѣткѣ о методѣ изученія словесности, относящейся къ періоду самообразованія, программа расширилась: предполагалось читать сравнительно баллады Бюргера и Шиллера, Шиллера, какъ стихотворца философическаго, „совмѣстно" съ Гёте, Расина съ Вольтеромъ, Корнелемъ и Кребильономъ, оды Рамлера, Жана Батиста Руссо и Горація съ Державинскими [3]), но въ стихотвореніяхъ 1806 года преобладаютъ имена Парни, Лафонтена и Флоріана, повѣсти котораго Жуковскій переводилъ еще въ 1801 году, передѣлку Донъ-Кихота въ 1802 г. [4]). Первыя подражанія Шиллеру, Бюргеру, Гёте являются въ 1806—9 годахъ, и въ то-же время теоретическая часть статей „О баснѣ и басняхъ Крылова" и „О сатирѣ

---

1) Переводъ The deserted village: „Опустѣвшая деревня" относится къ декабрю 1805 года (Сл. Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Имп. Публ. Библіотеку въ 1884 г. Разобраны и описаны И. Бычковымъ 1887, стр. 20, 24); переведено лишь 96 стиховъ (до стиха: Who quits a world when strong temptations try). Переводъ „Посланія" (неконченный), который затѣвалъ и Андрей Тургеневъ, помѣченъ апрѣлемъ 1806 года (Сл. Бумаги В. А. Жуковскаго стр. 20, 24, 26, 32). Интересна въ черновомъ автографѣ „Посланія" (папка № 12 Имп. Публ. Библ.) замѣтка Жуковскаго къ стиху: „О дикія скалы, изрытыя мольбою": „Я хотѣлъ перевесть *Делилево* usés par la priere, но, кажется, переводъ не очень счастливъ". Въ автографѣ того-же стихотворенія, сохранившемся въ альбомѣ М. А. Протасовой (папка № 14 Имп. Публ. Библ.), стоитъ помѣта: „продолженіе можетъ быть". Эта мысль не оставляла Жуковскаго еще въ 1814-мъ году (Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 8).

2) Дневники В. А. Жуковскаго съ примѣчаніями И. А. Бычкова, подъ 30 іюля 1804 г.

3) Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго 1883 г. стр. 30—1; Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи стр. 20, 73.

4) Вильгельмъ Тель или освобожденная Швейцарія. Сочиненіе Флоріана. Съ историческою картинкою и присовокупленіемъ новѣйшаго сочиненія сего автора: Розальба, сицилійская повѣсть. Москва 1802 года. Переводъ Донъ-Кихота вышелъ въ Москвѣ въ 6-ти частяхъ въ 1804—6 гг., но первая часть имѣетъ еще другой заглавный листъ съ помѣтой 1803 г.

и сатирахъ Кантемира“ (1809) внушена Лагарпомъ, Баттё [1]) и Сульцеромъ, театральные отчеты слѣдующаго года указываютъ на преклоненіе не только передъ Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ, но и передъ Кребильономъ: Жуковскій видитъ въ немъ великаго трагика [2]). Вѣстникъ Европы, издававшійся подъ его редакціей въ 1808—10 годахъ, наполнялся переводами съ французскаго; еще въ 1821 году онъ заявляетъ, что комизмъ французовъ ему понятнѣе Шекспировскаго, и въ концѣ 1823 г. переводитъ Валерію Скриба [3]).

Въ теченія современной нѣмецкой литературы ввелъ его энтузіастъ Андрей Тургеневъ, но Жуковскій разбирается въ ней ощупью, не увлекаясь, а все примѣняя къ себѣ, къ покрою своего міросозданія. Онъ знаетъ Шиллера и Коцебу, Енгеля, писателей просвѣтительнаго филистерства, отъ которыхъ уже сторонилась жизнеспособная литература; ищетъ въ Виландѣ, котораго позже назоветъ язычникомъ и эпикурейцемъ [4]), своихъ идей [5]). Въ 1805 году онъ читаетъ съ одной изъ своихъ племянницъ Геллерта [6]), затѣваетъ перевести Гарве, Ueber Gesellschaft und Einsamkeit, Ешенбурга, Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften, заинтересованъ его Beispielsammlung; пишетъ Вендриху (19 декабря), что нѣмецкая литература ему мало знакома; признается Ал. Тургеневу въ 1806 (8 Генв.), что начинаетъ уважать нѣмецкихъ авторовъ и нѣмецкую философію, потому что она „возвышаетъ душу, дѣлая ее дѣятельнѣе, она больше возбуждаетъ энтузіазмъ“. По собственному признанію нѣмецкая философія ему не далась, да и не нѣмецкимъ языкомъ онъ не вполнѣ еще

---

1) Сл. Полевой, Очерки I стр. 142—3; кн. Вяземскій, Полное собр. сочиненій I стр. 64.

2) Сл. отчетъ о переводѣ Радамиста и Зеновіи Висковатовымъ въ 1810 г.

3) Цензурный экземпляръ, найденный проф. Архангельскимъ, помѣченъ 29 ноября; пьеса, поставленная на сцену 17 декабря, была переведена для актрисы Колосовой по просьбѣ Милорадовича, которому Жуковскій хотѣлъ услужить, потому что и отъ него ожидалъ услуги: избавленія одного бѣдняка отъ ссылки. Жуковскій не желалъ, чтобы его имя, какъ переводчика, было разглашено. Сл. письмо къ Гнѣдичу 1823 г.

4) Къ фонъ-деръ-Бриггену 6/18 мая 1847 г.

5) Сл. Тихонравовъ, Сочиненія т. III, ч. 1-ая стр. 452 слѣд.

6) Дневникъ подъ 16 ноября 1805 г.; сл. письмо къ Ал. Тургеневу 1805 г. 31 авг.

владѣлъ, когда въ 1808 году подражалъ пѣснѣ Теклы у Шиллера: „Тоска по миломъ“ [1]); письма Іоганна Миллера, которыми Жуковскій такъ увлекался, переведены въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. (№ 16) и 1811 г. (№ 6) — съ французскаго. Шиллеръ и Гёте станутъ въ центрѣ его симпатій лишь позже, но такъ же примѣнительно-односторонне, какъ и Байронъ. Его теоретическіе взгляды на творчество, на значеніе прекраснаго и поэзіи пройдутъ по линіи Лагарпа, Баттё, Эшенбурга, Энгеля, Сульцера, чтобы остановиться на Бутервекѣ, съ эстетикой котораго онъ познакомился въ 1807 г. [2]); это не мѣшало ему прислушиваться къ литературнымъ сужденіямъ классика Блудова [3]), за что, какъ извѣстно, пожурилъ его Пушкинъ. Съ собственно-романтической теоріей изящнаго Жуковскій не обнаруживаетъ знакомства, еще менѣе съ философскими системами, пошедшими съ ней объ руку.

Можно было бы ожидать такого знакомства съ поэтами, дѣятелями нѣмецкаго романтизма. Жуковскій переводилъ изъ немногихъ, и притомъ въ разбродъ, минуя старшихъ. Выборъ извѣстенъ по изданіямъ. Для нѣмецкой части журнала, который онъ затѣвалъ подъ заглавіемъ Аонидъ или Мнемозины, намѣчены были, кромѣ Гёте и Шиллера, Гердера, Якоби и др., „Тикъ изъ Fantasus. Elfen. Der Pokal. Liebeszauber. Der blonde Ecbert. Изъ Штернбальда. — Ла Моттъ Фукэ изъ Erzählungen (многое множество прекраснаго).—J. Paul., J. Paul's Geist, одни отрывки, цѣлаго невозможно.—Novalis. Der Poet, Erzählung (прекрасно).—Шлегель (отрывки изъ драматургіи)“ [4]). Журналъ не состоялся; изъ Ж. П. Рихтера взяты стихи на смерть королевы Луизы, помѣщаемые въ концѣ статьи „Воспоминаніе“ 1842 г., но появившіеся въ Московскомъ Телеграфѣ уже въ 1827 г. (ч. XV, № 11) безъ подписи переводчика. — На старости лѣтъ Жуковскій принялся было за переводъ Вернера „24-е февраля“; сохранилось начало [5]).

1) Зейдлицъ l. c. стр. 32—3.

2) Сл. письмо къ Ал. Тургеневу начала февр. 1807.

3) Сл. письма къ Ал. Тургеневу, дек. 1806 г.; 22 ноября 1810 г.; 20 окт. 1814 г. и др.; наконецъ, посвященіе Вадима: Твой вкусъ былъ мнѣ учитель.

4) Сл. письмо къ Д. В. Дашкову изъ Дерпта 1817 года.

5) Сл. Бумаги В. А. Жуковскаго l. c. стр. 79—80 и мою замѣтку: Легенда объ Евстратіи—Юліанѣ въ Изв. Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ т. VI, стр. 13.

Первая поѣздка заграницу ввела Жуковскаго въ личное общеніе съ литературными силами Германіи, между прочимъ и съ романтиками. Онъ видѣлъ Гёте, видѣлъ въ Берлинѣ Беттину фонъ Арнимъ, которую нашелъ „очень аффектированной", тогда какъ „Рашели фонъ Фернгагенъ придавалъ большое значеніе" [1]); провелъ день въ Байрейтѣ, чтобы познакомиться съ Жанъ Полемъ, „и пробылъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ минутъ: забавный оригиналъ, который понравился мнѣ своимъ простодушіемъ", писалъ онъ вел. кн. Александрѣ Өедоровнѣ [2]). Онъ встрѣчалъ у Гёте Шлегеля и много разъ видѣлъ Брентано [3]). Зналъ-ли онъ Теодора Амадея Гофмана? Съ 1816 года Гофманъ былъ снова въ Берлинѣ, гдѣ въ томъ-же году поставлена была его опера „Ундина" съ либретто де ла Моттъ Фукэ, гдѣ написаны были нѣкоторые изъ его Phantasiestücke (1816), Элексиры Дьявола (1815—16), Nachtstücke in Callot's Manier (1817) и Серапіоновы Братья (1819—21). Къ его интимному кружку принадлежали де ла Моттъ Фукэ, Chamisso и извѣстный актеръ Девріенъ. Жуковскому несомнѣнно была уже знакома Ундина де ла Моттъ Фукэ, которую онъ лишь позднѣе передалъ русскими стихами; вѣроятно, знакомъ и его Zauberring (1813). Съ авторомъ онъ встрѣчался часто въ разные свои пріѣзды въ Берлинъ, но характеристика его, написанная по первому впечатлѣнію, крайне безцвѣтна: въ лицѣ де-ла-Моттъ-Фукэ „нѣтъ ничего, останавливающаго вниманіе, записываетъ Жуковскій. Есть живость въ глазахъ: онъ имѣетъ талантъ, и талантъ необыкновенный, онъ способенъ, разгорячивъ воображеніе, написать прекрасное, но это не есть всегдашнее, зависитъ отъ расположенія, находить вдохновеніемъ; авторъ и человѣкъ не одно, и лицо его мало изображаетъ того, что чувствуетъ и мыслитъ авторъ въ нѣкоторыя ми-

---

1) Сл. Дневникъ 1 мая 1821 г.; Записки А. Ѳ. Смирновой I, стр. 54.

2) Сл. Русск. Старина 1902 г. Май: Письма В. А. Жуковскаго къ вел. кн. Александрѣ Ѳедоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 г., стр. 339. Въ одинъ изъ альбомовъ Жуковскаго (помѣченный вверху перваго листа: 1820, 16/28 декабря. Берлинъ) Жанъ Поль внесъ нѣсколько строкъ, подписанныхъ: Baireut, d. 12 jul. 1821. Къ автографу приложенъ завернутый въ бумажку локонъ съ надписью: Eine Locke Jean Paul's, statt einer früher verlorenen 1834 von seiner Tochter Emma empfangen. Тутъ же вѣточка, взятая „съ гроба Ж. Пауля въ 1826 г.".

3) Записки А. Ѳ. Смирновой I, стр. 54, 56.

нуты. Раговоръ нашъ состоялъ изъ комплиментовъ и продолжался недолго"[1]). За то Жуковскій не устаетъ восторгаться другомъ Гофмана, знаменитымъ актеромъ романтической эпохи, Девріеномъ: онъ видѣлъ его въ „Венеціанскомъ купцѣ", но ушелъ послѣ перваго акта и не жалѣетъ, потому что провелъ вечеръ у „привлекательнаго старика Гуфланда". „Игра Девріена есть совершенство, замѣчаетъ онъ по этому поводу: онъ учитъ свои роли, какъ человѣкъ, глубоко разбирающій человѣческое сердце; разборъ его игры былъ бы разборъ человѣческой натуры; сравнивая оригиналъ и списокъ, много можно найти истинъ нравственныхъ. Можно объ немъ сказать, что онъ актеръ добросовѣстный; онъ привязанъ съ удивительною вѣрностью, съ удивительнымъ уваженіемъ къ роли своей; разъ ее постигнувъ, онъ уже ни для чего и ни для кого ее не забудетъ: онъ не мыслитъ о партерѣ и его рукоплесканіяхъ и никогда истиною не жертвуетъ успѣху"[2]).

Все это—не характерно для Девріена, высокаго въ воспроизведеніи демоническаго, страшнаго, всего, что переростаетъ обычныя человѣческія отношенія, и, вмѣстѣ, мастера изображать юмористическую сторону жизненныхъ явленій. Среднее ему менѣе давалось: это крайности Гофмановскаго настроенія; они сходились талантомъ. Каждый вечеръ ихъ можно было видѣть въ погребкѣ Lutter'a и Wegener'a, и нерѣдко бесѣда длилась до ранняго утра. Объ этихъ бесѣдахъ, сопровождавшихся возліяніями, ходили въ Берлинѣ сказочные слухи. Гофманъ былъ „всегда навеселѣ", разсказывалъ Жуковскій въ салонѣ Смирновой, „онъ писалъ прекрасную оперу Ундину, ее иногда давали"[3]). Въ берлинскомъ дневникѣ 1820 и 1821 годовъ имя Гофмана встрѣчается нерѣдко, но только разъ съ какимъ то неяс-

1) Дневникъ 1820 г. 24 окт./5 ноября; сл. дневники 28 дек. с. ст. 1820 г., 6 (глупая пьеса Ла-Мотъ-Фукэ) и 7 Генваря (Ла-Мотъ-Фукэ и Шатобріанъ), 6 (поутру у Ла-Мотъ-Фукэ) и 8 февраля (ввечеру у Гуфланда съ Ла-Мотъ-Фукэ). Сл. еще отмѣтки подъ 22 февр. и 5 марта (Zauberring). Въ перечнѣ лицъ, съ которыми Жуковскій видѣлся въ Берлинѣ осенью 1827 года, названы: Ла-Мотъ-Фукэ, Раухъ, Тикъ; въ дневникѣ 1832 г. подъ 19—21 дек.: чтеніе Galgenmännlein, Köhlerfamilie, Der unbekannte Kranke.

2) Дневникъ 1820 г. 3 ноября с. ст.; сл. ib. 15, 16 и 18 окт., 2 ноября и письмо къ Е. А. Протасовой 1 ноября 1820 г. Русск. Арх. 1900 г., кн. 3-я, стр. 37.

3) Записки Смирновой I, стр. 155.

нымъ указаніемъ: „ужинъ у Грёбена. Hoffmann. Triumph der Ironie [1]).

Въ 1821 году Жуковскій посѣтилъ въ Дрезденѣ Тика, одного изъ столповъ романтической школы, и то, что онъ записалъ о своихъ бесѣдахъ, рисуетъ его, поучающагося и нѣсколько растеряннаго передъ лицомъ ея откровеній. О своихъ впечатлѣніяхъ онъ писалъ 23 іюня/5 іюля 1821 года вел. кн. Александрѣ Θеодоровнѣ [2]). По своемъ переселеніи въ Дрезденъ (1819 г.) Тикъ вступилъ въ новую пору своей дѣятельности: около 20-хъ годовъ романтика пошла на склонъ, Тикъ пишетъ свои историческія, антиромантическія новеллы, а Жуковскому какъ будто незнакома ни его первая литературная манера, ни такія капитальныя для романтизма произведенія, какъ Genoveva и Октавьянъ: онъ знаетъ Тика, какъ автора Sternbald's Wanderungen, неконченнаго романа, настроеніе котораго было повѣяно ему Ваккенродеромъ; онъ даже говоритъ о „Штернбальдѣ—Тикѣ", читаетъ въ чертахъ его лица „что-то согласное съ тою мечтательностью, которую находимъ въ Sternbalds Wanderungen; виденъ человѣкъ, который мыслитъ, но котораго мысли принадлежатъ болѣе воображенію, чѣмъ существенности" [3]). Разумѣется, мечтательность не исчерпываетъ всего романтизма, Штернбальдъ всего Тика. Тикъ былъ колористъ, поэтъ настроенія, не объективности, и его фантазіи часто питалась не пережитыми впечатлѣніями; не это-ли имѣлъ ввиду Жуковскій, когда противополагалъ существенность воображенію? По словамъ Жуковскаго Тикъ занимался въ то время переводомъ Шекспировскихъ пьесъ, еще не переведенныхъ Шле-

---

1) Дневникъ 1820 г., 13 ноября с. ст.; сл. помѣтки 7 ноября (у графа Грёбена—Гофманъ), 12 ноября (обѣдъ въ рестораціи, у Гофмана); 1821 г. 16 марта (вечеръ у Грёбена,... Hoffmann).

2) Русск. Старина 1901 г. ноябрь. стр. 389 слѣд.; черновой списокъ (съ неправильнымъ адресомъ вел. кн. Николаю Павловичу) въ Щукинскомъ сборникѣ вып. I, стр. 82. (со словъ: „Въ послѣднемъ письмѣ"); въ печатномъ изданіи „Отрывка изъ письма о Саксоніи„ текстъ, нѣсколько измѣненный, ближе къ черновому.

3) Въ письмѣ къ вел. кн. Александрѣ Θеодоровнѣ: „болѣе принадлежитъ его собственному идеальному міру, нежели существенности". Сл. въ другомъ письмѣ къ ней-же (Прага 10/22 іюня 1821 г.) о впечатлѣніи веселаго пэизажа: „радуешься настоящею минутою, не мысля о далекомъ! Ясная, живая существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ".

гелемъ, и готовилъ къ изданію „критическій и философическій“ разборъ Шекспировскихъ комедій и трагедій. Очевидно „книгу о Шекспирѣ“, на которую Тикъ часто ссылался, но которой не написалъ; Шекспировскія пьесы, не переведенныя Шлегелемъ, вышли въ 1825 году въ переводѣ графа Баудиссина и дочери поэта, Доротеи, съ его критическими примѣчаніями.

Романтики облюбовали Шекспира, еще молодой Гёте обрушался на Виланда за то, что онъ по большей части не переводилъ пѣсенъ Шекспира, или искажалъ ихъ, а въ его шуткахъ и игрѣ словъ находилъ площадныя остроты и извощичій вкусъ. Позже Гёте колеблется: въ 1805 году Шекспиръ и Кальдеронъ представляются ему безупречными передъ высшимъ судомъ эстетики, и въ то-же время онъ называетъ Гамлета варварской смѣсью чудовищнаго и пошлаго. Гамлета онъ собирался подвергнуть обработкѣ (сл. Wilhelm Meisters Lehrjahre, V Buch, cap. 4), какъ передѣланъ былъ имъ Ромео и Юлія, какъ Шиллеръ подвергъ переработкѣ Макбета, особенно въ эпизодѣ вѣдьмъ. Классическій шаблонъ восторжествовалъ, и Девріенъ тонко подшутилъ надъ Гёте и Шиллеромъ за ихъ поворотъ къ старинѣ. Въ бесѣдѣ съ Тикомъ Жуковскій раздѣляетъ ихъ взгляды: онъ откровенно сознается, что не понимаетъ Гамлета, это „чудовище“, „чудесный уродъ“; не понимаетъ и его нѣмецкихъ толкователей, Шлегеля. Тикъ вразумляетъ его: въ томъ-то и привилегія генія, „что онъ, безъ *ясной мысли*, не назначая себя напередъ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ до того, что другіе медленнымъ размышленіемъ по слѣдамъ его открываютъ. *Чувство*, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ подымается на высоту и, стоя на ней, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ“.— Это „прекрасно и справедливо вообще, замѣчаетъ Жуковскій, но право не знаю, какъ примѣнить это къ Гамлету“.

Тикъ обѣщалъ ему прочесть Гамлета и дать объясненія. Онъ былъ прекрасный чтецъ, послушать котораго, по свидѣтельству Фризена, пріѣзжали издалека, американцы, датчане, русскіе, между ними Уваровъ; въ мимикѣ онъ уступалъ развѣ Брентано. Когда, пропутешествовавъ по саксонской Швейцаріи, Жуковскій посѣтилъ его снова, Тику нездоровилось, Гамлетъ оказался для чтенія слишкомъ длиннымъ;

вмѣсто него Тикъ прочелъ Макбета [1]), Жуковскому понравилась его „мѣста ужасныя". Въ комическихъ партіяхъ „Какъ вамъ угодно" Тикъ былъ еще выше, но Жуковскому кажется забавнѣе Плещеевъ, старый его знакомый, музыкантъ и театралъ, хорошій актеръ, впослѣдствіи состоявшій чтецомъ при императрицѣ Маріи Александровнѣ; когда-то онъ изумлялъ арзамазцевъ искусствомъ подражать голосу и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ кривляться и передразнивать бѣдныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ [2]). Жуковскій объясняетъ свое предпочтеніе тѣмъ, что комическое французовъ ему болѣе знакомо, чѣмъ комизмъ Шекспира: онъ „смѣшитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ, но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости, по большей части одна игра словъ, и онъ часто оскорбляетъ ими вкусъ".

Семья Тика приняла Жуковскаго, какъ стараго знакомаго, съ сердечной добротой, „а въ Тикѣ нашелъ я то, что единственно желаю найти въ людяхъ, извѣстныхъ мнѣ по своему генію: *любезное, искреннее дубродушіе*". „Мнѣ жаль было разстоваться съ Тикомъ, вѣроятно, это навсегда [3]), добавляетъ онъ въ письмѣ къ великой княгинѣ; онъ обрадовался, когда я ему сказалъ, что вы любите его Штернбальда и что въ вашемъ альбомѣ выписано нѣсколько мѣстъ изъ этой книги". Въ томъ альбомѣ Жуковскаго, который сохранилъ автографъ Ж. П. Рихтера, есть и автографъ Тика, помѣченный: Dresden am 14 Junius 1821:

---

1) Чтеніе Гамлета помѣчено въ дневникѣ 3 ноября 1821 г., когда Жуковскій снова былъ въ Дрезденѣ на обратномъ пути въ Берлинъ: „у Тика, чтеніе Гамлета".

2) Записки Ф. Ф. Вигеля ч. V, стр. 45, 46; сл. Соч. Батюшкова III, стр. 751—2; Остафьевскій Архивъ I стр. 439—40, прим. 56. О Плещеевѣ вспоминалъ, по поводу Тика, и Ал. Тургеневъ: „Вчера проводили мы вечеръ у поэта Тика, второго Лессинга по драматическимъ его сочиненіямъ и второго Плещеева по его мимическому искусству читать театральныя пьесы. Онъ прочелъ намъ одну, и прекрасно". Ал. Тургеневъ къ брату Николаю, Дрезденъ 29 марта 1827 г. въ Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпцигъ, 1872 г.

3) Имя Тика встрѣчается въ перечнѣ лицъ, съ которыми Жуковскій видѣлся въ Дрезденѣ въ 1826—7 годахъ (сл. Дневники стр. 192, прим. 2). Жуковскій заходилъ къ нему въ 1840 году, но не засталъ (Дневн. 1840 г. 19 марта). Имя Тика, чтенія Тика, споры о немъ неразъ упоминаются въ дневникѣ.

Die dich im Geist erkennen
Und dich in Liebe finden,
Im Glauben dann verbinden,
Kann keine Ferne trennen

Gedenken sie hierbei eines Freundes, der sich Ihrer oft erinnern wird.

Еще до Жуковскаго былъ у Тика Кюхельбекеръ и привезъ съ собой нѣсколько рѣшительныхъ тиковскихъ характеристикъ: „сластолюбиваго и скрытнаго Виланда“ и Клопштока, который „не христіанинъ, не поэтъ нравственный, но скептикъ и потому писатель опасный“. Въ бесѣдѣ съ романтикомъ Кюхельбекеръ выразилъ мнѣніе „что Новалисъ при большомъ дарованіи, при необыкновенно пышномъ воображеніи, не старается быть яснымъ и совершенно утонулъ въ мистическихъ тонкостяхъ. Тикъ спокойно и тихо объявилъ мнѣ, что Новалисъ ясенъ, и не счелъ нужнымъ подтвердить это доказательствомъ“ [1]).

Жуковскій очутился въ сходномъ положеніи: онъ заявилъ, что не понимаетъ нѣмецкихъ толкователей Шекспира, а Тикъ догматически излагаетъ ему, почему ихъ толкованіе возможно, и Жуковскій шепчетъ про себя: „прекрасно и справедливо“, — потому что въ объясненіи Тика нашелъ знакомое ему предпочтеніе чувства разуму, потому что въ Тикѣ онъ ищетъ одной мечтательности, въ геніи добродушія и простодушія, на сценѣ нравственныхъ идей. Онъ шагнулъ въ сторону романтизма и нашелъ—себя.

Онъ весь въ характеристикѣ, которую, объединяя свои юношескія впечатлѣнія [2]), далъ Пушкинъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.
(Къ портрету Жуковскаго 1819).

1) Мнемозина 1824 г. ч. II: Письмо изъ Дрездена 21 окт. / 1 ноября, стр. 60—2.

2) Къ Жуковскому 1817 г., Жуковскому 1818 г.

Это цѣлый образъ и, вмѣстѣ, программа: вздохнетъ, задумается, безмолвная печаль, сладость; одна „слава“ какъ будто не на мѣстѣ. Нѣтъ энергическихъ тоновъ, нѣтъ бури и натиска; есть—сентиментализмъ.

I.

Эпоха чувствительности.

Съ первой трети XVIII вѣка въ европейскихъ литературахъ начинаетъ водворяться новый стиль; тамъ, гдѣ онъ зародился, ему предшествовало и соотвѣтственное настроеніе общественной психики, какъ отраженіе совершившагося соціальнаго переворота. Такъ было въ Англіи; этимъ объясняется ея передовая роль въ послѣдующихъ теченіяхъ европейской мысли, вліяніе ея нравоучительной и слезной комедіи, ея романистовъ, которыми зачитывались Руссо и Дидро. Вліяніе сказывалось неравномѣрно, смотря по тому, насколько тамъ и здѣсь общественная почва была приготовлена къ воспріятію новыхъ сѣмянъ: во Франціи оно поддержало соціальное движеніе, въ Германіи отложилось въ литературныя школы.

Сущность водворившагося настроенія состояла въ переоцѣнкѣ разсудка и чувства и ихъ значенія въ жизни личности и общества. Первый создалъ искусственную культуру, съ ея законами, устоями нравственности и салоннымъ этикетомъ, обуздалъ чувство требованіями обрядоваго приличія, фантазію— стѣснительными литературными формами; онъ вѣрилъ въ свою непререкаемость, въ просвѣтительную силу своей логики, своей науки, ея же положеній не прейдеши. Все это связывало свободу личности, и протестъ растетъ; условной разсудочной культурѣ противополагается идеалъ человѣка, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, человѣка, добраго по природѣ, неиспорченнаго цивилизаціей: идеалъ поставленный еще въ XVII вѣкѣ (Aphra Behn 1640—89) и развитый Руссо. Чувство ставится выше разсудка. „Разумъ нашъ на полувину чувство“ заявляетъ Стернъ;

„не надменный разумъ отверзаетъ врата неба, любовь находитъ доступъ туда, гдѣ гордой наукѣ нѣтъ хода“, писалъ Юнгъ; для Гамана чувство — непосредственное, первичное откровеніе истины, начало человѣческаго сознанія, изъ котораго должно развиться всеобъемлющее знаніе; для Якоби непосредственное пониманіе чувствомъ, вѣрой, выше науки, открываемой разумомъ; единственная мудрость — познать свое сердце, слѣдовать ему, не препятствовать развитію всѣхъ наклонностей и вожделѣній—единственная добродѣтель. Надо вѣрить внутреннему чувству, вѣрить въ свое сердце; въ этомъ человѣкъ обрѣтетъ свободу. Мерсье скажетъ то же: въ сердцѣ каждаго человѣка кроется священный огонь чувствительности, надо слѣдить, чтобы огонь не погасъ, имъ освѣщается наша нравственная жизнь. — Сила ума отрицательна, ограничена невѣріемъ, непониманіемъ, твердитъ въ началѣ нѣмецкаго „романтизма“ M-me de Staël: нужна философія вѣры, энтузіазма, философія, подтверждающая путемъ разума откровенія чувства; Saint Simon назоветъ этихъ энтузіастовъ чувства les passionnés. Явилась „философія чувства“, явились и литературные представители чувства и чувствительности; они читали Ричардсона и Фильдинга, Юнга и Стерна, Руссо систематизировалъ для нихъ разбросанныя и неясныя черты постепенно выяснявшагося ученія о чувствѣ и сердцѣ, о природѣ и естественности, природѣ—наставницѣ добру, милосердію, нравственности; о свободѣ страстей и идеалѣ демократіи.

Програма принималась и исполнялась различно. Психологически можно различить двѣ группы исполнителей; онѣ смѣшивались; переходы изъ группы „чувствительниковъ“ къ „бурнымъ геніямъ“ были возможны; автобіографическій романъ К. Ф. Морица Anton Reiser это доказываетъ.

Одна группа характеризуется ярче всего дѣятелями нѣмецкаго Sturm-und Drang'а 60—80 годовъ XVIII вѣка. Они отличаютъ науку отъ геніальнаго прозрѣнія, энтузіазма, съ которымъ люди родятся. Геніальность можетъ дремать въ каждомъ изъ насъ, подсказалъ имъ Юнгъ, надо только умѣть ее открыть и воспитать, и геній вспорхнетъ, „вдохновенный энтузіастъ“. Юнговскій трактатъ On original composition былъ показателемъ времени. Ученіе о прирожденной геніальности, поддержанное Стерномъ и культомъ Фильдинга къ непосредственной здоровой натурѣ, всецѣло отдающейся порывамъ чувства, создало породу

нѣмецкихъ Kraftgenies, геніевъ мощи, съ ихъ призваніемъ къ дѣятельному подвигу, къ борьбѣ. Они сознаютъ себя свободными отъ всѣхъ разсудочныхъ суевѣрій, которыя до тѣхъ поръ считались нормой жизни; изъ мѣщански-растворенной условной культуры ихъ тянетъ къ природѣ, къ народу и его пѣснѣ, къ идеализованной народной старинѣ, въ просторъ всемірной поэзіи, къ обновленію литературныхъ формъ. Во всемъ этомъ вліяніе Англіи несомнѣнно; англичане въ это время вновь открыли Шекспира - Прометея, оттуда начало его популярности во Франціи (Мерсье) и Германіи. Требованіе свободы чувствъ распространилось и на область нравственныхъ вопросовъ: ставятся новыя рѣшенія, потому что „геніямъ“ противенъ всякій догматизмъ, они жаждутъ простора, полны самосознанія, хотятъ взять жизнь полностью и любить реально. „Мы боги, мы свободны“ говоритъ Ленцъ. Ардингелло Гейнзе такой-же „геній“, какъ Карлъ Моръ; у юнаго Шиллера пристрастіе къ доблестнымъ, величественнымъ преступникамъ, которые спустятся со временемъ къ низменному типу Rinaldo Rinaldini и разбойничьихъ романовъ. На очереди фигуры Прометея, Фауста, Магомета; „Kerl“ становится типическимъ словомъ для человѣка бурныхъ стремленій.

Рядомъ съ этой группой людей „страстнаго чувства“ другая: это мирные энтузіасты чувствительности, ограниченные стѣнками своего сердца, убаюкивающіе себя до тихихъ восторговъ и слезъ анализомъ своихъ ощущеній, которыя за жизненной тщетой давали предчувствовать небо. Они боготворятъ Клопштока, піэтисты и мистики, могутъ пристроиться ко всякой церковно-религіозной реакціи, ужиться и съ политической, ибо отошли отъ общественности въ міръ своего крошечнаго „я“, въ абстракцію „человѣчности“, внутренней „свободы“, въ уединеніе, въ природу, вѣщающую о благости Творца. И на природу они смотрятъ, какъ на объектъ чувствительныхъ и религіозныхъ изліяній — по поводу; избытокъ чувства не изощряетъ глаза, сентименталисты не visuels; все дѣло въ настроеніи; оттого они такъ любятъ музыку; самонаблюденіе доходитъ до болѣзненной щепетильности. Такъ воспитываютъ они „добродѣтель“ и зрѣетъ ихъ „человѣчность“, ихъ schöne Seele, belle âme Руссо, „душа“ Карамзина.

У Kraftgenies и Schöne Seelen (le genre furibond et le

genre lamentable Шлегеля)[1]) одинъ общій психологическій субстратъ: гипертрофія чувства, но сентименталисты любуются своимъ сердцемъ, ухаживаютъ за нимъ, „слабымъ", „изнѣженнымъ", „больнымъ" (Донъ Карлосъ), „выплакавшимся, полнымъ отчаянія" (Stella). „Ахъ! то, что я знаю, можетъ каждый знать, но мое сердце у одного меня" говоритъ Вертеръ. Являются Вертеры и Сигварты, René и Valerie, демоническіе эгоисты чувства, какъ Allvill, представители безысходнаго Schwermuth, какъ Woldemar, разслабленные, какъ герой романа Мэккензи (Man of Feeling), умирающій отъ чахотки и отъ—признанія въ любви, на которое рѣшился лишь при смерти.

Въ такой средѣ любовь принимаетъ особый оттѣнокъ: она жалостливая, печалующаяся, сумрачная, не знающая смѣха; St. Preux любитъ трогательную блѣдность, залогъ любви, и ненавидитъ назойливое здоровое. Оттуда пристрастіе къ контрастамъ: утра и вечера, весны и осени; именно весна вызываетъ нерѣдко печальныя чувства; питаются картинами унылой, дикой природы, полутонами и полусвѣтомъ: заходящее солнце, сумерки, настраивающія на грустный ладъ, луна, прячущаяся за полныя слезъ облака. Поэтическій словарь отвѣчаетъ настроенію: вѣять, обвѣять, шептать, божественный, небесный; говорится о мерцающемъ мѣсяцѣ — и о мерцающей (dämmernde) душѣ, мерцающихъ мысляхъ. Такая любовь сосѣдитъ съ идеей смерти, любви за гробомъ, гдѣ встрѣтятся стремившіяся другъ къ другу души, въ чувствѣ которыхъ здоровый реальный порывъ терялся въ новомъ обобщеніи, въ томъ, что назвали впослѣдствіи amitié amoureuse. Это нѣчто колеблющееся на раздѣлѣ страсти и пріязни, не удовлетворяя ни той, ни другой; но M-me Roland знала повидимому, въ чемъ дѣло, и не колебалась. У „тихой, святой дружбы есть стрѣлка, правящаяся вѣсами" (un point d'appui on tient toujours la balance), писала она Bosc'у, дружба котораго къ ней грозила перейти въ страсть; прелестныя, но жестокія страсти выводятъ насъ изъ себя, чтобы впослѣдствіи покинуть, но честность души и поступковъ, довѣріе прямого, чувствительнаго сердца, умѣренность характера, разумно установившагося въ добрыхъ правилахъ,—вотъ что упрочиваютъ связь, какимъ бы охлажденіямъ она не подвергалась.

---

1) A. W. Schlegel, Sur le triomphe de la sentimentalité.

Въ этомъ порука, другъ мой, что вы найдете меня всегда одной и той-же".

Вмѣстѣ съ amitié amoureuse развилось особое чувство дружбы, также смѣшанное изъ любви и пріязни и невольно вызывающее на сравненіе съ такимъ же психологическимъ явленіемъ Renaissance'а. „Намъ нуженъ другъ, чтобы мы сами себѣ нравились и сами собой наслаждались", говорилъ Юнгъ; нѣмецкіе сентименталисты, начиная съ Клопштока, лелѣютъ это чувство, ревнивое, тревожное и взыскательное, какъ будто дѣло идетъ о любимой женщинѣ. Въ литературѣ являются Позы и Донъ-Карлосы, Ксаверы и Кронгельмы (Миллеръ и Ф. Штольбергъ въ романѣ Миллера, Сигвартъ), въ жизни—дружба Neuffer'а и Hölderlin'а, въ періодъ романтиковъ—Тика и Ваккенродера, Фридриха Шлегеля и Новалиса и др.; съ примѣрами изъ древности: Давида и Іонафана, Ореста и Пилада, Низа и Евріала, Ахилла и Патрокла. Серъ Чарльзъ Грандисонъ затѣваетъ построить храмъ Дружбы на мѣстѣ, гдѣ влюбленная въ него miss Harriett обняла свою соперницу, его жену.

Показатель чувствительнаго благоустроеннаго сердца,—способность проливать слезы. Стернъ говоритъ объ упоеніи слезъ, joy of grief, и самъ плакалъ надъ встрѣченнымъ осломъ и птичкой-узникомъ; Юнгъ открылъ „философію слезъ", а сентименталистамъ торный путь: полились слезы, явился даръ безпечальныхъ слезъ. Удольфскія таинства (1794) Mrs. Рэдклифъ наводнены ими; героиня романа, Эмилія, не можетъ видѣть мѣсяца, слышать звона гитары, органа, шелеста сосенъ, чтобы не поплакать; Тэккерей не помнитъ ни одного романа, гдѣ бы такъ много плакали, какъ въ Thaddeus of Warsaw. Мать Генриха Штиллинга обладала этой драгоцѣнной способностью: весною, когда все расцвѣтало, ей было не по себѣ, точно она изъ другого міра, но стоило ей увидѣть поблекшій цвѣтокъ, сухую былинку, она принималась плакать, и было ей такъ хорошо, такъ хорошо, что и сказать нельзя, а не весело.—Вертеръ и Лотта любуются удалившейся грозой; ея глаза полны слезъ; „Клопштокъ!" сказала она положивъ руку на руку Вертера; онъ вспомнилъ чудесную оду Клопштока и поцѣловалъ руку дѣвушки съ блаженными слезами на глазахъ. Эта сцена скопирована Миллеромъ въ его Сигвартѣ: Тереза наклонилась надъ Мессіадой, и Кронгельмъ слышитъ, какъ слезы дѣвушки капаютъ на страницы; онъ беретъ ее за руку, она отводитъ его

руку на книгу, и онъ чувствуетъ, что страница омочена. Тогда онъ поклялся въ своемъ сердцѣ вѣчно быть вѣрнымъ Терезѣ; громъ и вѣтеръ стали въ это время сильнѣе. Священная, торжественная ночь! говоритъ Кронгельмъ. Сигвартъ и Маріанна въ томъ же романѣ слушаютъ пѣніе кузнечика и плачутъ. Въ Вильгельмѣ Мейстерѣ пѣвецъ поетъ: Kennst du das Land—и, слушатели взволнованы, женщины бросились другъ другу на шею, мужчины обнялись, и луна была свидѣтельницей благороднѣйшихъ, цѣломудренныхъ слезъ. При разставаньи друзья пили по очередно изъ стакана, въ который каждый изъ нихъ пролилъ нѣсколько слезъ; поэтическимъ эффектомъ считалось игра мѣсячнаго луча на навернувшейся слезѣ; съ этимъ эффектомъ знакомъ былъ кн. Шаликовъ.

Эта сфера чувствительности воспитала свою музу: задумчивую Меланхолію, обитательницу развалинъ, старыхъ келій и тѣней, не оглашенныхъ весельемъ. Ея прелести воспѣлъ 17-ти лѣтній Warton (The pleasures of melancholy 1745): онъ любитъ сидѣть въ сумеркахъ подъ мшистыми сводами разрушеннаго аббатства, когда мѣсяцъ бросаетъ въ окно свой долгій, прямой лучъ, и священная тишина нарушается лишь крикомъ совы, гнѣздящейся въ затхломъ склепѣ, или игрой вѣтерка въ зелени плюща, окутавшаго развалившуюся башню; любитъ прислушаться, вдали отъ неистовыхъ кликовъ Веселья, къ соннымъ трелямъ сверчка, вечеромъ, въ полусвѣтѣ гаснувшихъ углей. Грей въ послѣднемъ изъ своихъ стихотвореній (1769 г.) помѣщаетъ нѣжно-окую (Soft-eyed) Меланхолію рядомъ съ Свободой, въ томъ же печальномъ пейзажѣ, но онъ же обогатилъ его въ своей извѣстной Элегіи (1751 г.) образами „Кладбища", Юнгъ картиною ночи и идеей загробности. Его „Ночныя думы", внушенныя дѣйствительной, тяжелой утратой, ею полны. Онъ не можетъ отъ нея отвязаться, упивается ею. Смерть царитъ въ мірѣ, уйти отъ нея нельзя, но въ ней же и утѣшеніе: она вѣнецъ жизни, даетъ человѣку крылья, чтобы взлетѣть въ горныя области, гдѣ онъ обрѣтетъ болѣе того, что утратилъ въ раю. Апоѳеозъ смерти среди глухой безмолвной ночи, вѣщающей о безсмертіи и вѣчномъ днѣ, въ освѣщеніи блѣдной Цинтіи—Луны. До тѣхъ поръ она рѣдко показывалась для выраженія печальныхъ или таинственныхъ настроеній; какой-то сечентистъ XVII вѣка даже дерзнулъ назвать ее „небесной яичницей"; Юнгъ изобрѣлъ

ее снова, ея грядущую популярность поддержалъ Макферсоновскій Оссіанъ, Клопштокъ пустилъ ее въ оборотъ. Виргиліевскія amica silentia lunae стали лозунгомъ новаго поэтическаго настроенія у Zachariä, Гесснера, Кронегка, Виланда и отъ молодого Гёте до Longfellow и далѣе: мѣсяцъ — „божество цѣломудренныхъ душъ", онъ блѣденъ, какъ боязливая, отринутая любовь; говорилось о меланхолическомъ мѣсяцѣ, о мѣсяцѣ, простирающемъ въ лѣсахъ великую тайну меланхоліи, которую онъ любитъ нашептывать старымъ дубамъ (Шатобріанъ); о „мѣсяцѣ въ сердцѣ" (Mondschein im Herzen). Въ связи съ нимъ входитъ въ моду у поэтовъ „Гёттингенскаго кружка" эпитетъ „серебряный" о свѣтѣ и звукѣ; серебристый голосъ и даже silbernes Klavier. У поэтовъ псевдоклассическихъ вкусовъ, напр. у Попе и его школы, такому же обобщенію подвергся эпитетъ „золотой"; но они любили солнце, теперь оно зашло. Кардуччи видитъ въ лунѣ символъ романтической поэзіи въ противоположность съ классическимъ солнцемъ; вмѣсто романтизма поставимъ сентиментализмъ. Присоединимъ къ таинственному пейзажу, который мы пытались нарисовать, Оссіановскіе туманы и міръ экзотическихъ призраковъ—и у насъ подъ руками цѣлая система представленій и образовъ, питавшихъ балладу, въ которой видѣли продуктъ романтической фантазіи. Но это не романтизмъ съ его теоретической обоснованностью, а до-романтизмъ (итальянцы называли его preromanticismo) на почвѣ чувствительности.

Такъ создалось литературное теченіе, вызвавшее къ бытію груды череповъ и скелетовъ, сонмы призраковъ и мыслей на кладбищѣ, все это закутанное ночью или освѣщенное задумчивой луною. Къ могиламъ паломничали неудачно влюбленныя барышни, любили рисовать могильный холмъ, на которомъ выписывали свое имя. Слезы и мысли о смерти, безотчетное уныніе стали литературною манерой, въ меланхолію играли („мрачныя удовольстія меланхолическаго сердца" Шатобріана); у чувствительниковъ явился свой этикетъ, наслажденіе своимъ сердцемъ нормировалось разсудкомъ, и новый флагъ нерѣдко прикрывалъ вожделѣнія старой, чувствительной эклоги. Настроеніе охватило не только молодое поколѣніе Франціи и Италіи, но и стариковъ: галантная Аркадія перестала ворковать и настроилась на слезы; такой эклектикъ, какъ Monti, пишетъ Entusiasmo malinconico, Пиндемонте чувствителенъ въ своихъ

Poesie campestri; одинъ итальянскій журналистъ изъ іезуитовъ водитъ насъ въ сопутствіи Юнга по Campo-Santo въ Бергамо; пьеса озаглавлена: Красоты Кладбища (Il bello sepolcrale).

Недавно найденные отрывки дневника 16-ти лѣтняго Маттиссона, сентиментальная поэзія котораго увлекала Жуковскаго и юныхъ Тургеневыхъ [1]), даютъ намъ понятіе о нравственной атмосферѣ, въ которой складывалось міросозерцаніе поэта. Обложка расписана имъ самимъ: внизу и вверху волнообразныя, синія по бѣлому полю полосы, посрединѣ на красномъ фонѣ гирлянды изъ цвѣтовъ. Это дневникъ самонаблюденія, тайной исповѣди самому себѣ (geheimes Tagebuch); авторъ, еще школьникъ, счастливъ, что надумался снова приняться за него, ибо дѣло это серьезное, и онъ горько упрекаетъ себя, что какъ то забылъ про него, увлекшись интересной книгой: „Господь да проститъ мое прегрѣшеніе". Ни одинъ день не проходитъ безъ помѣты. „Нынѣшній день прошелъ для меня въ перебоѣ радости и горя, а никогда не ощущалъ я такого благодатнаго, тихаго душевнаго спокойствія: сладкая, унылая меланхолія (wehmüthiger Schwermuth), настроившая меня къ пріятнымъ и серьезнымъ чувствованіямъ, была мнѣ источникомъ размышленій о моей будущей судьбѣ, и всѣ они сходились къ одному, что безъ добродѣтели и страха Божія мнѣ не быть счастливымъ". Онъ молитъ Господа послать ему силы для борьбы съ чувственностью, пылкимъ темпераментомъ, недѣятельностью, легкомысліемъ; зорко наблюдаетъ за собою, ликуетъ, когда день прошелъ незазорно, и сѣтуетъ, когда однажды въ день рожденія короля выпилъ нѣсколько стакановъ вина—за день до причастія. Все это перемежается молитвенными обращеніями и укорами совѣсти. Мальчикъ-піэтистъ цитируетъ одну изъ духовныхъ пѣсенъ Штурма, съ мистическими сочиненіями котораго Жуковскій познакомился въ Московскомъ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ, но онъ прочелъ и Сигварта, желалъ бы быть на его мѣстѣ, встрѣтить такое же небесное созданіе, какъ Маріанна; бесѣдуетъ съ товарищами объ облагораживающемъ вліяніи чистой, цѣломудренной любви, затѣваетъ съ ними нѣчто вродѣ дружескаго ученаго общества; вырываясь изъ объятій „нѣжнѣйшаго друга", проливаетъ сладкія слезы и на весь день погружается въ меланхолію. „Тихая, покойная жизнь,

1) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу стр. 86, 147.

далекая отъ всякой сутолоки, въ кругу нѣжныхъ друзей, при этомъ чистая совѣсть—вотъ что готовитъ человѣку тайныя радости". А затѣмъ природа; авторъ хочетъ пойти къ ней въ науку, она будетъ руководить его. „Какъ часто глядѣлъ я сегодня на луну, и мною овладѣлъ трепетъ, мысли о смерти и вѣчности освящали душу, души усопшихъ друзей, казалось, рѣяли вокругъ меня; все было такъ грустно, такъ торжественно, что я забылъ все на свѣтѣ и въ этотъ священный часъ раздумья съ распростертыми объятіями устремился бы къ смерти. Пусть явится она скорѣе..., тогда моя просвѣтленная душа возлетитъ къ Господу, я не буду знать нужды и печали, а мои дорогіе скоро послѣдуютъ за мной". Онъ любуется заходомъ солнца, отраженіемъ багроваго неба въ прудѣ; хочетъ взять съ собою Клейста и Виргилія, чтобы лучше прочувствовать то, что описали эти славные; самъ ощущаетъ себя геснеровскимъ пастушкомъ. Не достаетъ любви, которая скрасила бы для него весну, заставила бы его еще болѣе полюбить Творца въ каждомъ цвѣткѣ (при этомъ рисунокъ: покачнувшаяся урна, изъ которой сыплется пепелъ, и цвѣтокъ). Сердце какъ-то усиленно бьется, и авторъ успокаиваетъ его, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ любитъ ангела, Божья ангела; смотритъ издали на деревню, гдѣ живетъ его милая, вечерняя звѣзда для него—звѣзда любви, онъ даетъ себѣ обѣщаніе смотрѣть на мѣсяцъ: можетъ быть, и она любуется имъ съ думою о юношѣ. Въ бурную погоду онъ вырѣзаетъ ея имя на корѣ бука. Но почему онъ думаетъ только о ней? „Если это грѣхъ, то прости мнѣ, Боже! Но гдѣ-же она, святая, гдѣ она?" Онъ увидѣлъ ее; она будетъ его на вѣки. „А какъ подумаю о разставаніи, горькія слезы увлажняютъ мои ланиты" [1]).

Гёте, Шиллеръ, Жанъ Поль Рихтеръ пережили въ юности сентиментальный періодъ, чтобы выйти каждый на свой путь. У Шиллера настроеніе это звучитъ дольше; „Гимны къ ночи" Новалиса, пережитые „воображеніемъ сердца", отзываются чтеніемъ Юнговскихъ думъ: разница между тѣми и другими въ поэзіи и новой стилистикѣ; мы на почвѣ романтизма. Манія слезъ и печали не только создала поэтовъ, но и типы безпред-

---

1) Holm, Ein Tagebuch aus Mattisson's Jugend, Neue Heidelberger Jahrbücher, Jahrg X, Heft 1, стр. 81 слѣд.: дневникъ съ 13 генваря по 10 апр. 1777 года.

мѣтныхъ меланхоликовъ, разновидность „проблематическихъ натуръ"; они, какъ и бурные геніи, влились въ теченія романтизма и байронизма.

И у насъ обнаружились теченія чувствительности, и у насъ они смѣнили вліяніе просвѣтительной, разсудочной литературы XVIII вѣка. Въ силу историческихъ условій мы не могли не подражать, но подражали, не переживъ того общественно-психическаго процесса, который дѣлаетъ такого рода вліянія жизнеспособными. Мы не такъ болѣли умомъ, чтобы искать спасенія въ чувствѣ; на западѣ протестъ во имя его былъ принципіальный, у насъ онъ обратился противъ уродливыхъ явленій нашей просвѣтительности съ ея упрощеннымъ матеріализмомъ, наивной игрой въ невѣріе и увлеченіемъ западной салонной культурой. Явились разсужденія „о злоупотребленіяхъ разума нѣкоторыми новыми писателями" (Лопухинъ), „умственность родила зло", писалъ Херасковъ, а Сумароковъ могъ сказать, что съ развитіемъ наукъ „погибла естественная простота, а съ нею и чистота сердца".

Наступилъ періодъ сердца. Серіозный въ піэтистическомъ Новиковскомъ кружкѣ, онъ сказался въ легкой литературѣ наплывомъ чувствительности. Противорѣчія сентиментализма и классицизма ощущались, какъ литературныя, не какъ внутреннія; сентиментальная литература и не подняла чувства, а лишь открыла новые источники чувствительности; она пріучила къ извѣстному поэтическому шаблону и не открывала глаза на русскую природу и русскую дѣйствительность. Юнгъ и Оссіанъ коснулись уже Державина; Болотовъ читаетъ Зульцера (Moralische Betrachtungen über die Werke der Natur 1745 г.) и у него впервые открываются глаза на природу, какъ на источникъ „непорочныхъ увеселеній" и піэтистическихъ восторговъ. Для Карамзина Юнгъ „несчастныхъ другъ, несчастныхъ утѣшитель" (Поэзія 1787 г.), а пѣсни Оссіана, „нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ, настроиваютъ насъ къ печальнымъ представленіямъ; но скорбь сія мала и сладостна душѣ" (тамъ-же). Въ библіотекѣ Карамзина мы найдемъ Руссо, Бернардена de St. Pierre, Ричардсона, Томсона, Стерна, его французскихъ подражателей и нѣмецкихъ сентименталистовъ. Карамзинъ — орга-

низаторъ нашего литературнаго сентиментализма. Схема міросозерцанія намъ извѣстна: природа, славящая Творца, чувствительное сердце („Богъ — отецъ чувствительныхъ сердецъ", Пѣснь Божеству 1793 г.; святая поэзія — „Богъ чувствительныхъ сердецъ", Дарованія 1795 г.), прославленіе добродѣтели и дружбы; общественный идеалъ — человѣкъ, который

.... Малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ....
Душею такъ же прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
Въ сей день для дня сего живетъ
И мысли въ даль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза,
Кому несчастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ;
Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,
Любимымъ, счастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ,
Себя, домашнихъ и чужихъ,
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно!),
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется.

(Посланіе къ Александру Алексѣевичу Плещееву 1794 г.).

Такого человѣка, „въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна" (Посланіе къ Дмитріеву 1793 г., сл. письмо Филалета къ Мелодору 1794 г.), смерть не страшитъ: она—„пристань и покой", гдѣ

снова соединятся разлученные (Берегъ 1803 г.), гдѣ для умѣвшихъ любить „любовь будетъ вѣчна“ (Мысли о любви 1797 г.); „Кладбище“ (1793 г.) — „обитель вѣчнаго міра“. — Все это создаетъ атмосферу меланхоліи; она „мрачная“, её не разгонитъ даже улыбка весны (Весенняя пѣснь меланхолика 1788 г.), но въ ней есть и своеобразное наслажденіе: она „нѣжнѣйшій переливъ

Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья;
Отчаянье прошло.... но, слезы осушивъ,
Ты радостно взглянуть на свѣтъ еще не смѣешь,
И матери своей, печали, видъ имѣешь.
(Меланхолія, подражаніе Делилю 1800 г.).

Либо говорится о „флёрѣ“, „прозрачной завѣсѣ чувствительности“, сквозь которую сіяютъ глаза героя (Рыцарь нашего времени).

У Карамзина явилась школа; самъ онъ шелъ по чужимъ слѣдамъ, но его школа всего лучше выдастъ слабость ремесла. „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“ полны юнговскихъ и оссіановскихъ мотивовъ, извлеченій и подражаній. Здѣсь подвизался Ѳ. Г. Покровскій (философъ горы Алаунской), случайный учитель мальчика Жуковскаго; его меланхолія настраивается порой реально-альтруистически на тему „бѣдствій человѣческихъ и благотворенія“ [1]); за то князь Сибирскій — сытый сентименталистъ, которому московскіе пейзажи напоминаютъ описанія въ одномъ романѣ Рэдклифъ [2]), который любитъ „заняться“ меланхоліей, сидя у „алаго огня и вспоминая объ отсутствующихъ друзьяхъ и любезной“ [3]). Въ меланхолію онъ играетъ: вообразилъ себя однимъ изъ чадъ Оссіановской фантазіи, погружается въ унылую задумчивость, но спохватился: къ чему слезы и печаль, когда человѣка съ чистой душой ждутъ послѣ юдоли плача цвѣтущія до-

1) Пріятное и полезное препровожденіе времени, ч. XII, 1796 г., стр. 3, слѣд.: Темный лѣсъ или чувство бѣдствій человѣческихъ и благотворенія.

2) Мои желанія при наступающей веснѣ, Иппокрена 1799 г., ч. 2, стр. 260.

3) Тамъ-же, ч. 4, стр. 255—6: Меланхолія.

лины Эдема и пѣсни ангеловъ? Противорѣчіе разрѣшается — сномъ, потому что авторъ „ощутилъ бремя свинцоваго скипетра Морфея“ [1]).

Особенно показателенъ для игры въ сентиментализмъ князь Шаликовъ; „въ немъ есть нѣчто тепленькое“, писалъ о немъ Карамзинъ, защищая его отъ нападокъ Дмитріева [2]). Весна наводитъ на него меланхолію и слезы; въ хрусталѣ глазъ играетъ солнечный лучъ, но „часто кроткое сіяніе луны перемѣняетъ его (хрусталь? лучъ?) на бирюзовомъ небѣ передъ глазами моими“. Стихотвореніе „Кладбище“ обращается въ гимнъ „кроткой, священной меланхоліи“; въ посланіи къ „Философу горы Алаунской“ поэтъ вспоминаетъ, какъ они философствовали надъ могилами подъ старымъ развѣсистымъ дубомъ, тогда какъ „меланхолическій свѣтъ луны увеличивалъ меланхолію мѣста и предметовъ“; на возвратномъ пути ихъ вниманье остановилъ печальный готическій замокъ; это—острогъ. „Москва-рѣка“ и „Днѣпръ“ вызываютъ грустныя мысли — по поводу, котораго мы не видимъ; объектъ исчезаетъ, только за Днѣпромъ „небольшія рощицы, убѣжища любви и блаженства“ и т. д. „О природа! О чувствительность!“ Русскій пейзажъ, мѣстныя впечатлѣнія цѣнятся поскольку они подсказаны западными впечатлѣніями и чтеніями. У путешественника Карамзина западный „стихотворецъ“ всегда „въ мысляхъ и рукахъ“ — или въ карманѣ для справки: онъ любуется видами и сентименальничаетъ тамъ, гдѣ до него прошли Галлеръ, Геснеръ, Руссо, и въ ихъ стилѣ. Шаликовъ переноситъ этотъ пріемъ на русскій пейзажъ: „весна не была бы для меня такъ прекрасна, еслибы Томсонъ и Клейстъ не описали бы мнѣ всѣхъ красотъ ея“, признается Карамзинъ (Соч. II, 71);

„Ламберта, Томсона читая,
Съ рисункомъ подлиннымъ сличая,
Я міръ сей лучшимъ нахожу;
Тѣнь рощи для меня свѣжѣе,
Журчанье ручейка нѣжнѣе;
На все съ веселіемъ гляжу,

1) Тамъ же, ч. 3, стр. 202 слѣд: Подражаніе Оссіану.
2) Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, 1869 г., стр. 93.

Что Клейстъ, Делиль живописали;
Стихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуетъ меня!„
(Деревня 1795 г.).

Въ подмосковномъ имѣніи Лопухина, Жуковскій видѣлъ въ саду Юнговъ островъ и на немъ урну, посвященную памяти Фенелона, съ изображеніемъ г-жи Гюйонъ и Руссо. „Это мѣсто невольно склоняетъ насъ къ какому-то унылому, пріятному размышленію“ [1]).

Кн. Шаликову подсказываетъ нѣчто подобное—воспоминаніе: „Майское утро“ навѣваетъ образы Вертера и Элоизы, „Монастырь“— память „о таинствахъ священнодѣйствія друидовъ“, „о грозныхъ оракулахъ“—и автору хотѣлось бы проникнуть въ сокровенность сердца монаха, ибо исторія каждаго изъ нихъ есть цѣпь горестей. Въ Малороссіи онъ открылъ гдѣ-то оттѣнокъ Швейцаріи; „имѣя нѣкоторую живость воображенія, чувствительность сердца, можно ли не знать Швейцаріи и, не бывъ въ ней, не знать прекраснѣйшей въ мірѣ природы ея? Кто не читалъ новой Элоизы, Писемъ русскаго путешественника?“ Переходя затѣмъ къ разстилавшемуся передъ нимъ ландшафту, онъ спрашиваетъ себя: „Не маленькая ли это Юра? Не маленькая ли Кларанъ?“ Онъ пытается подражать русской народной пѣснѣ (Долго ли мнѣ, молодой, кручиниться; Нынче былъ я на почтовомъ на дворѣ), но, переводя Tableau slave (Paris 1824 г.) кн. Зинаиды Александровны Волконской („Славянская картина пятаго вѣка“) не замѣтилъ, что помѣщенная тамъ брачная пѣсня — передѣлка русской народной, и снова перевелъ ее съ французскаго, на этотъ разъ не въ народномъ стилѣ („Молодая сосна стояла на дворѣ возлѣ шалаша“) [2]). Описаніе „сельскаго праздника“ открывается признаньемъ: „Для

1) О Фенелонѣ 1809 г.; Воейковъ переложилъ эту замѣтку въ стихи, сл. его Описаніе русскихъ садовъ, Вѣстникъ Европы, 1813 г., № 7 и 8, стр. 194).

2) Начало пѣсни въ Tableau slave: Un jeune pin s'élevait sur les monts auprès d'une chaumière; въ „Olga“ той же писательницы также встрѣчаются передѣлки народныхъ пѣсенъ: 1) Assise dans un donjon élevé j'entends la voix du faucon; 2) O fleuve, fleuve cheri; 3) Bon foyer échauffe toi; 4) Dans la prairie est un joli tilleul.

друга *человѣчества* и природы есть неизъяснимое удовольствіе въ *чистомъ* веселіи *чистосердечныхъ* поселянъ".—А вотъ и праздникъ Купалы: „Ввечеру по захожденіи солнца, на *зеленомъ* лугу и *маленькихъ* островкахъ, *свѣтлой* рѣчки, подлѣ сосновой рощи и во внутренности ея запылали смоленыя бочки.... Нетерпѣливые поселяне потекли со всѣхъ сторонъ на мѣсто веселія; сельскіе *Дицы* ударили въ смычки свои; тамъ раздались *нѣжныя* свирѣли, здѣсь громкія пѣсни; молодыя крестьянки и крестьяне составили *рѣзвыя* пляски; пожилые сѣли за столы, на которыхъ изъ большихъ сосудовъ благоухалъ *нектаръ и амброзія* ихъ — горѣлка и свѣжій хлѣбъ; иные бросились на качели,.... прочіе разсѣялись по рощѣ и лугу; мы ходили и веселились съ счастливыми поселянами. Добрый ихъ помѣщикъ радовался искренно счастію ихъ и раздѣлялъ его съ нами въ *чувствительномъ* своемъ сердцѣ. Все, что Виргилій, Геснеръ, Флоріанъ, Делиль воспѣли на безсмертныхъ свирѣляхъ своихъ, *оживилось въ памяти, въ душѣ моей.... Люблю поля, люблю добродѣтель, люблю и тебя, Делиль*".

Юнговская меланхолія на кладбищѣ — и народная жизнь, видѣнная изъ оконъ помѣщичьяго дома, съ чистосердечными, счастливыми поселянами, нѣжными свирѣлями, рѣзвыми плясками на зеленомъ лугу, у свѣтлой рѣчки, съ водкой—амброзіей. Дѣйствительность могла подсказывать другое, но нельзя было отдѣлаться отъ Юнга и Делиля, не припомнить „обманы и Ричардсона и Руссо" (Евг. Онѣгинъ). Это — сентиментализмъ для развлеченія, допускавшій и нѣкоторую долю похотливости. Въ ту пору, когда Жуковскій вступилъ въ его атмосферу, русское общество переживало реакцію, самое слово „общество" изъято было изъ литературнаго обращенія, но сентиментальничать не воспрещалось. Мать Карамзина обнаруживала удивительную склонность къ меланхоліи, просиживала цѣлые дни въ глубокой задумчивости; ея любимое чтеніе—чувствительные романы[1]). Екатерина Аѳанасьевна Протасова, впослѣдствіи строгая ригористка, зачитывалась въ молодости Новой Элоизой и сентиментальной книгой о воспитаніи: Adèle et Théodore[2]). Отецъ Гоголя любилъ заниматься разбивкой садовъ и для каждой аллеи подыскивалъ особое названіе; въ сосѣднемъ лѣсу у него

1) Карамзинъ, Соч. III, стр. 242, 253—5.
2) Зейдлицъ, Жизнь и Поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 13, прим. 1.

была „Долина спокойствія“, запрещено было стучать и даже колотить бѣлье на пруду, — чтобы не разогнать соловьевъ [1]). Лѣтомъ 1810 года Гнѣдичъ засталъ Батюшкова больнымъ, „кажется, отъ московскаго воздуха, зараженнаго чувствительностью, сырого отъ слезъ, проливаемыхъ авторами, и густого отъ ихъ воздыханій“ [2]). И Батюшковъ шутитъ надъ „модными писателями, которые проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ, а болѣе всего своимъ слогомъ“, предаваясь „мрачнымъ разсужденіямъ о бренности вещей, которыя позволено дѣлать всякому въ нынѣшнемъ вѣкѣ меланхоліи“ (Прогулка по Москвѣ 1810 г.).

Засентиментальничалъ и Жуковскій, единственный настоящій поэтъ эпохи нашей чувствительности, единственный, испытавшій ея настроеніе не литературно только, но страдой жизни, въ ту пору, когда сердце требуетъ опеки любви, и позже, когда оно ищетъ взаимности. И этотъ опытъ оставилъ глубокіе слѣды на человѣкѣ, далъ особый поворотъ его чувству, навсегда связавъ его „воспоминаніями“; мотивы сентиментальной поэзіи поддержали его настроеніе, но оно наложило на нихъ печать искренности, изящной задумчивости, которая перебиваетъ условность голосомъ сердца. Этотъ поэтическій cliché, отзвукъ испытаннаго и выстраданнаго, связалъ его: настали иныя времена, проглянуло и позднее счастье, а печальное cliché повторяется среди шалостей Арзамаса и новыхъ увлеченій, „Отчетовъ о лунѣ“ и эпитафіи „бѣлки“. Точно Leitmotiv, отъ котораго поэтъ не можетъ отвязаться.

---

1) Щеголевъ, Историческій Вѣстникъ 1902 г., февраль, стр. 661.
2) Тихановъ, Ник. Ив. Гнѣдичъ, стр. 40.

II.

Юные годы. Первый опытъ сентиментальнаго увлеченія и идеалъ дружбы. М. Н. Свѣчина и Андрей Тургеневъ.

Отрочество протекло нерадостно для чувствительнаго мальчика. Отца своего, Бунина, онъ видѣлъ, но не зналъ; отношенія къ нему М. Г. Буниной († 1811 г. 13 мая) были, повидимому, прекрасныя, но прекратились рано [1]). Ек. Аѳ. Протасова, которую онъ звалъ „матушкой", приходилась ему сводной сестрой, настоящая мать, крещеная турчанка Сальха († 1811 г. 25 мая), являлась въ семьѣ въ неопредѣленномъ положеніи полубарыни: ея письма къ сыну говорили о „благодѣтеляхъ" [2]). Это его смущало. Его не отдѣляли отъ другихъ дѣтей, окружали тѣми-же попеченіями и лаской, онъ былъ какъ свой, но чувствовалъ, что не свой; онъ жаждалъ родственныхъ симпатій, семьи, любви, дружбы, и не находилъ; ему казалось, что не находилъ. Это настраивало его печально.

Въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ и кружкахъ, стоявшихъ съ нимъ въ связи, доживало преданіе державинскаго псевдоклассицизма; оно коснулось и Жуковскаго. Увлеченные „рѣдкими, неподражаемыми красотами" оды „Богъ", онъ и его товарищъ по пансіону Родзянка перевели ее на французскій языкъ и обратились къ ея „безсмертному творцу" съ восторженнымъ письмомъ. Державин-

1) Сл. Русскій Архивъ 1883 г., I, стр. 208 слѣд.; ibid. 1902 г., май, стр. 128.

2) Русскій Архивъ 1883 г., I, стр. 213 слѣд. (письма матери 1799, 1801, 1806 и 1807 годовъ); сл. тамъ-же, 1902 г., май, стр. 129.

скимъ стилемъ отзываются кое-какія пансіонскія произведенія юнаго поэта (Майское утро 1797 г., Могущество, слава и благоденствіе Россіи 1799 г.); позже, когда сказалось вліяніе Дмитріева и Карамзина, онъ могъ говорить, отчасти подъ вліяніемъ раздраженія, о сумбурѣ и безпорядкѣ тамъ, гдѣ прежде встрѣчалъ однѣ красоты [1]). Если Дмитріева, „пророка и вкуса, и Парнаса“ [2]), онъ называлъ своимъ учителемъ въ поэзіи, то вліяніе ограничилось „механизмомъ стиха“, „живостью разсказа“ [3]); учителемъ поэзіи и жизни сталъ для него Карамзинъ: до конца дней онъ видѣлъ въ немъ идеалъ прекрасной души, называлъ его своимъ „евангелистомъ“ [4]), чья любовь ему „такъ-же нужна, какъ счастье“ [5]). Онъ счастливъ уже тѣмъ, что знакомъ съ нимъ, способенъ оцѣнить его; „это болѣе, нежели что-нибудь, дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенно хорошее свойство, которое называется Карамзинымъ: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго“ [6]). Въ альбомѣ Е. Н. Карамзиной онъ записываетъ въ 1818 году:

Все для души, сказалъ отецъ твой несравненный.
Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ.

„Здѣсь все для души человѣческой, сказалъ незабвенный Карамзинъ“, повторитъ онъ на растояніи 40 лѣтъ (къ Нащокину 16/28 февр. 1847 г.). Передъ Карамзинымъ онъ „не способенъ быть скрытнымъ“ [7]); онъ былъ ему „другомъ-отцомъ“, „большая половина жизни прошла подъ свѣтлымъ вліяніемъ его присутствія.... Воспоминаніе о немъ есть *религія*“ [8]).

1) Письмо къ Ал. Тургеневу 27 марта 1811 г.

2) Сл. посланія къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину, III Préambule 1814 г.; письмо къ Дашкову 1817 г.; къ Измайлову 27 ноября 1827 г.

3) Сл. письмо И. И. Дмитріева къ Жуковскому 1823 г. 18 февраля.

4) Ал. Тургеневу изъ Дерпта, лѣтомъ 1815 г.

5) Къ нему-же изъ Дерпта 31 октября 1816 г.

6) Къ Димитріеву 18 февр. 1816 г.

7) Къ Ал. Тургеневу 1817, 25 апрѣля, Дерптъ.

8) Ему-же изъ Емса, въ послѣднихъ числахъ іюня 1826 г. Сл. письма къ Е. А. Карамзиной, Эмсъ 1826 г. іюня (лучшее мое чувство, чистое и высокое, какъ религіи, была моя къ нему привязанность), къ имп. Маріи Ѳедоровнѣ (14/26 іюня) и Александрѣ Ѳедоровнѣ (15/27 іюня) изъ Эмса 1826 г. Сл. письма къ Измаилову ноября 27, къ Дмитріеву 23 авг. 1836 г., и посланія къ нему-же 1813 и 1832 г. („Святое имя Карамзинъ“).

Къ этой „религіи“ онъ былъ приготовленъ въ стѣнахъ Пансіона, куда проникали теченія чувствительности, поддержанныя мистицизмомъ Штурма, книга котораго обязательно читалась въ школѣ, и вліяніемъ масоновъ, старика Ив. Петр. Тургенева и Ив. Влад. Лопухина съ его ученіемъ о „внутренней церкви“. Все это дало форму, указало исходъ неудовлетворенной жаждѣ счастья. „Мысли при гробницѣ (1797 г.) написаны 14-лѣтнимъ мальчикомъ подъ впечатлѣніемъ смерти Варвары Аѳ. Юшковой, его сестры по отцу и крестной матери, въ семьѣ которой прошла часть его дѣтства: серебристая, блѣдно мерцающая луна свѣтитъ, совершенно по-юнговски, надъ полуразвалившейся гробницей; на ней черепъ, эмблема смерти; результатъ— сладкое уныніе, задумчивость, томность. Вселенная представляется гробомъ, но смерть торжество, она — путь въ вѣчноблаженную страну. Стонъ „вѣщій совы“ прерываетъ размышленія, и растроганный авторъ возвращается въ „сельскую свою кущу“. То-же настроеніе въ статьѣ „Жизнь и источникъ“ (1798 г.): „флёровая мантія меланхоліи“ покрыла его чувства. Въ „Майскомъ утрѣ“ того-же года онъ завидуетъ участи человѣка, который, „достигнувъ мирнаго блага, вѣчнымъ спитъ сномъ“. Въ 1800 году являются его „Мысли на кладбищѣ“; онъ усердно воспѣваетъ добродѣтель, изъ двухъ пьесъ подъ этимъ заглавіемъ (1798 года) одна открывается картиной кладбища [1]). Настроеніе пьесъ „Къ Тибуллу“ (1800) и „Къ Человѣку“ (1801)—одно и тоже: „вся наша жизнь лишь только мигъ“, либо: „что жизнь твоя?— мгновенье!“ — но для мудраго и чистаго „могила къ вѣчной жизни путь“, „мы живы въ самомъ гробѣ будемъ“. Онъ переводитъ элегію Грея, вторичный пересказъ который (1802 г.: Сельское кладбище) ввелъ его въ литературу; настроенный меланхолично, не разобравшись въ слащавой слезливости кн. Шаликова, онъ съ удовольствіемъ прочелъ его „Путешествіе“. „Въ

---

1) Говоря объ одной изъ пьесъ, озаглавленныхъ „Добродѣтель“ („Подъ звѣзднымъ небомъ тихой ночи“), Галаховъ указалъ на сходство ея третьей строфы съ строфой стихотворенія Кованько „Тлѣнность“, помѣщеннаго въ Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени 1795, ч. V. Жуковскій: Кидая всюду страшный взоръ,—Сатурнъ несытый и свирѣпый.... Паритъ и груды оставляетъ—Развалинъ слѣдомъ за собой; Кованько: Кровавый всюду взоръ вращая.... Сатурнъ несытый и суровый... Парятъ передъ нимъ вездѣ туманы,—А по слѣдамъ развалинъ рядъ. См. Отеч. Записки 1852 г., т. LXXXV, отд. II, стр. 43.

немъ нѣтъ ни географическихъ, ни топографическихъ описаній, пишетъ онъ по его поводу, нѣтъ свѣдѣній о населеніи, торговля того или другого города, за то авторъ позаботился объ удовольствіи читателя: вмѣстѣ съ путешественникомъ мы взойдемъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра, послѣдуемъ глазами за бурнымъ теченіемъ рѣки, вздохнемъ близъ могилы его друга, освѣщенной лучами заходящаго солнца, вспомнимъ о прошедшемъ, унесшемъ, быть можетъ, наше счастье. Кого не трогаетъ *чувствительность*? Кто не предавался *меланхоліи*? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взгляда на минувшее время юности? Но она скоротечна, быстро исчезаетъ волшебный міръ, созданный фантазіей, отъ него остаются развалины; въ будущемъ *смерть*, позади *воспоминанія, прелестныя и вмѣстѣ, печальныя*" (1803 г.).

„Очень хочется мнѣ видѣть твою рецензію на Шаликова, писалъ Жуковскому Андрей Ивановичъ Тургеневъ; и съ какой точки зрѣнія ты его разсматриваешь? На него нельзя писать критики, какъ то жаль его" (изъ Петербурга 1803, 9 марта). „Ну ужъ, братъ, Путешествіе Шаликова! Я выходилъ изъ терпѣнія. Козловскій неистощимо насъ забавилъ описаніемъ самаго путешественника и всѣхъ писателей чувствительной Москвы, которые Шаликова почитаютъ за своего doyen и смотрятъ на него съ уваженіемъ. Твоя рецензія написана прекрасно, но на что-же ты ее такъ напечаталъ? На что хвалить то, что такъ вяло, такъ слабо, такъ ненатурально, такъ обыкновенно! Для читателей также недовольно, что ты читалъ его, и съ публикой цѣлой въ рецензіи книги, право, кажется, говорить такъ нельзя.... Впрочемъ, все это бездѣлка, но Шаликовъ вретъ непростительно. Право, этого спускать бы ему не должно" (изъ Петербурга, того-же года).

1.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ, такой-же сентименталистъ, какъ и Жуковскій, раньше его поставилъ поэзіи чувства то требованіе искренности, которое такъ отличало впослѣдствіи поэзію его друга. Его вліяніе на молодого Жуковскаго несомнѣнно: Андрей Тургеневъ—это Жуковскій юношескаго дневника, только болѣе страстный, менѣе разсудочный. Онъ былъ

года на два (род. 10 окт. 1781 г.) его старше и въ 1799 году уже студентъ университета, когда Жуковскій сидѣлъ на школьной скамьѣ пансіона вмѣстѣ съ его братомъ Александромъ, а другой братъ, Николай, былъ въ младшемъ классѣ. Въ семьѣ ихъ отца, Ивана Петровича Тургенева, директора университета, Жуковскій нашелъ то, чего тщетно искалъ въ своей: симпатичную среду и встрѣчныя чувства. Новыя литературныя вѣянія коснулись его: у Тургеневыхъ господствовалъ вкусъ къ нѣмецкой литературѣ, братья Тургеневы слыли въ пансіонѣ „записными нѣмцами" [1]), а старикъ Тургеневъ открылъ юношѣ перспективу счастья во внутренней свободѣ, въ воспитаніи своей человѣчности. Съ его сыномъ Андреемъ Жуковскій связанъ былъ той идеальной, страстной дружбой, какую на западѣ воздѣлывали поэты чувства и чувствительности, у насъ Карамзинъ и Петровъ, Батюшковъ и Петинъ. Знакомство завязалось при посредствѣ Александра Тургенева; братъ былъ его идеаломъ, онъ „наслаждался" имъ, записываетъ двадцатилѣтній юноша въ своемъ дневникѣ 9/21 ноября 1803 года, вспоминая пансіонскіе годы. „Дни и годы летѣли, мы жили вмѣстѣ, любили другъ друга, не говоря объ этомъ никогда другъ другу; были горькія и сладкія минуты, мы переносили ихъ. Связь моя съ пансіономъ доставила ему знакомство и дружбу съ Жуковскимъ, я этимъ радовался, былъ любимъ обоими, только никогда этого не стоилъ, и насъ связывало съ братомъ одно какое то неизъяснимое чувство братства. Потомъ случай познакомилъ и подружилъ меня съ Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, а я его съ братомъ, и съ нимъ провели мы много пріятныхъ минутъ. Съ Мерзляковымъ познакомилъ меня братъ, открылъ мнѣ въ немъ друга и благодѣтеля, я любилъ его для него самаго и для того, что братъ его любилъ; онъ меня любилъ для того, что братъ былъ моимъ братомъ, и для того, что онъ постигнулъ, можетъ быть, между нами то братское чувство [2]); наконецъ мо-

1) Жихаревъ, Записки Современника, I, стр. 234.

2) Сл. письмо Мерзлякова къ Ал. Ив. Тургеневу и А. С. Кайсарову 17 сентября 1802 г.: „Николай и Сергѣй (младшіе братья Тургеневы) учатся у меня въ классѣ... Напишите къ нимъ писульку, Александръ Ивановичъ, въ которой должно быть сказано: чтобъ они были между собою дружнѣе, чтобъ они любили другъ друга такъ же, какъ любятся ихъ большіе братцы". Сл. М. И. Сухомлиновъ, А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья, стр. 29.

жетъ быть, онъ любилъ меня и для меня самого. Журавлевъ, къ которому я также вѣчно привязанъ буду, былъ первымъ университетскимъ другомъ брата моего. Сколько онъ сладостныхъ, дружескихъ вечеровъ провелъ вмѣстѣ, сколько горестей онъ раздѣлялъ съ братомъ и по разлукѣ съ нимъ сколько удовольствія представляла брату переписка съ нимъ, и онъ никогда не могъ простить себѣ, разъ заплакалъ, досадуя на самаго себя, чистосердечно укоряя себя въ холодности и дурномъ сердцѣ за то, что пересталъ писать къ Журавлеву. Боже мой! И кто больше брата любилъ его, какое сердце чувствовало больше цѣну любви и добродѣтели!"

Андрей Тургеневъ былъ предназначенъ стать центромъ дружескаго кружка, онъ всѣхъ заражалъ энтузіазмомъ идеалиста, спѣшившаго исчерпать, испытавъ на себѣ, кружковую програму чувствительности, ея утопію жизни въ тѣсной семьѣ друзей для воспитанія „человѣчности", для любви и поэзіи. И онъ спѣшилъ, точно предчувствовалъ, что ему жить не долго, и вездѣ являлись недочеты. Онъ страстно любилъ литературу, поэзію, а досуга не было; по выходѣ изъ пансіона онъ пристроился къ Архиву Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ его товарищемъ былъ Блудовъ; затѣмъ пришлось служить въ Петербургѣ (въ Коммиссіи составленія законовъ) и въ Вѣнѣ при нашей миссіи [1]), заниматься дѣломъ, далекимъ отъ его интересовъ, а друзья работали, да и свою литературную дѣятельность онъ всегда прислонялъ къ дружескому кружку. Но пріятели были далеко, дружба поддерживалась письмами, обобщалась, уходила въ анализъ, и любовь, чистая, мечтательная, дѣлалась какъ то на сторонѣ, чувство поддерживалось воображеніемъ и рефлексіей, удовлетворялось эгоистическимъ сознаніемъ, что любишь — и любимъ, истощалось въ наслажденіи отреченія, жертвы.

Все это, быть можетъ, и не было такъ серьезно по существу, какъ казалось, но переживалось серьезно и настраивало меланхолично. Въ началѣ могли сказываться литературныя вліянія, тѣ-же, что и у Жуковскаго: по дорогѣ въ деревню съ отцомъ

---

1) Въ (неизданномъ) письмѣ 7 ноября 1802 года Ал. Тургеневъ писалъ изъ Гёттингена Жуковскому, что братъ устроился при вѣнской миссіи; о томъ же Андрей Тургеневъ Жуковскому 20 сентября/8 октября изъ Вѣны.

и матерью, сидя въ повозкѣ, Андрей Тургеневъ „вздумалъ, было, сочинить эпитафію“ [1]), но „Элегія“, надъ которой онъ долго работалъ и которая появилась въ печати [2]), несомнѣнно отразила не навѣянное только настроеніе. Она не уступаетъ порой „Сельскому кладбищу“ Жуковскаго:

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ...

Образъ влечетъ за собой другіе: холодный вѣтеръ, ревущая рѣка, поблекшіе лѣса, туманы, сосны, задумчиво шумящія надъ гробами поселянъ. Все покоится сномъ:

Лишь колоколъ нощной одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ при томномъ удареньи
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой;
На камнѣ гробовомъ печальный тихій геній
Сидитъ въ молчаніи съ поникшей головой.

Александръ Тургеневъ, прочиталъ въ Гёттингенѣ братнину элегію и записалъ въ дневникѣ 5/17 марта 1803 года: „она мнѣ снова еще болѣе понравилась, такъ что я надписалъ надъ ней: Die Löwin bringt nur einen Jungen, aber das ist ein Löwe!“

Недовольство жизнью невольно лелѣетъ воспоминанія о быломъ счастьѣ и мысли о другомъ, несбыточномъ, которое манитъ насъ въ поэтическое „тамъ“ Жуковскаго. Для юноши былое счастье—это годы дѣтства. „Ты, братъ, ѣдешь въ деревню, писалъ Андрей Тургеневъ Жуковскому (изъ Петербурга); нѣтъ, еще больше, ты ѣдешь туда, гдѣ ты провелъ свое дѣтство! Счастливая завидная участь! Я не хочу и жить тогда, когда перестану то чувствовать къ этому мѣсту, что те-

---

1) Изъ письма къ Жуковскому.

2) Вѣстникъ Европы 1802 г. іюль № 13, стр. 52 слѣд. „Прошлаго года это было самое горячее время для моей Элегіи, писалъ Андр. Тургеневъ Жуковскому 1 апрѣля 1802 г., но она теперь лежитъ спокойно“. А въ другомъ письмѣ того-же года: „Я кончилъ Элегію. Что если бы напечатать ее въ Вѣстникѣ? Но надобно сдѣлать такъ, чтобы Карамзинъ не сдѣлалъ этого для меня и потому, что будучи знакомъ, совѣстно было бы отказать, а чтобы онъ самъ захотѣлъ, а это, кажется, трудно и почти невозможно. Что ты думаешь?“

перь чувствую. И теперь иногда вечеромъ, сидя у окошка передъ березой, или ночью, вспоминаю я свое Савинское подворье, всѣ, всѣ подробности привожу на память и, какъ говоритъ Измайловъ, дышу малымъ человѣкомъ.... Die goldenen Maienjahre der Knabenzeit leben wieder auf in der Seele des Elenden". То-же въ письмѣ 21 марта 1802 г. „Весна приходитъ, поздравляю тебя (Жуковскаго) съ ней!.. Воспоминай, братъ, чаще обо мнѣ, когда будешь чувствовать ея тихое, сладостное дыханіе". Жаль, что они не вмѣстѣ: „весна особенно изъ всѣхъ временъ года напоминаетъ мнѣ счастливѣйшее время жизни моей, и это время, какъ ты знаешь, дѣтство! Какія минуты, братъ, воспоминанія о немъ и о всѣхъ людяхъ, которые тогда любили, доставляли мнѣ дорогой". Когда Жуковскій находился въ унылом и печальномъ настроеніи, Тургеневъ писалъ ему, ободряя: будь повеселѣе, „ты долженъ быть доволенъ состояніемъ своимъ, я сужу по твоему образу мыслей: есть укромный уголокъ, да Руссо въ рукахъ,—а у тебя все это есть,—чего тебѣ хочется? Наслажденій истинныхъ — ихъ нѣтъ здѣсь, а какія только могутъ быть на этой планетѣ, то дружба и поэзія тебѣ ихъ доставляютъ, а доброе твое сердце пользуется ими. Перестань, братъ, грустить! Правда, я и самъ, не имѣя никакихъ причинъ, жаловался на судьбу, часто грущу, и рѣдко, рѣдко лучъ истиннаго удовольствія освѣтитъ душу мою. Ахъ, нѣтъ! Я имѣю всѣ причины на нее жаловаться. Но что-жъ дѣлать?

Забудемъ здѣсь искать блаженства
Въ юдоли горести и слезъ,
Тамъ, тамъ оно, среди небесъ,
Въ жилищѣ блага, совершенства!
Тамъ бѣдный труженикъ земной,
Достигнувъ вѣчнаго покою,
Узнаетъ, что есть Богъ благой,
Но здѣсь, тягчимъ его рукою,
Въ немъ видя грознаго судью,
Напрасны слезы проливая,
Какъ тѣнь отъ горя исчезая,
Клянетъ онъ только часть свою". (13 февр. 1802 г.).

„Ты, кажется, не можешь не быть доволенъ своей участью,— пишетъ Тургеневъ въ другомъ письмѣ изъ Петербурга,—уеди-

неніе, зависимость, легкая должность (служба въ Соляной конторѣ), въ перспективѣ весна и деревня! Окруженъ Греемъ, Томсономъ, Шекспиромъ, Попе и Руссо! И въ сердцѣ—жаръ поэзіи! Ты вѣрно не имѣешь минуть тягостной пустоты и скуки".— А друзья его забыли,—пишетъ онъ изъ Вѣны 26 ноября/7 декабря 1802 г., — на что имъ, въ самомъ дѣлѣ, терять время, чтобы вспомнить:

Ce peu d'instans, hélas, et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un desert, le temps où le ramène
Le regret du bonheur et même de la peine.

Письмо къ Жуковскому, также изъ Вѣны, наканунѣ 1803 г. который ему не суждено было пережить, кончается воспоминаніями. Въ началѣ стихи, обращенные къ другу:

Смиренной жизни путь цвѣтами устилая,
Живи, мой милый другъ, судьбу благословляя,
И ввѣкъ любимцемъ будь ея;
Блаженство вольности, любви, уединенья
И музъ святыя вдохновенья
Проникнутъ сладостью всё бытіе твое;
А мнѣ судьба велитъ за счастіемъ гоняться,
Искать его, не находить.
Но я не буду съ нимъ считаться,
Коль будешь ты меня любить.

Самъ онъ пристрастился къ исторіи, жалѣетъ, что слишкомъ много перечиталъ нѣмецкихъ драмъ и романовъ. „А помнишь-ли, когда ты, еще будучи въ пансіонѣ, украдкой переводилъ по четыре пьесы вдругъ и когда по воскресеньямъ приходилъ съ мною просиживать вечера?.. „Vous seriez bien volage sans les bienfaits du souvenir?".

Томсонъ, Грей, Попе и Шекспиръ—ими не исчерпывается репертуаръ Тургенева; въ 1801—2-хъ годахъ онъ опередилъ Жуковскаго, его симпатіи шире. Это опредѣлило его вкусы. Мы видѣли, что онъ понялъ напускную чувствительность кн. Шаликова [1]); въ одномъ письмѣ онъ шутитъ надъ кн. Сибир-

1) Интересно сличить отзывъ о кн. Шаликовѣ въ дневникѣ 18-лѣтняго Ал. Тургенева (подъ 5 апр./24 марта 1803 года). Изъ Тепельгаузена

скимъ, орошавшимъ „унылыми слезами“ страницы „такъ называемаго Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія времени“: Тургеневъ какъ-то раскланялся съ нимъ, а тотъ отвѣчалъ ему изъ окна комическимъ поклономъ — и показалъ языкъ; „видно онъ утѣшился!“ (22 авг. 1799 г.).—Интересенъ отзывъ о Карамзинѣ: прочтя его „шестую часть“, Тургеневъ пишетъ Жуковскому: „много хорошаго, прекраснаго, но не тотъ Карамзинъ, который писалъ нѣкогда: Съ кроткою улыбкою упалъ бы я во всеобъемлющее лоно природы. Или тотъ-же?“ (1802 г. изъ Петербурга). „Стихи Карамзина къ Эмиліи [1]) вѣдь прекрасны! Но смотри-же, какъ въ немъ угасло пламя поэзіи. Онъ уже не написалъ бы теперь: Къ невѣрной и даже, думаю, Милости и Пѣсни къ Божеству. Что сталъ прозаическій слогъ его?.. Впрочемъ, это только en passant... Это ни что иное, какъ психологическое замѣчаніе“ (21 марта 1802 г.). — „Я не прочелъ еще Измайлова, приписываетъ онъ къ А. С. Кайсарову въ письмѣ къ Жуковскому (1802, весной, изъ Петербурга), но вѣдь у меня особый вкусъ: многое мнѣ нравится, однакожъ многое и бѣситъ; никому только не совѣтую читать его послѣ Стерна; лучше прежде“. Если онъ признается, что въ литературныхъ спорахъ съ классикомъ Блудовымъ онъ „рѣдко былъ правъ“ (18 мая 1802 г.), то это, быть можетъ, уступка дружбѣ. Самъ онъ не классикъ, „любитъ страстно Гёте, Коцебу, Шиллера и Шпиза“, пишетъ о немъ въ 1800 году Каменевъ; „онъ много переводилъ изъ нихъ, особенно изъ Коцебу“, между прочимъ „Клеветниковъ“ [2])

(подъ Гёттингеномъ) онъ пошелъ съ Сулимою ночью при полномъ свѣтѣ луны. „Сѣли мы у быстраго журчащаго ручейка и дали волю чувствамъ своимъ наслаждаться. Луна свѣтила прямо на него и посеребряла его; въ первый разъ еще я почувствовалъ, что такое обворожительное положеніе и въ самомъ дѣлѣ можетъ настроить душу пріятнымъ образомъ, но только человѣка съ живыми чувствами и безстрастнымъ сердцемъ. Когда я увидѣлъ этотъ ручей, то я оправдалъ въ мысляхъ своихъ всѣхъ нашихъ стиходѣевъ, каковы Шаликовы и прочіе, которые даютъ разные эпитеты ручейкамъ своимъ. Но при всемъ томъ я все еще думаю, что они не сами любовались натурою, а только выписывали и списывали съ другихъ тѣ красоты, которыя врожденные поэты сами находили. Иначе любовь ихъ была бы пламеннѣе и журчаніе ручейковъ ихъ сильнѣе бы дѣйствовало на чувство читателя. Мы должны списывать съ оригинала, а не съ копіи“.

1) Вѣстникъ Европы 1802 г. февраль, № 3 стр. 61 слѣд.

2) Въ 1798 г. въ цензуру была представлена: Клеветники, драма въ 5 дѣйствіяхъ съ нѣмецкаго переводилъ юнкеръ Андрей Тургеневъ.

и „Негровъ—Невольниковъ“ [1]). Въ 1801—2 годахъ, вспоминалъ впослѣдствіи Ал. Тургеневъ, „нѣсколько молодыхъ людей, большею частью университетскихъ воспитанниковъ,... переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашній новѣйшій нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими... Корифеями сего общества были Мерзляковъ и Андрей Тургеневъ. Дружба послѣдняго съ Жуковскимъ не безплодна была для юнаго генія“ [2]). Въ 1801-мъ году вышелъ „Мальчикъ у ручья“ (Die jüngsten Kinder meiner Laune Коцебу) въ переводѣ Жуковскаго съ эпиграфомъ изъ посланія Карамзина къ Димитріеву: „любовь и дружба—вотъ чѣмъ можно себя подъ солнцемъ утѣшать“, и очень вѣроятно, что именно къ этому времени относится переводъ комедіи „Ложный стыдъ“ съ помѣткой на заглавномъ листѣ: „перевелъ съ нѣмецкаго губернкій секретарь Василій Жуковскій“ [3]). Жуковскій не отсталъ еще отъ французскихъ образцовъ, а Тургеневъ пишетъ ему, что французы „дежeнерируются, даже теряютъ и остроту свою,

---

Остается неизвѣстнымъ его-ли переводъ былъ напечатанъ въ Москвѣ 1803 г. (Сопиковъ № 3373, Смирдинъ № 7514). Я обязанъ этимъ указаніемъ г. Рогожину. „Я ѣду въ театръ. Да! Клеветникъ пропущенъ, и такъ что бы я радъ Антонскому въ ноги поклониться“ (недатированное письмо Андр. Тургенева Жуковскому).

1) Бобровъ, Литература и Просвѣщеніе въ Россіи въ XIX-мъ вѣкѣ. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки, т. III: письма 26 и 27 сент. 1800 г., стр. 120, 122.

2) Современникъ 1837 г. т. V, стр. 304—5. Узнавъ въ Гёттингенѣ о пріѣздѣ Коцебу, Ал. И. Тургеневъ хотѣлъ ему представиться, какъ переводчикъ его „Несчастныхъ“, но тотъ уже уѣхалъ. Сл. (неизданный) Дневникъ Ал. И. Тургенева 11/23 апрѣля 1803 года и его (неизданныя) письма къ Мерзлякову и Жуковскому 13/25 апрѣля того-же года. — Въ 1802—3 годахъ драмы и романы Коцебу были у насъ въ страшной модѣ; къ переводчикамъ принадлежали Каменевъ и Петръ Кайсаровъ (сл. Галаховъ, В. А. Жуковскій. Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности, Оч. Зап. 1853 г. т. 88, стр. 55 слѣд.); поставщикомъ Коцебу книгопродавцамъ и на сцену былъ въ 1800-хъ годахъ А. Ѳ. Малиновскій, тогда секретарь въ Архивѣ иностранной Коллегіи; переводили по большей части чиновники Архива (Сл. М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, изд. 2, стр. 50—1).

3) Рукопись комедіи недавно найдена проф. А. С. Архангельскимъ. Жуковскій писалъ Ал. Тургеневу, что въ 1800-году онъ вступилъ въ Соляную контору „городскимъ“ (вѣроятно, губернскимъ) секретаремъ, а вышелъ изъ нея въ 1802 г. титулярнымъ совѣтникомъ.

вмѣсто того видна только пышность, надутость слога" [1]). За то онъ въ восторгѣ отъ нѣмцевъ и англичанъ, хотѣлъ бы пересадить ихъ на русскую почву; даритъ Каменеву „пѣснь г. Шиллера къ Радости" [2]), бредитъ Cabale und Liebe, мечтаетъ перевести эту пьесу; побуждаетъ Жуковскаго и Мерзлякова къ переводу Донъ-Карлоса, Жуковскаго къ чтенію Маріи Стюартъ и Валленштейна. Жуковскій еще колебался въ симпатіяхъ, а Андрей Тургеневъ писалъ ему изъ Вѣны: „Die Aussendinge sind die Farbe des Geistes, говоритъ Шиллеръ, котораго я все еще называю моимъ Шиллеромъ, хотя и не съ такимъ смѣлымъ въ пользу его предубѣжденіемъ. Ты ужъ *слишкомъ нападаешь на нѣмцевъ*" (7/19 Генв. 1803 г.). „Наконецъ мы рѣшились съ Мерзляковымъ переводить Вертера и сперва принимаемся за первую часть", читаемъ въ одномъ изъ раннихъ писемъ (19 авг. 1799 г.), а въ другомъ: „мое состояніе очень походитъ на то, которое описано въ Вертерѣ, въ томъ письмѣ, которое ты (Жуковскій) переводилъ" (22 Генв. 1802 г.); самому Тургеневу принадлежитъ переводъ „Письма къ другу" (Пріятное и Полезное Препровожденіе времени", XIX, 107). Жуковскому онъ посылаетъ свою надпись къ портрету Гёте; это четверостишіе, напоминающее такое же четверостишіе Жуковскаго (1819 г.), Тургеневъ написалъ на экземплярѣ Вертера, который онъ подарилъ другу. Текстъ одинъ и тотъ-же, съ отличіемъ отъ печатнаго въ 3-й строкѣ (чувствѣ вм. чувствахъ):

Свободнымъ геніемъ натуры вдохновенный,
Онъ въ пламенныхъ чертахъ ее изображалъ
И въ чувствѣ сердца лишь законы почерпалъ,
Законамъ никакимъ другимъ не покоренный. *Т....*

---

1) Сказано это по поводу Archenholz'a, Annalen der brittischen Geschichte: „Славно, браво! Англичане, какой великій народъ! Какая воспламенительная книга! Что французская вольность? Что Бонапарте? А propos: Какъ, братъ, умаляется этотъ великій Бонапарте, котораго я любилъ, которому я удивлялся! Славны бубны за горами, или

Когда какой герой въ вѣнцѣ не развратился?

Англійскіе журналисты презабавные, преюморы, а французы даже деженерируются и т. д. Я думаю, что Бонапарте очень интересуется Вѣстникомъ (Европы); право, журналъ хорошій, Tendenz его прекрасная. А вѣдь русскій и дерзаетъ имѣть свое собственное о вещахъ мнѣніе" (9 марта 1802 г. изъ Петербурга).

2) Бобровъ, l. c. стр. 123.

За стихами слѣдуетъ въ экземплярѣ приписка рукой Тургенева: „Ей Богу, ничего лучше вздумать не могу, какъ того, что я вѣчно хотѣлъ-бы быть твоимъ другомъ, чтобы дружба наша временемъ укрѣплялась, чтобы я былъ достоинъ носить имя друга и твоего друга“. Жуковскій также оставилъ въ книгѣ свои слѣды, дважды зачертивъ силуэтъ дѣвочки, племянницы, М. А. Протасовой, игравшей такую роль въ его сердце и творчествѣ [1]).

Всего интереснѣе отзывы Тургенева о Шекспирѣ. Карамзинъ хвалилъ его оффиціозно, Жуковскій никогда его не осилилъ; у насъ его передѣлывали, какъ то было въ обычаѣ у французовъ; передѣлывали его Шиллеръ, Гёте и Фоссъ. Тургеневъ пришелъ въ отчаяніе, сравнивъ подлинникъ Макбета съ русскимъ переводомъ (письмо 1802 г., весной); переводъ Шиллера очищенный, но не ослабившій оригиналъ. „Je suis tenté de le traduire. Славное бы дѣло было. Только надобно непремѣнно переводить иное въ стихахъ самыхъ сильныхъ и выразительныхъ.—Ахъ, братъ, какая это трагедія!—пишетъ онъ Жуковскому,—сколько въ ней ужасу!“ Онъ любуется сценой появленія тѣни Банко, монологомъ Макбета передъ убійствомъ, сценой лунатизма лэди Макбетъ; „чародѣйки также имѣютъ свое дѣйствіе“. Пусть Жуковскій прочтетъ пьесу (30 Генв. 1802 г.). И Жуковскій видимо прочелъ, обсудилъ и отписалъ: дѣло обошлось не безъ критики, слѣды которой сохранились въ слѣдующемъ письмѣ къ нему его друга (послѣ 1 апрѣля 1802 г.). Онъ извѣщалъ его, что черезъ недѣлю кончитъ переводъ Макбета и положитъ его „до выправки“. „A propos о Макбетѣ: ты немножко неосновательно предлагаешь истребить вѣдьмъ, или, по моему, чародѣекъ. Шекспиръ писалъ, право, не такъ-то безъ основанія, какъ ты думаешь, и не для одной странности вывелъ ихъ на сцену. Развѣ ты не видишь, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, что онѣ, имѣя вліяніе на поступокъ Макбета (предположи, что тогда имъ вѣрили), даютъ ему больше побудительныхъ причинъ, больше вѣроятности, и

1) Экземпляръ Вертера, о которомъ говорится въ текстѣ, находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина. Въ 1836 году Ал. Тургеневъ вписалъ въ гётевскій альбомъ „четыре стиха переводчика Вертера, покойнаго брата Андрея, на 16-лѣтнемъ возрастѣ имъ къ портрету Гёте написанные“. Сл. Современникъ 1837 г. т. V, стр. 204.

дѣлаютъ его не столько ужаснымъ. Чѣмъ замѣнить это? Кто-то написалъ цѣлое разсужденіе о Макбетѣ, но я не читалъ еще его, но только видѣлъ въ книжной лавкѣ. *Оставьте, друзья мои, этого генія такъ, какъ онъ есть*, передѣлывать въ немъ, вставлять свое вмѣсто его, не легко, очень, очень нелегко. Чѣмъ больше вникаешь въ него, тѣмъ онъ становится *священнѣе*. Еще простительнѣе что-нибудь выпустить: можно, набравшись, какъ говорится, духа его, написать свое, призвавъ на помощь утонченность и правила, но когда дѣло идетъ о немъ самомъ, то пусть Шекспиръ останется Шекспиромъ. Но я знаю, что это разсужденіе будетъ *не по твоему вкусу*; но я не виноватъ, и чуть-ли еще не правъ".

Еще въ 1821 году Жуковскій остался при своемъ вкусѣ, но при чтеніи Тикомъ Макбета ему могли припомниться старые споры съ пріятелемъ: въ Макбетѣ ему понравились мѣста ужасныя: *сцена вѣдьмъ*, монологъ Макбета передъ убійствомъ, ужасное описаніе убійства, сцена, въ которой является жена Макбетова сонная.

Съ живостью литературныхъ интересовъ соединялась у Андрея Тургенева чисто юношеская страстность, съ которой онъ спѣшилъ осуществить ихъ, провести въ дѣло. Онъ переводитъ [1]), затѣваетъ переводы (Архенгольца, Монтескье, Оссіана и др.), побуждая другихъ къ сотрудничеству, къ изданіямъ, на-

---

1) Напечатаны были слѣдующіе его переводы: Библейская нравоучительная книжка, соч. г. Фердессена. М. 1795 (съ нѣмецкаго); Способъ читать, замѣчать и сочинять въ пользу молодыхъ людей, предложенный г. Мейнерсомъ, переводъ съ нѣмецкаго. М. 1798 (сл. Рогожинъ, Матеріалы для русск. библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтія, т. I, стр. 72—3); Исторія вкуса въ изящныхъ искусствахъ (Полезное и Пріятное Препровожденіе времени XVII, 1798, стр. 40 слѣд.); Объясненіе, раздѣленіе и начало изящныхъ искусствъ (ibid. 1798, XIX, стр. 97 слѣд.: изъ Batteux); Что есть хорошій вкусъ? (ib. XIX стр. 103 слѣд.); Письмо къ другу (ib. XIX стр. 107 слѣд.: изъ Вертера); Совѣты молодой женщинѣ. М. 1799 (съ французскаго). Отрывки изъ записокъ Франклиновыхъ, перевелъ съ французскаго Москов. университета ученикъ Андрей Тургеневъ. Москва 1799 (Сопиковъ № 8015, Смирдинъ № 10417 съ буквами А. Т.). Послѣднимъ сообщеніемъ я обязанъ г. Рогожину. Въ письмѣ къ Жуковскому (не датированному) Андр. Тургеневъ писалъ: „Франклинову жизнь кончилъ, только все совсѣмъ не такъ, какъ должно быть... Еслибы не батюшка и не Иванъ Володиміровичъ (Лопухинъ) хотѣли этого, то право бы все бросилъ; мнѣ противно смотрѣть на жизнь этого человѣка, никогда съ нимъ не раздѣлаешься. Ой, Франклинъ, заѣлъ ты меня!" — По указанію

вѣдывается у пріятелей о литературныхъ новинкахъ, о томъ, что̀ они дѣлаютъ, что̀ комедія Блудова (письмо 20 сент./8 окт. 1802 г. изъ Вѣны), издается-ли журналъ Сумарокова (письмо 26 ноября/7 дек. 1802 г.)[1]); пишетъ стихи, и спрашивается у Жуковскаго („во всемъ я не могу найти лучшаго судьи", письмо 31 дек. 1802 г.), какъ для Жуковскаго критика Блудова была законъ. Онъ обѣщаетъ прислать другу „поэзію" Гольдсмита, если найдетъ ее въ Петербургѣ (весной 1802 г.), а въ письмѣ изъ Вѣны (26 ноября/7 дек. 1802 года) спрашиваетъ: „что дѣлаетъ твой Deserted village?" Разумѣется „Опустѣлая деревня", переведенная Жуковскимъ изъ Гольдсмита. Хочется ему видѣть „Элегію" Жуковскаго, „какова она теперь" (письмо 31 декабря 1802 года изъ Вѣны), т. е. „Элегію" Грея во вторичномъ переводѣ, и онъ благодаритъ друга за посвященіе (7/19 Генв. 1803 г. изъ Вѣны). Ему извѣстны были и другія юношескія произведенія пріятеля, не попавшія въ печать, если они не скрываются, подъ другими названіями, въ числѣ извѣстныхъ, написанныхъ до 1803 года. Въ одномъ письмѣ говорится о „стихахъ", свидѣтельствующихъ о горестномъ настроеніи Жуковскаго, въ другомъ—объ „одѣ", которой „первый куплетъ самый отчаянный". Либо онъ спрашиваетъ его, не началъ-ли онъ „еще переводить какой-нибудь Списовой (пьесы) или и двухъ" (въ Москвѣ, вѣроятно, 1801 г.); разумѣется Шписъ, давшій матеріалъ для „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ". Говорится еще о какой-то Progress of poetry: „что твой Progress of poetry? Отдалъ-ли ты ее? Право, надобно что-нибудь издавать". (письмо 21 марта 1802 г.). Не идетъ ли дѣло о Progress of Poesy Грея, котораго читалъ въ то время Жуковскій? [2]).

Вдали отъ своихъ юныхъ друзей, проникнутыхъ тѣми-же стремленіями, Тургеневу не по себѣ, онъ чувствуетъ, что сла-

---

г. Рогожина въ московскую цензуру представлена была „Ода на день моего рожденія, сочинена Андреемъ Тургеневымъ", но билетъ не былъ выданъ.

1) Панкратія Платоновича Сумарокова, „Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія", 1802—4 гг.

2) Въ 1852 году кн. Вяземскій писалъ Плетневу (1 дек.—19 ноября): „Полторацкій писалъ мнѣ о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Жуковскаго, времени дѣтства его, имъ отысканныхъ въ печати и неизвѣстныхъ, по крайней мѣрѣ мнѣ". Очень вѣроятно, что и изъ стихотвореній Жуковскаго болѣе поздней поры не всѣ дошли до насъ. „Очень жаль, что ты не обо-

бѣетъ, у него нѣтъ критерія. „Въ моихъ литературныхъ вещахъ происходитъ какая-то революція: все теперь въ ферментаціи, и я не знаю, что хорошо и что дурно", сообщаетъ онъ Жуковскому изъ Петербурга (1802 г.); а въ другомъ письмѣ: „Когда я вообразилъ себѣ твой образъ жизни и свой, твои успѣхи въ литературѣ и мои неуспѣхи и даже забвеніе стараго, то мнѣ пришла охота почти заплакать" (3 февр. 1802). Онъ слышалъ, что Жуковскій переводитъ „Элоизу" (письмо, вѣроятно 1801 г., когда Тургеневъ и Жуковскій жили въ Москвѣ: Елиза) [1]), самъ принялся за переводъ въ 1802 году, вернулся къ нему въ Вѣнѣ и проситъ Жуковскаго: „оставь ужъ мнѣ испытать надъ ней мои силы" (31 дек. 1802/12 генв. 1803); „послѣ перваго письма твоего объ Элоизѣ я было задумался и началъ объ этомъ размышлять, но послѣ второго, гдѣ ты пишешь о новой поэмѣ (?), скажу тебѣ: братъ, оставь мнѣ Элоизу! Признаюсь тебѣ въ моей слабости, я ни къ чему иному не готовъ, о ней много думалъ, а теперь не такъ легко къ чему-нибудь другому приготовиться" (1803 г. изъ Петербурга). Онъ пожертвовалъ своей привязанностью, „своею радостью", остается отказаться отъ литературы. „Часто, очень часто убійственная для души моей мысль, что я имѣю къ ней (къ литературѣ) столько препятствій. Одинъ разъ отказаться, и все бы сдѣлано, но никакъ, никакъ не въ силахъ" (4 февраля 1802 г.). Въ Вѣнѣ ему начинаетъ казаться, что онъ слабѣетъ въ русскомъ языкѣ. „Русскій языкъ теперь главная моя забота. О обстоятельства! Душа моя въ сіи минуты исполнена горести, я не радъ своему существованію. О какъ спокойно ничтожество и какъ иногда не желать его! Братъ! все прошедшее, давнее и недавнее, смѣшалось вмѣстѣ въ головѣ моей и живо мнѣ представилось. Тронутая душа моя растремится въ него; о какъ оно интересно со всѣми своими радостями и горестями, съ тѣмъ временемъ, съ тѣми днями, которые видѣли меня младенцемъ! Тихіе, блаженные дни, укройте

бралъ Тургенева (Александра Ивановича), когда онъ былъ въ Москвѣ,— писалъ Гоголь Шевыреву 14 декабря 1844 года, — у него множество бумагъ того времени, весь протоколъ арзамасскихъ засѣданій и множество стиховъ Жуковскаго, написанныхъ въ тогдашнее время, о которыхъ никто, и даже самъ Жуковскій не знаетъ".

1) Элоиза Руссо—или „Посланіе Элоизы къ Абеляру" Попе, за переводъ котораго (неконченный) принялся впослѣдствіи Жуковскій?

меня отъ настоящаго и отъ будущаго! Васъ нѣтъ, васъ и никогда не будетъ!" (Вѣна, 31 дек./12 генв. 1802 г.).

Поэзія и дружба, — писалъ Тургеневъ Жуковскому; поэзія въ уединеніи съ друзьями—вотъ утопія западныхъ и нашихъ сентименталистовъ; въ одиночествѣ не воспитать гуманнаго чувства, сердце воздѣлывается въ взаимодѣйствіи одинаково настроенныхъ людей. У Тургенева нашлись друзья среди товарищей по Собранію воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона и по Дружескому Литературному Обществу; его корреспонденты—Жуковскій и Мерзляковъ, который былъ нѣсколько старше обоихъ (род. въ 1778, † 1830 г.); далѣе стояли пансіонскіе товарищи Жуковскаго: Родзянка, Кайсаровы, Воейковъ, пріятель Мерзлякова, позже сыгравшій такую незавидную роль въ сердечной жизни Жуковскаго; изъ внѣпансіонскихъ друзей—Блудовъ, съ которымъ былъ близокъ и Жуковскій. „Дружеское Литературное Общество", уставъ котораго 12 Января 1801 года подписанъ былъ Мерзляковымъ и Жуковскимъ, Андреемъ и Александромъ Тургеневыми, Воейковымъ, Родзянкой и двумя Кайсаровыми, имѣло цѣлью „образовать въ себѣ безцѣнный талантъ трогать и убѣждать словесностью: да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу добродѣтели и истины"; вторая задача „помогать бѣднымъ". Отъ членовъ требовался „нравственный характеръ"; что соединяетъ насъ всѣхъ въ одно, говорится въ уставѣ, „это то же, что до сихъ поръ составляло радость и счастье нашей молодости, это духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого.... Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалою въ рукѣ низлетающее божество—это дружество! Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу"!

Андрей Тургеневъ глубоко проникнутъ святостью товарищеской дружбы, готовъ поддержать ее на всѣхъ путяхъ. „Я и, можетъ быть, и еще нѣкоторые очень привязаны къ нашему Собранію (воспитанниковъ Моск. Унив. Благороднаго Пансіона), пишетъ онъ Жуковскому изъ Петербурга, вѣроятно въ концѣ 1801 года. Вотъ предложеніе отъ меня всѣмъ членамъ: я бы желалъ, чтобы дни двухъ торжествъ нашихъ, 1-го и 7-го апрѣля (другого непомню), каждый изъ насъ ихъ праздновалъ, гдѣ бы онъ ни былъ", чтобы они въ эти дни духомъ были вмѣстѣ, и если не всѣ сочлены, то „душевные друзья" Собранія вспом-

нили о немъ, объ отсутствующихъ товарищахъ. „Ce sera le point de réunion de notre ressouvenir". И онъ волнуется, когда позже до него дошли вѣсти, что нѣкоторые члены отступаются отъ Собранія, Кайсаровы „смѣются надъ рѣчью Мерзлякова"; а онъ думалъ, „что Собраніе намъ дорого хоть въ воспоминаніи!". Онъ обхотѣлъ бы быть совершенно одинъ, отъ всѣхъ отдѣлиться, общаться только съ Жуковскимъ (3 февр. 1802 г.). Съ нимъ онъ особенно, душевно дружилъ, и Жуковскій привязанъ къ нему такъ же нѣжно. „Говоря о своихъ связяхъ, я ни съ кѣмъ не ровнялъ тебя, пишетъ ему Тургеневъ. Мы рождены другъ для друга: Мерзлякова я люблю очень, больше, больше Родзянки, но это не то, что мы съ тобой. Сколько сходства въ нашихъ характерахъ! И это одно, что разлука разрываетъ обыкновенныя связи, а я со всякимъ днемъ живѣе чувствую, что мнѣ бы надобно быть съ тобою и что мнѣ недостаетъ" (конца 1801 г.). Братъ (Александръ Ивановичъ) и Жуковскій одни—„повѣренные души" его. „Я пламенно люблю тебя, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, и любовь моя къ тебѣ возрастаетъ все болѣе и болѣе"; „твой вѣчный, вѣчный другъ".

Пожить съ друзьями Андрею Тургеневу не удалось, но онъ дѣятельно переписывается съ ними, утверждая союзъ любви, который внушалъ уставъ Общества. Первое письмо Тургенева къ Жуковскому повторяетъ мысли устава: „въ дѣятельности будемъ искать себѣ веселія, счастія, будемъ, сколько можно, дѣлать добро, будемъ полезны, сколько можемъ, и въ тѣ тягостныя минуты холодности и угрюмой мизантропической пренечувствительности, когда мы не видимъ въ добрѣ никакой прелести и неспособны ни къ какому доброму дѣлу, станемъ, по крайней мѣрѣ, воспоминать, что въ минуту радости и удовольствія, когда сердце наше гораздо справедливѣе, оно исполнено было добра и любви" (19 авг. 1799 г.).

Разставаясь съ Жуковскимъ, Тургеневъ условился переписываться съ нимъ; написалъ первый, можетъ быть, и нескладно, „чувствую, что первый блинъ всегда комомъ, что первую пѣсенку зардѣвшись пѣть, но искренность и любовь, вотъ что должно быть нашимъ девизомъ". Онъ будетъ писать набѣло, не сохраняя копій, „это знакъ, что ты долженъ сохранять мои письма, такъ какъ я буду сохранять твои. И онъ даетъ ему отчетъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ", хотя жизнь бѣдна ихъ разнообразіемъ, „особливо теперь, когда всѣ мои помышленія

вертятся около одной мысли, такъ или почти такъ, какъ выразился въ одномъ мѣстѣ Фіеско" (то-же письмо).

Письма становились исповѣдью передъ друзьями, вызывали ихъ на таковую же. „Письмо твое есть предисловіе, слишкомъ сокращенное, къ цѣлой моей жизни, пишетъ Мерзляковъ Жуковскому, къ цѣлой твоей жизни, къ цѣлой нашей жизни, т. е. насъ троихъ (третій—Андрей Тургеневъ). Повѣрь, любезный, что я пишу, это все старое въ моемъ сердцѣ; о старомъ обыкновенно говорятъ и пишутъ мало; итакъ, скажу въ трехъ словахъ: я твой вѣрный, вѣчный другъ"[1]). Той-же цѣли душевнаго общенія служилъ журналъ, который велъ Андрей Тургеневъ: его вѣнскій журналъ въ видѣ писемъ предназначался Аннѣ Михайловнѣ Соковниной[2]); 26 сент./8 окт. 1802 года онъ пишетъ Жуковскому изъ Вѣны: пусть накопитъ денегъ и пріѣдетъ къ нему года черезъ два, „и скажи, какъ бы намъ тогда писать журналъ"[3]).

Въ пору сентиментализма дневникъ былъ въ модѣ; въ немъ собирался и объективировался матеріалъ самонаблюденія и самопознанія; на старости лѣтъ Жуковскій признавался Плетневу, что его мысли приходятъ въ ясный порядокъ лишь тогда, когда перо у него въ рукахъ: „оно ловитъ ихъ на лету и приковываетъ къ бумагѣ; иначе онѣ и для меня самого остались бы мимопролетѣвшими тѣнями, никакого слѣда не оставившими за собою, феноменъ довольно замѣчательный: результатъ воспоминанія о прошедшей жизни" (18 апрѣля 1851 г.). Такой дневникъ велъ, по рецепту Готшеда, Болотовъ, вели Жуковскій, Тургеневы, Блудовъ. Принимаясь 17/29 окт. 1803 года за свой журналъ, прерванный смертью брата, Александръ Тургеневъ увѣренъ напередъ, что онъ не будетъ тѣмъ, что прежде: будутъ замѣтки изъ лекцій, кое какія мысли, воспоминанія о братѣ. Онъ ци-

---

1) Русск. Арх. 1871 № 2 стр. 0134—5.

2) Сл. письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу конца Декабря 1807 или начала Генваря 1808 года.

3) Андрей Тургеневъ велъ его давно и не разъ говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ. Весною 1802 г. онъ сообщалъ Жуковскому о своемъ психологическомъ правилѣ: никогда не „переселяться въ будущее въ отношеніи къ любимѣйшимъ нашимъ предметамъ... Распространено будучи вставочными разсужденіями и примѣрами, оно уписалось въ журналѣ моемъ не менѣе какъ на двухъ страницахъ". Онъ намѣревался вести журналъ въ Вѣнѣ и по дорогѣ (письмо 30 генваря 1802 г.).

тируетъ его двустишіе „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ“ и продолжаетъ: „Однакожъ надобно изъ благодарности выписать то мѣсто изъ Philosoph für die Welt (Энгеля), которое напомнило мнѣ о моемъ журналѣ. Вотъ оно (Weihnachtsgeschenk): Ein wenig Athem oder ein Paar Federstriche die wir für unsere Gedanken aufwenden, so schwer uns auch manchmal beides vorkommen mag, werden vielleicht wieder durch die Deutlichkeit, die Ordnung und das Leben eingebracht, das eben diese Gedanken dadurch erhalten. Вотъ что добрый и умный отецъ вписалъ въ бѣлую книгу, которую онъ подарилъ на новый годъ своей дочери, желая, чтобы она отъ времени до времени вела журналъ свой и записывала бы въ немъ свои мысли, чувства, и старалась бы выразить на письмѣ то, что она читала въ авторѣ; такимъ образомъ, говоритъ онъ, онѣ для тебя поясняются и превращаются въ твою собственность, часто даже рождаютъ въ тебѣ самой другія и развиваютъ способность мыслить. Не то ли же самое совѣтовалъ мнѣ батюшка, не просилъ ли онъ меня вести журналъ во время своего вояжа, что я началъ приводить въ исполненіе не прежде, какъ уже поживя мѣсяца три въ Германіи, и о чемъ я теперь столько жалѣю и всегда жалѣть буду [1])? Сколько рождалось во мнѣ новыхъ собственныхъ идей въ вояжъ мой до Лейпцига и сюда (въ Гёттингенъ), которыя вмѣстѣ съ рожденіемъ и исчезали! Какое невозвратимое сокровище! Какая потеря въ суммѣ познанія самого себя! Не то-ли же самое совѣтовалъ мнѣ и братъ мой, мой ангелъ хранитель, мой образецъ, которому я твердо рѣшился во всемъ послѣдовать? Онъ даже и писалъ мнѣ нѣсколько разъ объ этомъ“.

Письма и журналы вращались въ кругу друзей, передавалась изъ рукъ въ руки, стилизовались, цѣнились и какъ литературный продуктъ, списывались въ „бѣлыя книги“ — альбомы [2]).

1) Изъ Москвы Ал. Тургеневъ выѣхалъ 21 іюля 1802 г., дневникъ начинается съ 20 дек.

2) 22 февраля / 6 марта 1803 г. Ал. Тургеневъ получилъ вѣнскій „журналъ“ брата: „какъ пріятно проводилъ онъ время и какъ умѣлъ живо и интересно выразить все, что чувствовалъ, что видѣлъ! Какая откровенность, какая непринужденность, Unbefangenheit, въ мысляхъ, чувствахъ и выраженіяхъ! Журналъ его есть зеркало, въ которомъ видишь прекрасную, благородную душу, облагороженную красотами природы и поэзіи“ (изъ дневника).

Это была кружковая, эпистолярная литература, какъ въ эпоху возрожденія. Андрей Тургеневъ пишетъ вмѣстѣ Жуковскому и Мерзлякову, Блудовъ и Ал. Тургеневъ Жуковскому, Мерзляковъ Ал. Тургеневу и А. С. Кайсарову и т. п. Порой распечатывалъ письмо не тотъ, кому оно было адресовано, и Мерзляковъ извиняется передъ Жуковскимъ, что вскрылъ письмо Андрея Тургенева: „причиною тому то, что я отъ радости не посмотрѣлъ на послѣднія строки надписи; разорвалъ, какъ бѣшеный... Божусь, что не читалъ. Въ поруку моя совѣсть вѣрная“ 1). То-же въ письмѣ Ал. Тургенева къ Жуковскому: прочелъ письмо къ нему Авдотьи Николаевны Арбеневой, проситъ прощенія и спрашиваетъ, можно-ли и впередъ.— Въ письмахъ обсуждались чаянія и планы, даже личныя тревоги сердца; когда на сцену явилась „она“, другу сообщалась копія съ ея письма или съ отвѣта ей.

2.

„Сказать-ли вамъ, о чемъ я думалъ, ходя? писалъ Андрей Тургеневъ изъ деревни Жуковскому и Мерзлякову. Дѣлалъ планы для будущей жизни. Я бы хотѣлъ жить въ деревнѣ съ нѣкоторыми друзьями, которые, право, у меня есть истинные, и воображалъ себя въ положеніи, что будто я ѣзжу съ ними верхомъ, имѣя съ собою деньги, заѣзжаю или останавливаюсь у крестьянской избы и облегчаю участь бѣднаго мужика. Но можетъ-ли сельская картина быть совершенна безъ...? Я вообразилъ и *ее*, со всѣми прелестями, добродушіемъ, и вѣрностію, и любовію; но это можно лучше чувствовать, нежели описывать. Раздумайтесь объ этомъ, и вы почувствуете то-же, что я. Что, друзья мои, если мы, въ молодости разойдясь на всѣ четыре сторонушки, наконецъ сошлись бы всѣ вмѣстѣ и если бы всякій изъ насъ могъ пѣть вмѣстѣ съ Шиллеромъ (An die Freude):

Wer ein holdes Weib errungen,
Mische seinen Jubel ein!

И тогда бы въ мирной тишинѣ начали бы мы трудиться, жить вмѣстѣ, зимою ѣздили бы въ городъ Москву для Cabale und Liebe и проч.“ (вѣроятно, 1799—1800 г.).

---

1) Русск. Арх. 1871 г. № 2 стр. 0134.

„*Она*“ могла быть въ то время для Андрея Тургенева уже не утопіей, хотя вообще въ любви юныхъ сентименталистовъ личное чувство какъ-то уходитъ въ отвлеченность. „Мой другъ, женщинамъ опредѣлено воспламенять насъ къ великимъ дѣламъ, къ труднѣйшимъ пожертвованіямъ и, можетъ быть, къ самымъ злодѣйствамъ“, говорится въ одномъ изъ раннихъ писемъ Андрея Тургенева къ Жуковскому (19 авг. 1799 г.) Женщины являлись объектомъ, на которомъ изощрялось чувство, любовь вступала въ права дружбы; такъ было въ теоріи. Любовь представлялась образовательной силой: женщину воспитывали, читали съ нею Руссо, давали читать Мендельсона „О безсмертіи души“; она настраивалась встрѣчно, гипнотизированная новыми откровеніями, и сама цитировала „шестую часть“ Карамзина. А воспитатели млѣли передъ своимъ же, отраженнымъ свѣтомъ.

Письма Андрея Тургенева знакомятъ насъ съ начальной исторіей его любви и первымъ, дотолѣ неизвѣстнымъ, увлеченіемъ Жуковскаго.

Въ 1805 году онъ задумалъ разсмотрѣть „свою прошедшую жизнь“, но ограничился программой, обнимающей девять параграфовъ. Три первые озаглавлены: Ребячество. Ученіе у Роде (Жуковскій учился въ Тулѣ въ пансіонѣ Роде. Въ этомъ параграфѣ онъ упоминаетъ и о смерти отца, Аѳанасія Ивановича Бунина, въ мартѣ 1791 года). *Марья Николаевна.* — Въ 8-мъ параграфѣ, идущемъ до 1802 года, написано, между прочимъ, слѣдующее: „Вступленіе въ пансіонъ.... Первый актъ (1779 года). Иванъ Володимеровичъ (Лопухинъ), Тургеневы, Родзянка, Мерзляковъ. Пенсіонскій образъ жизни. *Марья Николаевна.* Собраніе (воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона)... Служба. Вступленіе въ Соляную контору (гдѣ Жуковскій служилъ съ 1800 г. по 1802 г.) [1]).

---

1) Сл. письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу конца генваря или начала февраля 1818 года. Вѣроятно, къ выходу Жуковскаго изъ Соляной конторы относятся слѣдующія письма. Весной 1802 года Андрей Тургеневъ писалъ ему изъ Петербурга: „Сейчасъ, братъ, я получилъ твое письмо объ арестѣ... Меня это возмутило. Что мнѣ сказать тебѣ? Я не радъ, очень не радъ этому, что ты будешь въ отставкѣ, но что-же было дѣлать на твоемъ мѣстѣ? Если все еще можно поправить, то я бы этого очень желалъ, но если тутъ оскорбится чувство твое, если будетъ хоть тѣнь оскорбленія для твоей чести, то дѣлать нечего. Поговори съ бра-

„Мальчикъ у ручья“ (переводъ изъ Коцебу, Die jüngsten Kinder meiner Laune. 1801 г.). Греева элегія (первый переводъ 1801 г.). Литературное собраніе. *Знакомство съ Соковниными*“. — Параграфъ девятый, который долженъ былъ разсказать о событіяхъ 1802—5 годовъ, начинается указаніемъ на „вторичный переводъ Греевой элегіи (1802 г.).... Смерть Тургенева (Андрея † 1803 г.). Вадимъ (1803 г.).... *Свѣчинъ.... Свѣчина разводъ*“.

Мать Марьи Николаевны, Наталья Аѳанасьевна Бунина, вышла за Н. И. Вельяминова, служившаго въ Соляной конторѣ, куда поступилъ и Жуковскій; Марья Николаевна, замужемъ Свѣчина, приходилась такимъ образомъ родной племянницей Жуковскому, по его отцу, Аѳанасію Ивановичу Бунину. На нея и ея сестру, Авдотью Николаевну, замужемъ Арбеневу, разсчитывалъ впослѣдствіи Жуковскій въ надеждѣ, что онѣ помогутъ устроить его бракъ съ другой его племянницей, М. А. Протасовой, но посредницы измѣнили. Къ Арбеневой обращено его посланіе (1812 г.), другое, найденное въ его бумагахъ, къ ея сыну, Сашѣ Арбеневу (27 генваря 1814 г.) [1].

томъ, а онъ съ батюшкой“. И въ другомъ письмѣ изъ того-же времени: „Что съ тобой дѣлается? Я очень обезпокоенъ тѣмъ, что арестъ твой (?) такъ долго продолжается. Но, братъ, зачѣмъ не хочешь ты быть въ службѣ? Если ты хочешь моего совѣта, то я бы служить совѣтовалъ: право, можно и служить и заниматься нашимъ предметомъ... Конечно, ты не долженъ былъ сносить отъ прокурора, но если представится другая служба,—ибо я слышу, что батюшка хочетъ найти,—если это можетъ быть репарировано удовлетворительно для тебя, то на что жить въ отставкѣ? Можно даже искать службы, если сама не представится, потому что можно искать и благороднымъ образомъ... Не револьтируйся тѣмъ, что я говорю тебѣ о службѣ“. — Какая-то недомолвка между друзьями, когда Жуковскій еще служилъ въ Соляной конторѣ, вызвала слѣдующее стихотворное къ нему посланіе Тургенева:

„Тебѣ легко, мой другъ, предписывать законы,
Сердиться, губу дуть, ссылаяся на оны;
Приказывать легко, но трудно исполнять,
Сіе, кто служитъ, всякъ конечно долженъ знать,
Въ Архивѣ-ль служитъ кто, иль въ Соляной конторѣ,
Въ Сенатѣ, въ арміи, иль въ кораблѣ на морѣ.

....Приходи, пожалуйста ко мнѣ, на словахъ браниться гораздо лучше“.

1) Бумаги В. А. Жуковскаго, l. c., стр. 34—6, 41. Сл. письма Жуковскаго къ Арбеневой и Свѣчиной 1813 и 1814 года и отвѣтъ ему Арбеневой 1814 года въ Русскомъ Архивѣ 1883 г., II, стр. 308 слѣд.

Встрѣтившись въ 1837 году въ Бѣлевѣ съ племянницей Сергѣя Михайловича Соковнина, О. В. Павловой, Жуковскій пишетъ ему, напоминая о томъ времени (въ 1802 году), когда онъ бывалъ у нихъ на Пречистенкѣ [1]). Въ 1802 году, еще будучи въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, Соковнинъ напечаталъ, въ переводѣ съ французскаго, „Избранныя мысли Томаса и Болинброка и ученіе древнихъ философовъ о Богѣ", съ посвященіемъ своей матери, Аннѣ Ѳедоровнѣ, на смерть которой написаны стихи Жуковскаго, „вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. Соковниной" (1802 г.). Любитель литературы, Сергѣй Михайловичъ писалъ мало; нѣкоторыя его стихотворенія и переводы въ прозѣ появились въ Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени, Иппокренѣ, Утренней Зарѣ. Изъ семейнаго знакомства завязалась его дружба съ Жуковскимъ, а черезъ него и съ Ал. Тургеневымъ; во время своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1809 и 1810 годахъ Жуковскій останавливался у него въ домѣ, въ 1809 г. онъ и Тургеневъ хлопотали о томъ, какъ бы пристроить общаго пріятеля. „Дружба и любовь тѣхъ людей, которые связаны были съ нашей семьей, для меня всего дороже, писалъ Соковнинъ Тургеневу, тѣмъ болѣе, что теперь только въ ихъ дружбѣ и любви могу возвратить свои потери". Онъ давно желалъ его дружбы; это не пустыя слова: „нѣтъ, я право, съ этой стороны похожъ на Василія Андреевича, право, сердце мое такъ же готово къ дружбѣ, такъ же можетъ наслаждаться ея наслажденіями, какъ его. Жаль, что вы знали меня не въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ начинаетъ себя чувствовать. Право, скажу вамъ, не льстя себѣ, что во мнѣ есть немножко того, чего такъ много въ васъ и Жуковскомъ. Можетъ быть, mes épanchements покажутся вамъ смѣлыми, но я надѣюсь въ нихъ со временемъ оправдаться. Вы увидите, что я говорилъ правду, когда мы будемъ сидѣть втроемъ за доброй чашкой шоколаду и говорить о томъ, что уже прошло, что никогда не возвратится и однакожъ все еще намъ пріятно и незабвенно" (2 декабря 1809 г.) [2]).

---

1) Соч. В. А. Жуковскаго, 7-е изд. Ефремова, т. VI, стр. 547 (20 іюня 1837 года).

2) Русская Старина 1901 г. Апрѣль, стр. 125 слѣд. и прим. Въ 1809 г. Жуковскій ѣздилъ въ Петербургъ (сл. Русскій Арх. 1867 г., стр. 798, прим. 9 и письмо Ал. Тургеневу 10 февраля 1809 г.). Можетъ быть, къ этому времени относится неизданное письмо къ нему Ал. Тургенева: онъ

Чувствительность С. М. Соковнина развилась на почвѣ психической болѣзни, признаки которой обнаружились въ его странномъ увлеченіи княгиней В. Ѳ. Вяземской: въ 1816 году онъ написалъ ей письмо съ объясненіемъ въ любви, 17 апрѣля слѣдующаго года въ два часа дня бросился передъ нею на колени на Никитскомъ бульварѣ, прося прощенія, что оскорбилъ ее; онъ далъ клятву, что при всякой встрѣчѣ съ княгиней будетъ падать передъ нею на колѣни. Пріятели говорили тогда о проказахъ „блуждающаго жида"; его перевели на службу въ Ѳеодосію [1]).

Въ письмахъ Андрея Тургенева его имя не встрѣчается, названъ его братъ Николай Михайловичъ и двѣ сестры Анна и Екатерина Михайловны. Къ первой (1784—1873), вышедшей впослѣдствіи за В. Н. Павлова [2]), питалъ платоническія чувства юноша Александръ Ивановичъ Тургеневъ [3]). Ему не было 15-ти лѣтъ, когда 31 декабря 1798 года на пансіонскомъ актѣ онъ увидѣлъ Анну Михайловну; четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ ихъ взоры встрѣтились и они узнали другъ друга, вспоминаетъ онъ въ ученомъ одиночествѣ Гёттингена; „ахъ, ничто и никогда не истребитъ изъ моей памяти сіи первыя минуты, сіе начало моего блаженства, ничто не потушитъ во мнѣ сей первой искры.... и добродѣтели" [4]). Вскорѣ послѣ того онъ былъ съ нею въ день ея ангела (3 февраля 1799 г.) у Лихачевыхъ. „Могъ-ли я тогда надѣяться или только вообразить, что со временемъ буду ѣздить къ нимъ въ домъ, буду л(юбим)ъ. Прошлаго года этотъ день провелъ я очень грустно въ Петербургѣ, ходя съ стѣсненнымъ сердцемъ по Невской набережной, досадовалъ, для чего меня

и Ал. Як. Булгаковъ ждутъ его, пусть возметъ съ собою брата Сергѣя и Сережу Соковнина.

1) Сл. Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, I, стр. 72, 73, 74, 75, 76, 79, 444—5, 451, 517. Сл. соч. Батюшкова, III, стр. 735—6. Въ 1825 году Жуковскій писалъ о Соковнинѣ Сухотину, сл. его письмо къ Ал. Тургеневу 31 генваря 1825 г.

2) Сл. Письма В. А. Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 41, прим. 1.

3) Слѣдующія подробности взяты изъ его неизданнаго пока дневника, веденнаго имъ въ Гёттингенѣ, съ однимъ большимъ перерывомъ, съ 20 декабря 1802 г. / 2 генваря 1803 г. по 3 / 15 февраля 1804 года.

4) Дневникъ 31 декабря 1802 г. / 12 генваря 1803 года.

нѣтъ въ Москвѣ. Она не ожидала, что мы скоро увидимся, и очень была печальна, весь день проплакала. Прости, мой милый другъ, пишу о тебѣ рѣдко, но не проходило еще ни одного вечера, въ который я бы не думалъ о тебѣ; это одно можетъ размягчить меня и, досадуя на себя иногда цѣлый день, я послѣ мирюсь съ собою и засыпаю съ добрыми чувствами, съ новымъ расположеніемъ ко всему доброму. Что, еслибъ не увѣренность что я любимъ тобою, я бы, право, часто не находилъ въ себѣ внутренняго спокойствія и ропталъ на Провидѣніе, зачѣмъ не сотворенъ я съ лучшимъ характеромъ. Прости, единственный другъ мой, прости" [1]). Мысль о далекомъ другѣ поддерживаетъ его, ея совѣты удерживаютъ его „отъ многаго", и это наполняетъ его самодовольствомъ; графа 3/15 февраля (день ангела Анны Михайловны) наполнена въ дневникѣ двумя словами: „3-е февраля!" [2]). — По смерти Андрея его отношенія къ Соковниным вспомнились ему по связи съ братомъ и ему живо представилось, какъ онъ вошелъ въ ихъ домъ, „былъ принятъ отмѣнно ласково, всегда ѣздилъ туда съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и для того-же самаго хотѣлъ, чтобы и братъ раздѣлялъ его. Въ первый разъ пріѣхали мы туда вмѣстѣ, когда еще никто не зналъ его, но скоро, скоро все перемѣнилось, и брата также узнали и полюбили. Мы и Жуковскій и Костогоровъ [3]) были тамъ часто, братъ и я такъ любили ѣздить туда, что мы наконецъ считали за пожертвованіе, когда одинъ другому уступитъ сегодня туда ѣхать одному въ случаѣ, если обоимъ невозможно. Слѣдующее время, обстоятельства слишкомъ свѣжи въ моей памяти, чтобы я могъ еще писать объ этомъ. Знаю только, что Соковнина связана съ братомъ еще больше, что мы еще больше узнали любовь нашу, цѣну нашего братства, узнали, что мы можемъ и умѣемъ сдѣлать другъ для друга величайшее пожертвованіе. Что другихъ могло разлучить, расторгнуть на вѣки друга отъ друга, то самое насъ тѣснѣе связало, приближало, и мы мечтали быть подобны Лопухинымъ. Желалъ бы я только, чтобы письма мои къ нему изъ Москвы и изъ Гёттингена сохранены были; они могутъ служить ему и мнѣ вѣрнымъ

---

1) Дневникъ 25 генваря / 6 февраля 1803 года.
2) Сл. Дневникъ подъ 2, 5 и 8 февраля ст. ст. 1803 г.
3) Товарищъ Жуковскаго и Тургеневыхъ по Пансіону.

панегирикомъ (я вѣдь пишу самъ себѣ); въ нихъ могутъ видѣть и понимать любовь братскую" [1]).

Въ 1802—3 годахъ братьевъ не было въ Москвѣ: одинъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, другой въ Гёттингенѣ, а Жуковскій бываетъ у Соковниныхъ, играетъ у нихъ въ театрѣ, играетъ въ фанты и пишетъ экспромтъ къ глазамъ Анны Михайловны:

Твои глаза хвалить мнѣ должно.
Филлида, я готовъ хвалить,
Но какъ? Стихами невозможно,
А сердцемъ — сердце лишь молчитъ,
Его молчаніе яснѣе говоритъ.

Анна Михайловна отвѣчала:

Молчанье не бываетъ яснѣе языка,
Чѣмъ больше чувствуешь,
Тѣмъ больше говоришь,
И то, что нравится, о томъ не умолчишь.

Жуковскій заключаетъ:

Оставимъ разуму искусство говорить,
Пусть сердце чувствуетъ, вздыхаетъ и молчитъ [2]).

Анна Михайловна любила писать шутливыя стихотворенія, какъ любилъ писать ихъ и Жуковскій, самъ валявшійся надъ ними со смѣха [3]); не прочь была и посентиментальничать: она и сестра велѣли вырѣзать для А. П. Зонтагъ девизъ на печати: лампаду съ надписью: Не блескъ, а польза [4]). Сохранилась юмористическая записка Жуковскаго къ Аннѣ Михайловнѣ изъ этой поры [5]): „Покорно благодарю васъ за коврижку. Она не

1) Дневникъ 9/21 ноября 1803 года.

2) Отчетъ Имп. Публ. библіотеки за 1893 г. стр. 122. Эти стихотворныя шутки, какъ и слѣдующее (стр. 122—3) письмо Жуковскаго къ А. М. Соковниной слѣдуетъ отнести къ 1802 — 3-мъ, не къ 1803—4 годамъ. Смерть Андрея Тургенева (въ іюлѣ 1803 года) исключаетъ шутливый характеръ экспромптовъ и письма.

3) Сл. тамъ же стр. 135 письмо А. П. Зонтагъ къ А. М. Павловой 7 мая 1850 г.

4) Тамъ-же стр. 130—1: Зонтагъ къ Павловой 10 апрѣля 1849.

5) Тамъ-же стр. 122—3.

только прекрасна, но безподобна, несравненна, потому что отъ васъ! Я ѣлъ ее съ такой пріятностью, съ такимъ восхищеніемъ, что не увидалъ, какъ съѣлъ. Такъ все скоро проходитъ въ свѣтѣ; одно только не пройдетъ вѣчно, и то не въ свѣтѣ, а во мнѣ [1]).... Катерина Михайловна въ своемъ письмѣ пишетъ ко мнѣ, что *хорошо радоваться любовью другихъ, естьли своего предмета нѣтъ, а я, хотя и имѣю предметъ милой, достойной любви, но не радоваться, а плакать долженъ. Пожалѣйте обо мнѣ. Вы такъ жалостливы — и безжалостны.* Прочтите еще разъ для памяти пѣсню: *Филлида, я любимъ тобою*, а послѣ нея *Посланіе къ*...[1]). Эти двѣ піесы неразлучны! Но вы, я думаю, о нихъ и позабыли! Богъ вамъ судья!"

„Вы такъ жалостливы — и безжалостны„ — это объясненіе въ любви, пока на степени флирта. „Объ Аннѣ Михайловнѣ бойся думать! писалъ Жуковскому Андрей Тургеневъ. Стыдись, братъ, и пожалѣй о насъ и о себѣ" (письмо конца 1801 г.); „будь доволенъ своимъ, читаемъ въ другомъ письмѣ, и не отнимай чужого. Ты хочешь владѣть и *тамъ и тамъ*, а у брата хочешь отнять то, отъ чего, право, онъ счастливъ. Не думай и раздѣлить этого, у него нѣтъ другого, а у тебя есть, можетъ быть, очень много". Но ему жаль и пріятеля; „только смотри, чего ты лишаешься! смотри несчастный!... Но если только *ты* любишь, то нельзя быть спокойнымъ въ такомъ положеніи... Не усмиришь сердца. Или можно?"

Сентиментальная amitié amoureuse допускала *„тамъ и тамъ"*; Жуковскій готовъ былъ увлечься въ Москвѣ Анной Михайловной, и въ тоже время сентиментальничалъ съ Марьей Михайловной Свѣчиной, которой заинтересовался и которую видимо воспитывалъ по программѣ чувствительности, какъ позже М. А. Протасову. Теперь Свѣчина жила въ Петербургѣ съ мужемъ и сестрой Авдотьей Николаевной, тамъ же служилъ и Андрей Тургеневъ. Жуковскій, оставшійся въ Москвѣ, рекомендовалъ его въ семьѣ, и Тургеневъ осматривается въ ней, знакомится съ отношеніями, входитъ въ интересы друга, бесѣдуетъ о немъ съ Марьей Николаевной, передаетъ письма, самъ увлекается чужимъ чувствомъ. Повидимому между супругами не было единенія душъ и міросозерцанія: это былъ mariage de convenance, изъ котораго Марья Николаевна рва-

1) Точки въ подлинникѣ.

лась. „Они должно быть счастливы dans l'intérieur, потому что веселы, пишетъ другу Тургеневъ; онъ все бранитъ Карамзина... но мужъ и она — два инструмента совсѣмъ на разныхъ тонахъ: онъ балалайка, можетъ быть, очень стройная и звонкая, она арфа. Я смотрѣлъ на нихъ вмѣстѣ и чувствовалъ, что не такъ бы должно быть, если бы въ этомъ мірѣ царствовала гармонія. Я знаю другой инструментъ, который могъ бы аккомпанировать, но... вздохнемъ оба отъ глубины сердца". Марья Николаевна сказывала Тургеневу, что Жуковскій написалъ ей очень важное письмо, въ которомъ велитъ ей читать Руссо; какъ бы хорошо было, еслибъ Жуковскій поселился въ ея семьѣ! (конца 1801 г.). — Въ другой разъ бесѣдѣ Тургенева съ Марьей Николаевной мѣшалъ мужъ. Она собиралась куда-то ѣхать съ визитами, но по просьбѣ Тургенева осталась. „Я сказалъ, что ты переводишь Вольтера. Она: А онъ обѣщалъ мнѣ, что никогда не будетъ любить Вольтера. Я: Онъ, повѣрьте, совсѣмъ его не любитъ, а Руссо его наставникъ". Мужъ возставалъ противъ Руссо; наконецъ онъ куда-то вышелъ, и они остались вдвоемъ. „Она: Я никогда не думала, что Василій Андреевичъ могъ полюбить Вольтера. Я: Повѣрьте, что онъ его не любитъ и не можетъ любить по своему сердцу. Она: По его чувствамъ, по его расположенію души (съ нѣкоторымъ жаромъ и скоростью). Нѣсколько помолчавъ, она: Какой онъ милой! (съ чувствомъ и неизъяснимой пріятностью). Я: Я не знаю человѣка съ такимъ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Она: Только какъ часто онъ бываетъ задумчивъ!" (письмо начала 1802 г.). Марья Николаевна сказала ему какъ-то, а онъ сообщаетъ другу: „ей жаль, что ты все грустишь, и стихи такіе написалъ, изъ которыхъ видно унылое и горестное твое расположеніе духа" (13 февр. 1802 г.). Либо онъ говоритъ ей, что Жуковскій пишетъ оду, „и что первый куплетъ самый отчаянный. Что съ нимъ сдѣлалось? сказала Марья Николаевна, отчего въ немъ это расположеніе? Онъ прежде былъ не таковъ? Вспомнила о Греевой элегіи, которую называетъ прекрасной [1]). Я показываю,

---

1) Элегію Жуковскаго Марья Николаевна знала, очевидно, въ первой редакціи, тогда не напечатанной; „Сельское кладбище", посвященное Андрею Тургеневу, явилось въ Вѣстникѣ Европы, декабрь 1802 года № 24. Андр. Тургеневъ благодарилъ за посвященіе въ письмѣ изъ Вѣны 7 генв. 1803 г. „Завтра напишу къ Жуковскому и поздравлю его съ тит-

будто не читалъ твоихъ писемъ къ ней, удивлялся, какъ ты не писалъ къ нимъ о вашихъ театрахъ, и сказалъ, что ты игралъ въ пенсіонѣ и у Соковниныхъ. Куда дѣлась его робость? говоритъ Авдотья Николаевна. Я увѣрилъ, что ты все такой-же мизантропъ".—Въ лицѣ Марьи Николаевны, „право, было что-то небесное, говорится въ томъ-же письмѣ. Она была въ бѣломъ. Какая-то томность, при свѣчахъ, дѣлала ее плѣняющею. Но я смотрѣлъ на это, какъ бы смотрѣлъ—на что бы? напр., на луну, на звѣзды, на испещренный лугъ; и тѣнь желанія не прошла по моему сердцу?" (декабря 1801 г.). Неужели Марьѣ Николаевнѣ не больно жить съ глупымъ мужемъ ради средствъ? спрашиваетъ себя Тургеневъ; „это не мѣшаетъ мнѣ ее очень любить; право, она премилая", спросись своего сердца, пишетъ онъ другу (9 марта 1803 г.), ради котораго онъ старается „гармонировать" даже съ мужемъ (1 апр. 1802 г.).

Но ей въ самомъ дѣлѣ больно. „Посылаю тебѣ письмо отъ Марьи Николаевны, пишетъ онъ Жуковскому, я читалъ его, былъ очень тронутъ и читалъ въ такую минуту, что мнѣ и самому было очень грустно. Она чувствуетъ, видно, свое состояніе и не ослѣплена ни мало въ разсужденіи мужа. Ueberall betrogene Hoffnungen, überall zernichtete Pläne, говоритъ Вертеръ. Каково ей, должно быть, видѣть передъ собою такую будущность навсегда, можетъ быть! Она, право, похожа на Франциску фонъ Штернахъ въ Донамарѣ [1]), и даже по этому письму. Помнишь, какъ та описываетъ въ письмѣ своемъ лѣта своего дѣтства, съ нимъ проведенныя? Кротость въ ней та же, и это кроткое чувство своей невинности и, вмѣстѣ, прощенія тѣмъ, кто ее гонитъ или кто причиной ея несчастія! Я *не могу изъяснить, какъ это чувство для меня мило, какъ я люблю себѣ воображать его*; какъ я вмѣстѣ и печаленъ и какъ мнѣ однакожъ и пріятно видѣть

ломъ любезнаго переводчика Греевой Элегіи" (Дневникъ Ал. Тургенева 20 іюня / 2 іюля 1803 года.

1) Романъ Бутервека, Graf Donamar. Briefe geschrieben zur Zeit des siebenjährigen Krieges in Deutschland. Herausgegeben von E. R. T. O. B. H. E. W. R. Göttingen 1791—3, три тома. „Знаешь-ли, что Бутервекъ, который здѣсь читаетъ эстетическую лекцію, есть тотъ самый, который написалъ Донъ Амара, которымъ вы такъ нѣкогда восхищались?" Приписка А. С. Кайсарова къ (неизданному) письму Ал. Тургенева къ Жуковскому 7 ноября 1802 г.; сл. (неизданное) письмо Ал. Тургенева къ Жуковскому 22 генваря 1803 г.

его въ Катеринѣ Михайловнѣ (Соковниной)! *Какъ она любитъ меня и совсѣмъ мнѣ предается,* когда я чувствую себя столько виновнымъ въ разсужденіи ея! Однакожъ теперь нѣтъ! Я узналъ ее, *узналъ всю цѣну души ея* и узналъ навсегда. Какое чувство изображается въ ея письмахъ и какъ я мало достоинъ ея!“ И онъ снова зоветъ Жуковскаго въ Петербургъ, къ Свѣчинымъ: онъ усладитъ участь Авдотьи Николаевны; за ней увиваются какіе-то гвардейскіе офицеры, Жуковскій побережетъ ее, „если ужъ не поздно — и если я не брежу… Si Sophie est tombée…, говоритъ Эмиль“. „Но и для одной Марьи Николаевны ты долженъ пріѣхать: она любитъ тебя, какъ брата, а *ты любишь ее какъ бы то ни было; между вами самая невинная и святая связь.* Sa vertu (ne court) pas l'ombre de danger et vous pouvez adoucir son sort pas votre (amitié?). Et vous ne viendrez pas? Кому здѣсь понимать ее? Ты долженъ пріѣхать и быть здѣсь“ (письмо 22 генваря 1802 г.). Ал. Тургеневъ зналъ объ этихъ отношеніяхъ Жуковскаго и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 13/25 генваря 1803 г.; „Сегодня Бутервекъ на лекціи описывалъ характеръ Петрарки и платоническую любовь его къ Лаурѣ. Какое разительное сходство съ характеромъ Жуковскаго! Кажется, что еслибъ мнѣ надобно было изобразить характеръ Жуковскаго, то бы я то же повторилъ, что Бутервекъ говорилъ о Петраркѣ. И Жуковскій точно въ такомъ же отношеніи къ Св(ѣчиной), въ какомъ Петрарка былъ къ его Лаурѣ или къ M-me de Sade“.

„Еслибы исполнились всѣ тѣ желанія, qui se forment à ton compte, ты былъ бы не изъ послѣднихъ счастливцевъ, пишетъ Тургеневъ, очевидно, о Марьѣ Николаевнѣ. Читай чаще панегирикъ кн. Долгорукаго всеутѣшительному русскому слову авось—и ты вѣрно будешь покоенъ“ (1802 г. 6 февр., приписка въ письмѣ Ал. Ив. Тургенева). Онъ бесѣдуетъ съ ней о религіи, о моральныхъ матеріяхъ; и она говоритъ: „Боже мой, какъ для меня пріятно говорить о религіи, какъ это утѣшительно для сердца!… Боже мой, какъ мнѣ жаль, что здѣсь нѣтъ Василія Андреевича, я такъ привыкла къ нему“. А Авдотья Николаевна, которую Тургеневъ оберегалъ отъ офицеровъ, каталась верхомъ въ ихъ обществѣ, играла Тургеневу на гармоникѣ „Выйду-ль я на рѣченку“, „Я по жердочкѣ шла“, „Вечоръ былъ я на почтовомъ на дворѣ“ — и подарила ему бумажку съ красивыми краешками, которую онъ посылаетъ брату: пусть

отправитъ Жуковскому въ деревню (письмо 1802 г.; объ Авдотьѣ Николаевнѣ еще въ письмѣ 21 марта).

Когда лѣтъ двѣнадцать спустя Марья Николаевна вновь очутилась на пути Жуковскаго, ее было не узнать, но ея прошлое просвѣчиваетъ въ ласково-двуличной характеристикѣ, которую далъ ей тогда Воейковъ:

Нѣтъ, милая, не всѣ ты побѣдила страсти!
Согласенъ, надъ тобой любовь лишилась власти,
Прошло желаніе талантами блистать,
Плѣнять и ослѣплять;
Но, бѣдныхъ, страждущихъ и сирыхъ къ утѣшенью,
Осталась страсть — къ благотворенью [1]).

Екатерина Михайловна Соковнина, о которой упоминаетъ одно изъ приведенныхъ выше писемъ Андрея Тургенева, была предметомъ его юношескаго увлеченія. Два сентиментальныхъ романа разыгрывались параллельно, издали, въ буквальномъ смыслѣ—романы въ письмахъ. На этотъ разъ Тургеневъ въ Петербургѣ, Жуковскій ведетъ его сердечное дѣло въ Москвѣ. Мы знаемъ, что Александръ Тургеневъ ввелъ брата въ домъ Соковниныхъ; когда написано было слѣдующее письмо Андрея къ Жуковскому, знакомства еще нѣтъ, но Андрей его желаетъ; мы увидимъ, по какому романическому поводу. Анна Ѳедоровна Соковнина потеряла мужа, и эта утрата поразила одну изъ ея дочерей. Ничто не могло ее утѣшить; когда семья переселилась въ другой домъ, дочь не могла въ немъ жить, не находя въ немъ les traces de mon père. Она хотѣла уйти въ монастырь, наконецъ, однажды ночью вылѣзла изъ окна, ушла въ село Никольское (въ 12-ти верстахъ отъ Москвы) и поселилась въ домѣ одного знакомаго крестьянина, взявъ съ собою Руссо и Библію. „Представь себѣ, братъ, какая нѣжная, глубокая любовь!... Я бы желалъ узнать ее лично. При всякомъ подобномъ случаѣ я досадую на себя; ты знаешь, за что. Признаюсь, всѣ бы будущія и прошедшія радости моей жизни отдалъ за ея чувства“. Онъ утѣшается тѣмъ, что задумалъ посвятить ей переводъ Вертера; но это надо держать въ тайнѣ. Вотъ и посвященіе: „Тебя, которая

---

1) „Къ М. Н. С—ой“. Село Муратово 1814 г. Напечатано въ Славянинѣ ч. XIII (1830 г.), стр. 140.

навсегда отказалась отъ радостей міра, чтобы проливать слезы о незабвенномъ родителѣ, которая, получивши отъ неба сердце, умѣла любить нѣжно, познала всю сладость сего драгоцѣннѣйшаго дара небесъ и, наконецъ, посвятила его вѣчной горести до блаженнаго соединенія съ тѣмъ, для кого оно билось,—тебѣ посвящаю это изображеніе пламенной, злополучной страсти! Ты меня не знаешь, но если чтеніе этой книги займетъ на нѣсколько минутъ твое вниманіе, если она усладитъ скорбь твою, то знай, что я щедро награжденъ тобою. Съ дыханіемъ благодатной весны да прольется кроткое умиленіе въ твоемъ сердцѣ; ороси сладкими слезами первый цвѣтокъ весенній и принеси его въ даръ памяти незабвеннаго друга. Да оживится въ растроганной душѣ твоей мысль о той вѣчной, неувядаемой веснѣ, которая возсіяетъ для тебя нѣкогда въ другомъ счастливѣйшемъ мірѣ и возвратитъ тебѣ его на вѣки" (письмо 1799—1800 г.).

Дѣло идетъ, по видимому, объ Екатеринѣ Михайловнѣ Соковниной, которой полны письма Андрея Тургенева. Онъ познакомился съ нею, вошолъ въ семью, увлекся, а она его полюбила; у нея къ нему „страсть", сентиментальная, кротко отдающаяся, покорно выжидающая, что пошлетъ судьба, лишь бы ее любили; она также напоминаетъ намъ Франциску фонъ Штернахъ. Андрей Тургеневъ объяснился съ ней, сдѣлалъ какіе-то шаги, и это его нравственно связало. А между тѣмъ ему пришлось ѣхать въ Петербургъ, отношенія поддерживались письмами; на этотъ разъ передатчикомъ и посредникомъ былъ Жуковскій.— „Что-то, братъ, мнѣ готовится? писалъ онъ ему; я увѣренъ, что ты примешь участіе, раздѣлишь со мною судьбу мою" (18 мая 1802 г.). Лишь бы письма не попали въ руки брата Екатерины Михайловны: „постарайся объ этомъ съ братомъ (Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ); скажи хоть въ шуткахъ, отдавая: смотрите-жъ, никому не показывайте" (декабрь 1801 г.). Между тѣмъ батюшка довѣдывается у него, нѣтъ-ли у него какой страстишки (18 мая 1802 г.), подозрѣваетъ его въ „шашняхъ сентиментальныхъ" (письмо того-же года), а въ Петербургъ дошли нелѣпые слухи, будто онъ въ связи съ Екатериной Михайловной, и онъ тревожится: надо предупредить дальнѣйшія бѣды, лучше писать порѣже. „Я пишу къ ней, я не перемѣню своего намѣренія, что ни будетъ" (3 февр. 1802 г.). Екатерина Михайловна также писала ему; и онъ посылаетъ копію съ ея письма Жуковскому, съ просьбою не показывать

его никому, кромѣ брата (Александра Ивановича). „Письмо ваше, отъ 24-го Ноября, у меня, говоритъ Екатерина Михайловна, Жуковскій описалъ вамъ мой разговоръ, мои мысли, но вы знаете, что все здѣсь невѣрно, какъ всѣ наши предпріятія разрушаются, даже тѣ, которыя уже приходятъ къ концу; а мы съ вами теперь такъ далеко другъ отъ друга, такъ надолго! Я такъ мало отъ себя завишу, окружена людьми разныхъ предразсудковъ. Какая-же послѣ всего этого надежда? Конечно, мы можемъ мечтать, но не основываясь на мечтахъ своихъ. Я знаю вамъ цѣну, повѣрьте этому, и знаю также, что я ни съ кѣмъ такъ счастлива быть не могла, какъ съ вами. Но къ чему намъ знаніе? Судьба строитъ все по своему. Испытавъ такъ много непостоянства ея, я уже вѣрнаго ничего не полагаю. Будьте веселы, спокойны, счастливы. На что быть для меня несчастливымъ? Мы будемъ стараться сдѣлать другъ друга счастливыми и пользоваться жизнію. Но ежели судьба насъ опредѣлила на другое, то мы заранѣе къ тому приготовимся. Меня никакая ея жестокость не удивитъ. Вы правду сказали, что мы имѣемъ мало радостныхъ минутъ въ жизни. Опытность сушитъ сердце; а я такъ много испытала! Васъ еще другая эпоха ожидаетъ, какъ говоритъ Карамзинъ въ VI-й части. Слава! Стремитесь за ней, и она васъ утѣшитъ въ неудачѣ первой. А мнѣ остается attendre et puis mourir. Но не огорчайтесь обо мнѣ. Надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ, и я еще мечтаю“ (въ письмѣ къ Жуковскому декабря 1801 г.).

Письма Тургенева говорятъ, какія сердечныя тревоги онъ переживалъ: „Все меня обвиняетъ“, жалуется онъ другу (30 генваря 1802 г.); тронутъ словами Екатерины Михайловны, которыя привелъ въ своемъ письмѣ Жуковскій: „что она рада всѣмъ угождать и пр., бывъ увѣрена въ любви моей“ (3 февр. 1802 г.). „Прилагаю при семъ письмецо къ Екатеринѣ Михайловнѣ. Отдай, братъ, самъ; vous y verrez, si elle vous le montre, combien mon âme est agitée! Ah, mon cher ami!“ Да пусть Екатерина Михайловна сыграетъ прилагаемый маршъ на тему: „два человѣка разсуждаютъ о горестяхъ жизни“ [1]). По-

1) Это письмо датируется указаніемъ на трауръ по поводу „кончины родителя нашей императрицы“. Отецъ Елизаветы Алексѣевны, сынъ великаго герцога Баденскаго, Карла Фридриха, скончался 15 декабря 1801 года, разбитый лошадьми въ Стокгольмѣ.

нятно увлеченіе Тургенева такими сюжетами, какъ Элоиза (и Абеляръ?) или Геро и Леандръ: „Слышали ли вы о валдайской Геро и Леандрѣ? Влюбленный монахъ всякую ночь переплывалъ черезъ озеро; свѣчка угасла, онъ погибъ. Козл(овскій?) прекрасно это опишетъ. Начало прекрасно, прекрасно" (письмо 1802 г.). Понятны и вопросы: „что дѣлаетъ Катерина Михайловна? Когда воображаю ее, ея горести!". Что она дѣлаетъ, „что она говоритъ съ тобой?".—21 марта 1802 года Тургеневъ спрашиваетъ Жуковскаго (изъ Петербурга): „Что, братъ, она? Se croit elle heureuse? Est-elle contente? и здорова-ли?—„Я здѣсь живу такъ счастливо, какъ можетъ мнѣ позволить внутреннее расположеніе моего духа и сердца и то понятіе, которое я составилъ себѣ о счастіи. Обстоятельствъ внѣшнихъ нельзя лучше желать, но если внутренняя гармонія не отвѣчаетъ наружной, если инструментъ, сколь ни хорошо настроенъ, то играть имъ не умѣютъ?"... (къ Жуковскому 7/19 генваря 1803 г. изъ Вѣны). Еще сбираясь въ Вѣну, онъ велитъ Жуковскому сказать Мерзлякову, что получилъ его критику на „Радость", и какъ бы порадовался; самъ онъ сталъ теперь покойнѣе, „но вообще, братъ, не радость теперь чувство души моей, радость состоитъ въ мечтательности, а мнѣ кажется теперь мечтать не о чемъ, но за то другого рода радость та, что я жертвую своею радостью. Жертвую! Если бы я имѣлъ истинную чувствительность и доброту, могъ-ли бы я сказать это? Но за что-же мнѣ обвинять себя, когда я сотворенъ такъ? Ахъ! развѣ бы я не могъ преодолѣвать себя? Вотъ сколько вопросовъ, сомнѣній, противорѣчій!.. Какъ будто какой-нибудь герой, говорю тебѣ о пожертвованіяхъ! Съ такимъ малодушіемъ всякій долженъ бы этому смѣяться; но ты не будешь".

Письма изъ-за границы къ „извѣстнымъ особамъ (сестрамъ Соковнинымъ) передаются, по прежнему, черезъ пріятелей [1]). „Что Соковнины? спрашиваетъ Тургеневъ изъ Вѣны 20 сентября/2 октября 1802 г., веселы или печальны?... Какъ, братъ, все-пойдетъ и чѣмъ все кончится? Ты знаешь, о чемъ я говорю. Скажи мнѣ твои мысли, твои догадки. Я теряюсь въ тысячи возможностей, въ тысячи препятствій, теряю надежду, бодрость и силу духа! Какъ я далеко зашелъ отъ одного неосторожнаго

1) Сл. письма Мерзлякова къ Жуковскому 13 октября 1802 г., Русск. Арх. 1871, № 2, стр. 0136.

шагу! Но мое обѣщаніе тебѣ и мнѣ самому свято, всегда свято для меня останется, въ этомъ не сомнѣвайся".

Женщины, которыми увлекались Андрей Тургеневъ и Жуковскій, Свѣчина и Соковнина, Протасова и Воейкова принадлежатъ къ одному опредѣленному типу; онѣ какія-то страдательныя, ихъ радость, какъ для Тургенева, въ „мечтательности", онѣ — сильфиды или ундины, какъ выразился о Воейковой современникъ, онѣ легко поддаются и формуются, когда къ нимъ подойдетъ какой нибудь „Владиміръ Ленскій", съ душею прямо гёттингенской", въ которомъ ни шумъ веселій, ни науки, не измѣнили души, „согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ", а чувство изощрено подходящими чтеніями. Андрей Тургеневъ—это Ленскій avant la lettre:

Онъ вѣрилъ, что *душа родная*
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы...
Что есть *избранные судьбами*
Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь насъ озаритъ
И міръ блаженствомъ одаритъ.

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ,
Подъ небомъ *Шиллера и Гёте*;
Ихъ поэтическимъ огнемъ,
Душа воспламенилась въ немъ;
И музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть нѣжной простоты.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ *разлуку и печаль,*
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблекшій жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

(Евг. Онѣгинъ гл. 2. VIII—X).

3.

Андрей Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 8 іюля 1803 года послѣ кратковременной болѣзни, вызванной простудой и неосторожностью [1]); ему не было 22-хъ лѣтъ. Жуковскій скорбитъ, что не былъ при кончинѣ друга: „можетъ быть, темное, отдаленное воспоминаніе о тѣхъ, которые остались плакать о немъ въ этомъ мірѣ, приходило оживлять его въ нѣкоторыя минуты, свободныя отъ физическаго страданія. Можетъ быть, онъ желалъ насъ видѣть и воображалъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, потерявъ его! Но кого не утѣшитъ Иванъ Владимировичъ! [2]) Онъ, конечно, облегчилъ тягость разлуки его съ жизнію! Онъ усладилъ его надежды на безсмертіе, на скорое свиданіе съ тѣми, которыхъ онъ любилъ въ этомъ мірѣ“ [3]). „Андрей Ивановичъ помнилъ насъ безъ сомнѣнія въ послѣднія минуты, писалъ Жуковскому Мерзляковъ (24 авг. 1803 г.). Ахъ, онъ умеръ очень тяжело. Природа долго боролась съ

---

1) „Распотѣвши поѣлъ мороженаго“ (Дневникъ Ал. Тургенева 22 генв./3 февр. 1804 года).

2) Лопухинъ.

3) Къ Ив. Петр. Тургеневу, 11 авг. 1803 года. Въ числѣ неизданныхъ писемъ Ал. Тургенева одно написано въ отвѣтъ на утѣшенія Жуковскаго и друзей.

болѣзнію; крѣпкое сложеніе причинило ему конвульсіи; въ четыре дня все совершилось... горячка съ пятнами окончила жизнь такого человѣка, который долженъ былъ пережить всѣхъ насъ"[1]). „Гнѣвное небо долго для насъ не прояснится, но мы найдемъ утѣшеніе въ самихъ себѣ. Конечно, мы для Андрея Ивановича ничего не сдѣлали, но погрузимся въ свои чувства, спросимъ у своей совѣсти, развѣ мы его недостойны? Развѣ не любили его? Развѣ забудемъ когда-нибудь? Нѣтъ, онъ для насъ не умеръ, онъ живъ въ нашемъ соединеніи, которое разорвется только тогда, когда Небо захочетъ соединить всѣхъ насъ троихъ"[2]).

Его кончина ощутилась въ кружкѣ, какъ невознаградимая утрата: такъ много возлагали на него надеждъ. Карамзинъ интересуется имъ, ведетъ съ нимъ бесѣду по поводу переписки Юнга съ Фонтенелемъ, которую Тургеневъ сбирался переводить[3]); благосклонно встрѣтилъ его Элегію, признавъ за авторомъ вкусъ и чутье къ поэтическому слогу; со временемъ онъ будетъ, конечно, оригинальнѣе „въ мысляхъ и оборотахъ, со временемъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ онъ найдетъ способъ говорить *по своему*[4]). Это бываетъ дѣйствіемъ таланта, возрастающаго съ лѣтами". Отмѣтивъ нѣкоторые мелкіе недочеты (въ риѳмахъ),

---

1) Русск. Арх. 1871 г. № 2, стр. 0141—2.

2) Тамъ-же, стр. 0146 (осенью 1803 года)

3) Письма Каменева 10 окт. 1800 г. у Боброва l. c. т. 3, стр. 129 — 30 „Наше изданіе меня прельщаетъ, во что бы ни стало я въ немъ участникъ. Мои письма Юнга и Ф(онтенеля) будутъ напечатаны" (Къ Жуковскому, вѣроятно, 1801 г.).

4) Говорить не — покарамзински? Карамзинъ былъ противъ карамзинистовъ. „Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ, говорилъ онъ Каменеву, сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держатся оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ. Но ему простительно, онъ по русски не читалъ ничего, кромѣ „Моихъ бездѣлокъ" (письмо Каменева отъ ноября 1800 г. у Боброва, l. c. стр. 143; разумѣется Путешествіе Вл. Измайлова въ полуденную Россію въ письмахъ. М. 1802 г.).—Ал. Тургеневъ читалъ въ Гёттингенѣ Вѣстникъ Европы, которымъ снабжалъ его Шлёцеръ, и ему пріятно было встрѣчать *образованный* слогъ у многихъ своихъ соотечественниковъ: „пусть бо́льшая часть изъ нихъ пишетъ худо, пусть они будутъ самыми рабскими карамзинистами, все это будетъ имѣть свою пользу". Инте-

Карамзинъ совѣтовалъ и въ бездѣлицахъ исполнять условія, хотя бы за тѣмъ „чтобы несчастные стихотворцы не привязывались къ счастливымъ".—Характеризуя Тургенева и Блудова, когда оба они служили въ Архивѣ, Вигель записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]): „Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всей скромностью великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутіи всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ славѣ; какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ", еслибъ не умеръ рано; кромѣ него, брата Александра и Блудова, „едва-ли кто зналъ изъ моихъ товарищей", что есть уже русская словесность, а они жили въ одномъ городѣ съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ!

Вѣсть о смерти Андрея Тургенева лишь поздно дошла до компаніи русскихъ студентовъ, занимавшихся тогда въ Гёттингенѣ; между ними были Ал. Ив. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ. Отсюда они писали Жуковскому и Мерзлякову: отчего бы и имъ не пріѣхать, послушали бы Шлецера, Гейне, Бутервека [2]), Ал. Тургеневъ, которому въ Геттингенѣ стукнуло 19 и 20 лѣтъ,

---

ресно сличить эту замѣтку дневника 30 мая / 11 іюня 1803 года съ другой подъ 31 іюля / 12 авг. того-же года, результатъ бесѣды съ Шлёцеромъ; „отдавая всю справедливость величественному, сильному слогу Ломоносова, не можетъ онъ (Шлёцеръ) не признаться, что и Карамзина слогъ въ своемъ родѣ долженъ былъ сдѣлать эпоху въ Россіи". Правда, говоритъ онъ, что для русскихъ Ломоносовъ долженъ быть сроднѣе, „но за то и легкость и очищенность Карамзина отъ славянизма (который, однако, всежъ долженъ служить основаніемъ истинно русскому слогу) имѣютъ свою цѣну (въ выноскѣ замѣтка: Если взять въ разсужденіе мнѣніе Лихтенберга о языкѣ, то врядъ-ли оно будетъ выгоднымъ для почтеннаго преобразователя русскаго слова: Die Sprache gehört der Nation und mit dieser darf man nicht umspringen wie man will. Слѣдовательно языкъ долженъ быть принаровленъ къ національному характеру. Пусть легкость останется у французскаго, нѣжность у итальянскаго, а сила и важность должны принадлежать русскому). Разница видна, критиковалъ съ усмѣшкой Шлёцеръ, и въ числѣ точекъ и тире, попадающихся на страницахъ сихъ двухъ авторовъ. У одного врядъ-ли на цѣлую страницу увидишь болѣе трехъ періодовъ, а слѣдовательно трехъ точекъ, у второго десять и болѣе, не считая тире и восклицательныхъ знаковъ".

1) Ч. I, стр. 175, 177.

2) Неизданное письмо Ал. Тургенева 7 ноября 1802 года, съ припискою Кайсарова.

былъ въ чаду нѣмецкой науки, слушалъ Шлёцера и Бутервека, Эйхгорна и Буле, ходилъ на лекціи любимой имъ ботаники и—медицины, интересовался краніологіей. Онъ набирается знаній, европейскихъ идей, хочетъ быть ихъ насадителемъ на родинѣ; въ нашей литературѣ его радуетъ „свобода духа, несжимаемая цензурою. Всѣмъ позволено разсуждать хотя бы то было и о тайной канцеляріи, никто не боится не хвалить, когда надобно, Государя, но всякій охотно ищетъ къ тому удобнаго случая, и, кажется, что писателямъ нашимъ пріятно повторять имя Александра“ [1]). Вернувшись въ Россію онъ хочетъ „напечать нѣсколько книжекъ“, которыя могли бы „послужить къ распространенію въ Россіи политическихъ, совершенно новыхъ идей, которыя не могли родиться при прежнихъ правленіяхъ“ [2]). Другая мечта: описать свое путешествіе въ письмахъ, чтобы показать „тѣ благодательныя для меня дѣйствія на всю жизнь мою отъ здѣшняго ученія“ [3]); письма изъ Гёттингена, Парижа, Лондона, Вѣны, которыя онъ сбирался издать, и все это посвятить „одному другу“, еслибы можно — съ девизомъ „бѣлой розы“, значеніе котораго было бы понятно лишь другу и ему [4]). Онъ полонъ русскаго самосознанія, народной гордости: Шлёцеръ говорилъ на лекціи о Петрѣ Великомъ, который сорвалъ завѣсу, отдѣлявшую сѣверъ отъ южной Европы, и о послѣдовавшемъ за тѣмъ времени, когда при Елисаветѣ скромнымъ музамъ угрожало изгнаніе изъ Россіи. „Теперь, напротивъ, продолжалъ Шлёцеръ, какая дѣятельность въ Государѣ разсаждать науки, какое рвеніе въ дворянахъ соотвѣтствовать его благодѣтельнымъ намѣреніямъ! Смотрите, вскричалъ Шлёцеръ, указавъ на усаженную русскими лавку: вотъ тому доказательство!“ [5]) Въ другой разъ онъ упомянулъ на лекціи о предкѣ Тургенева, само-

---

1) Дневникъ 30 мая / 11 іюня 1803 года.

2) Ibid. 27 мая / 8 іюня 1803.

3) Ibid. 11 / 23 іюня 1803 г.

4) Ibid. 16 / 28 іюня. Въ Вѣстникѣ Европы іюнь 1803 г. № 12, стр. 302 слѣд. напечатано „Письмо изъ Гёттингена отъ 23 мая 1803 года“: описывается поѣздка Ал. Тургенева въ Кассель, которую онъ изобразилъ въ своемъ дневникѣ 2 / 14 мая 1803 г. Соотвѣтственный № Вѣстника онъ получилъ отъ Шлёцера (Дневникъ подъ 19 / 7 авг. 1803 г.). Ал. Тургеневу принадлежитъ, вѣроятно, и „Путешествіе русскаго на Брокенъ въ 1803 году“ (Вѣстникъ Европы 1808 г. ноябрь, № 22 стр. 77 слѣд.; подписано: А. Т.).

5) Ibid. 19 іюня / 1 іюля 1803 г.

вольно пострадавшемъ изъ любви къ своему отечеству: „Петръ Тургеневъ, вскричалъ Шлёцеръ, былъ жертвою пламенной, истинной любви своей къ отечеству". „Думалъ ли сей патріотъ, записываетъ Ал. Тургеневъ, что нѣкогда исторія будетъ говорить о немъ, думалъ-ли онъ, что потомокъ его въ иностранной землѣ будетъ имѣть ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе слышать публично съ каѳедры о дѣлахъ своего предка!

Такъ древній Кодръ умиралъ,
Такъ Леониды погибали,
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.

———

Гдѣ лира? Смѣло начинаю,
Я подвигъ предка пѣть хочу" [1]).

Шлёцеръ приголубилъ юношу, пріохотилъ его къ русской исторіи, научилъ почитать источники, Urkunden, приготовилъ въ немъ будущаго ихъ собирателя [2]).

---

1) Ibid. 27 февраля / 11 марта. Въ письмѣ Ал. И. Тургенева къ П. А. Осиповой 10 февр. 1837 года онъ объясняетъ ей подпись („Безъ боязни обличаху") подъ своимъ портретомъ, который ей посылаетъ. „Безъ боязни обличаху — текстъ изъ лѣтописца Троицкаго Сергіевскаго монастыря Авраамія Палицина, который, описывая патріотически-смѣлый поступокъ предка нашего Петра Тургенева (и Плещеева), кои изобличали самозванца въ самозванствѣ и за то побіены имъ каменіемъ на Красной площади, говоритъ о сихъ двухъ герояхъ искренности и любви къ отечеству: Безъ боязни обличаху. Это приняли мы девизомъ нашимъ".

2) Онъ готовится собрать библіотеку для русской исторіи, особливо новой, разыщетъ въ Московскомъ Архивѣ „условіе, которое поднесли бояре Михаилу Ѳеодоровичу при возложеніи на него бремя (sic) правленія. Оно можетъ рѣшить вопросъ, къ какому образу правленія отнести русское: къ неограниченной ли монархіи или къ ограниченной, назначено ли тамъ родъ совѣта или сената, съ которымъ государь раздѣлить долженъ законодательную власть, или нѣтъ; и надобно ли почитать неограниченное правленіе русскихъ государей, какъ похищеніе непринадлежащей имъ власти, или и въ самомъ дѣлѣ и условіе сіе даетъ право Государю на неограниченное правленіе. Послѣднее сомнительно; иначе для чего бы по сю пору не публиковать сей интересной и важной древности? Ibid. 28 мая / 9 іюня 1803. Сл. 31 іюля / 12 авг.: взялъ у Шлёцера уговоръ, сдѣланный Вас. Ив. Шуйскимъ съ русскими боярами, думаетъ издать его вмѣстѣ съ уговоромъ бояръ съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, если ему удастся „выманить его изъ заклеповъ Московскаго Архива, изъ рукъ бдительныхъ его аргусовъ".

Между тѣмъ порой, особенно въ первое время, онъ скучалъ по родинѣ, по деревнѣ. „Симбирскъ, Симбирскъ! Горы твои и величественная Волга не изгладятся изъ моей памяти. Братъ, братъ!

Скоро-ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, веселый взглядъ?
Скоро-ль мы друзей обнимемъ" [1]).

Читая Грееву Элегію онъ вспомнилъ „деревенскую свою ограду, на которой стоитъ простой деревянный домикъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ покоится прахъ предковъ нашихъ; когда пріѣду въ деревню, то первое мое движеніе будетъ посѣтить это мѣсто. Можетъ быть, и невольная слеза выпадетъ и меланхолія освятитъ ее. Тамъ надпишу я: Beneath those rugged elms that yew-trees shade.... No more shall rouse them from their lowly bed?" [2]). Гуляя вечеромъ, вспомнилъ „свое Тургенево, кароводы. О, когда я буду опять тамъ, когда въ кругу милыхъ добродушныхъ крестьянокъ забуду спекулятивную философію, когда оживлю въ своей памяти дѣтскія свои игры на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, кои были ихъ свидѣтелями?" [3]). „Смотрю въ окошко на высокую гору, гдѣ одно деревцо уединенно стояло; вспоминая прошедшее, какъ сонъ, представилась мнѣ деревенская жизнь наша. Все пройдетъ, думалъ я, и о теперешней жизни останется у меня такое-же слабое воспоминаніе. Утро дней моихъ сольется съ полднемъ моимъ; все пройдетъ, твердилъ я, и

Mit Blumen, die ich heute pflücke
Wird morgen man vielleicht mein Grab bestreuen" [4]).

---

1) Ibid. 29 декабря 1802 / 10 генваря, 1803 г. Стихи взяты изъ Дмитріева, Стансы къ Н. М. Карамзину (1793 г.):

Скоро-ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братскій хоръ?

2) Ibid. 22 февраля / 6 марта 1803 г.

3) Ibid. 17 / 29 іюня 1803 г.

4) Ibid. 14/26 февраля 1803. Ал. Тургеневъ любилъ цитировать нѣмецкіе стихи; подъ 15 / 27 февраля 1803 г. онъ приводитъ стихи изъ Шиллерова Валленштейна, не пропущенные тогдашней нѣмецкой цензурой:

Его тянетъ къ своимъ: тамъ отецъ и мать, его „бѣлая роза“, друзья; пѣсня „къ Нинѣ“ Жуковскаго, которую онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ, напомнила ему блаженное время [1]). Когда-то онъ свидится съ друзьями? И теперь они рѣдко пишутъ, а тамъ настанетъ для него кочующая жизнь, на письма еще меньше надежды. „Прiѣду въ Москву, они уѣдутъ, а я опять какъ ракъ на мели; они возвратятся, я при должности. Чувство живой дружбы притупляется. Что насъ будетъ связывать, что возобновитъ наши прежнія связи? Всякій изъ насъ узнаетъ покороче свѣтъ и людей — хаосъ; но нѣтъ: это же еще должно и поддержать наше дружество, это и утвердитъ его; мы узнаемъ людей, ihre Pfiffigkeit, и тѣмъ съ бо́льшимъ жаромъ, или нѣтъ, тѣмъ съ бо́льшимъ разсудкомъ полюбимъ другъ друга, удостовѣрясь въ нашей взаимной привязанности — слѣдствіе товарищества, благодѣтельное слѣдствіе нашей молодости. По крайней мѣрѣ я Мерзлякова и Жуковскаго никогда, никогда не забуду, никогда не истребится во мнѣ къ нимъ то, что я теперь чувствую“. Дай Богъ, чтобы въ нихъ не перемѣнилось это чувство, на Жуковскаго онъ надѣется, онъ „добръ, очень добръ, еслибы только мрачная злоба людей не впечатлѣла, не врѣзала въ мягкое его сердце недовѣрчивости, ненависти къ людямъ. Онъ отъ доброты же своей можетъ ихъ возненавидѣть, или полюбить человѣчество: первое обыкновенно чаще случается, но онъ, кажется, не вынесетъ продолжительнаго, безпрестаннаго отвращенія къ людямъ, это чувство можетъ задавить его—и для того, хотя онъ вѣчно будетъ обманываться въ людяхъ, онъ вѣчно будетъ любить ихъ“ [2]).

Урываясь отъ лекцій, Ал. Тургеневъ перечитываетъ Новую Элоизу. Прежнихъ ощущеній уже нѣтъ, но онъ болѣе вникаетъ въ смыслъ автора и находитъ по прежнему прекраснымъ восклицаніе Saint-Preux, „когда онъ узнае́тъ, что и она любитъ его, что и она по сю пору только что скрывала свои чувства къ

Die Welt auf der Degenspitze ruht,
Wohl dem, der den Degen jetzt führt.
Drum, tapfern Krieger, fasset Muth,
Ihr zwinget das Glück und regieret,
Es steht keine Krone so sicher und hoch,
Der muthige Kämpfer erreichet sie doch.

1) Ibid. 18 февраля / 2 марта 1803.
2) Ibid. 20 іюня / 2 іюля 1803.

нему: Permets, permets que je savoure le bonheur innattendu d'être aimé!... aimé de celle... trône die monde, combien je te vois au-dessous de moi..." [1]) „О Руссо, Руссо! ты еще никогда не былъ для меня то, что теперь" [2]); чтеніе Элоизы подслащиваетъ для него „горькія истины метафизики и нарушенныя права народовъ, о которыхъ съ утра до вечера твердятъ мнѣ" [3]).

12/24 августа еще Элоиза; Тургеневъ хочетъ познакомиться въ Парижѣ съ Des-Fontaines'омъ, который знавалъ Руссо.

Слѣдующая страница надписана: Quid tantum insano juvat indulgere dolori! Онъ только что узналъ о кончинѣ брата.

Андрей царилъ въ его дневникѣ наравнѣ съ нею, являлись порой и мечты поѣхать съ нимъ путешествовать: они напомнили бы другъ другу „о времени, которое мы провели вмѣстѣ, о небольшихъ, но интересныхъ для насъ происшествіяхъ, которыя случались съ нами. Настоящее никогда не имѣетъ для насъ прелестнаго, всегда человѣкъ жалѣетъ о прошедшемъ; однакожъ послѣдніе два года я чувствовалъ, что жилъ и наслаждался, я и въ настоящемъ чувствовалъ цѣну настоящаго, и мнѣ нельзя безъ горести и безъ глубокаго чувства вспоминать объ немъ" [4]). Отъ надежды на путешествіе пришлось отказаться: братъ писалъ ему изъ Вѣны (въ генварѣ 1803 года), что его опредѣляютъ въ Петербургѣ въ канцелярію Воронцова [5]) и что онъ долженъ выѣхать 2 февраля [6]). Были письма брата съ дороги, послѣднее пришло 28 іюля, уже послѣ его смерти, о которой Александру писали отецъ и Жуковскій, извѣстилъ Андр. Серг. Кайсаровъ.

Дневникъ прерывается почти на мѣсяцъ (съ 12/24 авг. по 7/19 сентября). „Кто мнѣ мѣшаетъ съ нимъ бесѣдовать, думать объ немъ, о плотскомъ человѣкѣ? А я бы желалъ обнять, прижать его! Братъ, братъ, милый братъ! Въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ столько духу, чтобъ написать имя твое. Боже мой! Подкрѣпи меня!". Слѣдующая, случайная помѣтка конца октября и послѣднія страницы дневника (съ 17/29 октября) полны тѣхъ же отчаянныхъ жалобъ, ожиданій чего-то еще болѣе ужаснаго,

---

1) Ibid. 6/18 іюля 1803 г.
2) Ibid. 10/22 августа 1803 г.
3) Ibid. 11/23 августа 1803 г.
4) Ibid. 25 декабря 1802 г./6 генваря 1803 г.
5) Ibid. 13/25 генваря 1803 г.
6) Ibid. 29 января/10 февраля 1803 г.

страха за будущее. Что онъ будетъ дѣлать — безъ брата? Онъ подавленъ, исчезла любовь къ дѣятельности, разстроились всѣ жизненные планы. Запись 18/30 ноября кончается стихомъ:

Fate, drop the curtain, I can lose no more!

„Опять какое-то мрачное предчувствіе!....

Woes cluster, rare are solitary woes,
They love a train, they tread each other's heels“

(1/13 декабря 1803 г.). Его сердце дрожитъ, въ головѣ безпорядокъ, въ глазахъ темнѣетъ; „братъ, ожидай меня! Скоро, скоро!“ (1 генваря нов. ст. 1804 г.).

Въ 1824 году Ал. Тургеневъ разсказывалъ князю Вяземскому, какъ, получивъ вѣсть о смерти брата, онъ пришелъ „въ отчаяніе и злобу на людей, имѣя тогда мало вѣры и много чувства“. Какъ разъ онъ прочелъ въ журналѣ Карамзина пьесу, „помнится, Прогулка по островамъ, въ которой онъ одного молодого человѣка заставляетъ говорить, что всякое нѣжное чувство, всякая сильная горесть, которую мы почитаемъ вѣчною, не вѣчна въ нашемъ сердцѣ, что все утихаетъ со временемъ. Эта психологическая истина возмутила и меня противъ Карамзина. Я видѣлъ въ немъ изверга, который не рожденъ любить вѣчно, и вздумалъ мстить ему послѣ чѣмъ бы то ни было.... Смерть брата имѣла еще и другое важное дѣйствіе на мою душу: въ первый разъ я постигнулъ безсмертіе души и душою повѣрилъ ему. Безъ этой вѣры я точно бы не перенесъ жизни безъ него. Еще и теперь сердце порывается на Невское кладбище“ [1]), гдѣ Андрей Ивановичъ былъ похороненъ рядомъ съ отцомъ.

Въ записной тетрадкѣ Ал. Тургенева сохранилось двустишіе, какъ эпитафія брату:

He was a pearl too pure on earth to dwell
And waste his splendour in this mortal shell [2]).

---

1) Письмо къ князю Вяземскому 5 августа 1824 г.

2) Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 518; подъ двустишіемъ примѣчаніе: from the arabic W. Jones Works II, 250.

„Надгробіе И. П. и Андрею Ивановичу Тургеневымъ“ написано было Жуковскимъ лишь въ 1819 году [1]).

Память Андрея Тургенева долго живетъ среди друзей,

1) Объ этой эпитафіи не разъ напоминалъ Жуковскому Ал. Тургеневъ въ письмахъ 1813—18 годовъ. Слѣдующее, еще не изданное, отъ 19 августа, относится, вѣроятно еще къ 1813 году: „Кому другому могу поручить я исполненіе столь священной для насъ обязанности? Вспомни о нихъ, представь себѣ живѣе того и другого, что́ они были для насъ и для другихъ, и самъ по себѣ личныя чувства свои. Я увѣренъ, что строки твои не переживутъ одной только дружбы нашей, ибо она перейдетъ съ нами въ невѣдомое тамъ. O, so vergänglich ist der Mensch, dass er auch da, wo er seines Daseins eigentliche Gewissheit hat, da, wo er den einzigen wahren Eindruck seiner Gegenwart macht, in dem Andenken, in der Seele seiner Liebe, dass er auch da verlöschen, verschwinden muss, und das so bald! Неужели и наши сердца оправдаютъ Вертера? Ахъ, нѣтъ, мой милый другъ, сохранимъ память друзей нашихъ: они будутъ жить въ моей памяти для того, что я живу сими воспоминаніями. Если мнѣ случается дѣятельность свою обращать на пользу людей и особливо мною любимыхъ, то опять для того, чтобъ сохранить себя въ ихъ памяти; и, право, этотъ родъ эгоизма самый простительный, ибо только въ памяти людей любимыхъ мною желаю пережить себя. Къ холодности другихъ и я равнодушенъ и воспоминаніе ихъ не потревожитъ моего праха:

So, wer den Besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt für alle Zeiten“.

Объ эпитафіи идетъ рѣчь въ письмѣ 25 ноября 1813 г.; она дала бы Тургеневу мысли для „монумента“ (13 февраля 1814 г.); „Не забудь объ эпитафіи, пусть она выльется изъ твоего сердца“ (27 августа 1814 г.). Въ письмѣ 23 октября (безъ даты, но 1817 г.: „канцлеръ благодаритъ за Вадима“) вмѣсто подписи стоитъ: „Эпитафія“. О ней идетъ дѣло и въ письмахъ 27 октября 1817 и 12 февраля 1818 гг. (отецъ и братъ еще безъ эпитафіи). 8 ноября 1814 г. Жуковскій писалъ Тургеневу: „Я желалъ бы весь геній, какой во мнѣ есть, посадить въ одну надпись и боюсь не то написать, что хочется“. Надпись (обыкновенно печатавшаяся въ числѣ стихотвореній 1807 года: „Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ“) прислана была Тургеневу въ письмѣ 1 генваря 1819 года, и можно сказать, что Жуковскому не удалось вложить въ нее своего генія.—Въ V-й книжкѣ Новостей Литературы за 1823 г., стр. 29—30, Воейковъ помѣстилъ „Невское кладбище“, эпизодъ изъ IV-й пѣсни поэмы „Искусства и науки“, съ посвященіемъ Ал. И. Тургеневу:

Что сердце сладко такъ забилось? Чей гранитъ
Мнѣ объ утраченныхъ столь сильно говоритъ?
Повѣяло душѣ веселой стариною,
Мечтами пылкими, надеждой молодою.
О братья! о друзья! здѣсь нашъ отецъ и братъ,
Цвѣтущій юноша и старецъ въ гробѣ спятъ.

какъ нѣчто завѣтное, оживляющее. Цитуютъ стихи его Элегіи [1], вспоминаютъ его эпиграмму („О какъ священная религія страдаетъ") [2]. „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ, пишетъ Ал. Тургеневъ брату Николаю:

> Зри духомъ въ вѣчность. Что твой взоръ встрѣчаетъ?
> Тамъ лучшій міръ, тамъ Богъ! Страдалецъ, улыбнись!

Это сказалъ братъ нашъ Андрей для насъ съ тобою" [3]. На брюлловскомъ портретѣ Ал. Тургенева онъ невидимо окруженъ своими братьями: на столѣ, на который онъ облокотился, лежитъ книга съ надписью на корешкѣ: „О налогахъ" (Николая Тургенева), подъ нею два листа съ надписями: „Къ отечеству" и „Элегія" (Андрея Тургенева). 10 февраля 1837 года, только что вернувшись съ похоронъ Пушкина, Ал. Тургеневъ пишетъ П. А. Осиповой: „не забудьте того, который унесетъ съ собою искреннюю къ вамъ привязанность далеко, далеко, и только въ воспоминаніяхъ будетъ искать утѣшенія въ разлукѣ съ отечествомъ, помня слова другого Тургенева: И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ" (изъ Элегіи Андрея Тургенева). Онъ посылаетъ Осиповой литографію своего портрета съ объясненіемъ надписей на немъ; между прочимъ: „Элегія написана братомъ Андреемъ, первымъ другомъ Жуковскаго, открывшимъ въ немъ геній и сердце его. „Къ отечеству"— его стихи, кои нѣсколько лѣтъ по кончинѣ читаны были въ Таврическомъ дворцѣ въ

---

1) Жуковскій къ Кирѣевской 16 апрѣля 1814 года: обѣтованный край, „гдѣ (по выраженію Андрея Тургенева) вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ, гдѣ царство вѣчное одной любви святой". Сл. выше стр. 66 цитату въ Дневникѣ Ал. Тургенева.

2) Ал. Тургеневъ къ кн. Вяземскому, 15 сентября 1820 г. Остафьевскій Архивъ, т. II, прим. на стр. 419. Въ письмахъ Андрея Тургенева къ Жуковскому сохранился и второй стихъ этой эпиграммы:

> О, какъ священная религія страдаетъ!
> Вольтеръ ее бранитъ, Кутузовъ защищаетъ....

3) Письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю, Женева 13 октября 1827 г., утро. Въ письмахъ Андрея Тургенева сохранилось стихотвореніе, откуда взяты эти строки (Надежда кроткими лучами освѣщаетъ); безъ имени автора и съ заглавіемъ „Утѣшеніе" оно напечатано въ „Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени" 1798 г., ч. 19, стр. 160.

собранiи дворянства, когда Россiя воспламенялась и ополчалась противъ Наполеона“ [1]).

Легко представить себѣ, какъ по Андреѣ горевалъ Жуковскiй; долгое время онъ не можетъ успокоиться. Въ его бумагахъ нашлись стихи на смерть Андрея Ивановича Тургенева (1803); въ рукописяхъ есть и другое заглавiе: „На смерть незабвеннаго человѣка“. Онъ не назначалъ ихъ для печати, пишетъ онъ отцу покойнаго (11 августа 1803 г.), „они писаны для меня и для васъ. Публика смотритъ на стихи, а не на чувства. Она не пойметъ меня“ — и онъ предлагаетъ всегда посвящать день смерти Андрея какому-нибудь обряду, „который бы напоминалъ намъ любезнѣйшаго человѣка и, вмѣстѣ, соединялъ насъ всѣхъ чувствами и во время разлуки нашей. 8-го iюля всѣ мы, гдѣ бы мы ни были, будемъ думать объ немъ и дѣлать одно. Эта его мысль. Онъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ предлагалъ членамъ Собранiя назначить день, который бы всѣмъ посвящать воспоминанiю о Собранiи“ [2]).

Жуковскiй хочетъ издать письма Андрея, прiобщивъ къ нимъ „краткую исторiю жизни его: пускай всѣ знаютъ, кто онъ былъ и что́ онъ былъ для тѣхъ, которые были съ нимъ связаны тѣсными узами“ (то-же письмо). Эти письма онъ возилъ съ собою, перечитываетъ ихъ въ Бѣлевѣ [3]) и позже [4]); интересуется журналомъ Андрея, проситъ прислать его [5]). Въ посланiи къ Батюшкову (май, 1812 г.) еще звучитъ неостывшее отъ времени чувство, въ посланiи къ Ал. Ив. Тургеневу — воспоминанiе о той порѣ, когда они „святой союзъ любви торжествовали“;

---

1) Портретъ Ал. Ив. Тургенева въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Ак Наукъ, Спб., 1899 г., л. 28. Письмо Ал. Тургенева къ Осиповой (съ объясненiемъ девиза Тургеневыхъ, см. выше, стр. 87, прим. 1) у Модзалевскаго, Поѣздка въ Тригорское въ 1902 г., стр. 53 слѣд. „Къ Отечеству“ было издано въ Спб. въ 1806 г. и перепечатано въ Славянинѣ 1830 г., ч. 13, стр. 364—5. Жуковскiй хлопоталъ, чтобы стихотворенiе это положено было на музыку.

2) Сл. выше стр. 63—4.

3) Къ Ал. Тургеневу 11 iюля 1810 г.

4) Къ Воейкову, сентябрь 1813 г. Въ 1814 году Ал. Тургеневъ перечитывалъ доставшiяся ему „наконецъ остальныя бумаги Андрея, письма и записочки къ Андрею Кайсарову 1799-го и слѣдующихъ годовъ. Сладкiя и горестныя минуты!“ (неизд.).

5) Къ Ал. Тургеневу конца декабря или начала генваря 1808 и 15 сентября 1809 г.

въ 1844 году онъ поминаетъ „тѣ горницы Московскаго Университета, гдѣ мы сбирались около брата Андрея, который мнѣ живо памятенъ“ [1]). Въ примѣчаніяхъ, которыми въ 1848 г. Жуковскій снабдилъ свое посланіе къ Ал. И. Тургеневу, онъ характеризуетъ Андрея, его ясный умъ, сердце, исполненное любви къ прекрасному, быстрый взоръ, казалось, читавшій въ каждомъ сердцѣ, доброжелательную душу, привлекательную остроту разговора, не оскорблявшую самолюбія, соединенную съ нѣжностью сердечной. Онъ всѣхъ соединялъ дружбой, былъ душею всѣхъ радостей. „Жизнь его можно назвать прекрасною, неисполнившеюся надеждой: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка; но все это безслѣдно погибло для цѣлаго свѣта“.

Въ своей Элегіи Андрей Тургеневъ звалъ на могилу милаго дѣвушку, сраженную судьбой:

Какъ будто въ сладкомъ снѣ узнала счастье ты,
Проснулась — и ужъ нѣтъ плѣнительной мечты!
Напрасно вслѣдъ за ней душа твоя стремится,
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать!
Ахъ! тотъ, кого-бъ еще хотѣла ты прижать
Къ изсохшей груди—плачь!—ужъ онъ не возвратится
Во вѣкъ.

Остается раздѣлить съ осеннею природою грусть сердца своего, потому что „одинъ увядшій листъ несчастному милѣе, чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты“, ихъ печальные слѣды разбудятъ воспоминаніе,

И тѣнь священная, и образъ вѣчно милый
Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой,
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его,
Какъ нѣжная рука тебя образовала
И прелестью добра тебя къ добру влекла.

Таково могло быть настроеніе Екатерины Михайловны.

„Соковниныхъ здѣсь нѣтъ, потому письмо тебѣ возвращается, писалъ Мерзляковъ Жуковскому 24 августа 1803 г. Не можешь-ли ты написать въ деревню? Надобно поберечь *бѣдную*“.

---

1) Къ тому-же, октябрь 1844 г.

Осенью того же года: „Что думаетъ и чувствуетъ Катерина Михайловна? Боже мой! Для чего намъ досталось пережить это прекрасное время, когда имъ всѣ радовались вмѣстѣ съ нами! Минута — и все для насъ знакомое, все для насъ пріятное, все къ намъ близкое покрылось печальною тьмою. Его не стало“.

Къ декабрю 1803 года относится слѣдующее стихотвореніе Жуковскаго „Къ К(атеринѣ) М(ихайловнѣ) С(оковниной):

Протекшихъ радостей уже не возвратить,
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны:
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями!
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано-ль, поздно-ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ небо одарило.

Екатерина Михайловна скончалась въ дѣвушкахъ [1]). Сохранилась записка Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, безъ даты, но написанная почеркомъ его раннихъ лѣтъ. „Сообщаю тебѣ извѣстіе, которое для тебя такъ же горестно будетъ, какъ и для меня: Катерины Михайловны нѣтъ на свѣтѣ. Веселись, братъ; нашъ кругъ часъ отъ часу уменьшается. Многихъ ужъ нѣтъ, а тѣ, которые остались, живутъ розно и не радуются жизнью. По крайней мѣрѣ я давно разучился ею радоваться. Что изъ этого выйдетъ, не знаю; но смерть всего лучше“ [2]).

Когда Жуковскій задумалъ поставить памятникъ своему другу, Мерзляковъ писалъ ему (24 августа 1803 г.); „на что намъ ставить его на могилу? Будемъ сами могилами живому, вѣчно живому духу нашего друга. Памятникъ этотъ долженъ

---

1) Въ неизданныхъ письмахъ Ал. Тургенева къ Жуковскому 4 декабря 1808 г. и 5 генваря 1809 г. Тургеневъ посылаетъ ей поклонъ.

2) Письма В. А. Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу № CXC.

быть лучшимъ украшеніемъ нашего кабинета. Тебѣ поручаю я думать объ его фигурѣ. Опиши мнѣ все, скажи, что онъ будетъ стоить и изъ чего долженъ быть сдѣланъ. Надобно какъ можно проще; надобно, чтобъ онъ былъ даже не мраченъ, чтобъ онъ возбуждалъ однѣ только сладкія чувствованія; надобно, чтобъ мы иногда съ нимъ такъ-же весело бесѣдовали, какъ и съ тѣмъ, кого онъ напоминать будетъ"[1]).

Жуковскій поставилъ другу свой памятникъ — въ посвященіи „Вадима Новгородскаго", повѣсти, явившейся въ годъ смерти Андрея Тургенева, но неоконченной. Авторъ воображаетъ себя въ безмолвныхъ дубравахъ и тихихъ долинахъ, обители меланхоліи, на лонѣ природы, въ хижинѣ, „жилищѣ, спокойствія и свободы", которое посѣтитъ „добрый, чувствительный мечтатель, другъ мира и добродѣтели" — и найдетъ счастье. „Божество сердецъ непорочныхъ, уединеніе", осѣнитъ поэта своими „кипарисами", „задумчивый" мракъ погрузитъ его въ меланхолію, „радостный образъ мирнаго счастія плѣнитъ" его „своимъ призракомъ, и пепелъ протекшихъ радостей оживитъ его слезами сладкими, посвященными воспоминанію". „О ты, незабвенный! обращается поэтъ къ умершему; гдѣ ты?" „Восхищенный, счастливый тобою, обнималъ я одну тѣнь минутную", и теперь душа стремится къ „невозвратному, навсегда улетѣвшему счастію". „Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовью чистѣйшею, мучилось моими страданіями, восхищалось моимъ блаженствомъ?" Другу онъ посвящаетъ звуки своей лиры, служащей лишь свободѣ и добродѣтели; при этомъ соотвѣтствующій пейзажъ: „Тихій мѣсяцъ таится въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно. Задумавшись, опирается муза на камень, обросшій мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; рощи, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ".

---

1) Въ 1805 году Жуковскій послалъ Ал. Тургеневу урну для памятника брату. „Она очень мала, но прекрасная и будетъ годиться, если поставить ее на столбъ, который надобно сдѣлать гранитный, потому что такой крѣпче". Онъ приписалъ и рисунокъ; „желалъ бы, чтобы каждое дерево имѣло собственное имя, то-есть имя тѣхъ людей, которые больше были къ нему привязаны. Разумѣется, что первые два должны быть посвящены батюшкѣ и Ивану Владимировичу" (Лопухину). Письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу 31 августа 1805 г.

Это цѣлый гимнъ идеальной дружбѣ — въ стилѣ Карамзинскаго „Цвѣтка на гробъ моего Агатона (1793 г.)".

Когда Жуковскій писалъ это, онъ едва ли зналъ романтиковъ; тѣмъ интереснѣе сличить его лирическую манеру, съ „сновидѣніемъ", которое Тикъ посвятилъ памяти своего друга [1]). Ваккенродеръ открылъ его скептической мысли источники идеализма, цѣну чувства, его тревожной фантазіи міръ новыхъ, покоящихъ образовъ — и самъ прислонился къ нему, какъ къ болѣе сильному; его письма къ Тику — письма влюбленной дѣвушки. Когда въ 1796 году 25-лѣтній Ваккенродеръ скончался, Тикъ помянулъ того, кому онъ былъ обязанъ свѣтлыми откровеніями поэзіи среди обуявшихъ его мрачныхъ видѣній и жесткаго хохота. Поэту представляется, что они вдвоемъ идутъ по сумрачной, окруженной утесами долинѣ; онъ обнялъ друга, склонилъ къ нему голову и плачетъ; кругомъ ни слѣда жизни, ни звѣздочки. „Я поведу тебя, дорогой мой, говоритъ ему другъ, перестань печалиться, заключимъ союзъ: будь мракъ еще мрачнѣе, онъ просіяетъ, когда мы обнимемся по братски. — И они силились встрѣтиться взоромъ, подарить другъ друга милымъ взглядомъ, чтобы такимъ образомъ подавить удрученіе духа; но во мракѣ все нѣтъ просвѣта, — и, обнявшись, мы готовы были отдаться на волю вражьихъ силъ". Вдругъ у ихъ ногъ зажглась звѣздочка и обратилась въ чудесный цвѣтокъ, ихъ тянетъ къ нему невѣдомая сила, въ немъ ихъ утѣха, ихъ радость: забыты сѣтованія и вновь забилась бодрая любовь къ жизни. Имъ хотѣлось бы сорвать цвѣтокъ, они взапуски уступаютъ его одинъ другому, но послышалась неслыханная мелодія — точно пѣніе звѣздъ: она задрожала въ ихъ груди, какъ страстное желаніе, каждый звукъ былъ дружескимъ привѣтомъ; послышался и запретъ: не срывать цвѣтка. Друзья стоятъ передъ нимъ въ любви и страхѣ, они въ святилищѣ. „Прежняя любовь казалась намъ грубой и дикой, теперь мы гордились тѣмъ, что любимъ, не похищая, и старое чувство возникло въ новой красѣ. Одиночество наполнилось для насъ жизнью, насъ влекло къ цвѣтку, душу очистило радостное волненіе, точно въ ней сновали какіе-то духи; мы ощутили неизъяснимый порывъ

---

1) Der Traum въ концѣ Phantasien über die Kunst II; сл. еще четыре сонета на смерть Ваккенродера въ Poetisches Journal, 2-es Stück, стр. 475 слѣд.

ко всему благородному, прекрасному; блаженство поселилось въ сердце и мы вняли звукамъ травъ, деревьевъ и скалъ. Благо мнѣ, что высшее наслажденіе досталось мнѣ съ тобою! говоритъ другъ, — а самъ онъ будто возродился, лицо его сіяетъ; казалось, онъ предъизбранъ былъ для блаженства — и не нашелъ обратнаго пути въ старый міръ; въ восторженномъ опьяненіи онъ какъ бы прозрѣвалъ далекія, прелестныя поляны". Между тѣмъ видѣніе измѣнилось: лепестки цвѣтка зазвучали, лучи и искры вылетали изъ его чашечки, и самъ онъ выросъ въ высокое дерево, изъ зеленой чащи котораго юношескіе лики стали метать въ друзей стрѣлы; но эти стрѣлы — звуки, на нихъ откликается воздухъ, лѣсъ и поле; друга тянетъ къ ихъ „сладостно-мелодическимъ волнамъ", онъ подставляетъ имъ грудь, и духи радуются, хотятъ привлечь его, дѣятельнѣе устремить къ цѣли, утолить печали.

Сонъ кончается явленіемъ призраковъ Гомера, Рафаэля Шекспира; все кругомъ въ волшебномъ освѣщеніи, все звучитъ, поля одѣваются цвѣтами, слышится пѣніе призрачнаго сонма: Мы принесли вамъ блаженство, но пусть же никогда не отлучится отъ насъ ваша любовь.—Поэтъ проснулся, но друга нѣтъ, того, съ кѣмъ онъ смолода дѣлилъ радость и горе. „Останься со мной, будемъ вмѣстѣ странствовать по священной области дорогого искусства; безъ тебя у меня не хватитъ мужества ни жить, ни творить".

Передъ нами образчикъ ранняго романтическаго стиля: богатство фантасмогоріи, контрасты свѣта и тѣни, метаморфозы свѣта и звука, поющія звѣзды, стрѣлы-звуки и мелодическія волны. Жуковскій никогда не дойдетъ до подобныхъ, нерѣдко вычурныхъ попытокъ выразить „невыразимое"; пока онъ сентименталистъ чистой воды, не вышелъ изъ чувствительной рефлексіи и позируетъ по оссіановски.

III.

Пора самообразованія и душевнаго одиночества.—М. А. Протасова.

Когда весной 1802 года, оставивъ службу въ Соляной Конторѣ, Жуковскій вернулся къ роднымъ въ Мишенское, за нимъ былъ опытъ чувства, было умѣнье выражать его въ формахъ сентиментализма и желаніе воплотить его идеалы въ прелести дѣйствительности. Для этого надо было устроить, обезпечить себя безъ помѣхи любимымъ занятіямъ, доучиться,—онъ живо ощущалъ недостатки школы. Уже въ 1803 году Ал. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ звали его и Мерзлякова въ Гёттингенъ; въ 1805 г. онъ рѣшился „вояжировать“, мать Тургенева отпускала съ нимъ и Мерзляковымъ и сына Николая, но не раньше будущаго мая; Жуковскій могъ-бы еще подождать, „но для Мерзлякова ist es schon hohe Zeit, вѣдь онъ казенный человѣкъ“ [1]). Предполагалось слушать лекціи въ Гёттингенѣ, побывать въ Іенѣ, Парижѣ; но проэктъ не состоялся [2]). „Что мнѣ писать о вашемъ вояжѣ“, писалъ тогда Жуковскому Дмитріевъ (15 ноября 1805 г.). Еслибъ я умѣлъ рисовать, то представилъ бы юношу, точь въ точь Василія Андреевича, лежащимъ на недоконченномъ фундаментѣ дома; онъ одною рукою оперся на лиру, а другою протираетъ глаза, смотритъ на почтовую карту и, зѣвая, говоритъ: Успѣю! Это будетъ надписью подъ картиною. Въ ногахъ нѣсколько проэктовъ для будущихъ сочиненій, планъ цвѣтнику и песочные часы, перевитые розовою гирляндою“. Не состоялся и другой проэктъ: Жуковскій вздумалъ искать мѣста, о чемъ просилъ

---

1) Письмо Ал. Тургенева Жуковскому 4 іюня 1805 г. (Неизд.).

2) Сл. Дневники Жуковскаго 1805 г., 13 іюня и 9 іюля; письма къ Ал. Тургеневу 1805 г. второй половины и 31 августа; 1806 г. 8 генваря.

Марья Андреевна Протасова.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ.

и своихъ друзей[1]). Тогда онъ принялся за „лекціи" самому себѣ, серьезно, даже педантично; тому свидѣтельствомъ его дневники. Забота обращена не только на самообразованіе, на распорядокъ занятій, причемъ составлена „роспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ", но и на самопознаніе: чувствуется вліяніе книги Іоанна Масона „Познаніе самого себя" (Москва, 1782 г.), переведенной его духовнымъ руководителемъ И. П. Тургеневымъ. Надо было образовать характеръ и для этой цѣли кропотливо разобраться въ своихъ свойствахъ и недостаткахъ: какъ избавиться отъ прирожденной медлительности, поддержанной непривычкой къ дѣятельности; какъ побороть ревность, обращать зависть въ „соревнованіе" или въ „искреннее пріятное удивленіе"; говорить правду, не оскорбляя самолюбія, или не говорить вовсе, если она вредна. Иныя изъ этихъ житейскихъ правилъ, плодъ теоріи или ранняго опыта, Жуковскій повторитъ въ письмахъ къ друзьямъ, станетъ заносить въ альбомы. „Дневникъ" останется для него навсегда лучшимъ средствомъ самонаблюденія: онъ введетъ его у Протасовыхъ, поощритъ къ тому-же граф. Самойлову, попроситъ Цесаревича, которому поднесъ альбомъ, подаренный ему наслѣдникомъ прусскаго престола, вписывать въ него мысли, которыя могли бы впослѣдствіи руководить какъ его нравственными, такъ и государственными поступками. — Пока его главная задача — построить планъ жизни, заработать счастье. Какъ это сдѣлать?

Уже въ самомъ раннемъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ дневника (1804 г.) онъ откровенно заявляетъ, что у него нѣтъ „способностей публичнаго человѣка" (öffentlicher Mann). Это характерно для молодого поэта и для эпохи; общественные вопросы отходятъ на второй планъ, ихъ рѣшеніе покоится на личномъ развитіи: дѣло „просвѣщенія" дать человѣку „искусство дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука Промысла, въ самомъ себѣ находить неотъемлемое счастье"; если такое просвѣщеніе коснется многихъ, всѣ окажутся довольными „тѣмъ участкомъ благъ, большимъ или малымъ, который получили отъ Провидѣнія", будутъ взирать „независтливымъ окомъ на преимущества чуж-

1) Сл. письма къ Тургеневу 1806 г., половины и 24 декабря; 17 и 28 генваря 1807 г. Сл. письмо къ Жуковскому Анны Петровны Юшковой, Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 130.

даго, которое для него несвойственно, сравняются между собою въ стремленіи.... образовать, украсить, приблизить къ Творческой, свою человѣческую натуру". Лучшая награда всякому „во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ *человѣкъ*, совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ*, трудясь съ намѣреніемъ.... приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій" (Письмо изъ уѣзда 1808 г.).

Естественной средой, „кругомъ" для такого воспитательнаго вліянія просвѣщенія является семья: семьянинъ идетъ передъ гражданиномъ. „Почитай обязанностью быть дѣятельнымъ для пользы отечества, говорится въ статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ" (1808 г.), но лучшія твои наслажденья, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства"; въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ тебя „счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ.... добродѣтелей [1]).

Такъ воспитывалась *добродѣтель* [2]), тотъ „*человѣкъ*", идеалъ нашихъ масоновъ, который грезился поэтамъ чувства и чувствительности и становился общимъ мѣстомъ. „То царство мирно, безмятежно, Въ которомъ царь есть царь сердецъ", пѣлъ Карамзинъ на восшествіе императора Павла; на актѣ 1797 г. въ одѣ, читанной 14-ти лѣтнимъ Жуковскимъ, императоръ Павелъ вѣщаетъ музамъ:

Я буду царствовать, а вы
Скажите позднему потомству:
Онъ подъ вѣнцемъ былъ *человѣкъ*.

(Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ I) [3]).

Жуковскій открываетъ въ себѣ способности „быть *человѣкомъ*, какъ надобно" (Къ Тургеневу 1805 г. 31 августа); его

1) Сл. тѣ-же идеи въ примѣчаніи къ французской статьѣ, переведенной Сѣвернымъ (1808 г.).

2) См. рѣчь Жуковскаго на пансіонскомъ актѣ 1798 г. и двѣ пьесы подъ заглавіемъ „Добродѣтель" того же года.

3) Сл. оду Державина на рожденіе Александра I: „будь на тронѣ *человѣкъ*".

Теонъ возвышается душою „при мысли великой, что я *человѣкъ*" (Теонъ и Эсхинъ 1814 г.); „дань свободная, дань сердца — уваженье; Не власти, не вѣнцу, но *человѣку* дань" (Имп. Александру 1814 г.); извѣстны стихи Жуковскаго въ посланіи на рожденіе вел. кн. Александра Николаевича (1818 г.)

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званія: *человѣкъ*.

Дневникъ 1805 г. даетъ поводъ и къ другимъ наблюденіямъ. Жуковскій хочетъ „трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и вмѣстѣ удовольствіе; чтеніе, садоводство и, — если бы далъ Богъ, — общество вѣрнаго друга, или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ". Онъ не ищетъ большого счастья: „спокойная, невинная жизнь, занятія для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ, и, наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній — вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія" (13 іюня). Это программа „посредственности" какъ говорили въ Карамзинское время („Посредственность—харита" въ посланіи къ Батюшкову 1812 г.). Цѣлью дѣятельности ставится литература, образованіе характера, поддержаніе состоянія, *счастье семьи, если она будетъ, и исполненіе общественныхъ условій* (10 іюля):

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
(Вечеръ 1806 г.).

Его идеалъ — идеалъ Лафонтена въ „Снѣ Могольца" (пер. 1806 г.); нравоученію другой басни Лафонтена, что умнѣе, разсчетливѣе (les plus habiles) оказываются тѣ, кто довольствуется немногимъ, данъ идиллическій оборотъ:

Одною скромностію желаній мы счастливы.
(Цапля 1806 г.).

Говоря о „пріятно-унылом расположеніи духа" и о на-

слажденіи меланхоліей, молодой Жуковскій находитъ въ нихъ опредѣленіе счастья: оно „во внутреннемъ наслажденіи", ни иное что, какъ „сіе тихое, ясное состояніе наше, продолженное на всю жизнь или, по крайней мѣрѣ, на большую часть жизни" (1 іюля). Счастье „въ сердцѣ, въ тихомъ, спокойномъ наслажденіи самого себя, происходящемъ отъ порядка въ дѣлахъ, отъ невинности души, отъ занятій пріятныхъ и постоянныхъ, отъ способности быть съ самимъ собою или съ своими любезнѣйшими, что все равно" (10 іюля). Счастье въ вѣрѣ; на вѣрѣ, чувствѣ, не на „холодномъ, медлительномъ" разсудкѣ, покоится религія и та сердечная дружба, въ которой возможенъ épanchement du coeur. Жуковскій чувствуетъ, что этой вѣры у него еще нѣтъ, и старается воспитать ее въ себѣ, удалить сомнѣнія. Если по смерти „душа, какъ духовный атомъ, отдѣленный отъ души всемірной, объемлющей все своею безпредѣльностью, должна къ ней пріобщиться и въ нее кануть, какъ въ океанъ капля, то какая утѣшительная мысль о будущемъ свиданіи можетъ оживлять человѣка, разлученнаго смертью со своими любезными?...., писалъ онъ по смерти Андрея Тургенева его отцу (11 августа 1803 г.). Это его смущаетъ, но „какъ-бы то ни было,— довѣренность къ Провидѣнію! какъ говоритъ Карамзинъ и какъ долженъ говорить всякій добрый человѣкъ". Дневникъ возвращается къ тому-же вопросу: вѣра есть „слѣдствіе долгаго разсматриванія природы и самого себя и увѣреніе въ ничтожности твари, въ милосердіи Творца: я еще не старался пріобрѣсть сего увѣренія и по сю пору былъ на другой дорогѣ. Что́ будетъ, я не знаю, но должно стараться сдѣлать себя счастливымъ: это есть законъ натуры. А вѣра есть вѣрнѣйшее средство его исполнить" (16 іюля). Счастье въ вѣрѣ въ безсмертіе, записалъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „ахъ, еслибы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастья были передо мной слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу!... *Тамъ*! какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство — все тамъ! О! великое Существо, великое Существо, назначившее человѣка быть безсмертнымъ"! (17 іюля).

То-же требованіе „религіи", вѣры въ „безсмертіе", то-же желаніе воспитать въ себѣ эту вѣру, выразилось и въ письмахъ къ Александру Ив. Тургеневу: „Еще, братъ, хочу обратить вниманіе на религію. Она нужнѣе и дѣйствительнѣе простой ум-

ственной философіи; но только хочу; испытаю и увижу" (31 августа 1805 г.); „я живо себѣ представляю, какое блаженство должна давать прямая религія; она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это: я въ себѣ не нахожу того сильнаго, внутренняго, неизгладимаго чувства, которое должно быть твердѣйшимъ основаніемъ религіи". До тѣхъ поръ онъ былъ къ ней равнодушенъ, потому что смолода видѣлъ христіанъ, не имѣвшихъ „понятія о возвышенности чувствъ христіанскихъ", людей, у которыхъ чувства и дѣла расходились „съ правилами и словами" (тому-же 1806 г. 8 генваря).

Съ такой же настойчивой сознательностью воспитываетъ онъ въ себѣ и чувство дружбы. По смерти Андрея Тургенева онъ перенесъ свои симпатіи на его брата Александра, хотѣлъ бы соединить ею кружекъ молодыхъ товарищей, Мерзлякова, Кайсарова, Блудова. Надо, чтобы всѣ они были друзьями „чтобы всякій изъ насъ, дѣлая что нибудь на семъ свѣтѣ, имѣлъ въ виду тѣхъ людей, которые составляютъ для него *міръ*, то есть тѣхъ, которыхъ одобренія его оправдываютъ и ободряютъ; чтобы всякій изъ насъ чувствовалъ, что онъ точно *не одинъ*; иначе для чего быть и славнымъ и добродѣтельнымъ! Нѣтъ, это я не такъ сказалъ! Иначе скучно, трудно быть и славнымъ и добродѣтельнымъ". Онъ признается, что доказываетъ необходимость „больше умомъ, нежели чувствомъ. „Я сильнѣе это буду чувствовать только тогда, когда испытаю. Ты самъ признаешься, что вся наша дружба, твоя, моя, Мерзлякова, Кайсарова была основана на воображеніи"; съ Кайсаровымъ, съ которымъ у него была какая-то размолвка, онъ желалъ бы быть „въ тѣснѣйшей связи" (тому же 31 августа 1805 г.) Надо увѣриться, „что мы не простые друзья, не такіе, которымъ только пріятно встрѣчаться, быть вмѣстѣ, но такіе, которымъ нужно быть друзьями, на которыхъ дружба имѣетъ то же вліяніе, которое должна имѣть религія на всякую благородную душу". Пока „мы всѣ сходились вмѣстѣ случайно, съ удовольствіемъ; но я не знаю, во мнѣ не было этого внутренняго, влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями, однимъ словомъ, чего-то не было такого, что всего вѣрнѣе въ дружбѣ — какъ это назвать, не знаю. Никого изъ васъ, это разумѣется, я не любилъ съ такою привязанностью, какъ брата (Андрея), то есть, не будучи съ нимъ

вмѣстѣ, я его воображалъ съ сладкимъ чувствомъ; былъ къ нему ближе; ему подавалъ руку съ особеннымъ, пріятнымъ чувствомъ; я не знаю, какъ-то отмѣнно весело было чувствовать его руку въ моей рукѣ; между нами было болѣе сродства, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны. Но что дѣлать! Даже при жизни его мы не были то, что-бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше (то есть во мнѣ) ребяческаго энтузіазма; потомъ мы разстались, потомъ все кончилось; однимъ словомъ, моя съ нимъ дружба была только зародышъ, но я потерялъ въ ней то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководцемъ, которому бы я готовъ былъ даже покориться; онъ бы оживлялъ меня своимъ энтузіазмомъ. Но, братцы, мы можемъ быть другъ для друга многимъ, очень многимъ, всѣмъ, со временемъ, разумѣется, не вдругъ". (Тому же 11 сентября 1805 г.). „Всякой разъ, когда вспомню о братѣ, то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Что-бы онъ былъ для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю, для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка, оставила что-то неизгладимое въ душѣ моей: весь энтузіазмъ къ доброму, все благородное, что имѣю, все, все лучшее во мнѣ, принадлежитъ ему. Мнѣ кажется, всякой разъ, когда объ немъ вспомню, сталъ бы на колѣна; для чего — не знаю, но какое-то особливое чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвышеннымъ образомъ; но я *одинъ* ничего не сдѣлаю: мнѣ необходима подпора. Я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ". Но „я долженъ еще быть образованъ для дружбы". Дружба — это пособіе къ исканію совершенства. „Другъ, жена — это помощники въ достиженіи къ счастію, а счастіе есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der grosse Wurf gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen....

Эти стихи я нынче очень чувствую" [1]). (Тому же 8 генваря 1806 г.).

1) Изъ Шиллера, An die Freude. Сл. выше стр. 67 (въ письмѣ Андрея Тургенева).

Дружба требуетъ откровенности, сообщенія другъ другу своихъ намѣреній и чувствъ для выработки сообща жизненнаго плана; надобно жить связно и другъ для друга. Съ Мерзляковымъ, человѣкомъ „необыкновеннымъ“, Жуковскому бывало всегда весело, но ему кажется, что между ними не было „искренности“, съ А. С. Кайсаровымъ ему надо „поближе сойтись“ 1). „Я признаюсь предъ вами, любезные друзья, что я самъ былъ что-то не то, но намъ надобно быть образователями другъ друга“ (то же письмо) 2); онъ пропагандируетъ дружбу въ „Письмѣ изъ уѣзда“ (1808 г.); другъ „для насъ — второе Провидѣнье“ (Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ 1812 г.) дружба — это „союзъ любви“, повторитъ онъ позже въ отвѣтъ на письмо Ал. Тургенева (1813 года).

Въ этомъ лихорадочномъ исканіи дружбы много разсудочности. Жуковскій сознаетъ это самъ: „это говоритъ вамъ не энтузіазмъ ребяческій и огненный, но холодное размышленіе“ (Ал. Тургеневу 1805 г., 31 августа); не натянутое, на время воспламеняющее чувство, а „чувства спокойныя, утвержденныя умомъ“, навсегда остающіяся; онъ хочетъ быть „энтузіастомъ по разсудку. C'est une rareté“ (ему же 11 сентября 1805 г.). Другими словами: спросъ чувства онъ хочетъ возвести въ требованіе разума, дружбу въ орудіе нравственнаго совершенствованія. Черта, интересная для психологіи поэта, у котораго такъ много было мечтательности и — самонаблюденія, такъ много полетовъ къ небу — и любви къ педагогическимъ таблицамъ, къ кропотливымъ, порой призрачнымъ выкладкамъ, какъ обезпечить себя матеріально (сл. напр. дневникъ 1805 г., 13 іюня, § 3); такъ много порядка — въ фантазіи.

---

1) „Надобно, чтобъ онъ на всегда остался нашимъ (къ Ал. Тургеневу 15 сентября 1809 г.). Смерть „друга и товарища“ Кайсарова Жуковскій хотѣлъ „помянуть стихами“ (къ Ал. Тургеневу 1813 г., 20 мая и 2 сентября). Въ 1818 г. Ал. Тургеневъ получилъ записки А. С. Кайсарова, находившіяся въ чужихъ рукахъ: при чтеніи ихъ образъ Анны Михайловны Соковниной оживотворился въ его душѣ, „минувшее для меня воскресло und mancher liebe Schatten stieg herauf! Такъ вся наша молодость! Молодость давно уже такъ живо не ощущалась. Весь журналъ Андрея Сергѣевича наполненъ огненною дружбою къ брату, и память Кайсарова сдѣлалась для меня съ тѣхъ поръ священнѣе“ (письмо къ Жуковскому 12 февраля 1818 г. неизд.).

2) Сл. еще письмо того же (предположительно) года изъ Москвы, письма августа и 15 сентября 1809 г. и passim.

Друзья отзывались „Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно себя подъ солнцемъ утѣшать“ — писалъ Жуковскому Мерзляковъ (весною 1803 г. изъ Рязанской деревни), приглашая къ себѣ друга: онъ одинъ остался у него послѣ Андрея, ни на кого его не промѣняетъ; увидитъ его — точно передъ нимъ воскресшій Андрей; надо „подумать о своихъ будущихъ планахъ, подумать о будущей жизни, но подумать *вмѣстѣ*“ (22 сентября 1803 г.) [1]).

Счастья, основаннаго на чувствѣ, Жуковскій не нашелъ въ семьѣ, куда онъ вернулся; среда осталась та же, но требованія поэта усилились, желанія стали энергичнѣе.

Для *одинокихъ* міръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скитаюсь я,

писалъ онъ въ 1803 году,

Мое младенчество сокрылось;
Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ;
Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудитъ что-то рокъ?....
Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной,
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!

(Стихи, сочиненные въ день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ 1803 г.). И онъ зоветъ ихъ къ себѣ, въ свою хижину, въ уединенную тѣнь лѣсовъ. Дружба — выходъ изъ одиночества. Въ дневникѣ 1805 г. онъ открываетъ своей chère maman, Протасовой, одолѣвавшій его душевный голодъ. У него не было до сихъ поръ человѣка, который помогъ бы ему „разобрать“ самого себя, сказать ему, что въ немъ хорошо, что надо исправить. „Несчастье, которому причины надобно искать въ моихъ обстоятельствахъ. Вы однѣ можете сказать, что любили меня прямо, но вы не могли принести мнѣ той пользы, которую принести способны. Что̀ этому причина, не знаю, но увѣренъ, что не вы сами, а множество такихъ непримѣтныхъ обстоятельствъ, которыхъ почти нельзя опредѣлить словами, но которыя есть, потому что ихъ дѣйствіе очевидно“. Что еслибъ

1) Сл. Русскій Архивъ 1871 г. № 2: Письма Мерзлякова къ В. А. Жуковскому стр. 0139 и 0144.

человѣкъ „былъ оставленъ съ однѣми своими силами на произволъ судьбы и обстоятельствъ; если онъ посреди людей, *привязанныхъ къ нему одною привычкою, а не любовью, былъ одинъ, зависѣлъ отъ одного себя*, долженъ былъ самъ себя образовать, не зная какъ и даже долго не думая объ этомъ, слѣдовательно потерявъ самое лучшее время?.... Этотъ человѣкъ — я!“.... (помѣтка послѣ 21 іюля).

Съ 26 августа по 10 ноября Жуковскій не принимался за свой журналъ: онъ удрученъ, работа, да еще принужденная (переводы), не всегда идетъ удачно, „въ умѣ такая пустота и недѣятельность; прошедшее мнѣ кажется очень дурнымъ, а настоящее скучнымъ; отъ будущаго не ожидаю ничего; всѣ мои планы исчезли; даже нѣтъ во мнѣ желанія дѣлаться лучше, образовать и умъ и характеръ. „*Одиночество*, совершенный недостатокъ въ пріятныхъ связяхъ, отдаленіе тѣхъ людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять въ исканіи всего хорошаго, совершенное безсиліе души, ненадѣянность на самого себя — вотъ что меня теперь мучитъ! *я одинъ*; въ самомъ себѣ не нахожу довольно прибѣжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать; мнѣ не достаетъ ободренія.... Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю матеріи для мыслей.... Къ тому же не умѣю мыслить въ связи, это для меня утомительно, и въ теперешнемъ моемъ расположеніи не чувствую даже и нужды мыслить.... Самъ съ собою я недоволенъ и скученъ;.... съ тѣми, кто вокругъ меня, я не связанъ (что этому причиной, не знаю, но долженъ узнать);.... самое общество матушки (настоящей матери), по несчастію, не можетъ меня дѣлать счастливымъ: я не таковъ съ нею, каковъ долженъ быть сынъ съ матерью; это самое меня мучитъ, и мнѣ кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я *не былъ счастливъ* въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ. Надобно пріобрѣсть способность быть счастливымъ, а я едва ли не пропустилъ время. Какъ прошла моя молодость? Я былъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними вырощенъ, но не видалъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву; я привыкъ отдѣлять себя ото всѣхъ, потому что никто не принималъ во мнѣ особливаго участія, и потому что *всякое участіе ко мнѣ казалось мнѣ милостію*. Я не былъ

оставленъ, брошенъ, имѣлъ уголъ, но *не былъ любимъ никѣмъ, не чувствовалъ ничьей любви* [1]), *слѣдовательно, не могъ платить любовью за любовь, не могъ быть благодарнымъ по чувству, а былъ только благодарнымъ по должности*". Это сдѣлало его холоднымъ, робкимъ, нерѣшительнымъ, медленнымъ, лѣнивымъ; въ такихъ обстоятельствахъ чувствительность притупляется, да и умъ остается неразвитымъ, „*потому чувства заставляютъ дѣйствовать умъ*, а если чувства не дѣйствуютъ, то и умъ спитъ" (въ другомъ мѣстѣ: „все хорошее основано на чувствѣ", умъ слѣдуетъ ему по одному лишь разсчету). Онъ такъ привыкъ, чтобъ его не любили, что всякій знакъ любви кажется ему страннымъ, чѣмъ-то необыкновеннымъ; одна любовь, привычка отвѣчать на любовь, дѣлаетъ сердце нѣжнымъ, способнымъ на любовь, стало быть счастливымъ. Еслибъ у него былъ человѣкъ, который дорожилъ бы его счастьемъ, онъ любилъ бы его, „какъ своего Бога".

Дмитріевъ звалъ Жуковскаго въ Москву: надо поскорѣе оставить ваше уединеніе „которое способно питать вашу наклонность къ меланхоліи" [2]). Жалобами на уныніе и бездѣйствіе полны письма къ Ал. Тургеневу; „моя душа не имѣла еще пищи, не пробуждалась, это вѣрно; воспитаніе, или, лучше сказать, все то, что было со мною со времени моего младенчества (потому что я не имѣлъ воспитанія), вмѣсто того, чтобы образовать ее и усилить, только что ее усыпило; я былъ одинъ совершенно, то есть въ кругу множества людей, которыхъ имѣлъ съ собою, былъ нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ всѣхъ" (1805 г. 11 сентября); „здѣсь я одинъ; почти все, что вокругъ себя вижу, мнѣ не отвѣчаетъ, а мнѣ нужна подпора. О, моя жизнь прошла не такъ, какъ бы должно было. Ты имѣлъ предъ собою брата, батюшку — какіе люди! Но я вѣчно прозябалъ, почти одинъ, хуже нежели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спалъ, и проснулся очень недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою" (генваря 8, 1806 г.).

Племянница Жуковскаго, А. П. Юшкова (замужемъ Зонтагъ), боялась за него „хотя я и увѣрена, что досугъ никогда вамъ

---

1) Тоже въ дневникѣ 1814 г., Русская Старина 1883 г., т. 37, стр. 210; сл. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 56—7.

2) Письмо 27 декабря 1805 г. Сл. письмо 1806 г. 14 апрѣля.

не будетъ въ тягость, однакоже мнѣ очень жаль, что вы теперь совершенно одни, писала она ему. Уединеніе прекрасное дѣло, но только не такое совершенное уединеніе, каково теперь ваше". Она утѣшается тѣмъ, что, вѣроятно, вернулся баронъ И. П. Черкасовъ, сосѣдъ Жуковскаго по Мишенскому: будетъ хотя одинъ человѣкъ, „съ которымъ вамъ можно поболтать, а то право, страшно бы было, чтобы вы не забыли говорить и чтобы изъ милаго Базиля и въ самомъ дѣлѣ не вышелъ самой хорошенькой медвѣдь. Не ѣздите въ чужіе края, милой Базиль!" [1]). Съ Черкасовымъ Жуковскій не замедлилъ сблизиться: нашелъ въ немъ очень умнаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, потому что онъ заставляетъ думать, напрягать мысли, но въ томъ, что онъ говоритъ о религіи, морали и т. д., „больше ума нежели чувства", и Жуковскій не испыталъ, по отношенію къ нему, „сердечной, сладкой искренности, épanchement du coeur" (Дневникъ 1805 г., 16 іюля).

Въ письмѣ Жуковскаго къ Тургеневу 1806 г. есть намеки на какія-то *„обстоятельства"*, которыя побудятъ его ограничить себя одной дружбой, искать счастья въ ней; *„ты, можетъ быть, долженъ будешь замѣнить для меня многое*; что съ одной стороны *потеряю*, то буду стараться замѣнить тобою".

Когда спросъ сердца такъ страстенъ, онъ выразится болѣзненно-восторженно, сдержанно-пугливо, лишь только явится его объектъ среди „обстоятельствъ", на которыя намекаетъ Жуковскій.

Подъ 9-мъ іюля 1805 г. онъ спрашиваетъ себя въ дневникѣ: „можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка"? Жуковскій занимался тогда съ своими племянницами, дочерями Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, поселившейся въ Бѣлевѣ, въ трехъ верстахъ отъ Мишенскаго, и ощутилъ романическое влеченіе къ старшей изъ дѣвочекъ, Марьѣ Андреевнѣ; ей было 12 лѣтъ (род. въ 1793 г.); ему самому шелъ 23-й годъ. „Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка? Но въ душѣ моей сдѣлалась перемѣна въ разсужденіи ея! Третій день грустенъ, унылъ! Отчего? Оттого что она уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ

---

1) Письмо отъ 9 марта 1806 г., Русскій Архивъ 1902 г., май, стр 131 сл. ib. письмо отъ 16 апрѣля.

то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ бо́льшемъ совершенствѣ!" Это чувство родилось вдругъ, и онъ желаетъ сохранить его, имъ наполненъ; „если оно усилится, то сдѣлаетъ меня лучшимъ, надежда или желаніе получить это счастіе заставитъ меня думать о усовершенствованіи своего характера; мысль о томъ, что меня ожидаетъ дома, будетъ поддерживать и веселить меня во время моего путешествія. Я былъ бы съ нею счастливъ, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастія и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности. Но можетъ-ли это быть? Катерина Аѳанасьевна, если не ошибаюсь, дала мнѣ что-то предчувствовать. Но родные? Можетъ быть, они этому будутъ противиться?.... Неужли для пустыхъ причинъ и противорѣчій гордости Катерина Аѳанасьевна пожертвуетъ моимъ и даже ея счастіемъ, потому что она, конечно, была бы со мною счастлива"?

Это рождающееся чувство онъ воспитываетъ въ себѣ нѣжно и робко, какъ воспитывалъ чувство вѣры и дружбы. Симпатіи дѣвочки раскрываются ему навстрѣчу; онъ полонъ неясныхъ надеждъ, еще не прочелъ всего Агатона Виланда, а уже рисуетъ себѣ идеалъ молодого человѣка, „который заключаетъ свое счастье меньше въ грубой чувственности, нежели въ наслажденіяхъ духовныхъ": мечтательность (Schwärmerei), обузданная „здравою опытною философіею, можетъ быть источникомъ совершеннѣйшаго земного счастія". „Жить одними идеалами не годится, но не имѣть совсѣмъ идеаловъ столь же не годится: середина есть то, что всякій человѣкъ съ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ чувства избирать долженъ" (письмо къ Вендриху 19 декабря 1805 г.) [1]. Агатонъ — „святая книга", пишетъ онъ (8 генваря 1806 г.) Ал. Тургеневу, а въ мысляхъ про себя, относящихся къ тому-же году, отмѣчаетъ: „Идеалъ добродѣтельнаго и счастливаго человѣка. О Агатонѣ" [2]).

Въ 1806 году проснулась и его поэзія: въ 1805-мъ она дремала, написано всего три стихотворенія, тогда какъ къ 1806 г. ихъ 43 [3]), между ними „Вечеръ" и „Пѣснь Барда", есть элегическія и шутливыя, эпиграммы и басни изъ Лафонтена. На 16-е генваря Жуковскій подарилъ Машѣ альбомъ своихъ

1) Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. 6-й, стр. 384—385.

2) Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 42.

3) Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 26—9.

стихотвореній, съ рисункомъ сепіей въ срединѣ заглавнаго листа: женская и мужская фигуры, деревня и холмикъ съ вазой. На верху листа надпись: „Памятникъ прямой дружбы“ и эпиграфъ изъ Вольтера:

Vous en qui tant d'esprit abonde,
Tant de grace et tant de douceur,
Si ma place est dans votre coeur,
Elle est la première du monde.

Внизу листа: „1806 г., 14 октября“; на оборотѣ стихи:

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
Да будущаго мракъ тебя не устрашитъ!
Душа твоя чиста! ты счастія достойна!
Тебя Всевышній наградитъ.

Въ этотъ альбомъ Жуковскій помѣстилъ стихотворенія съ 1802 г., но продолжалъ заносить и позже — до 1814 г. [1]).

Очевидно, къ Машѣ обращено и стихотвореніе 9 октября 1806 года, подробно излагающее программу идеальной для него жизни:

Младенцемъ быть душою;
Разсудкомъ созрѣвать;
Не тѣла красотою,
Любезностью плѣнять....
Быть въ дружбѣ неизмѣнной;
Любя, душой любить;
Супруги санъ священной
Какъ даръ небесъ хранить....
Вотъ счастье, другъ безцѣнный,
Другого счастья нѣтъ [2]).

За 1807-й годъ сохранилось всего одно стихотвореніе: „М(ашѣ) на Новый годъ при подаркѣ книги“

---

1) Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 30 слѣд.
2) Русская Старина 1902 г., апрѣль: Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго, стр. 134—5.

На новый годъ въ *воспоминанье*
О томъ, кто всякій часъ мечтаетъ о тебѣ,
Кто счастье дней своихъ, кто радостей исканье
Въ твоей лишь заключилъ, безцѣнный другъ, судьбѣ!

Жуковскій собрался было въ дорогу; въ началѣ 1807 года А. П. Зонтагъ писала ему, желая добраго пути: „Вы отправляетесь путешествовать, смотрѣть на Волгу и горы Уральскія“ [1]). Оказывается, Блудовъ поѣхалъ въ свою Казанскую деревню, чтобы устроить дѣла по смерти матери; за нимъ увязался и Жуковскій. „Я поѣхалъ было съ Блудовымъ въ Оренбургъ, хотѣлъ видѣть нѣкоторую часть православной Руси, но въ двадцати верстахъ отъ Москвы наша коляска была опрокинута; я ушибъ руку“; пришлось вернуться [2]). Эпизодъ этотъ случился ранней весною [3]), 4-го мая того-же года Зонтагъ пишетъ Жуковскому, какъ она испугалась при вѣсти о его паденіи, какъ Кашкинъ считаетъ это полезнымъ для Жуковскаго, ибо научитъ его, „не соваться въ воду, не спросясь броду. Ахъ! думала я,.... сколько разъ уже нашъ Жуковскій испытывалъ бродъ, и хотя находилъ его глубокимъ, но все таки продолжалъ соваться въ воду. Напр., подъ Лихвинымъ онъ втюрился по уши въ Оку, въ другой разъ полетѣлъ, было, въ Вырку съ мосту, въ третій разъ хотѣлъ взбѣжать на крутой берегъ, чуть не умеръ отъ усталости.... Соковнины очень смѣшно шутятъ надъ вашимъ паденіемъ. Напр., Катерина Михайловна пишетъ, говоря объ васъ:

Проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Не мѣшкавъ ни часа, назадъ онъ повернулъ,
Таща свое крыло и волочивши ногу,
Полмертвой, полхромой,
И прибылъ, наконецъ, калѣкою домой [4]).

---

1) 5 генваря 1807 г. Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 130.

2) Къ Ал. Тургеневу начало іюля 1807 г.

3) Если дата письма Ек. Аѳ. Протасовой къ Жуковскому вѣрна (1808 г. 5 мая), то упоминаніе Оренбурга относится къ замыслу, которому миновалъ годъ: „Скажи мнѣ, пожалоста, какъ ты это вздумалъ эдакую даль ѣхать: Оренбургъ 1512½ верстъ отъ Москвы. Это ужасно далеко“. Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 129—130.

4) Русскій Архивъ, l. c., стр. 130—1.

Въ 1807 году Соковнины снова выплываютъ въ перепискѣ друзей; старыя чувства забыты, ихъ стараются забыть.

Въ этомъ отношеніи интересны два письма Жуковскаго къ Ал. Тургеневу. Въ первомъ (9 декабря 1807 г.), переходя отъ русскаго языка къ французскому, Жуковскій спрашиваетъ: „Dites moi encore, Alexandre, que veulent dire ces mots“:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

N'est ce pas inconséquent de montrer, qu'on a des sentiments, sans avoir le dessein de les nourrir et sans en avoir la possibilité? Pourquoi parler d'une chose, qu'on n'a ni le désir, ni le pouvoir de recommencer, et pourquoi risquer de réveiller des sentiments, qui ont été bien vifs, qui sont déjà éteints et qui ne peuvent être que douloureux? Je ne sais pas, quelle idée vous aviez eu en écrivant ces vers. Dans ces choses, conaissant bien les personnes, avec lesquelles vous avez relation, vous ne devez pas agir sans but. Et ses expressions parasites, jadis agréables, à présent inutiles, ne vous conviennent plus. *Silence sur tout ce qui est passé....* Если ты слышалъ отъ Блудова о нѣкоторыхъ моихъ связяхъ, о которыхъ я ему сказалъ слова два очень давно, и если онъ не забылъ этихъ *двухъ словъ*, то попроси его отъ меня, *чтобы онъ объ нихъ забылъ и для себя и для другихъ....* Я говорю не шутя, и прошу его, какъ друга, не шутить (по обыкновенію своему) такою вещію, которую почитаю слишкомъ важною. Не надобно говорить и тебѣ: сомкни свои уста, хотя ты ничего не знаешь. Признаюсь, боюсь нескромности, или, лучше сказать, обыкновенной невнимательности Блудова, а она въ этомъ случаѣ, *по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, можетъ быть для меня несчастіемъ*“.

Намеки письма объясняются изъ того, что мы знаемъ о раннихъ увлеченіяхъ Жуковскаго и Ал. Тургенева. Въ 1807 г. Жуковскій переписывался съ Анной Михайловной Соковниной [1]), къ которой когда то былъ неравнодушенъ Ал. Ив. Тургеневъ; онъ разсчитываетъ на ея помощь, если она осталась такою-же, какою была „dans le temps où on chantait: Puisque

---

1) Сл. Русскій Архивъ 1900 г., сентябрь, стр. 6—8 (іюля — августа 1807 г.).

l'orgueil pour jamais te sépare. Nous pourrons encore être heureux, non pas moi, mais nous, et cela dépend de nous, et nous devons absolument faire en sorte que cela soit". И онъ проситъ Анну Михайловну написать Тургеневу объ одномъ знакомомъ, Проташинскомъ, о которомъ хлопоталъ: „пожалоста, поспѣшите объ этомъ написать къ нему, и такъ какъ ваши слова для него важнѣе моихъ, то заставьте, попросите, убѣдите и проч. его постараться о Проташинскомъ и написать ко мнѣ пообстоятельнѣе обо всемъ" [1]). Въ томъ же году Жуковскій журитъ Тургенева за то, что письма Анны Михайловны, обращенныя къ нему, въ такомъ у него „неприборѣ", что всякій profane можетъ ихъ видѣть. Анна Михайловна жаловалась на это. Если это правда, то надо исправить бѣду: *„прошедшее заслуживаетъ большее отъ насъ уваженіе потому особенно, что настоящаго никакъ нельзя ему предпочесть.* Она говорила мнѣ объ этомъ съ чувствомъ упрека, и она права. Какъ можешь ты такъ не дорожить ея именемъ, или, лучше сказать, какъ можешь быть такъ разсѣяннымъ?" (декабря 1807 года). А вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ, у котораго чувство уже остыло, могъ еще играть въ него, говорить объ „одной милой на свѣтѣ". Упрекъ быть заслуженъ. Себя Жуковскій не упрекаетъ, а оберегаетъ. Изъ одного письма къ нему Андрея Тургенева видно, что Жуковскій заподозрилъ друга, будто онъ проговорился въ Москвѣ о его романѣ; Тургеневъ отвѣчалъ тогда, что не виноватъ, развѣ Блудовъ наболталъ чего-нибудь пустого, а если подъ романомъ разумѣть Марью Николаевну, то ему первый началъ говорить о томъ Козловскій. — Это было давно, а Жуковскій и теперь боится этихъ слуховъ: они помѣшали бы ему въ *его обстоятельствахъ.*

Въ іюнѣ 1807 года Жуковскій писалъ Блудову изъ Москвы наканунѣ отъѣзда въ деревню, гдѣ намѣревался пробыть два мѣсяца, что на будущій годъ беретъ на себя редакцію Вѣстника Европы [2]). Друзья давно звали его въ Москву. „Твоя страсть, которую отгадалъ я изъ письма твоего, не должна погашать душевнаго огня твоего, ободрилъ его Ал. Тургеневъ; умѣряй ее дѣятельностью и дружбою" (1807 г. 5 декабря неизд.).

---

1) Іюль—августъ 1807 г., тамъ-же, стр. 7. Жуковскій называетъ Проташинскаго братомъ М. А. Протасовой. Объ этихъ родственныхъ отношеніяхъ сл. Русскій Архивъ 1883 г., кн. I. № 2, стр. 317 (письмо А. Н. Арбеневой Жуковскому 22 марта 1814 года).

2) Русскій Архивъ 1900 г. № 9, стр. 5.

приходилось разставаться съ своими. Два четверостишія 1808 г., обращенныя къ Машѣ (при посылкѣ альбома: „Невинность мирная, краса души твоей“ и „Собой счастливить всѣхъ—прелестный жребій твой“), настроены печально. Въ первомъ № Вѣстника Европы за 1808-й годъ, вышедшемъ за подписью Жуковскаго, какъ редактора, „Письмо изъ уѣзда“ было его журнальной програмой, аллегорическая повѣсть: „Три сестры. Видѣніе Минваны“, напечатанная во второмъ,—привѣтомъ Машѣ ко дню его рожденія (1 апрѣля) [1]). Къ Минванѣ-Машѣ являются три сестры, молодыя красавицы: Вчера — прошедшее, Нынѣ — настоящее и Завтра — будущее. „Нынѣ“ даетъ ей ко дню рожденія розу, „Вчера“ поучаетъ: въ минуту испытанія она будетъ ей утѣшительницей и другомъ; близъ ея урны, подъ сумракомъ кипариса, обитаетъ *воспоминаніе*, вѣщающее о томъ, что было и чего ужъ нѣтъ; „задумчивая меланхолія, которая наслаждается скорбію, любитъ одно минувшее, носится мыслію надъ гробами и въ сѣтованіи о мертвыхъ находитъ сладость“. Въ бесѣдѣ съ прошедшимъ Минвана найдетъ отраду, прискорбная „Нынѣ“ опять улыбнется и вѣтреная „Завтра“ прилетитъ съ своими мечтами“ [2]).

Двѣ историческія повѣсти въ сентиментальномъ карамзинскомъ стилѣ, появившіяся въ 1808—9-хъ годахъ, получаютъ значеніе для сердечной біографіи Жуковскаго въ освѣщеніи его лирики. Я имѣю въ виду два стихотворенія этого года, изъ которыхъ одно можно связать съ Марьей Андреевной Протасовой (Роза, весенній цвѣтъ), другое ей посвящено. Первую пьесу поетъ Людмила въ „Трехъ поясахъ“, повѣсти, построенной на сказочной темѣ о трехъ сестрахъ, двухъ завистливыхъ красавицахъ, Пересвѣтѣ и Мирославѣ, и одной некрасивой, но простосердечной Людмилѣ. Ковы красавицъ не удаются, Людмилѣ помогаетъ волшебница Добрада. Если эта „русская“ сказка — не оригинальная, а переводная [3]), то Жуковскій не только приладилъ ее къ русской древности, какъ онъ понималъ ее, но и къ своему психологическому настроенію; характерный пріемъ творчества, съ которымъ мы встрѣтимся не разъ. Дѣй-

---

1) Зейдлицъ l. c., стр. 34—5.

2) Тотъ же мотивъ трехъ сестеръ (Вчера, Нынѣ и Завтра) въ отрывкѣ: Уединеніе 1813 г.

3) Она напечатана въ „переводахъ“ Жуковскаго. Сл. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. I, примѣчанія, стр. 60, прим. 8.

ствіе происходитъ подъ Кіевомъ при Владимирѣ и его сынѣ Святославѣ. Изъ всѣхъ дѣвицъ, представленныхъ ему, Святославъ выбираетъ Людмилу; она поетъ ему: „Роза, весенній цвѣтъ“: золотой мотылекъ шепчетъ розѣ, пусть скроется подъ тѣнь отъ лучей палящаго солнца, а она въ безумной гордости говоритъ, что солнце ее любитъ; ей-ли, красавицѣ искать тѣни? И она поникнула отъ лучей, запахъ исчезъ.

Дѣвица красная,
Нѣжный цвѣтокъ!
Розы надменныя
Помни примѣръ.
Маткиной душкою
Скромно цвѣти,
Съ мирной невинностью,
Цвѣтомъ души.

Въ „Трехъ поясахъ“ всѣ любуются Людмилой: „Какая привлекательная *скромность*, какой невинный взглядъ, какая нѣжная, милая душа изображается на лицѣ ея, пріятномъ, какъ душистая *маткина душка!*“

Другая пѣсня 1808 г., помѣченная 1-мъ апрѣля, днемъ рожденія Маши (напечатанная въ Вѣстникѣ Европы 1809 г. май № 9),—откровенное признанье въ любви, скромной, душевной, платонической, но уже чувствуется тревога, опасеніе, возможность разлуки: Людмилѣ не выйти за Святослава.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой....

И далѣе:

Ахъ! мнѣ-ль *разлуку* знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый.

Въ „Марьиной Рощѣ“ [1]) разлука совершилась. Историче-

---

1) „Скоро-ли мы увидимъ что нибудь вашего произведенія, писалъ Жуковскому Дмитріевъ въ 1806 г.; не зародился-ли какой-нибудь внучекъ Мареы Посадницы? Но я лучше бы желалъ увидѣть колдунью въ *Марьиной рощѣ*, или, въ родѣ идиліи, возвращающагося со службы воина въ свою отчизну, или *барда на полѣ битвы послѣ ночного сраженія*, или оду:

скую окраску повѣсти даетъ грозный Рогдай, колеблющейся между Новгородомъ и Кіевомъ, гдѣ онъ служилъ великому князю Владиміру вмѣстѣ съ богатырями Ильею, Чурилою и Добрынею; но у него есть теремъ и на берегахъ Москвы-рѣки, куда онъ является, чтобы помѣшать любви пѣвца Услада и красавицы-крестьянки Маріи. Усладъ, котораго въ селѣ называли „соловьемъ", „простыми стихами прославлялъ весну, спокойствіе земледѣльческихъ хижинъ, свободу поднебесныхъ ласточекъ, нѣжность дубравныхъ горлицъ". Онъ былъ въ отлучкѣ, а Марія, прельстясь „надеждою сіять своими прелестями въ великолѣпномъ градѣ Кіевѣ", согласилась выйти за Рогдая, — не измѣняя своей любви къ Усладу; и можно-ль „забыть тѣ сладкія чувства, которыми животворится душа наша въ лучшіе годы жизни, съ которыми соединены всѣ наши надежды на счастіе, которыми земля претворяется въ царство небесное?" Она дорого „заплатила за свое легкомысліе": Рогдай убилъ ее въ порывѣ ревности, а Усладъ посвящаетъ свою жизнь гробу своей Маріи: жизнь обращается для него „въ ожиданіе сладкое, въ утѣшительную надежду на близкій конецъ разлуки"; Марія сохранила къ нему „любовь и за гробомъ".

Въ 1808 г. М. А. Протасовой было 15 лѣтъ, какъ Маріи въ „Марьиной рощѣ"; Усладъ-Жуковскій поетъ, изображая „пріятность *маткиной душки*, которой запахъ, сравнивалъ онъ съ милой душею чадолюбивой матери", и разлукой вѣетъ при первомъ его объясненіи въ любви.

Посланіе къ Нинѣ (1808 г.) развиваетъ вопросъ Маріи: можно-ли забыть за гробомъ любовь. На этотъ разъ ставитъ вопросъ поэтъ: небо будетъ ему изгнаніемъ, если для безсмертія онъ утратитъ любовь:

Пѣснопѣвецъ, или Четыре времени дня; но мало-ли что приходитъ въ голову на досугѣ?" (Соч. И. И. Дмитріева, ред. и примѣчанія А. А. Флоридова, т. II, 1893 г., стр. 207). „Пѣснь барда на гробѣ славянъ побѣдителей" была, быть можетъ, отвѣтомъ на одну изъ темъ Дмитріева, но Жуковскаго давно занимала — и Марьина Роща. „Недавно, перечитывая стихи свои на „Марьину Рощу", которыя началъ было я сочинять въ Свирловѣ, я прочелъ въ нихъ съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣдующіе два стиха:

Что ждетъ меня вдали на жизненномъ пути?
Что мнѣ назначено таинственной судьбою?"

(Жуковскій къ Ив. Петр. Тургеневу 11 августа 1803 года).

О! первыя встрѣчи небесная сладость —
Какъ тайныя, сердца созданья, мечты,
Въ единый сліявшись плѣнительный образъ,
Являются смутнымъ весельемъ душѣ —
Унынія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ — души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки,
Уже-ль невозвратно васъ съ жизнью терять?

Таинственный голосъ вѣщаетъ ему, что для нѣжной любви нѣтъ смерти, „Возлюбленный образъ, съ душей неразлучный, И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ“, и онъ утѣшаетъ Нину, что духъ его будетъ съ нею, невидимый хранитель, будетъ вливать утѣшеніе въ ея скорбную душу, носить ея молитвы къ небесному трону, и смерть ей будетъ путемъ къ веселію, къ восторгу свиданія съ другомъ. „О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій“.

Таковы утѣшенія сентименталиста, для котораго „вселенная со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслитъ и гдѣ онъ любитъ“ — въ семьѣ (Писатель въ обществѣ 1808 г.). „Ты опять свелъ на счастіе семейственной жизни и опять плѣняешься и плѣняешь другихъ изображеніемъ того счастія, которое должно быть заключено въ мирной обители, писалъ ему Ал. Тургеневъ по поводу статьи о Писателѣ въ Обществѣ. Въ награду за столько прекрасныхъ описаній семейственной жизни, я желаю тебѣ отъ всего сердца, чтобы ты насладился симъ счастіемъ и нашелъ *около себя* вселенную со всѣми ея радостями, а мы за наше невѣріе будемъ вѣчно искать и не находить счастія“ [1]). Но и Жуковскому приходилось пока искать счастья — въ утѣхахъ меланхоліи.

Это не „прибѣжище любви *праздной*, т. е. счастливой и еще постоянной“, какъ утверждала одна женщина, испытавшая „*прямую* любовь“: всякая любовь, и счастливая и несчастная „до тѣхъ поръ, пока она остается любовію, необходимо соединена съ меланхоліей. „Меланхолія не есть ни горесть, ни радость: я на-

1) Письмо 4-го декабря 1808 г. Неизд.

звалъ бы ее оттѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынія на душѣ счастливца [1]).... Счастіе любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минуту, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты счастливъ, но стремишься къ большему, болѣе совершенному счастію, слѣдовательно въ самомъ своемъ упоеніи ощутителенъ для тебя какой-то недостатокъ, который вливаетъ въ душу твою тихое уныніе, придающее болѣе живости самому наслажденію; ты не находишь словъ для изображенія тайнаго состоянія души твоей, и это самое безсиліе погружаетъ тебя въ задумчивость". Счастливая любовь неразлучна съ надеждой, но „надѣяться и не довѣрять почти одно и тоже, а невѣрная надежда въ самую минуту счастія соединена съ уныніемъ меланхоліи"; несчастная-же любовь, „разлученная съ сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно, слишкомъ скоро умертвило бы наше бытіе, когда бы отдѣлена была отъ меланхоліи, отъ сего непонятнаго очарованія, которое придаетъ неизъяснимую прелесть самымъ мученіямъ. Невидимая цѣпь привязываетъ тебя къ твоей горести; въ ней твое бытіе; утративъ ее, ты самъ уничтоженъ, ибо все то, что прежде наполняло твою душу, вдругъ исчезаетъ": мысль о томъ, что ты любимъ, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, не отдано и что, перемѣнись твой жребій, она, быть можетъ, была бы твоею. Пока человѣкъ упрекаетъ одну судьбу, у него остается нѣкоторая обманчивая надежда на перемѣну — и въ этомъ обманчивомъ ожиданіи — „тайное меланхолическое наслажденіе" (Меланхолія. Сочиненіе женщины, которая никогда не бывала въ меланхоліи. Вѣстникъ Европы № 19, 1808 г.).

Нѣтъ, счастье къ бытію меня не пріучило, пишетъ Жуковскій Ал. Тургеневу, повторяя горькія откровенія дневника:

Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ,
И что-же!.... Предо мной увядшаго могила,
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,

---

1) Сл. у Карамзина, Меланхолія, подражаніе Делилю: „нѣжнѣйшій переливъ — Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья". См. выше стр. 42.

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
Изсякшія души наполню-ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ — протекшимъ лишь прелестно.

Его чувство настраивается на самоотреченіе, онъ готовъ пожертвовать всѣми благами жизни, лишь-бы

той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!
(Къ Филалету 1808—9 г.).

Работа по журналу, редакцію котораго онъ съ конца 1809 г. раздѣлялъ съ Каченовскимъ, его расшевелила, дала направленіе энергіи. 15 сентября 1809 года онъ пишетъ другу: „Плановъ и предметовъ въ головѣ пропасть, и пишется какъ то скорѣе и удачнѣе прежняго. Honny soit qui mal y pense“. Письма 1810 г. полны литературныхъ затѣй, прежнихъ заботъ о самообразованіи: онъ бросился на исторію, занимается латинскимъ языкомъ, хочетъ приняться за греческій, тревожитъ Ал. Тургенева просьбами о высылкѣ книгъ. У него явилось „расположеніе къ дѣятельности“; „можетъ быть, такая перемѣна произошла во мнѣ отъ того, что я *дѣятельность писателя* теперь поставляю единственнымъ своимъ благомъ, зависящимъ отъ меня, и хочу къ этому благу стремиться, отказавшись отъ *всѣхъ другихъ*, отъ меня не зависящихъ и невѣрныхъ, предоставляя себѣ однако воспользоваться ими, если они на дорогѣ мнѣ представятся“ (1810 г., 12 сентября) [1]. „Всякая минута у меня

---

1) Письмо 12 сентября писано, очевидно, въ отвѣтъ на неизданное пока письмо Ал. Тургенева, изъ котораго привожу отрывокъ. „Посылаю тебѣ еще одну изъ пьесъ Уварова, которая однакожъ не есть изъ лучшихъ. Онъ написалъ два посланія: À celle que je ne connais pas, и второе гораздо лучше, нежели À celle que je connais. Въ немъ есть истинный талантъ и какой-то жаръ въ душѣ, котораго Василій Львовичъ (Пушкинъ) никогда имѣть не будетъ, хотя и ставитъ себя выше Уварова въ поэзіи. Но это не есть главное его достоинство: Уваровъ пишетъ въ прозѣ очень хорошо и имѣетъ множество свѣденій не въ одной только легкой литературѣ, но знакомъ и съ римскими классиками, а теперь принялся съ жаромъ за греческую грамматику и хочетъ читать Гомера въ оригиналѣ, а тебѣ совѣтуетъ читать его въ переводѣ Фосса, который несравненно вѣрнѣе и лучше Попа....

занята. Но когда подумаю, сколько погибло драгоцѣннаго времени по пустякамъ, сердце обливается кровью" (11 октября 1810 г.). Тѣ-же жалобы въ письмѣ отъ 7 ноября: „Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. *Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна.* А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служитъ мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхою. Если *романическая* любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время". Не всякая любовь убиваетъ дѣятельность, а любовь его, Жуковскаго: „надобно сообразить *мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и двухъ тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали*" (отца и матери?). Обо всемъ этомъ онъ поговоритъ съ пріятелемъ „въ какомъ нибудь московскомъ уголку", гдѣ они обновятъ „душевный обѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ счастіи и несчастіи". Скорѣе въ несчастіи: ему чудится, что судьба готовитъ что-то „ужасное", предстоитъ какое-то испытаніе; „подумай о томъ, что́ были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то,

Пиши противъ главной мысли Уварова, господствующей почти во всѣхъ его сочиненіяхъ и совершенно противоположной твоей главной мысли, которая есть семейственное счастіе и скромный уголокъ *въ отчизнѣ*. Aber diese verchiedene Stimmung Ihrer Gemüther kommt aus der besonderen, jedem von ihnen eigenen Individualität, die aus ihren Lebensumständen und Jugendverhältnissen entstanden ist. Блаженныя минуты его жизни прошли подъ чужимъ небомъ, тамъ былъ онъ счастливъ и любилъ въ первый разъ. Оттуда для него

Gleich einer alten halbverklungenen Sage
Kommt erste Lieb'und Freundschaft mit herauf,
Da sind ihm die ersten Bilder froher Tage
Erschienen.

Съ тобою все случалось напротивъ: твой юношескій цвѣтъ разцвѣлъ въ скромномъ уединеніи, не ты оставилъ друзей своихъ, но они разселились по бѣлу свѣту. Und was sich sonst an deinem Lied erfreut, Wenn es noch lebt, ist in der Welt zerstreut. И любовь твоя имѣетъ другой характеръ, но въ мысляхъ вы часто сходны: въ твоей Пѣснѣ барда и въ его Epitre sur l'avantage de mourir jeune много мыслей, вамъ общихъ".

что̀ происходитъ около насъ, и вообрази возможности.... Для двухъ несчастіе не ужасно;.... въ глазахъ и въ рукѣ друга — надежда и сила". Но воспоминанія проснулись не даромъ: оказывается, что у него по прежнему „*голова въ спорѣ съ сердцемъ*" и работа надъ самообразованіемъ была однимъ изъ средствъ выбраться изъ душевной расторженности. И онъ снова твердитъ, что намѣренъ серьезно отдаться труду, необходимому, хотя и тяжелому. Онъ расчиталъ его на три года, составилъ подробный планъ занятій [1]); давно написалъ бы Тургеневу „посланіе о дѣятельности" (оставшееся ненаписаннымъ), „еслибы не былъ рабомъ своего нѣмецкаго порядка: и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо и не всегда въ положенное время изволитъ ко мнѣ жаловать".

Выдержки изъ дневника 22 ноября, которыя Жуковскій приводитъ въ письмѣ къ Тургеневу отъ 4-го декабря, показываютъ, какъ рѣшительно онъ поставилъ себѣ новый идеалъ жизни: прежде у него была одна только мысль: надобно писать, теперь, когда онъ понялъ, что онъ „невѣжда во всей обширности этого слова", онъ говоритъ себѣ: „надобно учиться и потомъ писать". У него хватитъ твердости, чтобы не отступить назадъ, начать съ начала, потому что видитъ въ работѣ не только средство къ счастью, но и счастье. „Прежняя моя лѣнь весьма много происходила и отъ *любви*, которая составляла царствующую въ головѣ моей идею и всему прочему была тираномъ. Теперь и любовь уступила *трудолюбію*". „Тихая скромная жизнь, употребляемая на исполненіе должностей и на трудъ полезный, есть самая счастливая".

Въ письмѣ отъ 4-го декабря, въ которое вставленъ этотъ отрывокъ, Жуковскій проситъ своихъ пріятелей, Тургенева и Блудова найти ему мѣсто, устроить и обезпечить; онъ боится, чтобы тягостныя заботы о состояніи не принудили его сойти съ избранной дороги и не бросится на такую, на которой онъ не надѣется быть счастливымъ; „вы сдѣлаете пользу мнѣ, а я — я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошимъ писателемъ".

Между отмѣткой въ дневникѣ 22 ноября и письмомъ 4 декабря слѣдуетъ помѣстить письмо Жуковскаго съ указаніемъ

---

1) Сл. Шевыревъ l. c. стр. 20, 73.

на какія-то непріятныя обстоятельства, который онъ предвидѣлъ: онъ проситъ Тургенева похлопотать о дѣлѣ Ек. Аѳ. Протасовой, проситъ, по обыкновенію, книгъ, затѣмъ продолжаетъ по нѣмецки: das beste Mittel *wider die bevorstehenden Unannehmlichkeiten* ist meinen Geist mit einem desto festeren Entschluss zu grossen Dingen und Gesinnungen zu erfüllen, denn ich kenne mich genug um zu wissen, dass der Vorsatz oder die Zuversicht in meinem Leben *das gemeine Wohl zu befördern* mich mehr als alles andere standhaft und ruhig macht; dadurch werden in meinen eigenen Augen meine Wissenschaften so edel und wichtig, das Pflicht und Ruhmbegiede mich gegen alles unüberwindlich machen [1]).

Какія непріятности предстояли Жуковскому? Едва-ли дѣло идетъ на этотъ разъ объ общественныхъ „испытаніяхъ", которыя грезились ему. Въ концѣ 1810 года Ек. Аѳ. переселилась въ свое помѣстье Муратово, куда за ней перебрался и Жуковскій въ деревню, купленную имъ въ сосѣдствѣ; съ начала 1811 года Вѣстникъ Европы издается уже однимъ Каченовскимъ. Повидимому, къ этому времени относится объясненіе Жуковскаго съ Ек. Аѳ. Протасовой [2]): онъ рѣшился просить у ней руку дочери; въ дневникѣ 1814 года Жуковскій недоумѣваетъ, почему не дошло по назначенію его письмо марта 1811 года, въ которомъ онъ просилъ Екатерину Аѳанасьевну довѣриться ему, потому что это единственное средство перемѣнить его привязанность къ Машѣ — въ чувство брата. Объ этой небратней привязанности уже знали, Жуковскій пытается выступить открыто, онъ выяснилъ свое грядущее, и сознаніе, что онъ будетъ „полезенъ всей Россіи", даетъ ему спокойствіе, выдержку; было за что ухватиться. Протасова отказала подъ предлогомъ близкаго родства и даже запретила Жуковскому говорить Машѣ о своей привязанности. Между тѣмъ пріятели хлопотали: Уваровъ, въ то время попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, видѣвшійся съ Жуковскимъ въ Москвѣ въ началѣ 1811 года, предлагалъ ему мѣсто въ Педагогическомъ Институтѣ, но онъ отклонилъ его, потому что „не готовъ", да и „исключительное занятіе" лишила бы его свободы, возможности предаться своему

---

1) Русская Старина 1901 г. апрѣль, стр. 127—9.

2) Сл. у Тихонравова l. c., стр. 491 слѣд. въ разборѣ показаній Зейдлица.

дѣлу, отъ котораго не хочетъ отстать. Уваровъ поручилъ Ал. Тургеневу уговорить его. Жуковскій отвѣчаетъ въ маѣ 1811 г.: ты слишкомъ нетерпѣливъ въ дѣланіи мнѣ добра, подожди, когда я самъ попрошу твоей помощи. „Изъ деревни опишу обстоятельно всѣ *причины, принуждающія меня отказаться отъ выгодной должности, мнѣ предлагаемой. Теперь мнѣ совсѣмъ не до того*" [1]).

Посланія „о дѣятельности" не могло быть написано; большая часть стихотвореній 1810—1811 годовъ, свои и заимствованныя, выражаютъ тревоги и перебои романической любви. Въ письмѣ 7 ноября 1810 года извѣщалъ Тургенева, что у него почти готова баллада, вдвое длиннѣе Людмилы (1808 г.) и лучше ея, съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ діаволомъ, и этотъ дьяволъ будетъ посвященъ его „милой переписчицѣ", А. А. Протасовой, сестрѣ его Маши. Разумѣется Громобой; къ Машѣ, вѣроятно, обращено стихотворенье „Къ ней", найденное послѣ ея смерти въ ея портфелѣ [2]). Знакомые мотивы сентиментальной поэзіи вторгаются въ Посланіе къ Блудову (1810 г.), повторяются Пѣснѣ („О милый другъ!", подражаніе нѣмецкой 1811 г.), въ „Подписи къ солнечнымъ часамъ", въ Цвѣткѣ (съ французскаго 1811 г.), въ „Жалобѣ" (изъ Шиллера, Der Jüngling am Bache; 1811 г.), въ „Желаніи" (изъ Шиллера, Die Sehnsucht; 1811 г.), въ „Пѣвцѣ" (1811 г.).

Шиллеровскій Jüngling, Knabe, очутился знакомымъ намъ Усладомъ: оба сидятъ у ручья, въ волны котораго бросаютъ вѣнокъ; все воскресло съ весною, для нихъ же нѣтъ счастья безъ милой. Жуковскій идетъ объ руку съ текстомъ, не переводя, а подражая, и кончаетъ третьей строфой:

Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть одна во всей вселенной—
Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки;
Милый призракъ прочь летитъ.
Кто-жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?

---

1) Письмо 1811 г., изъ второй половины мая. Сл. примѣчанія издателя.

2) Зейдлицъ l. c., стр. 45.

У Шиллера все разрѣшается призывомъ къ счастью: Сойди, моя красавица, покинь свой гордый замокъ; я осыплю тебя весенними цвѣтами. Слышишь, какъ лѣсъ оглашается пѣснями, какъ звонко журчитъ ручей! И въ малой хижинѣ есть мѣсто для двухъ любящихъ.— Усладу-Жуковскому такой хижины не предвидилось, и онъ опустилъ послѣднюю строфу. Стихотвореніе, хотя и подражательное, получаетъ характеръ біографическій. Какъ Элегія „Вечеръ" (1806 г.) кончалась ожиданіемъ, что унылая Минвана съ Альпиномъ придутъ мечтать „надъ тихой юноши могилой", такъ теперь поэтъ приглашаетъ насъ погрустить надъ прахомъ „бѣднаго пѣвца", который:

Дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку,
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку....
Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой,
Желать всякъ часъ и трепетать желанья....
(Пѣвецъ, 1811 г.)

„Бѣдный пѣвецъ" — это самъ Жуковскій: на его могилу придетъ другъ (Блудовъ) съ своей Людмилой, пусть соберутся туда и друзья: когда

Луна сквозь облакъ дымный
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окрестъ благоуханье,

онъ будетъ летать подъ зыбкой сѣнью деревьевъ невидимою тѣнью объ руку съ Филономъ:

Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ
Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами.
(Къ Блудову 1810 г.).

Но надежда еще не умерла: если прошла весна любви, то на смѣну ей явится „дружба мирная“ (Надпись къ солнечнымъ часамъ, 1811 г.), либо дружба и трудъ, водворяющій въ сердцѣ „ясность и покой“, повторяетъ поэтъ за Шиллеромъ (Мечты 1812 г.).

Онъ самъ изобразитъ себя въ влюбленномъ юношѣ, съ душою ясной, какъ весенній день — въ Посланіи къ Батюшкову (1812 г.), который зналъ о его горѣ и совѣтовалъ „сложить печалей бремя“ (Мои пенаты 12 апрѣля 1812 г.):

При ней — задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Несмѣлъ твой разговоръ;
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье
И страстное мечтанье —
Языкъ души твоей;
Забыты всѣ желанья;
Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,
Ты одинокъ съ толпой.

И Батюшковъ въ посланіи къ А. Тургеневу (1812 г.) характеризуетъ Жуковскаго, какъ пѣвца любви, утопающаго въ восторгѣ и забывающаго строгій голосъ разсудка:

Для двухъ коварныхъ глазъ,
Подъ знаменемъ Киприды,
Сей новый Донъ-Кишотъ
Проводитъ вѣкъ съ мечтами,
Съ химерами живетъ,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной,
И — міръ смѣшитъ собой!
Для свѣта равнодушенъ,
Для славы и честей,

Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей,
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и поляхъ,
Съ поникшей головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродитъ,
Одно твердитъ, поетъ:
„Любовь, любовь зоветъ....“
И риѳмы лишь находитъ.
(Отвѣтъ А. И. Тургеневу).

Пока оставалось мечтать, жить воображеньемъ, отвѣчаетъ онъ своей племянницѣ, Авдотьѣ Николаевнѣ Арбеневой:

„Разсудку глазъ, другой воображенью!“
Такъ пишетъ мнѣ мой стародавній другъ.

Воображеніе — это волшебный фонарь, являющій намъ „на платѣ роковомъ Блестящее блаженства привидѣнье. О! другъ мой! Умъ всѣхъ радостей палачъ!“ Оставимъ его тѣмъ, кто благами богаты,

Но у кого они на перечетъ,
Тому совѣтъ: держись воображенья!
Оно всегда въ печальной жизни счетъ
Веселыя приноситъ заблужденья!

Нетлѣннаго нѣтъ на землѣ,

Оно насъ ждетъ за дверью гробовою;
А на землѣ всего вѣрнѣй — мечтать!

Его желанья скромныя:

....мирный трудъ, свобода съ тишиной,
Посредственность и кругъ друзей священной,
И муза, вождь моей судьбы смиренной.

Онъ не рожденъ подъ той звѣздой, которая влечетъ въ храмъ Фортуны: нѣтъ у него ни отважности, ни пламенаго рвенья, ни дара ловить летящее мгновенье, препятствія въ удачу обращать:

Полжизни я истратилъ въ тишинѣ:
Застѣнчивость, умѣренность желаній,
Привычка жить всегда съ однимъ собой,
Довѣрчивость съ безпечной простотой —
Вотъ все, мой другъ! Увы! запасъ убогой!

Зачѣмъ ему дары счастья? *„Съ кѣмъ ихъ дѣлить?* Кому ихъ въ даръ принесть?....“ Быть полезнымъ? Но это дѣло сильныхъ, „ихъ кругъ большой! ты дѣйствуй въ маломъ кругѣ!“ Ему быть пѣвцемъ,

Кому дано бряцаньемъ лиры стройнымъ
Любовь къ добру переливать въ сердца (1812 г.) [1]).

Мы знаемъ, что Протасова обязала Жуковскаго ничего не говорить дочери о его предложеніи и ея, Протасовой, отказѣ, а онъ, казалось ей, нарушилъ обѣщанье: на семейномъ праздникѣ у сосѣдей Плещеевыхъ 3 августа 1812 г. онъ пропѣлъ своего „Пловца“.

„Пловецъ“ 1811 года навѣянъ, такъ сказать, мотивами двухъ стихотвореній Жуковскаго, относящихся къ тому же году: „Добрая мать“ написана по адресу Ек. Аѳ. Протасовой; оказывается, Богъ послалъ ее въ міръ „себѣ на прославленье“, дабы она примирила съ надеждой того, кто разувѣрился въ счастіи (Жуковскаго), а въ награду ея „доблестей чудесныхъ“ послалъ ей „двухъ ангеловъ прелестныхъ“, т. е. двухъ дочерей. Въ „Желаніи“ (изъ Шиллера) поэтъ ищетъ желаннаго исхода, хочетъ воскреснуть душой: видитъ гдѣ-то цвѣтущіе холмы, „предѣлъ очарованья“, но путь туда прегражденъ ужаснымъ потокомъ. У берега лодка:

Ѣдемъ!.... будь, что суждено....
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;

---

1) Жуковскій затѣвалъ еще какое-то посланіе къ Арбеневой, о чемъ писалъ ей 15 декабря 1813 года: „У меня еще сидитъ въ головѣ и стихотворное къ вамъ посланіе; но стихи пишутся тогда только, когда на душѣ ясно; а на моей душѣ часто и очень часто сумерки“. Русскій Архивъ 1883 г., II, стр. 309.

Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

Чудо совершается въ „Пловцѣ“: пловецъ—Жуковскій гибнетъ въ волнахъ океана, но Провидѣніе занесло его въ райскую обитель, тамъ онъ видитъ трехъ ангеловъ (Ек. Аѳ. Протасову съ дочерями). Какая

....радость
Ими жить, для нихъ дышать,
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О судьба! Одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость, мнѣ страданье,
Но.... не дай ихъ пережить.

Протасова приняла это за намекъ, нарушившій ея приказаніе, и попросила Жуковскаго удалиться. 12 августа онъ поступилъ въ Московское ополченіе и вернулся къ своимъ лишь 6 генваря 1813 года, проболѣвъ въ Вильнѣ горячкой. „Минута энтузіазма, весьма естественнаго при чтеніи манифестовъ нашего Государя, заставила меня броситься на такую дорогу, которая мнѣ совсѣмъ не извѣстна“ писалъ онъ впослѣдствіи [1]). Въ сраженіяхъ онъ не участвовалъ, не видѣлъ подробностей „кровавой свалки“, хотя получилъ чинъ штабсъ-капитана и орденъ Анны 2-й степени за отличіе подъ Бородинымъ и Краснымъ, но видѣлъ картины войны, что-то стихійное, несказанное въ контрастахъ тихаго неба и борющихся армій — и вернулся со славой „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. Онъ уже испыталъ свою лиру въ патріотическомъ пѣснопѣніи, но „Пѣсня барда“ съ ея гипотетическими славянами, Дидомъ и Святовидомъ—это восторгъ вчужѣ; „Пѣвецъ“ переводитъ насъ на болѣе историческую, если и не реальную почву: надъ войскомъ по прежнему мчатся воздушные полки, но между ними Святославъ, Донской, Петръ, Суворовъ; вооруженіе классическое: мечи, стрѣлы, кольчуги. Жуковскій не замѣтилъ противорѣчія и позже, когда въ изданіи своихъ сочиненій 1848 г.

1) Разсужденіе о Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ. Спб. 1822 г. Сл. письмо къ Ал. Тургеневу 9 апрѣля 1813 г.

въ виньеткѣ передъ „Пѣвцомъ“ изобразилъ самъ себя въ видѣ пѣвца безъ бороды, въ казачьей курткѣ,—но съ лирой, передъ бородатыми товарищами, расположившимися вокругъ сторожевого огня. Впечатлѣніе роковыхъ контрастовъ, вынесенное имъ изъ дѣйствительности, отразилось въ Пѣвцѣ идиллическими картинами: здѣсь „за гибель — гибель, брань, за брань“, а тамъ отчизна,

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.

Тамъ и милая, давшая витязю щитъ со святымъ обѣтомъ: „Твоя и за могилой“. Тамъ (въ Муратовѣ), за синей далью,

Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Грустить, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслитъ: „Скоро-ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданія часъ,
Смѣнить тоску разлуки!“
И милый является — къ „Свѣтланѣ“.

Баллада, лишь въ 1814 году поднесенная, какъ свадебный подарокъ, сестрѣ Маши, А. А. Протасовой, затѣянная, быть можетъ, еще въ 1808 году, написана была, вѣроятно, въ 1812 г. „Пѣвецъ“ напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1812 г. №№ 23—4, баллада тамъ же въ № 1—2, 1813 года.

На приглашеніе Ал. Тургенева пріѣхать въ Петербургъ Жуковскій отвѣчалъ, что у него и денегъ на то нѣтъ, да онъ ничего иного и не желаетъ, какъ жить въ деревнѣ, жить авторствомъ, пользоваться свободой и „писать съ вольнымъ духомъ.... Впрочемъ могутъ случиться такія *обстоятельства*, которыя заставятъ меня искать пріюта въ службѣ. Тогда ты бу-

дешь моимъ прибѣжищемъ. Думая о томъ, что можетъ со мной случиться худого, думаю всегда, что ты мнѣ останешься и что въ тебѣ найду замѣну того, чего, можетъ быть, должно лишиться. Это покажется тебѣ мистическимъ. Объяснимся послѣ. Дорого бы далъ, чтобы съ тобою увидѣться: я такъ давно уже не имѣлъ этого счастія. Но что говорить о счастіи; нельзя сказать, чтобы оно было со мной знакомо" (20 мая 1813 г.).

Маша между тѣмъ узнала о предложеніи Жуковскаго и отказѣ матери, и ея здоровье пошатнулось. Первыя письма Жуковскаго къ его племянницѣ А. П. Кирѣевской отъ іюля 1813 г. полны заботъ о здоровьѣ Маши. Кирѣевская собралась въ свое Долбинское имѣніе, гдѣ все напомнило бы ей ея покойнаго мужа, и Жуковскаго заботитъ, что она дастъ надъ собою волю печальному чувству, что ея воображеніе будетъ „трудиться надъ изобрѣтеніемъ новыхъ горестей". И онъ пространно наставляетъ ее: она обязана сохранить свой душевный покой для дѣтей — и для Маши, ея спокойствіе должно быть для васъ главное, на спокойствіи основана ея жизнь, душевное волненіе для нея пагубно. Надо беречь ее, не огорчать, „пожертвовать всѣми будущими досадами". „Какое счастіе для васъ быть ея хранителемъ!" — „Собственнаго счастья, которое мнѣ нужно, я имѣть не буду! говоритъ онъ въ другомъ письмѣ: мнѣ остается только видѣть его въ вашемъ миломъ кругѣ — оно все будетъ моимъ".

Письма Жуковскаго 1813—14 годовъ къ Ал. Тургеневу, Воейкову, Свѣчиной, Арбеневой и др. покажутъ намъ, какъ это самоотреченіе перебивалось надеждами, какъ онъ всюду искалъ себѣ пособниковъ, которые могли бы повліять на рѣшеніе Протасовой, искалъ среди родныхъ и друзей, въ Лопухинѣ, Воейковѣ, архимандритѣ Филаретѣ, епископѣ Досиѳеѣ; разсчитывалъ при помощи Ал. Тургенева на вліяніе Государыни и Синода. Во всемъ этомъ было болѣе фантастики, чѣмъ разборчивости, и Жуковскому пришлось разочароваться во многихъ, которыхъ онъ считалъ своими друзьями. Онъ жаловался и попрекалъ, но порой справлялся съ собой и бралъ на себя часть вины; требуя свободы своему чувству, онъ не считался съ практическою стороною дѣла. Екатерина Аѳанасьевна была упрямой блюстительницей церковнаго обряда и, разумѣется, каноническаго преданія, „у нея сложились очень самостоятельныя и строгія нравственныя правила, и она крѣпко придер-

живалась того, что признавала за правду-истину, — качество души, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ иногда можетъ перерождаться въ упрямство". Такъ говоритъ Зейдлицъ, коротко ее знавшій и любившій [1]); Вилламовъ отзывался о ней въ 1820 г., какъ о „нашей доброй маменькѣ"; Воейковъ упрекалъ ее въ „ложной чувствительности". Сентиментальныя мечты юныхъ лѣтъ, выродившіяся въ нѣкоторый ригоризмъ, сдѣлали ее опасливой: она боялась слѣдствій „романической" страсти и не вѣрила Жуковскому, когда, отказавшись отъ идеи брака, онъ увѣрялъ ее въ своей духовной, дружеской привязанности къ Машѣ и лишь для этого чувства просилъ свободы. Она упрекала его, что онъ отстранилъ отъ нея дочь; Жуковскій несомнѣнно воспиталъ ее и ея сестру Александру Андреевну въ духѣ amitié amoureuse, мечтательности и піэтизма; обѣ въ извѣстной мѣрѣ его созданія, и онъ привязался къ нимъ, душевно любилъ Машу—и давалъ ей читать Мендельсона, Ueber die Unsterblichkeit der Seele. На экземплярѣ изданія 1776 г. на заглавномъ листѣ написано: Marie de Protasoff; Маша читала эту книгу въ 1813 г. въ Орлѣ; на первой страницѣ Жуковскій помѣтилъ карандашемъ: „О пользѣ несчастія". Мотивъ для размышленія [2]).

Несчастіе, страданіе — ко благу, это искусъ, очищающій человѣка; въ этой вѣрѣ Жуковскій часто будетъ искать успокоенія; и теперь онъ старается порой не горевать, а — ждать „съ тихимъ упованьемъ". Эпимесидъ возмущенъ жребіемъ, выпавшимъ по волѣ Зевса на долю человѣка: прошедшее ему врагъ, въ настоящемъ онъ осужденъ влачить бремя заботъ и скуки, а сонъ будущаго счастья улетаетъ, и если

случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной,—
То въ безднѣ лучъ уединенной:
Онъ только бездну озаритъ [3]).

1) Зейдлицъ, l. c., стр. 13.

2) Указанный экземпляръ книги Мендельсона находится въ библіотекѣ А. Ѳ. Онѣгина.

3) У Parny, Éphimécide:

Si quelque douceur passagère
Un moment console ses maux,
C'est une rose solitaire
Qui fleurit parmi des tombeaux.

И вотъ Эпимесидъ молитъ Зевса послать ему „даръ небытія", хочетъ броситься съ утеса въ волны, но голосъ изъ облаковъ велитъ ему не гнѣвить Творца роптаньемъ, потому что

Богамъ любезенъ человѣкъ,
И благъ источникъ наслажденья.

Эпимесидъ простерся въ прахъ, покорный, съ тихимъ упованьемъ. Черезъ два мѣсяца онъ приходитъ на тотъ-же берегъ и ставитъ подъ сѣнью миртовъ „ликъ дружбы въ честь благимъ богамъ", черезъ годъ алтарь любви и, наконецъ, сельскій храмъ „благотворенью" (Эпимесидъ, изъ Парни, 1813 г.). Невольно вспоминается одна изъ раннихъ отмѣтокъ дневника 1805 года: вѣрный другъ, вѣрная жена и — „удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній".

Привязанность Маши къ Жуковскому не перебила вліянія матери. Дѣвушкѣ приходилось молчать, уходить въ себя; не даромъ Жуковскій пытался впослѣдствіи создать ей въ лицѣ ея двоюродной сестры, Кирѣевской, такого семейнаго друга, который стоялъ бы на его сторонѣ: „ей (Машѣ) такъ часто бываетъ нужно говорить безъ закрышки. Весь вѣкъ таиться въ себѣ — ужасно" (16 апрѣля 1814 года).

Можетъ быть, еще до пріѣзда Воейкова, оживившаго надежды Жуковскаго, написано было стихотвореніе „Къ самому себѣ", напечатанное въ № 4 (февраль) Вѣстника Европы слѣдующаго года стр. 286—7:

Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй! Безумно
Скорбью безплодной о благѣ на вѣки погибшемъ
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!
(Къ самому себѣ).

Между тѣмъ еще въ началѣ апрѣля 1813 года кн. Вяземскій писалъ Ал. Тургеневу изъ Москвы: „Ожидаю Жуковскаго, ... ему дуетъ теперь попутный вѣтеръ, и непремѣнно намъ, то есть, его друзьямъ, надобно его заставить воспользоваться хорошею погодою. Полно ему дремать въ Бѣлевѣ. Онъ мнѣ пишетъ о полученіи ордена Святыя Анны.... Жуковскаго надобно освѣжить: онъ теперь вянетъ, и я, ей Богу, боюсь, чтобы, онъ вовсе не увялъ. Характеръ его, *обстоятельства*, ходъ жизни его — все, мало по малу, его томитъ. Нельзя долго жить

въ мечтательномъ мірѣ и не надобно забывать, что мы, хотя и одарены безсмертною душою, но всетаки немного причастны скотству, а, можетъ быть, и очень. Жуковскій же пренебрегаетъ вовсе скотствомъ: это гибельно. Свинью можно держать въ опрятномъ хлѣвѣ; но, чтобы она была и здорова и дородна надобно ей позволить валяться иногда въ грязи и питаться навозомъ. И человѣкъ, который, по излишнему почтенію къ сему, конечно, весьма почтенному животному, сталъ бы держать его въ благоуханной оранжереѣ, кормить ананасами и померанцами, купать въ розовой водѣ и класть спать на ложѣ, усыпанномъ жасминами, скоро бы уморилъ почтеннаго своего кумира" [1]).

---

1) Остафьевскій Архивъ I, письмо № 11, начало апрѣля 1813 г.

IV.

А. Ѳ. Воейковъ.

Въ концѣ 1813 года появился въ кругу Протасовыхъ Ал. Ѳед. Воейковъ (1778—1839), воспитанникъ Московскаго Университетскаго Пансіона, пріятель Мерзлякова, знакомый Жуковскаго и Тургенева по Дружескому Литературному Обществу, собиравшій друзей на вечеринкахъ въ своемъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Вечеринки эти долго были памятны, какъ и „ветхій домъ", о которомъ говорилъ Андрей Тургеневъ:

Сей ветхій домъ, сей дикій садъ глухой,
Убѣжище друзей, соединенныхъ Фебомъ,
Гдѣ въ радости сердецъ клялися передъ небомъ,
Клялись своей душой,
Запечатлѣвъ обѣтъ слезами,
Любить отечество и вѣчно быть друзьями [1]).

Когда друзья разъѣхались, Жуковскій въ деревню, Ал. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ заграницу, Мерзляковъ скучалъ по тѣмъ часамъ прекраснымъ,

Когда мы въ кочкахъ, подъ шатромъ,
Въ сентябрски вечера ненастны,
Съ любезной трубкой и виномъ,
Родныя пѣсенки пѣвали
И съ бурей голосъ соглашали?

---

1) Славянинъ, изд. Воейковымъ. Ч. XIII (1830 г.), стр. 147: „Къ ветхому Поддѣвическому дому А. Ѳ. В-ва". О литературныхъ вечерахъ и попойкахъ у Воейкова, въ которыхъ принимали участіе Мерзляковъ, Сумароковъ, Каченовскій и друг., говоритъ Жихаревъ подъ 1806 годомъ. Сл. Записки С. Н. Жихарева, стр. 159, 207—8.

тогда какъ въ небѣ „съ тьмой ночной огонь сражался Оссіана", скрипѣли старыя березы и стлались по землѣ желтые листы, а они съ улыбкой мирной на челѣ сидѣли вкругъ огня

И съ удовольствіемъ смотрѣли,
Какъ грѣтое рукой твоей,
Любезный, милый мой Андрей,
Готовилось на общу радость.

Теперь все перемѣнилось и домикъ развалился,

И Оссіанъ уже забытъ!
И на разрытую могилу
Прошедшихъ радостей, забавъ,
Никто, никто уже не взглянетъ!
Никто, никто не воспомянетъ
Тотъ садъ, гдѣ дружба разцвѣла,
Мое блаженство мнѣ явила,
Утѣхи вѣка въ часъ стѣснила
И—все съ собою унесла [1]).

И Жуковскій и Воейковъ вспоминали впослѣдствіи о „ветхомъ домѣ", гдѣ они

столь сладко пировали,
Который мы мечтами населяли;
Гдѣ цвѣлъ тотъ садъ, который мы
Въ повѣренные тайнъ сердечныхъ избирали,
Гдѣ, распаливъ виномъ и спорами умы
И къ человѣчеству любовью,
Хотѣли выкупить блаженство ближнихъ кровью,
При звукѣ радостномъ покаловъ, хоровъ, лиръ,
Преобразить спѣшили міръ;
Намъ, юношамъ неосторожнымъ
И невозможное казалося возможнымъ....

Но золотой возрастъ пролетѣлъ, опытъ спустилъ мечтателей въ міръ дѣйствительности, кружокъ распался, иныхъ унесла

1) Сл. Сухомлиновъ, А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья, Извѣстія Отдѣл. Русск. языка и слов. Имп. Ак. Наукъ 1897 г. Т. II, кн. I, стр. 25 слѣд.: письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ Ал. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову 17 сентября 1802 г.

смерть (Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова), другіе разбрелись каждый своей тропою, и Воейковъ помнитъ, какъ онъ

Въ житейское пустился море.
Пловецъ неопытный среди ревущихъ волнъ
Въ краяхъ безвѣстныхъ мыкалъ горе [1]).

Онъ уже успѣлъ создать себѣ нѣкоторую извѣстность [2]). Какъ Жуковскій, Глинка, Загоскинъ, А. А. Перовскій (Погорѣльскій) и многіе другіе, онъ вступилъ въ ряды русской арміи и, выйдя въ отставку по окончаніи войны, предпринялъ путешествіе по Россіи [3]). Съ дороги онъ писалъ Жуковскому. „Братъ, я получилъ твое письмо изъ Сарепты, отвѣчалъ ему Жуковскій [4]), и получилъ его въ то время, когда писалъ къ Тургеневу посланіе, касающееся и тебя, ибо въ немъ говорится о прошломъ времени, о нашемъ лучшемъ времени; я доставлю его и къ тебѣ, ибо ты имѣешь на него такое же право, какъ и Тургеневъ. Ты одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ той прекрасной комедіи, которую мы играли во время оно и которая называется *счастье*. Многіе изъ актеровъ сошли со сцены, а для остальныхъ піеса кончилась; они раздѣлись, устали и просятъ, чтобы ихъ скорѣе отпустили по домамъ". Таково и настроеніе посланія Жуковскаго къ Тургеневу, на которое намекаетъ письмо; это настроеніе его старой элегіи „Вечеръ" (1806 г.); тѣснятся воспоминанія о тѣхъ годахъ,

Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы,....

---

1) Воейковъ, Посланіе къ женѣ и друзьямъ, Сынъ Отечества 1821 г., ч. 67, № IV, стр. 177 слѣд.: оно подписано „1816 г. августа 20 дня. Дерптъ", но нѣсколько стиховъ въ концѣ добавлено нѣсколько лѣтъ спустя.

2) Сатира къ Сперанскому: Объ истинномъ благородствѣ. Вѣстникъ Европы 1806 г. № 19, октябрь стр. 195 слѣд.; переводъ сочиненія Вольтера: Царствованіе Людовика XIV и Людовика XV, 1808—9 г.

3) См. его стихотвореніе: Посланіе къ моему другу-воспитаннику о пользѣ путешествія по отечеству, Вѣстникъ Европы 1818 г. ч. XCIX, № 12 (іюнь), стр. 265 слѣд.; это же посланіе подъ заглавіемъ „къ М. М. М(ихайлову)". О пользѣ путешествія по отечеству перепечатано съ нѣкоторыми измѣненіями въ Славянинѣ, 1827 г., ч. III, № XXXVIII, отд. 2-е, стр. 450—462; см. также указанія Жуковскаго въ его посланіи къ Воейкову.

4) Въ сентябрѣ 1813 г.; сл. Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 16—17 и письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу отъ 2 сентября того же года.

Грядущее надёждой украшали —
И радостнымъ оно являлось намъ!
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ! Исчезло все — и *садъ*
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали.
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?

Жуковскій вспомнилъ Андрея Тургенева и прелестно характеризуетъ его отца, старика-юношу.

Увы! ихъ нѣтъ!.... мы-жъ каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли,
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: тамъ!....
Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
На нашу даль — и тамъ одинъ лишь мракъ!
И вѣрою въ грядущее убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, отставшихъ назади....
Мы разными дорогами пошли:
Но что-жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье — заблужденье,....
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ....
Дай руку, братъ! Какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро-ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится —
Но дружба намъ звѣздой отрады будь!
(А. И. Тургеневу въ отвѣтъ на его письмо 1813 г.).

Жуковскій приглашалъ Воейкова пріѣхать: „Поговоримъ о прошломъ, поплюемъ на настоящее и еще тѣснѣе сдружимся, что̀ главное“; Воейковъ познакомится съ двумя милыми семействами (Протасовыми и Плещеевыми), а Жуковскій передастъ ему изъ рукъ въ руки посланіе къ нему въ отвѣтъ на посланіе Воейкова, „прекрасное и слишкомъ уже для меня обольстительное“. Дѣло идетъ о посланіи Воейкова, написанномъ въ народно-реторическомъ вкусѣ, метромъ, встрѣчающимся у Дер-

жавина [1]), въ Карамзинскомъ „Ильѣ“ (1794 г.) и „Бахаріянѣ“ Хераскова (– ᴗ – ᴗ – ᴗ – ᴗ ᴗ) [2]); имъ пользовался и Жуковскій [3]) и Пушкинъ [4]). Посланіе полно лести и — непониманія Жуковскаго, какъ поэта:

Ты, который съ равной легкостью,
Съ равнымъ даромъ пишешь сказочки,
Оды, пѣсни и элегіи;
Музъ любимецъ и учитель мой
Въ описательной поэзіи (?)

Далѣе перифразируются идеи посланій Жуковскаго къ Делію (подражаніе Горацію 1809 г.) и къ Батюшкову (1812 г.), но черты его милаго гедонизма подчеркнуты рукой реалиста: будто Жуковскій поощряетъ „къ сладострастію изящному“, напоминая, что жизнь есть мигъ, что слѣдуетъ наслаждаться настоящимъ днемъ, топить грусть въ чашѣ радости, чтобы смерть нечаянно посѣтила насъ среди пиршества [5]). Упоминаніе „Людмилы“ и „Свѣтланы“ не приготовляютъ къ слѣдующему панегирику:

О соперникъ Гёте, Бюргера!
Этой сладкою поэзіей,
Этой милой философіей
Ты плѣняешь, восхищаешь насъ,
Превосходенъ и въ бездѣлицахъ,
Кисть Альбана въ самыхъ мелочахъ.

---

1) Добрыня: Ахъ, столица это солнышка, ... Ахъ! того-ли Володимира.

2) Бахаріяна или Неизвѣстный, Вступленіе:

Древнимъ пой стопосложеніемъ,
Коимъ пѣли въ вѣки прежніе
Трубадуры царства русскаго;
. . . .
Иль такимъ стопосложеніемъ,
Коимъ справедливо нравится
Недопѣтый Илья Муромецъ.

3) Въ стихотворныхъ партіяхъ переведеннаго съ Флоріана Донъ-Кихота (1804 г.).

4) Въ отрывкахъ „Бовы“.

5) Сл. посланіе къ Делію: „Пусть смерть зайдетъ къ намъ не нарокомъ, какъ добрый, но нежданный другъ“.

Но пора бросить мелочи для состязанія „съ истинными, увѣнчанными поэтами"; пусть воспоетъ *„четыре части дня"*, *„четыре времени"*. Чувствуется, что говоритъ переводчикъ „Делилевыхъ садовъ" (1816 г.) и Георгикъ (Вѣстникъ Европы 1817 г.); далѣе народникъ: отчего бы Жуковскому не взяться за „поэму славную — *Въ русскомъ вкусѣ повѣсть древнюю*" [1]), онъ будетъ нашимъ Виландомъ, Аріостомъ, Баяномъ. И Воейковъ подсказываетъ ему сюжеты: Святославъ съ Добрынею, Владиміръ—„русско солнышко, Нашъ Готфридъ или Великій Карлъ"; Димитрій Донской, Петръ-Самсонъ, разодравшій челюсть льва, Суворовъ, Кутузовъ, Платовъ, который такъ, какъ волхвъ, Сѣрымъ волкомъ рыщетъ по лѣсу, Сизымъ орломъ по поднебесью, Щукой зоркою по рѣкѣ плыветъ, И въ единый мигъ и тамъ и здѣсь Колетъ, гонитъ и въ полонъ беретъ. Воспой,

И тебѣ, орелъ поэзіи,
Подлѣ Грея, подлѣ Томсона,
Мѣсто на небѣ готовится.

(Вѣстникъ Европы 1813 г., мартъ № 5—6, стр. 26 слѣд.).

Воейковъ быстро освоился въ семьѣ Протасовыхъ и сталъ ухаживать за младшей сестрой Маши, Александрой Андреевной. Послѣ Маши она была всего ближе сердцу Жуковскаго, съ молоду онъ глубоко привязался къ своей „милой Граціи", переписывавшей въ Муратовскомъ уединеніи его стихи [2]), и эта дружба съ „прелестнымъ товарищемъ", „нѣжнѣйшимъ товарищемъ" его души [3]), полная отеческихъ заботъ и оберега, длилась всю жизнь. Она знала сердечную тайну поэта, которую, говорятъ, угадалъ и Воейковъ: въ дневникъ Жуковскаго онъ вписалъ тайкомъ нѣсколько стиховъ, касавшихся его отношенія къ Машѣ [4]). На нихъ-то намекаетъ Жуковскій въ своемъ посланіи 29 генваря 1814 г. (Вѣстникъ Европы 1814 г., мартъ № 6 стр. 97—106), приглашая Воейкова, заведеннаго дружескою рукою въ обитель „брата", вспомнить призраки златые

---

1) Пушкинъ Дельвигу, Кишиневъ 1821 г., 23 марта: „Напиши *поэму славную*, только не *четыре части дня и не четыре времени года*".

2) Жуковскій къ Ал. Тургеневу 1810 г., 12 сентября.

3) Письмо къ Тургеневу 1829 г. 16 марта.

4) Зейдлицъ l. c. стр. 59, 60.

Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы — гости молодые
У милой жизни на пиру —
Изъ полной чаши радость пили
И *счастье наше!* говорили
Въ своемъ пророческомъ жару....
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что здѣсь намъ суждено....
А время мчится безъ возврата,
А жизнь — измѣнница за нимъ;
Одинъ уходитъ за другимъ;
Другъ, оглянись.... еще нѣтъ брата....[1])
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами!
Но такъ и быть!.... Здѣсь твой поэтъ
Съ смиренной музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить.

Онъ уже очарованъ ею и ему видятся чудеса — и онъ набрасываетъ въ нѣсколькихъ стихахъ очертанія поэмы „Владиміръ", которую затѣялъ еще въ 1810 году. Ты чародѣй, а не поэтъ, продолжаетъ Жуковскій: прочтя посланіе Воейкова онъ „готовъ дерзнуть за обольстительной славой"

Что сдѣлалъ ты, пѣвецъ лукавый!
Мою ты душу погубилъ!
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой? [2])

1) Андрея Сергѣевича Кайсарова, убитаго въ сраженіи 14/26 мая 1813 года.

2) Въ послѣдующихъ изданіяхъ текстъ этого отрывка нѣсколько измѣненъ.

„Книга съ бѣлыми листами“ — это, пока не написанная, поэма; если книга наполнится, пусть знаетъ „что счастливъ жребій мой“, если останется пустою, то да будетъ она Воейкову въ залогъ воспоминанья,

Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья!
Прими ее.... и пожалѣй.

Тѣмъ же днемъ, днемъ рожденія Жуковскаго, помѣчено и его стихотвореніе, очевидно, обращенное къ Машѣ (хотя противъ этого стихотворенія рукою Александры Андреевны Протасовой написано: Маминькѣ): если бы жить значило пойти въ путь безъ цѣли, бѣжать за мечтой, чтобъ уснуть въ гробовой колыбели,—зачѣмъ было бы жить? Но у него жребій иной:

Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ сказалъ: я другъ на вѣки твой!
Въ семъ словѣ все сказалъ небесный утѣшитель:
Въ семъ словѣ цѣль моя, надежда и вѣнецъ!
Благодарю за жизнь, Творецъ!
(29 января 1814 г.).

Жуковскій посвятилъ Воейкова въ свои надежды, твердо разсчитывая на его помощь, и обманулся. Воейковъ былъ типъ своеобразный, въ которомъ порой трудно различить долю прирожденности отъ вліянія условій, въ которыя поставилъ его перебой общественныхъ настроеній. Первая несомнѣнно преобладала въ его раннихъ отношеніяхъ къ Жуковскому; въ литературномъ дѣятелѣ позднѣйшаго времени сказался древній человѣкъ. Это былъ страстный эгоистъ, съ громаднымъ самомнѣніемъ, поддержаннымъ случайнымъ успѣхомъ, воспитанный на классикахъ и философахъ XVIII вѣка, которыхъ онъ читалъ съ братьями Тургеневыми („тремя братьями Гракхами“ его дневника); онъ былъ чутокъ къ новымъ литературнымъ вѣяніямъ, не проникаясь ими, понимая ихъ и не признавая того, что было въ нихъ шагомъ къ новой жизни: его „Домъ сумасшедшихъ“ — сатира безъ исхода въ будущее. „Онъ былъ вольнопрактикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду“; у него было много ума, но „въ

душѣ его не было ничего поэтическаго, и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ". Въ члены Арзамаса, гдѣ онъ носилъ кличку „Дымной Печурки", его приняли по предложенію Жуковскаго, но неохотно: были какія то предубѣжденія [1]). Онъ хотѣлъ быть чѣмъ-то, но это не давалось и раздражало; чуткость обращалась въ чередованіе гиперболическихъ восхваленій, дѣланныхъ восторговъ и пасквилей; среди всего этого его самосознаніе торжествовало дешевую побѣду; отсутствію твердыхъ убѣжденій, кромѣ культа своей личности, отвѣчала неразборчивость средствъ и легкіе переходы отъ грязнаго поступка къ раскаянію. Его боялись и признавали его вкусъ: кн. Вяземскій доволенъ его злостной характеристикой Антонскаго, о которомъ самъ онъ далъ сочувственный отзывъ въ своей „старой записной книжкѣ",—и говоритъ о Воейковѣ въ письмѣ къ Тургеневу, какъ о vilain monsieur [2]). Пушкинъ называлъ его своимъ „покровителемъ и другомъ", тогда какъ онъ либеральничалъ и льстилъ, дружилъ съ Дуббельтомъ, писалъ доносы и поклонялся рангамъ, соединяя Вольтера съ святошествомъ и кваснымъ патріотизмомъ. Такъ кончилась его тревожная погоня за славой и положеніемъ [3]).

---

1) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть пятая, стр. 44—5.

2) Остафьевскій Архивъ I, письмо № 132, 8 ноября 1818 г., сл. № 136, стр. 525—6 и 538.

3) „Въ молодости онъ былъ пріятелемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ, говоритъ о немъ Ксен. Полевой (Записки, стр. 98—9), писалъ довольно тяжело, но ѣдко, зло, и сталъ особенно извѣстенъ стихотвореніемъ: „Домъ сумасшедшихъ", куда помѣстилъ онъ и друзей, и недруговъ своихъ, изобразивъ нѣкоторыхъ довольно смѣшно. Онъ написалъ также нѣсколько посланій, замѣчательныхъ рѣзкими личностями и современными портретами. Все остальное, писанное имъ, было ниже посредственности, но его общественныя связи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался родственникомъ поэта Жуковскаго, гораздо больше, нежели авторское дарованіе, помогли ему къ достиженію разныхъ цѣлей.... Чудное психологическое явленіе представлялъ этотъ человѣкъ!.... Безобразный до невѣроятности, съ искаженнымъ лицомъ, хромой, гугнявый, плохо образованный, онъ имѣлъ доступъ въ лучшія общества, умѣлъ добиваться всего, получать все, о чемъ и мечтать не могутъ люди съ обыкновенными средствами. Жуковскій, Ал. Тургеневъ, многіе другіе литераторы и покровители просвѣщенія, вельможи — дѣлали для Воейкова все, единственно изъ уваженія къ необыкновенной женщинѣ, кото-

Такой то человѣкъ впутался въ сердечную исторію Жуковскаго. За нимъ была литературная репутація, онъ интересовалъ разсказами о томъ, что видѣлъ недавно во время своего путешествія по югу Россіи; по разсказу Греча [1]) онъ, промотавшійся дворянинъ (какъ называлъ его Милоновъ), будто бы явился къ Протасовымъ въ глубокомъ траурѣ съ плёрезами и могильнымъ голосомъ объявилъ, что его братъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при взятіи Парижа, и самъ онъ осиротѣлъ: „У меня теперь 2000 душъ, а я — бѣднѣйшій человѣкъ въ мірѣ". Эта непритворная, казалось, горесть тронула, 2000 душъ также произвели свой эффектъ; послышались произносимыя въ такихъ случаяхъ шопотомъ фразы: „дѣвушку пристроить", „женится перемѣнится", и Сашеньку за него отдали; 2000 душъ, разумѣется, не оказалось, потому что братъ Воейкова и не думалъ умирать.

Гречъ относитъ эту сцену къ апрѣлю 1814 года, тогда какъ Воейковъ былъ объявленъ женихомъ 23 марта; можно не вѣрить подробностямъ разсказа, но что Воейковъ игралъ какую-то комедію, которую приняли за „чистыя деньги" не смотря на то,

---

рая была его женою". Ал. Тургеневъ такъ характеризовалъ его въ (неизданномъ) письмѣ къ Жуковскому 29 августа 1810 года: „Почти ежедневно вижусь съ Воейковымъ и люблю его по прежнему, если не больше, ибо прежде почиталъ его склоннымъ къ разврату, а теперь, кажется, нравственность его очистилась. Въ немъ есть жаръ къ добру, который я люблю во всѣхъ, не только въ моихъ старинныхъ пріятеляхъ, есть талантъ, но мало вкуса и разборчивой критики. Свѣдѣнія его ограничиваются одной французской литературой: недостатокъ общій почти всѣмъ нашимъ писателямъ, даже и первостатейнымъ. Въ нѣмецкой поэзіи нашелъ бы онъ богатую руду для своего скромнаго таланта и пересталъ бы писать для двухъ послѣднихъ стиховъ длинныя посланія къ Мерзлякову, въ которыхъ нѣтъ ни новыхъ мыслей, ни новыхъ образовъ:

Что пчелѣ надобно?
Цвѣтъ и убѣжище.

Это хорошо, но вотъ и все; но этихъ двухъ стиховъ читатель совсѣмъ не ожидаетъ". Другой недостатокъ Воейкова — это его „привязанность и уваженіе къ Шишкову, котораго онъ почитаетъ большимъ знатокомъ русскаго языка и тонкимъ критикомъ. Я по сю пору не могъ переувѣрить его, что онъ большой невѣжа въ славянской литературѣ, которая не ограничивается нашими церковными книгами, но которой богатства разсѣены отъ Ледовитаго до Адріатическаго моря".

1) Записки, стр. 478 слѣд.

что Ек. Аѳ. Протасову о Воейковѣ предупреждали, что у самой невѣсты явились подозрѣнія за нѣсколько дней до свадьбы, о томъ вспоминали впослѣдствіи Маша и Жуковскій: онъ будто бы совѣтовалъ тогда не отказывать Воейкову, не приглядѣвшись къ нему, она надѣялась на него по тѣмъ же причинамъ, по которымъ надѣялся и Жуковскій [1]).

На этого-то „товарища и друга“ (сл. посланіе Жуковскаго къ Воейкову) положился Жуковскій, и тотъ взялся помогать ему, но скоро понялъ, что можетъ обезпечить свое положеніе въ семьѣ, лишь ставъ на сторону Ек. Аѳ. Протасовой. И онъ втерся въ ея довѣренность, ведетъ двойную игру. Онъ любитъ, какъ человѣкъ положительный, надежный, тогда какъ Жуковскій испаряется въ грезахъ: это должно было внушить довѣріе. „Хочешь видѣть жребій свой въ зеркалѣ, Свѣтлана!“ спрашивалъ въ 1813 году Жуковскій, обращаясь къ Александрѣ Андреевнѣ; стихотвореніе было отвѣтомъ:

Милый другъ, въ душѣ твоей
Непорочной, ясной
Съ восхищеньемъ вижу я,
Что сходна судьба твоя
Съ сей душей прекрасной!
Непорочность *спутникъ* твой
И веселость геній
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденій.

Ея жизненный путь безопасенъ, сердце будетъ „къ счастью предводитель“ („Свѣтланѣ“). Александрѣ Андреевнѣ (родилась въ 1795 г.) минуло 18 лѣтъ, когда въ піесѣ 1814 г. „Къ осьмнадцатилѣтнему младенцу“ Воейковъ позировалъ въ отеческую любовь, полную поученій: на это у него есть право:

Я опекунъ твой, старше вдвое....
И въ одномъ разрядѣ съ Тредьяковскимъ
Записанъ маклеромъ Жуковскимъ....
Одинъ любезный мнѣ поэтъ,

1) См. письмо М. А. Протасовой къ Жуковскому 6 декабря 1815 г. съ его примѣчаніями и письмо къ ней Жуковскаго отъ 25 декабря того же года.

Сказавъ въ одномъ стихотвореньѣ,
„Что ты прекрасное творенье,
И что веселость спутникъ твой“,
Мое предупредилъ лишь мнѣнье
Такой правдивою хвалой.

Но у нея одинъ большой недостатокъ: неосторожность и незабота о здоровьѣ:

слабое сложенье
Имѣешь отъ природы ты,
И то не бредъ и не мечты,
А докторовъ Орловскихъ мнѣнье.

Между тѣмъ она скачетъ стремглавъ на арабскомъ конѣ, рисуетъ до боли въ груди:

Вотъ вижу: съ слёзною мольбою
Твой пѣснопѣвецъ, дядя, другъ,
Отецъ твой крестный предъ тобою,

совѣтуетъ поберечь себя, а она не слушаетъ. Пусть не забудетъ и „чадолюбивой матери“, которая ею счастлива; счастливъ тобой и опекунъ

Изъ злата жизнь сестры прядется
И все вокругъ тебя смѣется [1]).

Жизнь Маши спрялась не изъ злата, да и судьба сестры не пошла въ уровень съ ея душой „прекрасной“. Жуковскій обманулся, какъ долго обманывался на счетъ Воейкова, но и у него могли являться сомнѣнія и его стихи, написанные въ альбомъ А. А. Протасовой проникнуты какой-то тихой грустью не только о своемъ минувшемъ, но о судьбѣ своей любимицы, стоявшей „у входа въ свѣтъ“.

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,

---

1) См. Славянинъ, изд. Воейковымъ 1827 г., ч. IV, № L, отдѣленіе второе, стр. 432 слѣд.

Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
Когда лелѣютъ насъ магическіе сны....
Лѣта прошли — твои всѣ спутники съ тобою;
У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душою
Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
Я на тебя смотрю *съ веселіемъ унылымъ;*
Тѣснишься въ сердце ты изображеньемъ милымъ
Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало....
О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! *Желать* — безжалостно ты учишь,
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

Еще до пріѣзда къ Протасовымъ, Воейковъ обратился къ помощи своего стараго товарища, Тургенева: онъ искалъ мѣста. Въ Дерптѣ, за смертью убитаго при Ганау А. С. Кайсарова, открылась каѳедра, манила и каѳедра въ Казани. 25-го ноября 1813 г. Тургеневъ писалъ Воейкову и Жуковскому вмѣстѣ; оказывается, что уже въ письмѣ 8-го мая Воейковъ выразилъ Тургеневу предпочтеніе Казани передъ Дерптомъ — и Тургеневъ съ нимъ согласенъ: Казань ближе къ Азіи, можетъ стать для Россіи центромъ восточныхъ изученій, „Дерптъ зараженъ къ тому-же политическимъ фанатизмомъ и члены сего сословія большею частью волки, которые все въ лѣсъ смотрятъ, не смотря на то, что русское правительство ихъ и кормитъ и грѣетъ. Незабвенный Андрей, какъ вѣрный сынъ Россіи, сражался съ ними безпрестанно, но пренія его обращались во вредъ его здоровью безъ всякой пользы pour la bonne cause“. Тургеневъ готовъ содѣйствовать Казанскому проэкту, если есть тамъ каѳедра. Онъ любитъ пріятелей и всегда о нихъ радѣетъ; „грусть душевная, сердце наполненное однимъ чувствомъ, въ которомъ morta è la speme e vile la fede — вотъ истинная причина мнимой холодности къ пріятелямъ“, но стоитъ ихъ голосу отозваться въ его сердцѣ, и въ немъ окажется „огонь, дружбою хранимый“, который не погаснетъ — „развѣ съ жизнью; но и туда,

Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милыхъ!
(Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ).

О, Жуковскій, милый сердцу и обожаемый мною Жуковскій! Мысль о святомъ, всемогущемъ чувствѣ дружбы и любви неразлучна во мнѣ съ мыслію о немъ, равно, почти равно, какъ и о той,

Кто все для насъ!
(Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ).

Читалъ-ли ты его посланіе ко мнѣ? обращается Тургеневъ къ Воейкову. Какія мысли и какая дружба! Я возьму стихи его въ сѣнь безсмертныхъ и тамъ стану услаждать и утѣшать ихъ въ скукѣ безсмертія. Она же мнѣ дастъ право возсѣдать между Орестомъ и Пиладомъ, Мюллеромъ и Бонштеттеномъ, между двумя Андреями [1]) и съ ними ожидать васъ, друзья мои". — Тургеневъ спохватился, что по условію онъ долженъ былъ писать Воейкову на имя Жуковскаго, что, стало быть, Жуковскій будетъ читать его письмо,—и онъ обращается къ нему: „Слезы, которыя нѣсколько разъ проливалъ я при чтеніи посланія твоего, слезы восхищенія и благодарности за дружбу къ незабвеннымъ и ко мнѣ, лучше словъ выразятъ тебѣ все, что душа моя желала бы передать твоей. Я ожидалъ писемъ отъ тебя и стиховъ и письмо кн. Голицына и того, что ты долженъ сдѣлать въ память двухъ незабвенныхъ; иначе я вмѣсто надгробной надписи вырѣжу на ихъ памятникѣ твое посланіе ко мнѣ.... Ты обѣщалъ мнѣ писать о себѣ.... Скажи мнѣ свои мысли и открой мнѣ свою душу такъ, какъ и моя только передъ тобою открыта. Пиши, пиши ко мнѣ. Я читаю Тацита и Петрарка и Мюллера и люблю тебя, и вотъ весь я" [2]).

31-го генваря Воейковъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ; „объ нашемъ обо всемъ узнаешь отъ Воейкова, который, вѣроятно, съ тобой увидится", писалъ того-же дня Жуковскій Ал. Тургеневу [3]). Покидая „гостепріимный кровъ", Воейковъ обратился къ Ек. Аѳ. Протасовой съ посланіемъ, въ которомъ изобразилъ себя безпріютнымъ странникомъ, скитающимся вдали отъ родныхъ и милыхъ и уже пріучившимся къ ударамъ судьбы, когда

1) Тургеневымъ и Кайсаровымъ.
2) Письмо это не издано.
3) Русская Старина 1901 г., апрѣль, стр. 129 слѣд.

внезапно она похитила у него „героя-друга“ (А. С. Кайсарова), а смерть во цвѣтѣ лѣтъ „любезнѣйшаго брата“. Тщетно искалъ онъ „утѣхи и подпоры“, и вотъ сердце привело его „къ обители твоей“,

Въ *Жуковскомъ* обнялъ я утраченныхъ друзей
И спутниковъ живыхъ, разсѣянныхъ судьбою;
Въ *немъ* былъ соединенъ весь міръ мой предо мною....
Я поспѣшалъ сюда въ объятья только брата,
И что-же? *Я нашелъ твой домъ семьей родныхъ!*....
И быстро по цвѣтамъ сей мѣсяцъ пробѣжалъ,
Въ неизмѣримую пучину лѣтъ и вѣковъ!
И своенравный рокъ стезю мнѣ указалъ
Изъ міра ангеловъ въ міръ низкій человѣковъ.

Его судьба—„находить въ семъ мірѣ—и терять“, но гдѣ бы онъ ни былъ, онъ сердцемъ будетъ съ ними, къ нимъ стремиться душой.

Дождуся-ли тебя, возврата день прекрасный?
И скоро-ль положу дорожный посохъ свой?.... [1]).

Въ отсутствіи Воейкова, Жуковскій принялся хлопотать о себѣ; убѣдился, что мнѣніе Лопухина можетъ повліять на рѣшеніе Протасовой, и отправляется къ нему. 12-е февраля былъ для него *„день счастія и восхитительной надежды“*, что онъ и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 22-мъ февраля. „Я ѣхалъ съ веселыми мыслями. Болѣе нежели когда нибудь, мнѣ весело было смотрѣть на ясное небо, которое было также прекрасно, какъ надежда, которою въ ту минуту украшалось мое будущее; *я не молился*, но чувствовалъ, что Богъ, скрытый за этимъ яснымъ небомъ меня видѣлъ, и это чувство было сильнѣе всякой молитвы. Я, право, съ восхищеніемъ *давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе быть его достойнымъ своею жизнію въ благодарность за то счастіе, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой надеждѣ*“. Онъ чувствовалъ, *„что можно быть счастливымъ въ этой живой жизни“*, что, раздѣливъ ее съ Машей, самъ онъ преобразится, усовершенствуется во всемъ добромъ. *„Мнѣ представляется какъ будто*

1) Посланіе напечатано въ Вѣстникѣ Европы за 1814 г., ч. LXXIV, мартъ № 5, стр. 33 слѣд.

сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда даетъ мнѣ *большую привязанность къ религіи*, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастіе было прочно и чисто!“ Онъ благодаритъ Промыселъ за прежнія горести, если онѣ поведутъ „къ полной радости“; *вѣрить теперь для него необходимо*, „вѣра есть то святое убѣжище, въ которое переношу счастіе въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать, тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ“.

И. В. Лопухинъ благословилъ его, и Жуковскаго обуяло „какое то темное *предчувствіе чего-то необыкновенно счастливаго*“. Онъ мечтаетъ о тихой жизни, въ которой и Ек. Аѳ. Протасова получитъ свое мѣсто: она будетъ единственной ея свидѣтельницей и судьей; жизни дѣятельной, потому что она вся обратится на себя; чувства, не находившія исхода, получатъ свободу, исчезнетъ чувство одиночества, нестерпимаго „въ виду той семьи, гдѣ желалъ бы имѣть все и гдѣ всего лишенъ незаслуженнымъ подозрѣніемъ — и сверхъ всего этого *вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на однихъ словахъ и наружныхъ обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастіе, ея необходимая подпора, истинная жизнь, чувство, до сихъ поръ мало мнѣ знакомое, убитое одиночествомъ и унылостью, заглушенное непривязанностью къ жизни.... До сихъ поръ я часто замѣчалъ въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи — я ея никогда не отвергалъ, но она казалась мнѣ причиною всѣхъ утратъ моей жизни, и я неотдѣлялъ ея отъ того предразсудка, который лишалъ меня всего.* Но суевѣріе не религія!“ Теперь онъ видитъ все въ иномъ свѣтѣ, и этимъ всѣмъ обязанъ лишь Машѣ: она избрана Промысломъ, чтобы дать ему „способъ удостоиться гражданства въ Божьемъ градѣ“ [1]).

---

1) Русск. Старина 1883 г., генварь, стр. 206 слѣд. Въ письмѣ къ Арбеневой и Свѣчиной 7 марта 1814 года, въ описаніи поѣздки къ Лопухину, Жуковскій пользовался записью своего дневника. Приведу нѣсколько фразъ въ соотвѣтствіи съ напечатаннымъ выше курсивомъ. „12 февраля, день, въ который я поѣхалъ къ Ивану Владимировичу,... былъ для меня однимъ изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни. Неужели надежда, которая тогда наполнила мою душу, есть обманъ!... Я въ эту минуту живо и ясно чувствовалъ, что можно быть счастливымъ въ жизни... Я не молился,... но то, что было въ моей душѣ, была клятва, которую давалъ я Богу удостоиться того счастія, которое мнѣ въ этой надеждѣ изображалось.... Вдали, какъ будто сквозь тѣнь, представлялось мнѣ совсѣмъ но-

„Пріѣзжай, пріѣзжай; наши дѣла идутъ сильно къ развязкѣ“ пишетъ онъ Воейкову 13 февраля, „ничто не испорчено, хотя и могло бы испортиться, струны только болѣе натянуты, или онѣ лопнутъ, или будетъ совершенная гармонія. При всей трусости, вѣрю болѣе послѣднему... Твои дѣла идутъ хорошо: говорятъ о тебѣ, какъ о своемъ, списываютъ твои стихи въ нѣсколько рукъ“. О визитѣ къ Лопухину 12-го февраля ни слова: онъ будетъ у него 15-го, но выраженія почти тѣ-же, что въ приведенномъ отрывкѣ дневника: „я вчера съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ясное свѣтлое небо, и благодарность къ Создателю этого неба и надежда наполнили мою душу. Я говорилъ Отцу, который скрывался за этимъ свѣтлымъ небомъ: „ты готовишь мнѣ счастье, Тебя достойное, и я клянусь сохранить его, какъ залогъ милости, и не унизиться, чтобы не потерять на него право“. Въ эту минуту жизнь и земля казались мнѣ иными. И я не могъ усидѣть въ кибиткѣ (я ѣхалъ въ Чернь); надобно было выйти и подышать на свободѣ. Какъ бы мы жили вмѣстѣ: согласіе во всемъ, одинакія занятія и стремленія къ одному не по пустой скучной дорогѣ, но вмѣстѣ съ вѣрными товарищами, которыхъ цѣль не особенная, но общая, и которые не могли бы желать дойти къ этой цѣли одни“. Онъ даже готовъ благодарить Создателя за несчастіе: „тѣмъ прочнѣе покупка, чѣмъ выше цѣна“; самъ онъ станетъ лучше; онъ живетъ надеждой, и только боится, что его ослѣпятъ всѣ радости, которыя ожидаютъ его: „семейственныя, дружба, дѣятельность, самая религія, — все для меня еще надежда“. Пріѣзжай, „въ бѣлой книгѣ наполнятся страницы“ и Владиміръ будетъ дописанъ [1]):

Жуковскій зналъ о профессорскихъ планахъ Воейкова, но былъ въ полной увѣренности, что теперь они оставлены: Воейковъ влюбленъ, женится, онъ и ему нуженъ здѣсь—для

все существованіе: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію.... До этого времени, признаюсь, я замѣчалъ какую-то холодность къ религіи—предразсудки ея слишкомъ для меня были убійственны; но въ эту минуту, съ живою надеждою, оживилось во мнѣ и живѣйшее чувство ея необходимости“. У него явилось предчувствіе чего-то необыкновенно пріятнаго и, сверхъ всего, „вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на словахъ, не на обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастіе, ея необходимая подпора“ и т. д. (Русск. Архивъ 1883 г. кн. II, стр. 311 слѣд.).

1) Русск. Арх. 1900 г., № 9, стр. 17 слѣд.

общаго счастья; его поѣздку онъ объяснялъ необходимостью устроить „нужныя дѣла". Онъ хотѣлъ было запечатать письмо Воейкову, который ѣхалъ въ Петербургъ за каѳедрой. „Вѣтреный оселъ! приписываетъ Жуковскій, я тебя, право, не постигаю. Ты точно изъ ослинаго упрямства лѣзешь на профессорскую каѳедру. Ради Бога, скажи мнѣ, на что можетъ быть тебѣ нужно теперь твое профессорство? Ты не хотѣлъ бросать надежды на него единственно для того, что другая твоя надежда казалась тебѣ невѣрною, но она теперь вѣрна, а ты скачешь Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ за чѣмъ". Отъ профессорства надо отказаться. „Сдѣлавшись профессоромъ, надобно быть профессоромъ, и быть имъ не недѣлю, а цѣлый годъ по крайней мѣрѣ, дабы послѣ имѣть неизреченное счастіе быть отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ! А время? А жизнь-измѣнница? Все къ черту! Сдѣлай милость, желай рѣшительно и желай одного, и будь немного попонятнѣе — ты для меня загадка". И въ Муратовѣ очень хмурятся на твой Дерптъ „и говорятъ: или Дерптъ, или Муратово".

20-го февраля Жуковскій сообщалъ Воейкову о своей поѣздкѣ къ Лопухину (12 февраля) и рисовалъ картину муратовскаго счастія. „Счастливецъ! Другому я сталъ бы завидовать, но ты поддѣвичевской: наше счастіе общее. Худо бы ты меня зналъ, когда бы могъ подумать, чтобы твое не было мнѣ утѣшеніемъ даже и при уничтоженіи моего. Но мы будемъ счастливы.... Сердце бьется, когда подумаю о той жизни, которую мы можемъ еще вести въ этомъ свѣтѣ: жизнь, обращенная на внутреннее наслажденіе собою, наслажденіе вѣрное, для другихъ невидимое, но тѣмъ болѣе драгоцѣнное. Братъ, не смотря на твое буйное прошедшее, я увѣренъ, что ты способенъ чувствовать цѣну такой жизни". Пока онъ только еще кандидатъ на счастливый чинъ и находится „въ Герольдіи Надежды въ спискѣ Терпѣнія". Но ему мерещится, какъ они будутъ жить въ своемъ уголкѣ, вмѣстѣ трудиться, утверждать свое счастіе, служа другъ другу подпорою въ горѣ, а вдали кружокъ общихъ друзей: „Вяземскій, Батюшковъ, я, ты, Уваровъ, Плещеевъ, Тургеневъ должны быть подъ однимъ знаменемъ: простоты и здраваго вкуса"; съ ними Дашковъ. „Министрами просвѣщенія въ нашей республикѣ пусть будутъ Карамзинъ и Дмитріевъ и папою нашимъ Филаретъ" [1]).

1) Ibid. стр. 21 слѣд.

Поиски Воейкова за кафедрой, пока ему не по сердцу: Воейковъ нуженъ ему здѣсь, въ Муратовѣ.

Въ ночь съ 25 на 26 февраля передъ говѣньемъ Жуковскій сводилъ счеты съ собою. „Говѣть не значитъ: ѣсть грибы, пишетъ онъ въ дневникѣ, намекая на формальную религіозность Протасовой; въ извѣстные часы класть земные поклоны и тому подобное, это одинъ обрядъ, почтенный потому только, что онъ установленъ давно, но пустой совершенно, если имъ только и ограничится говѣніе.... Въ эти дни, болѣе нежели въ другіе, должно быть въ самомъ себѣ, обдумать прошедшую жизнь, разсматривать настоящее и мыслить о будущемъ, и все это въ присутствіи Бога, вотъ что есть постъ". Размышленія о прошломъ повторяютъ печалованія юношескаго дневника 1805 г. „Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ, а то, что называется истинной жизнью, мнѣ еще не знакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ своей матери— въ то время когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства [1]), она меня оставила; я думалъ отдать ея права другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, и отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастья для меня не было, всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; не смотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной; сказать себѣ: дружбы нѣтъ—я не могъ рѣшительно, этому противилось мое сердце; сказать себѣ, что она есть, этому многое, слишкомъ многое противилось". Къ этому присоединилась теперь любовь, которой ставятъ помѣхи; онъ не желалъ ни невозможнаго, ни недозволеннаго, никто его не переувѣритъ; искалъ счастья „не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни— не будетъ его, не будетъ прочаго, не моя вина". Онъ надѣялся купить себѣ счастье „покорностью и терпѣніемъ", а за послѣдніе годы не помнитъ ни одного „дня истинно счастливаго"; питалъ надежду, что все можетъ перемѣниться, что настоящее замѣнится прекраснымъ будущимъ, но и эта мысль не помѣшала

1) Сл. дневникъ 22 ноября 1810 г. въ письмѣ къ Ал. Тургеневу 4 декабря того же года: „связи мои съ матушкою становятся для меня драгоцѣнны".

ему пріобрѣсти равнодушіе къ жизни, которое сдѣлалось главнымъ его чувствомъ: чувствомъ убійственнымъ для всякой дѣятельности. — Бесѣда съ Лопухинымъ была „воскресительной" для его души: снова онъ увидѣлъ передъ собой возможность счастья, новой жизни. „Сердце у меня билось, когда я смотрѣлъ на чистое небо, и я мысленно давалъ клятву быть достойнымъ своею жизнью божества, обѣщающаго мнѣ такое счастье въ своемъ мірѣ: я чувствовалъ необходимость болѣе любить его, къ нему все относить, ибо въ немъ видѣлъ крѣпость своего счастья. Религія есть благодарность. Въ эту минуту твердая вѣра представлялась мнѣ ясно нужнѣйшею потребностью человѣческаго сердца,.... дѣятельность, мнѣ свойственная, самая религія—все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! Что иное можетъ мнѣ быть замѣною?.... Самъ бросить своего счастія не могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ, тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиной своей утраты.... Мои намѣренія достойны моего Творца и моя молитва къ нему: чтобы Онъ исполненіемъ ихъ далъ мнѣ единственный способъ Его удостоиться въ жизни, или чтобы скорѣе взялъ отъ меня обратно жизнь, совершенно безплодную. Вотъ вся моя исповѣдь" [1]).

Въ мартѣ Воейковъ объявленъ былъ женихомъ [2]), дѣло о его профессурѣ въ Дерптѣ шло успѣшно, хотя Жуковскій полонъ сомнѣній, и по тѣмъ-же соображеніямъ [3]), а дѣло Жуковскаго не подвигалось: иные изъ его пособниковъ, на которыхъ онъ разсчитывалъ, измѣнили, какъ Арбенева, запуганная монахомъ, другіе играли въ двойную игру, какъ Воейковъ. И другъ Тургеневъ не знаетъ, что ему дѣлать „Ожидаю вашего *общаго* разрѣшенія о профессорствѣ Воейкова, писалъ онъ Жуковскому, вѣроятно, въ мартѣ 1814 года [4]), и пока вы *оба, единогласно* на это не согласитесь, то я никакихъ *окончательныхъ* мѣръ принимать не буду.... Желаю отъ всей души видѣть васъ счастливыхъ. Помните, что свободу на одно

1) Русская Старина 1883 г., № I, стр. 209—12.

2) Сл. приписку Воейкова къ письму Жуковскаго къ Тургеневу 16 апрѣля „въ 24-й день счастья, лѣто первое".

3) Сл. письмо Жуковскаго къ Тургеневу середины марта 1814 г.

4) Тургеневъ посылаетъ Жуковскому „Бутервековы сочиненія въ стихахъ". Жуковскій отвѣчаетъ 16 апрѣля, что получилъ ихъ. Письмо Тургенева не издано.

только счастіе промѣнять можно, несравненное и—рѣдкое. Любите меня, я въ вашей любви счастливъ буду столько, сколько можно быть счастливымъ одною дружбою, ибо въ любви по сю пору находилъ я одну мечту,

тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье".
(Изъ посланія къ Филалету 1808—9 года).

Дѣло о профессорствѣ зашло однако слишкомъ далеко, чтобы Воейкову можно было отказаться отъ каѳедры. Такъ порѣшили на общемъ совѣтѣ Тургеневъ съ Кавелинымъ, о чемъ послѣдній и писалъ Воейкову 20 марта: „Зачѣмъ было поднимать небо и землю для достиженія къ профессорству мѣсяцъ тому назадъ, если оно перечитъ счастію?... Какъ могло въ такое короткое время надежнѣйшее средство обратиться въ препятствіе? Разсуждайте, взвѣшивайте, *рѣшайтесь* и поскорѣе *разрѣшите* насъ, только *разрѣшите рѣшительно*".

Жуковскій вскрылъ это письмо и приписываетъ: „И я приписываю къ тебѣ въ этомъ миломъ письмѣ, другъ, братъ, товарищъ. Дѣло наше не испорчено, профессорство тебѣ остается. И такъ не сердись на меня. Ты самъ виноватъ, что мнѣ не открылъ надлежащей причины, для чего этого мѣста желаешь". Онъ извиняется, что прочиталъ письмо Кавелина, думая найти въ немъ что-нибудь его касающееся. „Твой Жуковскій. И дай Богъ, чтобы всегда остался твоимъ — это слово все для меня заключаетъ въ себѣ" [1]).

Пусть вспомнитъ о немъ въ день счастья, писалъ Тургеневъ Жуковскому: Nei giorni tuoi felici ricordati di me [2]); Жуковскій отвѣтилъ на это письмомъ отъ 26 марта 1814 года и стихами, назначенными для Тургенева—и для *нея:*

Въ день счастья вспомнить о тебѣ!
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ поручать судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась

1) Русскій Архивъ 1900 г. № 9, стр. 28—29.
2) Письмо это мнѣ неизвѣстно.

И имъ лишь въ сердце оживлялась,
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!

Другое воспоминаніе для него вѣчно: что въ дни печали другъ его всегда съ нимъ, что и любовь его не измѣнится.

Дождусь иль нѣтъ *счастливыхъ дней*,
О томъ, мой милый братъ, ни-слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ —
Все ты мнѣ геніемъ-вождемъ!
Со мной до камня гробовова
Не измѣняясь, другъ, иди!
Одна мольба: не упреди!

Стихи Жуковскаго заставили Тургенева забыть свой флюсъ и мигрень: „въ самый тотъ день, когда ты просишь меня *не упредить тебя*, я читалъ стихъ Бутервека: Euch in diesem Thal zu überleben, думалъ о тебѣ и почти объ одномъ тебѣ и о братьяхъ". Ихъ сердца бьются въ одинъ ладъ; онъ готовъ пожертвовать своимъ собственнымъ благополучіемъ для благополучія друга [1]).

Въ апрѣлѣ Жуковскій узналъ стороной, что свадьба Воейкова, уже получившаго каѳедру, назначена въ іюлѣ и послѣ свадьбы всѣ поѣдутъ въ Дерптъ, поѣдетъ и Маша. „Я поглядѣлъ на своего спутника, больную, одержимую подагрой *надежду*, которая, скрѣпя сердце, тащится за мною на костыляхъ и часто отстаетъ. — Что скажешь, товарищъ? — Что сказать? Намъ недолго таскаться вмѣстѣ по бѣлу свѣту. Послѣ 2-го іюля, что бы то ни было, мы разстанемся. Или пошлю тебя одного, и бреди, какъ хочешь, или оставлю тебѣ твою сестрицу, *исполненіе*. Съ ней дурной человѣкъ становится хуже, а добрый гораздо добрѣе. Она приготовитъ тебя къ тому обѣтованному краю (Жуковскому вспомнились здѣсь стихи Андрея Тургенева),

Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой.

А если останусь одинъ? — Тогда готовься, какъ умѣешь самъ, къ переселенію въ этотъ край но едва-ли удастся получить пропускной билетъ,

1) Письмо 17 апрѣля 1814 года, неизд.

Развѣ чудо путь укажетъ
Въ сей прелестный край чудесъ? [1]).

Но ждать чуда? Кто его дождется? — И я то-же думаю.— Что-же дѣлать?—Не знаю, а для меня вѣрно только то, что мы разстанемся".

У Протасовыхъ Жуковскаго встрѣтили намѣренно холодно. „Терпи, шепчетъ ему на ухо пріятель Плещеевъ, тебя будутъ любить, когда получишь свободу быть тѣмъ, какимъ быть хочешь и можешь. И сердце скрѣпилось, но было-ли оно довольно такъ, какъ бываетъ довольнымъ у человѣка, возвратившагося въ тотъ кругъ, гдѣ его счастіе, гдѣ его настоящая жизнь?" За Воейковымъ, у котораго разболѣлась голова, ухаживаютъ, а на него поглядываютъ „съ торжествующимъ, радостнымъ видомъ—въ самомъ дѣлѣ торжество и радость! Я посматривалъ изъ подлобья, не найду ли гдѣ въ углу христіанской *любви*, внушающей сожалѣніе, пощаду, кротость. Нѣтъ! Одно холодное *жестокосердіе* въ монашеской рясѣ съ кровавою надписью на лбу: *должность* (выправленною весьма неискусно изъ слова: *суевѣріе*) сидѣло противъ меня и страшно сверкало на меня глазами" [2]).

Остаться-ли ему? Ѣхать-ли съ другими въ Дерптъ? Но Протасова не дастъ разрѣшенія, пишетъ онъ Кирѣевской [3]); рѣшительнаго объясненія у него еще не было, хотя онъ нѣсколько разъ писалъ ей [4]), но онъ приготовилъ для нея какое-то письмо, которое передастъ непремѣнно, когда будетъ надобно [5]). Воейковъ просилъ, чтобы ему разрѣшили явиться въ Дерптъ къ сентябрю, чтобы успѣть „привести въ порядокъ и свое и мое", и Жуковскій подтверждаетъ его просьбу [6]).

---

1) Изъ „Желанія" Шиллера: „Намъ лишь чудо".

2) Къ Кирѣевской 16 апрѣля 1814 г. Какъ это письмо, такъ и слѣдующія, обращенныя къ роднымъ и приводимыя безъ указанія на источникъ, взяты изъ собранія писемъ Жуковскаго, изданнаго Зейдлицомъ и проф. Висковатовымъ въ Русской Старинѣ 1883 г.

3) То-же письмо.

4) Сл. письмо къ Тургеневу 1 февраля 1815 года.

5) То-же въ письмѣ къ Арбеневой 2 марта 1814 г. Русск. Арх. 1883 г., II, стр. 310.

6) Къ Тургеневу 16 апрѣля; сл. приписку Жуковскаго къ письму Воейкова къ Кавелину 23 апрѣля 1814 г., Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 29—30.

Объясненіе съ Протасовой произошло въ апрѣлѣ. Жуковскій возобновилъ просьбу о бракѣ. „Она (Протасова), сказала мнѣ, что ей невозможно согласиться, потому что она видитъ тутъ беззаконіе“ писалъ Жуковскій Тургеневу 5 мая 1814 года. Я отвѣчалъ ей, что ничего подобнаго тутъ не вижу, что я не родня ей, потому что законъ, опредѣляющій родство, не далъ мнѣ имени ея брата.... Я прибавилъ, что увѣренъ въ нашемъ счастіи, если бы она на него согласилась, но что готовъ отъ всего отказаться, если мое счастіе не сдѣлаетъ ея счастія или его разрушитъ. Теперь она со стороны моихъ намѣреній покойна, увѣрена въ моей готовности ей собой пожертвовать. Но еще не все пропало“. И онъ придумываетъ новыя вліянія на Протасову: Лопухинъ будетъ ей писать, Воейковъ еще не объяснялся съ ней, теперь онъ уѣхалъ, но послѣ свадьбы, назначенной 2-го іюля, „начнетъ говорить“. Жуковскій хотѣлъ бы привлечь къ дѣлу и Орловскаго архіерея Досиѳея, если согласятся отдаться на его судъ — и онъ проситъ Тургенева немедленно написать Досиѳею (другу И. П. Тургенева и Лопухина) [1]: „болѣе всего въ письмѣ своемъ утверждай, что между нами родства нѣтъ. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ это родство: *я сынъ ея отца.* Скажи въ своемъ письмѣ, что ищешь его покровительства, еще не зная, будутъ ли ему объ насъ говорить, но что хочешь только предупредить его въ нашу пользу“. Но дѣло не въ томъ, чтобы вырвать у Протасовой согласіе: „въ добрую минуту она и можетъ согласиться. Но какое же выйдетъ слѣдствіе? Разстройство общаго спокойствія. Счастія, на такомъ хиломъ фундаментѣ основаннаго, желать не могу. Надобно убѣдить и разрушить предразсудокъ. Если ничто не удастся, то надобно будетъ отсюда бѣжать, и все, все для меня перемѣнится. На что рѣшусь, еще не знаю“.

Петербургская и Московская жизнь его пугаютъ, теперь ему нужно „совершенное уединеніе“, чтобы онъ былъ покоенъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ и перо его не покинуло. „Ты велишь мнѣ писать. Нѣтъ, другъ! Теперь перо мое какъ будто въ параличѣ, и въ воображеніи моемъ большая засуха. Смотрю на всѣ прекрасные свои планы, какъ на развалины. Одно только счастіе или совершенное уединеніе могутъ на этихъ

1) Сл. неизданное письмо Ал. Тургенева къ Жуковскому 19 ноября 1814 г.

планахъ что-нибудь построить". И онъ снова цѣпляется за судьбу Воейкова—и покровительство Тургенева: надо устроить такъ, чтобы Воейкову дали изъ Дерпта отсрочку до 1-го сентября: „въ теченіи августа онъ долженъ привести въ порядокъ *свои и мои дѣла*"; надо избавить его и отъ обязательства прослужить въ Дерптѣ шесть лѣтъ; для него „такое обязательство крайне невыгодно; прибавлю: и для меня. *Но мое должно рѣшиться прежде*, и во всякомъ случаѣ это профессорство много мнѣ вреда сдѣлаетъ. Но объ этомъ нечего и говорить. Для меня вѣрное на семъ свѣтѣ одно: твоя дружба и ея любовь. Прочее оставимъ Провидѣнію" [1]).

„Ты велишь мнѣ писать, повторяетъ онъ въ другомъ письмѣ (второй половины мая). Другъ безцѣнный, душа воспламеняется при всемъ великомъ, что происходитъ у насъ передъ глазами. Сердце жмется отъ восторга при воспоминаніи о нашемъ Государѣ и той божественной роли, которую онъ играетъ теперь въ виду цѣлаго свѣта. Никогда Россія не была столь высоко возведена. Какое восхитительное величіе! Но какъ нарочно теперь и засуха въ воображеніи. Мысли пробуждаются въ головѣ, но, взявшись за перо, чувствую, что въ немъ параличъ". И не смотря на это, онъ подумываетъ иногда о посланіи къ „нашему Марку Аврелію. Какой прелестный характеръ! И какія страницы для исторіи 1814 годъ приготовилъ! О милая Русь! Какъ возвышается душа при имени русскаго! И какъ не обожать того, кто насъ такъ возвеличилъ! Братъ, братъ!

---

1) О полученіи этого письма Тургеневъ извѣстилъ пріятеля 19 ноября, сообщая ему о своихъ хлопотахъ по его дѣлу (писалъ Доспеею); еслибъ оно затянулось, то пусть пріѣдетъ въ Петербургъ, либо „къ намъ, на Волгу; поселись въ обители отцовъ нашихъ, я скоро буду съ тобою.... Воейкову отпуска не нужно, университетъ будетъ увѣдомленъ, что онъ пріѣдетъ къ началу слѣдующаго курса, а не прежде. Шестилѣтній срокъ, будучи беззаконнымъ, не долженъ страшить его.... Боже мой, Боже мой! какъ бы я былъ счастливъ, если бы я могъ содѣйствовать къ совершенію твоего счастія! Тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что мнѣ не останется никакого другого утѣшенія въ жизни, какъ жить въ памяти милыхъ ближнихъ и забыть то, что миновало меня.

Und wer den besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Если Воейковъ уже возвратился, то обнимаю его и желаю ему быть скоро—безъ желанія и надежды". —Стихи изъ пролога къ Шиллерову Валленштейну; Ал. Тургеневъ любилъ ихъ повторять. Сл. выше стр. 92, прим. 1.

Если бы счастіе, что́ бы я написалъ! Но какъ же велѣть душѣ летать, когда она вязнетъ въ тинѣ? Поэзія есть счастіе, то есть тишина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ. Какъ имѣть стихотворныя мысли, когда все это погибло? ....Я сказалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что профессорство Воейкова мнѣ повредитъ. Нѣтъ, это вздоръ! И самъ не понимаю, почему это сказалъ. Смотри, и ты не вооружись противъ профессорства. Если кто можетъ мнѣ сдѣлать добро, такъ конечно Воейковъ".

О своемъ объясненіи съ Протасовой писалъ Жуковскій 5-го-же мая и Кирѣевской. Оказывается, Маша все сказала матери „и прибавила то же, что я, то есть, что спокойствію ея готова жертвовать своимъ собственнымъ". Результатомъ объясненія было то, что Жуковскаго обязали не показываться въ Муратовѣ до пріѣзда Воейкова, и онъ принужденъ скитаться цѣлый мѣсяцъ. Въ половинѣ іюня пріѣдетъ Воейковъ, „онъ намъ поможетъ", а пока его подагрикъ — надежда крѣпко охаетъ.... Что, если суждено положить его въ гробъ? „Ничего пустѣе и гнилѣе не представить той жизни, которую онъ мнѣ послѣ себя оставитъ. А вы еще утѣшаете меня вѣчностью. О, вѣчность — прекрасная бездна, да только бы поскорѣе.... Поэзія! Но поэзія и счастіе одно и то-же! Можно съ большимъ наслажденіемъ ковать подковы или строгать доски, чтобы разсѣять себя усталостью, но писать стихи—для этого нужно быть въ свѣтѣ, имѣть надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслію сливается нечувствительно и земное воспоминаніе о томъ, что мило въ жизни".

Письма 5-го мая, какъ и слѣдующія, майскія и іюньскія, къ Тургеневу и Кирѣевской писаны изъ Черни. Любовь ищетъ опоры въ самоотреченіи — это тоже любовь: отреченіе отъ личнаго счастья, чтобы оберечь счастье семьи, спокойствіе Маши; отреченіе отъ счастья, еслибъ на него согласились только формально, не по убѣжденію и не добровольно. „Развѣ мы съ Машей не на одной землѣ и не подъ однимъ отеческимъ правленіемъ? утѣшаетъ онъ себя въ письмѣ къ Кирѣевской (конца мая или начала іюня 1814 г.). Развѣ не можетъ другъ для друга жить и имѣть всегда въ виду другъ друга? Одинъ домъ—одинъ свѣтъ, одна кровля — одно небо не все ли равно? А будущее все еще наше"!

Въ іюнѣ Тургеневъ и Вяземскій списались о Жуковскомъ.

Тургеневъ получилъ его посланіе къ себѣ („Въ день счастья"). „Превосходно! Боюсь напечатать его, ибо изъ его стиховъ узнають тайну души моей, которая отъ Жуковскаго не была скрыта.... Жуковскій est aussi dans le vague. Онъ сбирается говорить со мной и совѣтоваться, и ничего не дѣлаетъ кромѣ прекрасныхъ стиховъ. Надобно рѣшить его нерѣшимость. Услышитъ ли онъ, наконецъ, голосъ дружбы, призывающій его къ берегамъ Невы?" (іюня 1814 г. кн. Вяземскому) [1]. „Нашъ Жуковскій погибаетъ, и я едва не плачу съ досады, отвѣчалъ князь Вяземскій (15 іюня); образумится-ли онъ когда-нибудь, заживетъ-ли такъ, какъ и разсудокъ, и все, и всѣ велятъ ему жить? Я ожидаю его къ себѣ" [2]).

Получивъ письмо кн. Вяземскаго, пріунылъ и Тургеневъ, хотя его и подбодрилъ нѣсколько отвѣтъ Досиѳея на запросъ, обращенный къ нему по дѣлу Жуковскаго. Досиѳей писалъ уклончиво, не рѣшая дѣла по существу: „мать невѣсты *мнитъ*, *якобы* (Жуковскій сынъ ея отца).... Да избавитъ меня Господь дѣло рѣшить на одномъ *якобы*" [3]).

Въ Муратово Жуковскій вернулся, вѣроятно къ пріѣзду туда Воейкова, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ Машѣ 21 іюня.

Передъ нами тетрадка въ 16-ю долю листа, въ обложкѣ изъ синей бумаги: образчикъ тѣхъ писемъ-дневниковъ, который вели Маша и Жуковскій для себя и другъ для друга, обмѣниваясь ими, когда жили порой подъ одной кровлей, потому что иначе побесѣдовать не удавалось [4]). Тетрадка, надписанная „іюнь", начинается стихотвореніемъ:

Мой другъ утѣшительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда изъ души моей
Лучъ жизни сокроется!
Тогда лишь простись со мной!

---

1) Русскій Архивъ 1866 г. № 6, стр. 880.

2) Остафьевскій Архивъ I, письмо № 17, 15-го іюня 1814 г.

3) Ал. Тургеневъ Жуковскому 26 іюня 1814 г. (неизд.).

4) Какъ іюньскій дневникъ 1814 года, такъ и слѣдующіе за іюль и сентябрь того-же года и за апрѣль 1815-го, доставлены были мнѣ А. Ѳ. Онѣгинымъ и будутъ напечатаны въ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ. Пользуюсь ими здѣсь съ разрѣшенія владѣльца.

Источникъ великаго,
И вѣры, и радости,
И въ сердцѣ невинности,
Мнѣ силу и мужество
И твердость дающая,
Мой ангелъ-сопутница
И въ жизни, и въ вѣчности!

„21-го іюня, понедѣльникъ. Я возвращаю тебѣ *май* (т. е. бѣлую тетрадку для веденія дневника) пустой совершенно. Что было въ него записывать? Нужно-ли было выражать для моего друга такое состояніе души, которое было ея недостойно. Пустота въ сердцѣ, непривязанность къ жизни, чувство усталости—и вотъ все. Можно-ли было объ этомъ писать? Рука не могла взяться за перо. Словомъ, земная жизнь была смерть заживо". У него являлось желаніе умереть; но какъ заплатить Машѣ за всѣ тѣ чувства, которыя она въ немъ поселила, „презрѣніемъ къ жизни, къ самому себѣ, низостью, отчаяніемъ"? Нѣтъ, онъ долженъ любить ее „иначе", долженъ жить для нея. „Какъ живо чувствую въ эту минуту всю высокость жизни, посвященной добру и тебѣ. Не знаю, какъ пробудилось во мнѣ это чувство, но это сдѣлалось вдругъ". По началу его письма къ Марьѣ Николаевнѣ (Свѣчиной), которое Маша читала, она могла судить, что расположеніе его духа было другое, „и мысли и чувства были черныя. Вдругъ какъ будто свѣтъ озарилъ мое сердце и взглядъ на жизнь совсѣмъ перемѣнился".— Жуковскій остановился на этомъ мѣстѣ письма, чтобы пойти въ залу искать платка; Маша подала ему — изломанное кольцо. „Какой прекрасный знакъ! Другъ мой, оно дано тебѣ *не мною.* Возьми *мое.* Пускай оно означаетъ совершенную перемѣну моихъ чувствъ къ тебѣ на лучшее, совершеннѣйшее чувство самой чистой, неизмѣнной привязанности; въ ней истинная моя жизнь, она будетъ для меня источникомъ вѣрнаго счастья, добра, надежды, религіи и наконецъ получитъ награду отъ Того, Кто будетъ видѣть жизнь мою, Кто соединитъ насъ и освятитъ нашъ союзъ. Въ знакъ *того-же* дай и твое мнѣ кольцо *отъ себя:* обручимся во имя Бога на добродѣтель, на хорошую жизнь, которая пройдетъ если не вмѣстѣ, то по крайней мѣрѣ *одинаково* и для *одного*". Будь имъ полная свобода любить другъ друга и показывать другъ другу безъ принужденія

самую чистую привязанность, они были-бы счастливы вмѣстѣ и сохранили бы свое счастіе непорочнымъ. „Но ожидать такой довѣренности невозможно. Захочешь-ли, чтобы я былъ только терпимымъ въ твоей семьѣ, безъ уваженія, безъ дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовалъ недостатокъ счастія, завидовалъ тѣмъ, кто пользуется безцѣннымъ правомъ дѣлить все съ тобою?" Онъ много выстрадалъ въ послѣдній мѣсяцъ разлуки, но Маша стала ему „еще милѣе, еще святѣе и необходимѣе прежняго", безъ ободрительнаго воспоминанія о ней онъ ничто; она его убѣжище; какъ могла она сказать въ своемъ послѣднемъ безцѣнномъ письмѣ: *„я даже желала бы, чтобы ты меня любилъ менѣе?"* Въ его любви — *все* для него: его сила и дѣятельность въ настоящемъ, прекрасное въ будущемъ; съ ея любовью онъ можетъ воображать вѣчность, она дастъ ему примѣръ религіи; съ нею онъ богачъ. Лишь бы *твердая вѣра другъ въ друга*, продолжаетъ онъ, ссылаясь на свое письмо къ Марьѣ Николаевнѣ: Провидѣніе указало имъ прекрасную цѣль, но счастье надо заслужить — испытаніемъ. „Признаюсь тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ сюда возвратился, я нѣсколько поколебался въ этихъ мысляхъ. Видя тебя снова, чувствую все то жестокое горе разлуки, которое стѣсняло мнѣ душу, вижу одно только то счастіе, котораго я лишенъ — и забываю о томъ, которое мнѣ осталось. Видѣть тебя передъ собою и имѣть одно только воспоминаніе о тебѣ — какая разница! Но я не хочу сражаться съ этимъ чувствомъ — пускай оно меня мучитъ! Теперь послѣднее время — оно безцѣнно при всѣхъ страданіяхъ. Но даю тебѣ слово, что убійственная безнадежность ко мнѣ уже не возвратится.... Прошу отъ тебя только одного: будь мнѣ примѣромъ и вѣрнымъ товарищемъ въ этой твердости, въ этой взаимной довѣренности.... Я сдѣлалъ себѣ правило, которое одно мнѣ на *цѣлую жизнь* послужить можетъ. При всякомъ чувствѣ, при всякой мысли, при всякомъ намѣреніи буду у себя спрашивать: *достойны-ли они моей Маши? Можно-ли ей ихъ открыть? Будетъ-ли и должна-ли она въ нихъ участвовать?* Милой ангелъ, развѣ этого не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сдѣлаться лучшимъ". Онъ говоритъ ей о своемъ планѣ жизни: онъ будетъ читать — собирать хорошія мысли и чувства; писать для славы и пользы, дѣлать все то добро, которое будетъ въ его власти. Слава получила теперь для него какую-то необыкновенную прелесть: она будетъ слышать о немъ, честь его имени, „куп-

ленная цѣною чистоты“, будетъ принадлежать ей. Эта надежда его радуетъ; пока онъ слишкомъ мало сдѣлалъ добра, теперь у него много причинъ сдѣлаться добрѣе, и всякое доброе дѣло будетъ новою связью съ Машей. „О, если бы только это не осталось однимъ намѣреніемъ! Боюсь своей лѣни.... но ты со мною“, и онъ проситъ ее благословить его на такую жизнь. Онъ будетъ жить въ Мишенскомъ, Долбинѣ, Черни, будетъ заглядывать въ Москву; уединеніе для него лѣкарство, разсѣяніе не только не нужно, но и вредно: отъ чего разсѣеваться? Неужели желать забыть все ему милое, все лучшее?—Но „какое горькое сиротство въ этомъ словѣ: *быть розно съ тобою!*“ Да развѣ онъ думаетъ о своемъ счастьѣ? Онъ будетъ жить для ея счастья, для него думать, чувствовать, дѣлать, писать. „О если-бы только имѣть довольно твердости! Но моя твердость зависитъ отъ твоей. Будь моимъ утѣшителемъ, хранителемъ, спутникомъ жизни“.

Маша совѣтовала ему перебраться въ Петербургъ, искать службы; но Петербургская жизнь не совмѣстна съ занятіями, служба съ свободой. Правда, Петербургъ ихъ сблизитъ, — но не соединитъ; быть у нихъ гостемъ, „увидѣться для того, чтобы разстаться — какое мученіе! Быть подлѣ васъ и не съ вами — какъ это тяжело!“ Если-бъ это привело „къ чему-нибудь счастливому“—но на это надѣяться нечего. „Моя послѣдняя надежда была на Воейкова. Милой другъ, эта надежда пустая: онъ не имѣетъ довольно постоянства, чтобы держаться одной и той-же мысли. Я боюсь быть къ нему несправедливымъ, но кажется мнѣ, что пылкость его и рвеніе болѣе на словахъ, и онъ слишкомъ перемѣнчивъ для приведенія чего-либо къ концу. Я не сомнѣваюсь въ его дружбѣ, но теперешній тонъ его со мною не похожъ на *прежній*. Онъ прежде говорилъ такъ часто *о нашей жизни вмѣстѣ;* теперь объ этомъ нѣтъ и въ поминѣ. Il s'est trop vite résigné pour moi. Мы съ нимъ живемъ подъ одною кровлею и какъ будто не знаемъ другъ друга, а намъ жить вмѣстѣ не долго. Однимъ словомъ, лучше не ждать ничего и ни отъ кого, а вѣрить Тому, Кто не обманываетъ, не перемѣняется. О, мой милой другъ! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее— и въ этомъ все мое“. Пусть она занимается собою, бережетъ свое здоровье, читаетъ то, что питаетъ душу; „планъ чтенія у тебя есть“; „я желалъ бы, что-бы ты не бросала и своихъ feuilles volantes. Записывай дни свои, мысли и то, что хорошаго

замѣтишь въ книгахъ. Я то-же буду дѣлать и съ своей стороны. Когда-нибудь размѣняемся". Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ онъ будетъ писать, но лишь тогда, когда съ ней разстанется. „Я никакой надежды не полагаю на свое письмо, но сказать ей все необходимо. Ея мнѣніе обо мнѣ несправедливое и унизительное — это надо ей доказать. Болѣе ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя виноватымъ, что принимаю изгнаніе изъ ея дома съ покорностію раскаянія. Нѣтъ, такое мнѣніе о себѣ ей оставить мнѣ невозможно. Теперь она со мной ласкова. Я этого не приму за дружбу, и вѣра къ ея ласкѣ совсѣмъ исчезла въ моей душѣ. Но я благодаренъ ей и за добрую наружность. Теперь вижу въ ней одну твою мать, и это для меня свято. Почтеніе, неожиданіе ничего и терпѣніе — вотъ все. Письмо мое будетъ просто. Отъѣздъ мой не будетъ разрывомъ. Наружная связь будетъ сохранена".

Прилагая не заполненную тетрадку майскаго дневника, Жуковскій проситъ Машу вписать въ нее это письмо и прибавить свой отвѣтъ. „Эта книжка будетъ моимъ закономъ. А то, что ты мнѣ напишешь, перепишу для тебя". Вся его жизнь будетъ посвящена исполненію „этихъ добрыхъ намѣреній или (чтобы кончить одной чертою) любви къ тебѣ". Онъ чувствуетъ за себя и за нее высокую твердость, которая говоритъ ему: *„вы ни отъ чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не истребятъ того, что вы имеете. А лучшее впереди. Тамъ Богъ! Онъ васъ видитъ, и вы въ любви его неразлучны. Нѣкогда будете сами это чувствовать, а теперь только вѣрьте и будьте выше своего жребія"*.

Дневникъ кончается выборкою изъ VII-й пѣсни Виландова Оберона. Huon и Rezia-Amanda преступили завѣтъ Оберона — жить другъ съ другомъ, какъ братъ и сестра, пока папа Сильвестръ не освятитъ въ Римѣ ихъ союзъ; въ наказаніе за это буря выбросила ихъ на необитаемый островъ, гдѣ они терпятъ холодъ и голодъ — и Реція-Аманда утѣшаетъ милаго. Въ слѣдующихъ выборкахъ утѣшителемъ выступаетъ Жуковскій, ввиду этого выпущены два стиха подлинника; испытанія влюбленныхъ представляются какъ бы въ христіанскомъ освѣщеніи, и Жуковскій выписываетъ Er съ большой буквой, когда въ текстѣ дѣло идетъ объ — Оберонѣ.

72 Lass mich [1])
Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
Nie wieder hören! Klage dich
Nicht selber an, nicht Den, der, was uns drücket,
Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket;
Er prüft nur, die Er liebt, und liebet väterlich!
. . . .

75 Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
Lässt uns dem Elend nicht zum Raube;
Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
So lass uns fest an diesen Glauben halten,
Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestalten!

76 Doch lass das Ärgste sein! Sie ziehe ganz sich ab,
Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
Lass sein, dass Jahr um Jahr sich ohne Hülf' erneue,
. . . .
Fern sei es dass mich je was ich gethan gereue! [2])
Und läge noch die freie Wahl vor mir,
Mit frohem Muth ins Elend folgt' ich dir!

77 Mir kostet's nichts von Allem mich zu scheiden,
Was ich besass; mein Herz und deine Lieb' ersetzt
Mir Alles; und so tief das Glück herab mich setzt,
Bleibst du mir nur, so werd' ich keine neiden,
Die sich durch Gold und Purpur glücklich schätzt.
Nur, dass du leidest, ist mein wahres Leiden!
Ein trüber Blick, ein Ach, dass dir entfährt,
Ist was mir tausendfach die eigne Noth erschwert.

78 Sprich nicht von dem, was ich für dich gegeben,
Für dich gethan! Ich that, was mir mein Herz gebot,
That's, für mich selbst, der zehenfacher Tod
Nicht bittrer ist, als ohne dich zu leben.

---

1) У Виланда VII, 72: Lass, spricht sie, Hüon, mich.
2) У Виланда VII, 76:

Lass sein, dass Jahr um Jahr sich ohne Hülf' erneue,
Und deine liebende getreue
Amande finde hier auf diesem Strand ihr Grab:
Fern sei es и т. д.

Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe mir,
Hilft meine Liebe dir ertragen;
So schwer es sei, so unerträglich — hier
Ist meine Hand! — ich will's mit Freuden tragen.

Слѣдующая тетрадка дневника, надписанная іюлемъ, ведетъ непосредственно далѣе. Въ заголовкѣ третья строфа „Пѣсни“ (подражанія нѣмецкой), которую 1-е и 2-е изданіе Сочиненій Жуковскаго отнесли къ 1811 году, 5-е къ 1813-му [1]). Третья строфа начинается стихомъ: „Мой милый другъ, намъ рокъ велитъ разлуку“; припѣвъ проходящій черезъ всю пѣсню: „Меня, мой другъ, не позабудь“!

Первая помѣтка 28 іюля: „Я ѣду по вашимъ слѣдамъ. Остановился въ Куликовкѣ въ 17-ти верстахъ отъ Орла, тамъ, гдѣ вы ночевали въ послѣдній разъ, возвращаясь съ ярмарки. Сижу на томъ мѣстѣ, гдѣ ты сидѣла, мой милый другъ, и воображалъ тебя. Хозяйка мнѣ разсказывала объ *васъ*, и я увѣрилъ ее, что я — *женихъ*, но что невѣста моя не младшая, а старшая дочь той госпожи, которая у ней останавливалась.... Ты видѣла меня грустнымъ, другъ милый, въ послѣдніе дни — можетъ-ли быть иначе? Во всякомъ положеніи, гдѣ-бы я ни былъ, грусть, болѣе или менѣе, будетъ въ моемъ сердцѣ — она будетъ его обыкновеннымъ состояніемъ.... Вчера, подъѣзжая къ Мценску, я смотрѣлъ на рощу, которая ростетъ близь дороги; погода была тихая и роща была покрыта прекраснымъ сіяніемъ заходящаго солнца. Чувство во мнѣ было пріятное, но съ этой пріятностью соединено было уныніе, которое всегда чувствую, когда что-нибудь подобное мнѣ представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже) съ пріятнымъ впечатлѣніемъ соединялась всегда веселая надежда на будущее, надежда неизвѣстная, но еще не обманутая и потому веселая. Теперь при каждомъ такомъ впечатлѣніи недостаетъ веселой надежды, и сердце стѣсняется“. Будущаго, какое снилось, ждать нечего; надо „ограничить себя настоящимъ“,—и Жуковскій приводитъ первый стихъ своего стихотворенія „Къ самому себѣ“:

Будь настоящее твой утѣшительный геній [2]),

точно хочетъ утвердить себя въ этомъ взглядѣ, но самъ за-

1) Сл. выше стр. 126.
2) Сл. выше стр. 135.

мѣчаетъ, что „все это одно прибѣжище. Я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску“; самая мысль для него не ясна, одно только „темное намѣреніе“; въ немъ самомъ два человѣка: *вседневный*, „то есть, по привычкѣ, не дѣятельный, слѣдующій своимъ склонностямъ, со всѣми недостатками, другой — *совершенный*, то есть въ иныя минуты готовый на все прекрасное, имѣющій высокія мысли и желанія“. Надо этого совершеннаго человѣка сдѣлать вседневнымъ. „Кстати или не кстати“ ему пришла мысль объ „удовольствіи“: такого удовольствія, которое плѣняетъ насъ одну минуту и исчезаетъ безъ слѣда, искать не стоитъ, одно лишь „*удовольствіе съ воспоминаніемъ* есть прямая принадлежность души человѣческой“, „только такія удовольствія могутъ *слиться въ счастіе;* но для этого они должны быть *добрыя*“.

Все это писано было у дверей постоялаго двора въ деревнѣ Сорочьи Кусты; въ Разбѣгаевкѣ онъ не остановился, но видѣлъ тамъ дворъ, гдѣ ночевала Маша съ матерью. „Около меня бѣгаютъ три забавныхъ мальчика, хозяйскіе дѣти. Я перекупилъ у нихъ землянику, за которую они предлагали грошъ, а я далъ пятакъ. Надобно было видѣть ихъ гордость, когда они торговались, и смиреніе, когда торгъ не состоялся“. Но онъ ихъ утѣшилъ, купивъ землянику и раздѣливъ ее между ними. „Вотъ еще мысль“, продолжаетъ онъ послѣ этой жанровой картинки: самая вѣрная дорога—прямая, хорошая цѣль достигается лишь хорошими средствами; такъ и счастье: какъ его сохранить, когда оно пріобрѣтено дурнымъ способомъ и, слѣдовательно, мы сдѣлались неспособными пользоваться имъ? „Важность не *въ присутствіи счастья*, а въ томъ, чтобы *мы* могли выдержать его присутствіе“.

29 іюня, Губкино. „Лежу въ сараѣ, въ саняхъ на сѣнѣ. Читаю Виландова Diogenes von Sinope и часто прерываю чтеніе, чтобы думать о тебѣ. Гулялъ и по кладбищу — даже и срисовалъ его“. — Слѣдуетъ длинное разсужденіе о предвѣдѣніи, предопредѣленіи, Провидѣніи; онъ писалъ объ этихъ вопросахъ Лопухину, но письма съ нимъ нѣтъ, а Маша хотѣла знать его мысли на этотъ счетъ, и онъ развиваетъ ихъ и сводитъ къ своему личному положенію: Провидѣніе „располагаетъ случаями жизни, располагаетъ ихъ къ лучшему и человѣку говоритъ: дѣйствуй согласно со мною и вѣрь моему содѣйствію. Что бы ни было, мой другъ, но мы должны смотрѣть на все, что ни встрѣчается съ нами, какъ на предлагаемый намъ способъ

свыше пріобрѣсть *лучшее*. Надобно только вѣрить. Какъ бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощникъ близко.

Другъ! что бѣды для вѣры въ Провидѣнье?
Лишь вѣстники, что смотритъ съ высоты
На насъ святой, незримый испытатель!
Лишь сердцу гласъ: Крѣпись! Минутный ты
Жилецъ земли! Есть Богъ — и ждетъ Создатель
Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!
Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ"....—

5-го іюля Жуковскій писалъ изъ Орла, 9-го изъ деревни Котовки. Онъ былъ въ семьѣ Павла Ивановича Протасова, покойный братъ котораго былъ женатъ на Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ, и узналъ, что Маша хворала — и не писала ему о томъ. „Ты опять больна и опять начинаешь скрываться! Ты только хочешь носить маску любви ко мнѣ — не сердись за это выраженіе! Гдѣ же любовь, когда нѣтъ никакой заботы о себѣ, когда ты довольствуешься только тѣмъ, что я тебѣ вѣрю, и ни мало не думаешь оправдывать моей вѣры! Правда, меня съ тобой не будетъ — и я не буду видѣть!" Павелъ Ивановичъ способенъ принять сильное участіе въ *ихъ* дѣлѣ, но онъ безволенъ, въ рукахъ жены; сочувствуетъ имъ и его сынъ, Александръ Павловичъ, совѣтуетъ воздѣйствовать на „мнѣніе" Екатерины Аѳанасьевны, надѣется на Доспѳея и Лопухина; онъ и самъ на это надѣялся, ждалъ всего „отъ ея сожалѣнія, отъ желанія сдѣлать наше счастіе. Но ихъ нѣтъ! Ты видишь, что маменька не хочетъ вѣрить, что это *тебѣ нужно*, что она только объ томъ заботится, чтобы и другіе тому не вѣрили. Наше несчастіе для нея не существуетъ. Иначе могла-ли она имѣть духъ съ такою холодностью, съ такимъ пренебреженіемъ шутить на счетъ нашей привязанности, которую называетъ страстію и хочетъ представить смѣшною и странною, а насъ какими-то романическими героями и тому подобнымъ?" — Александръ Павловичъ предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ заграницу: путешествіе не отниметъ у него его лучшей драгоцѣнности, любви къ Машѣ; и онъ не прочь отъ этой мысли, которая въ другое время ужаснула бы его, „но теперь и безъ того надобно будетъ разлучиться, и скоро. Я думаю, что я *долженъ* уѣхать отъ васъ *самъ*, а не ждать вашей поѣздки въ Дерптъ. Какъ жить у васъ, зная образъ мыслей маменьки? Какъ быть

у васъ только *терпимымъ?*“ Тяжелый опытъ послѣдняго мѣсяца доказалъ ему, какое благо для него любовь къ Машѣ, но отъ маменьки онъ не хочетъ принять никакихъ благодѣяній. „Она не должна думать, чтобы чѣмъ-нибудь могла заплатить мнѣ за эту дружбу, которую я отъ нея требовалъ въ замѣну моей, и чтобы была какая-нибудь замѣна того счастія, котораго она меня лишила съ такимъ спокойствіемъ.... Я недавно между письмами нашелъ одно свое письмо, написанное къ ней въ Москвѣ въ мартѣ 1811 года послѣ вашего отъѣзда. Не помню, почему оно не послано, но въ этомъ письмѣ я прошу отъ нея довѣренности и увѣряю ее, что это единственный способъ перемѣнить мою къ тебѣ привязанность въ чувство брата и сдѣлать насъ счастливыми. Это письмо я ей отдамъ въ доказательство, что *она* не захотѣла нашего счастья“ [1]).

Послѣдняя хронологическая помѣтка въ дневникѣ 9-го іюля; писана она въ дорогѣ („завтра увидимся, другъ милой“); слѣдующая, вѣроятно, уже въ Муратовѣ, можетъ быть, послѣ свадьбы Воейкова: „Милый другъ, когда я стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на нашу милую Сашу и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастіе, сердце мое было стѣснено и никогда такъ не поразило меня слово „Отче нашъ“ и вся эта молитва. Я читалъ ее или, лучше сказать, объяснялъ для себя совсѣмъ иначе, нежели какъ это случалось прежде. Во мнѣ возбудилась довѣренность къ Промыслу, и будущее не было уже такъ страшнымъ. Я обѣщалъ Сашѣ написать эту молитву съ собственными немногими прибавленіями. Гдѣ же лучше написать ее, какъ не здѣсь? Пусть будетъ она *прежде* для тебя, а потомъ и *для нея*. Жаль, что это не написалось тогда же такъ, какъ было въ душѣ“. — Слѣдуетъ разборъ и поясненіе каждой части, каждаго призванія молитвы, напр.: „Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. О! Это пишу отъ всего сердца! Прочь низкое, прочь злоба! Съ именемъ святого Отца всѣмъ любовь или всѣмъ прощеніе. Богъ станетъ насъ судить, какъ мы сами здѣсь судили. Другъ мой, я начинаю *новую дорогу жизни:* вонъ изъ сердца всякое чувство ненависти и злобы! Оскорбленія не чувствовать не могу, но прочь злоба: я буду достоинъ моего небеснаго Отца! Вся моя жизнь Его Провидѣніе“.

„Воейковъ сейчасъ разсказалъ мнѣ вашъ разговоръ съ

1) Сл. выше стр. 125.

маменькою. Боже мой, сколько обвиненій!—Послѣднее—и кончу навсегда. Сейчасъ говорили мы съ Воейковымъ, обнялись, плакали и дали другъ другу слово въ братствѣ отъ сердца. Другъ мой, будь съ нимъ искренна, ищи въ нихъ обоихъ подпоры и *вѣрь* имъ. Довѣренность не будетъ обманута.... Ты и Провидѣніе—въ васъ мое вѣрное счастіе"; когда оно сбудется—неизвѣстно, но, „эта спокойная надежда стоитъ счастія. Я боялся одного, чтобы не захотѣли дѣлать насиліе твоему сердцу; Саша и Воейковъ ручаются за его сохраненіе. Я просилъ Воейкова, какъ друга, какъ брата, быть твоимъ помощникомъ, твоимъ утѣшителемъ. Нѣтъ! онъ не обманетъ меня.... Я просилъ его ничего болѣе для насъ не требовать, но быть только всегда на нашъ счетъ неизмѣннымъ во мнѣніи. Это для него не можетъ быть трудно. Только будьте согласны и не имѣйте недовѣрчивости другъ къ другу. Ангелъ мой, прости! Благослови тебя Богъ!

Я живъ — и ты моя!

Въ этихъ двухъ словахъ весь мой жребій...."

Свадьба Воейкова состоялась 14-го іюля. Жуковскій продалъ свое имѣніе, чтобы составить приданое для Александры Андреевны, посвятилъ ей свою „Свѣтлану" — и уѣхалъ. Вѣроятно къ этому времени, а не къ послѣдней трети года относится слѣдующее событіе: Жуковскій поручилъ Воейкову передать Ек. Аѳ. Протасовой свое (недошедшее до насъ) письмо, но тотчасъ же спохватился: оно показалось ему слишкомъ рѣзкимъ, обиднымъ (онъ вспомнилъ, быть можетъ, свои слова о всепрощеніи), и онъ посылаетъ въ догонку за нимъ другое, въ которомъ винитъ самого себя: онъ самъ нарушилъ покой семьи и считаетъ необходимымъ удалиться, но желалъ бы, чтобы его помнили, любили и уважали и его мѣста въ семьѣ не забыли. Счастье, котораго онъ искалъ, оказалось невозможнымъ, онъ пересталъ желать его, „но оно никакимъ замѣнено быть не можетъ. Привязанность мою къ Машѣ сохраню вѣчно: она для меня необходима; она всегда будетъ моимъ лучшимъ и самымъ благодѣтельнымъ для меня чувствомъ. Эта привязанность дастъ мнѣ силу и бодрость пользоваться жизнью. Съ нею найду еще много хорошаго въ жизни". Разлука все согласитъ. „Теперь все осталось для одной дружбы! Воспоминаніе одному только счастью, однимъ добрымъ вмѣстѣ проведеннымъ минутамъ....

съ такимъ воспоминаніемъ смѣло смотрю на будущее. Оно ничего у меня не отнимаетъ. Мое мѣсто въ сердцахъ моихъ друзей сохранено; все остальное Провидѣнію!" Его утѣшаетъ мысль что не чужой, не забытый друзьями, онъ будетъ жить *розно* съ ними, „такъ, какъ бы и *вмѣстѣ*. А когда-нибудь и вѣчно вмѣстѣ. Теперь смѣло при васъ называю Машу моимъ другомъ; она мнѣ благодѣтельница на цѣлую жизнь. Моя привязанность къ ней самая чистая, и вы не должны ею оскорбляться. Благословите же меня прежнимъ благословеніемъ". Онъ сталъ теперь гораздо спокойнѣе, можетъ перестать думать о потерянномъ, но не въ силахъ думать, что потерялъ его напрасно. „Того, въ чемъ полагаю истинное счастіе, для меня никогда не будетъ. Это рѣшено на всю жизнь. Хуже быть для меня ничего не можетъ". Въ жизни много добра и „безъ счастья"; лишь бы имѣть надежду на своего путеводителя; и горе бываетъ полезно; „болѣе всего даетъ оно надежду и вѣру". „Я не могъ съ вами проститься. Это было бы тяжело. Съ вами, быть можетъ, и скоро увижусь, но съ вашею семьею, съ Муратовымъ, съ моимъ настоящимъ отечествомъ разстаюсь на всегда" 1).

„Уѣзжать уже нѣтъ нужды—я уѣхалъ, писалъ онъ Кирѣевской 31 іюля изъ Черни; я желалъ бы, чтобы вы прочитали то, что я писалъ тетушкѣ". Ни съ кѣмъ онъ не говорилъ такъ о Машѣ, какъ съ нею, ни съ кѣмъ не былъ такъ искрененъ; а была ли она искренна, когда говорила, что никто не умѣетъ любить Машу такъ, какъ онъ? Чего онъ требовалъ — это семьи, въ которой онъ былъ бы уважаемъ и „могъ свободно любить Машу въ глазахъ матери". Возвратиться на старое, то есть на мысль о женитьбѣ, онъ не желаетъ; „что если одна минута слабости дастъ это согласіе и ничто имъ не перемѣнится? Избави Богъ! Рай такъ легко сдѣлать. О! я чувствую, какъ бы это было легко! Но что, если вмѣсто этого рая попаду въ прежній адъ?" Нѣтъ, лучше остаться при своемъ горѣ: „это мое — свято, и много, много хорошаго въ жизни есть и безъ счастья".

Онъ удалился, оберегая спокойствіе Маши, и въ другомъ письмѣ къ Кирѣевской, вѣроятно, того-же времени, защищается противъ толкованія, которое дали его словамъ: „она спокойна а меня тамъ нѣтъ!" „Это не противорѣчіе: хорошо быть съ нею мыслями, воображеніемъ, но какъ не сжаться

1) Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 31 слѣд.

сердцу, когда подумаешь, что милое вмѣстѣ могло бы осуществиться на дѣлѣ? Какъ ни называй прекраснымъ то, что тяжело и дурно, сердце не повѣритъ. Нѣтъ, я знаю, что настоящее дурно, что оно могло бы быть лучше, и сожалѣніе будетъ не только храниться, какъ драгоцѣнность, въ сердцѣ, но будетъ и хранителемъ сердца"; сожалѣніе, которое не унизитъ ни его самого, ни свѣта, ни жизни передъ его глазами. Нужное для того спокойствіе у него есть: оно состоитъ въ „довѣренности, въ покорности Провидѣнію.... Воспоминаніе, святая, утѣшительная мысль о моемъ товарищѣ — пусть будутъ они хранителями моего сердца".

Жуковскій обѣщалъ Тургеневу „много" писать о себѣ (21 іюня 1814 г.), но письма, очевидно, рѣдѣли [1]), а между тѣмъ другъ тревожился: „Не зная новыхъ причинъ твоей скорби, ищу утѣшенія для тебя въ твоемъ талантѣ и во времени, все, почти все исцѣляющемъ, хотя знаю изъ опыта, что часто исцѣленіе временемъ ужаснѣе раны самой жестокой. Напиши ко мнѣ всѣ подробности твоей теперешней жизни и не страшись ввѣрить тайную грусть души твоей тому, кто по одной неограниченной, глубокой и горячей къ тебѣ привязанности заслуживаетъ твою довѣренность, но и потому, что часто самъ имѣетъ нужду въ другѣ тебѣ подобномъ". И для него надежда блѣднѣетъ, невозможность счастья становится очевиднѣе, „хотя, впрочемъ, невозможность моя зависитъ почти отъ условій большого свѣта" [2]).

„Большое письмо", которое Жуковскій обѣщалъ написать Тургеневу, никогда не было написано, и не по лѣни, а „потому, что въ немъ было бы много несправедливаго, внушеннаго огорченіемъ; а то, что и было бы справедливо, должно быть пре-

---

1) Неизданное письмо Тургенева 14 августа 1814 года написано въ отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Жуковскаго отъ 4-го того-же мѣсяца.

2) Неизданное письмо 27 августа 1814 г. Та-же просьба повѣрить ему свою грусть въ неизданномъ-же письмѣ 29 сентября. „Я хранилъ бы ихъ (письма Жуковскаго), какъ памятники твоей дружбы ко мнѣ, которой изъявленія, и самыя легкія, право, сладостны и утѣшительны. Слова: „*Что твой Тургеневъ братъ*" въ *посланіи къ володьковскому барону* меня тронули до глубины сердца и нѣсколько укротили дружескій гнѣвъ мой на тебя за долгое и тщетное ожиданіе того длиннаго письма, которое давно, давно обѣщано было". Что это за Посланіе къ володьковскому барону (барону Черкасову)?

дано забвенію и исправлено. Я думаю, черезъ часъ послѣ моего послѣдняго письма къ тебѣ обстоятельства перемѣнились“ [1]).

Если подъ „послѣднимъ“ письмомъ Жуковскій разумѣлъ дошедшее до насъ сентябрьское, то обстоятельства дѣйствительно перемѣнились: въ письмѣ зазвучало что-то бодрое, если не жизнерадостное. „Мнѣ о многомъ, многомъ надобно говорить съ тобою, и многое тебя изумитъ. Но радостнаго ничего не жди; можетъ быть, за то иное и восхититъ твою душу, а иное и очень, очень сожметъ. Все это загадка; я тебѣ ее разгадаю. Только ты откликнись, другъ, товарищъ, всегда вѣрный и неизмѣнный сердцемъ, каковы бы ни были обстоятельства. Не обо всѣхъ это сказать можно. Не обо всѣхъ! О немногихъ, очень немногихъ.... До сихъ поръ геній, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ничтожества, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу— на что́ тебѣ его называть? ты его имя угадаешь—я опять подымаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось и надежда на все, что радовало, пропала, но этотъ ангелъ мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизнію. Теперь слава мнѣ *драгоцѣнна*. Братъ! твоя дружба, любовь нѣкоторыхъ *добрыхъ*, чистая, не униженная ничѣмъ презрѣннымъ слава и этотъ ангелъ, который смотритъ на мою жизнь, какъ на свое благо.... Еще жить можно!

Und ein Gott ist's, Der der Berge Spitzen
Röthet mit Blitzen!

....Вы *часто будете обо мнѣ слышать*. Между нами: я хочу писать Посланіе Государю.“ И Кирѣевскую онъ проситъ въ сентябрьскомъ же письмѣ [2]) не безпокоиться о немъ: онъ не впалъ въ уныніе, жизнь и безъ счастія кажется ему чѣмъ-то священнымъ и величественнымъ. „Слава для меня имя теперь святое. Хочу писать къ царю“.

Письмо Жуковскаго поставило Тургенева въ нѣкоторое

1) Къ Тургеневу 20 октября 1814 г. Отвѣчая на это письмо 13 ноября Тургеневъ проситъ Жуковскаго прислать ему его новую балладу (Старушку) и сообщаетъ, что досталъ недавно его „французскій отрывокъ изъ Académie des Impertinents“ (?).

2) Сл. Русская Старина 1883 г., мартъ, стр. 665—666, № 18 (въ концѣ 1814 года). Хронологія устанавливается указаніемъ на „Посланіе“. Сл. ib., февраль, № 16.

недоумѣніе, и онъ нашелъ возможнымъ укорить Жуковскаго за его излишнюю осторожность и несообщительность. „Что́ значитъ слова твои: *не о всѣхъ?* Что́ должно *изумить* меня? Ты обѣщаешь разгадать загадку.“ Пусть довѣритъ ему движенія души своей, онъ раздѣлитъ съ нимъ „не одну грусть, но и самое негодованіе“. „Любовь твоя къ жизни и славѣ, которой источникъ находишь ты въ другой любви, меня нѣсколько успокоиваетъ, и я радуюсь твоему душевному выздоровленію.“ И опять просьба объ искренности: пусть съ первою почтою разрѣшитъ его сомнѣнія и скажетъ все, что у него на сердцѣ — и не оставляетъ мысли „писать посланіе къ Государю“ (2 октября 1814 г., неизд.).

Разгадку приноситъ дневникъ Жуковскаго.

15-го сентября Жуковскій вписывалъ въ одну изъ знакомыхъ намъ тетрадокъ письмо Маши въ отвѣтъ на его собственное; вписывалъ, по обыкновенію, со своими коментаріями, на этотъ разъ восторженными. Книжка сентябрьская; въ началѣ текста эпиграфъ: „Все въ жертву для нея“. Письмо Маши показываетъ, какъ всецѣло проникласъ она философіей смиренія, въ которой старался утвердить себя Жуковскій; она не только овладѣла ея фразіологіей, но овладѣла и положеніемъ, изъ котораго Жуковскій не въ силахъ былъ выпутаться: смиренное ожиданіе того, что пошлетъ судьба, не исключало энергіи въ настоящемъ, и Маша старается пробудить эту энергію. Она огорчена его „малой довѣренностью къ пріятелю“ („не недовѣрчивость къ пріятелю, мой другъ, а забвеніе самого себя, замѣчаетъ Жуковскій, естественное слѣдствіе смущенія и горести. Я видѣлъ, сколько печальнаго ожидало тебя въ будущемъ, многое, быть можетъ, и увеличивалъ“), не будетъ несчастлива и не можешь быть несчастливой: „Добрый, милостивый Отецъ, который вездѣ со мною, который любитъ меня для тебя („для меня! Боже мой, стою ли я такой высокой обо мнѣ мысли“!), можетъ-ли онъ допустить это! L'amour parfait chasse la crainte.... *Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestalten*“, повторяетъ она стихъ изъ Оберона [1]): она смотритъ на свою теперешнюю жизнь, какъ на срокъ, данный ей для того, чтобы приготовиться къ счастью, быть его достойной; два года будутъ проведены розно, а по возвращеніи изъ Дерпта навѣрно настанетъ время, когда они бу-

---

1) Сл. выше стр. 168.

дутъ жить вмѣстѣ. „Базиль! Ты слишкомъ много огорчаешься разлукой! Скажи, много ли ты имѣешь утѣшенія теперь, будучи вмѣстѣ? Правда, что вчера мы имѣли хорошія, милыя минуты, но онѣ тебя недостойны. Mon ange, *ta vie doit être active*, utile à tous ceux qui t'entoureront, mais pas seulement à ceux qui seront avec toi. Elle doit l'ètre aussi à moi. Ton exemple me donnera des forces et du courage.... Для тебя начнется новая жизнь! Боже мой! Mon ami, il faut être plus grand que le sort, *tu ne te ressemble plus, il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire*".—Маша просила его не отдавать маменькѣ письмо, которое онъ для нея приготовилъ; добра изъ этого не выйдетъ; „если у тебя есть силы, то поговори съ ней самъ, но этого я бы желала только для того, чтобы она хотя послѣдніе два дня была лучше съ тобой. О, какое ужасное раскаяніе ее ожидаетъ! Базиль, какъ мы счастливы въ сравненіи съ нею!.... Она слишкомъ чувствуетъ сама, что она не права; доказательства ей не нужны, признаться ей тяжело.... Я боюсь за ея здоровье; намъ надобно беречь ее".— „Теперь поговоримъ о томъ, *чего я отъ тебя требую. Tu me prometteras de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ma gloire et mon bonheur. Если бы ты зналъ, сколько меня упрекала совѣсть (за) это бездѣйствіе, въ которомъ ты жилъ до сихъ поръ! Я не только причина всѣхъ твоихъ горестей, но даже и этого мучительнаго ничтожества, которое отымаетъ у тебя будущее, не давая въ настоящемъ ничего кромѣ слезъ. Итакъ занятія, непремѣнно занятія!*" („Бездѣйстіе! Нѣтъ оно было не отъ тебя! замѣчаетъ Жуковскій. Теперь мы розно, и что-же влечетъ меня къ дѣятельности? Ты! Что-же, когда бы мы были вмѣстѣ и вмѣстѣ счастливы? Итакъ вини не себя, а тѣхъ, которые наше вмѣстѣ разрушили"). Она желала бы, чтобы онъ занялся воспитаніемъ дѣтей (Кирѣевской). „Comme je voudrais te donner toute ma force et tout mon courage! Mais cela aussi c'est à toi que je le dois". Она обѣщаетъ писать ему; его письма къ Ал. Павл. Протасову въ Петербургѣ будутъ писаны и для нея, а Кирѣевской онъ будетъ диктовать ея письма: „ты будешь писать рецензіи между строкъ, но главное то, что мое сердце пойметъ, чего нельзя будетъ написать".

Въ концѣ письма: „Je te bénis, je prie pour toi à tous les instants du jour! Ma vie! Persévérance".

Жуковскаго это письмо подняло; если „наканунѣ и въ самый день отъѣзда я сказалъ отъ сердца, что жизнь прекрасна,

это твое дѣло", пишетъ онъ отъ себя; „ты представила мнѣ въ будущемъ столько прекраснаго. Своему проступку обязанъ я тѣмъ, что началъ еще болѣе тебя уважать, началъ чувствовать твое превосходство надо мною — и какъ весело это чувствовать!" Она велѣла ему называть себя его „матерью" за ея нѣжную заботу о его судьбѣ; la vie doit être active — сказала она — какое счастіе повиноваться ея требованію! Жуковскій сообщаетъ ей „кодексъ" своихъ будущихъ занятій. Прежде всего „*писать* (и при этомъ правило: жить, какъ пишешь, чтобы сочиненія были не маска, а зеркало души и поступковъ).... Слава моя будетъ чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и безпрестанно". Затѣмъ — воспитаніе дѣтей; „Владиміръ будетъ написанъ". „Нѣтъ, моя бѣлая книга не останется пустой, — бѣлой книги не страшусь. Провидѣніе твоею рукою начертало въ ней невидимою черною, видимою сердцу: жить для Маши, для всего добраго, быть ея достойнымъ и этимъ заслужить счастіе, которое вѣрно". Его ежедневныя занятія будутъ слѣдующія: 1) „Собраніе понятій о религіи"; у него нѣтъ еще полнаго понятія о религіи, но онъ желаетъ вѣрить и будетъ „имѣть чистую, достойную человѣка и Бога вѣру.... Что бы ни было, но жить по правиламъ христіанства. Это ведетъ къ небу. Итакъ: чтеніе священнаго писанія, книгъ о религіи и твоей книжки. Свои мысли объ этомъ предметѣ и, для тебя, особенное собраніе этихъ мыслей; 2) Чтеніе моралистовъ. Хочу непремѣнно дѣлать свои прививки, то есть каждый день къ какой-нибудь хорошей чужой мысли прививать нѣсколько своихъ. Собраніе этихъ мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждый день означенъ былъ своею особенною мыслію; 3) Каждый день двѣ или три страницы прозы о чемъ бы то ни было. Это составитъ со временемъ порядочный матеріалъ для журнала. Особенный списокъ для тебя. На это ужь готовъ альбомъ; 4) Всякій день непремѣнно писать въ стихахъ, и все будетъ для тебя переписано; 5) Чтеніе книгъ о воспитаніи.... изъ этихъ матеріаловъ со временемъ составить письма о воспитаніи.... Можетъ выйти прекрасная книжка"; 6) Записывать свой день. Это для тебя. Дурное и хорошее безъ закрышки передъ моимъ другомъ, передъ моею совѣстью, передъ вторымъ Провидѣніемъ моимъ".

Онъ поощряетъ Машу къ чтенію Св. Писанія, моралистовъ и къ „запискамъ дня". „Сдѣлай книжку, въ которую бы запи-

сывать лучшее изъ Св. Писанія и духовныхъ писателей. Къ этому прибавлять свои замѣчанія. Другую книжку для записыванія лучшихъ мыслей изъ всѣхъ книгъ, и къ нимъ также свои замѣчанія. Наконецъ, каждый день въ десяти строкахъ записать въ журналъ (въ голубую книжку). Все это для меня. Этотъ журналъ будетъ вмѣсто писемъ"....

„Теперь послѣднее слово. Другъ мой! Persévérance, твердость и дѣятельность въ горѣ; вѣра къ будущему. Однимъ твоимъ словомъ: *devant Dieu* ты дала мнѣ все: силу надежду и даже счастіе.... Все прочее заключено для насъ въ одномъ: *будемъ достойны счастія*".

Между 15-мъ сентябремъ, когда написано было это письмо, и 26-мъ произошло нѣчто, на что Жуковскійересталъ разсчитывать, и „сладость веселаго вмѣстѣ" („Эолова арфа") снова ему улыбнулась. Поняла-ли Екатерина Аѳанасьевна чистоту чувства Жуковскаго, роль друга, которую онъ былъ готовъ принять на себя, но она изъявила согласіе на его поѣздку въ Дерптъ, и онъ счастливъ, ему уже грезится утопія, возможная лишь въ атмосферѣ сентиментализма: утопія совмѣстной жизни съ Машей въ ея семьѣ, въ распредѣленіи общихъ трудовъ и симпатій.—За приведеннымъ выше письмомъ слѣдуетъ въ томъже дневникѣ другое, коротенькое. „Все это было написано 15-го сентября. Милый ангелъ, кто-бы могъ ожидать такой перемѣны?

Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestalten [1]).

Маша, дай руку на счастіе. Мы будемъ вмѣстѣ, *вмѣстѣ!* Какъ мило это слово послѣ двухъ мѣсяцевъ горькой мысли, что мы разстались! Теперь нечего и некогда тебѣ сказать. Прости, другъ безцѣнный! Безъ васъ буду много думать о нашей будущей жизни, о нашемъ миломъ вмѣстѣ [2]).... Это бу-

---

1) Та-же цитата изъ Оберона въ письмѣ къ Азбукину: „Activité dans un petit cercle. Persévérance. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten; Счастіе впереди! Вопреки всему, будь его достоинъ, и оно будетъ твое". Далѣе приводятся стихи изъ стихотворенія самого Азбукина (Живу безъ страха межъ людей); на которое Жуковскій отвѣтилъ 2-го октября („Добрый совѣтъ въ альбомъ В. А. Азбукину").

2) „Безъ васъ", т. е. когда Протасовы уѣдутъ въ Дерптъ, куда Жуковскій явился позже? По письмамъ къ Ал. Тургеневу въ сентябрѣ, декабрѣ и въ первыхъ числахъ генваря Жуковскій былъ въ Долбинѣ и Бѣлевѣ.

детъ послѣднимъ моимъ письмомъ къ тебѣ и единственнымъ, какое ты имѣть будешь. Между тѣмъ, чтобы ты знала, что буду безъ тебя дѣлать, то вотъ рапортъ: 1) Написать планъ нашей жизни (ангелъ, нашей!), 2) Переслать къ Тургеневу мои сочиненія, 3) *Собраться въ Дерптъ*, 4) Посланіе къ Государю [1]) и перевести Библію".—Планъ жизни останется тотъ-же, прибавилось милое вмѣстѣ, которое надо устроить „какъ можно яснѣе и спокойнѣе; но чего не снесешь для этого *вмѣстѣ?*.... Прости, душа, радость, жизнь!"

Вотъ что объясняетъ поднятый тонъ сентябрьскихъ писемъ Жуковскаго къ Тургеневу и Кирѣевской. Онъ ожилъ и началъ творить. „Пишу безъ памяти" писалъ онъ Тургеневу 20-го октября; „прошедшіе октябрь и ноябрь были весьма плодородны, повторяетъ онъ въ письмѣ 1-го декабря 1814 года. Я написалъ пропасть стиховъ, написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя могутъ вынести [2]). Всегда такъ писать невозможно: ухлопаешь себя по пустому. Жизнь мнѣ измѣняетъ; уцѣпился за безсмертіе! Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ; быть стихотворцемъ во всемъ смыслѣ этого слова — прекрасная мысль! Можетъ быть, и гордая мысль! Но развѣ надобно имѣть передъ собою цѣль низкую? Писать такъ, чтобы говорить сердцу и возвышать его, а между тѣмъ, пока живешь, жить, думать, чувствовать и пр., какъ пишешь. Сверхъ того имѣть друзей—друзей твоей славы, друзей твоихъ чувствъ и мыслей, и съ ними еще *кого-нибудь*. Жаль, что тебя нѣтъ въ эту минуту подлѣ меня! Какъ бы было весело пожать тебѣ руку! И всякій разъ сердце сожмется, когда вспомнишь, что лучшаго нашего товарища во всемъ прекрасномъ (Андрея Тургенева) нѣтъ и никогда не будетъ".

Шутливыя стихотворенія Жуковскаго, которыя назывались обыкновенно „долбинскими", указываютъ, что перспектива счастья развязала въ немъ веселье, но любопытно психологически, что въ это-же время онъ возвращается къ темамъ

---

1) Посланіе затѣяно было уже къ маѣ (сл. письмо къ Тургеневу 5 мая), о немъ идетъ рѣчь въ дневникѣ 15 сентября, въ письмахъ къ Тургеневу отъ сентября, 20 октября и начала ноября; 1 декабря оно у него было готово (къ Тургеневу 1 декабря).

2) Сл. также письмо къ Тургеневу 8 ноября и примѣчанія издателя къ письмамъ 20 октября, 8 ноября и 1 декабря.

баллад, не только страшным или печальным (Старушка [1]), Варвик, Ахилл) но и к темам *разставанья*: баллады Эльвина и Эдвин (из Маллета), Алина и Альсим (из Монкрифа), затѣянныя или написанныя 28—30 октября, Эолова арфа, помѣченная 9 и 13-м ноября и напоминающая мотив посланій к Нинѣ (1808 г.) и Блудову (1810 г.), всѣ говорят о двух любящих, разлученных отцем или матерью; Минвана Эоловой арфы — Минвана „Трех сестер“ (1808 г.), Арминій — Жуковскій. Между 10-м и 24-м октября написан и Теон и Эсхин на тему, знакомую сентиментальной поэзіи; тему Гольдсмитовых Deserted Village и Traveller, которыя в період Вертера читал Гёте; „Опустѣвшую Деревню“ принимался когда-то переводить Жуковскій. Счастье дома, нечего гоняться за ним по свѣту, чтобы, вернувшись, пожалѣть о том, что было так близко, так возможно. У Жуковскаго странствует за счастьем Эсхин и не находит его, но и Теон, оставшійся у очага, ограничил счастье — воспоминаніем сердца. „Без пышных надежд“, в смиренной хижинѣ на берегах Алфея, он был счастлив со своей подругой, схоронил ее и по прежнему говорит, „что боги для счастья послали нам жизнь, но с нею печаль неразлучна“. И он не ропщет на Зевсов закон: жизнь и вселенная прекрасны, но земное богатство не в том, что может разрушить судьба — то не наше, — а в истинных благах любви и возвышенных мыслях.

Увы! я любил.... и ея уже нѣт!
Но счастье, вдвоем столь живое,
На вѣки-ль исчезло? И прежніе дни
Вотще-ли столь были прелестны?
О, нѣт! Никогда не погибнет их слѣд;
Для сердца прошедшее вѣчно,
Страданье в разлукѣ есть та-же любовь,
Над сердцем утрата безсильна.

---

1) Старушка написана 14—15, 17 и 19 октября. Вѣроятно, о ней идет рѣчь в неизданном письмѣ Тургенева 13 ноября 1814 года: он благодарит Жуковскаго за письмо 20 октября и просит прислать новую балладу „для меня единственно“. Загадочно для меня слѣдующее указаніе письма: „недавно достал я твой французскій отрывок из Académie des Impertinents“.

Скорбь о погибшемъ не есть-ли „обѣтъ неизмѣнной надежды“,

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее къ намъ возвратится?....
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

И Теонъ кончаетъ исповѣдью:

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горе, и радость, все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!

Такова въ эту пору философія Жуковскаго; нѣкоторые афоризмы Теона останутся навсегда его девизомъ; пока его манитъ надежда что „вѣрно желанное будетъ“. Въ эти мѣсяцы задумано было и „Искупленіе“ [1]), пересказъ второй части Шписова романа, первая часть котораго дала сюжетъ для „Громобоя“. У Шписа Виллибальдъ, зачатый, по роковому случаю и не по винѣ родителей, внѣ брака, воспитывается на сторонѣ, невидимо опекаемый таинственнымъ старцемъ, который направляетъ его жажду любви къ высокой цѣли: двѣнадцать спящихъ дѣвъ, погруженныхъ въ вѣковой сонъ за грѣхи своего отца, ожидаютъ отъ него спасенія; одна изъ нихъ предназначена ему въ супруги. Любопытно было бы знать, какъ понималъ Жуковскій этотъ сюжетъ въ концѣ 1814 года; планъ „Искупленія“, сохранившійся въ его бумагахъ, не даетъ объ этомъ понятія; въ 1817 г., когда написано было „Искупленіе“, явившееся подъ заглавіемъ „Вадима“, „желанное“ удалилось навсегда, и освѣщеніе мотива должно было измѣниться. Но уже теперь Жуковскій „уцѣпился за безсмертіе“.

Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа въ насъ пламенѣла,
Лишь бы, минутное отринувъ, съ высоты

---

1) Начато въ ноябрѣ 1814 г. Сл. письмо Жуковскаго къ Тургеневу отъ 1 декабря.

Она къ безсмертному летѣла,
И муза счастія богиней будетъ намъ.
(Къ Вяземскому, отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ 1814 г.).

Онъ пишетъ „Посланіе къ Императору Александру", началъ „Пѣвца въ Кремлѣ" [1]). Путь къ славѣ, указанный Машей.

---

1) Въ составленномъ Жуковскимъ перечнѣ своихъ стихотвореній „Пѣвецъ" стоитъ въ числѣ написанныхъ или только набросанныхъ имъ съ 1 октября по 24 ноября. 1-го декабря онъ извѣщалъ Тургенева, что *принялся* „за новый подвигъ. Пѣвецъ во станѣ, предсказавшій побѣды, долженъ ихъ воспѣть; и гдѣ-же лучше, какъ не на Кремлевскихъ развалинахъ....?"

V.

Дерптская жизнь.

6-мъ октябремъ помѣчено стихотвореніе: „Росписка Маши". Въ пачкѣ бумагъ Жуковскаго, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ № 15, л. 69, оно написано рукою писца съ заглавіемъ: Росписка Маши Кирѣевской. Но о ней, родившейся 8 августа 1811 года, не можетъ быть и рѣчи: дѣло идетъ о Машѣ Протасовой и объ октябрѣ 1814 года; можетъ быть здѣсь такой же случай наивнаго укрывательства, какой мы видѣли выше — въ помѣткѣ А. А. Протасовой при стихотвореніи, обращенномъ къ Машѣ: „Маминькѣ" [1]). Вотъ содержаніе росписки:

Что ни пошлетъ судьба, все пополамъ,
Безъ робости, *дорогою одною,*
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Итти тебѣ впередъ, намъ за тобою!
Лишь вмѣстѣ бы, лишь только-бъ за одно,
Лишь въ часъ одинъ, одна-бы намъ могила!
Что, впрочемъ, здѣсь ни встрѣтить, все равно!
Я въ томъ за *всѣхъ* и руку приложила.

Это — программа будущаго совмѣстнаго житья; Протасова согласна, Маша приложила руку.

Такъ или иначе, но поѣздка Жуковскаго была рѣшена, о чемъ онъ и писалъ Тургеневу 20 октября 1814 г. Онъ строитъ планы общей жизни, общаго счастья, кому что дѣлать, какъ держаться, составляетъ смѣту общихъ расходовъ и планы ра-

---

1) Сл. выше стр. 144.

ботъ [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полонъ опасеній. „Не радуйся, пишетъ онъ Тургеневу (то-же письмо). Того, что надобно, что одно было бы для меня счастіемъ, нѣтъ, и вѣроятно, не будетъ. По крайней мѣрѣ и жестокаго *розно* также не будетъ. Фанатизмъ, присоединенный къ слабому, нерѣшительному характеру, непобѣдимъ. На него ни разсудокъ, ни сожалѣніе ничто дѣйствовать не могутъ. Нѣтъ довольно твердости, чтобы на что нибудь рѣшиться, чтобы остаться при томъ, на что рѣшился. Вся твердость въ этомъ дьявольскомъ суевѣріи, которое ненавижу отъ всего сердца.... Но такъ и быть! Будущее впереди, въ рукѣ твердой, мое дѣло дойти до него хорошей дорогой. Мы вмѣстѣ, это много, это все. Не думаю, однако, чтобы было полное спокойствіе, полное счастіе: все это зависитъ не отъ насъ! Но надобно сколько можно беречь это сокровище, трудиться, помнить предположенную цѣль, радоваться, что есть дружба, которая меня утѣшаетъ; словомъ писать и жить, какъ пишешь. Стоить своего счастья, и оно будетъ наше. Развѣ мало быть добрымъ, быть любимымъ такимъ сердцемъ, какого нѣтъ другого, быть другомъ твоимъ, быть поэтомъ и писать не для низкаго всеобщаго одобренія, а для семейства прекрасныхъ людей, съ которыми породнишься посредствомъ высокихъ, не ложныхъ и хорошо выраженныхъ чувствъ, которыя, быть можетъ, останутся и для потомства? Слава, истинная слава! А для меня она выше, нежели для другихъ. Искать, а стало быть любить самое прелестное твореніе, въ лучшія совершеннѣйшія минуты жизни быть къ ней ближе. Братъ, еще можно быть счастливымъ". А затѣмъ эти надежды блекнутъ — и возникаютъ сомнѣнія: „отъ дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*. Такъ и быть!"—„Что профессорство Воейкова?" спрашивалъ онъ Тургенева (8 ноября 1814 г.)—и у него въ головѣ возникаетъ новая химера, что-то похожее на надежду: надежда на содѣйствіе государыни Маріи Ѳедоровны и Синода—при посредствѣ Тургенева! „Чтобы заставить тебя дѣйствовать не нужно, кажется, представить твоему воображенію то счастіе, какимъ бы твой товарищъ наслаждался въ жизни. Другого

1) Бумаги Жуковскаго, стр. 7—8. Сл. Русская Старина 1901 г., май, стр. 43 слѣд.

нѣтъ! А въ этомъ счастіи все—поэзія, слава и жизнь. На Воейкова полагаться нечего: онъ не имѣетъ характера. Я очень хорошо могу жить съ нимъ вмѣстѣ, но ждать отъ него нечего. Это между нами" (1 декабря 1814 г.).

6 генваря 1815 г. Жуковскій отпраздновалъ въ кругу родныхъ годовщину своего возвращенія изъ похода; 6 генваря слѣдующаго года онъ напоминаетъ о томъ Воейкову: онъ ѣдетъ съ нимъ и Протасовыми:

Воейковъ, этотъ день для сердца незабвенный!
Здѣсь возвращеніе мое
Ты за годъ праздновалъ въ родной друзей семьѣ.
Какъ странникъ, въ кругъ ея случаемъ заведенный,
Ты мыслилъ между насъ минуту отдохнуть,
Потомъ опять идти въ свой одинокій путь
Съ несовершившимся желаньемъ
И съ темнымъ счастья ожиданьемъ!
Но здѣсь тебѣ твое „*не дамъ*" рокъ сказалъ....
И Провидѣніе здѣсь всѣмъ, что въ жизни мило,
Тебя въ душѣ твоей Свѣтланы наградило!
Другъ, благодарственный фіалъ
Незримому, Тому, Кто намъ не измѣняетъ,
Который всюду спутникъ намъ,
Который и самимъ бѣдамъ
Всегда во благо быть для насъ повелѣваетъ!
Ему повѣримъ ихъ! *Ему отъ насъ обѣтъ —*
Украсить жизнію Его прекрасный свѣтъ,
И быть въ кругу Его прекраснѣйшихъ созданій
Достойнымъ всѣхъ Его святыхъ благодѣяній.

Слѣдующая строфа, очевидно, обращена къ Протасовой:

Вамъ, милая, нашъ другъ-благотворитель,
Отъ *счастливыхъ дѣтей мольба въ веселый часъ:*
Вкушайте счастіе безпечно между насъ!
Покой вашъ нашего спокойствія хранитель!
Съ довѣріемъ подайте руку намъ
И вѣрныхъ вашихъ чадъ сердцамъ
Себя съ надеждой поручите;
Ихъ на добро благословите,
А общій жребій свой — оставимъ небесамъ.

„Долбинскій минутный житель“ прощается съ Авдотьей Петровной Кирѣевской и ея дѣтьми:

Друзья, въ сей день былъ мой возвратъ!
Но онъ для насъ и день разлуки;
На дружбу вѣрную дадимъ другъ другу руки!
Кто братъ любовію, тотъ и въ разлукѣ братъ!
О нѣтъ! не можетъ быть для дружбы разстоянья!
Вдали, какъ и вблизи, я буду вамъ родной,
А благодарныя объ васъ воспоминанья
Возьму на самый край земной!

(„Прощаніе“ 6 генваря 1815 г.).

Въ генварѣ или февралѣ 1815 г. Жуковскій писалъ Машѣ: „Маша, надобно знать и исполнить то, на что мы рѣшились“. Онъ искренно говорилъ ея матери о своей идеальной привязанности, просилъ для себя свободы, довѣрія; надо сдержать данное слово, иначе покоя не будетъ. И онъ проситъ Машу дать ему всю нужную для того „добродѣтель“. „Чего я желалъ? Быть счастливымъ *съ тобою!* Изъ этого должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ *тобою.* Право, для меня все равно мое счастіе или наше счастіе. Поставь себѣ за правило все ограничивать одной собою, повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси. Собственно и отъ этого она живѣе и лучше. Ужъ я это испыталъ на дѣлѣ: смотря на тебя я уже не то думаю, что прежде, если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда со своимъ дурнымъ, старымъ товарищемъ — грустью; стоитъ уйти къ себѣ, чтобы опять себя отыскать такимъ, какимъ надобно“. Эта побѣда надъ собой утѣшаетъ его. „Какъ еще много мнѣ осталось! Не лиши же мнѣ этого счастья! Передѣлай себя совершенно и будь этимъ мнѣ обязана! Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя — чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этомъ миломъ счастьи! Какъ жизнь будетъ для меня дорога! Между тѣмъ я имѣю собственную цѣль — работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ работать“? Письмо, прерванное объясненіемъ съ Протасовой, сообщаетъ о его результатахъ: „мы говорили — этотъ разговоръ можно назвать холоднымъ толкованіемъ въ прозѣ того, что написано съ жаромъ въ стихахъ. Смыслъ

тотъ же, да чувства нѣтъ". Протасова пожелала, чтобъ онъ отложилъ свой пріѣздъ до іюля, „потомъ увидимъ", пусть дастъ ей время „сблизиться съ Машею, ты насъ совсѣмъ разлучилъ". Неужели я эгоистъ? спрашиваетъ себя Жуковскій; и въ самомъ дѣлѣ: „Чего я хочу? Опять-же своего счастья? Надобно совсѣмъ забыть объ немъ.... Маша, чтобы имѣть полное спокойствіе не должно ли тебѣ возвратить мнѣ всѣхъ писемъ моихъ? Ты знаешь теперь нашу общую цѣль: твое счастіе! Быть довольнымъ собою! У тебя есть Фенелонъ и твое сердце. Довольно! Твердость и спокойствіе, а все прочее Промыслу!"

Въ февралѣ Протасовы и Воейковы поѣхали въ Дерптъ, куда явились 15-го числа, Жуковскій двинулся туда позже, не заѣзжая въ Петербургъ, какъ вначалѣ предполагалъ. Слава откликнулась: его посланіе къ Имп. Александру было прочтено Тургеневымъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и встрѣчено восторженно; „Государыня потребовала отъ Уварова и меня сказать ей, что́ можно для тебя сдѣлать", писалъ Тургеневъ Жуковскому; и друзья „уже придумали", его звали въ Петербургъ [1]). Въ письмахъ съ дороги въ Дерптъ онъ говоритъ о прошломъ годѣ, о положеніи, которое онъ отвоевалъ себѣ въ семьѣ, о желанномъ „вмѣстѣ", которое не сулитъ счастья, потому-что между нимъ и Протасовой такая „бездна недовѣрчивости". Такое положеніе ужасно и выйти изъ него нѣтъ силъ, ибо для него нѣтъ „отдѣльнаго счастья"; „лучше страдать и погибнуть вмѣстѣ". „Воейковъ вошелъ въ семью, а я изъ нея вышелъ"; Жуковскій по прежнему вѣритъ, что Воейковъ его любитъ, большая ему подпора. „Не имѣй о немъ дурныхъ мыслей", пишетъ онъ Тургеневу по поводу другого своего письма, гдѣ онъ говорилъ о Воейковѣ иное: оно было писано „въ дурную минуту"; „вотъ съ какими надеждами я ѣду въ Дерптъ" (къ Тургеневу 1815 г. 1 февраля).

Друзья заботятся о его положеніи въ Петербургѣ, о „чинахъ и карманѣ", но „мое мѣсто знаешь гдѣ, и все возможное счастіе тамъ-же", „этого счастья никто, никогда замѣнить не можетъ" (къ Тургеневу 1815 г. 4 февраля). И счастье снова представлялось ему такимъ, какимъ грезилось прежде, и снова

---

1) Письмо Тургенева, Русскій Архивъ 1864 г., стр. 448—52; сл. письмо Жуковскаго къ Тургеневу 25 генваря 1815 г. Москва.

онъ говорилъ о возможныхъ вліяніяхъ на Протасову (сл. письма къ Тургеневу отъ 1 и 4 февраля и 4 марта).

Жуковскій пріѣхалъ въ Дерптъ въ половинѣ марта, съ опредѣленной программой, въ которую напередъ вжился. Онъ пожертвовалъ своимъ счастьемъ для спокойствія своей Маши, но старое чувство еще вспыхивало. Дерптская жизнь многое измѣнила, ускоривъ развязку. На первыхъ порахъ все, казалось, обѣщало миръ и спокойствіе, если вѣрить замѣчаніямъ, набросаннымъ Воейковымъ на страницахъ „Делилевыхъ садовъ": „16-го марта [1]) пріѣхалъ Жуковскій"; „отъ 9-го февраля до 20-го марта былъ совершенно счастливъ Воейковъ" (слѣдуютъ за этимъ подписи: Ек. Аѳанасьевны, Воейкова, Саши и Маши) [2]). На самомъ дѣлѣ Воейковъ властвовалъ въ семьѣ, овладѣлъ Протасовой, преслѣдовалъ Машу, и та терпѣла ради сестры, страдавшей отъ нрава мужа. Еще до пріѣзда Жуковскаго Екатерина Аѳанасьевна подала генералу Красовскому надежду на руку Маши, не безъ вліянія Воейкова, какъ думалъ Жуковскій. У него явилась тогда рѣшимость выступить въ роли брата Протасовой, отца Маши. Это было-бы невозможно безъ ея поддержки, пишетъ онъ мѣсяца два спустя Кирѣевской (24 мая 1815 года). Бракъ ей очевидно навязывали.

На Воейкова роль Жуковскаго-отца произвела впечатлѣніе, но Жуковскаго она связала. Онъ начинаетъ понимать двоедушіе своего друга: онъ съ нимъ искрененъ „по своему обыкновенному прямодушію", а тотъ его слова пересказываетъ. Все это опредѣлило положеніе Жуковскаго въ семьѣ: какъ въ Муратовѣ онъ не могъ побесѣдовать съ Машей по сердцу, только переписывался, такъ и теперь. „А я готовъ былъ на жизнь добродѣтельную! писалъ онъ впослѣдствіи Кирѣевской (то-же письмо). Виноватъ-ли я, что меня лишили способовъ и бодрости исполнить то на дѣлѣ, что сказало мнѣ сердце въ лучшую минуту жизни! Такъ точно въ лучшую! Хотя въ эту минуту я отказывался отъ всего совершенно! Чтобы понять это слово „*отъ всего*" надобно вамъ знать, что я хотѣлъ не только перемѣнить свою привязанность къ Машѣ на другую, родственную, безкорыстную, но я былъ даже готовъ за-

---

1) Сл. письмо Жуковскаго къ Тургеневу изъ Крестецъ, середа 10-го марта: „я буду въ Дерптѣ, вѣроятно, въ субботу".

2) Сообщеніе А. Ѳ. Онѣгина.

ботиться о томъ, чтобы она могла наконецъ *другому повѣрить свое счастье* — и въ этой заботѣ было для меня что-то прелестное, не смотря на то, что въ иныя минуты и возвращалось въ душу уныніе! Я не давалъ ему воли, ждалъ шептуна, и шептунъ мой возвращался съ обыкновеннымъ своимъ лозунгомъ: *все въ жизни къ великому средство!* Чтожъ дѣлать! И это не удалось! Я уѣхалъ не объяснившись". Пусть его считаютъ несправедливымъ, неблагодарнымъ къ Воейкову — этого мнѣнія не перемѣнить; но съ Машей надо было разстаться. „Безъ меня она будетъ спокойнѣе. Никто не будетъ въ ея глазахъ мнѣ дѣлать оскорбительныхъ несправедливостей; а теперь и я, и она не избавлены отъ опасности нарушить обѣщанное: насъ бы довели непримѣтно до этого ужаснаго нарушенія, но обвинены были бы одни мы; тогда бы и послѣднее уваженіе къ себѣ Маши должно бы погибнуть".

Письмо это резюмируетъ цѣлый рядъ дерптскихъ испытаній. Не задолго до отъѣзда Жуковскій писалъ Машѣ изъ комнаты въ комнату (вѣроятно, въ мартѣ). „Расположеніе, въ какомъ я тебѣ пишу, увѣряетъ меня, что я не нарушаю своего слова тѣмъ, что къ тебѣ пишу. Надобно сказать все своему другу.... Маша моя (теперь моя болѣе, нежели когда нибудь), поняла ли ты то, что заставило меня *рѣшительно отъ тебя отказаться*"? Отказаться отъ своего счастія для ея спокойствія, жить съ ея семьей не для частнаго, а для общаго блага, быть ея *отцемъ.* Самосознаніе жертвы поднимало его, жизнь, освѣщенная этимъ чувствомъ, казалась ему прелестной. И вдругъ слова Протасовой: разстаться — ради репутаціи ея и дочери! Но это придирка! Зачѣмъ было вырывать его изъ деревни? „Тамъ можно было того-же бояться, чего и здѣсь; но въ Муратовѣ она рѣшилась возвратить меня, не смотря на то, что въ своихъ письмахъ я говорилъ совсѣмъ противное тому, что теперь говорю и чувствую. Нѣтъ! Эта причина несправедливая!" Здѣшнихъ толковъ бояться нечего, прежніе пропадутъ сами собой, да и самъ онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы все привести въ порядокъ. Въ своей жертвѣ онъ не раскаивается, но ею онъ хотѣлъ заплатить за счастье быть вмѣстѣ. Теперь для него жизнь безъ цѣны и прелести, вмѣсто „свободнаго труда—замѣны счастья", трудъ изъ за денегъ, ремесленничество, убивающее энтузіазмъ. Но „такъ и быть! *Все въ жизни къ прекрасному средство!* Но сердце ноетъ, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили".

Машѣ хотѣлось бы внести какой нибудь миръ въ эти отношенія, обѣлить въ глазахъ Жуковскаго даже Воейкова — ради сестры. Жуковскій рѣшился уѣхать. „Милый другъ, надобно сказать тебѣ, что нибудь въ *послѣдній разъ*", пишетъ онъ ей 29 марта 1815 г. У тебя много остается утѣшенія; у тебя есть добрый товарищъ: твоя смирная покорность Провидѣнію. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ. Что могу тебѣ сказать утѣшительнѣе того, что скажетъ тебѣ лучшая душа, какая только была на свѣтѣ, твой Фенелонъ, котораго ты понимать можешь? Я благодарю тебя за то, что ты его мнѣ вчера присылала. Теперь знаю, что у тебя есть неразлучный товарищъ, и такой, который всегда умѣетъ дать твердость, надежду и ясность". Онъ пришлетъ ей еще и Массильона; пусть это чтеніе напоминаетъ ей о человѣкѣ, который желалъ быть ей товарищемъ во всемъ добромъ, который обязанъ ей всѣмъ, что въ немъ есть лучшее, обязанъ и „самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою". Въ воспоминаніи о Машѣ будутъ заключены всѣ его „должности"; пропади оно, онъ все потеряетъ. Что въ жизни можетъ сдѣлаться ужаснаго — для него собственно? Обстоятельства — дѣло Провидѣнія; во всѣхъ обстоятельствахъ онъ будетъ такимъ-же, какъ теперь, достойнымъ Маши; „впрочемъ останемся беззаботны: *все въ жизни къ прекрасному средство*". Пусть помнитъ своего брата, своего истиннаго друга, который всегда будетъ стараться жить, какъ велитъ его привязанность къ ней, теперь болѣе нежели когда либо чистая и сильная. „О Воейковѣ скажу только одно слово. Мнѣ ему прощать нечего. Слѣпому человѣку нужно-ли прощать слѣпоту? Но какимъ-же убѣжденіемъ можно заставить себя вѣрить, что онъ зрячій? Человѣкъ, который имѣлъ полную власть осчастливить тебя и который не только этого не дѣлаетъ, но еще дѣлаетъ противное, можетъ-ли носить названіе человѣка? Этого простить нельзя. Даже трудно удержаться отъ ненависти. Я не могу и не хочу притворяться. Между имъ и мною ничего нѣтъ общаго. Ты мнѣ напомнишь: *все въ жизни къ великому средство!* Дай мнѣ способъ сдѣлать ему добро, и я сдѣлаю, но называть бѣлое чернымъ и чернымъ бѣлое и уважать и показывать уваженіе къ тому, что (нѣсколько словъ зачеркнуто) — въ этомъ нѣтъ величія: это притворство передъ собою и передъ другими.... Я бы желалъ, чтобы ты написала мнѣ побольше. — Это было написано по утру. *Маша,*

откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ!“

Объясненіе съ Машей было не послѣднимъ. 1-го апрѣля 1815 года Жуковскій извѣщалъ Тургенева, что собрался въ Петербургъ, но весь мѣсяцъ продолжается все та-же, постоянно осложнявшаяся душевная страда, и Жуковскій повѣряетъ ихъ своему дневнику, потому что съ Машей ему нельзя поговорить откровенно, запрещено и писать другъ другу, и если они переписываются тайкомъ, то нарушая обѣщаніе. Онъ погруженъ въ себя, въ одну и ту-же сферу мыслей, разбирается въ нихъ одинъ, повторяясь, возвращаясь, ободряя себя философіей своего Теона. Вопросъ такъ ясно было бы рѣшить—діалогически, но это невозможно; вмѣсто того монологъ, бесѣда съ собою, обильная, не умѣющая остановиться, потому что некому остановить, не съ кѣмъ потолковать.

Таковъ характеръ его записей въ „книгѣ“, „бѣлой книгѣ“, которой онъ повѣрялъ свое горе; отрывки изъ нея попадали въ дневникъ, который онъ велъ для Маши, въ письма къ ней. „Моя книга про меня знаетъ, и вотъ что я написалъ въ своей книгѣ“—и онъ цитуетъ въ дневникѣ 14-го апрѣля запись изъ своей книги 11-го того-же мѣсяца: онъ рѣшительно отказался отъ невозможнаго для него счастья и перемѣнилъ свое чувство къ Машѣ на „лучшее, безкорыстное, братское“, сберегая спокойствіе семьи и рѣшившись „твердо покориться судьбѣ, или лучше, своей должности“. Надо и Машу пріучить не любить его „какъ прежде“, а любить какъ родного, брата или отца, вырвавъ изъ своего счастія „все собственное, основанное на одномъ эгоизмѣ, все, что прежде было общаго (несовмѣстнаго съ нашимъ обѣщаніемъ)“. Въ чемъ-же будетъ состоять счастіе Маши? Жуковскій отвѣчаетъ на свой вопросъ: въ ея спокойствіи, въ согласіи съ матерью и семьею, въ увѣренности, что и онъ счастливъ настоящимъ, работой, дружбой, одобреніемъ сердца; наконецъ въ „свободѣ сердца“ и, „если такъ быть должно, еще и въ замужествѣ по сердцу, то есть, чтобы съ другимъ имѣть то, что надѣялась со мною“. И въ этомъ онъ желаетъ быть — участникомъ. „Та минута въ которую, для этой цѣли, я рѣшился пожертвовать собою, была восхитительна, но это чувство восхищенія часто пропадаетъ, и я прихожу въ уныніе. Что нужды! Не должно терять бодрости“!

Афоризмъ Теона толкуется теперь такъ: „*Самая трудность, самое страданіе есть средство къ прекрасному*“ [1]).

Здѣсь примыкаетъ апрѣльскій дневникъ Жуковскаго, назначенный для Маши [2]). Въ заголовкѣ четверостишіе:

Und trennen uns gleich Meer und Land,
Vereinigt uns doch Freundschaftsband,
Und fester knüpft nach *kurzer Zeit*
Es einst die Ewigkeit.

Подъ четверостишіемъ: „Дерптъ, апрѣля 14-го“, подъ нимъ нарисованъ столбъ съ прикрѣпленнымъ съ боку фонаремъ, отъ котораго идутъ лучи.

„Милый другъ, поняла-ли ты то чувство, которое меня рѣшило къ тебѣ написать: позволь мнѣ отъ тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы могъ сдѣлать тебя счастливою!“ Три письма 14, 15 и 16 апрѣля лихорадочно слѣдуютъ другъ за другомъ все на ту-же болевую тему. Оказывается, Маша многаго не поняла. Жуковскій героически рѣшился не только перевоспитать свое чувство въ братское, но перевоспитать въ этомъ смыслѣ и Машу. Задача трудная, требовавшая взаимной поддержки, а ихъ раздѣляли, не позволяли ходить вмѣстѣ въ церковь, и Жуковскій считаетъ „хорошимъ знакомъ“, что горшокъ цвѣтовъ, принесенный имъ Машѣ, не былъ принятъ въ дурную сторону. Каждый думалъ свою думу про себя, и они стѣснялись въ присутствіи другъ друга: она уходила, чтобы давать ему „грустныя минуты съ маменькой“, онъ старался представляться спокойно равнодушнымъ, и ей казалось, что онъ „все забылъ“, что она ему „въ тягость“. Тутъ вмѣшался Воейковъ. Мы знаемъ, что Жуковскій рѣшился на крайній подвигъ самоотреченія, готовъ устроить счастье Маши — съ другимъ, безъ насилія съ чьей-бы то ни было стороны. Объ этомъ онъ написалъ что-то въ альбомъ Воейкова, а тотъ отвѣтилъ ему стихами въ его альбомъ — на тему „что надобно исправиться, рѣшиться на перемѣну образа чувствовать“. Въ присутствіи Екатерины Аѳанасьевны Жуковскій побранилъ

1) Тотъ-же отрывокъ записи 11 апрѣля цитуетъ Жуковскій и въ письмѣ къ Машѣ 25 декабря 1815 года, но подъ 12-мъ апрѣля.

2) Изъ тетрадокъ-дневниковъ, принадлежащихъ А. Ѳ. Онѣгину. Сл. выше стр. 163, прим. 3.

Воейкова за эти стихи, въ которыхъ онъ хвалился своею къ нему дружбою, гладящей „противъ шерсти", лишь бы сказать правду. Когда-же говорилъ онъ ему такую правду? А третьяго дня, отвѣчалъ Воейковъ,— какъ разъ „тотъ день, въ который я написалъ ему въ альбомѣ. Черта негодная!" И Жуковскій напоминаетъ Машѣ, какъ Воейковъ ее „такъ нѣжно утѣшалъ, говоря, что я не хочу тебя любить, а хочу только поскорѣе выдать замужъ — и ты даже считала нужнымъ, въ угожденіе мнѣ, кинуться первому на шею!" Вся душа готова была у него вспыхнуть при воспоминаніи о Красовскомъ. „Я никогда не говорилъ Воейкову, что *ты* мнѣ говорила о Красовскомъ — онъ солгалъ, онъ поступалъ съ тобою, какъ полиціймейстеръ съ колодникомъ".

Надо ѣхать; все кругомъ ведетъ къ тому, чтобы ослабить наши чистыя намѣренія, „какъ же за себя ручаться? Послѣ такого рѣшительнаго обѣщанія измѣнить себѣ не будетъ-ли ужаснымъ несчастіемъ, которое отравитъ всякую минуту жизни! Одинъ дурной шагъ — и прости спокойствіе! Излишней на себя надежды имѣть не должно и въ хорошихъ обстоятельствахъ.... Прежде мы иное себѣ позволяли, потому что не давали слова перемѣнить свои чувства, а теперь, обѣщавъ это, и въ самомъ сердцѣ должны согласоваться съ обѣщаннымъ".

Письмо кончается просьбой все это переписать въ „прежнюю голубую книжку", „то есть страница твоя, страница моя. Себѣ не такъ вѣрю, какъ тебѣ. А то, что скажешь мнѣ, то будетъ свято: я буду тогда твердъ и все исполню.... Вотъ тебѣ и тетрадка, въ которую переписать. — Назначить правила обхожденія съ каждымъ, особенно, съ маменькой, Воейковымъ, тобою — и собою".

Маша откликнулась. „Милая моя волшебница! Прочитавъ то, что ты мнѣ написала, я сталъ веселъ, бодръ, горя и слѣда нѣтъ, писалъ онъ въ дневникѣ 28-го апрѣля [1]). Между тѣмъ мы съ тобою растаемся! Что будетъ впередъ, неизвѣстно, но намъ теперь до *будетъ* дѣла нѣтъ: настоящее и прошедшее —

1) Между письмами къ Машѣ 16 и 28 апрѣля хронологически помѣщается выдержка изъ бѣлой книги подъ 22-мъ апрѣля, включенная въ письмо къ Машѣ отъ 25 декабря: „не должно оставаться въ Дерптѣ" и т. д. Жуковскій говоритъ о своемъ обѣщаніи „помочь выдать Машу замужъ", только боится стать рабомъ своего обѣщанія: его совѣты и противорѣчія будутъ перетолкованы, не сдержатъ слова, его же обвинятъ.

вотъ наше. А оно у насъ есть и, право, самое богатое“. Какъ прежде Маша, такъ онъ теперь готовъ пожалѣть о *тѣхъ*, которые имъ вредятъ или вредили; они несчастнѣе ихъ. „Я говорю *тѣ*; нѣтъ, это несправедливо: *тотъ*“. Письмо Маши помирило его съ маменькой. „Я опять чувствую къ ней нѣжную благодарность — она за тебя заступилась. Мой отъѣздъ свяжетъ это крѣпкими узлами, и она будетъ самымъ усерднымъ твоимъ защитникомъ.... Прочитавъ твое письмо, я сошелъ внизъ и отъ души пожалъ ей руку: она несчастна“! Теперь Машѣ легко быть съ ней искренней; удалившись, онъ самъ станетъ дороже Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ, и она отдастъ имъ должную справедливость. „Мысль, что она тебя защищаетъ, даетъ мнѣ большое спокойствіе, привязываетъ меня къ ней, и въ эти два остальныя дня, которыя пробуду я съ вами, мнѣ будетъ легко ее любить“. „Наше прекрасное для насъ теперь въ разлукѣ“, утѣшаетъ онъ Машу: она намъ все возвратитъ, и спокойствіе, и свободу чувства, желаніе прекраснаго, энтузіазмъ, довѣренность другъ къ другу и къ себѣ самимъ; вмѣстѣ намъ не дадутъ воспользоваться нашимъ средствомъ къ прекрасному, „оторвутъ руки, если мы ихъ къ нему протянемъ“.

Жуковскій вспомнилъ, какъ въ дневникѣ 28-го іюня 1814 года [1]) онъ опредѣлялъ „удовольствіе воспоминанія“, и привязываетъ къ нему то, что мы могли-бы назвать, вмѣстѣ съ нимъ, „философіей фонаря“. Онъ записалъ ее гдѣ-нибудь въ своей „бѣлой книгѣ“, вноситъ ее теперь въ письмо къ Машѣ, два дня спустя (30-го апрѣля) въ альбомъ Воейковой; и позже онъ воспользуется, въ цѣляхъ поученія, тѣмъ-же текстомъ.

„Я *когда-то написалъ:* счастіе не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, слѣдующихъ просто одно за другимъ, но изъ удовольствій съ воспоминаніемъ. Эти удовольстія сравнилъ я съ фонарями, зажженными на улицѣ ночью — между ними есть пустые промежутки, но эти промежутки освѣщены, и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастіе тоже. Удовольствіе — фонарь, зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе свѣтъ, а счастіе — рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всѣ сливаются въ одно общее, тихое, ясное чувство, и которыя всю жизнь озаряютъ. Чѣмъ чаще фонари, тѣмъ свѣтлѣе дорога. Я сказалъ: надежда лишнее! Лучше сказать:

---

1) Сл. выше стр. 170.

надежда пустое, вредное слово. Это слово имѣетъ прелесть для одной неопытности, для которой эта прелесть заключена въ непониманіи этого слова. Что такое надежда? Ожиданіе чего-то въ будущемъ, всегда неясное, часто безпокойное. Часто и всякое такое ожиданіе болѣе вредно, нежели полезно: оно всегда уничтожаетъ настоящее: если весело, то дѣлаетъ къ настоящему по крайней мѣрѣ равнодушнымъ, если печально, то его отравляетъ. Позабудемъ о будущемъ, чтобы жить, какъ должно. Милый другъ, пользуйся настоящею минутою, ибо она только есть средство, и самое вѣрное, къ прекрасному. Зажги *свой* фонарь, не заботясь ни мало объ тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ. Въ свое время ты оглянешься, и за тобою будетъ прекрасная, свѣтлая дорога; между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не *надежду*, а *Провидѣніе*. Переходя отъ одной хорошей минуты къ другой, нечувствительно дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее. Объ этомъ будущемъ можно думать безъ сомнѣнія — оно не мѣшаетъ жизни, но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ всего прекраснаго. Что въ немъ? Приходитъ-ли оно когда-нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что-же ему вѣрить и объ немъ заботиться? А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ.—Il ne faut pas s'avancer dans la vie en detournant, la tête, mais il ne faut pas du tout attacher ses yeux sur un lointain incertain! Tout cela empêche de voir autour de soi. Надобно имѣть въ прошедшемъ вѣрнаго, добраго товарища настоящему *Для сердца прошедшее вѣчно*.... Повѣрь, что мнѣ всегда будетъ хорошо въ Петербургѣ, въ Долбинѣ, въ тюрьмѣ — только не здѣсь". Петербургской жизни бояться нечего—тамъ настоящіе мои друзья, есть люди, имѣющіе обо мнѣ хорошее мнѣніе, надо только поддержать его. „Я не буду искать многаго, слѣдовательно и труднаго писанія не будетъ. А Тургеневъ? Нѣтъ, не бойся ничего. Я буду работать съ энтузіазмомъ.... Гдѣ бы я ни былъ, у меня будетъ хорошее настоящее.... Хорошее— не значитъ счастливое, значитъ болѣе—доброе. Тоже и для тебя!... Одно только условіе: не дай собой пожертвовать!

„Видишь-ли, мы можемъ доказать другъ другу, какъ геометрическую задачу, что для насъ разлуки нѣтъ!... Разлука — условіе соединенія! Одинакая здѣшняя жизнь — приготовленіе къ одинакой вѣчности! Ничто не пропало! Все лучшее наше! Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ свѣтъ Божій, вездѣ настоящее наше

и можетъ быть прекрасно. Можно даже иногда подумать, что и то будущее началось для насъ здѣсь: разница между той и здѣшней жизнію только въ томъ, что здѣсь могутъ быть горы и лѣса между нами, а тамъ нѣтъ этого непроницаемаго пространства. Все остальное для насъ и здѣсь то-же, какъ и тамъ! Что-же унывать! Жизнь прекрасна! Прости"!

Въ Петербургѣ онъ попалъ въ „кипящій свѣтъ"; много старыхъ и новыхъ знакомствъ, много для него на свѣтѣ „прекраснаго и безъ всякой надежды", пишетъ онъ Кирѣевской (12 мая 1815 г.), которой разсказываетъ въ другомъ письмѣ (24 мая) [1]) объ обстоятельствахъ, принудившихъ его покинуть Дерптъ. Въ Петербургѣ „имѣютъ обо мнѣ, какъ бы сказать, большое мнѣніе"; онъ представился Императрицѣ и великимъ князьямъ, но о будущемъ старается не думать. „Для меня въ жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — *зажигать свой фонарь*, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ". Его тянетъ на родину, въ семью, въ Долбино.

Вѣроятно въ Дерптѣ и въ эту пору Петербургской жизни Жуковскій принялся было за переводъ Dräseke, Glaube, Liebe, Hoffnung (Lüneburg 1814). Это для него характерно; переводъ начатъ на бумагѣ, приплетенной къ брошюрѣ. На лицевой сторонѣ книжки четверостишіе (Нач. Мой другъ безцѣнный, будь спокойна), подписанное: мая 12, 1815 г.; зачерченъ — силуэтъ Маши [2]).

---

1) Сл. выше стр. 190—1.

2) Книга эта находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина вмѣстѣ съ другими, принадлежавшими Жуковскому, который оставилъ въ нихъ свои замѣтки, слѣды впечатлѣній, нерѣдко имѣющихъ біографическое значеніе. Укажу на экземпляръ Новой Элоизы, къ которой Жуковскій отнесется отрицательно (сл. письмо къ И. И. Козлову 27 генваря / 8 февраля 1833 г.), на La Russie et les Russes Н. Тургенева, на Hume, Essai philosophique съ поправками по англійскому тексту. — Другой экземпляръ книги Дрезеке перешелъ отъ П. И. Полетики въ библіотеку графа В. П. Завадовскаго и позже къ В. В. Голубцову; на внутренней сторонѣ доски переплета этой книги наклеены два листка бумаги, одинъ надъ другимъ; на верхнемъ написано: „Очарованному Челноку отъ двухъ Свѣтланъ, Арзамасской и настоящей 1823 г., 18 декабря. С.-Петербургъ". Очарованный челнокъ было арзамасское прозвище Полетики, Свѣтлана — Жуковскаго, настоящая Свѣтлана—Воейкова. На нижнемъ листкѣ рукою Жуковскаго написано: „Вотъ тебѣ вѣра, надежда и любовь, прими ихъ изъ рукъ Свѣтланы, и пускай онѣ сопутствуютъ повсюду Очарованному Челноку". Сл. Русская Старина 1883 г., сентябрь, стр. 626.

26 іюня 1815 г. у Воейкова родилась дочь; этимъ днемъ помѣчено стихотвореніе Жуковскаго, посвященное его крестницѣ, Е. А. Воейковой, и онъ снова въ Дерптѣ. „Я получилъ два твоихъ письмеца, милой другъ, пишетъ онъ 19 іюля 1815 г. Тургеневу. Коротко, да прекрасно. Мнѣ кажется, что ты все сказалъ мнѣ (что могъ сказать) въ этихъ двухъ словахъ. Ей (Машѣ) и тебѣ скажу одно:

How dear the dream: in darkest hours of ill
Could all be changed, to find thee faithfull till.

По это вовсе не dream, не сонъ, толкуетъ Жуковскій, примѣняя стихи къ вѣрной дружбѣ Тургенева; о своихъ личныхъ дѣлахъ онъ пока не пишетъ: какой-то туманъ виситъ у него на умѣ и на сердцѣ. Въ припискѣ къ письму Уварова отъ 29-го іюля, Тургеневъ вызывалъ Жуковскаго въ Петербургъ, чтобы исполнить желаніе Императрицы, „но если жертва, которую ты долженъ принести нетерпѣнію Государыни, дорого тебѣ будетъ стоить, то не приноси этой жертвы; лови день тамъ, гдѣ твое солнце“ 1). „Что ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ солнцѣ? отвѣчаетъ ему Жуковскій (1 или 2 августа). Развѣ я поѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Уѣхать отсюда не будетъ для меня жертвою; напротивъ, здѣсь остаться было-бы жертвою, жертвою всего, что мнѣ дорого, лучшихъ своихъ чувствъ. Не говорю уже о надеждахъ, ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны“.

Письма къ Кирѣевской отъ 30 іюля и 2 августа характеризуютъ ту обстановку, изъ которой бѣжалъ Жуковскій. „Вспомните, *что* я обѣщалъ и *что* заставило меня сдѣлать обѣщаніе и что я надѣялся получить за него. Обѣщаніе это помнятъ; побудительной причины никто, кромѣ меня и Маши, здѣсь не знаютъ; а ласкою думаютъ все сдѣлать. Но при этой ласкѣ положеніе то-же; однѣ только формы перемѣнились“; съ Машей

1) Русскій Архивъ 1871 г., стр. 0165.

онъ по прежнему розно, сидитъ въ своей горницѣ за работой, съ семьей видится только за обѣдомъ и чаемъ. Эта внѣшняя ласка его бѣситъ. „Здѣсь всякій день записываютъ то, что дѣлается; и я пишу въ числѣ прочихъ. Вотъ что написала тетушка въ одномъ мѣстѣ: „Доброй мой, несравненно драгоцѣнной мой Жуковскій опять даетъ мнѣ надежду на прежнюю дружбу, опять вселяется въ мое сердце спокойствіе и увѣренность на ангельскія связи на землѣ". Гдѣ же эти ангельскія связи на дѣлѣ? спрашиваетъ Жуковскій; онъ знаетъ, что у Протасовой есть къ нему дружба, но ея дѣйствіе ничтожно, а надежды онъ никогда не отымалъ. Надо уѣхать, вдали отъ Маши онъ будетъ ближе къ ней, чѣмъ здѣсь; лишь бы независимость, онъ полетѣлъ бы къ роднымъ въ деревню; тамъ поживетъ у него многое, что въ короткое время петербургской жизни успѣло завянуть; тѣ grands projets, которые строятъ для него пріятели, не готовятъ-ли ему неволи? Жуковскій раскрываетъ письмо для оговорки: онъ напрасно обвинялъ Протасову, желалъ невозможнаго; вина въ обстоятельствахъ, не въ ней; „она такъ же достойна сожалѣнія, какъ и я".

„На свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастья", повторяетъ онъ свою любимую фразу въ письмѣ къ Тургеневу (4 августа), т. е. безъ счастья съ Машей. Есть счастье другое: „*Душа* добродѣтельная наслаждается, т. е. любитъ съ чистотою и безкорыстіемъ; душа просвѣщенная судитъ себя и все, что ее окружаетъ; истина даетъ прочность наслажденію, великія мысли совершенствуютъ великія чувства! Произведеніе всего этого есть *счастіе*. Помнишь-ли, что говоритъ Миллеръ? Lesen ist nichts, lesen und denken Etwas, lesen, denken und fühlen — die Vollkommenheit. На мѣсто lesen поставь leben". Жить и чувствовать.

14 августа на праздникѣ дерптскихъ студентовъ профессоръ Эверсъ побратался съ Жуковскимъ, и онъ въ восторгѣ, поцѣловалъ „братскую руку" идеальнаго старца, который „съ нѣжностью" его „благословилъ".

О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ;
Когда твоя рука мнѣ руку сжала,
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала.

Жуковскій всюду открывалъ друзей, такъ и теперь на студенческомъ фуксъ-коммершѣ студента Зейдлица, впослѣдствіи

его пріятеля и восторженнаго біографа. На другой день послѣ праздника въ прогулкѣ загородомъ при заходѣ солнца онъ вспомнилъ „о небомъ данномъ братѣ". „Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захожденіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Я написалъ стихи къ „Старцу Эверсу"…. они должны быть дерптскія повторенія моего Эсхина и Теона. Въ обоихъ много для меня добра" [1]). Программа жизни, въ сущности, одна и та-же, тамъ и здѣсь:

„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному текущее мгновенье,
Грядущее — безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то ясно будетъ тамъ;
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ;
Что было здѣсь для добраго утрата,
То жизнь ему другая возвратитъ!"
Вотъ правила для Эверсова брата.

„Человѣкъ не долженъ быть несчастливъ, если только онъ можетъ быть добрымъ" писалъ Жуковскій своему „двадцатилѣтнему Эверсу"—Машѣ: „Эверсъ одинъ на свѣтѣ и бѣденъ;… Вспомни Эверса и скажешь себѣ, что бѣдности нѣтъ на свѣтѣ" (15 апрѣля 1815 г.).

Жуковскаго по прежнему манила уединенная, занятая жизнь, слѣдственно не петербургская и не дерптская [2]). Въ Петербургъ онъ уѣхалъ 24-го августа, едва ли такъ прочно утвердившись въ своемъ новомъ пониманіи счастья, какъ онъ увѣрялъ себя. Въ письмѣ къ Кирѣевской, въ которомъ онъ вспоминалъ о своемъ братаньи съ Эверсомъ (16 сентября 1815 г.), онъ знакомитъ ее съ впечатлѣніями Петербурга: его

1) Изъ письма къ Кирѣевской 16 сентября 1815 г. изъ Петербурга; Сл. Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи, примѣчаніе 43. Стихи „Старцу Эверсу" написаны дня за *два* до отъѣзда Жуковскаго (то-же письмо), но о нихъ говорится уже въ письмѣ къ А. Тургеневу, которое издатель отнесъ къ половинѣ августа.

2) Письмо къ Тургеневу, вторая половина августа 1815 г.

бросаетъ „изъ мертваго холода въ убійственный огонь, изъ равнодушія въ досаду", но были и пріятныя минуты тамъ, гдѣ онъ ихъ не ожидалъ: во дворцѣ царицы, гдѣ читали его баллады, Пѣвца и Посланіе. Онъ тронутъ вниманіемъ, добродушной лаской, далекъ отъ суетнаго честолюбія, но благодарность навсегда останется въ его душѣ; „можно безъ всякаго безпокойства предаваться простому, чистому чувству". Въ Дерптъ онъ не вернется, быть рабомъ и, что еще хуже, сносить молча рабство Маши — такая жизнь хуже смерти". Онъ такъ недавно разсуждалъ о вредной прелести надежды — и снова толкуетъ съ Протасовымъ и Нелединскимъ о степеняхъ своего родства съ Машей: Протасовъ не нашелъ въ нихъ препятствія къ браку, и, по просьбѣ Жуковскаго, написалъ объ этомъ сестрѣ [1].

Къ тому же времени относится, судя по указанію на письмо Батюшкова [2]) и слѣдующее, адресованное Кирѣевской: „здѣшняя жизнь мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь.... *И воображеніе поблѣднѣло* — такъ пишетъ ко мнѣ и Батюшковъ. *Поэзія отворотилась.* Не знаю, когда она опять на меня взглянетъ.... О Дерптѣ вамъ не хочу писать ни слова. Лучше говорить, нежели писать. Но когда же удастся говорить? Авось!... все еще авось!" Онъ любитъ теперь „поэзію, какъ милаго человѣка въ отсутствіи, о которомъ безпрестанно думаешь, къ которому безпрестанно хочется, и котораго все нѣтъ, какъ нѣтъ"; живетъ уединенно, неспособенъ заниматься, какая-то жестокая сухость, ужасная охладѣлость ко всему залетѣла въ его душу, жизнь давитъ и душитъ. Добраго настоящаго у него здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, занятій нѣтъ, а „непріятное, неоживленное никакою привязанностію разсѣяніе самымъ тяжелымъ образомъ отвлекаетъ насъ отъ всякаго воспоминанія". Не будь окружающаго его „морознаго" настоящаго, многое изъ стараго могло бы возвратиться; „я говорю многое, всего не хочу". Такое настоящее, посвященное „прекрасному дѣлу мысли, чувству", онъ нашелъ бы у своихъ; тамъ и надежда на будущее не будетъ безпокоить: надо только представить себѣ „такое будущее, которое вѣрно, т. е. не здѣшнее; будемъ думать о немъ, какъ о добромъ другѣ, съ которымъ увидимся непремѣнно, но когда и гдѣ — неиз-

1) Сл. письмо Жуковскаго къ М. А. Протасовой 28 ноября 1815 г.

2) „Августъ, числа не знаю 1815 г.", изъ Каменца. Сл. соч. Батюшкова II, 345.

вѣстно". Въ иныя минуты духъ Божій налетитъ на него, онъ чувствуетъ себя на вершинѣ горы и только что готовъ закричать: Вотъ Кашмиръ! какъ все становится темно по старому. „По крайней мѣрѣ я рѣдко позволяю себѣ грѣшить мыслями. Если чувство молчитъ, то по крайней мѣрѣ мысль холоднымъ языкомъ своимъ повторяетъ по складамъ то, что иногда прекрасное чувство представляетъ въ блестящей, очарованной картинѣ. Иначе оно и быть не должно. И прекрасныя чувства, *какъ фонари*, и между ними должны быть промежутки. Пускай же эти промежутки наполняетъ разсудокъ" [1]).

„О себѣ скажу вамъ, что я до сихъ поръ все ѣздилъ изъ Дерпта сюда, отсюда въ Дерптъ", писалъ онъ Прокоповичу Антонскому изъ Петербурга 15 октября 1815 года; а въ другомъ письмѣ: „Вы ждете отъ меня посланія. Дайте мнѣ уѣхать въ свою сторону — оттуда буду писать посланіе съ вольнымъ духомъ. Здѣсь какъ-то муза моя оледенѣла. Давно нѣтъ отъ нея никакого слуха. Молчитъ весьма упрямо. Посылаю вамъ единственный плодъ ея, стихи, сдѣланные по заказу, хоть пѣтые на праздникѣ Семеновскаго полка и написанные по просьбѣ офицеровъ. Писать было пріятно, но написанное худо, потому что не было времени. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ" [2]).

Письмо Протасова было послѣдней попыткой Жуковскаго устроить то, отъ чего онъ видимо отказался и чего по прежнему вожделѣлъ. Очень вѣроятно, что именно это письмо и произвело въ семьѣ Протасовыхъ и Воейковыхъ переполохъ, побудившій Машу къ рѣшенію, глубоко поразившему Жуковскаго.

Профессоръ Мойеръ, котораго онъ зналъ за человѣка честнаго, съ прелестной душей, уже сватался однажды за Машу, но ему было отказано; теперь Маша писала Жуковскому, какъ отцу, отъ котораго она ждетъ своего счастья и спокойствія: она хочетъ выйти за Мойера, знаетъ его благородный и возвышенный образъ мыслей, съ нимъ она найдетъ покой. Она понимаетъ, чѣмъ жертвуетъ, но что и пріобрѣтетъ: потеряетъ свободу только по виду, но пріобрѣтетъ право не скрывать святой, нѣжной дружбы къ Жуковскому; она всего ждетъ отъ времени, а маменькѣ подаритъ двухъ друзей. Жуковскій

1) Русскій Архивъ 1864 г. вып. 4 стр. 458 сл.
2) Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 137—8.

будетъ ей утѣшителемъ, другомъ, братомъ, онъ будетъ жить съ матерью и Сашей, „этими двумя ангелами"; и Воейковъ станетъ „лучше и добродѣтельнѣе". Это повліяетъ на счастье Саши. Воейкову она ничего еще не говорила о своемъ рѣшеніи, знаетъ, что у Жуковскаго есть причины на него жаловаться, но пусть проститъ ему и отплатитъ добромъ ради сестры; она даже проситъ его похлопотать о Воейковѣ въ Петербургѣ, куда тотъ скоро явится, помирить его съ Кавелинымъ (8 ноября 1815 г.). Съ Воейковымъ она говорила, сообщается въ короткой записочкѣ отъ 22-го ноября: онъ недоволенъ, боится, что Жуковскій вообразитъ его причиною всему; не думай этого: „я, одна я рѣшилась". Ек. Аѳ. Протасова съ своей стороны просила Жуковскаго отвѣтить поскорѣе: „Сердце мое раздирается, когда я о тебѣ думаю, но я знаю твое благоразуміе. Другъ мой, напиши ко мнѣ все, что у тебя на душѣ; я увѣрена, что ты способствовать будешь счастію тѣхъ, кто тебѣ такъ дороги, и для кого ты безцѣненъ" (25-го ноября 1815 г.).

Отвѣчая Машѣ, Жуковскій пытается серіезно сыграть роль отца, не эгоистически взвѣшивающаго рѣшеніе дочери. Онъ не вѣритъ, чтобы это рѣшеніе было свободно: ее побудила къ тому тяжелая семейная обстановка, упреки, грубости Воейкова; отъ нея требуютъ жертвы, которую приносятъ подъ видомъ счастья, потому что опасаются его, Жуковскаго. Эта мысль отравитъ всю его жизнь. Не Маша ли клялась ему передъ Богомъ, что выйдетъ замужъ по свободному выбору, не по приказанію? Они такъ недавно разстались, онъ и маменька знаютъ „расположеніе" ея сердца — а тутъ бракъ съ Мойеромъ, стало быть, разлука съ семьей! Не она ли говорила, что для нея не надо другого счастья, кромѣ свободы, неразлучности съ маменькой и свободы въ семьѣ? Бракъ съ Моейромъ ей навязываютъ, въ него тащутъ насильно; Мойеръ прекрасный человѣкъ, Жуковскій любитъ его и уважаетъ, онъ способенъ дать Машѣ счастье, но она его почти не знаетъ, надо къ нему привыкнуть, присмотрѣться, „привязаться къ нему сердцемъ"; „годъ можетъ все *заставить забыть*" — и онъ, Жуковскій, будетъ радъ. „*Дѣло идетъ не о страсти — ты ее никогда не имѣла и не дай Богъ имѣть!* Что маменька ни говорила и ни писала обо мнѣ, но *я никогда не имѣлъ ее;* но за то имѣлъ нѣчто лучшее: увѣренность въ своемъ счастіи, привязанность совершенную, привычку думать объ

одномъ и все къ одному относить. Милый другъ, *это не страсть*" (27 ноября 1815 г.).

Онъ видѣлся съ Воейковымъ, и тотъ подтвердилъ къ его изумленію, будто, выйдя замужъ, Маша надѣется подарить матери двухъ друзей; „пожертвовавъ собою, не думай изъ меня сдѣлать ей друга — этимъ не заманишь меня въ ея семью", пишетъ онъ на другой день (28 ноября). Воейковъ разсказалъ ему въ Петербургѣ, что мать требуетъ ея замужества, а Маша готова пожертвовать собой для общаго счастья, между прочимъ для того, чтобы Жуковскій могъ жить съ ними (къ М. А. Протасовой 25 декабря 1815 г.).

Все это усилило его подозрѣнія; онъ не противился браку, просилъ только повременить; его письма къ Ек. Аѳ. Протасовой повидимому рѣзкія, не сохранились [1]). Отъ письма Маши къ нему (6 декабря 1815 г.) дошли отрывки не всегда согласные между собой, потому, быть можетъ, что, цитуя, Жуковскій не всегда заглядывалъ въ текстъ: онъ послалъ копію этого письма къ Кирѣевской, перемежая его своими возраженіями, и самъ комментировалъ его въ своемъ отвѣтѣ Машѣ (25 декабря). Маша писала ему, что обстоятельства побудили ее заговорить съ матерью о бракѣ, чтобы имѣть въ Моейрѣ друга и покровителя. „Ты упрекаешь меня, что я забываю себя для другихъ. Увѣряю тебя, что въ этомъ случаѣ я думаю только о себѣ. У меня *нѣтъ страсти къ Мойеру*, но уваженіе, довѣренность, дружба, которую я къ нему питаю, достаточны для того, чтобы сдѣлать насъ счастливыми.... Я воображала найти спокойствіе, перестать быть въ тягость однимъ, перестать быть вѣчною причиною слезъ другихъ, и все это безъ того, чтобы отказаться отъ нихъ навѣчно". Мойеръ обѣщалъ ей не разлучать ее со своими: „это одно изъ невозможныхъ идеальныхъ блаженствъ"; они будутъ жить не въ одномъ домѣ. Ни маменька, ни Воейковъ не полагали для ея брака никакихъ сроковъ; можетъ быть, его и отложатъ, можетъ онъ состоится и ранѣе, все зависитъ отъ обстоятельствъ; она ничего не хочетъ обѣщать, на это у нея важныя причины, у ней одной. Она напередъ была увѣрена, что Воейковъ будетъ противъ брака не потому, что боялся бы для нея несчастья, а потому что родные и знакомые могутъ за-

1) Сл. отвѣтное письмо Ек. Аѳ. Протасовой 6 декабря 1815 г. и отвѣтъ Жуковскаго 11 декабря 1815 г.

ключить дурно о немъ. Онъ обѣщаетъ мнѣ спокойную жизнь, говоритъ, что я бѣгу отъ его бѣшенства; онъ говоритъ неискренно. Она не понимаетъ, какъ можетъ Жуковскій такъ мѣнять свои взгляды: не онъ ли, видя ея прежнюю жизнь, совѣтовалъ ей выйти замужъ? И это за три дня до его отъѣзда? Я иду замужъ не для того, чтобы бѣжать отъ Воейкова, а точно для того, что люблю Мойера. Я не могу страдать за всѣхъ и видѣть себя всему причиною; она готова упрекнуть себя даже за свадьбу Саши, это она ее сдѣлала [1]). Никто не принуждаетъ ее идти за Мойера, она желаетъ этого сама, хотя надежды ему никогда не давала; отсрочка свадьбы ничто въ ней не перемѣнитъ, и Жуковскій ошибается, думая, что она обманываетъ Мойера и сдѣлаетъ изъ него *„еще несчастнаго человѣка"*. Мойеръ узнаетъ отъ нея, что́ она можетъ дать ему, а ея чувства къ Жуковскому такъ невинны, что она готова объявить ихъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Пока ей запрещено было показывать ихъ, теперь иное дѣло: она увѣрена, что Мойеръ позволилъ бы ей любить Жуковскаго, какъ брата, какъ она и теперь его любитъ. Она будетъ счастлива, завися отъ человѣка, котораго уважаетъ, которому хоть немного дорога; онъ дастъ ей тихую, независимую жизнь, она посвятитъ ее ему, а Саша перестанетъ имѣть огорченія, страдать изъ за нея, изъ за обращенія съ нею Воейкова. Воейковъ хочетъ казаться увѣреннымъ, что Машей пожертвовали, и вмѣстѣ боится, какъ бы не обвинили его — и Маша проситъ Жуковскаго написать ему, что обвинять его никто не станетъ, что самъ Жуковскій желаетъ ея счастья. А за счастье порукой „прелестная душа Мойера"; на согласіе Жуковскаго она надѣется; „ради Бога не заставь меня раскаиваться въ томъ, что я люблю тебя, какъ брата".

Жуковскій привязывается къ каждому слову письма, не вѣритъ ему и, вживаясь въ новое положеніе, которое самъ приготовилъ и которое застало его врасплохъ, отстаиваетъ только право своего чувства и—чувства Маши? Въ замѣткахъ для Кирѣевской, которыми онъ сопровождалъ письмо Маши, постоянно встрѣчаются выраженія: „можно ли совершенно забыть прошедшее? Можно ли повѣрить, что она вдругъ могла забыть его?" „Можно ли вообразить, что сердце ея вдругъ и совершенно успокоилось?" Онъ не вѣритъ внезапной привязан-

---

1) Сл. выше стр. 147.

ности къ Мойеру; „я еще не потерялъ ни памяти, ни чувства! Или все прошедшее надобно считать за обманъ и призракъ?“ Что несчастнѣе супружества „противъ воли, *съ тайнымъ чувствомъ къ другому*, съ необходимостью скрываться?“; Можетъ ли онъ „этого не бояться, помня прошедшее?“ Онъ и прежде готовъ былъ уступить счастье Маши другому и въ письмѣ къ ней не отрицаетъ, что совѣтовалъ ей выйти замужъ; но этотъ совѣтъ вырвался у него въ минуту огорченія. Одно мѣсто въ этомъ письмѣ особенно характерно. Маша писала ему, говоря о своемъ замужествѣ съ Мойеромъ, что она „всего ждетъ отъ времени“. Для кого? спрашиваетъ Жуковскій: для себя, чтобы полюбить Мойера, или для него, чтобы онъ могъ успокоиться? Будь же искренна: прежде, когда мы были привязаны другъ къ другу одинаково, тебѣ толковали безпрестанно, что такая привязанность недозволена, и ты могла „перемѣнить не только твой образъ мыслей, но и самое твое чувство“. Я не перемѣнился; „можетъ быть, ты боялась показать мнѣ твою собственную перемѣну! Ты щадила меня и хотѣла избавить отъ новаго несчастья! Милая, ты ошибалась!.... Если моя привязанность къ тебѣ казалась тебѣ заблужденіемъ, если для тебя же самой этого заблужденія не было, для чего не говорила ты мнѣ ясно и рѣшительно? Вотъ еще несчастіе, котораго причиною было то принужденіе, въ какомъ я и ты жили въ одномъ домѣ. Никто такъ убѣдительно, какъ ты, не могъ мнѣ доказать моей обязанности и такъ совершенно перемѣнить моего сердца. Такое открытіе не прибавило бы къ моему несчастію, но только указало бы мнѣ мою должность. Можетъ быть, въ первыя минуты сердце бы взволновалось, но оно бы скоро, скоро съ тобой согласилось! Я въ этомъ увѣренъ! Увѣренъ по тому чувству, которое нахожу теперь въ себѣ“. Онъ проситъ ее быть съ нимъ искренней; неужели она могла думать, что онъ захочетъ сохранить чувство, которое бы сдѣлало ее несчастной, питать его? *„Я только думалъ, что оно въ тебѣ было. Оно и было, но прежде!“*

Это объясняетъ крикъ сердца, которымъ кончается его письмо къ Машѣ при отъѣздѣ изъ Дерпта: „Маша, откликнись!.... Открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, я все потерялъ!“ И вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о спокойствіи, счастьи Маши перебиваетъ это настроеніе: какъ бы онъ радъ былъ дать ей это счастье! Мойеръ дозволитъ ей любить Жуковскаго, какъ брата,

писала ему она: „Милый ангелъ! И тутъ она думаетъ обо мнѣ!" комментируетъ онъ эту фразу въ письмѣ къ Кирѣевской: „ей нельзя не любить меня, и чѣмъ болѣе она будетъ счастлива, тѣмъ болѣе должна меня помнить! Лишь бы не такъ, какъ прежде! Лишь бы теперь не было прежнимъ!"

Маша спрашивала его (письмо 6 декабря 1815 г.) почему онъ самъ не пріѣдетъ, не осмотрится; тогда онъ увѣрился бы, что она говоритъ правду. И онъ самъ готовъ напроситься на опріѣздъ. Когда-то ему казалось, что счастьемъ Маши было остаться въ семьѣ, лишь бы она была спокойна, свободна; теперь оставаться ей тамъ немыслимо. Принуждаютъ ли ее обстоятельства выходить изъ нея, или она идетъ по волѣ? Онъ не можетъ повѣрить, чтобъ „она теперь согласна была съ этимъ въ сердцѣ", но не будетъ перечить, если найдетъ въ ней то чувство къ нему, какого теперь желать надобно и котораго онъ никакъ не предполагалъ. И онъ ѣдетъ рѣшившись, проникнувшись сознаніемъ долга, произвольной жертвы. Это сознаніе поднимаетъ его, онъ хочетъ, чтобы Кирѣевская, его друзья въ этомъ участвовали, отдали бы ему справедливость (къ Кирѣевской 30-го декабря 1815 г.). Недаромъ поминаетъ онъ позже слова Карамзина: „намъ должно думать не о совершенствѣ дѣйствія, а о совершенствѣ одной воли! Дѣйствія не зависятъ отъ человѣка, но воля есть человѣкъ" (Кирѣевской 19 февраля 1816 г.).

Въ генварѣ 1816 года онъ провелъ нѣсколько недѣль въ Дерптѣ, убѣдился и все устроилъ. Маша не обманывала его, идетъ замужъ „изъ увѣренности, что все будетъ лучше"; съ Мойеромъ онъ сблизился, они будутъ „вѣрные товарищи", Маша, онъ и Мойеръ составятъ „*тѣсный тріумвиратъ, котораго цѣль есть общее счастье*". Это счастье онъ хочетъ „состряпать" вмѣстѣ, надо только чтобы Маша привязалась къ будущему мужу, говоритъ онъ себѣ; Маша привыкаетъ „и все, что было, не пропадетъ для нея и только сольется съ тѣмъ, что есть, въ одно ясное, спокойное чувство"; но всякій разъ, когда онъ замѣчаетъ признаки замѣчающейся близости, для него настаютъ „тяжелыя минуты", выскакиваютъ порой, какъ пузыри, „маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя", но лопаются; точно въ немъ является и бурлитъ къ вечеру другой человѣкъ: „думаю, что онъ живетъ въ желудкѣ. Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умретъ непремѣнно".

Екатерина Аѳанасьевна успокоилась, и хотя не совсѣмъ входитъ въ чувства Жуковскаго и не понимаетъ ихъ, но допустила свободныя бесѣды съ Машей. Бѣшенствовалъ одинъ Воейковъ; онъ и раньше мучилъ всѣхъ, грозя самоубійствомъ, дуэлью съ Мойеромъ, будто заступаясь за Жуковскаго, на самомъ дѣлѣ онъ заступался не за него, а за неограниченную власть, которой, благодаря слабости Протасовой, онъ пользовался въ семьѣ и которая ускользала изъ рукъ. Эти сцены прекратились съ пріѣздомъ Жуковскаго: въ его рукахъ была репутація Воейкова, его связи съ друзьями. Жуковскій не измѣнилъ своей „прекрасной цѣли"; прекрасна вся жизнь, не смотря на нарушающія ея порядокъ болѣзни; поэзія — громоотводъ: даже все печальное въ его судьбѣ теперь не убійственно и близко своей породой къ безсмертной музѣ! „*Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью, товарищъ несравненный!*" [1]).

Въ апрѣлѣ 1816 г. Жуковскій былъ снова въ Дерптѣ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ Петербургъ, пробылъ тамъ цѣлый годъ: ему хотѣлось вдвоемъ съ Мойеромъ „состряпать" счастье Маши, пожить утопіей платоническаго „ménage en trois", напоминающаго отношенія Гёте къ Шарлоттѣ и Кестнеру. Гёте освободился отъ нихъ поэтическимъ актомъ, создавъ Вертера; для Жуковскаго они были испытаніемъ, страдой воли. Не правда ли, „мое положеніе одно изъ самыхъ необыкновенныхъ", писалъ онъ въ февралѣ или мартѣ 1816 г. Кирѣевской, получивъ отъ Мойера письмо, въ которомъ онъ говорилъ ему о Машѣ. „Мое положеніе необыкновенно, повторяетъ онъ (Кирѣевской 12 апрѣля 1816 г.), но я себя совсѣмъ не понимаю; мнѣ до сихъ поръ, съ самаго моего сюда пріѣзда, не хорошо съ самимъ собою", не потому, чтобы его тайное чувство было въ противорѣчіи съ поступками, а есть такіе „комары жизни", которые не даютъ наслаждаться ея прекраснымъ днемъ. Кругомъ него много нерѣшительнаго, та же принужденность; ни онъ, ни Мойеръ этимъ не довольны, а съ нимъ онъ совершенно согласенъ въ образѣ мыслей и чувствъ и свободно говоритъ объ „общемъ дѣлѣ". — Затѣмъ все какъ будто уладилось.

---

1) Сл. письма къ Кирѣевской 30 декабря 1815 г., къ ней же и къ роднымъ въ Дерптъ января 1816 г., къ Кирѣевской 19 февраля 1816 г., къ роднымъ въ Бѣлевскій уѣздъ послѣ 19 февраля или въ мартѣ, Русская Старина 1883 г., августъ.

„Будь на мой счетъ совершенно спокоенъ. Я теперь точно таковъ, какимъ мнѣ быть *должно*, и это не стóитъ мнѣ никакого усилія". Хлопотъ еще будетъ довольно, „но могу только поручиться за одну добрую волю свою и буду, помня слова моего евангелиста, то есть, Карамзина, думать только о томъ, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидѣнія.... Жизнь—искусство. И вотъ два правила, которыя едва-ли не ко всему пригодятся: *Совершенствуй волю, все въ жизни къ прекрасному средство*" [1]). Самъ онъ оживаетъ [2]), все идетъ, какъ должно, онъ даже начинаетъ писать, и теперь „стихи, то есть хорошее", льются изъ души [3]). „Все идетъ очень хорошо. Я теперь увѣренъ, что Машѣ будетъ возможное счастье" [4]).

Синхронизмы бываютъ интересны. Мы знаемъ со словъ Жуковскаго, какъ жилось въ семьѣ Воейковыхъ и какая тамъ бывала неладица. 20-мъ августа 1816 года подписано посланіе Воейкова „Къ женѣ и друзьямъ" [5]). Оно начинается знакомой намъ картиной „ветхаго московскаго дома", памятью о друзьяхъ погибшихъ или разошедшихся по жизненнымъ тропамъ; и самъ онъ пустился въ море и чуть не погибъ въ его сѣдыхъ волнахъ,

Но Ангеломъ спасенъ отъ кораблекрушенья....
Подруга милая! Ты ангелъ сей была;
Ты мнѣ посломъ явилась Провидѣнья,
　　　　Мнѣ якорь подала,
Къ кресту его кольцомъ любови прикрѣпила,
　　　　Ея таинственная сила
　　　　Разсѣяла грозу и бурю утишила....
И жалкій плаватель теперь, хвала тебѣ,
Супругъ, отецъ и гражданинъ, въ семьѣ,
Любимый милою, хвалимый только другомъ,
Въ посредственности, въ простотѣ,

---

1) Ал. Тургеневу лѣтомъ 1816 г.

2) Сл. другое письмо къ нему-же лѣтомъ 1816 г.

3) Къ тому-же 17-го августа и въ сентябрѣ 1816 г.

4) Письмо къ Кирѣевской лѣтомъ 1816 г.

5) О немъ см. выше стр. 138—9 и примѣч. 1. Что посланіе дописано послѣ 20-го года, доказывается стихомъ: „но съ Дерптомъ навсегда простясь" и намѣреніемъ Воейкова ждать друзей въ Москвѣ, „на старомъ новосельѣ".

Въ работѣ по сердцу, смѣняемой досугомъ,
Находитъ счастье и просторъ.
Въ очахъ твоихъ свой приговоръ
Съ боязнію читаетъ
И ободряющій твой взоръ
Всему предпочитаетъ.

Онъ счастливъ, когда осенней ночью работаетъ въ своемъ „молчаливомъ“ кабинетѣ въ сосѣдствѣ Жуковскаго, или когда ютится у самовара, за ужиномъ, къ которому являются друзья; тутъ

съ Женни объ руку идетъ
Вейраухъ, вдохновенный
Наперсникъ музъ;
За ними Бокъ-гусаръ, и пастырь — Ленцъ смиренный
И нашъ Жуковскій несравненный [1]).

Всѣ шутятъ вѣжливо, скромно, спорятъ безъ запальчивости, благородно; но Воейковъ предпочитаетъ крылатымъ часамъ веселыхъ ужиновъ и дружескихъ бесѣдъ то время, когда, забывъ и свѣтъ и дѣло, усталый „отъ *счастья*, отъ хлопотъ, отъ разговоровъ“, онъ сладко дремлетъ въ креслахъ, тогда какъ его духъ витаетъ на бездной солнцевъ, зритъ океаны звѣздъ,

Дерзаетъ подлетѣть Создателя къ чертогу,
Гдѣ Серафимовъ тьмы кипятъ,
И въ хорѣ ихъ поетъ „Три свять“
И „Слава въ вышнихъ Богу!“
О, память сихъ минутъ святыхъ,
Чистѣйшихъ и духовныхъ,
Въ кругу *земныхъ* друзей, въ кругу друзей безплотныхъ (?),
Я сохраню до позднихъ дней моихъ!

---

1) О Вейраухѣ, музыкантѣ и стихотворцѣ, положившемъ на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковскаго, и дерптскомъ оберъ-пасторѣ Ленцѣ сл. прим. къ письмамъ В. А. Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу №№ LXXXII и CXIV; о Бокѣ сл. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 86, прим. 8, и дневникъ 22 сентября/4 октября 1832 года и слѣд. (Жуковскій у Бока въ Веве), что устраняетъ прежнее мнѣніе, будто съ 1827 г. Бокъ жилъ въ своемъ имѣніи, лишившись разсудка.

Такую-же идеалическую картину дерптскаго счастія воскрешаетъ онъ годъ спустя (1817 г. 10 октября) [1]) въ воспоминаніи, обращенномъ къ женѣ: семья за чаемъ, тутъ и „нашъ (?) подщипанный вздыхатель ....овъ", и

Женни-пѣночка съ гитарою своей
Вздыхаетъ горлицей, поетъ какъ соловей!
Вотъ съ чашкою въ рукѣ и съ новыми стихами
Ж(уковскій) изъ угла пугаетъ мертвецами:
Все въ ужасѣ, никто не смѣетъ и дохнуть;
Боится Лилія иглою шевельнуть,
И замерла рука у Женни на гитарѣ,
И чайникъ замолчалъ, стоя на самоварѣ,
И, мнится, слышится желѣзныхъ скрыпъ зубовъ,
И шорохъ савана, и стонъ, и звукъ оковъ;
Но кстати, во время въ стихахъ запѣвшій пѣтелъ
Разсѣялъ блѣдный страхъ—и всякой сталъ вновь свѣтелъ.
О, чай вечерній! ты въ мой тѣсный уголокъ
Друзей, родныхъ моихъ бывало собираешь,
И ихъ не по чинамъ, по сердцу размѣщаешь....

Посланіе кончается восторженнымъ признаніемъ всего хорошаго, чѣмъ онъ обязанъ женѣ:

Твоя любовь меня и грѣетъ и хранитъ,
Подъ бурей и грозой во тьмѣ путеводитель,
И за минувшее мой съ Богомъ примиритель,

1) Къ Женѣ, въ Вѣстникѣ Европы, ч. XCIX, № 9, май 1818 г., стр. 25 слѣд. Біографу Воейкова предстоитъ разъяснить нѣкоторыя обстоятельства, на которыя намекаетъ стихотвореніе. Ты права, обращается Воейковъ къ женѣ, „но теперь раскаяваться поздно: Три года (какъ свинецъ разтяжелыхъ) жить намъ розно"; къ этому осудилъ ихъ „заботливый разсчетъ", потому что „плюсъ долговъ у насъ и минусъ состоянья", надо разстаться, скрѣпя сердце, ибо „дѣло объ дѣтяхъ". А онъ былъ такъ счастливъ въ семьѣ, съ женой! Къ этому и примыкаютъ воспоминанія. Повидимому, Воейковъ искалъ мѣста; именно въ октябрѣ Воейковъ былъ въ Москвѣ и Жуковскій записалъ въ Дневникѣ 1817 года подъ 27 октябремъ „Пріѣздъ Воейкова съ стихами". Это извѣстный отрывокъ изъ поэмы Искусства и Науки съ характеристикой Жуковскаго-поэта съ его репертуаромъ развалинъ, кладбища и т. д. Въ „Посланіи къ женѣ и друзьямъ" онъ говоритъ о старомъ московскомъ новосельѣ, сл. выше стр. 210 прим. 5.

Ты противъ самого меня мой вѣрный щитъ....
Завѣса съ глазъ моихъ твоей рукою снята!
Я вижу все въ другомъ и цвѣтѣ, и значеньѣ,

и слабость представляется ему теперь силою, „страданье — счастіемъ, печали наслажденьемъ, и яснымъ — гроба мракъ, а смерть — преображеньемъ".

Это почти житейская философія Жуковскаго, въ которой онъ воспиталъ Машу и Воейкову; Воейковъ могъ порой впиваться въ этотъ паѳосъ самоотреченія и не только риторически, но не надолго; Жуковскій ему не вѣрилъ.

Между тѣмъ Тургеневъ представилъ Государю черезъ князя Голицына, сочиненія Жуковскаго, вышедшія въ 1815 г. „Вниманіе Государя есть святое дѣло, пишетъ Жуковскій по этому поводу; имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ то возвышеннымъ.... Не надобно думать, что она только забава воображенія...., она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію" (Тургеневу 21 октября 1816 г.). „Поэзія святое дѣло! Святое во всемъ смыслѣ этого слова, напишетъ онъ недѣли двѣ спустя къ Кирѣевской, блаженъ, кто можетъ быть вполнѣ поэтомъ! вполнѣ, а не *слишкомъ!* Если слишкомъ, то поэзія врагъ всякаго *вмѣстѣ* съ людьми. Моя стоитъ на золотой серединѣ, и слава Богу! Я опять пишу и пишу!" (7 ноября 1816 г.). Едва ли это *вмѣстѣ* указываетъ на требованія общественнаго служенія: это *„милое вмѣстѣ"* съ Машей, которое ему не далось, потому что онъ слишкомъ жилъ идеалами, что не годится, какъ выразился онъ однажды по поводу Агатона [1]); un coeur sensible est un méchant cadeau de la bonté divine, поучаетъ онъ въ томъ-же письмѣ Кирѣевскую, сердце которой доставляло ей много напрасныхъ страданій. Пришлось ограничиться счастьемъ *при* Машѣ, поэзіей *„на золотой серединѣ"*.

Свадьба Маши съ Мойеромъ состоялась 14 января 1817 г. „Свадьба кончена, пишетъ Жуковскій Тургеневу во второй половинѣ генваря, и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ

---

1) Сл. выше стр. 112.

одной работѣ". 18-го февраля того-же года онъ исповѣдуется Дмитріеву: ему хотѣлось бы быть подобнымъ Карамзину въ стремленіи къ хорошему. „Во мнѣ живо желаніе произвести что-нибудь такое, чтобы осталось памятникомъ доброй жизни. По сію пору ни дѣятельность, ни обстоятельства не соотвѣтствовали желанію; но оно не умирало, а только иногда засыпало. *Если обстоятельства не сдѣлались счастливѣе, то по крайней мѣрѣ лучше, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нравственному лучше; вѣроятно, что буду болѣе въ ладу съ самимъ собою — это главное для поэзіи.* О фортунѣ же попечется Провидѣніе". Но работа не спорится, въ ней у него „большая неровность", жалуется онъ тому-же Дмитріеву „часто какая-то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучитъ цѣлые мѣсяцы" (1 марта 1817 г.). „Старое все миновалось, а новое никуда не годится, слышимъ мы нѣсколько мѣсяцевъ спустя; душа какъ будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прошлая вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля" (въ мартѣ 1817 г. къ Тургеневу).—„Я вижу, что пребываніе твое въ Дерптѣ не облегчило души твоей", писалъ ему 18 апрѣля Ал. Тургеневъ; пусть вернется въ Петербургъ, „на что быть *ежеминутнымъ свидѣтелемъ счастія, которое отравляетъ наше спокойствіе*"? [1]).

Жертва далась ему не легко, „трудно было рѣшиться, но минута, въ которую я рѣшился, сдѣлала изъ меня другого человѣка, и, къ несчастію, эта перемѣна сдѣлалась слишкомъ скоро. Я хлебнулъ изъ Леты и чувствую, что вода ея усыпительна. Душа смягчилась. Къ счастью, на ней не осталось пятна; за то бѣла она, какъ бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болѣзнь, столь же опасная, какъ первая, и почти похожая на смерть.... Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность. Къ этой дѣятельности душа моя привыкла: эта дѣятельность была до сихъ поръ всему источникомъ" (къ Тургеневу 25 апрѣля 1817 г.).

Кто знаетъ, какую роль игралъ Воейковъ въ тяжелой нрав-

1) Неизданное письмо, безъ года.

ственной борьбѣ, пережитой Жуковскимъ, того поразитъ своей неожиданностью характеристика Жуковскаго въ письмѣ Воейкова къ Кюхельбекеру, только что познакомившемуся съ поэтомъ по выходѣ своемъ изъ Лицея (въ маѣ 1817 г.). „Поздравляю васъ съ такимъ другомъ и братомъ, какъ нашъ Жуковскій; проживя съ нимъ полвѣка (?), видя его въ разныхъ обстоятельствахъ,—въ счастіи и несчастіи, въ горѣ и въ радости, въ болѣзни и въ цвѣтущемъ здоровьѣ, я не могу, клянусь вамъ, рѣшить, что больше, что превосходнѣе, что удивительнѣе въ немъ — необыкновенное ли его дарованіе или необыкновенный его характеръ. *Я видѣлъ, съ какою готовностью жертвуетъ онъ самыми драгоцѣнными для своего сердца благами счастью другихъ*, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ переноситъ несчастія, подъ которыми бы упалъ всякій человѣкъ, меньше его увѣренный въ безсмертіи души и въ томъ, что тайная рука Провидѣнія всегда ведетъ насъ къ счастью, часто по терніямъ и кремнямъ, но все къ счастью. Знаю только, что, живучи съ Жуковскимъ, самъ непримѣтно становишься лучше, выше, добрѣе“ [1]).

Искупительная дѣятельность вскорѣ нашлась для Жуковскаго: ему предложили быть учителемъ русскаго языка у принцессы Шарлотты, впослѣдствіи великой княгини Александры Θедоровны. Онъ не знаетъ, способенъ-ли онъ къ такой должности, будетъ ли самъ собою доволенъ, а дѣло его привлекаетъ: это не работа наемника, а занятіе благородное; „имѣть въ такомъ занятіи (и любимомъ занятіи) товарищемъ образованную женщину должно быть наслажденіемъ, а не неволею“. Онъ получилъ возможность „образоваться“, радъ „обязанности“, потому что чувствуетъ, что, „неограниченная свобода“ ему вредитъ; но необходимость работать, и хорошо работать, не будетъ ли для него слишкомъ тягостною? Онъ „избалованъ свободою и привыкъ работать только тогда, когда вдохновеніе этого требуетъ“. Ему хотѣлось бы попутешествовать, „дать себѣ два года *настоящей молодости, свободной, живой*, окруженной прекрасными для меня живыми впечатлѣніями“. Это воспламенило бы его дарованіе. „Отъ этого надобно будетъ отказаться“ (къ Тургеневу 25 апрѣля).

Дерптская жизнь односторонне и слабо отразилась въ поэзіи Жуковскаго; онъ не всегда „оживалъ“. Онъ дописываетъ

1) Русская Старина 1875 г., № 7, стр. 359.

тамъ „Пѣвца въ Кремлѣ“, которымъ не доволенъ (къ Ал. Тургеневу 21 октября и 6 ноября 1816 г.); пишетъ Вадима, къ 21-му октября написано было болѣе половины, въ концѣ года или началѣ слѣдующаго баллада была готова [1]).

Жуковскій глубже входитъ въ мѣстныя дерптскія отношенія, знакомится съ профессорами, слушаетъ лекціи, сводитъ дружбу съ фонъ-Бокомъ [2]), Фурманомъ, который называлъ его славянскимъ Оссіаномъ [3]); 16 апрѣля 1816 г. его сдѣлали почетнымъ докторомъ дерптскаго университета [4]). Нельзя сказать, чтобы онъ „совсѣмъ огерманился“, какъ онъ пишетъ Тургеневу [5]): новыхъ вѣяній не слышно, развѣ увлеченіе Гебелемъ, „Овсяный кисель“ котораго казался Жуковскому совершенствомъ „простоты и непорочности“ [6]). Онъ вживался мечтой въ эту идиллію, желанную и недостижимую въ сутолокѣ отношеній, среди которыхъ онъ созидалъ чужое счастье, и, казалось, свое. „Что мнѣ нужно? писалъ онъ еще 16 сентября 1815 г. Кирѣевской: свобода и маленькій достатокъ,.... клокъ земли подлѣ Мишенскаго или подлѣ Долбина, но клокъ собственный.... Если разъ залѣзу въ этотъ уголъ, то уже изъ него будетъ трудно меня вытащить“. И его потянуло въ деревню, къ старинѣ, къ очагу, на родину:

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О, родина! всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой!....
Ты помнишь-ли нашъ прудъ спокойный,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойный,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройный,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?

---

1) Русская Старина 1901 г., апрѣль, стр. 132 слѣд.: письмо 2 октября 1816 г. къ Тургеневу; сл. письма къ Тургеневу 21, 31 октября и 6 ноября, къ Кирѣевской 7 ноября того-же года, къ Ал. Тургеневу во второй половинѣ генваря 1817 г.: „надо сперва кончить Вадима“.

2) Сл. три стихотворенія къ Боку 1815 г.

3) Къ Фурману 1815 г.

4) Сл. письмо къ Тургеневу 24 августа 1816 г.

5) Сл. письмо къ Тургеневу сентября 1816 г.

6) Сл. письмо къ Тургеневу 21 октября 1816 г.

Туда, туда душа моя летѣла!
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ!

Это такъ задушевно, такъ вѣетъ тоской по родной русской деревнѣ, а между тѣмъ и тонъ и лирическая форма подслушаны у Шатобріана, въ его Aventures du dernier Abencerrage, гдѣ Lautrec поетъ романсъ:

Combien j'ai douce souvenance
Du joli lieu de ma naissance.

Привожу двѣ послѣднія строфы:

Te souvient-il du lac tranquille
Qu'effleurait l'hirondelle agile,
Du vent qui courbait le roseau
Mobile
Et du soleil couchant sur l'eau
Si beau?
Oh! qui me rendra mon Hèlène
Et la montagne et le gros chêne?
Leur souvenir fait tous les jours.
Ma peine:
Mon pays sera mes amours
Toujours!

То же настроеніе въ пѣсенкѣ, сочиненной имъ по просьбѣ и на данный голосъ: опять раздается „милый голосъ старины“ (къ Кирѣевской 7 ноября 1816 г.).

Въ эту пору Жуковскій начинаетъ интересоваться Ундиной: проситъ Тургенева прислать ему повѣсть Ламотъ-Фукэ, ибо она нужна его музѣ [1]); переводитъ три пьесы изъ Гёте: „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“ (1816 г.), „Утѣшеніе въ слезахъ“ и „Къ мѣсяцу“ (1817 г.); въ послѣдней пьесѣ гётевское выраженіе, что онъ предается въ уединеніи то радости, то печали, замѣнено стихами: „И *минувшаго* привѣтъ слышу въ тишинѣ“. Переведено нѣсколько пьесъ изъ Гебеля; изъ Уланда,

1) Сл. письма къ Тургеневу 17 и 24 августа и 2 октября 1816 г.

кромѣ баллад, „Сонъ“, „Пѣсни Бѣдняка“, „Счастье во снѣ“ (1816 г.). Иныя изъ этихъ стихотвореній точно подобраны къ выраженію чувствъ, пережитыхъ имъ въ пору тяжелой жертвы и совершенствованія воли. Порой воскресало передъ нимъ „минувшихъ дней очарованье“, кто-то будилъ замолкавшія мечты,

Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ,...
О милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу-ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу-ль тому, что было, *будь*?

(„Пѣсня“: Минувшихъ дней очарованье, 1816 г.).

Но былого не вернуть: въ „Пѣснѣ“ на народный мотивъ молодецъ уронилъ въ море кольцо, съ которымъ соединена была любовь милой — и любовь пропала.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ.
Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала,
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла.
На что твоя мнѣ ласка,
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я...
Любви то мнѣ и нѣтъ.

(„Пѣсня“: Кольцо души дѣвицы, 1816 г.).

„Воспоминаніе“ 1816 года—это уже отказъ отъ очарованья минувшихъ дней, которыя порой воскресали:

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить!
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья!
Ахъ! лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть

Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье —
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить!
Несчастіе — о васъ воспоминанье!
Но болѣе несчастье — васъ забыть!

О! будь-же, грусть, замѣной упованья!
Отрада намъ — о счастьѣ слезы лить!
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно-ль жить, — увы! — и позабыть!

VI.

У чужого счастья. Двѣ родныя могилы.

Годъ спустя послѣ свадьбы Мойеровъ посѣтилъ ихъ въ Дерптѣ, проѣздомъ за границу съ Блудовымъ, Ф. Ф. Вигель.

„Ты, вѣроятно, знаешь, что я съ ними познакомился, писалъ Блудовъ Жуковскому, говоря о его дерптскихъ друзьяхъ. „Что сказать новому Saint-Preux о его Юліи? Я воображалъ ее прекраснѣе, но не могъ вообразить лучше и милѣе. Надѣюсь, что она меня полюбила, разумѣется, за то, что я люблю тебя и твои стихи“ (изъ Лондона 9/21 августа 1818 г.) [1]).

„Воспоминанія“ Вигеля записаны долгое время спустя послѣ событій, неизбѣжны были промахи памяти, но слѣды впечатлѣнія, хотя бы и односторонняго, остались. Вигель былъ членомъ Арзамаса, гдѣ носилъ имя Журавля, зналъ Воейкова, которому даетъ характеристику, любилъ Жуковскаго, хотя между ними, повидимому, особой близости не было: онъ, напр., не посвященъ въ отношенія Воейкова къ Жуковскому, въ романъ Жуковскаго и Маши; знаетъ только, что Жуковскій выросъ съ двумя дочерьми Пратасовой, „которыя любили его, какъ брата; говорятъ, онѣ были очаровательны. Меньшая выдана была за сосѣда, молодого помѣщика Воейкова, который также писалъ стихи, и оттого то у двухъ поэтовъ составилось болѣе, чѣмъ пріязнь, почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросалась въ глаза: онъ былъ мужиковатъ, аляповатъ, неблагоро-

1) Русская Старина 1902 г., октябрь, стр. 200.

денъ, она же настоящая сильфида, ундина, существо неземное, какъ увѣряли меня, ибо я только вскользь видѣлъ ее".

Въ Дерптѣ онъ познакомился съ ея сестрой, посѣтилъ Мойера, потому что давно зналъ о немъ „по заочности"; „связи съ Жуковскимъ не только сближаютъ друзей его, но какъ будто роднятъ ихъ между собою". И онъ записываетъ: въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ воспитанъ былъ Жуковскій; къ Воейкову, тогда профессору университета, пріѣхала его теща съ старшей дочерью, и онъ „нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера, самъ же, видя, что преподаваемою имъ наукой молодые нѣмцы не хотятъ заниматься, вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ".—Это было, какъ извѣстно, въ 1822 году.—То, что Вигель говоритъ о Машѣ, которую увидѣлъ впервые, напоминаетъ его отзывъ о сестрѣ; и здѣсь отмѣчено психологическое несоотвѣтствіе мужа и жены. Мимолетныя впечатлѣнія Вигеля тѣмъ цѣннѣе, что они видимо не направлены на этотъ разъ симпатіей къ Жуковскому и его сердечной судьбѣ. „Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на мнѣ М. А. Мойеръ. Это совсѣмъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земного; къ тому же, мимоѣздомъ, въ продолженіи немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ кажется, смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна, но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо-обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенную скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени все было въ ней просто, естественно и въ то же время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя нравятся, кажется, такъ взялъ бы да и расцѣловалъ, а находясь съ такими, какъ она, въ сердечномъ умиленіи, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну точно она была какъ будто не отъ міра сего. „Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?" скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ *предупрежденъ* насчетъ этой женщины; тутъ повѣрялъ я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины. И это совершенство сдѣлалось добычей дюжаго нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемѣрно старался сдѣлать ее счастливой; но успѣвалъ-ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неравный союзъ

было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію, никакъ не умѣлъ я приладить къ холодной диссертаціи. Глядя на г-жу Мойеръ, такъ разсуждалъ я самъ съ собой: кто бы не былъ осчастливленъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ русскихъ дворянъ не искалъ ея? Впрочемъ, кто знаетъ, были вѣроятно, какія нибудь препятствія, и тутъ *кроется, можетъ быть, какой нибудь трогательный романъ?* Она не долго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно, на краткій срокъ дается сюда отпускъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ" [1]).

Изъ Петербурга Жуковскій нерѣдко навѣдывался въ Дерптъ къ своимъ. Онъ устраивалъ Машу: въ 1818 году совѣтовалъ Арбеневой помѣстить у ней на воспитаніе своихъ дѣтей; выгода Маши „требуетъ имѣть у себя пансіонеровъ; но вашихъ дѣтей имѣть въ домѣ была бы выгода и для ея сердца". Въ письмахъ къ Арбеневой онъ говоритъ, что надѣется увидѣть въ Бѣлевѣ Елагину (А. П. Кирѣевская вышла во второмъ бракѣ за Елагина), Свѣчину и ее, „товарища старины". Отъ этой старины осталось лишь хорошее воспоминаніе: „Промежутокъ времени, въ который наша съ вами дружба ходила въ дурацкой маскѣ-досады, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ эпохамъ жизни, въ которыя болѣли у насъ зубы, была лихорадка и прочее; слѣдовательно ни къ чему: ибо въ такое время не живешь, а только барахтаешься или пьешь хину. Сердце мое по ста-

---

1) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 5, стр. 44, 77—79. Въ 1819 году 18 ноября И. Вилламовъ писалъ Кюхельбекеру изъ Дерпта: онъ знакомъ съ семьей Екатерины Аѳанасьевны Протасовой и съ ея милой дочерью, М. А. Мойеръ, въ ихъ обществѣ отводитъ душу: „веселятся безъ шуму, разговариваютъ безъ церемоній, смѣются отъ сердца, радуются отъ души. Какова жизнь!" Сл. Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. IX, 1901 г., стр. 351. — Е. И. Елагина, урожденная Мойеръ, защищая память отца, протестуетъ противъ характеристики его, данной Вигелемъ, и нападокъ Пирогова. Защита бросаетъ свѣтъ и на семейныя отношенія: жизнь дома была простая, но веселая; Мойеру удалось своими концертами (онъ былъ хорошій піанистъ) основать въ Дерптѣ первый домъ для бѣдныхъ (Moierisches Armenhaus), Марья Андреевна продала для этой цѣли всѣ свои драгоцѣнности. Окна этого дома выходятъ на ея могилу, старухи молятся за Мойера и за нее, глядя на ея могильный крестъ. Ея смерть страшно подѣйствовала на мужа: въ одинъ годъ онъ посѣдѣлъ; онъ умеръ 1 апрѣля 1858 года, протянувъ впередъ руки и воскликнувъ: Маша! Сл. Русскій Архивъ 1902 г. № 3, стр. 476 слѣд.

рому ваше, и въ немъ та-же благодарность на милую вашу дружбу, какая была и прежде.... Работаю; мѣсто данное мнѣ Богомъ, прекрасное; всѣ хорошія мысли и чувства въ движеніи: это значитъ — жить. Не бойтесь моего прошедшаго; оно разсталось со мною не злодѣемъ, а другомъ. Нѣсколько времени жестокой пустоты, вотъ и только; но я дурного не получилъ отъ него въ наслѣдство; напротивъ, всѣмъ хорошимъ ему обязанъ, хоть часто и былъ на порогѣ дурного. Богъ помогъ! Все дурное само собою наказано и погибло въ этомъ благодѣтельномъ наказаніи, хорошее живо и не умретъ. Tout est conséquent dans la vie humaine. On a tort d'imaginer qu'il y a un sort" [1]).

А между тѣмъ въ его поэзіи продолжаютъ отзываться неспокойныя ноты. Въ февралѣ 1819 г. онъ ѣздилъ въ Дерптъ недѣли на три [2]). 12-мъ іюля подписанъ переводъ изъ Шиллера „Къ Эммѣ":

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины!
Ахъ! звѣзды не приманить!
Счастью бывшему не быть!

Еслибъ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты была бъ моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила!
Ты живешь въ сіяньи дня,
Ты живешь не для меня.

Съ послѣдней строфой переводчикъ не совладалъ. Шиллеръ спрашиваетъ, можетъ ли пройти любовь, а что прошло, было ли любовью? Неужели ея небесное пламя исчезаетъ, какъ все земное? У Жуковскаго вышло темнѣе, непонятнѣе:

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?

---

1) Русскій Архивъ 1883 г., № 2, стр. 318–9: два письма къ А. Н. Арбеневой 1818 года.

2) Сл. письмо Карамзина къ Дмитріеву № 229, 28 февраля; сл. Русскій Архивъ 1878 г., № 2, стр. 207–8.

Эмма, то, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердце зажжено,
Умираетъ ли оно?

Это Шиллеръ, приложенный къ сердечной исторіи Жуковскаго, Эмма — Маша; къ тому же мѣсяцу относится стихотвореніе къ „Мойеру“[1]):

Счастливецъ! ею ты любимъ,
Но будетъ ли она любима такъ тобою,
Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
Какъ пламенной моей душою?

Возьми-жъ ихъ отъ меня и страстію своей
Достоинъ будь судьбы твоей прекрасной!
Мнѣ жъ сердце, и душа, и жизнь, и все напрасно,
Когда нельзя всего отдать на жертву ей.

„Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ, писалъ онъ, вернувшись съ побывки въ Дерптъ, къ Елагиной. Бѣдная моя поэзія! Былъ въ Дерптѣ, какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь — разлука! Чѣмъ отъ нея вылѣчить“[2]). Въ октябрѣ того же года Жуковскій снова посѣтилъ Дерптъ проѣздомъ заграницу, гдѣ онъ долженъ былъ состоять при великой княгинѣ Александрѣ Θедоровнѣ. Отсюда онъ писалъ Тургеневу (2 октября) и Елагиной (того же дня)[3]): онъ надѣется освѣжиться впечатлѣ-

---

1) Стихотвореніе напечатано впервые г. Ефремовымъ по неизвѣстной рукописи, съ помѣткой: „въ іюлѣ 1819 года“ и указаніемъ, что стихи обращены къ Мойеру. Въ черновомъ автографѣ Жуковскаго ни даты, ни имени нѣтъ.

2) 25 января/3 февраля 1820 г., Русская Старина 1883 г., октябрь. Вилламовъ Кюхельбекеру 25 генваря 1820 г.: „былъ я у доброй *нашей маменькѣ* Е. А. Протасовой, гдѣ нашелъ Василія Андреевича и поклонился ему отъ васъ. Въ воскресенье онъ насъ оставилъ ко всеобщему сожалѣнію. Вы не повѣрите, Вильгельмъ Карловичъ, какъ здѣсь любятъ нашего Жуковскаго; но чему тутъ удивляться? Какъ не любить такого добраго, благороднаго и любезнаго человѣка?“ Сл. отзывъ о Е. А. Протасовой: „что за женщина!“ въ письмѣ 17 апрѣля 1820 г. Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, l. c., стр. 352, 353.

3) Сл. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 117—118.

ніями и снова приняться за поэзію: въ прусскомъ дворѣ нѣтъ поэзіи, за то трагедіи Шиллера и Гёте, музыка, дрезденскія галлереи, прирейнскіе замки! Въ письмѣ къ дерптскимъ друзьямъ изъ Берлина[1]) онъ спрашиваетъ о здоровьѣ своей Маши, у которой только что родился сынъ. Въ концѣ приписка: „Маша, милый другъ, напиши мнѣ о своемъ малюткѣ. За неимѣніемъ твоихъ писемъ перечитываю твою книжку и, кажется, слышу тебя: это безцѣнный подарокъ! Тутъ вся ты, мой милый другъ и благодѣтельный товарищъ. Въ твоемъ сердцѣ ничто не пропало; еще кажется, ты стала лучше. Настоящая твоя жизнь, исполненіе твоихъ должностей усовершенствовали тебя, и ничто не пропало въ пустотѣ разсѣянія. Читать твою книжку есть для меня оживать. *И много милыхъ тѣней возстаетъ*“. Такъ въ старые годы звалъ къ себѣ Жуковскій „подругу юныхъ дней“, мечту, чтобы она повѣяла на него минувшей жизнью, дала „сладкаго вкусить воспоминанья“.

19 и 27 ноября Жуковскій снова пишетъ Машѣ (сл. дневники); изъ-заграницы посылаетъ друзьямъ свои произведенія („Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла-Рукъ“ [2]); вернувшись, читаетъ въ Дерптѣ (гдѣ онъ пробылъ съ 29 января по 4 февраля 1822 г.), въ дружескомъ кружкѣ, отрывки перевода Орлеанской Дѣвы [3]).

По возвращеніи въ Петербургъ 6 февраля 1822 года Жуковскій поселился съ семьей Воейкова. Онъ покидаетъ каѳедру, писалъ о Воейковѣ 12 іюня 1820 г. кн. Вяземскій Дмитріеву [4]); 25 сентября того же года онъ уже былъ отъ нея отчисленъ и попрежнему метался въ поискахъ за положеніемъ, самонадѣянно и трусливо. Благодаря Ал. Ив. Тургеневу онъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ [5]); со второй половины 1820 года редактировалъ вмѣстѣ съ Гречемъ „Сынъ Отечества“, гдѣ пристроилъ его Жуковскій; съ начала 1822 г. принялъ на себя изданіе „Русскаго

---

1) 1 ноября 1820 г., Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 34 слѣд.

2) Зейдлицъ l. c. стр. 119.

3) Зейдлицъ, ib. стр. 123.

4) Русскій Архивъ 1866 г. № 11—12, стр. 1704—5. „Гдѣ Воейковъ, въ Дерптѣ или въ другомъ мѣстѣ? писалъ Антонскій Жуковскому 15 марта 1820 г.: у насъ слухъ пронесся, было, что онъ хотѣлъ перейти въ Казань“. Сл. выше стр. 210, прим. 5, стр. 212, прим. 1.

5) Записки Н. И. Греча, стр. 480.

Инвалида" (доходное мѣсто, выхлопотанное ему Жуковскимъ); съ 1822 по 1825-й г. былъ первымъ инспекторомъ классовъ Артиллерійскаго Училища по рекомендаціи Греча, и тамъ же преподавателемъ русской словесности. И онъ боялся, что и „Инвалидъ", и инспекторство у него отнимутъ. Мы знаемъ, по его дѣланнымъ поэтическимъ признаніямъ, чѣмъ была ему его жена; въ посланіи къ „А. А. В." слышимъ тотъ-же обычный паѳосъ:

Ты совѣсть, ангелъ мой и благотворный геній!
Благодарю тебя, что ты меня спасла
Отъ низкихъ склонностей, привычекъ, заблужденій,
И въ пристань тихую корабль мой привела;
Ты радость и печаль со мною раздѣляла,
Ты счастье дней моихъ цвѣтами осыпала,
И въ нашъ желѣзный вѣкъ, когда порокъ, развратъ,
Изъ свѣта дѣлаютъ не свѣтъ, а мрачный адъ,
Съ тобою проводилъ я время золотое;
Съ тобой я не одинъ, съ тобой насъ и не двое [1]).

Но дома жилось по прежнему неладно, и Александрѣ Андреевнѣ приходилось горько отъ грубости и циническихъ выходокъ мужа [2]). Жуковскій поддерживалъ ее, какъ поддерживалъ въ Дерптѣ; писалъ ей изъ-заграницы. Она осталась такой же нездѣшней, мечтательной и любящей, блюдетъ завѣты учителя. На черновой тетради съ стихотвореніями Жуковскаго 1813 и слѣд. годовъ надписано: „Книга Александры Воейковой", а ея рукой на поляхъ страницы съ набросками Вадима: „Жуковскій, милый братъ, о лучшій изъ друзей" [3]). Со-

1) М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1869 г., стр. 202.

2) Записки Греча стр. 487—8, 494, 496.

3) Изъ содержанія этого сборника (нынѣ въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина) отмѣчу: наброски Вадима, Славянка (черновой и перебѣленный тексты), Овсяный кисель, Сказка о красномъ карбункулѣ, Ночной сторожъ въ деревнѣ; Опять ты здѣсь, мой благодатный геній; Тлѣнность; Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ; Лѣтній вечеръ; Обѣтъ; „Княгиня, можно-ль такъ неблагодарнымъ быть"; Лѣсной Царь; Графъ Габсбургскій; переводъ Орлеанской Дѣвы; Минувшихъ дней очарованье; русскій и нѣмецкій тексты стихотворенія Ж. П. Рихтера (на смерть королевы Виртембергской), чередующіеся черезъ строку: „Въ ту минуту, когда ты въ бѣлой брачной одеждѣ — In dem Augenblick, wo du im weissen Hochzeitskleide.

хранились ея альбомы съ стихотвореніями, письмами и замѣтками Жуковскаго [1]); въ одномъ изъ нихъ помѣщено между прочимъ его стихотвореніе, обращенное къ Александрѣ Андреевнѣ въ 1807 г. („Подарокъ на Новый Годъ") и — „философія фонаря", знакомая намъ по письму къ Машѣ 28 апрѣля 1815 г. [2]). Затѣмъ приписка:

„Это все можетъ быть хорошимъ дополненіемъ къ тому, что ты мнѣ написала въ альбомъ, моя Саша. Мы думаемъ одно, хотя разными словами высказываемся. То, что здѣсь написано, я написалъ для себя гораздо прежде, чѣмъ прочиталъ твое: Wünsche nicht mit Leidenschaft. Желать что нибудь страстно значитъ мѣшаться въ дѣло Провидѣнія; рваться за будущимъ вслѣдъ за надеждою и забывать настоящее. Mettons à la place de l'Espérance trompeuse la Providence, qui ne trompe pas, alors tout devient conséquent dans la vie. On sait d'avance le mot de l'énigme. Ce mot n'est autre chose que: mériter.

Einfachheit und Wahrheit,
Ewige, unzertrennliche Freundschaft."

Въ томъ же альбомѣ признанія и афоризмы Воейковой сопровождаются замѣчаніями Жуковскаго: (Воейкова) J'aime la *monotonie dans les sentiments de la vie et je ne chercherais le bonheur que dans l'habitude.*—(Жуковскій) C'est que vous avez coeur aimant. Pour qui sait aimer, qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude? — (Воейкова) Mille accidents séparent les hommes qui s'aiment pendant la vie, puis vient cette séparation de la mort, qui renverse tous nos projets. — Est ce que la mort est une séparation? спрашиваетъ Жуковскій и отвѣчаетъ стихами Шиллера:

На послѣдней страницѣ рукописи собственноручная выкладка Жуковскаго, сколько ему было тогда лѣтъ; годъ рожденія опредѣленъ 1783 г., 29 генваря; это разрѣшитъ, повидимому, поднимавшіяся хронологическія сомнѣнія.

1) Одинъ изъ альбомовъ находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина, другіе описаны въ Русской Старинѣ 1902 г., апрѣль, стр. 189 слѣд., откуда взяты и слѣдующія указанія.

2) Въ Русской Старинѣ запись въ альбомѣ Воейковой отнесена къ 30 апрѣля 1810 года; очевидно, по ошибкѣ. Текстъ совпадаетъ съ приведеннымъ выше стр. 196—7. Нач. „Я когда-то написалъ.... А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ".

Schwester, über im Sternenfeld
Muss ein guter Vater wohnen.

Оберегая покой своей Саши, Жуковскій дѣлалъ все, чтобы устроить ея мужа, поддерживалъ въ немъ поэта и не уважалъ человѣка, защищалъ, потому что боялся его раздражать. Воейковъ „обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей, прекрасной, умной, образованной и добрѣйшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицей, сдѣлавшейся жертвою этого человѣка, писалъ Гречъ. Всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея чтителемъ и другомъ. Благородная братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы", извѣстны всѣмъ. Потомъ первыми ея гостями были Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Булгаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съ ума. Между тѣмъ эти связи были чистыя и свѣтлыя и ограничивались благородною дружбою. Разумѣется, въ свѣтѣ толковали не такъ: поносили ее, клеветали и лгали на нее" [1]). „Батюшковъ, Крыловъ, Блудовъ, Вяземскій, Дашковъ, Карамзинъ, словомъ, весь литературный цвѣтъ столицы охотно собирался въ гостиной Александры Андреевны, въ которой Жуковскій пользовался властью дяди" [2]). Благодаря женѣ Воейкову спускали всякіе неблаговидные поступки: пожурятъ и подведутъ „подъ милостивый манифестъ прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны" [3]).—Впослѣдствіи являлся сюда и Л. С. Пушкинъ, и братъ просилъ его отвыкнуть—„отъ вина и отъ Воейковой" и не украшать ея альбомы его стихами вмѣсто того, чтобы переписывать ихъ для печати [4]).

Всѣхъ серъезнѣе привязался къ Воейковой Александръ Ив. Тургеневъ.

„Жуковскаго Свѣтлана пріѣхала сюда, и я видѣлъ ее въ первый разъ съ какимъ то поэтическимъ чувствомъ" писалъ Тургеневъ кн. Вяземскому 20 сентября 1820 г. Онъ сталъ

---

1) Гречъ, Записки, стр. 487. Сл. выше стр. 145, прим. 3 на стр. 145—6 отзывъ Кс. Полевого.

2) Зейдлицъ l. c. стр. 127—8.

3) Гречъ, стр. 496.

4) Письма А. С. Пушкина къ брату начала ноября 1824 и 23 іюля 1825 г.

бывать у Воейковыхъ [1]), нашелъ въ ней „прелесть добродушія и любезнаго ума“ [2]).

Уѣзжая заграницу Жуковскій поручилъ другу свою Сашу [3]). „Письмо къ Сашѣ и Тургеневу вмѣстѣ“ записываетъ онъ себѣ на память уже на пути (дневникъ 1820 г. 10 октября). Свѣтлана Жуковскаго „врядъ ли не лучше стиховъ его, пишетъ Тургеневъ кн. Вяземскому: тихое созданіе, съ прекрасной душой и съ умомъ образованнымъ. Теперь не она по Жуковскому мнѣ мила, но Жуковскій становится интереснѣе по ней. При ней можно отдохнуть отъ жизни и снова разцвѣсти душой. Большой свѣтъ не опалилъ ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, но она имѣетъ всю любезность, необходимую для большого свѣта. Смуглый Воейковъ fait ombre au tableau, но и онъ добрѣетъ и свѣтлѣетъ при ней. Honni soit qui mal y pense“ (6 октября 1820 г.). „Отъ Свѣтланы его свѣтлѣетъ душа“ (къ нему-же 8 октября 1820 г.). Чѣмъ больше онъ узнаетъ ее, тѣмъ больше привязывается. „Какая милая душа и какой высокій характеръ! Она все прекрасное умѣла соединить въ себѣ. При ней цвѣту душей. Она моя отрада въ Петербургской жизни. Жаль, что судьба назначила ей испытаніе, но она выше судьбы своимъ сердцемъ и своею религіею. Honni soit qui mal y pense“ (къ нему-же 3 ноября 1820 г.).

Жуковскій самъ создалъ этотъ тройственный союзъ идеальной дружбы, и въ этомъ созданіи общія письма играли такую-же роль, какъ въ юную тургеневскую пору. Изъ-заграницы онъ послалъ Тургеневу письмо для доставленія Сашѣ: „получилъ-ли ты его, и отдалъ-ли, и прочиталъ-ли? Оно столько же къ тебѣ, сколько къ ней.... Ты говоришь, что я тебя не познакомилъ съ Сашею; а развѣ я не читалъ тебѣ ея писемъ? (27 ноября 1820 г. Берлинъ; сл. дневникъ 7/19 декабря 1821 г.: „писалъ къ Сашѣ и Тургеневу“). Между тѣмъ дружба, видимо, грозила обратиться въ любовь, и Жуковскій волнуется, предупреждаетъ друга въ томъ же письмѣ: „твоя привязанность къ моей Сашѣ (не хочу назвать этого любовью) есть наше общее благо и только намъ двумъ принадлежащее благо..... Я уже не имѣю такого собственнаго; но это бу-

1) Письмо къ тому же 22 сентября того же года.
2) Къ тому же 28 сентября того же года.
3) Сл. письмо къ Ал. Тургеневу 2 октября 1820 г.

детъ нашимъ общимъ.... Тебѣ надобно ласкать живую, возвышающую сердце причину любить добро (къ которому до сихъ поръ ты былъ привязанъ машинально, безъ наслажденія)..... Мы какъ будто сошлись опять на нашей дорогѣ, по которой шли не вмѣстѣ, а только помня другъ о другѣ. Лучшаго товарища не было, а милый, вѣрный, избранный смотрѣлъ по сторонамъ, безъ наслажденія, не забывалъ своего спутника, но и ничѣмъ не дѣлился съ нимъ. Теперь мы стоимъ передъ милымъ твореніемъ Божіимъ и радуемся имъ вмѣстѣ, съ одинакимъ, чистымъ, достойнымъ насъ обоихъ чувствомъ". Но, „чтобы найти счастіе въ дружбѣ къ тебѣ, надо, чтобы Саша могла ей „предаться безъ всякаго сомнѣнія и чтобы она нисколько не была въ разладѣ съ собою. Но и тебѣ надобно для твоего счастія уничтожить въ немъ все, что принадлежитъ любви, а сдѣлать изъ него просто чистую, возвышенную жизнь". Надъ послѣдними словами въ подлинникѣ письма рукою Тургенева написано карандашемъ: „Тогда и она (любовь) уничтожится! Жуковскій судитъ по себѣ и думаетъ, что я могу быть счастливъ! Горькая ошибка!"

Въ дневникѣ 1821 года сохранилось нѣсколько указаній на письма Саши: „письмо отъ Саши" (21 февраля/5 марта); „у великой княгини Сашино письмо: какая разница!" (25 февраля/9 марта); письмо отъ Саши (31 марта/12 апрѣля). Въ потсдамскомъ Kavalierhaus двѣ горницы, въ которыхъ жила великая княгиня; „милое, уединенное мѣсто, похожее своею привлекательною простотою на ея чистую душу. Сюда приду перечитывать несравненное письмо Саши, пожить воспоминаніями моего прошлаго и еще другого прошлаго, которое мнѣ неизвѣстно, но знакомо. Мѣсто, гдѣ жила прекрасная душа, свято" (4/16 апрѣля); „въ первый разъ прочиталъ Сашино письмо" (5/17 апрѣля). Въ одномъ изъ своихъ альбомовъ, на футлярѣ котораго помѣчено: Berlin den 3 april, Жуковскій записалъ 17/29, вѣроятно, апрѣля 1821 г.: „съ нѣкотораго времени природа имѣетъ на меня удивительное дѣйствіе, пишетъ Саша: точно въ ней находишь замѣну тому, въ чемъ жизнь отказываетъ! Весь міръ въ мою тѣснится грудь. Pas le monde d'autrefois qui remplissait mon âme d'une joie d'enfant, dans lequel je voyais seulement les fleurs et le plaisir", а серьезный міръ, который говоритъ о своемъ Создателѣ и даетъ душѣ истинную силу. „Во всемъ видишь Бога. Tout met en rapport avec les absents et avec un

monde où il n'y aura plus d'absence. Иногда точно ждешь минуты послѣдней, кажется, сейчасъ настанетъ, и душа готова отвѣчать: Здѣсь, Господи, буди воля твоя".

Слѣдуетъ въ альбомѣ замѣтка: „Aimer sans rapporter à soi c'est la seule manière d'aimer avec calme, car c'est avec innocence qu'on aime et ce n'est qu'alors".

Поручая Тургеневу поздравить Воейкову съ новымъ годомъ, кн. Вяземскій цитуетъ стихъ изъ пьесы И. И. Козлова: пусть этотъ годъ будетъ для нея такъ же свѣтелъ, „какъ душа Свѣтланы" (къ Тургеневу 2 генваря 1822 г.). А Тургеневъ пишетъ Жуковскому, что если не писалъ ему, то виною тому единственно лѣнь. „Ты вѣрно не такъ думаешь, какъ ты писалъ къ С(ашѣ), и я никакъ не могъ забыть тебя, во-первыхъ изъ благодарности за ...., но не скажу за что, вовторыхъ изъ искренной душевной любви" (1822 г. 18 іюня [1]).

„Свѣтлана"-Воейкова была музой И. И. Козлова, стараго пріятеля Жуковскаго по Москвѣ, которому онъ посвятилъ свою „Наталью Долгорукую"; въ Петербургѣ онъ присталъ къ его интимному кружку. Александра Андреевна печаловалась о слѣпомъ поэтѣ (Но ты, Свѣтлана, обо мнѣ Ты слишкомъ много сожалѣешь. „Къ Свѣтланѣ"), старалась утѣшить его. „Свѣтлана добрая твоя Мою судьбу перемѣнила", говорилъ Козловъ, привѣтствуя вернувшагося изъ путешествія друга („Къ другу В. А. Ж. по возвращеніи его изъ путешествія"):

Какъ ангелъ Божій низлетя,
Обитель горя посѣтила
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случались ли когда, что вдругъ,
Невольной угнетенъ тоскою,
Я слезы лилъ,—тогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать,
Своимъ то сердцемъ отгадала.

---

1) Приписка къ письму Блудова, Русскій Архивъ 1902 г. № 6.

Въ альбомъ Воейковой Козловъ написалъ стихотвореніе „Къ С(аш)ѣ", переводъ байроновскихъ Lines written in an album at Malta [1]): какъ путникъ, бродя по кладбищу, вспомянетъ былое, увидѣвъ знакомый могильный камень, такъ и ты, когда твоему взору, полному тоской, попадется въ альбомѣ мое имя: все, чѣмъ жизнь цвѣтетъ, мнѣ миновалось,

Лишь вѣрь тому, что у тебя
Мое здѣсь сердце *все* осталось [2]).

Пока Жуковскій затѣвалъ новую amitié amoureuse и онъ и Тургеневъ хлопотали о Воейковѣ, послѣдній писалъ въ своемъ дневникѣ: „Жуковскій, какъ ангелъ утѣшитель, прискакалъ изъ Павловскаго", успокаиваетъ и утѣшаетъ его, „не совѣтуетъ идти въ царско-сельскіе директоры Лицея. Да будетъ воля Божія, а доказательства Жуковскаго нелѣпы и смѣшны". Тургеневъ пишетъ ему письмо „оскорбительное и огорчительное; можно много терпѣть, но всякому терпѣнію человѣческому есть границы: кто не объявляетъ своего права опекунства надо мной? Кто не вмѣшивается въ дѣла мои? Боже, подкрѣпи и даруй мнѣ смиреніе и терпѣніе". „Убійственное письмо отъ Жуковскаго. Екатерина Аѳанасьевна совершенно овладѣла имъ". „Жду съ надеждою, а больше со страхомъ Жуковскаго. Что могу я ожидать отъ глупца, который живетъ въ эѳирѣ, который погубилъ собственное счастье, исполняя волю Екатерины Аѳанасьевны, сошедшей съ ума на слезахъ ложной чувствительности и пожертвованіяхъ"? [3]). Когда на Жуковскаго явилась извѣстная эпиграмма (Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею) [4]), онъ

1) Новости Литературы 1822 г. кн. I, № XII, стр. 191—2.

2) Сл. Остафьевскій Архивъ II, письмо Тургенева къ князю Вяземскому 21 февраля 1822 г. („вотъ газета и стихи слѣпого Козлова въ album ангела Воейковой") и ib. прим. на стр. 531.

3) Сл. Колбасинъ, Литературные дѣятели прежняго времени, стр. 274, 278—9; сл. стр. 283.

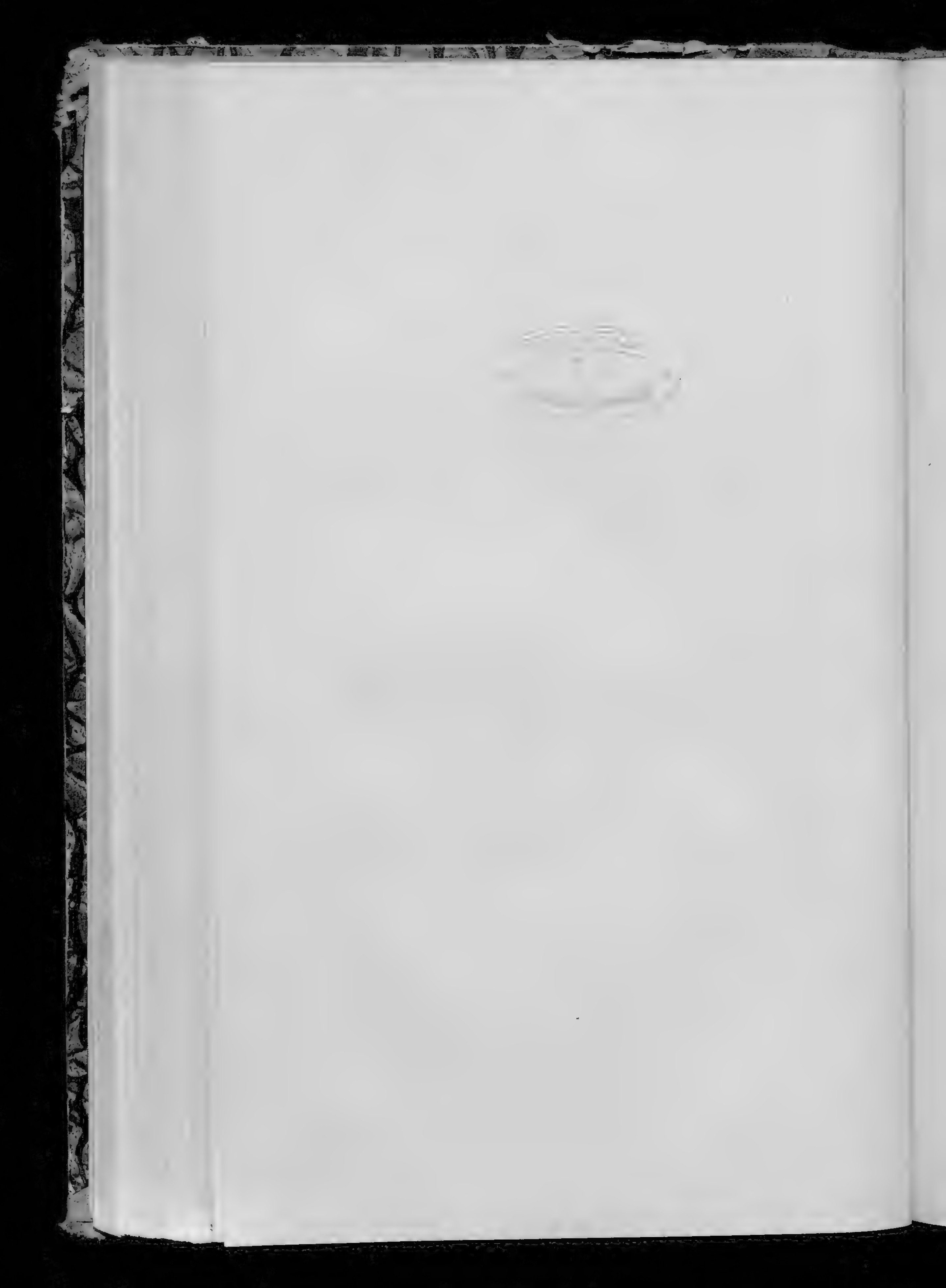
4) Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ онъ миртовый вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ.
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

Къ стран. 233—4.

Изъ альбома А. А. Воейковой.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ.

говорилъ Гречу: „скажите Булгарину, что онъ напрасно думалъ уязвить меня своею эпиграммою: я въ дворецъ не втирался, не жму руки никому. Но онъ принесъ этимъ большое удовольствіе Воейкову, который прочелъ мнѣ эпиграмму съ невыразимымъ восторгомъ“ [1]).

Лѣтомъ 1822 г. пріѣхала изъ Дерпта Екатерина Аѳанасьевна на родины дочери, которая писала Елагиной: съ тѣхъ поръ какъ она съ Жуковскимъ, небо разцвѣло; они живутъ воспоминаніями (à reculons), которыя лучше дѣйствительности и особливо будущаго. — „Здѣсь подлѣ меня одна Саша, извѣщаетъ Елагину Жуковскій изъ Царскаго Села 27 іюля того-же года; въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня по прежнему, *но поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни!* Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ: весело творить, это наполняетъ душу, и душа выражается въ томъ, что она производитъ. Но эти прекрасныя минуты раздѣлены пустыми промежутками“ [2]).

Осенью того-же года Жуковскій проводилъ въ Дерптъ Протасову. „Видѣлъ Машу, пишетъ онъ Елагиной, говорилъ съ ней о ней — и доволенъ: это поэзія. Мы говорили о нашей утопіи. Она непремѣнно должна сгромоздиться, но когда? Будемъ ждать и надѣяться передъ затворенною дверью. Пока то пускай будетъ нашею радостью, что мы всѣ сбережены другъ для друга. Судьба погремѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное .... Теперь мы вмѣстѣ съ Сашей, хотимъ кое-какъ строить спокойное, дѣятельное (если уже нельзя счастливаго) chez-soi; хотимъ ставить фонарики, думая и о нашихъ дальнихъ фонарныхъ мастерахъ, которые съ нами за одно работаютъ и зажигаютъ свои свѣчки. Со временемъ будемъ и вмѣстѣ“ [3]).

Объ этихъ „фонарныхъ мастерахъ“ онъ мечталъ — съ карандашемъ въ рукѣ: женская фигура сидитъ въ глубокой нишѣ, съ которой открывается видъ на широкую полосу воды; за ней вдали линія цвѣтущаго берега—волшебный край; внизу подписано: Alexandrine. Либо на изрытомъ утесѣ, у подножья

1) Записки Греча стр. 493. Эпиграмму приписывали то Булгарину то А. С. Пушкину, Александру Бестужеву, Воейкову.

2) Зейдлицъ l. c. стр. 125—6.

3) Зейдлицъ l. c. стр. 126—7.

башни или маяка, фигура воина въ шлемѣ, смотрящаго въ морскую даль; на одномъ изъ скалистыхъ выступовъ имя: Tourguenef; наконецъ имя Cathérine (Екатерина Аѳанасьевна) красуется на рисункѣ: гора, обращенная къ морю, на ней фигура въ облаченіи католическаго монаха съ крестомъ въ рукѣ [1]).

Судьба не надолго сберегла ихъ другъ для друга. Послѣдовавшій вскорѣ отъѣздъ Воейковой, здоровье которой разстроилось въ невыносимой семейной обстановкѣ, разлука съ дорогой племянницей, вдругъ раскрыли передъ Жуковскимъ ту бездну дѣйствительности, которую онъ прикрывалъ поэтической пеленой съ изображеніями кроткаго счастья въ любви къ добру и вѣрѣ въ прекрасное. Тогда, быть можетъ, онъ послалъ Машѣ свою „Пѣсню", передѣлку Байроновской (Stanzas for music [2]):

Отымаетъ наши радости,
Безъ замѣны хладный свѣтъ.

Передѣлка, какъ всѣ у Жуковскаго: исчезли острые тона, усиленъ элементъ элегіи. Сердце увяло прежде юности, счастье стало игрушкой волнъ; Байронъ шелъ на встрѣчу одному изъ любимыхъ образовъ Жуковскаго: челнъ, который мчитъ море (Сл. Пловецъ 1811 г., Стансы 1815 г., Жизнь 1819 г., Къ кн. Оболенской 1821 г.), но другіе, Байроновскіе, не укладывались въ новое настроеніе: Байронъ говоритъ о тѣхъ немногихъ, которые, уцѣлѣвъ послѣ крушенія счастья, лишенные кормила, относятся на мели преступленій, увлекаются въ океанъ страстей. „Преступленія" и „бурныя страсти" устранены. И далѣе

---

1) Рисунки карандашемъ взяты изъ альбома А. А. Воейковой ея внукомъ графомъ Бревернъ-де-ла-Гарди. Они нумерованы; бумага Whatman 1821 года, съ золотымъ обрѣзомъ. Рисунки съ именами Alexandrine и Cathérine возпроизведены въ моей книгѣ съ согласія ихъ владѣльца, Евг. Евг. Рейтерна.

2) См. Бѣлинскій. Соч. VIII, стр. 240—1. „Пѣсня" написана въ 1820 г. Зейдлицъ, l. c. стр. 128, повидимому, относитъ посылку ея къ Машѣ къ 1823 г.; она могла не знать ее, почему и выразилась въ письмѣ къ Зейдлицу: „Seine schöne Seele ist eine der grössten Zierden der Welt Gottes. *Wenn nur sein letztes Gedicht nicht da wäre!*" Но, можетъ быть, Зейдлицъ ошибся въ датированіи письма. — Такой же вопросъ поднимаетъ „Пѣсня" („Розы разцвѣтаютъ"), относимая изданіями къ 1831 году, тогда какъ, по разсказу Зейдлица (l. c. стр. 149, прим. 1), пьесу эту особенно любила А. А. Воейкова († 1829 г.).

Къ стран. 233—4.

Изъ альбома А. А. Воейковой.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ

тотъ же пріемъ: смерть закралась въ душу, охладѣвшую къ наслажденіямъ и бѣдамъ; у Байрона: сердце не способно сочувствовать чужимъ страданіямъ, не смѣетъ думать и о своихъ. Порой еще блещетъ остроуміе и веселье расширяетъ грудь въ полночный часъ, не приносящій прежней надежды на покой,— продолжаетъ Байронъ; для Жуковскаго „прежнее“ — воспоминаніе, и если это прежнее ошибкою

Въ сердце сонное зайдетъ—
То обманъ: то плющъ, играющій
По развалинамъ сѣдымъ:
Сверху листъ благоухающій,
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.
Оживите сердце вялое,
Дайте быть по старинѣ,
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ.

Марьѣ Андреевнѣ эта пѣсня не понравилась; чѣмъ больше я ее читала, тѣмъ становилась печальнѣе, писала она Зейдлицу. Глубже, чѣмъ Жуковскій, она вжилась въ то полусчастье, въ которомъ способность любви расходовалась на amitié amoureuse; надпись на ея печати 1816 г. для нея характерна: Activité dans un petit cercle [1]). Для нея Жуковскій, ея Jouko, остался навсегда дивнымъ человѣкомъ, der Herrliche, но она говорила и о своемъ „дивнымъ Мойерѣ“ (mein herrlicher Moier). „Мнѣ выпалъ совсѣмъ иной жребій сравнительно съ тѣмъ, о чемъ я мечтала“, писала она въ іюлѣ 1822 г.; „сегодня 2-ое іюля, день, въ который Мойеръ сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я была тогда очень несчастлива, но благодарю милосердаго Бога, что все случилось такъ, какъ случилось“ [2]).

За годъ до смерти она посѣтила родныя мѣста, гдѣ начался ея романъ съ Жуковскимъ. Точно она предчувствовала, что ей жить недолго, она мысленно прощается со всѣми близкими сердцу. Сохранилась ея тетрадка, надписанная Vorhersagungen [3]); текстъ нѣмецкій, письма и размышленія изъ Бѣ-

---

1) Е. В. Пѣтуховъ, Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, Юрьевъ 1903 г., стр. 98, прим. 1.
2) Carl v. Seidlitz, W. A. Joukoffsky (Mitau, 1870), стр. 121 прим.
3) Въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина.

лева, Муратова, Дерпта отъ 31 декабря 1822 г. по 4-ое марта 1823 г. [1]). Сверху перваго письма нарисованъ крестъ надъ могильнымъ холмомъ, надъ нимъ слѣва въ небѣ шесть звѣздъ, представляющихъ Большую Медвѣдицу, въ концѣ тетрадки изображенія сердца, креста и якоря. На заглавномъ листѣ читается:

Я все земное совершила.
Habe ich nich beschlossen und geendet,
Habe ich nicht geliebet und gelebt!

Въ концѣ февраля 1823 года Александра Андреевна уѣхала въ Дерптъ, съ ней Жуковскій, пробывшій тамъ двѣ недѣли. Маша была больна; Жуковскій не подозрѣвалъ, что онъ видитъ ее въ послѣдній разъ. 10-го марта онъ возвратился въ Петербургъ, а 19-го какой-то посторонній человѣкъ разсказалъ ему, что она скончалась въ родахъ. „18 марта скончалась родами Мойеръ, и Жуковскій опять поскакалъ туда въ прошедшую среду. Потеря ужасная: робёнка вынули мертваго. Подробностей мы еще и по сіе время не знаемъ. Я потерялъ въ ней нѣжнѣйшаго, истиннаго друга. Хотя ни разу не видѣлъ ее въ этой жизни, но почти всякую почту переписывался. Какой прелестный ангелъ! She was too pure on earth to dwell! (Тургеневъ кн. Вяземскому 1823 г., 27 марта) [2]). „Какъ выдержала этотъ ударъ Воейкова? Что Жуковскій?“ спрашивалъ кн. Вяземскій (Тургеневу 2 апрѣля 1823 г.). Въ Дерптѣ „всѣ здоровы и перешли на старое пепелище, гдѣ уже нѣтъ съ ними ангела-хранителя. Это названіе принадлежитъ ей: она и ихъ, и насъ всѣхъ хранила. Я не могу еще ни думать, ни говорить о ней безъ умиленія. Отношенія мои къ ней были единственны“ (Тургеневъ кн. Вяземскому 1823 г., 6 апрѣля).

Для Жуковскаго началась жизнь воспоминанія. „Съ ея свѣтлымъ переселеніемъ въ неизмѣняемость прошедшее какъ будто ожило и пристало къ сердцу съ новою силою. Она съ

---

1) Іюльское письмо, изъ котораго нѣсколько строкъ приведено было выше, у v. Seidlitz, Wasily Andrejewitsch Joukoffsky стр. 119 слѣд. прим.; другое въ русскомъ изданіи той-же біографіи 1883 г., стр. 150—1, гдѣ, по недоразумѣнію, авторомъ какъ будто является Жуковскій („я *заказалъ* молебенъ“ и т. д.).

2) Сл. выше стр. 91: двустишіе, какъ эпитафія Андрею Тургеневу.

нами на все то время, пока здѣсь еще пробудемъ. Не вижу глазами ея, но знаю, что она съ нами и болѣе наша, наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія.... Мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія. Нѣтъ!.... Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и одобрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто не существуетъ, а прежнее яснѣе, ближе. Время ничего не сдѣлаетъ.... Мысль о ней, полная ободренія до будущаго, полная благодарности за прошедшее—словомъ *религія*". Ея могила будетъ для него мѣстомъ молитвы [1]). — Въ пятницу на Святой недѣлѣ онъ молился у нея; „теперь знаю, что такое смерть; но безсмертіе стало понятнѣе—жизнь не для счастія: въ этой мысли заключено великое утѣшеніе. Жизнь для души, — слѣдственно Маша не потеряна"; ее здѣшнюю можно было видѣть глазами, тамошнюю можно видѣть лишь душою, ея достойною. „Знаю, что не стою ея, но остатокъ жизни этому чувству. Она оставила ко мнѣ письмо, написанное ко мнѣ не въ минуту предчувствія, но она хотѣла, чтобы я не однимъ воображеніемъ слышалъ ея наставительный голосъ изъ гроба" [2]). „Послѣдніе три дня мы всѣ провели на ея могилѣ, садили деревья.... Первый весенній вечеръ нынѣшняго года, прекрасный, тихій провелъ я на ея гробѣ. Солнце свѣтило на него такъ спокойно. Въ полѣ игралъ рогъ. Была тишина удивительная; и видъ этого гроба не возбуждалъ никакой мрачной мысли: *поэзія жизни* была она. Но послѣ письма ея чувствую, что она же будетъ снова поэзіею жизни. Но поэзіею другого рода" [3]). — „Все высокое сдѣлалось теперь для меня вѣрою, все стало понятнѣе, — но это высокое надобно пріобрѣсти, иначе Маша навсегда потеряна.... Жизнь точно святыня: Маша сама въ этомъ меня теперь увѣрила. Счастье не нужно, чтобы этому вѣрить. На будущее можно глядѣть спо-

---

1) Елагиной 28 марта 1823 г.; Государынѣ 25 марта (французское) съ просьбой отсрочить пріѣздъ Жуковскаго изъ Дерпта дней на десять. Съ идеями и выраженіями писемъ къ Елагиной сл. письмо къ Ал. Тургеневу по поводу кончины его брата Сергѣя 1827 г., 6 ноября.

2) Елагиной, Дерптъ 1823 г.

3) Той-же, Дерптъ 1823 г.

койно, ибо оно уже не отыметъ счастья. Оборотимся къ прошедшему“ [1]).

„Я какъ будто вижу глазами этого товарища“, писалъ Жуковскій, и увидѣлъ его:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На этомъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ,
Твоя могила,
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли;
Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!
(19 марта 1823 г. [2]).

Образъ, кольцо, Lieder Вейрауха [3]), принадлежавшія по-

1) Ей-же, 19 мая 1823 г., изъ Петербурга.

2) Проф. Архангельскій отнесъ къ періоду 1822—31 годовъ, между прочимъ, и слѣдующее стихотвореніе, несомнѣнно стоящее въ связи съ стихами на смерть Маши:

Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
Ваше молчанье
Тайными чарами
Душу покоитъ!
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
О счастьѣ живомъ
Минувшихъ временъ,
Разъ улетѣвшемъ,
Не будемъ мечтать....

3) Сл. выше, стр. 211, прим. 1.

койной, доставлены были позже Зейдлицемъ Жуковскому, своему Herzensbruder, съ которымъ онъ не надѣялся больше увидѣться, и Воейковой [1]).

Всякій разъ, когда Жуковскій могъ отлучиться изъ Петербурга, онъ спѣшилъ въ Дерптъ на могилу Маши [2]).

„Никогда не забуду дерптской могилы и цвѣтовъ ея", вспоминалъ Ал. Тургеневъ въ дневникѣ 1825 года, побывавъ на кладбищѣ Père Lachaise.

„Милый другъ, Саша жива и даже не больна", писалъ Жуковскій Козлову,.... мы вмѣстѣ — это не утѣшеніе, но облегченіе. На счетъ ея здоровья будь спокоенъ: слезы лучше всякаго рецепта. Но послѣднее сокровище ея жизни пропало (М. А. Мойеръ). Этому ничто не пособитъ. Мы ни о чемъ не говоримъ, ни о чемъ ни думаемъ, мы вмѣстѣ плачемъ, и все тутъ" (мартъ—апрѣль 1823 г.).

Въ 1823 году, вѣроятно у Мойера, Жуковскій встрѣтилъ Языкова, только что поступившаго въ число студентовъ дерптскаго университета, и ухарски зажившаго жизнью нѣмецкаго бурша [3]). Пѣвецъ Эрота и круговой чаши, онъ становился чистъ и застѣнчивъ, способенъ къ „дѣвственной любви", когда „молился" на Воейкову. Она поднимала его нравственно, онъ сталъ ея поэтомъ, ею навѣяны, ей посвящены многія дерптскія его стихотворенія. У Мойера собиралась русская молодежь, разсказываетъ Вульфъ, „бывало недѣли въ двѣ разъ придетъ къ намъ дикарь Языковъ, заберется въ уголъ, промолчитъ весь вечеръ, полюбуется Воейковой, выпьетъ стаканъ чаю, а потомъ въ стихахъ и изливаетъ пламенную страсть свою къ красавицѣ, съ которой и слова-то, бывало, не промолвитъ" [4]).

Въ посланіи къ А. Н. Вульфу (1828 г.) Языковъ поминалъ золотое время, когда

---

1) Письмо Зейдлица изъ Астрахани въ коллекціи А. Ѳ. Онѣгина. — Экземпляръ музыкальныхъ композицій Вейрауха подаренъ былъ Жуковскимъ М. А. Мойеръ 19 октября 1819 г.; она подарила его Зейдлицу за *три дня* до смерти, 6 марта 1823 г., какъ гласитъ надпись на нотахъ по сообщенію проф. Висковатова (сл. Н. И. Стояновскій, В. А. Жуковскій, чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 января 1883 г., приложеніе 4-е). Но М. А. Мойеръ скончалась 18 марта.

2) Зейдлицъ l. c. стр. 137—8; Дневникъ 1829 г., 21 іюня.

3) Нѣсколько данныхъ для студенческихъ годовъ Языкова даетъ Шёнрокъ, Русская Старина 1903 г., апрѣль, стр. 143 слѣд.

4) Русскій Архивъ 1867 г. № 5 и 6, стр. 720.

Въ насъ торжественно бурлила
Чародѣйственная сила
Первой, дѣвственной любви;
Мы другъ другу объясняли
Сердца тайныя печали
И желанія свои.
Помнишь-ли, какъ нѣжно-пылки
Въ честь Воейковой потомъ
Пили, били мы бутылки
У пруда передъ костромъ?

Когда порой онъ закутитъ—и очнется, его первыя мысли обращались къ Воейковой, и мы слышимъ его признаніе, — чѣмъ она была для него:

Забуду-ль васъ когда нибудь,
Я, вами созданный? Не вы-ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили,
Мнѣ свѣтлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу въ душѣ моей
Неизъяснимыя, живыя
Воспоминанья прошлыхъ дней,
Воспоминанья золотыя.
Тогда для васъ я призывалъ.
Для васъ любилъ богиню пѣнья;
Для васъ дѣлами вдохновенья
Я возвеличиться желалъ.

Для нея онъ сталъ поэтомъ, былъ „полонъ божества, могучъ возстать до идеала“.

Тогда я ждалъ,.... Но гдѣ-жъ они,
Мои плѣнительные дни,
Восторговъ пламенная сила
И жажда славнаго труда?
Исчезло все — меня забыла
Моя высокая звѣзда.
Взываю къ вамъ: безъ вдохновеній
Мнѣ скучно въ полѣ бытія;

Пускай пробудится мой геній,
Пускай почувствую, кто я.
(А. А. Воейковой 1825 г.).

Когда она уѣзжала, онъ не дождется ея:

Ужъ долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ—любимецъ музы,
Я только трубадуръ безъ васъ.
(А. А. Воейковой) [1]).

По смерти Маши Жуковскій перенесъ всю свою любовь на Воейкову: онъ болѣетъ о ней, бережетъ ее издали. „Пора бы твоему чувству дать иное направленіе, пишетъ онъ Ал. Тургеневу (31 генваря 1825 г.), пора бы изъ этого омута по крайней мѣрѣ вытащить нашу дружбу". О! еслибъ можно было возвратить „старое время это со всею его простотою, какъ мы втроемъ, ты, я и Саша, еще могли быть спокойно счастливы другъ другомъ. Но то, что у тебя въ сердцѣ, несбыточное, невозможное, все будетъ портить, и мы, достойные другъ друга, будемъ только рознить сами себя съ собою".

Въ маѣ 1826 г. Жуковскій уѣхалъ заграницу [2]), откуда

1) Пьеса эта помѣчена 1830 годомъ, когда Воейкова уже скончалась († 1829 г.). Судя по началу, стихотвореніе написано по случаю отъѣзда Воейковой: поэтъ смотритъ съ надеждой на Петербургскую дорогу, молится, чтобъ возвращеніе было благополучно. Въ концѣ 1829 г. покинулъ Дерптъ и Языковъ.

2) Къ 1826 году отнесено 7-мъ изданіемъ г. Ефремова письмо Жуковскаго къ Козлову изъ Царскаго Села, гдѣ онъ живетъ въ „сосѣдствѣ съ Сашей". „Время идетъ порядочно, благодаря занятіямъ. Жаль только одного: некогда сходить на поклонъ къ музѣ. Это твое дѣло. Обдумай на всякій случай *сюжетъ моихъ двухъ монаховъ*". Онъ проситъ его прислать два экземпляра его „Чернеца", одинъ съ надписью В. П., другой М. П. Ушаковымъ.

справлялся о здоровьѣ Александры Андреевны; между тѣмъ у нея открылась чахотка и заграницу посылали ее самое. Жуковскій встревоженъ, проситъ написать ему „всю правду", есть ли у нея средства, хлопочетъ объ ея устройствѣ [1]); встрѣтилъ ее 13/25 сентября въ Берлинѣ [2]) и, проводивъ, вернулся черезъ Дерптъ въ Петербургъ [3]).

„Я опять принимаюсь за старое, пишетъ онъ отсюда Е. Г. Пушкиной 25 октября/6 ноября 1827 г., но очень много недостающаго въ Петербургѣ для сердца: моя бѣдная Саша Воейкова уѣхала въ Гіеръ и остановилась въ Страсбургѣ съ больными дѣтьми. Это меня жестоко тревожитъ". Онъ заинтересовалъ въ больной граф. Разумовскую [4]), проситъ Тургенева — узнавать о Сашѣ, быть ей полезнымъ, но черезъ другихъ: „твое сношеніе съ нею кончено и не должно ни подъ какимъ видомъ возобновляться"—и онъ журитъ пріятеля за то, что тотъ обмолвился Козловскому о своихъ чувствахъ: „о томъ, что у тебя съ нею было, ни слова никому! Это обязанность твоя и передъ собою и передо мною!.... Заглядь старое!" (1827 г., 25 октября). „Не тревожь ее ничѣмъ: ея жизнь на волоскѣ" (10 генваря 1828 г.). Объ ея здоровьѣ приходили то утѣшительныя, то тревожныя вѣсти (къ Тургеневу 6/18-го апрѣля и 2/14 сентября 1828 г.). „Вотъ цѣлый мѣсяцъ, какъ не имѣю никакихъ извѣстій объ Александрѣ Андреевнѣ, ни отъ нея прямо, ни отъ тебя, писалъ Жуковскому Перовскій съ театра военныхъ дѣйствій (Анапа, 22 іюня 1828 г.). Напрасно стараюсь успокоить себя и увѣрить, что письма есть, но до меня не дошли. Предчувствіямъ не вѣрю, но они меня не оставляютъ; послѣднія извѣстія были такія страшныя". Жуковскій долженъ писать ему обо всемъ подробно, гдѣ бы онъ ни былъ, письма его найдутъ, „развѣ буду на томъ свѣтѣ; въ такомъ случаѣ скораго отвѣта не жди, но будь увѣренъ, что и тамъ буду

„Чернецъ" вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1824 году; вѣрно-ли опредѣлена дата письма?

1) Къ Козлову Эмсъ 3/15 іюня 1826 г.; къ Тургеневу 23 іюля/4 августа и 18/30 августа 1826 г.; къ Козлову 3/15 іюля, 23 іюля/4 августа и 8/20 августа 1827 г. Сл. письмо къ Жуковскому графини Разумовской 5 августа 1827 г.

2) Къ государынѣ 15/27 сентября 1827 г., къ Тургеневу 17/29 сентября того же года.

3) Къ Тургеневу 9 и 13 сентября 1827 г.

4) Сл. ея письмо къ Жуковскому 28 октября 1827 г.

я всегда твой и ея вѣрный другъ“. Онъ раненъ, проситъ друга написать Сашѣ, что ему лучше (4 сентября 1828 г. изъ лагеря подъ Варной), что на дняхъ будетъ здоровъ (24 сентября, Одесса) — и онъ пеняетъ на Жуковскаго, что тотъ встревожилъ Воейкову печальной вѣстью; это ей вредно. Она писала Перовскому, что 1 октября ѣдетъ въ Пизу; „снабдилъ ли ты ее всѣмъ нужнымъ? Въ противномъ случаѣ напиши мнѣ, я тебѣ отсюда въ состояніи отвѣчать удовлетворительно“ (28 сентября, Одесса) [1]).

Между тѣмъ Жуковскій спокойно, съ какимъ то умиленіемъ, ждалъ смерти Саши, писалъ о томъ ей самой. „J'ai lu votre lettre à Peroffsky: il faut vous perdre“; и въ другомъ: „Alexandrine, mon ange! Peut-être vous êtes déjà mon ange sous tous les rapports!“ [2]). Къ идеѣ смерти свѣтлой, освобождающей, онъ привыкъ, кончина Маши его освѣтила, онъ такъ проникся вѣрой въ „небесное товарищество“, что говоритъ объ умирающей, какъ будто она была уже нездѣшней. „Въ мысляхъ я уже съ нею простился.... Я точно теперь въ такомъ положеніи, какъ бы самъ готовился оставить землю и перейти въ другую жизнь.... Нашъ здѣшній міръ переходитъ на ту сторону. Все отдѣляется отъ жизни. Остается одна строгая должность“ (къ Тургеневу 14/26 февраля 1829 г.). „Нѣжнѣйшій товарищъ моей души оторвался отъ нея, писалъ онъ Тургеневу, получивъ извѣстіео ея кончинѣ (16/28 марта 1829 г.),.... и для меня навсегда съ нею исчезла самая близкая родная душа. Съ 15-лѣтняго возраста до теперешняго времени была она во всемъ моимъ прелестнымъ товарищемъ. Сперва, какъ милый, цвѣтущій младенецъ, которымъ глаза любовались въ такое время, когда душа расцвѣтала; потомъ, какъ веселая, живая, беззаботная, какъ будто обреченная для лучшаго земного счастія, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушный геній, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ поэтическомъ уединеніи. Потомъ, какъ предметъ заботы и состраданія, какъ смиренная, но всегда веселая, при всемъ своемъ бѣдствіи, жертва Воейкова. Все это пропало; отъ всего этого осталась послѣдняя минута ея, свѣтлая, возвы-

1) Русск. Старина 1903 г., іюль, стр. 125, 127, 128 и 129.
2) Зейдлицъ l. c. стр. 146—7.

шающая душу. Передъ этою минутою молчитъ сожалѣніе объ ней. Какъ жалѣть объ ней? Можно сказать, что жизнь къ ней не коснулась; она посреди всего житейскаго прошла чистою, безъ усилія, по одной младенчески непорочной природѣ своей".

Воейкова скончалась 16 февраля 1829 г. и погребена въ Ливорно. Жуковскій просилъ Тургенева позаботиться объ ея памятникѣ: памятникъ долженъ быть такой же, какъ Машинъ, та-же надпись, „ихъ души были одинаковы, хотя въ разномъ образѣ; и можно сказать, что между ихъ могилами та-же разница, какая между ихъ наружностью. Для одной умершей небо Лифляндіи и тихій уголокъ подлѣ большой дороги, за которою поле, покрытое жатвою; природа простая и пріятная, какъ ея тихія свойства; надъ другою голубое небо Италіи съ его яркими звѣздами и благовоніями юга, очаровательными, какъ ея милое, восхитительное ребячество, какъ поэзія ея сердца"[1]).

Въ посвященіи Наля и Дамаянти (16/28 февраля 1843 г.) Жуковскій вспомнилъ о „двухъ родныхъ, земной судьбиной разрозненныхъ могилахъ".

И Козловъ грустно задумался, чѣмъ была для него, еще такъ недавно, Свѣтлана:

Кругомъ гроза,—но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей свѣтлѣла;
Мнѣ замѣнилъ твой дружескій привѣтъ
Обманъ надеждъ и блескъ веселыхъ лѣтъ;
Забылось все; какъ плѣнники въ неволѣ,
Привыкнулъ я къ моей угрюмой долѣ;
Она — скажу-ль? — мнѣ сдѣлалась мила:
Меня съ тобой она, мой другъ, свела,
И, можетъ быть, не даромъ мы узнали,
Какъ много есть прекраснаго въ печали.

Теперь онъ надолго разлученъ съ ней, но

Въ умѣ моемъ ты мыслію высокой,
Ты въ нѣжности и тайной и глубокой
Душевныхъ чувствъ, и ты-жъ въ моихъ очахъ,
Какъ яркая звѣзда на темныхъ небесахъ.

---

1) Письма къ Тургеневу 19/31 октября, 6 ноября н. ст. 1832 г., 15/27 генваря (откуда взята цитата) и 14/26 марта 1833 г. Сл. письмо къ роднымъ въ Муратово, Зейдлицъ стр. 149—50.

Онъ ждалъ ее, мчался къ ней душею, но его пѣсни къ ней, пѣсни сквозь слезы, до нея не долетѣли:

Тиха ея далекая могила,
Душа свѣтла въ надзвѣздной сторонѣ,
Но сердце тѣхъ, кого она любила....
Святая тѣнь! молися обо мнѣ.
(Ал. Ан. В...к..ой).

Языкова посѣтили другія воспоминанія:

Ея ужъ нѣтъ, но рай воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она.

Бывало на ежегодномъ студенческомъ пиру, „у пруда, на бархатѣ луговъ", онъ пѣвалъ „не наобумъ", не для друзей,

Нѣтъ, не для васъ! Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преслѣдовала ихъ,
Когда она веселыми устами
Мой счастливый произносила стихъ:
Торжественна, полна очарованья,
Свѣжа — и гдѣ была душа моя!
О! прочь мои грядущія созданья,
О! горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ ліющемся кристалѣ разговора.
Ея ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистыя дѣла
. . . .
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ.....
Она всего поэта поднимала —

И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье.
(Воспоминаніе объ А. А. Воейковой 1831 г.) [1]).

Въ 1833 году Жуковскій былъ въ Италіи.

Ты будешь зрѣть тѣхъ волнъ очарованье,

пѣлъ ему Козловъ

И нѣжный блескъ надъ Брентою луны,
И вспомнишь ты думъ пламенныхъ мечтанье,
И юныхъ лѣтъ обманутые сны.
О, въ сладкій часъ, душою посвященный
Друзьямъ живымъ и *праху незабвенной*....
Скажи землѣ пѣвца Ерусалима
Какъ мной была прекрасная любима.
(Къ Италіи. В. А. Жуковскому).

„Прекрасная" — это, можетъ быть, Италія; незабвенная, — вѣроятно, Воейкова. Для Жуковскаго она и Мойеръ сплывались уже „здѣсь" въ „товариществѣ небесномъ".

14 апрѣля 1833 года Жуковскій былъ въ Ливорно и записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я отправился на кладбище. Долгъ свой милому праху Саши заплатилъ только біеніемъ сердца при приближеніи. Остальное смущено поспѣшностью, помѣхою; я срисовалъ милой гробъ нашъ. Мѣсто тихое, ясное". Изъ Ливорно онъ поѣхалъ въ Пизу, гдѣ случай привелъ

1) Сл. дневникъ А. Н. Вульфа 19 іюня 1832 г. у Л. Майкова. Пушкинъ, біографическіе матеріалы, стр. 181. Быть можетъ, памяти Воейковой („Ея ужъ нѣтъ, любви моей прекрасной") посвящено стихотвореніе безъ даты: Объ ней. — „Какое-то неизъяснимо смутное чувство проникаетъ душу, когда читаешь послѣдніе стихи Ник. Мих. (Языкова): и отрадно, и тяжко. Это хоть не голосъ умирающаго, а что-то прощальное. Поразительно, что его послѣднее слово и послѣдняя мысль были обращены къ отшедшимъ: къ годамъ студенчества и къ Воейковой, какъ будто онъ ужъ подавалъ голосъ тому свѣту". Вас. Вас. Кирѣевскій къ А. М. Языкову 15 іюня 1847 г., Русская Старина 1883 г., стр. 629. „Женщинъ боялся онъ, какъ огня, пишетъ о Языковѣ Д. Н. Свербаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мечталъ о нихъ постоянно .... Онъ воспѣвалъ ихъ не одну, а многихъ, и былъ, кажется, пресерьозно влюбленъ въ Воейкову". Русск. Арх. 1899 г. Сентябрь, стр. 144—5.

его остановиться „въ трактирѣ окнами противъ окна, въ коемъ сидѣла Саша, и противъ той башни, которая своимъ звономъ оживила ея послѣднюю земную минуту“ [1]).

Эпитафіей Воейковой выбраны были слова евангелія отъ Іоанна (XIV, 1—4), которыя Жуковскій назначилъ для надгробной надписи Машѣ — и себѣ [2]): „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“ и т. д.

Извиняясь передъ Ѳ. Н. Глинкой за свое долгое молчаніе, Воейковъ ссылался на „черный“ годъ: потеря жены, переведеніе дѣтей изъ-за 5000 верстъ (?), хлопоты о томъ, какъ бы, куда бы пріютить ихъ [3]); затѣмъ у дѣтей коклюшъ, у него самого четыре раза начинался антоновъ огонь. „Вотъ радости, въ коихъ утопаетъ тотъ человѣкъ, котораго недавно знали вы здоровымъ, счастливымъ любовью ангела-подруги, въ цвѣтникѣ дѣтей, въ кругу образованнѣйшаго общества столицы, осыпаннаго милостями царя и особеннымъ благоволеніемъ великаго князя Михаила Павловича. Теперь онъ стоитъ, какъ под-

1) Въ 1839 году Жуковскій посѣтилъ въ Гаагѣ M-me Dedel: „Она познакомилась съ Сашею въ Гіерѣ, потомъ съ нею вмѣстѣ была въ Гіерѣ и Пизѣ и закрыла ей глаза“ (Дневникъ 11/22 апрѣля 1839 г.).

2) Сл. письмо кн. Вяземскаго Плетневу 19 ноября/1 декабря 1852 г. Эта эпитафія изображена, въ числѣ другихъ, на гробницѣ В. А. и Е. А. Жуковскихъ на кладбищѣ Александроневской лавры.

3) Дѣтей Воейковой привезъ въ Дерптъ къ ихъ бабушкѣ Зейдлицъ. Жуковскій не только доставилъ Воейковой необходимыя средства для поѣздки за-границу, но позаботился и о ея семьѣ (Зейдлицъ l. c. стр. 145 слѣд.; Зонтагъ въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 132 слѣд.: письмо къ А. М. Павловой). Въ виду этого онъ хлопоталъ о сохраненіи за Воейковымъ изданія „Инвалида“, хотя съ Воейковымъ у него нѣтъ ничего общаго, писалъ онъ Имп. Николаю Павловичу: „меня приковала къ нему бѣдственная судьба его жены, которая выросла на моихъ рукахъ и стоила лучшей участи. Я и теперь прикованъ къ нему ея милыми сиротами“ (письмо 30 марта 1830 г., Русскій Архивъ 1896 г., № 1, стр. 113). Въ письмѣ къ государю (Эмсъ 1840 г., іюль) Жуковскій говоритъ, что въ 1839 году продалъ свою аренду, чтобы обезпечить сиротъ Воейковыхъ. По его просьбѣ Марія Воейкова принята была въ Екатерининскій институтъ (Русская Старина 1898 г. ноябрь, стр. 364 слѣд.), и позже государыня пристроила ее при вел. княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ (письмо къ Государынѣ изъ Дармштадта 1844 г., 25 марта). Онъ же заботился о сынѣ Воейковой, Андреѣ, воспитывавшемся въ Женевѣ, и о наслѣдствѣ его сестры Екатерины, составившемся изъ даннаго имъ-же капитала (письмо къ Наслѣднику 20 генваря 1847 г.).

рытая башня-руина, готовая обрушиться на развалины и пепелъ, ее окружающія. Это все внѣшнее; въ сердцѣ же своемъ я спокоенъ; когда-же взгрустнется, то вспомню слова Спасителя, вырѣзанныя на могилѣ моей Александры Андреевны: Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте". (16 ноября 1829 г.) [1]).

---

1) Литературный Вѣстникъ, т. IV, кн. 8 (1902 г.), стр. 345—7.

VII.

Лирика чувства и ея личные мотивы.

На увлеченіи Жуковскаго Марьей Андреевной Протасовой надо было остановиться: она была для него „поэзіей жизни", подъ ея вліяніемъ онъ сталъ поэтомъ личнаго чувства, благоговѣйнаго, элегическаго, не страстнаго. Это-то чувство и наполняетъ лирику его первой поры: что въ ней лучшаго—это Gelegenheitsdichtung; небольшія стихотворенія, выражающія если не великія скорби (Гейне), то искреннюю скорбь. Оттуда и мрачный репертуаръ, и своеобразныя философіи любви и счастья.

На землѣ нѣтъ счастья, есть только тѣнь его, утраченное счастье, счастье самоотреченія; настоящее счастье въ воспоминаніи о блаженныхъ минутахъ, пережитыхъ чувствомъ и постоянно его питающихъ; полнота счастья за гробомъ: „возлюбленный образъ" летитъ за душею въ вѣчность,

Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.
(Къ Нинѣ 1808 г.);

Свиданье тамъ,

Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ.
(Эолова арфа 1814 г.).

Воспоминанье и *ожиданье* чего-то за таинственнымъ предѣломъ — вотъ двѣ основныя ноты любовной поэзіи Жуковскаго;

ему 23 года, а онъ уже „къ протекшимъ временамъ“ летитъ „воспоминаньемъ“ (Вечеръ 1806 г.).

Воспоминанье его любимый Leitmotiv; такъ въ „Трехъ сестрахъ“, въ „Видѣніи Минваны“ (1808), въ посланіи къ Батюшкову (1812 г.):

Какъ будто съ вышины
Спускается пріятный
Минувшаго привѣтъ,
И то, что невозвратно,
Чего навѣки нѣтъ,
Опять животворится,
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни
Невозвратимыхъ тѣни!

Воспоминаніе—„это милое товарищество, котораго и смерть не разрываетъ, по которому мы одни исполняемъ то, что прежде исполняли вдвоемъ“ (письмо къ Кирѣевской 1813 г. іюль). „Для сердца прошедшее вѣчно“, говоритъ Теонъ (1814 г.); счастье— въ удовольствіи съ воспоминаніемъ, твердитъ онъ Машѣ и Воейковой (1814—1815 г.); „святое прежде“ царитъ въ стихотвореніяхъ болевого 1816 г.; „общее, неясное воспоминаніе, безъ вида и голоса, какъ будто воздухъ прежняго времени“ (дневникъ 1818 г. 28 октября); имъ полонъ „Цвѣтъ завѣта“, наставленіе гр. Самойловой (1819 г.). Поэтъ всегда готовъ „съ милымъ прошлымъ за одно въ воспоминаньи повидаться, потому что „милое минувшихъ дней.... милѣйшимъ будетъ завсегда сокровищемъ воспоминанья“. (Къ кн. А. Ю. Оболенской 1820 года).

Нужды нѣтъ, что порой онъ старается уйти отъ него, твердитъ себѣ и другимъ о прелести настоящаго: „Будь настоящее твой утѣшительный геній“ (Къ самому себѣ 1814 г.), развивая ту-же идею въ дневникахъ и альбомахъ Маши, Воейковой, гр. Самойловой (1819 г.), въ обращеніи къ Эверсу 1815 г. („Прекрасному текущее мгновеніе) и въ отвѣтѣ кн. Вяземскому на его стихотвореніе „Воспоминаніе“:

На что-же, другъ, хотѣть призвать воспоминанье?
Мечты не дозовемся мы:

Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье,
На небо — взглянемъ изъ тюрьмы!
(1819 г.).

Этотъ призывъ къ настоящему часто уживается на одной и той-же страницѣ съ „удовольствіемъ воспоминанія". Въ сущности одно оно прочно, настоящее—утопія, „прибѣжище, я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску", читаемъ мы въ дневникѣ 1814 года [1]).

16-го/28 февраля 1821 г. помѣченъ въ дневникѣ первоначальный текстъ четверостишія „Воспоминаніе" съ толкованіемъ, какъ будто предназначавшимся для великой княгини Александры Өедоровны [2]); тотъ-же культъ воспоминанія въ припискѣ къ Лалла-Рукъ и въ Отрывкѣ письма изъ Саксоніи (1821 г.).

Въ 1824 г. написанъ „Мотылекъ": онъ льнетъ только къ двумъ цвѣткамъ, не пышнымъ и непригляднымъ: цвѣтку воспоминанья и цвѣтку сердечной думы.

О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ жизни нѣтъ!
О, дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ
И съ вами низость настоящаго
И превебрегъ и позабылъ.

Въ дневникѣ 23 ноября/5 декабря 1832 года записано: „Письмо великаго князя. Минуты, въ которыя какою-то магическою силою пробуждаются воспоминанія и всѣ знакомыя лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что

1) Сл. выше стр. 170.

2) Чтверостишіе это отнесено 9-мъ изданіемъ г. Ефремова къ 13 іюля 1821 года; съ толкованіемъ, повторяющимъ, съ нѣкоторыми отмѣнами, текстъ дневника, и присоединеніемъ въ концѣ стихотворенія Жанъ Поль Рихтера на кончину королевы Луизы, оно печаталось съ датой 1848 года („Воспоминаніе"); стихотвореніе (На кончину....), безъ подписи переводчика, явилось въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 года, ч. XV, № 11.

чувствовалъ, *воздухъ старины* [1]), *домъ, чувство прошедшей жизни*". Но это чувство не вѣчно, слабѣетъ со временемъ и горе по милымъ усопшимъ, унося счастье воспоминаній, и Жуковскій вторитъ жалобѣ Ламоттъ-Фукэ:

Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много иного, чужого,
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
. . . .
Наше горе земное не надолго.
(Ундина, гл. XVI, 1836 г.).

Въ передѣлкѣ Гальмова Камоэнса нерѣдко красивые образы устранены на счетъ воспоминанья, святой памяти, вѣрности прекрасному минувшему. У Halm'a Кеведо разсказываемъ Камоэнсу, что и онъ былъ несчастенъ: умерла жена, онъ обливался слезами, но нашелъ утѣшеніе — въ наслѣдствѣ. И я утѣшился (Auch ich fand Trost), отвѣчаетъ Камоэнсъ; слѣдуетъ извѣстное въ передѣлкѣ Жуковскаго сцена откровенія поэзіи, посѣтившее поэта въ больницѣ. Вотъ что подсказалось ему вмѣсто короткой фразы: и я утѣшился:

Все переживешь
На свѣтѣ... Но забыть!... Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ *святую память, вѣрность*
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,
Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней поэзіей горѣла.
И мнѣ поэзія была отрадой [2]).

Въ 1840-мъ году Жуковскій давалъ первый урокъ прин-

---

1) Въ текстѣ: сторона. Сл. дневникъ 28 октября 1818 года: „воздухъ прежняго времени".

2) Сл. Wir liebten. Uns're Liebe war ein Klang. = Пора любви! Твое *воспоминанье*.

цессѣ Маріи—и перенесся мыслью къ первому своему появленію во дворцѣ, 23 года тому назадъ, въ качествѣ учителя русскаго языка вел. кн. Александры Ѳедоровны. Вечеромъ давали оперу Спонтини Нурмагалъ; дотолѣ онъ не зналъ ее, но лишь только услышалъ, Дармштадтъ исчезъ изъ его глазъ, его заслонили тѣни прошлаго,

Und manche liebe Schatten standen auf.

„Странное, непонятное очарованіе въ звукахъ: они не имѣютъ ничего существеннаго, но въ нихъ живетъ и воскресаетъ прошедшее. Я не думалъ никого произвольно воспоминать, но вслѣдъ за этою картиною праздника именно тѣ, которые тогда были и которыхъ теперь нѣтъ, какъ будто сами слетѣли со всѣхъ сторонъ на поминки и тѣнями мимо меня провѣяли“. Жуковскій видитъ воочію „идеальную Пери“, то есть великую княгиню, выступавшую въ ея роли, проходятъ и другія, „и вслѣдъ за ними моя Александра Воейкова, которой я тогда описалъ этотъ праздникъ, которая тогда была во всемъ цвѣтѣ жизни, а теперь въ далекой могилѣ, подъ небомъ Италіи, свѣтлымъ, какъ была она сама“ [1]).

Воспоминаніе не выходитъ и позже изъ его поэтическаго словаря; онъ былъ правъ, сказавъ о себѣ въ четверостишіи къ своему портрету: „Воспоминаніе и я — одно и то-же“ (1837 г.).

Все это вызывало печальныя темы: образъ „кладбища“, унаслѣдованный отъ сентиментальной поэзіи, продолжаетъ занимать поэта съ первыхъ его стихотворныхъ опытовъ. Съ

---

1) Къ государынѣ изъ Эмса 1/13 мая 1840 г. См. письмо къ ней же 12/24 октября 1843 года изъ Дюссельдорфа: король подарилъ Жуковскому музыку Спонтини на праздникъ Лалла-Рукъ, онъ наслаждается ею въ семьѣ, и подъ музыку „много давно, давно прошедшаго воскресаетъ: въ звукахъ есть что-то безсмертное, хотя сами они бытія не имѣютъ. Съ ними то, что прошло, является снова такимъ, (какимъ) оно было, во всей своей прошлой свѣжести и молодости,

Und manche liebe Schatten stehen auf“.

Жуковскій не зналъ оперы Нурмагалъ; если она вызвала въ немъ воспоминанія о берлинскихъ торжествахъ и о Лалла-Рукъ съ музыкой Спонтани, то это только указываетъ на его музыкальную память: въ Нурмагалѣ Спонтини воспользовался нѣкоторыми номерами своей старой оперы-балета.

переводомъ Греевской элегіи связано начало его литературной репутаціи (1802 г.); въ 1814 году, остановившись въ деревнѣ, онъ рисуетъ на кладбищѣ [1]); въ 1820-мъ вноситъ въ свой дневникъ впечатлѣнія по дорогѣ въ Preussische Mark: „прекрасное захожденіе солнца за холмомъ, и холмъ казался огнедышащей горою; все небо въ огнѣ; пріятное расположеніе духа. Деревня Бухвальде, освѣщенная солнцемъ; церковь и кладбище и гробъ, который чернѣлся на заревѣ“ [2]). Въ то же путешествіе онъ заинтересовался картинами Фридриха [3]); въ нихъ нѣтъ ничего „мечтательнаго“, онѣ нравятся своею вѣрностію, „ибо каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе о чемъ-то знакомомъ; если находишь въ нихъ болѣе того, что видятъ глаза, то этому та причина, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который въ ней ищетъ только образца для кисти, а какъ человѣкъ съ чувствомъ и воображеніемъ, который повсюду находитъ въ ней символъ человѣческой жизни“ [4]). — Въ 1826 г. Жуковскій видѣлъ у Фридриха начатый пейзажъ: большая желѣзная дверь, ведущая на кладбище, открыта; къ одному изъ ея столбовъ прислонились мужчина и женщина: они только что похоронили ребенка и смотрятъ издали на его могилу, небольшой, покрытый газономъ холмикъ, у котораго еще лежитъ заступъ; недалеко другая могила съ урной; тамъ покоится прахъ предковъ. Кладбище поросло соснами; ночь, луны не видно, но она откуда то свѣтитъ; въ волнующемся туманѣ стволы деревьевъ точно отстали отъ земли, сквозь эту завѣсу видны могилы, простые старые памятники; одинъ изъ нихъ, длинный вертикальный камень, стоитъ какъ сѣрый призракъ. Все это составляетъ прелестный пейзажъ. Но художникъ хотѣлъ сдѣлать бо́льшее, обратить нашу мысль къ загробному міру: глаза родителей обращены на могилу ребенка, и они какъ будто пора-

---

1) Сл. выше стр. 170.

2) Дневникъ 1820 г. 10 октября.

3) См. Дневникъ 1820 г. 11 октября, 9 ноября; 1821 г. 8/20 марта. Сл. письмо Жуковскаго къ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Карлсбадъ 17/29 іюня 1821 г. Русская Старина 1901 г., октябрь, стр. 238, что опущено въ печатномъ текстѣ „Путешествія по Саксонской Швейцаріи“.

4) Сл. письмо къ вел. княг. Александрѣ Ѳеодоровнѣ 23 іюня / 5 іюля 1821 г. (Русская Старина 1901 г., ноябрь, стр. 390); оно вошло въ „Отрывокъ письма изъ Саксоніи“.

жены какимъ-то таинственнымъ явленіемъ: туманъ оживленъ, имъ кажется, что ихъ дитя поднялось изъ могилы, тѣни предковъ тянутся къ нему, простирая къ нему объятія, и ангелъ мира *съ оливной вѣткой* въ рукѣ паритъ надъ ними и ихъ соединяетъ. Ни одного изъ этихъ воздушныхъ образовъ не различить, виденъ лишь туманъ, но воображеніе дополняетъ намеки художника, и видѣніе, ничего не прибавляя къ простому пейзажу лишь возвышаетъ его естественное впечатлѣніе [1]).—О другихъ произведеніяхъ Фридриха говоритъ Ал. Тургеневъ, въ томъ-же году посѣтившій съ Жуковскимъ его мастерскую: художникъ показывалъ имъ свои юмористическія картины, „Жуковскій, пишетъ Тургеневъ, заказалъ ему нѣсколько картинокъ. Между ними — смерть на гробѣ и другая — жизнь на гробѣ. На одной представлено кладбище, на которомъ около сельскихъ памятниковъ надгробныхъ вьются цвѣты и зеленѣетъ густая, полная жизни, трава; на другой — глубокій снѣгъ покрываетъ кладбище, сухое дерево напоминаетъ ту-же смерть и недалеко сугробъ раскопанъ для могилы и заступы лежатъ, полузанесенные снѣгомъ. Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ умереть“ [2]). Жуковскій надѣется получать отъ Фридриха каждую весну по двѣ картины въ тотъ размѣръ, въ какой уже взялъ отъ него нѣсколько. Мы съ нимъ говорили о сюжетѣ; онъ знаетъ мой вкусъ, пишетъ онъ Е. Г. Пушкиной (5/17 ноября 1827 г.), сообщая ей содержаніе картинъ, изъ которыхъ двѣ хотѣлъ бы пріобрѣсть: еврейская могила на равнинѣ при заходѣ солнца; христіанская могила: мать у гробницы своего ребенка; крестъ водруженъ на утесѣ [3]).

---

1) Французское письмо къ государынѣ изъ Дрездена 2/14 октября 1826 г.

2) Письмо А. Тургенева къ Николаю Тургеневу 1827 г. 28 января.

3) Сл. письмо къ ней же 1828 г. Сл. заботы объ обѣднѣвшемъ Фридрихѣ въ письмѣ къ Наслѣднику 1838—9 г.; сл. дневникъ 1840 г. марта 19 и 20. Картинами Фридриха полна была петербургская квартира Жуковскаго, онѣ произвели впечатлѣніе на И. В. Кирѣевскаго. Преобладаютъ кладбище и мрачные сюжеты. На одной большой картинѣ „ночь, луна и подъ нею сова. По полету видно, что она видитъ; въ расположеніи всей картины видна душа поэта. Съ обѣихъ сторонъ стола виситъ по двѣ маленькихъ четвероугольныхъ картинки. Одна — подарокъ Тургенева, который заказалъ ее Фридриху: даль, небо, луна, впереди рѣшетка, на которую облокотились трое: два Тургенева и Жуковскій. Такъ объяснилъ мнѣ самъ Жуковскій. Одного изъ нихъ (Сергѣя Тургенева) мы вмѣстѣ похо-

Изъ рисунковъ пріятеля Рейтерна Жуковскому въ особенности нравится Familienzimmer у входа на кладбище: горница, гдѣ собравшаяся семья сѣтуетъ о недавней утратѣ. Самъ Жуковскій подсказываетъ содержаніе рисунка [1]). У него какой-то печальный, похоронный экстазъ; самъ онъ часто рисовалъ и заказывалъ писать могилу Маши; любимая обстановка была зимняя, могильный холмъ, слѣды на свѣжемъ снѣгу, мужская фигура въ плащѣ сидитъ у памятника [2]). Долгое время спустя онъ заказалъ живописцу Майделю картину-иллюстрацію къ одной сценѣ изъ своихъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“: могильный камень, крестъ наклонился до земли, надъ нимъ теплится „легкій, блѣдный пламень“ и „воронъ, птица ночи“ сидитъ на немъ недвижимъ, вперивъ въ мѣсяцъ унылыя очи [3]). — Въ 1839-мъ году Греева Элегія переведена снова.

Рядомъ съ видѣніями кладбища — гимны смерти; они раздаются тѣмъ чаще, чѣмъ чаще сердечныя утраты. „Для меня теперь все прекрасное будетъ синонимъ смерти“ пишетъ онъ по кончинѣ Воейковой въ 1829 г. [4]). Все это слилось впослѣдствіи въ мечтательную теорію, въ поэзію смерти, въ увѣреніе, что „смерть лучше жизни“, а пока питало воображеніе печальными образами, вело къ стилю и мотивамъ баллады, съ которою уже познакомили насъ Карамзинъ, Турчанинова, Каменевъ и друг. [5]), которую такъ недолюбливали наши классики, Мерзляковъ и Гнѣдичъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Грибоѣдовъ, но воздѣлывалъ классикъ Катенинъ. Жуковскаго прозвали „нѣмцемъ“ [6]), балладникомъ, романтикомъ, тогда какъ онъ не выходилъ изъ идей и представленій сентиментализма: жизнь и любовь за гробомъ, свиданіе съ милыми, полнота чувства, недостижимаго на землѣ, міръ тайны и таинственности, откуда къ намъ спускается желанные, но порой и грозные призраки. Передавая или, лучше, передѣлывая до неузнаваемости послѣднюю

ронили“. Сл. Полное собраніе сочиненія И. В. Кирѣевскаго т. I, стр. 21—2 (письмо 12 генваря 1830 г.).

1) Gerhard v. Reutern. Ein Lebensbild. S.-Pb. 1894 г., стр. 65—6.

2) Зейдлицъ l. c. стр. 138.

3) l. c. стр. 109—10.

4) l. c. стр. 149.

5) Сл. соч. Н. С. Тихонравова, III, ч. I, стр. 428 и прим. 140 и 141 на стр. 67.

6) Гнѣдичъ, сл. Тихоновъ l. c. стр. 40.

строфу Шиллеровскаго Thekla, eine Geisterstimme (Голосъ съ того свѣта 1815 г.), онъ заставляетъ ее говорить:

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ — начатое вдвоемъ.

Счастье здѣсь въ воспоминаніи и ожиданіи; это и создастъ ту „флёровую мантію меланхоліи" [1]), то „пріятно-унылое" расположеніе духа, то наслажденіе меланхоліей, которую юный Жуковскій желалъ бы продлить на большую часть жизни [2]). „И меланхоліи печать была на немъ" скажутъ о его безвременно угасшемъ юношѣ-пѣвцѣ [3]); „унылость тихая въ душѣ моей хранится.... Повсюду вѣстники могилы предо мной" (Къ Филалету 1808—9 г.).

Эти идеи онъ развилъ въ „Видѣнія Минваны (Три сестры, 1808 г.), въ статьѣ о „Меланхоліи" (1808 г.) [4]); позже, въ размышленіяхъ объ афоризмѣ Руссо: „Прекрасно лишь то, чего нѣтъ", онъ станетъ говорить объ особаго рода грусти. Карамзинъ подошелъ къ этому афоризму нѣсколько развязно; „если прекрасное, подобно легкой тѣни, обыкновенно отъ насъ убѣгаетъ, овладѣемъ имъ хотя бы въ воображеніи, устремимся за нимъ въ міръ сладкихъ грезъ, будемъ обманывать себя самихъ и тѣхъ, кто долженъ быть обманутымъ" [5]). Но Жуковскій не хочетъ быть обманутъ: если прекрасно лишь то, чего нѣтъ, то „это не значитъ только то, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ только минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу,—но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; ему нѣтъ ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты нашей жизни.... И весьма понятно, почему всегда соединяется съ нимъ *грусть*, но грусть, не лишающая бодрости, а животворная и

1) Сл. Жуковскаго, „Жизнь и источникъ" 1798 г. и выше стр. 42, 49.
2) Дневникъ 1805 г., сл. выше стр. 103—4.
3) Сельское кладбище 1802 г.; въ переводѣ 1839 г.: „и меланхолія знаки свои на него положила".
4) Сл. выше стр. 120—1.
5) Аглая 1794 г.: „Что нужно автору".

сладкая, какое-то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности— прекрасно только то, чего нѣтъ!" И „эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ; она дѣйствуетъ на нашу душу не *настоящимъ*, а темнымъ *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ *прошедшемъ* и тайнымъ ожиданіемъ чего то въ *будущемъ*.

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Намъ прощальную звѣзду" [1]).

Подъ конецъ жизни, когда религіозные интересы въ немъ обострились, Жуковскій ограничилъ роль меланхоліи въ христіанскомъ міросозерцаніи [2]); теперь ея блаженство, изрѣдка перебиваемое желаніемъ посвятить „прекрасному текущее мгновенье", опредѣляетъ его воззрѣніе на жизнь: это полоса настоящаго, уныло протягивающаяся между воспоминаніями прошлаго и чаяніями будущаго; на этой полосѣ кипитъ общественность, но для сентименталиста она не существенна: образованіе характера, счастье семьи на первомъ планѣ, а если оно будетъ, то на второмъ „исполненіе общественныхъ условій". Жуковскій остался вѣренъ до конца этому идеалу; широкихъ интере-

---

1) Сл. замѣтку Жуковскаго къ Лалла-Рукъ 1821 г. и дневникъ тогоже года подъ 4 февраля. Въ письмѣ къ вел. кн. Марьѣ Николаевнѣ 24 іюня 1838 года онъ говоритъ, по поводу праздника Лалла-Рукъ, о красотѣ, какъ о чемъ-то неземномъ; „это чувство красоты есть неизмѣнный товарищъ вѣры. Вѣрою мы сводимъ небо на землю, чувствомъ красоты мы земное, такъ сказать, возвышаемъ въ небесное.... красота есть святыня".—Къ толкованію афоризма Руссо Жуковскій вернется въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю (Слова поэта—дѣла поэта 1848 г.) и въ письмѣ къ анониму съ поздравленіемъ новобрачныхъ: пусть слагаютъ вдвоемъ свою „поэму", „жизнь должна быть поэма.... Мысли кипятъ, душа живетъ и возвышается, міръ украшенъ; а вмѣстѣ съ поэтомъ живутъ его жизнью и тѣ, кто его понимаютъ; и при томъ, что онъ выражаетъ словомъ и звукомъ, есть еще въ запасѣ и то, *чему нѣтъ выраженія, но что потому то и прекрасно.* Il n'y a de beau que ce qui n'est pas". Сл. Русск. Архивъ 1872 г. № 12, стр. 2369.

2) О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи 1845 г..

совъ къ общественности онъ въ себѣ не воспиталъ, но онъ былъ твердъ въ теоріи самодовлѣющей человѣчности, меланхолически колеблющейся, въ ожиданіи и воспоминаніи, между прошлымъ и грядущимъ.

Черезъ эту пропасть поэзія перекинула свою радугу. Онъ смолода толкуетъ о ней, опредѣленія растутъ, яснѣютъ со временемъ, производя впечатлѣніе цѣлостности развитія; досказано было лишь то, что раньше было только намѣчено. „Стихи, сочиненные въ день моего рожденія, къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ“ (1803 г.) и „Къ поэзіи“ (1805 г.) еще полны общихъ идиллическихъ мѣстъ: поэтъ, презирающій бурный міръ, мечтаетъ въ убогой хижинѣ — и блаженъ, либо онъ соглашаетъ свою лиру съ свирѣлью пастуховъ. Если въ статьѣ Энгеля, переведенной Жуковскимъ („О нравственной пользѣ поэзіи“) нравственныя и поэтическія начала отличены другъ отъ друга по существу, и требованіе ихъ связи касается лишь личности поэта, то въ замѣткѣ „О критикѣ“ (1809 г.) изящное является (по Сульцеру) тождественнымъ съ добромъ, моральной красотою. Пламя поэзіи

лишь въ ясной
Душѣ неугасимъ.
Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно....
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душей.
(Къ Батюшкову, май 1812 г.).

Призваніе поэта—„любовь къ добру переливать въ сердца“ (къ А. Н. Арбеневой 1812 г.); поэтъ „святыхъ добра законовъ толкователь“ (къ кн. Вяземскому 1814 г.); „поэзія есть добродѣтель“ (къ кн. Вяземскому и В. А. Пушкину 1814 г.). — Этотъ афоризмъ долго останется въ памяти юныхъ сверстниковъ Жуковскаго. Когда онъ выхлопоталъ для разжалованнаго въ солдаты Боратынскаго производство въ офицерскій чинъ, Боратынскій писалъ ему 5 марта 1824 года: „Вы возвратите мнѣ общее человѣческое существованіе, котораго я лишенъ такъ давно, что даже отвыкъ почитать себя такимъ же человѣкомъ, какъ другіе; и тогда я скажу вмѣстѣ съ вами: хвала поэзіи, *поэзія есть добродѣтель*, поэзія есть сила; но въ одномъ только поэтѣ, въ васъ, соединены всѣ ея великія свойства“ [1]). 10 ноября 1840 г. Кюхельбекеръ такъ же отозвался изъ Акшинской крѣпости на письмо къ нему Жуковскаго изъ Дармштадта: „Я знавалъ людей съ талантомъ, людей съ геніемъ, но, Богъ свидѣтель! никто не убѣдилъ меня такъ живо въ истинѣ высказанной вами-же, что *поэзія есть добродѣтель*“ [2]). — Именно поэзія-добродѣтель и „должна имѣть вліяніе на душу всего народа.... принадлежитъ къ народному воспитанію“ (къ Тургеневу 21 октября 1816 г.).

Года три спустя „жизнь унылая“ изображается ладьей, плывущей среди тумановъ; за нею вьются юность, мечта и надежды, фантазія и вдохновеніе—и муза, которая, внимая пѣнію сверстницы,

Засыпала въ тишинѣ
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ.

Но друзья разлетѣлись, одинокая ладья равнодушно плыветъ въ безпредѣльность — и вдругъ что-то затрепетало надъ зыбями, чѣмъ-то повѣяло, встрепенулся сонный парусъ и челнокъ пошелъ быстрѣе: кто-то свѣтлый прилетѣлъ съ пѣснью надежды, и жизнь очнулась, разлетѣлся мракъ, вернулась „прежней вѣры тишина“.

О, хранитель, небомъ данной!
Пой, небесный, и ладьей

1) Сл. Русскій Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0239.
2) Ibid. № 2, стр. 0177; сл. Русская Старина 1891 г., № 10, стр. 83.

Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье,
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ
(Жизнь, видѣніе во снѣ 1819 г.)

Либо съ небесъ незванное слетало вдохновенье,

На все земное наводило
Животворящій лучъ оно —
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно.
(Я музу юную бывало 1823 г.).

Въ „Рафаэлевой Мадоннѣ (1821 г.) творчество художника — откровеніе, приподнимающее завѣсу неба. — „Кто ты, призракъ, гость прекрасный? Къ намъ откуда прилеталъ"? спрашивалъ поэтъ таинственнаго посѣтителя (1824 г.) и отвѣчалъ вопросами: можетъ быть, надежда, любовь, дума о минувшемъ — или *святая поэзія,* съ которой „все близкое прекрасно, все знакомо, что вдали"? Или предчувствіе „о небесномъ, о святомъ"?

Поэзія уже сосѣдитъ съ религіей; „святая поэзія" Карамзина [1]); нѣсколько разъ встрѣчается у Жуковскаго выраженіе, что прекрасное — религія [2]).

Въ этомъ направленіи разовьется и далѣе его понятіе о поэзіи: традиціонно-сентиментальное въ основѣ, поднятое до отвлеченныхъ высотъ недочетами чувства, для котораго формула „жизнь и поэзія одно" имѣла, въ сущности, реальный смыслъ: „поэзія и счастье—одно и то же; счастье въ свѣтѣ, въ надеждахъ на жизнь" (къ Кирѣевской), поэзія—счастье, „то есть тишина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ" (къ Тургеневу). Но счастье не приходило или давалось

1) Поэзія 1787 г.; Дарованіе 1795 г.

2) По поводу Маши, Самойловой, вел. кн. Александры Ѳедоровны, Карамзина; сл. днѣвн. 1821 г., 31 іюля: „Негели (композиторъ и преподаватель музыки) музыка, Отче нашъ: поэзія".

на половину, и онъ утѣшалъ себя, что поэзія для него „громоотводъ", поэзія „золотой середины" [1]).

Такъ сложилась изъ формъ сентиментализма и раннихъ опытовъ сердца уныло-мечтательная, личная поэтика Жуковскаго. Какъ помирить ее съ тѣмъ, что мы знаемъ о немъ, какъ о весельчакѣ, проказникѣ? Въ юности онъ любилъ перешучиваться съ А. М. Соковниной и самъ валился со смѣха отъ своихъ шутокъ [2]); въ 1814 году Батюшковъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминалъ о московскихъ вечерахъ, проведенныхъ съ Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ, „и споры, и шалости, и проказы" [3]). Кн. Вяземскій такъ характеризуетъ его въ кружкѣ Арзамаса: „онъ былъ не только *гробовыхъ дѣлъ мастеръ*, какъ мы прозвали его по балладамъ, но и шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ. Странное физіологическое и психическое совпаденіе! При натурѣ идеальной, мечтательной, нѣсколько мистической, въ немъ были и сокровища веселости, смѣшливости: въ немъ были зародыши и залоги каррикатуры и пародіи, отличающіяся нерѣдко острою замысловатостью" [4]). Онъ „удивительно какъ навострился въ галиматьѣ", говоритъ Дашковъ о Жуковскомъ, какъ секретарѣ Арзамаса: онъ не даромъ такъ долго жилъ съ Плещеевымъ, любимое его выраженіе: Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ" [5]). Кн. Вяземскій вспоминаетъ о шутовскихъ пьесахъ, разыгрывавшихся на домашнемъ театрѣ въ Орловской деревнѣ Плещеева: онъ и Жуковскій сочиняли ихъ вмѣстѣ, послѣдній написалъ, между прочимъ, „Любовныя похожденія влюбленнаго и обманутаго импрезаріо" и „Скачетъ груздочекъ по ельничку". „Надобно было видѣть и слышать, съ какой самоувѣренностію, съ какимъ самодовольствомъ вообще скромный и смиренный Жуковскій говорилъ о произведеніяхъ своихъ въ этомъ родѣ, и съ какимъ добродушнымъ и ребяческимъ смѣхомъ пѣвецъ Сельскаго Кладбища, меланхоліи,

---

1) Сл. выше стр. 162, 209, 213.

2) Сл. выше стр. 73—4.

3) Письмо къ Жуковскому 3 ноября 1814 г., Соч. Батюшкова III, стр. 303; т. I, стр. 112 слѣд., 129 слѣд.

4) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго VIII, стр. 415.

5) Русскій Архивъ 1866, ст. 500 (письмо къ кн. Вяземскому 26 ноября 1815 г.).

всякихъ вѣдьмъ и привидѣній цитовалъ мѣста, которыя были особенно ему по сердцу“ [1]). Веселое, доброе лицо Жуковскаго живо сохранилось въ памяти графини А. Д. Блудовой, еще дѣвочки въ 1829/30-хъ годахъ: она видѣла его въ своей семьѣ, у гр. Вьельгорскихъ, у Мердера, при дворѣ, у него самого въ квартирѣ Шепелевскаго дворца, „гдѣ насъ очень занимали картины, странныя, своеобразныя, съ какимъ-то оттѣнкомъ привидѣній и почти невещественности, какъ баллады; между прочимъ, небо, одно небо, безъ земли и безъ моря, неопредѣленное, пустынное, и на немъ только видно, какъ филинъ летитъ. Одна черта

---

1) Русскій Архивъ 1866 г., № 6: Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива стр. 873 слѣд. Одна изъ шуточныхъ пьесъ, упоминаемыхъ кн. Вяземскимъ, недавно издана проф. Архангельскимъ (Полное собраніе соч. В. А. Жуковскаго, Спб. 1902 г., т. I, стр. 94 слѣд.: „Коловратно — курьозная сцена между господиномъ Леандромъ, Пальясомъ и важнымъ господиномъ докторомъ“); другая найдена недавно въ деревнѣ Колодьѣ (Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи) у г-жи Сарычевой; она досталась ей, вмѣстѣ съ другими бумагами, отъ ея матери, бывшей замужемъ за дерптскимъ профессоромъ славянскаго права фонъ-Рейцъ. Заглавіе драматической шутки такое: „Елена (Екатерина) Ивановна Протасова или дружба, нетерпѣніе и капуста. Греческая баллада, переложенная на русскіе нравы Маремьяномъ Даниловичемъ Жуковятниковымъ (Жуковскимъ), предсѣдателемъ комисіи о построеніи Муратовскаго дома, авторомъ тѣсной конюшни, огнедышащимъ экс-президентомъ стараго огорода, кавалеромъ ордена трехъ печенокъ и командоромъ Галиматьи. Второе изданіе. Съ критическими примѣчаніями издателя Александра Плещепуновича Чернобрысова (Плещеевъ, котораго Жуковскій называлъ своимъ „негромъ“), дѣйствительнаго мамелюка и богдыхана, капельмейстера коровьей оспы, привелигированнаго гальваниста собачьей комедіи, издателя топографическаго описанія париковъ и нѣжнаго компониста различныхъ музыкальныхъ чревобѣсій, между прочимъ и приложеннаго здѣсь нотнаго завыванія (Плещеевъ былъ компонистомъ). Муратово 1811 г.“ См. Новое Время 1901 г. 23 августа: (Як. Юкельсонъ) Интересная находка.—Когда Плетневъ затѣялъ издать письма Жуковскаго, кн. Вяземскій писалъ ему 19 ноября / 1 декабря 1852 г.: „Печатайте, безъ зазрѣнія совѣсти и неумѣстнаго цѣломудрія, и шутливыя письма его, буфонскія, чисто Арзамасскія, гдѣ веселость его развертывалась во всю Ивановскую. Эта сторона не должна пропасть безъ вѣсти и дополнить характеръ его. Какъ я писалъ Булгакову по этому предмету, тотъ не будетъ вполнѣ знать Суворова, кто не будетъ имѣть понятія о проказахъ и причудахъ его. Къ тому же вздорнорѣчіе Жуковскаго доходило до истиннаго краснорѣчія, до высокой геніальности“.— Образцы его каррикатурныхъ рисунковъ извѣстны, но они не оправдываютъ названіе его юмористомъ. Сл. Русск. Старину 1902 г. IV, стр. 124—6 (письма къ граф. Ю. Ѳ. Барановой).

въ разговорѣ Жуковскаго была особенно плѣнительна. Онъ, бывало, смѣется хорошимъ, ребяческимъ смѣхомъ, не только шутитъ, но балагуритъ, и вдругъ, неожиданно, все это шутовство переходитъ въ нравоучительный примѣръ, въ высокую мысль, въ глубоко грустное замѣчаніе; и по временамъ его разсказы касались чудесныхъ случаевъ и онъ умѣлъ уносить васъ въ область загробную или въ поднебесную высь съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ, что иногда онъ казался такимъ-же страннымъ и почти сверхъестественнымъ, какъ лица въ его разсказахъ"[1]). „Въ бесѣдахъ съ короткими людьми, въ разговорахъ съ нами, до того увлекался онъ часто душевнымъ, полнымъ, чистымъ веселіемъ, что начиналъ молоть премилый вздоръ. Когда-же думы засядутъ въ головѣ, то съ исключительнымъ участіемъ на землѣ начинаетъ онъ искать одну грусть, а живыя радости видитъ въ одномъ только небѣ.... Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ"[2]). Таковъ и отзывъ Смирновой: „въ чисто-русской натурѣ Жуковскаго было много германизма, мечтательности и того, что называютъ Gemüthlichkeit. Онъ любилъ расходиться, разболтаться и шутить въ маленькомъ кружкѣ знакомыхъ самымъ невиннымъ, самымъ дѣтскимъ манеромъ"[3]). И самъ онъ говорилъ впослѣдствіи Никитенку: „Странно, что меня многіе считаютъ поэтомъ унынія, между тѣмъ какъ я очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже каррикатурѣ"[4]).

Соединеніе меланхоліи, мечтательности съ внезапными взрывами веселья — не загадка, а довольно обычный психологическій фактъ: чередованіе свѣта и тѣни; перевѣсы бываютъ на той или другой сторонѣ, бываютъ свѣтлыя минуты и у „великихъ меланхоликовъ"[5]), бываетъ и сліяніе въ юморѣ, парящемъ надъ явленіями жизни. У Жуковскаго нѣтъ романтическаго юмора, да и смѣхъ его не тотъ творческій смѣхъ, который проникаетъ въ явленія, озаряя ихъ своимъ свѣтомъ и жизнью, а дѣтскій смѣхъ, удовлетворяющійся шаржемъ и беспечнымъ хохотомъ. Оттого такъ тусклы его басни и

1) Русскій Архивъ, 1872 г., №№ 7—8, стр. 1240.
2) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 3-я, стр. 136.
3) Воспоминанія А. О. Смирновой. „Русск. Арх." 1871 г. № 11, ст. 1873.
4) Записки и дневникъ А. В. Никитенка, I, стр. 404.
5) Пушкинъ („Мысли на дорогѣ" 1836 г.) о Гоголѣ по поводу его „Петербургскихъ записокъ".

эпиграммы, и онъ такъ увлекался пародіями Плещеева. Такимъ смѣхомъ забываются: Жуковскій могъ балагурить въ Муратовѣ, Долбинѣ и Арзамасѣ, хохотать надъ „Утѣхами меланхоліи“, быть забавнымъ въ сказкахъ, въ письмахъ къ Дашкову, Смирновой и др. — все это было перебсемъ меланхоліи. Меланхоліи нажитой: она-то сдѣлала сердечной его лирику, въ которой моменты испытаннаго счастья и горя выразились въ личномъ стилѣ эпитетовъ, образовъ, афоризмовъ. У всякаго поэта есть такого рода клише, пристрастіе къ которымъ мы часто не умѣемъ объяснить; у Жуковскаго многіе изъ нихъ — біографическія обобщенія, заповѣди сердца. Любовь не удалась, но онъ живетъ воспоминаніемъ о ней, о миломъ прошломъ: *„для сердца прошедшее вѣчно“* (Теонъ и Эсхинъ) [1]; воспоминаніе — это *„фонари“*, освѣщающіе темный путь жизни [2]); въ воспоминаніи *много милыхъ тѣней возстаетъ*: афоризмъ, усвоенный поэтомъ изъ посвященія Фауста: Und manche liebe Schatten steigen auf [3]); *„все въ жизни къ великому средство“* утѣшалъ онъ себя въ минуты сердечной невзгоды, и любилъ повторять этотъ афоризмъ Теона, измѣняя его: все въ жизни средство къ прекрас-

---

1) Сл. посланіе къ Филалету 1808—9 г. и взятые оттуда стихи въ письмѣ къ Кирѣевской 5 мая 1814 г.: Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно.

2) Одинъ изъ любимыхъ образовъ Жуковскаго. Въ заголовкѣ апрѣльской тетрадки съ дневникомъ, предназначеннымъ для Маши (1815 г.), красуется рисунокъ фонаря; философія фонаря развивается въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ въ его замѣткахъ, внесенныхъ въ дневникъ Маши (1815 г.), въ альбомы Воейковой (1815 г.) и гр. Самойловой (1819 г.); о фонаряхъ-воспоминаніяхъ говорится въ письмахъ къ Кирѣевской (24 мая и августа — сентября 1815 г., 7 ноября 1816 и 1822 года осенью). Въ наброскѣ французскаго письма изъ Берлина 5 декабря 1819 г. читаемъ. Ce reverbère est le symbole que j'ai choisi pour mon cachet. Permettez moi de vous en faire l'explication (Бумаги В. А. Жуковскаго стр. 10). Фонарики, фонарныхъ дѣлъ мастера являются въ письмѣ къ Елагиной, осенью 1822 г. Письма Жуковскаго ему нужны, пишетъ ему Перовскій: они даютъ ему пламя, отъ котораго зажечь свои фонари. — И свою будущую жену Жуковскій наставляетъ въ „cette philosophie du reverbère“ (1841 г. 14/26 марта Спб.).

3) Сл. Общее предисловіе къ Двѣнадцати Спящимъ Дѣвамъ; письмо къ Машѣ 1 ноября 1820 г.; къ Гёте 1822, 25 февраля, къ Тургеневу 31 генваря 1825 г., къ государынѣ 24 іюля 1837 г., 1/13 мая 1840 г. и 12/24-го октября 1843 года.

ному [1]), добру, счастью; Теонъ разумѣлъ подъ „все"—и горесть и радость, Жуковскій пришелъ впослѣдствіи къ заключенію, что „радость" надо исключить; „все"—это горесть [2]). Въ воздаяніе за нее, за мрачное *здѣсь*—свѣтлое грядущее *тамъ*, котораго такъ не любилъ Воейковъ (сл. письмо Жуковскаго къ Кирѣевской 7 ноября 1816 г.); одно время это *тамъ* представлялось ему въ образѣ Кашмира, чудеса котораго мерещатся съ горы ему (письмо къ Кирѣевской 1815 года) и Машѣ: il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire, писала она ему въ сентябрѣ 1814 года [3]); „благоуханный, безмятежный Кашмиръ" Лалла Рукъ (1821 г.), долины котораго вспомнились Жуковскому въ посвященіи Наля и Дамаянти.—Для „гробовыхъ дѣлъ мастера" поэзія страданія была товарищъ несравненный, громоотводъ (Жуковскій къ Кирѣевской 19 февраля 1816 г.), хотя самъ онъ порой не могъ читать своихъ стиховъ, потому что, писалъ онъ Тургеневу послѣ свадьбы Маши, „они кажутся мнѣ гробовыми памятниками самого меня: они говорятъ мнѣ о той жизни, которой для меня нѣтъ! Я смотрю на нихъ, какъ потерявшій вѣру смотритъ на церковь, въ которой когда-то онъ съ теплою, утѣшительною вѣрою молился" (25 апрѣля 1817 г.), И тѣмъ не менѣе извѣстные образы, однѣ и тѣже выраженія, выжитыя, выстраданныя, продолжаютъ у него повторяться и впослѣдствіи; какъ Шатобріанъ [4]), онъ переноситъ порой цѣлыя строки, размышленія, описанія и т. д. изъ „бѣлой книги" въ дневникъ, изъ дневника въ письмо, изъ одного письма въ другое. Когда дѣло идетъ объ одномъ и томъ-же патетическомъ, глубоко захватывающимъ моментѣ, эти повторенія насъ поражаютъ, какъ нѣчто разсудочное, безстрастное (сл. письмо къ Арбеновой и Свѣчиной о поѣздкѣ къ Лопухину съ отрыв-

---

1) Къ Кирѣевской и Машѣ въ 1815 г. (сл. выше, стр. 190—4), къ Ал. Тургеневу 1816 г. лѣтомъ.

2) Сл. Зейдлицъ l. c. стр. 240. Сл. письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 16 августа 1827 г.: „Все въ жизни къ великому средство, сказалъ нашъ братъ Жуковскій, и твое одиночество, и моя любовь къ тебѣ, и память о Серёжѣ, и его могила, и наша жизнь въ виду этой могилы, все не для этой минутной жизни, но для насъ и для другихъ посредствомъ насъ и для вѣчности".

3) Сл. выше, стр. 178.

4) Сл. Chevolot, Lucien, Wie hat Chateaubriand in seinen späteren Werken seine früheren benutzt. Heidelberg 1901 г.

комъ дневника[1]); письма о смерти Маши и др.), мы едва находимъ ему объясненіе: какъ будто чувство вылилось однажды такъ цѣльно, выраженіе его такъ образно кристаллизовалось, что на всякое воспоминаніе, при всякой исповѣди другому, оно отзывается тѣми-же словами, тѣмъ-же мотивомъ. Несомнѣнно, что кристаллизація происходила въ „бѣлой книгѣ"; Жуковскій былъ правъ и, вмѣстѣ, неправъ, когда писалъ вел. княгинѣ (4/16 іюня 1821 г.), что онъ не сочиняетъ своихъ писемъ къ ней, а пишетъ „какъ судьбѣ угодно, слѣдовательно безъ всякой строгой правильности". Впечатлѣнія могли быть новыя, но повѣрялись они уже готовыми афоризмами и разсвѣчивались ими. Стоило поэту, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни прикоснуться къ этимъ клавишамъ, въ которыхъ еще дрожалъ для него тонъ сердца, онъ настраивался мечтательно, улеталъ воображеніемъ въ подлунную страну, и, вернувшись на землю, могъ бы ощутить себя въ неловкомъ положеніи, если бы порой замѣчалъ противорѣчіе. Но его собственныя формулы обязывали его, какъ волшебника его заклинанія, и въ жизни, и въ поэзіи: внѣ ихъ онъ какъ будто не находилъ выраженія для новыхъ спросовъ чувства.

Ко всему этому пріучились и читатели: Жуковскій не могъ не витать, не идеальничать, не писать страшныхъ балладъ:

Вотъ Жуковскій въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянувши чинно,
Чёрта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ
И глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ и отпѣваетъ,
И трезвонитъ и реветъ
(Воейковъ, Домъ Сумасшедшихъ 1814 г.).

Это былъ его „покрой" [2]), пѣвецъ „невинности, любви и красоты" [3]) не могъ не быть поэтомъ унынія. Фіалкинъ-Жуковскій въ Липецкихъ Водахъ кн. Шаховского (1815 г.)— чувствительный поэтъ:

---

1) Сл. выше, стр. 151—2 и прим. 1 на стр. 152.
2) Полн. собр. соч. кн. Вяз. III № CLXIII, 1823 г.
3) Тамъ-же, № LXVIII, 1816 г.

Въ немъ сердце быть должно, которо-бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего....
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
. . . .
Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ
И утро бы ему наивно улыбалось
И веселилъ его одной природы пиръ.

Онъ напуганъ мертвецами и питаетъ свой вкусъ — балладами:

И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу! Все страшно въ нихъ, но милымъ все пріятно,
Все восхитительно, хотя невѣроятно.

Извѣстно, какую „парнасскую бурю" подняла въ литературномъ мірѣ комедія Шаховского: друзья вооружились за Жуковскаго въ письмахъ, сатирахъ, эпиграммахъ; онъ молчалъ, еще болѣе привязываясь къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется само собою [1]). Друзья предупреждали: „Старушка престрашная, но она также пойдетъ въ печать, писалъ ему въ Дерптъ, очевидно, въ 1815 году, Ал. Тургеневъ [2]). Графиня Строганова проситъ тебя заключить этой уткой твои баллады. Страшнѣе ничего не напишешь, а можетъ случиться съ тобою то-же, что и съ M-me Radcliffe: испугаешься самъ своихъ балладъ, какъ она своихъ романовъ". Ими любили—пугаться, съ этой цѣлью С. П. Свѣчина просила Тургенева „Старушку", которую онъ успѣлъ внести въ свой альбомъ: „Si vous pouvez me confier le volume des poésies de M-r Жуковскій où se trouve Старушка, vous combleriez de joie le canton, en le faisant mourir de peur" [3]).

---

1) Сл. его письмо къ друзьямъ въ Бѣлевъ, осенью 1815 г. и Русскій Арх. 1900, № 8, стр. 473—4: А. Я. Булгаковъ пишетъ брату о представленіи Липецкихъ водъ: C'est une satire contre le балладникъ Жуковскій et Homère Ouvaroff. Жуковскій, en sortant de théatre, s'écria:

О, чудо изъ чудесъ природы!
Онъ сотворилъ сухія воды,

2) Изъ неизданнаго письма, безъ даты.

3) Выдержка изъ письма Свѣчиной въ неизданномъ письмѣ Ал. Тургенева къ Жуковскому 14 іюля (1815 года?) Сл. М. А. Дмитріева, Мелочи

Репутація установилась: пѣвецъ 1812 года est le favori de la nation, писалъ о немъ въ 1817 году Уваровъ; воспитанный на англійскихъ и нѣмецкихъ поэтахъ, онъ создалъ у насъ „le genre de Scott, du lord Byron et de Goethe“ 1), что для 1817 г. не вѣрно. Въ томъ-же году Воейковъ, хорошо знавшій личную жизнь Жуковскаго, такъ характеризовалъ его въ отрывкѣ изъ поэмы: „Искусства и Науки“:

Жуковскій! съ якоремъ, лиліей и крестомъ,
Ты объ возвышенномъ, прекрасномъ и святомъ
Намъ проповѣдуешь, несчастныхъ утѣшитель!
Объ небѣ говоришь, какъ будто неба житель,
Указываешь путь изъ сей юдоли бѣдъ
Въ міръ истины, добра, любви, въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ
Разврата, низости, корысти, вѣроломства....
.....Играя, сыплешь ты
Изъ полной горсти намъ алмазы и цвѣты,
Брегъ дикій, монастырь, развалины, кладбище,
И мрачный лѣсъ — твое любимое гульбище.
И сладокъ для тебя шумъ вѣтровъ и морей;
Но ты—веселый гость на пиршествѣ друзей.
О, другъ! Не позабудь, успѣхомъ обольщаемъ,
Что новыхъ отъ тебя чудесъ мы ожидаемъ;
Твой пламень не погасъ средь бѣдствій; пусть же вновь
Ярчей зажжетъ его счастливая любовь 2).

Любовь погасла среди бѣдствій: какъ разъ въ 1817 году Марья Андреевна Протасова вышла за Мойера — а Воейковъ пророчитъ Жуковскому какую-то „счастливую любовь“! Это было реторическое пожеланіе, — но въ сердцѣ Жуковскаго въ самомъ дѣлѣ что-то „закипѣло, запылало“.

изъ запаса моей памяти, стр. 190: Е. П. Балашова разсказывала, что Жуковскій читалъ Старушку у насъ въ домѣ, и она не понравилась многимъ дамамъ, слушавшимъ чтеніе, и онѣ отсовѣтовали печатать балладу.

1) Сл. статью въ Conservateur impartial, 1817 г., № 83, переведенную, въ сокращеніи, въ Вѣстникѣ Европы того-же года, ч. 96, №№ 23 и 24, стр. 201—208. Сл. Соч. Батюшкова III, стр. 747—8.

2) Вѣстникъ Европы 1869 г., ч. 104, № 8, апрѣль.

VIII.

При дворѣ. Графиня Самойлова. Поэзія мадригала и „сердечнаго воображенія“.

Въ томъ-же году, благодаря рекомендаціи Карамзина, Жуковскій пристроился къ двору въ качествѣ учителя великой княгини, и Дмитріевъ поздравилъ его „съ новымъ монаршимъ благоволеніемъ“ (6 сентября 1817 г.). „Должность, мнѣ теперь порученная, есть счастливая должность, отвѣчаетъ онъ ему (20 сентября 1817 г.), не по тѣмъ выгодамъ, которыя могутъ быть соединены съ нею, но по той необыкновенно пріятной дѣятельности, которой она меня подчиняетъ. Для поэта это главное. Имѣю передъ собою цѣль прекрасную, къ которой буду идти безъ всякихъ безпокойныхъ постороннихъ видовъ; могу быть и обезпеченъ на счетъ всего, кромѣ *долга*, и этотъ долгъ привлекательный“. Первая лекція Жуковскаго состоялась въ Москвѣ 22 октября [1]); въ дневникѣ 27 октября помѣчено: *„безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность. Поэзія, свобода!“* А на другой день такія размышленія: „Чистое счастье дѣлаетъ религіознымъ. Все прекрасное — родня. Каждое прекрасное чувство все оживляетъ въ душѣ: дружбу, поэзію; и все это сливается въ одно: Богъ“. А далѣе: „мы знаемъ здѣсь одно *потерянное* счастье. Счастье — нашъ предметъ, мы имѣемъ здѣсь только тѣнь предмета“.

Карамзинъ пишетъ ему изъ Петербурга шутливо: онъ и жена ищутъ ему невѣсту, но за невѣсту не отвѣчаютъ; „ищемъ, ищемъ. M-me Левенштернъ у насъ пила чай, и объ васъ гово-

---

1) Сл. Русскій Вѣстникъ 1889 г., августъ, стр. 356.

Графиня Софья Александровна Самойлова.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ

рили; бьется ли сердце?". А Карамзина приписываетъ: „Je songe aussi à la promise future. Je suis à la recherche" (1 ноября 1817 г.). Но „должность" начинаетъ увлекать его: „Мое положеніе прекрасное. Душа жива. Могу дѣйствовать безъ принужденія, могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно" (дневникъ 6 ноября). Тоже въ письмѣ къ Карамзину (8 ноября 1817 г.): „Прошедшее не туманитъ ни сколько моего настоящаго; я люблю свою должность — это большое счастье. Цѣль моя — быть въ ладу съ самимъ собою; постараюсь, до нея достигнувъ, отъ нея не удалиться" [1]). „Мое все хорошо, и я радуюсь своею участью, ибо на душѣ легко, и мнѣ весело находить въ этой душѣ одни только теплыя, безкорыстныя желанія и намѣренія, достойныя тебя, Карамзина и Арзамаса [2]).

Но въ самомъ-ли дѣлѣ онъ безкорыстенъ? Онъ подвергаетъ себя безпощадному анализу: какъ въ дневникѣ 28 іюля 1814 года онъ различалъ въ себѣ вседневнаго и совершеннаго человѣка [3]), такъ и теперь: точно въ немъ два человѣка, „одинъ (человѣкъ) высокой, чистой, другой — мелочной, слабой". Какая ему нужда казаться для другихъ не такимъ, каковъ онъ есть, принаравливаться къ нимъ въ пустякахъ, уважать одобреніе другихъ болѣе своего собственнаго? Онъ не будетъ ни спокоенъ, ни дѣятеленъ „безъ оживительнаго уваженія къ самому себѣ; надобно, чтобы всякой поступокъ производилъ это уваженіе — по чувству и правилу, или по одному только правилу, вопреки самаго чувства, но согласно съ долгомъ" [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ себя въ новой обстановкѣ, какъ дома, идеализуетъ ее, очарованъ своей ученицей. „Продолжается ли очарованіе или кроткое удовольствіе сердца?„ спрашиваетъ его въ 1818 г. по этому поводу Карамзинъ, и самъ онъ надѣется, что когда кончатся его „грамматическія занятія, сухія и непоэтическія", то „и поэзія авось воскреснетъ" [5]). Но поэзія пробиралась и въ уроки грамматики. „On m'avait donné

---

1) Русск. Арх. 1900 № 9 стр. 38—9.

2) Къ Тургеневу 8 ноября 1817 г.

3) Сл. выше стр. 170.

4) Дневникъ 2 декабря 1817.

5) Къ Димитріеву 22 ноября 1822 г. Въ 1818 году Жуковскій составилъ для вел. княгини Esquisse de grammaire russe. St. Petersbourg 1818 г. Сл. письмо къ нему Дмитріева февраля того-же года.

comme maître Василій Андреевичъ Жуковскій, вспоминала впослѣдствіи его царственная ученица; poète déjà fameux, trop poète pour être bon maître. Au lieu de rester à étudier la grammaire, un mot donnait une idée; l'idée faisait chercher un poême, le poême donnait le sujet d'une conversation, et ce fut ainsi que se passaient prèsque toutes les leçons; aussi j'appris très mal le russe" [1]). Онъ же былъ въ своей сферѣ и могъ въ самомъ дѣлѣ сказать о себѣ:

Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный,
Что младости мечты совершены,
Что не вотще довѣренность къ *надеждѣ*
И что *„теперь"* плѣнительно, какъ *„прежде"*
(Цвѣтъ завѣта 1819 г.) [2]).

Въ іюлѣ 1819 года написано извѣстное намъ обращеніе къ Мойеру и переводъ „Къ Эммѣ": какъ тому любовью быть, что можетъ миноваться, спрашивалъ онъ свою Эмму и отвѣчалъ вопросомъ: можетъ ли умереть чувство, зажженное небомъ? [3]). Между тѣмъ въ 1818 г. переведено изъ Гёте: „Новая любовь— новая жизнь" (Neue Liebe, neues Leben):

Что съ тобою вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило;
Гдѣ безпечность, гдѣ покой?...
Ахъ, что сдѣлалось съ тобой!
. . . .
Я неволенъ, очарованъ;
Я въ неволѣ золотой,
Обезсиленный, прикованъ
Шелковинкою одной;

---

1) Русская Старина 1896 г., октябрь: Императрица Александра Ѳедоровна въ своихъ воспоминаніяхъ, стр. 32.

2) Можетъ быть, Жуковскій, въ самомъ дѣлѣ включилъ въ эти стихи аллюзію на свои личныя отношенія. Такъ, кажется, понялъ это и Зейдлицъ, l. c., стр. 113.

3) См. выше стр. 223—4.

И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья;
Радъ тоскѣ; хочу любить....
Видно, сердце, такъ и быть!

У Гёте оттѣнокъ другой: дѣвушка приковываетъ его къ себѣ противъ его желанья,

Muss in ihrem Zauberkreise
Leben nun in ihrer Weise.
Die Verändrung ach wie gross!
Liebe! Liebe! lass mich los!

Очень можетъ быть, что стихотвореніе это стоитъ въ какой-нибудь связи съ короткимъ любовнымъ эпизодомъ въ жизни Жуковскаго, на который намекаетъ Ал. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (12 ноября 1819 г.): Жуковскій „неистощимъ въ любовныхъ мечтаніяхъ и настроилъ-было опять душу и любовь свою для поэзіи: *положилъ на ноты звукъ своего сердца или сердечнаго воображенія, и слѣдовательно тоска его по счастію семейственной жизни не совсѣмъ пропала для насъ и для потомства*".

Жуковскому 36 лѣтъ, и онъ „хочетъ любить"; за нимъ опытъ „романтической любви", давшей опредѣленныя схемы и его чувству; если кто нибудь возбудитъ въ немъ долю знакомыхъ настроеній, ихъ доскажетъ *воображеніе сердца*, и романъ можетъ повториться снова. Въ этомъ смыслѣ „тоска по счастью семейственной жизни" могла бы дѣйствительно не потеряться для поэзіи, еслибъ къ природной застѣнчивости Жуковскаго, воспитанной обстоятельствами, не присоединились и разность общественнаго положенія, и придворный этикетъ, и навязанная себѣ роль салоннаго поэта, за которую такъ доставалось Жуковскому отъ его друзей.

Онъ увлекся графиней Софьей Александровной Самойловой, 22-хъ лѣтней красавицей, фрейлиной Императрицы Маріи Ѳедоровны. 28—29 іюня 1819 г. онъ воспѣваетъ „Платокъ графини Самойловой", который она уронила въ воду, катаясь на взморьѣ. *Платокъ* переживаетъ въ воображеніи поэта самыя роскошныя метаморфозы; между прочимъ у петергофскихъ береговъ отдалъ его красавицѣ дельфинъ.

Но знайте: нашъ дельфинъ вѣдь не дельфинъ-башмакъ,
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина (pour la rime)
Петровна вздумала такъ важно утопить
При мнѣ въ большой придворной лужѣ.

Въ концѣ концевъ платокъ „взлетѣлъ на небеса и сдѣлался комета".

Черезъ нѣсколько дней (8 іюля 1819 г.) Жуковскій шлетъ В. П. Ушаковой, графинѣ Самойловой и др. „отъ нѣкотораго жалкаго стихотворца прошеніе": онъ шесть дней, какъ хвораетъ, и „смиренно умоляетъ" прислать ему

Изъ царскаго земного рая:
Десятокъ вишенъ въ *башмакѣ*,
Клубники въ носовомъ *платкѣ*,
Малины въ лайковой *перчаткѣ*.

Просьба была исполнена, о чемъ поэтъ и извѣщаетъ въ недавно найденномъ стихотвореніи, подписаннымъ 9-мъ іюля и обращенномъ къ граф. Самойловой: ему принесли корзину фруктовъ, онъ принялъ ее „трепетной рукой",

И мнилось, таинства судьбины
На днѣ лубочныя корзины
Разоблачились для меня,
И жизнь ужъ стала не загадка!
О ты, прелестная *перчатка*,
Тебя я знаю! ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэтъ счастливой
Весной прошедшею, въ Кремлѣ,
Поймалъ на мраморномъ столѣ,
Когда, гордясь сама собою
И въ ссорѣ съ милою рукою,
На волю року отдана,
Глядѣлась въ зеркало она!
А ты, *башмакъ*, ты братъ Дельфину!
Отправивъ брата-близнеца
За странникомъ-*платкомъ* въ пучину
Найди для странника-пѣвца

На сушѣ вѣрную дорогу....
Но какъ тебя назвать, *платокъ*?
Какъ ты зашелъ въ мой уголокъ?
Въ часъ добрый! гость, судьбою данный!
Я знаю, тотъ непостоянный
Платокъ, измѣнникъ и бѣглецъ,
Не можетъ быть твоей роднею!
Пускай сіяетъ онъ звѣздою, —
Ты будь *моимъ*! тебѣ пѣвецъ
Себя отнынѣ повѣряетъ!
Когда онъ жизнью заскучаетъ,
И мрачнымъ путь найдетъ земной —
Лицо закроетъ онъ тобой;
Подъ сей завѣсою чудесной
Все станетъ вдругъ опять прелестно
Для добровольнаго слѣпца!...
Когда жъ въ страну воображенья
Сберется полетѣть поэтъ,
А риѳмъ и жаркихъ мыслей нѣтъ
И вялы крылья вдохновенья, —
Тебя лишь только разостлать,
Ты будешь коврикъ окрыленной
И можешь за предѣлъ вселенной
Пѣвца и музу перемчать!

Все это отзывается мадригаломъ во вкусѣ XVIII-го вѣка, даже „воображеніе сердца" куда то спряталось, но и сердце осталось на мели; мечты разсѣялись.

„Замѣчаніе Перовскаго на мой счетъ, если не справедливое, то по крайней мѣрѣ остерегательное, читаемъ мы въ дневникѣ Жуковскаго 13 августа; нѣтъ ничего опаснѣе, какъ pas à pas. Нечувствительно съ верху падаешь на дно. L'essentiel c'est de ne rien se reprocher. До сихъ поръ я дѣйствую, кажется, прямо. Пусть *душа ей*, но воля останется моею; *она* принадлежитъ *товарищу*. Лишь бы поскорѣе все, что надобно, высказать. Это бы дало болѣе свободы и вѣрности дѣйствовать".

Дѣло идетъ о В. А. Перовскомъ, котораго мы встрѣчали въ кружкѣ близкихъ друзей Жуковскаго; мы съ тобою „два Пилада, два Ореста, можемъ сказать даже два Данона и Пидіаса" (sic), писалъ ему Перовскій послѣ пустяшной раз-

молвки [1]). И вотъ Перовскій признался другу въ увлеченіи графиней Самойловой — и другъ великодушно отступился:

Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала!
Опять о счастьѣ мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины....
Любовь мелькнула предо мною.
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней!
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ!...

Но онъ вѣренъ дружбѣ, не забылъ товарища:

Симъ не созрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?
Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?

Ему знакомы его признаки:

Сіи примѣты знаю я!...
Мой жребій далъ на то мнѣ право!

И онъ благословляетъ товарища:

Люби! любовь и жизнь — одно!
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жребій жизни соверши;

---

1) 1824 г. Сл. Вѣстникъ Европы 1901 г., апрѣль: Захарьинъ (Якунинъ). Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ стр. 532.

Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души! [1]).

Жуковскій самоотверженно склонился къ платоническому участію въ чужомъ счастьѣ, какъ то было въ судьбѣ Маши и Мойера: его душа—ей, его воля—товарищу. Геній „плѣнитель безыменный", когда-то усыплявшій мечтами его молодую душу, волновавшій ее томительнымъ желаньемъ, уносившій ее въ высоту „поэзіи священнымъ вдохновеньемъ", поманилъ его снова и улетѣлъ.

О геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши,
Останься, будь мнѣ жизнію земною,
Будь ангеломъ хранителемъ души.

(Къ мимопролетѣвшему знакомому генію 7 августа 1819 г.).

27 августа онъ записалъ въ Дневникѣ: „у Самойловыхъ: приглашеніе въ Петербургъ. Voeux téméraires".

Но любовь боязливо прячется въ платонизмъ, и снова возникаетъ ученіе о *воспоминаніи*, вѣчномъ для сердца. Интересны въ этомъ отношеніи мысли, набросанныя Жуковскимъ въ альбомъ графини Самойловой 29 августа 1819 г. (Сл. дневникъ подъ тѣмъ-же днемъ).

Первая страница занята стихотвореніемъ Гёте An Lottchen съ нѣкоторыми любопытными пропусками: Жуковскій видимо хотѣлъ обобщить его, приладивъ къ своимъ отношеніямъ. Два раза ему удалось замѣнить имя Lottchen, поставивъ вмѣсто него Liebe (Lottchen, wer kennt unsre Sinnen? Lottchen, wer kennt unser Herz?), въ третій разъ ему было труднѣе: онъ оборвалъ стихъ и пропустилъ слѣдующіе, говорившіе о двухъ любящихъ, которыхъ Lottchen дружески привѣтствовала. Разумѣлись Гёте

---

1) По рукописямъ Жуковскаго, хранящимся въ Имп. Публ. библіотекѣ стихотвореніе это написано между 10 іюля и 2-мъ августа 1819 г.; въ альбомъ граф. Самойловой оно внесено Жуковскимъ съ датой 23 іюля 1820 года. Сл. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. Александра Алексѣевича и Алексѣя Александровича Бобринскихъ, Извѣстія 2-го Отд. Имп. Ак. Наукъ, т. V, кн. 4, стр. 1075 слѣд. Слѣдующія далѣе выдержки изъ записей Жуковскаго въ альбомъ гр. Самойловой сл. тамъ-же, стр. 1079 слѣд.

и Кестнеръ; Жуковскій опустилъ Перовскаго-Кестнера, — и остался одинъ. Онъ выписываетъ:

Denk ich dein....

У Гёте:

Denk ich dein, o, Lottchen, *denken dein die beiden*,
Wie beim stillen Abendroth
Du die Hand *uns* freundich reichtest,
Da du *uns* auf noch bebauter Flur
In dem Schoosse herrlicher Natur
Manch leicht verhüllte Spur
Einer lieben Seele zeigtest.

Въ концѣ нѣкоторые стихи отброшены:

So fand ich dich und ging dir frei entgegen.
O sie ist werth zu sein geliebt!
Rief ich, erflehte dir des Himmels reichsten Segen,
Der es dir nun in deiner Freundin gibt.

Гёте уступилъ Lottchen-Шарлотту Кестнеру, какъ Жуковскій посторонился для Перовскаго. Онъ выписалъ стихъ:

So fand ich dich...,

зачеркнулъ слѣдующій, уже написанный:

O sie ist werth zu sein geliebt;

остальные два стиха опущены.

На второй страницѣ, подъ печатью съ знакомымъ изображеніемъ фонаря (на черномъ фонѣ бѣлый столбъ съ фонаремъ, кидающимъ свѣтъ), эпиграфъ изъ Теона: *„Все въ жизни къ прекрасному средство“* и разсужденіе о счастьѣ, повторяющее, съ небольшими стилистическими измѣненіями, мысли и выраженія, знакомыя намъ изъ замѣтки 1815 года въ письмѣ-дневникѣ къ Машѣ и въ альбомѣ Воейковой [1]). Затѣмъ — другой, также знакомый намъ девизъ изъ того-же стихотворенія:

---

1) Нач. „Я когда то сказалъ: счастье жизни состоитъ не изъ отдѣльныхъ наслажденій.... Прошедшее-же пускай идетъ съ нами рядомъ! Пусть будетъ нашимъ добрымъ, утѣшительнымъ, ободряющимъ спутникомъ“. Сл. выше стр. 196 слѣд., 227, прим. 2.

Для сердца прошедшее вѣчно!

„Можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что существуетъ только то, чего уже нѣтъ! Будущее можетъ не быть, настоящее можетъ и должно перемѣниться; одно прошедшее не подвержено измѣняемости: воспоминаніе бережетъ его.“ Еще разъ внушается философія фонаря, подкрѣпленная афоризмами, которыя Жуковскій берегъ въ своей „бѣлой книгѣ“: „я назвалъ бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцемъ внушенную мысль — Богомъ“ [1]); „жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служитъ урокомъ. Цѣль жизни — знать хорошо урокъ свой, чтобы не пристыдить себя передъ верховнымъ учителемъ“ и т. д. [2]).

Со всей этой теоріей мы давно знакомы; выставляется значеніе настоящаго, какъ средства къ прекрасному, но счастье все же въ томъ, что было мило и пережито. Не даромъ вспомнились слова Теона: *Для сердца прошедшее вѣчно.*

Вечеромъ 15 сентября Жуковскій засталъ у Карамзиныхъ одну Екатерину Андреевну; запись въ дневникѣ: „О Самойловой“. 17 сентября, въ день ангела графини, Жуковскій хотѣлъ подарить ей альбомъ, что и сдѣлалъ, хотя нѣсколько позже; книгу, которая могла-бы ей служить руководствомъ въ чтеніи другихъ; ея пользу онъ знаетъ по собственному опыту: это товарищъ на всю жизнь. Для Маши такой книгой былъ Фенелонъ [3]), идеалъ Жуковскаго, — недаромъ Ла Ферроннэ прозвалъ его самого русскимъ Фенелономъ [4]). Къ подарку Жуковскій присоединилъ нѣмецкую библію и „бѣлую книгу“, назначенную для ежедневныхъ выписокъ изъ библіи, дополненій изъ прочитаннаго и собственныхъ мыслей. Вмѣсто предисловія Жуковскій набросалъ нѣсколько своихъ размышленій о прекрасномъ, извлекаемомъ изъ опытовъ жизни и изъ самого себя, о женщинѣ и о томъ, что нѣмцы зовутъ Weiblichkeit: простота,

1) См. Дневникъ 1817 г. 28 октября „я бы каждое прекрасное чувство назвалъ Богомъ“.

2) Ib. 12 ноября 1817 г.: „Жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служитъ урокомъ. Счастіе жизни — знать хорошо урокъ свой“ и т. д. И. А. Бычковъ указываетъ на тождественное выраженіе въ письмѣ Жуковскаго къ Арбеневой, Русскій Архивъ 1883 г., № 2, стр. 319.

3) Сл. Письмо 29 марта 1815 г., выше стр. 192.

4) Записки А. О. Смирновой I, стр. 67, 228.

безыскусственность глубокаго чувства, стыдливое сіяніе среди немногихъ, принадлежащихъ женщинѣ любовью, въ семьѣ, ибо кругъ ея дѣятельности ограниченъ [1]). Такую Weiblichkeit онъ могъ видѣть въ графинѣ Самойловой; кто запретитъ мнѣ, пишетъ онъ ей въ тотъ же день,

Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
Души сопутницей родной,
Желать, чтобъ все, что ваша младость
Такъ обѣщаетъ вамъ, сбылось,
Чтобъ счастье жизни вамъ далось,

Не ничтожное, не пустое:

Кто вашу *душу прочиталъ*,
Тотъ сердца тайнымъ упованьемъ
Иное счастье вамъ создалъ;
Тому любезнѣйшимъ желаньемъ
Сія прекрасная мечта,
И ободряющей звѣздою
Сіяетъ надъ его тропою
Любимой жизни красота!

Ваше сердце навѣрно встрѣтитъ

Прелесть жизни сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ!
Пусть друга-ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами!
А я, хотя издалека,
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать.

(Граф. С. А. Самойловой 17 сентября 1819 г.: „Напрасно я мечтою льстился").

Вечеромъ стихи эти были предметомъ разговора въ салонѣ графини Бобринской; говорили: „C'est touchant. Головная боль и танцы" заключаетъ свою дневную отмѣтку Жуковскій.

1) Кульманъ, l. c., стр. 1103 слѣд.

7-го октября Жуковскій вписалъ еще нѣсколько страницъ въ альбомъ Самойловой: онъ былъ нѣкоторое время въ нерѣшимости, отдавать-ли ей свою книгу; казалось смѣшнымъ дарить 18-ти лѣтней дѣвушкѣ Библію, утомлять ее совѣтами. „Я посмотрѣлъ на себя глазами свѣта и показался смѣшнымъ самому себѣ. И въ этомъ я виноватъ передъ вами. Въ чистотѣ и безкорыстности моего намѣренія заключено и его оправданіе. Могу быть страннымъ, только не въ вашихъ глазахъ. Если еще не имѣю права сказать: *я знаю васъ*, то могу сказать: *я васъ предчувствую*! То есть я вижу васъ *такою*, какою вы быть можете, въ увѣреніи, что мое предчувствіе сбудется. Эта надежда оправдываетъ и мой выборъ. Къ тому же я и не безъ награды: *помыслить въ слухъ для васъ и вмѣстѣ съ вами о добромъ есть счастіе*. Вы *не должны* жить, какъ живутъ обыкновенно; жизнь ваша должна быть *прекрасною*, а все прекрасное жизни можно выразить однимъ словомъ: *религія*." Она необходима человѣку вообще, женщинѣ въ особенности; чѣмъ раньше она войдетъ въ ея жизнь, „когда душа еще въ цвѣту", тѣмъ лучше: она становится тогда „радостнымъ, безмятежнымъ *бытіемъ внутреннимъ въ отношеніи къ намъ самимъ и дѣятельною любовію въ отношеніи ко всему, что насъ окружаетъ*. И такая только жизнь можетъ быть *вамъ* прилична.... Наша душа, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу для всего прекраснаго.... Этой притягательной силы въ душѣ вашей много! Давайте ей пищу: все прекрасное прильнетъ къ ней само собою" [1]).

Изъ влюбленнаго Жуковскій очутился другомъ. У него было какое то объясненіе съ графиней Самойловой, пишетъ князь Ю. А. Нелединскій-Мелецкій своей дочери (8 октября 1820 г.): онъ выразилъ будто бы сомнѣніе, что она не отвѣчала его дружбѣ и его ухаживаніе приписала другому чувству, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. Она молчала, и у ней показались слезы. Можетъ быть, она плакала съ досады, замѣчаетъ разскащикъ; „и подлинно: какъ? Человѣкъ приходитъ женщинѣ сказать: не подумай, ради Бога, чтобъ я въ тебя былъ влюбленъ!" А, можетъ быть, и Жуковскій „говорилъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: il craint extrêmement d'être ridicule" [2]).

1) Кульманъ, l. c., стр. 1110 слѣд.

2) Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876 г., стр. 241—2.

Но онъ уже успѣлъ выйти изъ неловкаго pas-à-pas, смѣнивъ мадригалъ на серьезное назиданіе. Amitié amoureuse, идеалъ Жуковскаго, позволяло такія отступленія — въ сторону дружбы [1]). Перовскій, у котораго также оказались какіе то платки и перчатки, взглянулъ на дѣло проще и отрезвился скорѣе. „При семъ посылаю вамъ перчатку и уголокъ платка знакомой вамъ дѣвы, писалъ онъ Жуковскому. Душевно желаю, Василій Андреевичъ, чтобы вы смотрѣли на сіи принадлежности, какъ и я на нихъ смотрѣлъ, какъ на простую тряпку и на простую лайку, и чтобы весна, а особенно горячее лѣто нашли бы васъ совершенно прохлажденнымъ. Горе вамъ, Василій Андреевичъ, если будетъ тому противное. Въ случаѣ (чего, однако же, еще не предвижу), когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы рѣшительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу васъ убѣдительнѣйше, Василій Андреевичъ, дайте мнѣ знать черезъ кого-нибудь о сей счастливой перемѣнѣ, дабы мы вмѣстѣ и торжественно предали бы землѣ, водѣ или огню всѣ эти *перчатки, платки, ленточки и фруктовыя косточки*... Ахъ, царь небесный! что это за праздникъ будетъ!... Повѣрьте, что минута, въ которую я увѣрюсь, что вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ, будетъ пріятнѣйшей въ моей жизни! „Но не мнѣ управлять пѣснопѣвца душей!“ [2]) (изъ Графа Габсбургскаго).

Жуковскій ѣдетъ въ Берлинъ, писалъ Карамзинъ Дмитріеву (20 сентября 1820 г.). Увы! онъ влюбленъ, но не женихъ! Ему хотѣлось бы жениться, но при дворѣ не такъ легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго“. „О чемъ грустить

---

1) Правда-ли, что Жуковскій сдѣлалъ вамъ предложеніе, и вы ему отказали? спрашивалъ Пушкинъ Смирнову; онъ самъ видѣлъ ся милое письмо съ отказомъ. „Чтожъ, это совершенная правда, у меня была такая сильная, братская дружба къ Жуковскому, что мнѣ было-бы невозможно выйти за него замужъ“. — „Причина отличная и крайне важная, отвѣтилъ Пушкинъ. Вы знаете, что дружбу зовутъ: любовь безъ крыльевъ. Не слѣдуетъ изъ этого выводить, что всякая любовь должна улетѣть, но она *рѣетъ надъ землей!* Любовь еще можетъ превратиться въ дружбу, но дружба не превращается въ любовь, по крайней мѣрѣ таково мое мнѣніе. Любовь — симпатія особаго рода и часто безъ видимой причины. Дружба вызвана причиной, которую можно анализировать. Жуковскій говорилъ мнѣ, что со времени вашего отказа вы стали еще бо́льшими друзьями; это дѣлаетъ честь вамъ обоимъ“ Зап. А. О. Смирновой I, стр. 218—9.

2) Вѣстникъ Европы 1901 г., № 4, стр. 533.

Жуковскій? спрашиваетъ брата А. Я. Булгаковъ: я бы радовался посмотрѣть бѣлый свѣтъ, онъ же не оставляетъ никакихъ залоговъ въ Россіи. Вольный казакъ!" (20 октября 1820 г.[1]).

Въ шутливомъ посланіи къ княгинѣ А. Ю. Оболенской того же года Жуковскій просилъ ее указать ему путь къ богу „семейственнаго счастья":

Я отъ него благодѣяній
До сей поры не получалъ,
А что и знаю, то узналъ
Изъ сновидѣній и преданій.

Все это шло въ разрѣзъ съ его недавними мечтами уѣхать въ деревню, къ роднымъ. „Полное созданіе нашей утопіи должно быть отстранено, пишетъ онъ Елагиной; я привязанъ къ своему не одними узами выгодъ, о которыхъ не такъ то много забочусь, но узами лучшими: чистаго уваженія, благодарности всему этому и.... поэзіей, которая.... все еще *копошится и всплываетъ*".

Въ концѣ ноября 1820 г. графиня Самойлова сдѣлалась невѣстой графа Бобринскаго[2]); не къ ней ли относится помѣтка въ Берлинскомъ дневникѣ Жуковскаго подъ 25 октября / 6 ноября? Графинѣ Шуваловой писала Ушакова о гатчинскихъ радостяхъ: „X. [3]) играла на театрѣ; воображаю, что она была прелестна, и радуюсь, что не видалъ ее. Я говорилъ объ ней и о себѣ съ Шуваловой. Чего я хочу? Ничего болѣе, какъ только, чтобъ она думала обо мнѣ, какъ должно. Далѣе этому идти не надобно. Будешь смѣшенъ и жалокъ. Теперь главное — занятіе, главная надежда — путешествіе, насладиться вполнѣ шестью мѣсяцами; остальное на волю Божію". Въ Берлинскомъ дневникѣ Жуковскій отмѣтилъ подъ 23 декабря стар. ст.: „у графини Шуваловой.... письмо Самойловой". Ея свадьба состоялась 27 апрѣля 1821 г. Неизвѣстно къ какому времени относится

---

1) Русскій Архивъ 1900 г. декабрь, стр. 558.

2) Сл. Письмо Ал. Тургенева къ князю Вяземскому 17 ноября 1820 г. и дневникъ Жуковскаго подъ 23 ноября / 5 декабря.

3) И. А. Бычковъ видитъ въ этомъ X — княжну Хилкову, пѣвшую партію ангела на празднествахъ, бывшихъ въ Гатчинѣ въ 1823 году по случаю пріѣзда невѣсты вел. кн. Михаила Павловича. Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 4 сентября 1831 года кн. Вяземскій говоритъ о слухѣ, будто Жуковскій женится на Хилковой. Сл. Русск. Арх. 1900 г. № 3, стр. 363.

коротенькая дѣловая къ ней записка Жуковскаго. Она кончается такъ: „А я здѣсь подписуюсь:

Какъ вы сказали: *старый другъ!*
Животворительное слово!
Имъ жизнь помолодѣла вдругъ,
Имъ и все старое, какъ будто стало ново [1]).

„Мы часто говоримъ о тебѣ съ Софіею Бобринскою, сердцемъ тебѣ преданною, писалъ Жуковскому князь Вяземскій въ декабрѣ 1828 года; она хвалится твоими добрыми совѣтами“ [2]). Впослѣдствіи князь Вяземскій вспоминалъ о ней, какъ о женщинѣ рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. „Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный, свѣжій, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой она была фрейлиной, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ“ [3]).

Еще одно прекрасное прошедшее стало вѣчнымъ для сердца. Друзья Жуковскаго знали любимое его motto и толковали его съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, можетъ быть, не безъ ироніи. „Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслію и зрѣетъ и совершенствуется бѣдствіями: тогда и прошедшее счастіе въ пользу и тогда, и только тогда, для нея *прошедшее вѣчно* [4]).

Мы еще разъ услышимъ этотъ motto, хотя и случайно, но въ обстоятельствахъ, съ которыми онъ какъ-будто не мирится.

Богъ „семейственнаго счастья“, такъ долго обманывавшій поэта, готовился взыскать его на старости лѣтъ. Жуковскій полюбилъ и, извѣщая (10/22 августа 1840 г.) родныхъ въ Бѣлевѣ о своемъ предстоящемъ бракѣ, вспоминаетъ о своемъ послѣднемъ

1) Сл. Кульманъ, l. c., стр. 1116.

2) Русскій Архивъ 1900 г. Февраль, стр. 207—8. Сл. письмо кн. Вяземскаго Жуковскому 14 апрѣля 1833 года, ib. 1900 г. мартъ стр. 372.

3) Кн. П. А. Вяземскій, Полн. Собр. Соч. т. VII, стр. 223—4.

4) Ал. Тургеневъ къ Ник. Тургеневу 13 октября 1827 г.

свиданіи съ ними въ 1839 году: „я увидѣлъ опять всѣ родныя мѣста, и милые живые и милые мертвые со мной всѣ повидались разомъ; всѣ это совокупилось въ одно, какъ будто-бы для того, чтобы поставить живую грань между всѣмъ прошедшимъ моимъ и будущимъ". Но эта грань — только къ слову: Жуковскій проситъ родныхъ принять въ свои объятія его „добрую, непорочную Елизавету" и помышляетъ о житьѣ вмѣстѣ; разумѣется, планъ этого „вмѣстѣ" долженъ измѣниться, но это „все та-же надежда, которая веселила меня прежде и которая должна непремѣнно со временемъ исполниться, съ тою только разницею, что нашего полку теперь прибыло (какъ бывало мы пѣвали, когда сѣяли просо)" [1]).—Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Жуковскій позвалъ священника, чтобы напутствовать его благословеніемъ при вступленіи во второй періодъ его жизни, когда должно было „осуществиться счастье, лишь снившееся въ первомъ". Первый періодъ „закончился совершенно"; на лицо при совершенія обряда, присутствовали его представители: Ек. Аѳ. Протасова, Елагина, вмѣсто Маши ея дочь, вмѣсто Воейковой ея дочери, но и усопшія не могли не быть въ столь торжественный моментъ, какъ бы благословляя Жуковскаго на новую жизнь. Когда онъ склонилъ голову подъ евангеліе, которое читалъ надъ нимъ священникъ, онъ услышалъ слова отъ Іоанна (XIV, 1—4): „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте" и т. д. Слова эти были любимымъ изреченіемъ Маши, ихъ онъ выбралъ эпитафіей для двухъ „родныхъ могилъ" [2]); они зазвучали съ „того свѣта", „голоса усопшихъ друзей присоединили свое благословеніе къ благословенію живыхъ". Слезы выступили невольно, радость и покой водворились въ сердцѣ. „Могъ-ли я лучше распроститься съ своимъ прошлымъ?" пишетъ онъ своей невѣстѣ [3]).

Отправляясь въ 1841 году заграницу, гдѣ долженъ былъ состояться бракъ, Жуковскій устроилъ свои дѣла. Прощаніе съ Мойеромъ въ Дерптѣ было трогательное, паѳосъ повышенъ до истеріи. Жуковскій подарилъ Мойеру портретъ Маши, картины, изображавшія ея гробницу на дерптскомъ кладбищѣ и гробницу Воейковой въ Ливорно; вдругъ онъ воскликнулъ:

---

1) Русская Бесѣда 1859 г., III, стр. 17 слѣд.
2) Сл. выше, стр. 247—8.
3) 14/26 марта 1841 г. (неизд.).

„Нѣтъ, я съ вами не разстанусь!“ и, вынувъ ихъ изъ рамъ, сложилъ и велѣлъ отнести въ свою карету. Мойеру онъ оставилъ свой рельефный портретъ, сдѣланный въ Римѣ въ 1833 г. „Береги его и повѣрь словамъ, которыя я вырѣзалъ на немъ: *Для сердца прошедшее вѣчно!*“ [1]).

21 мая 1841 г. Жуковскій женился на Ел. Ал. Рейтернъ, которая была почти на 40 лѣтъ моложе его (род. 19 іюня 1826 г.). Въ тихомъ семейномъ пріютѣ, „далеко отъ шума мірского.... *милое минувшее.... въ воспоминаніи*“ дружилось „*съ настоящимъ*“ (къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ 1851 г.).

„*Для сердца прошедшее вѣчно*“, повторяющееся на разстояніи 30 лѣтъ въ разныхъ примѣненіяхъ — что это такое? Наивный ли эгоизмъ чувства, лелѣющаго милыя воспоминанія, которыя сплачиваются для него въ одинъ, довлѣющій себя аффектъ? Въ такомъ случаѣ аффектъ отдѣляется отъ человѣка, его возбудившаго; чувство цѣнится какъ-то отвлеченно, въ самомъ себѣ, какъ честно извѣданное, въ страданіи или надеждѣ; такъ Блудовъ, исповѣдуясь Жуковскому въ своей къ нему дружбѣ, опредѣлялъ ее, какъ „благодарность за (возбужденныя) чувства“, а Жуковскій радовался, что находилъ себя способнымъ чувствовать благодарность. — Или это воображеніе сердца, herzliche Phantasie Новалиса, желаніе спасти дѣвственность перваго глубокаго увлеченія, введя въ его колею другое или другія, какъ его отраженія, воскресенія?

Сравненіе съ сердечной судьбой Новалиса, котораго такъ часто сравнивали съ Жуковскимъ, можетъ быть не безинтересно. Рожденный въ строгой гернгутерской семьѣ, въ которой юное поколѣніе вымирало наслѣдственной болѣзнью, съ молода хворый, онъ лелѣялъ, какъ всѣ сентименталисты, надежду на тихое, семейное счастье, мечталъ, влюблялся, сватался, жилъ воображеніемъ. Въ 1794 году онъ увидѣлъ Софію von Kühn, тринадцатилѣтнюю дѣвочку, полуграмотную, неразвитую, выросшую въ средѣ, пошлость которой онъ сознавалъ; но въ этомъ подросткѣ было что-то привлекательное, душевное, и Новалисъ увлекся ею, вложилъ въ нее свое чув-

---

1) Зейдлицъ l. c. стр. 173—4. Другой портретъ Жуковскаго, подаренный имъ Зейдлицу и недавно воспроизведенный въ Вѣстникѣ Европы (1902 г., май), подписанъ рукой поэта: „Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“ (изъ Камоэнса 1839 г.).

ство, которое она и не испытала. Въ мартѣ 1795 года произошла ихъ тайная помолвка; вскорѣ явились сомнѣнія, иллюзіи готовы были разлетѣться, но серіозная болѣзнь дѣвочки все поправила: „я люблю ее теперь больше — за ея болѣзнь", писалъ онъ въ то время. Когда 19 марта 1797 г. Софія скончалась, любовь къ ней окончательно полонила его, любовь мистическая и страстная, съ упоеніемъ отдававшаяся печали, вносившая въ область смерти вожделѣнія жизни. Смерть та-же жизнь; Софія для него ещё жива и близка, можетъ ежеминутно реализоваться, онъ ее ждетъ; онъ обязанъ сберечь себя для ея любви — и вживается въ это чувство долга. Оно является для него источникомъ печальнаго наслажденія, предметомъ сознанія и анализа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ-то навязаннымъ, гнетущимъ; фантасмогорія боролась въ немъ съ требованіями жизни, и онъ скорбѣлъ, когда порой они брали верхъ, пока софизмъ чувства, поддержанный философской теоріей, не помогъ ему выйти изъ противорѣчій — къ грёзѣ единства.

Таково психологическое содержаніе коротенькаго дневника, который онъ сталъ вести по смерти своей милой, считая дни со дня ея кончины [1]). Онъ полонъ памяти о ней, старается направить къ ней одной свои мысли, не развлекаться въ обществѣ, не отдаваться веселью; часто встрѣчаются упреки самому себѣ, что его фантазія была настроена нѣсколько чувственно. У него явилась мысль покончить жизнь самоубійствомъ, чтобы соединиться съ милой: это его *рѣшеніе*. „Часто вспоминалъ о Софіи, — и моемъ рѣшеніи, записалъ онъ 23-го апрѣля 1797 года; вечеромъ перелисталъ „Ночныя думы" Юнга. 24-го онъ весь день читалъ Вильгельма Мейстера, „моя любовь къ Софіи предстала мнѣ въ новомъ свѣтѣ..... Рѣшеніе мое прочно. Софіи будетъ лучше и лучше (Sophien wirds besser gehen), слѣдуетъ только все болѣе жить въ ней. Мнѣ по истинѣ хорошо лишь въ воспоминаніи о ней". 26-мъ апрѣля онъ собой относительно доволенъ: „положимъ, я не вспоминалъ о ней съ чувствомъ, былъ почти веселъ, но все-же не недостоинъ ея: порой думалъ о ней, какъ слѣдуетъ, мужественно (männlich). Утромъ было у меня роковое, гнетущее, болѣзненное ощуще-

1) Сл. дневникъ въ Novalis Schriften, hrsg. von Ernst Heilborn I, стр. 267 слѣд. — и, для общаго, его-же: Novalis der Romantiker. Berlin, 1901 г.

ніе наступающаго насморка. Рѣшеніе стояло прочно, но съ умѣренностью и болтливостью хромало". 2-го мая родители отдали ему нѣсколько бездѣлокъ, принадлежавшихъ покойной, и онъ тронутъ, украшаетъ ея могилу цвѣтами, которые наканунѣ получилъ отъ жены Kreisamtmann'а; „къ обѣду они испекли большой крендель".—Порой онъ представляетъ себѣ Софію рядомъ съ собой на диванѣ, en profil, съ зеленой косынкой на шеѣ; въ извѣстныхъ позахъ и платьѣ онъ легче всего воображалъ ее себѣ (5 мая). Шлегель писалъ ему и прислалъ первую часть своихъ Шекспировскихъ переводовъ. „Послѣ обѣда прогулка, затѣмъ кофе; погода измѣнилась къ худшему, сначала гроза, потомъ облачно и бурно; я былъ настроенъ крайне чувственно. Сталъ читать Шекспира, совсѣмъ въ него вчитался. Вечеромъ пошелъ къ Софіи. Тамъ я былъ въ несказанной радости, были мгновенные проблески энтузіазма. Я сдунулъ передъ собою могилу, какъ прахъ, вѣка были мнѣ мгновеніемъ, я чувствовалъ ея близость, казалось, она сейчасъ явится" (13 мая). Въ другой разъ онъ перечитываетъ ея и свои письма и „былъ совсѣмъ съ нею. Я пошелъ погулять въ садъ, досталъ молока; нашелъ нравственную философію Фергюссона, читалъ на кладбищѣ, гдѣ и выпилъ молоко; затѣмъ снова гулялъ и опять на кладбище" (16 мая). — Рѣшеніе умереть переживаютъ разныя стадіи: „я не былъ растроганъ у ея могилы; но рѣшеніе страстно; я долженъ жить лишь ради нея, лишь для нея я существую.... Она высшее, единственное. О, еслибъ я каждую минуту могъ быть ея достойнымъ! Моей главной задачей должно быть — все поставить въ соотношеніи къ ея идеѣ" (18 мая). Его смерть будетъ человѣчеству примѣромъ вѣрности: онъ докажетъ людямъ возможность такой любви (19 мая); безъ нея для него нѣтъ ничего на свѣтѣ (20 мая). — Утромъ 21 мая онъ дѣлалъ кое-какія извлеченія изъ Фихте; былъ невообразимо споконъ у могилы Софіи, „обсуждалъ рѣшеніе" (der Entschluss wird beraisonnirt). „Чѣмъ слабѣе становится чувственная печаль, тѣмъ сильнѣе духовная, и развивается какое-то спокойствіе отчаянія. Свѣтъ становится постылѣе, равнодушіе къ окружающему растетъ, тѣмъ свѣтлѣе все вокругъ меня и во мнѣ. Лишь бы мнѣ не умствовать по поводу моего рѣшенія: каждый доводъ разсудка, каждая ссылка (Vorspiegelung) на сердце—признакъ сомнѣнія, колебанія и—невѣрности" (22 мая). Порой у него является сознаніе, что онъ слишкомъ отдается

самоанализу, что ему необходимо обновиться въ перемѣнѣ впечатлѣній и настроеній (25 мая), но онъ снова впадаетъ въ старую колею: его смерть будетъ доказательствомъ его стремленія къ высшему, настоящимъ самопожертвованіемъ, не бѣгствомъ, не принудительной мѣрой (Nothmittel); ему суждено умереть въ разцвѣтѣ силъ, познавъ все лучшее, познавъ самого себя: kennen und geniessen (26 мая); и память его милой обращается у него въ Genuss: „печальное наслажденіе ея смертью“ (29 мая). Его интересуетъ вопросъ, можно-ли умереть отъ растительнаго яда (ib.); его рѣшеніе дается ему легче, чѣмъ онъ думалъ: люди не такъ нужны другъ другу, какъ кажется, его смерть не произведетъ того впечатлѣнія, какого онъ опасался (1 и 2 іюня), Въ отмѣткѣ 3—5 іюня говорится о сомнѣніяхъ, безконечныхъ сомнѣніяхъ, отъ которыхъ онъ хочетъ спастись въ страстномъ культѣ своей печали: „кто бѣжитъ печали, болѣе не любитъ. Любящій обязанъ вѣчно ощущать утрату, вѣчно держать рану открытою. Да сохранитъ мнѣ Господь эту невыразимо-сладостную скорбь, грустное воспоминаніе, бодрое чаяніе (Sehnsucht), мужественную рѣшимость и твердую, какъ желѣзо, вѣру. Безъ Софіи я ничто, съ нею все“ (6 іюня). Онъ хочетъ умереть радостно, какъ молодой поэтъ (11 іюня); „она умерла, умру и я, свѣтъ опустѣлъ; даже мои философскія замѣтки не должны болѣе отвлекать меня: въ глубокомъ, ясномъ спокойствіи стану ждать мгновенія, когда меня позовутъ“ (12—13 іюня).

Съ 16 іюня по 6 іюля въ дневникѣ всего четыре помѣтки. Въ концѣ первой: „Christus und Sophie“; Новалисъ читаетъ Шеллинга и ведетъ серьозные разговоры о самоубійствѣ.—Для 1798 г. дневникъ не сохранился, и всего одна запись 14 апрѣля 1799 года.

Можетъ быть, уже въ 1798 году начаты Новалисомъ его „Гимны къ Ночи“, послѣдняя обработка которыхъ относится, судя по его письму къ Шлегелямъ въ генварѣ 1800 г., къ концу предыдущаго: восторженные гимны къ любви и смерти и юнговской „ночи“, въ которыхъ отложились патологическія настроенія и видѣнія „дневника“. Мы узнаемъ тѣ-же образы: поэтъ стоитъ у могилы, въ которой похоронилъ свою жизнь (die Gestalt meines Lebens), одинокій, подавленный, безсильный. Онъ ищетъ помощи, озирается, когда „изъ голубой дали, съ высотъ моего былого блаженства, забрежжило; въ одинъ мигъ

порвались узы рожденія и свѣта, исчезла земная краса (Herrlichkeit), а съ нею и моя печаль. Печаль растворилась въ новомъ, несказанномъ свѣтѣ: это ты сошло на меня, вдохновеніе ночи, сонъ неба! Вся окрестность тихо поднялась, и надъ ней парилъ мой, освободившійся, новорожденный духъ. Могильный холмъ обратился въ облако пыли, и сквозь облако я увидѣлъ просвѣтленныя черты моей милой. Въ ея очахъ покоилась вѣчность, я схватилъ ея руки, и слезы стали мнѣ сіяющей, нерушимой связью. Тысячелѣтія проходили въ даль, точно грёзы, я же проливалъ на ея груди блаженныя слезы на встрѣчу новой жизни. Это былъ первый въ ней сонъ; онъ миновалъ, но отблескъ остался: вѣчная, незыблемая вѣра въ ночное небо и его солнце — мою милую“.

Между тѣмъ, какъ любовь къ Софіи идеализовалась въ Hymnen an die Nacht, Новалисъ былъ уже влюбленъ и помолвленъ, со второй половины 1798 года, съ Юліей Шарпантье. Она приняла участіе въ его сердечномъ горѣ, ея болѣзнь расшевелила его чувствительность; по отзывамъ современниковъ она была красивая дѣвушка, нѣжное созданіе, съ грустнымъ выраженіемъ лица. Поэтъ пошелъ на встрѣчу новому счастью, несостоявшемуся за его смертью (25 марта 1801 г.), но записалъ въ дневникѣ 15 апрѣля 1800 года: „Тихая грусть (Wehmuth) характеризуетъ настоящую любовь — элементъ стремленія (Sehnsucht) и соединенія. На свѣтѣ много цвѣтовъ незнакомаго происхожденія, въ нашемъ климатѣ они не произростаютъ, они вѣстники, глашатаи лучшаго существованія. Къ этимъ цвѣтамъ относится особенно религія и любовь“. — Въ „фрагментахъ“ Новалиса читаемъ слѣдующій: „у меня къ Софіи (Sophie) религія, не любовь. Абсолютная любовь, независимая отъ сердца, основанная на вѣрѣ — религія“.

Друзей поэта, знавшихъ интимную подкладку его Hymnen an die Nacht, его новое увлеченіе не удивило: Софія по прежнему владѣла его сердцемъ въ лицѣ Юліи, Юлія была ея *возрожденіемъ*.

Въ неконченномъ романѣ Новалиса (Heinrich von Ofterdingen), развязку котораго мы знаемъ изъ сообщеній его пріятеля Тика, авторъ пересказалъ отчасти исторію своего сердца. Генрихъ фонъ Офтердингенъ влюбился въ дочь Клингсора, Матильду. „Насъ не разлучитъ даже смерть! говоритъ онъ ей.— Не разлучитъ, Генрихъ! Гдѣ будешь ты, тамъ и я. — Да, Ма-

тильда, я вѣчно буду съ тобою.—Я не знаю, что такое вѣчность, но мнѣ кажется, что чувства, которыя я испытываю, когда думаю о тебѣ, это и есть вѣчность! — Да, Матильда, мы вѣчны, потому что любимъ другъ друга". Матильда утонула, Генрихъ неутѣшенъ, но она предстала ему въ видѣнiи, слышится ея голосъ: Не печалься, я съ тобою; ты еще пробудешь нѣкоторое время на землѣ, но одна дѣвушка будетъ утѣшенiемъ тебѣ, пока ты не умрешь и не прiобщишься къ нашему блаженству. Печаль утраты миновалась вмѣстѣ съ чувствомъ одиночества и душевной пустоты, осталось тихое, глубокое чаянiе, томленiе; „будущее и прошедшее сошлись въ немъ, вступивъ въ тѣсный союзъ; онъ былъ внѣ настоящаго, и свѣтъ сталъ ему милѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ ощутилъ себя въ немъ странникомъ на короткiй срокъ, осужденнымъ бродить по его пространнымъ, разноцвѣтнымъ палатамъ."—„Я знаю, ты Матильда, ты цѣль моихъ желанiй, поетъ Генрихъ; не дожидаясь дерзкаго вопроса, ты мнѣ откроешь, когда я предстану передъ тобой. Я готовъ еще разъ на тысячу ладовъ прославить чудеса земли, пока ты не придешь обнять меня". Дѣвушка, о которой говоритъ Матильда, дѣйствительно является; ей имя Суане, она посылаетъ Генриха въ какой то таинственный монастырь, гдѣ монахи—„служители священнаго пламени въ юныхъ сердцахъ", гдѣ Генрихъ ведетъ бесѣды о магiи и смерти, участницѣ жизни, открывающей ея смыслъ. А затѣмъ онъ на тысячу ладовъ испытываетъ чудеса земли: впечатлѣнiя Италiи и Грецiи, востока и Германiи пережиты имъ снова, послѣ чего онъ возвращается къ себѣ, или въ себя, „на родину своей души", въ сознанiи того, что ожидаемое исполнилось, въ чаянiи внутренняго „преображенiя". Мiръ фантазiи сливается съ дѣйствительностью, прошедшее съ настоящимъ. Генрихъ снова съ Матильдой, но Суане — та же Матильда; все предыдущее было смертью, послѣднимъ сновидѣньемъ — и пробужденьемъ.

Такъ спасало „воображенiе сердца" объективное единство своей любви; воображенiе романтика, философа и мистика, сумѣвшаго соединить воззрѣнiя Фихте, Hemsterhuis'а и John'а Brown'а съ измышленiями Якова Бёме; жившаго фантазiей въ мiрѣ чудесныхъ соотвѣтствiй жизни и смерти, сказки и дѣйствительности, прошедшаго и настоящаго, мiровыхъ и психическихъ процессовъ. Въ этой фантастикѣ была извѣстная система, опредѣлявшая цѣльность поэтическихъ замысловъ;

„сердцу прошедшее вѣчно“ также подсказано „сердечнымъ воображеніемъ“, но это сентиментальный афоризмъ, уныло повторяющійся, нигдѣ не сгустившійся въ опредѣленный образъ, успокоивающій сознаніемъ, что тѣ „свѣтлыя минуты, въ которыя мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго, высокаго и добраго“, были минутами—„божественнаго откровенія“ [1]).

Въ 1843 г. Жуковскій поднесъ великой княгини Александрѣ Николаевнѣ свой пересказъ „Наля и Дамаянти“ съ посвященіемъ. Ему былъ сонъ, рядъ сбывшихся сновъ. Дерптъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ прусскую принцессу при торжественномъ ея пріѣздѣ, обратился въ цвѣтущую долину Кашмира; „былъ вечеръ тихъ“, змѣею безконечной вился въ долину блестящій ходъ, и звуки торжественнаго марша наполняли душу поэта „сладкой грустью“; въ паланкинѣ сидѣла царевна молодая, невѣста сѣвера. Затѣмъ другое сновидѣнье: поэтъ въ „царевомъ домѣ“, и кажется ему, что годы пролетѣли надъ нимъ мгновенно, оставивъ „воспоминаніе какихъ то свѣтлыхъ временъ, чего-то чудеснаго, какой-то волшебной жизни“. Новая греза переноситъ его въ его недавнее спокойное счастье, въ уютный домикъ на берегу Рейна, къ „молодой хозяйкѣ“, подруги, данной Богомъ на освященіе его сердца. Настоящее перебивается воспоминаніемъ, словами знакомой эпитафіи:

Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; я слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, *вѣруй въ Бога, вѣруй*
Въ меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень

1) Изъ первой записи въ альбомѣ Самойловой.

Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земного счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.

Затѣмъ фантазія снова вступаетъ въ свои права

другъ минувшихъ лѣтъ
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ,
Разсказами досугъ мой веселитъ.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно....
Созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не *одинъ*, ихъ *два*: и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ,
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ,
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни.

Зейдлицъ толковалъ послѣднее сновидѣніе такъ, будто „поэтизируя свою настоящую жизнь, желая быть счастливымъ, Жуковскій стремится *уподобить образъ жены съ образомъ идеала своей юности и зрѣлыхъ лѣтъ — Маши*“ [1]). Это дѣйствительно на-

1) l. c. стр. 189.

помнило бы намъ мистику Новалиса; но здѣсь произошло другое, болѣе внѣшнее сближеніе: сіяютъ два образа; у Жуковскаго родилась дочь Александра (30 октября 1842 г.), „расцвѣтающій цвѣтокъ“; поэма посвящена великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ, она „въ коронѣ“; „имя имъ одно“.

„Сердечное воображеніе“ не знаетъ предѣловъ. Когда Новалисъ измѣнилъ своимъ республиканскимъ убѣжденіемъ, онъ воспѣлъ не только монархію, но и Берлинскій дворъ, такъ же искренне все идеализуя и всюду открывая старыя и новыя соотвѣтствія: любовь принципъ брака — и государства, государство — бракъ; либо монархъ — солнце, какъ солнце создаетъ вокругъ себя свѣтовую атмосферу, такъ вокругъ монарха естественно образуется блестящая, поэтически настроенная среда — не искусственный, а непринужденный, разумный этикетъ.

IX.

Опасенія друзей.

Друзья любили Жуковскаго, не смотря на порой существенное разногласіе воззрѣній и убѣжденій. „Для дружбы все, что въ мірѣ есть", пѣлъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ"— и дружба берегла его и тянула къ нему издали.

„Съ Жуковскимъ я на хорошей ногѣ, писалъ Гнѣдичу Батюшковъ въ февралѣ 1810 года: онъ меня любитъ и стоитъ того, чтобъ я его любилъ" [1]); „дружба твоя для меня сокровище", увѣряетъ онъ пять лѣтъ спустя его самого [2]). „Здравствуй, Свѣтлана, пишетъ ему изъ Лондона Блудовъ 19 марта 1819 г. въ полночь: мнѣ захотѣлось, захотѣлось такъ сильно сказать тебѣ.... что-нибудь, напримѣръ, что я тебя люблю и обнимаю, какъ люблю, то есть, отъ всего сердца". Онъ благодаритъ его за письмо, за „голосъ съ родины", который освѣжилъ его „въ моральномъ и физическомъ смыслѣ". Онъ привыкъ жить сердцемъ, а здѣсь вянетъ, потерялъ здоровье и бодрость и довѣренность къ себѣ; его поддерживаетъ сознаніе, что онъ другъ Карамзина, Жуковскаго, Тургенева, Батюшкова и т. д., однимъ словомъ — Арзамасецъ [3]). Онъ назвалъ своего мальчика Вадимомъ, это мой „родъ завѣщанія моимъ дѣтямъ о сей вѣчной, незабвенной дружбѣ" (1819 г. 30 августа) [4]).—Еще характернѣе письмо 1822 г. 18 іюня изъ Петербурга: „ты спрашиваешь

1) Батюшковъ, соч. т. III, стр. 76; сл. ib. 81, 120.
2) L. c. стр. 344; сл. 319 (къ Гнѣдичу).
3) Русскій Архивъ 1902 г. № 6, стр. 335 слѣд.
4) Ib. стр. 337.

меня о моихъ чувствахъ къ тебѣ и хочешь, чтобъ я сказалъ о нихъ искренно, хочешь заплатить мнѣ такой же довѣренностью.... Приведи себѣ на память, если можешь, нѣсколько дней моего журнала, который я читалъ тебѣ здѣсь [1]), и позволь мнѣ выписать изъ него нѣсколько строкъ; увидишь, для чего. „Не буду писать и говорить о своихъ горестяхъ ни съ кѣмъ и никогда или почти никогда. Это въ моемъ характерѣ; только странно, что я всегда очень много говорю о нихъ Жуковскому тогда, когда онъ за тысячу верстъ отсюда. Подумаютъ, что я пишу къ нему; нимало! Но собираюсь писать. Ночью, когда сердце у меня терзается, я всегда въ своихъ слезахъ, въ отчаяніи, жалуюсь на все Жуковскому. Но онъ не слышитъ меня и, вѣроятно, и проч.“. Ты знаешь самъ, что сильнѣйшіе знаки чувства видны въ мысляхъ, а не въ дѣлахъ, и для того я позволилъ себѣ вспомнить о своемъ журналѣ. Въ наши лѣта, особливо, когда имѣешь страсти, можно часто дѣлами противорѣчить чувствамъ.... Мои чувства къ тебѣ не перемѣнились и не могли перемѣниться.... Надѣюсь, что ты любишь меня столько-же, сколько я тебя. Но если увижу, что ошибаюсь (чего однако же я не думаю), то признаюсь, что это огорчитъ меня, однакоже не отниметъ надежды: дружба не есть любовь, она родится отъ благодарности, то есть отъ благодарности за чувства“. Онъ сообщаетъ Жуковскому вѣсти о друзьяхъ (Кайсаровыхъ, Мерзляковѣ), обѣщаетъ побудить А. Тургенева написать ему, и Тургеневъ приписываетъ, говоритъ о своей искренной, душевной любви. „Право, братъ, мы ни о чемъ съ такимъ удовольствіемъ не говоримъ съ Блудовымъ, какъ о тебѣ, и ты, какъ невидимый геній, соединяешь руки и сердца наши. Знаешь-ли, что я теперь началъ тебя болѣе прежняго любить отъ того, что чѣмъ болѣе я живу, чѣмъ обширнѣе становится мое знакомство, тѣмъ, напротивъ, сердце мое стѣсняется, ибо вездѣ, вездѣ нахожу une disette d'hommes, Ah! cachons nous, passons etc.“ [2]).

Въ 1828 году (29 іюля) Перовскій писалъ Жуковскому изъ лагеря подъ Варной: „люблю тебя болѣе, чѣмъ сказать могу, но не болѣе, чѣмъ ты знаешь“ [3]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя:

---

1) Стало быть, до 1818 года, когда Блудовъ посланъ былъ въ Лондонъ, либо въ 1820 г., когда онъ вернулся.

2) Ib. стр. 338 слѣд.

3) Русская Старина 1903 г. іюль, стр. 126.

„люблю тебя до смерти; а нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ я, что люблю тебя и при смерти, и доказалъ бы тебѣ это, еслибъ умеръ: находившіеся при мнѣ душеприкащики получили уже приказаніе послѣ смерти вынуть мое сердце, порядочно высушить, завернуть и доставить тебѣ; это не шутя говорю тебѣ“ (24 сентября) [1]).

Дружба, основанная на сердцѣ и—привычкѣ, на общности гуманнаго міросозерцанія и честнаго служенія литературѣ, не предполагала согласія общественнаго настроенія и даже литературныхъ вкусовъ. Въ кн. Вяземскомъ, любимцѣ Дмитріева и реалистѣ, всегда била французская классическая жилка, не смотря на его увлеченія Байрономъ и симпатіи къ новымъ теченіямъ поэзіи. Онъ былъ рожденъ памфлетистомъ, говорили о немъ Пушкинъ и Мицкевичъ; „буянъ, боецъ кулачный, Елисей“, говорилъ онъ о себѣ; „мнѣ нужно, чтобы кровь у меня кипѣла“ [2]),—и въ молодости его письма кипѣли вольнолюбивыми мечтами. Съ другой стороны А. И. Тургеневъ, ближе всѣхъ стоявшій къ сердечной, не умственной жизни Жуковскаго, такой-же сентименталистъ и филантропъ, какъ онъ, но превосходившій его серьезностью своихъ научныхъ интересовъ и широтой либерально-общественныхъ взглядовъ. Гёттингенская школа дала ему критическое чутье, не опредѣливъ матерьяла для критики: какъ въ Гёттингенѣ, предоставленный самому себѣ, онъ разбрасывался на лекціи по исторіи, химіи, ботаникѣ, такъ и позже онъ останется полигисторомъ, прислушивавшимся, во время своего долгаго скитальчества по Европѣ, ко всемъ умственнымъ и культурнымъ движеніямъ запада. Піэтизмъ, привитый домашнимъ воспитаніемъ, объясняетъ его любовь къ религіознымъ вопросамъ, находившую исходъ въ его дѣятельности по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и Библейскому Обществу. Въ 1815 году онъ составляетъ указъ объ удаленіи изъ Петербурга іезуитовъ, въ 1817 г. собираетъ у себя протестантскихъ и реформатскихъ пасторовъ, чтобы потолковать съ ними о соглашеніи вѣроисповѣданій [3]). И здѣсь онъ какой-то эклектикъ: ищетъ религіи

1) Ib. стр. 128.

2) Къ Жуковскому 13 декабря 1823 г., Русск. Арх. 1900 г. № 2, стр. 192.

3) А. Тургеневъ записалъ въ (дрезденскомъ) дневникѣ 1826 г. подъ 31 октября: слушалъ проповѣдь Аммона „о несогласіи исповѣданій и

любви на полупути между Вольтеромъ и Кутузовымъ [1]); это не путь Жуковскаго. Искатель синтеза на почвѣ сентиментализма и полигисторства, Тургеневъ невыяснилъ себя своимъ друзьямъ. Въ 1817 г. Пушкинъ набросалъ его молодой, нѣсколько вѣтренный силуэтъ [2]); долгое время спустя послѣ его смерти кн. Вяземскій назоветъ его космополитомъ, эклектической натурой [3]), Жуковскій, помянувшій его кончину задушевнымъ словомъ, будетъ говорить о неопредѣленности его мнѣній — и неуловимой физіономіи, Плетневъ объ „избыткѣ въ желаньяхъ къ совершенству", губящемъ его осуществленіе [4]).

И всѣ они тянули къ уловимому, въ своей прозрачности, сердцу Жуковскаго: кн. Вяземскій и Тургеневъ, такой рыцарь чести, какъ Перовскій, и Блудовъ.

Это не исключало критики. Любили чистую мечтательность пріятеля, его меланхолію, его „душу", издавна подтрунивали надъ его пристрастіемъ къ мертвецамъ, привидѣніямъ и чертямъ [5]), говорили о какой-то „христіанской выспренности" [6]), но боялись излишествъ его сердечнаго воображенія и скоро отгадали ограниченность его психическаго настроенія, которую

укоризнахъ, дѣлаемыхъ другими исповѣданіями протестантамъ". Аммонъ хвалилъ своихъ, Тургеневъ ожидалъ бы слова *любви*. Это напомнило ему „вечеръ въ 1817 году, когда я сближалъ пасторовъ протестанскихъ и реформатскихъ, и поэтъ Пушкинъ угощалъ ихъ у меня пуншемъ и ужиномъ, а подъ конецъ и бичевалъ веселымъ умомъ своимъ виномъ разогрѣтаго пастора". Въ томъ же году написано посланіе Пушкина „А. И. Тургеневу", сл. Соч. Пушкина, изданіе Имп. Акад. Наукъ, I, изд. 2-е, стр. 270—1.

1) Сл. выше стр. 93, прим. 2. Подъ Кутузовымъ эпиграммы Андрея Тургенева разумѣется П. И. Кутузовъ, кураторъ Московскаго Университета и его „письмо къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому о сочиненіяхъ Карамзина", исполненныхъ „вольнодумческаго и якобиническаго яда", ибо онъ проповѣдуетъ „*безбожіе* и безначаліе", и его слѣдуетъ показать Государю „во всей его гнусной наготѣ, *яко врага Божія и яко орудіе тьмы*". Сл. Чтенія въ Общ. Ист. и древн. россійскихъ 1858 г., кн. II, Смѣсь, стр. 185—6.

2) Сл. выше прим. 1.

3) Соч. князя Вяземскаго, т. VIII, стр. 273 слѣд.

4) Къ Жуковскому 25 декабря 1845 г. / 6 генваря 1846 г. Для противовѣса сл. отзывъ барона М. А. Корфа, Русская Старина 1899 г., декабрь, стр. 519.

5) Сл. письмо Батюшкова, іюнь 1812 г. Соч. Батюшкова, III, стр. 187 и I, стр. 132.

6) Князь Вяземскій Ал. Тургеневу 18 апрѣля 1819 г.

впослѣдствіе Полевой назвалъ однообразіемъ мысли [1]), Бѣлинскій „односторонностью", ибо Жуковскій „заключенъ въ себѣ" [2]). Надо обезпечить Жуковскаго на зло ему, писалъ кн. Вяземскій А. Тургеневу: „такой человѣкъ, какъ онъ, не долженъ быть рабомъ обстоятельствъ. Слава царя, отечества и вѣка требуютъ, чтобъ онъ былъ независимъ. Пускай *слетаетъ онъ на землю* только для свиданія съ друзьями своими, а не для мелкихъ и недостойныхъ его занятій (1815 г. 22 марта [3]). Онъ добродушно иронизируетъ надъ его *дѣвственностію* (1818 г. 27 октября), *платонической дружбой* (1819 г. 23 мая), надъ его страстью всюду отыскать „нѣмца или душу по себѣ" (1820 г. 8 декабря).

Далѣе тонъ становится серьезнѣе: „пора бросать истощенное и искони неблагодарное поле библейское", читаемъ въ другомъ письмѣ; „одинъ Жуковскій умѣетъ доить и стричь этого духовнаго козла, отъ коего нѣтъ ни молока, ни шерсти. Но и то отъ того, что беретъ онъ изъ религіи не краски, а чувство, *чувство страданія*, которое такъ пріятно отзывается въ сердцахъ страдальцевъ земныхъ" [4]). Князь Вяземскій наслаждается его Аббадонной: главный недостатокъ Жуковскаго — „однообразіе выкроекъ, формъ, оборотовъ, а главное достоинство — выкапывать сокровеннѣйшія пружины сердца и двигать ихъ. *C'est le poète de la passion*, т. е. *страданія*. Онъ бренчитъ на распятіи: лавровый вѣнецъ его — вѣнецъ терновый, и читателя своего не привязываетъ онъ къ себѣ, а точно прибиваетъ гвоздями, вколачивающимися въ души. *Сохрани, Боже, ему быть счастливымъ: съ счастіемъ лопнетъ прекраснѣйшая струна его лиры* (князь Вяземскій Ал. Тургеневу 1 мая 1819 г.).

Критика растетъ: „Жуковскій Шиллеромъ и Гёте отучитъ насъ отъ приторной пищи однообразнаго французскаго стола, но своими *бутошниками* [5]) и тому подобными можетъ надолго

---

1) Очерки, I, стр. 123.

2) Литературныя мечтанія. Соч. Бѣлинскаго, подъ редакціею С. А. Венгерова, т. I, стр. 352.

3) Тургеневъ къ князю Вяземскому отъ 1 апрѣля того же года.

4) Князь Вяземскій А. Тургеневу 1819 г. 17 марта.

5) В. И. Саитовъ предполагаетъ, что эта аллюзія стоитъ, быть можетъ, въ связи съ „Двѣнадцатью спящими бутошниками", пародіей на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" Жуковскаго. Авторомъ пародіи, явившейся въ 1832 году, былъ Проташинскій. Сл. Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ I, стр. 616, прим. къ стр. 274.

удалить то время, въ которое желудки наши смогутъ варить смѣлую и рѣзкую пищу нѣмцевъ" [1]). Тургеневъ въ восторгѣ отъ „Цвѣта завѣта", „намъ, нѣмцамъ, весь мистицизмъ чувствительности понятенъ" [2]), для Вяземскаго Жуковскій „слишкомъ уже мистицизмуетъ, то есть, слишкомъ часто обманываться не надобно: подъ этимъ туманомъ не таится свѣтъ мысли. Хорошо временемъ затеряться въ этой глуши безпредѣльной, но засѣсть въ ней и на чистую равнину не выходить на показъ — подозрительно. Онъ такъ наладилъ одну пѣсню, что я, который обожаю мистицизмъ поэзіи, начинаю уже уставать. Стихи хороши, много счастливыхъ выраженій, но все одинъ складъ: вездѣ выглядываетъ ухо и звѣзда Лабзина [3]). Поэтъ долженъ выливать свою душу въ разнообразныхъ сосудахъ. Жуковскій болѣе другихъ долженъ остерегаться отъ однообразія: *онъ страхъ какъ легко привыкаетъ.* Было время, что онъ напалъ на мысль о смерти и всякое стихотвореніе свои кончалъ похоронами. Предчувствіе смерти поражаетъ, когда вырывается, но если мы видимъ, что человѣкъ каждый день ожидаетъ смерти, а всетаки здравствуетъ, то предчувстіе его, наконецъ, смѣшитъ насъ". И кн. Вяземскій разсказываетъ, какъ собирался умирать изувѣченной на войнѣ Евдокимъ Давыдовъ: „Ну, братецъ, и думаешь о смерти; ну и думаешь, что умрешь вечеромъ; ну, братецъ, и велишь себѣ подать чаю; ну, братецъ, и пьешь чай и думаешь, что умрешь; ну, не умираешь, братецъ; велишь себѣ подать ужинать, братецъ; ну, и ужинаешь и думаешь, что умрешь; ну, и отужинаешь, братецъ, а не умираешь; опять ляжешь; ну, братецъ, и заснешь и думаешь, что умрешь,

---

1) 1819 г. 24 іюля князь Вяземскій Тургеневу.

2) Князю Вяземскому 30 іюля 1819 г. И. И. Дмитріевъ нашелъ балладу Жуковскаго „съ цвѣточкомъ длинноватою" (письмо 10 августа 1819 г.). „Дмитріеву не можетъ этотъ родъ поэзіи нравиться. Эти цвѣты пересажены не въ его цвѣтущее время. Душа его завяла прежде, и душистые ароматы германо-британской поэзіи нравились иногда только его взору, а не обонянію. Онъ искалъ въ этихъ цвѣтахъ однѣхъ красокъ и формъ, а для запаху ихъ потерялъ онъ уже необходимую свѣжесть чувства" (Ал. Тургеневъ князю Вяземскому 19 августа 1819 г.).

3) Извѣстнаго піэтиста и мистика, издателя Сіонскаго Вѣстника. „Звѣзда" намекаетъ, быть можетъ, на его стремленіе „къ надзвѣзднымъ областямъ". Въ 1816 г. онъ получилъ Владиміра 2-й степени „за изданіе на отечественномъ языкѣ священныхъ книгъ".

братецъ; утромъ проснешься, братецъ; ну, не умеръ еще; ну, братецъ, опять велишь подать себѣ чаю, братецъ". (1819 г. 5 сентября).

Самъ Жуковскій подавалъ поводъ къ такой критикѣ своего мистицизма и „чертовщины". Когда-то все это отвѣчало его меланхолическому настроенію, но затѣмъ стало его стилемъ, эстетической игрой, которой онъ тѣшился и въ которой набилъ руку. Еще въ 1814 году онъ писалъ Тургеневу про свою „балладу—пріемышъ" („Старушка"): „ужъ то-то черти, то-то гробы!... Не думай, чтобы я на одныхъ только чертяхъ хотѣлъ ѣхать въ потомство. Нѣтъ! я знаю, что они собьютъ на дорогѣ, а, признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали" (20 октября 1814 г.). Въ посланіи къ Воейкову (21 декабря 1814 года: „О, Воейковъ, видно, намъ") онъ самъ считаетъ себя достойнымъ адскихъ мукъ

За вѣдьмъ, за привидѣнья,
За чертей, за мертвецовъ.

Во второмъ „подробномъ отчетѣ о лунѣ", представленномъ Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ (1820 г.: „Хотя и много я стихами"), кокетливо перечислены таинственные лунные эффекты Свѣтланы, Пѣвца, Адельстана, Варвика, Вадима, Сельскаго Кладбища, Эоловой Арфы, и Ал. Тургеневъ, только что жаловавшійся, что „Жуковскій весь въ грамматикѣ" [1]), ждетъ, что Дмитріевъ порадуетъ его своимъ „отзывомъ о бородинской ночи Павловскаго лунатика, который и самъ порадовался воскресшему въ немъ генію" [2]); „Павловскій лунатикъ", „припудренный Оссіанъ" слышится въ другомъ письмѣ [3]). И самъ Жуковскій кается, благодаря А. Г. Хомутову за доставленную ему книгу:

Сей мрачный томъ, сей чемоданъ,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствіями, чудесами
И всѣмъ, что такъ пугаетъ насъ.
Люблю я страшное подъ часъ.

---

1) Къ Дмитріеву 6 мая 1819 г.
2) Къ нему же 23 іюля 1820 г.
3) Кн. Вяземскій Ал. Тургеневу 15 августа 1819 г.; сл. письмо къ тому же 9 февраля 1822 г. (придворный Оссіанъ).

Онъ „чертописецъ" (письмо къ Гнѣдичу 1821 г.), кн. Вяземскій назвалъ его „гробовыхъ дѣлъ мастеромъ", Хомутова ténébreux enchanteur, „гробовымъ прелестникомъ"; онъ не промѣняетъ эту кличку ни на какую другую славу (къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой 1820), а въ письмѣ къ Нарышкину, съ просьбою устроить его поудобнѣе въ Петергофѣ, предупреждаетъ, что возьметъ съ собою семью крылатыхъ сновъ,

Товарищей мечты досужной,
Волшебницъ, лѣшихъ и духовъ,
Запасъ домашнихъ привидѣній
И своекоштныхъ мертвецовъ.
(Письмо къ А. А. Нарышкину 1820 г.) 1).

Гоголь готовъ жаднымъ ухомъ ловить изъ устъ Жуковскаго сладчайшій нектаръ „пріуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго на-

---

1) Слѣдующее сопоставленіе можетъ быть психологически интересно. Въ дневникѣ 1838 года подъ 3/15 іюля описывается поѣздка въ Грингольмъ: Жуковскому отвели на ночь горницу съ окнами въ глубокихъ амбразурахъ, съ старинной кроватью; на стѣнѣ портреты; между ними „двѣ женщины въ родѣ бѣлой женщины"; „дверка, отворяющаяся въ темный корридоръ и на ней портретъ. Словомъ, все, что нужно для явленія самаго полновѣснаго мерзавца"; „за ужиномъ зрители, и между ними Бѣлая женщина".—Въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ (Копенгагенъ 24 іюня 1838 г.), часть котораго напечатана была подъ заглавіемъ: „Очерки Швеціи", описывается ужинъ; зрители за стульями составляли живую, подвижную картину, надъ ними — другіе неподвижные, безмолвные зрители, точно пришедшіе съ того свѣта узнать, что дѣлаетъ поколѣніе нашего вѣка. „И что же вижу? Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутые на длинный носъ, смотритъ на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что, казалось, не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостья — не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью". Жуковскому сказали, что именно его комнату особенно предпочитаютъ привидѣнія. Когда онъ вернулся къ себѣ, было за полночь; онъ долго ходилъ, пока рѣшился загасить свѣчу и лечь спать. „Что же? Я подхожу къ своей постели!.... Но мнѣ надобно оставить перо до слѣдующаго письма, въ которомъ доскажу, что случилось со мной въ замкѣ Грингольмъ". На этой фразѣ намѣренно кончается текстъ Очерковъ; видно, какъ зародилось впечатлѣніе и какъ оно слагается сознательно-литературно въ таинственно настраивающій разсказъ.

шему сердцу" (къ Жуковскому 10 сентября 1831 г.). — Въ 1841 году на обѣдѣ, данномъ Жуковскому, „разговоръ зашелъ за столомъ о привидѣніяхъ, духахъ и явленіяхъ, и очень кстати, передъ ихъ родоначальникомъ, который пустилъ ихъ столько по святой Руси въ своихъ ужасно прелестныхъ балладахъ". На этотъ разъ Жуковскій въ письмѣ къ Погодину выразилъ опасеніе, что такой отзывъ о немъ, явившійся на страницахъ Москвитянина (1841 г. № 2, стр. 601), можетъ быть принятъ за колкую насмѣшку [1], — и если позже называлъ себя „поэтическимъ дядькой на Руси „чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ", то потому, что успѣлъ загладить свой грѣхъ, отворивъ русскому читателю двери заповѣднаго классическаго Эдема (къ Стурдзѣ 10 марта 1849 г.).

Пріятелей безпокоила не только односторонность балладника, но и вліяніе на него необычной придворной сферы, въ которой онъ очутился. Онъ „страхъ какъ легко привыкаетъ"; мы знаемъ отъ него самого, что онъ „очарованъ", нашелъ поэзію, свободу. Его полюбили въ царской семьѣ, и самъ онъ къ ней привязался, но онъ будетъ идеализировать все, не поддающееся идеализаціи, искать счастья, гдѣ его нѣтъ, пріюта чувству, гдѣ на него не можетъ быть отклика — и лѣниться между двумя мадригалами.

Д. В. Давыдовъ боится, „чтобы изъ независимаго философа" онъ „не поступилъ въ рабы фортуны" [2]. „Жуковскій, хотя еще и на мѣстѣ (при дворѣ, въ Москвѣ), но рѣдко посѣщаетъ меня, писалъ Ал. Тургеневу Дмитріевъ (18 марта 1818 г.). Ревность друзей его почти достигла цѣли: кажется, поэтъ мало-помалу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни, начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды, и между тѣмъ будемъ питаться „Овсянымъ киселемъ". Для меня и онъ по вкусу, но

---

1) Сл. Барсуковъ, Жизнь и Труды М. П. Погодина VI, стр. 18 слѣд.; Русскій Архивъ 1899 г., октябрь, стр. 302 слѣд.; Модзалевскій, Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, Извѣстія Отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ VII, 4, стр. 118.

2) Письмо къ князю Вяземскому 16 декабря 1815 г., Русск. Арх. 1866 г. № 6, ст. 897.

я лакомъ и люблю разнообразіе“ [1]). Въ этомъ смыслѣ говорилъ онъ и Жуковскому и объясняется съ нимъ въ письмѣ 30 декабря 1818 года: „я постоянно люблю васъ и за вашъ талантъ, и за ваше непорочное сердце, оттого и говаривалъ вамъ иногда не по васъ въ бытность вашу въ Москвѣ. Зная мѣру вашихъ способностей и ревнуя по славѣ вашей поэзіи, я все желаю, чтобы вы не засиживались, чтобы вы, не упуская золотого времени, когда ужъ и талантъ вашъ въ полномъ созрѣніи, болѣе и болѣе мужались, возвышались и сіяли на поприщѣ, предопредѣленномъ вамъ природою“.—„Онъ точно теперь въ отдѣленіи Бортнянскаго придворный пѣвчій“, пишетъ князь Вяземскій, прочтя его стихи на смерть королевы Виртембергской: „онъ—настоящій индѣецъ, который глотаетъ шпаги: у него все поэзія — царскій двери, дьячки, пономари. Искусный чудесникъ!“ (4 апрѣля 1819 г. Тургеневу). Жуковскій пудрится, повѣрили другъ другу его пріятели; душа осталась при немъ, но онъ можетъ растрясти ее мало по малу на павловскихъ линейкахъ, вечернихъ прогулкахъ и бесѣдахъ о лунѣ [2]). „Его голова крѣпче Филаткиной, если устоитъ противъ этой картечи порабощенія и чванства. А я думаю о немъ къ сокрушеннымъ сердцемъ, пепломъ осыпаю его голову и плачу надъ его разверстою могилой, если не раздастся голосъ жизни въ какихъ-нибудь новыхъ стихахъ. Душа не спина. Спина отдувается: бей ее какъ хочешь, наряжай, навьючь — погнется и распрямится. На той легчайшее иго, минутное осязаніе сквернаго оставляютъ неизгладимые слѣды“ [3]). Кн. Вяземскій пріискалъ ему въ статьѣ Карамзина о Богдановичѣ пугало [4]): „онъ былъ на розахъ, какъ говорятъ французы (на павловскихъ розахъ), но многія блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника музъ въ самое цвѣтущее время таланта“ [5]). Стихи Жуковскаго „хороши и очень „хороши, но иное темно,

---

1) Къ 1818 г. относится, по всей вѣроятности, и неизданное пока письмо А. Тургенева къ Жуковскому отъ 26 марта: „Ты насъ забылъ, а московскіе пріятели уже обвиняютъ тебя въ придворной службѣ“.

2) А. Тургеневъ къ князю Вяземскому 11 іюня; сл. письмо 5 іюля того же года.

3) Князь Вяземскій Тургеневу 20 іюня 1819 г.

4) Вѣстникъ Европы, ч. IX, № 10, май 1803 г., стр. 102 слѣд.

5) Князь Вяземскій къ Тургеневу 24 іюня 1819 г.

иное холодно“, сообщалъ Карамзинъ Дмитріеву (№ 229, 1819 г. 28 февраля) и прибавляетъ въ письмѣ отъ 8 іюня (№ 237): „онъ пишетъ стихи фрейлинамъ“.

Важно для характеристики душевнаго состоянія Жуковскаго въ 1819—20 годахъ, въ пору видимо устраивавшейся жизни и новыхъ обступившихъ его обаяній — его посланіе къ кн. А. Ю. Оболенской: въ немъ, мы видѣли [1]), онъ мечталъ о „семейственномъ счастьѣ“, въ послѣсловіи онъ говоритъ объ опасностяхъ *большого свѣта.*

Я признаюсь: опасно плыть
Мнѣ по морю *большого свѣта*
Съ обманчивой звѣздой поэта:
Любуясь милой сей звѣздой
И слѣдуя мечтой послушной
За прелестью ея воздушной,
Я руль позабываю мой,
Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
И въ обольстительныхъ лугахъ
Зрю призракъ береговъ *цвѣтущихъ*
На неприступныхъ берегахъ.

(26 Іюля 1820 г.).

Тургеневъ посѣтилъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ „царско-сельскихъ мудрецовъ“, Карамзина и Жуковскаго: „они блаженствуютъ, потому что живутъ съ собою и заглядываютъ во дворецъ только для того, чтобы получать тамъ дань непритворнаго уваженія съ одной стороны и, вѣроятно, зависти съ другой. Вотъ тебѣ письмо отъ нихъ, сообщаетъ онъ кн. Вяземскому, Жуковскій радуется обхожденіемъ государыни съ ними, ибо оно сердечное и искреннее. Пудра не запылила души его, и дѣятельность его, кажется, начинаетъ воскресать. Посылаю болтовню его о лунѣ и солнцѣ. Я провелъ у нихъ вечеръ пріятный съ Нелединскимъ-Мелецкимъ и Перовскимъ“ [2]). Кн. Вяземскій получилъ „Цвѣтъ Завѣта“, и его собственные стихи ему „огадились“. „Какъ можно быть поэтомъ по заказу? спрашиваетъ онъ: стихотворцемъ — такъ, я понимаю, но чувствовать

1) Сл. выше стр. 283.
2) Князю Вяземскому 5 августа 1819 г.

живо, дать языку души такую вѣрность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь-ли, что въ Жуковскомъ вѣрнѣйшая примѣта его чародѣйствія? Способность, съ которою онъ себя, то есть поэзію, переноситъ во всѣ недоступныя мѣста. Для него дворецъ преобразовывается въ какую-то святыню, все скверное очищается передъ нимъ" [1]).

Поэзія уступила мадригалу, и Пушкинъ пародируетъ его: по дорогѣ изъ Царскаго въ Павловскъ онъ писалъ „посланіе о Жуковскомъ къ павловскимъ фрейлинамъ, но еще не кончилъ", сообщаетъ кн. Вяземскій, съ которымъ Пушкинъ читалъ „новую литургію(?) Жуковскаго" и „панихиду его чижику графини Шуваловой" [2]).

Въ 1819—20-мъ году Николай Михайловичъ Коншинъ, въ юности восторженный поклонникъ Жуковскаго, служилъ въ Финляндіи, гдѣ близко сошелся съ Боратынскимъ. Сочиненія Жуковскаго лежали у него на столѣ; „его элегіи дышали небомъ, котораго онъ былъ избранный сынъ, писалъ онъ, дѣлая характеристику поэта, очевидно, не назначенную для печати; я любилъ его, несмотря на его *глупые отчеты о лунѣ, къ сану поэта, священника, вовсе не идущіе;* я любилъ того Жуковскаго, который воспѣлъ 12-й годъ—и по моему мнѣнію—умеръ; онъ и долженъ былъ умереть тогда, чтобы жить вѣчно представителемъ великой эпохи" [3]).—„Cette profanation du génie m'a

1) Къ Тургеневу 7 августа 1819 г.

2) Князь Вяземскій Тургеневу 26 августа 1819 г.; сл. письмо Тургенева къ князю Вяземскому 23 іюля того же года. Къ шутливымъ произведеніямъ Жуковскаго того же рода относится и недавно изданное „Надгробное слово на скоропостижную кончину именитаго паука Ѳадея, служившаго цѣлыя сутки комнатнымъ паукомъ у ея превосходительства Варвары Павловны Ушаковой, отличнаго благонравіемъ, обжорствомъ и пузомъ и кончившаго дни свои въ пузырькѣ, въ которомъ ея превосходительству благоугодно было его закупорить и поминутно кувыркать". См. Историческій Вѣстникъ 1902 г., апрѣль, стр. 169 слѣд.

3) Характеристика эта, напечатанная А. И. Кирпичниковымъ въ Русской Старинѣ 1897 г., февраль, стр. 276, полна такого рода предубѣжденій. Коншинъ видѣлъ Жуковскаго въ 1830-мъ году въ Царскомъ Селѣ: „толстый, плѣшивый здоровякъ, сказочникъ двора, онъ уже не имѣлъ въ глазахъ моихъ никакого достоинства. Его звали добрякомъ, онъ ходилъ съ звѣздами и лентами, вовсе ими не чванился, видъ имѣлъ скорѣе конфузный, нежели барскій; но передъ нимъ не остановишься и не спросишь—кто это, какъ я остановился здѣсь передъ Сперанскимъ". Коншинъ

choqué", писалъ И. В. Кирѣевскій, когда въ 1830 году Жуковскій читалъ ему свои старые *стихи къ фрейлинамъ, къ Нарышкину*, на заданныя рифмы [1]).

Самъ Жуковскій такъ объяснялъ Прокоповичу-Антонскому, почему въ эту пору его муза стала скупа на стихи; „новый свѣтъ, въ который попалъ я, закружилъ ей нѣсколько голову. Я стараюсь унять ее и, можетъ быть, это мнѣ удастся. Хотя и не имѣлъ и не хочу никогда имѣть титула придворнаго, но близость двора опасна и для поэта. Съ непривычки угарно". (26 ноября 1819 г.); „благодарю Васъ за ваши пени на счетъ моего стихотворства; я и лѣнился и былъ разсѣянъ своимъ новымъ образомъ жизни, однако не разстался съ своей музою и понемногу пишу. Было бы великое для меня несчастіе, еслибъ муза моя, ближняя моя родня, меня покинула: я бы жестоко осиротѣлъ". (26 декабря 1819 г.) [2]). „Дай Богъ, чтобы ваше доброе желаніе исполнилось, чтобы вы никогда ни на часъ не разлучались съ своею прелестною музою, отвѣчалъ Антонскій. Только глядите; всѣ думаютъ, что вы къ ней становитесь равнодушны, если не холодны" (2 февраля 1820 г.). Съ Жихаревымъ онъ потужилъ, что Жуковскій не живетъ „въ уединеніи. Оно вѣрно бы больше богато было вашими произведеніями. Житейскія суеты и дѣла службы съ музами худо ладятъ" (15 марта 1820 г.) [3]). Карамзинъ повторяетъ свои сомнѣнія: „Жуковскій совсѣмъ не суетенъ и еще менѣе корыстолюбивъ, но лѣтній Дворъ приводитъ его въ разсѣяніе, не весьма для Музъ благопріятное, и въ любовную меланхолію, хотя піитическую, однакожъ не стихотворную. Онъ еще молодъ, авось и встанетъ и возрастетъ" [4]).

Въ томъ же году Блудовъ жалуется Дмитріеву на упадокъ русской литературы: молчитъ Дмитріевъ, бросивъ юстицію и музъ, молчитъ Пушкинъ; Карамзинъ, переселившись въ Петер-

---

готовъ усомниться даже въ легендарной добротѣ и филантропіи Жуковскаго и въ этомъ смыслѣ толкуетъ анекдотъ, сообщенный ему барономъ Розеномъ (поэтомъ). О Коншинѣ сл. Кирпичниковъ, Очерки по исторіи новой русской литературы, т. 2-й, изд. 2-ое, стр. 90 слѣд.

1) Письмо 20 генваря 1830 г., Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, стр. 26.

2) См. Русскій Архивъ 1902 г., май: Изъ писемъ В. А. Жуковскаго къ А. А. Прокоповичу-Антонскому, стр. 142—143.

3) Русская Старина 1902 г., октябрь, стр. 201—2.

4) Карамзинъ къ Дмитріеву № 260, 19 октября 1820 г.

бургъ, четвертый годъ корпитъ надъ девятымъ томомъ, иные, показавъ талантъ „учатъ грамотѣ при дворѣ или и сами учатся иной придворному, иной подъяческому искусству [1]). „Читалъ-ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ-ли ты его „Голосъ съ того свѣта“? (въ 3-й книжкѣ „Для немногихъ“ 1818 г.). Что ты объ нихъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому (1820 г. апрѣль).

3 октября 1820 года Жуковскій выѣхалъ изъ Дерпта за границу, вслѣдъ за своей ученицей, великой княгиней Александрой Θедоровной. Передъ отъѣздомъ онъ былъ что-то не веселъ, съ каждымъ днемъ грустнѣе; что съ нимъ дѣлается? ужъ не влюбленъ-ли онъ? говорили пріятели [2]). „Наконецъ, нѣкоторыя желанія сбываются, писалъ онъ 2 октября 1820 г. изъ Дерпта А. П. Елагиной: увижу прекрасныя стороны, въ которыя иногда бѣгало воображеніе, но, признаюсь, не думаю увидѣть ихъ въ томъ очарованіи, какое дала бы имъ первая молодость, товарищъ еще не образумѣвшейся надежды. Жизнь измѣнилась, и все, что теперь ни увидишь, представится ограниченнымъ въ тѣсномъ кругѣ. Но все путешествіе оживитъ и разширитъ душу. Надѣюсь, что оно пробудитъ и давно уснувшую поэзію“. Въ то-же время опасенія друзей обновились и выражаются ярче: „Погостить бы ему при Фридрихѣ II. Впрочемъ, чего добраго, онъ, пожалуй, и этого воспоетъ“, пишетъ Вяземскій (Тургеневу 27 ноября 1820 г.); и въ другомъ письмѣ: „Я боюсь за Жуковскаго: такимъ образомъ и путешествіе не провѣтритъ его. Онъ перенесетъ свою Аркадію во дворецъ и возвратится съ тѣмъ же безпечіемъ, съ тѣмъ же, смѣю сказать, *отсутствіемъ мужества*, достойнаго его таланта. Ему не душу питать нужно: она сама собою питается, и если бояться за нее, то не отощанія, а индижестіи, но нужно расшевелить умъ, разнообразить впечатлѣнія, понятія, чувствованія. Я вижу его отсюда: жметъ немытую руку Гуфеланда, сравниваетъ ее съ запачканной рукой Эверса и говоритъ:

О сладкій жаръ во грудь мою проникъ [3]).

1) Е. П. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, письмо отъ 27 іюня 1820 г., стр. 253.

2) К. Я. Булгаковъ брату 14 и 15 сентября 1820 г. Русск. Арх. 1902 г. ноября, стр. 379, 380. Сл. выше стр. 282—3.

3) Сл. выше стр. 201—1.

Жуковскій тоже Донъ-Кихотъ въ своемъ родѣ. Онъ помѣшался на душевное и говоритъ съ душами въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ души никогда и не водилось".— Онъ „набилъ руку на душу, чертей и луну", но „ему нужно непремѣнно бы имѣть при себѣ Санхо, напримѣръ, меня, который ворочалъ-бы его иногда на землю и носомъ притыкалъ его къ житейскому". (Тургеневу, 12 декабря 1820 г.).

„Я такъ любопытствую узнать, какъ дѣйствуетъ на тебя европейскій воздухъ, писалъ кн. Вяземскій Жуковскому, но отъ Тургенева узнаю только, что ты шалишь отъ старца Эверса съ старцемъ Гуфландомъ. Добрый мечтатель! полно тебѣ нѣжиться на облакахъ: спустись на землю, и пусть, по крайней мѣрѣ, ужасы, на ней свирѣпствующіе, разбудятъ энергію души твоей. Посвяти пламень свой правдѣ и брось служеніе идоловъ. Благородное негодованіе—вотъ современное вдохновеніе! При видѣ народовъ, которыхъ тащутъ на убіеніе въ жертву какихъ-то отвлеченныхъ понятій о чистомъ самодержавіи, какая лира не отгрянетъ сама: месть! месть! Ради Бога, не убаюкивай независимости своей на розахъ Постдамскихъ, ни на розахъ Гатчинскихъ. Если бы я предостерегалъ тебя отъ суетности, то вѣрно замолчалъ бы скоро, ибо страхъ мой за тебя не могъ бы сочетаться съ уваженіемъ моимъ къ тебѣ; но страшусь за твою царедворную мечтательность. Въ наши дни союзъ съ царями разорванъ: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать противъ нихъ, но не знаться съ ними. Провидѣніе зажгло въ тебѣ огонь дарованія въ честь народу, а не на потѣху двора.... Повторяю еще, что этотъ страхъ не въ ущербъ уваженія моего къ тебѣ, ибо я увѣренъ въ непреклонности твоей совѣсти; но мнѣ больно видѣть воображеніе твое, зараженное какимъ-то дворцовымъ романтизмомъ. Какъ ни дѣлай, но въ атмосферѣ, тебя окружающей, не можешь ты ясно видѣть предметы, и многія чувства въ тебѣ усыплены. Зачѣмъ не разнообразить круга твоихъ впечатлѣній? Воспользуйся разрѣшеніемъ твоимъ отъ петербургскихъ оковъ, столкнись съ мнѣніемъ европейскимъ; можетъ быть, стычка эта пробудитъ въ тебѣ новый источникъ. Но если по Европѣ понесешь за собою и передъ собою Китайскую стѣну Павловскаго, то никакое чуждое дыханіе до тебя не дотронется".... (15/27 марта 1821 г.) [1]).

1) Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 2 стр. 181—182.

Санчо-Вяземскаго не случилось при Жуковскомъ, и опасенія относительно Донъ-Кихота были въ извѣстной степени справедливы. Берлинскія „дневныя замѣтки" Жуковскаго указываютъ на какую-то странную неуравновѣшенность. Онъ по прежнему сентиментальничаетъ: познакомился съ Гуфеландомъ, лицо котораго выражаетъ „глубокомысленность и добродушіе" (дневникъ 31 октября/10 ноября 1820 г.), побесѣдовалъ съ нимъ о возвышенныхъ предметахъ, встрѣтилъ въ немъ человѣка „по сердцу"; это то же, что „вдругъ открывшійся глазамъ прекрасный видъ съ горы на поля, долины и рѣки. И то и другое удивительно дѣйствуетъ на душу, и то и другое пробуждаетъ въ ней все хорошее; становишься чувствительнѣе, выше, пробуждается мысль о Богѣ, о счастіи, объ друзьяхъ, пробуждается возвышенная довѣренность къ самому себѣ. Смотря въ глаза старику Гуфланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater". Прощаясь съ Жуковскимъ, Гуфеландъ сказалъ ему, съ какимъ-то прелестнымъ доброжелательствомъ: Adieu, Sie haben mich sehr erfreut! Эти слова продолжали звучать въ душѣ Жуковскаго: „дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать; я увѣренъ, что въ моемъ путешествіи все трогающее будетъ имѣть надо мной это дѣйствіе" (дневникъ 3/15 ноября 1820 г.) [1]).

И его чувствительность дѣйствительно разцвѣтаетъ; безпрестанно онъ любуется луною, восходомъ и заходомъ солнца;

---

1) Въ замѣткѣ 3/15 ноября Жуковскій сообщаетъ „собственную мысль" Гуфеланда, которая поразила его своею простотою. Гуфеландъ внесъ ее въ его альбомъ, знакомый намъ по автографамъ Жанъ Поль Рихтера и Тика (сл. выше стр. 24, 28—9):

Leben, Liebe, Licht,
Vater, Sohn, Geist.
Gott.
Gott, Vater des Lebens,
Gott, Sohn und Herr der Liebe,
Gott, Erleuchter des Geistes,
Lass uns leben in Liebe und Licht,
So leben wie in Gott.

Diess, mein theurer Freund, erinnere Sie an den Anfang unserer Freundschaft und ihre ewige Dauer. Berlin d. 8 mai 1821. D. Hufeland. Упоминаніе Гуфеланда въ Дневникѣ 1821 г. passim.

рядомъ съ восторженными описаніями видовъ и развалинъ, картинъ и дворцовъ—придворные и другіе обѣды, гдѣ онъ сидитъ съ такимъ-то; театры и знакомства. Дворомъ онъ очарованъ и многихъ очаровалъ; здѣсь завязалась его дружба съ кронпринцемъ, будущимъ королемъ [1]).

Но ему часто не по себѣ: прекрасное январьское утро подбодрило его; отчего бы не подбодриться и—волѣ? И онъ отвѣчаетъ на свой вопросъ анализомъ самого себя, въ стилѣ юношескаго дневника: „воля живетъ дѣятельностью, а я совершенно предалъ себя лѣни, лѣни во всѣхъ отношеніяхъ, и она всѣ силы душевныя убиваетъ. И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Недѣятельность производитъ неспособность быть дѣятельнымъ, а чувство этой неспособности, съ которымъ нельзя ужиться, производитъ въ одно время и уныніе душевное и истребляетъ бодрость". Болѣе всего тревожитъ его мысль о его теперешнемъ несовершенствѣ: „вмѣсто того, чтобы сколько возможно замѣнить утраченное, я только горюю объ утратѣ и стою на развалинахъ, поджавъ руки, вмѣсто того, чтобы ободриться и построить столько, сколько можно. Надобно *отказаться отъ потеряннаго* и сказать себѣ, что *настоящее и будущее мое.* Я могъ бы быть болѣе того, что я есть, но я далекъ отъ того, чѣмъ-бы могъ и долженъ бы быть; я никогда не дойду къ тому, къ чему-бы могъ дойти, *если-бы пустился ранъе въ дорогу и не потерялъ времени.* Но развѣ отъ этого должно остановиться и отказаться отъ *той* дороги, которую еще теперь можешь сдѣлать? Откажись отъ того, чѣмъ бы ты могъ быть, если-бы не *истратилъ безумно полжизни на ничто;* рѣшись искать того, что еще можетъ быть *твоимъ*, если начнешь теперь къ нему стремиться и не будешь отчаяваться отъ неудачъ. Достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и постоянномъ къ нему стремленіи; *достиженіе* не отъ него зависитъ. *Я могу еще имѣть религію,* могу имѣть чистую нравственность, могу исполнить свято ближайшій долгъ. Вотъ главное. Ты имѣешь мало, но именно по-

1) Варнгагену фонъ-Энзе д-ръ Корефъ разсказалъ, что король, увидавъ Жуковскаго въ числѣ лицъ, поспѣшившихъ привѣтствовать его, бросился въ его объятія и отдыхалъ своей ланитой на его ланитѣ по крайней мѣрѣ пять минутъ, что дало поводъ съострить, что, вѣроятно, его величество чувствовалъ большую усталость. Сл. выдержки изъ Дневниковъ Фарнгагена подъ 1845 г. 3 августа. Русскій Архивъ 1875 г. № 7, стр. 353—4.

тому и не отказывайся отъ пріобрѣтенія. Положить себѣ за правило: въ обществѣ не искать никакого успѣха; думать только о томъ, чтобы пріобрѣтать хорошее отъ другихъ, а не о томъ, какъ-бы казаться имъ хорошимъ; лучше казаться ничтожнымъ и пріобрѣтать, нежели казаться чѣмъ-нибудь и быть ничтожнымъ. Излишняя заботливость объ этой ложной наружности устремляетъ вниманіе только на самого себя и лишаетъ возможности видѣть, слышать и пользоваться другими" [1]).

Подъ 8/20 марта отмѣчено чтеніе „Пери" у Великой Княгини; 4/16 апрѣля онъ принялся было за „Die Bestimmung des Menschen" Фихте, но долженъ былъ оторваться отъ чтенія, чтобы быть съ великой княгиней у заутрени, на часахъ и у обѣдни. Вернувшись, снова принялся за книгу, „но вздумалъ, что терять времени не должно, и отправился въ Санъ-Суси смотрѣть галлерею"; черезъ нѣсколько дней (11/23 апрѣля) снова „началъ читать Фихте — и заснулъ надъ книгою; но не отъ скуки". Подъ 6/18 апрѣля, отдавая великой княгинѣ молитву во время вечерни, онъ „увидѣлъ въ ея рукахъ другого рода молитвенникъ: письма ея матери! Какая прелестная, трогательная мысль обратить въ молитву, въ очищеніе души, въ покаяніе — воспоминаніе о матери! И что же въ этой книжкѣ? Ея мысли, ея чувства, въ самыя тяжкія минуты жизни наполнявшія и утѣшавшія душу ея! Вотъ настоящая, чистая набожность! Какъ мало этого возвышающаго въ обрядѣ нашего говѣнія — вмѣсто того, чтобы входить въ себя, воспоминать прошедшее, объяснять его для себя, мы только развлекаемъ себя множествомъ молитвъ, хвалебными пѣснями, ничтожными въ сравненіи съ Тѣмъ, Кого онѣ хвалятъ, и мало говорящими сердцу". Для этого времени слѣдовало-бы „заготовить для себя нѣсколько вопросовъ, относящихся до вѣры и до жизни нашей; возобновить вкратцѣ все, что составляетъ религію нашу, слѣдовательно, сдѣлать для себя извлеченіе всего важнѣйшаго въ Св. Писаніи; пройти это все въ отношеніи къ нашей жизни! Что же касается до молитвы, — то довольно одной, къ которой нечего прибавить: Отче Нашъ! Въ обѣднѣ же нашей заключены всѣ таинства религіи: Твоя отъ Твоихъ — вотъ все христіанство.... Чтобы кончить нынѣшній день лучше, и я перечиталъ въ моей Лалла Рукъ то, что написано было великою

1) Дневникъ 8/20 генваря 1821 г.

княгинею, и написалъ кое-что свое. Elle est ma religion! Il n'y a pas de plus grande jouissance, que de sentir avec pureté la beauté d'un âme pure!" [1]).

11/23 апрѣля Жуковскій сидѣлъ на Ruinenberg'ѣ въ Sans-Souci, „смотря грустными глазами на заходящее солнце, которое удивительно украшало окрестности, видимыя сквозь деревья и развалины: *для того, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасѣ будущее!* По крайней мѣрѣ на эту минуту я не имѣю ничего въ запасѣ".

17/29 апрѣля: „мнѣ грустно, потому что я не видѣлъ нынче великой княгини. Видѣть ее въ этотъ день, въ ея семьѣ, и подѣлиться воспоминаніемъ о прекрасномъ московскомъ днѣ (рожденіе великаго князя Александра Николаевича) есть удовольствіе, котораго, понятно, ничѣмъ воротить нельзя.... И этотъ день могъ бы быть прелестнымъ,—а я долженъ его провести въ какомъ-то сухомъ одиночествѣ! Я переписывалъ для кронпринца переводъ своихъ стиховъ на этотъ день. Но какъ было бы весело говорить объ немъ! Посмотримъ, какъ онъ кончится.... Обѣдалъ за маршальскимъ столомъ, и съ генераломъ Блокомъ пили здоровье новорожденнаго. Ввечеру гулялъ въ Neue Garten съ Кавелинымъ и Адлербергомъ. Вечеръ былъ прекрасный. Великая княгиня возвратилась, и я успѣлъ ее поздравить. Только не слишкомъ-ли? Какъ все не такъ дѣлается, какъ думается.... Я прописалъ цѣлое утро для кронпринца, а онъ и

1) Этотъ афоризмъ встрѣчается подъ тѣмъ-же днемъ, въ числѣ другихъ, въ альбомѣ Жуковскаго, недавно поступившемъ въ Имп. Публичную Библіотеку (на футлярѣ помѣтка: Berlin, den 3-en april 1821). Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Kommt die Hülfe zu auch nicht schnell, so kommt sie doch gewiss! Ja gewiss, aber das *wie* und das *wo* soll uns nicht quälen. *Wie?* Als Rettung oder als Vergeltung? *Wo?* Wenn auch nicht hier, so haben wir doch die ganze Ewigkeit vor uns! Вѣчность можно сравнить съ мученіями родинъ! Минута смерти есть минута разрѣшенія!.... Говорятъ, что нѣтъ минуты блаженнѣе первой минуты материнскаго счастія — можетъ быть, и минута разлуки души съ тѣломъ имѣетъ сіе блаженство. Смерть есть не иное что, какъ слова на крестѣ: Свершилось! ....Какая разница между помощью Божіей и помощью человѣческой!"—Подъ 6/18 апрѣля (въ Потсдамѣ): „....Безсмертіе есть врожденное чувство; оно свойственно всякой душѣ, но оно чаще отзывается въ душѣ чувствительной и высокой.... но это чувство.... обращается для насъ въ понятіе.... при несчастіи"—„Il n'ya pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure". — Слѣдуетъ далѣе замѣтка, касающаяся Воейковой, сл. выше стр. 230—1.

не подумалъ въ нынѣшній день обо мнѣ. *Ребячество; но отъ этой болѣзни не излѣчишься*".

Въ 1821 году Жуковскому удалось урваться изъ Берлина, гдѣ онъ провелъ около восьми мѣсяцевъ: 27 мая великая княгиня ѣхала въ Эмсъ, Жуковскаго манила Швейцарія и Рейнъ. Послѣднія минуты онъ провелъ „съ горестнымъ удовольствіемъ прощанья. Въ Берлинѣ были минуты счастія". Онъ простился съ королемъ, уговорился съ кронпринцемъ встрѣтиться въ въ театрѣ, и оба другъ друга проискали. „Прискорбная глупость", пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ [1]). „Передъ самымъ отъѣздомъ крестъ" (Краснаго Орла) [2]).

„Описывая цѣлый вѣкъ природу въ стихахъ, хочу наконецъ узнать на яву, что такое высокія горы, быстрые водопады и разрушенные замки, жилища моихъ любимыхъ привидѣній", писалъ онъ своему пріятелю Полетикѣ. Онъ заранѣе наслаждается и увѣренъ, что его ожиданія не будутъ обмануты: красоты природы всегда выше описаній, надо только „подходить къ нимъ, сказавъ напередъ Создателю: Сердце чисто созижди мнѣ. Надобно быть съ природою младенцемъ". Младенцемъ надо быть и ученому; самъ онъ не ученый, „посреди просвѣщенной Европы такой недостатокъ живо чувствителенъ, но добрая природа, которой прелести могу понимать, не оттолкнетъ меня" [3]).

Жуковскій въ Дрезденѣ. Былъ прелестный іюньскій вечеръ, когда онъ сидѣлъ на берегу Эльбы на террасѣ Финдлерова сада. Тамъ было множество людей, довольныя лица, и все чужія; за каждымъ столомъ веселая семья, онъ былъ одинокъ. Природа не радовала, потому-что главная прелесть окружающаго есть наша душа, то чувство, которое она приноситъ въ ея святилище, а она ничего не приносила. „Настоящее казалось бѣднымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни. Все главное извѣстно; ничего таинственнаго, неизвѣстнаго не могло соединиться съ тѣмъ, что видѣли глаза". Но „добрый геній-воспоминаніе" прилетѣлъ на помощь, дрезденскій видъ преобразился, въ немъ почудилось что-то знакомое: точно бѣлевскій

---

1) Сл. дневникъ 2 іюня нов. ст. 1821 г. и примѣчаніе издателя.

2) Сл. также письмо Жуковскаго къ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 1 іюня 1821 г. Русская Старина 1901 г., октябрь, стр. 221 и 4 іюня (нов. ст.) ib. 224—226.

3) Письмо 13/25 мая 1821 г., Русская Старина 1883 г., декабрь, стр. 711.

видъ съ пригорка его бывшаго дома, точно также вьется подъ горою Эльба, какъ тамъ Ока; картина возстановляется по мелочамъ, вспомнилась родина — „и много милыхъ тѣней встало". (Отрывокъ изъ письма о Саксоніи, 1821 г., Дрезденъ и Прага 4 и 10 іюня) [1]).

Это такая-же галлюцинація „сердечнаго воображенія", какъ и въ знакомой намъ пьесѣ, навѣянной романсомъ Шатобріана [2]), и въ юношескомъ переводѣ изъ Энгеля, гдѣ нѣмецкое Thal обратилось въ родной пейзажъ, „обширную долину, усѣянную деревьями, рощами, зелеными холмами" [3]).

Дрезденскій дневникъ не нашелся въ бумагахъ Жуковскаго: послѣдняя отмѣтка 2 іюня провожаетъ насъ въ нѣсколькихъ строкахъ отъ Берлина до Дрездена, послѣ чего мы прямо вступаемъ въ швейцарскій дневникъ (25 іюля). Недочетъ восполняется письмами къ великой княгинѣ Александрѣ Өедоровнѣ: Жуковскій писалъ ей съ дороги, изъ Дрездена (4/16 іюня), Праги (10/22 іюня), разсказывалъ изъ Карлсбада, гдѣ встрѣтился съ Блудовымъ [4]), о впечатлѣніяхъ Саксонской

1) Печатный текстъ этого отрывка составленъ изъ письма Жуковскаго къ вел. кн. Александрѣ Өедоровнѣ Дрезденъ 4/16 іюня (черновикъ въ Щукинскомъ сборникѣ, вып. I, М. 1902 г. стр. 66 слѣд., гдѣ письмо ошибочно адресовано вел. кн. Николаю Павловичу) и письма Жуковскаго къ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой. Изъ послѣдняго заимствованы и приведенныя въ нашемъ текстѣ строки. См. Русская Старина 1901 г., октябрь, стр. 224, прим. 1, и мою замѣтку: „Цвѣтъ Завѣта" въ Литературномъ Вѣстникѣ 1903 г., т. V, кн. 3, стр. 298, прим. 2.

2) Сл. выше стр. 216—7.

3) Тихонравовъ, Соч. т. III, ч. 1, примѣч., стр. 76, прим. 304.

4) Въ одномъ изъ альбомовъ Жуковскаго съ помѣтой на заглавномъ листѣ: 1820 г. 16/28 декабря, читается рядъ афоризмовъ, за которыми слѣдуетъ подпись: Карлсбадъ 27/8 іюня 1821 года. Они писаны рукой Блудова; можетъ быть, отрывки того журнала, о которыхъ онъ говорилъ въ письмѣ 18 іюня 1822 г. (сл. выше стр. 296), или результатъ бесѣдъ съ Жуковскимъ, еще не остывшимъ отъ впечатлѣній придворной сутолоки. Въ томъ и другомъ отношеніи они интересны; вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

„Есть люди съ слабыми нервами и слѣдственно не сильные отъ природы, но храбрые на войнѣ отъ философическаго пренебреженія смерти. Я часто думаю, что должно также быть смѣлымъ въ дѣлахъ и при дворѣ, единственно отъ презрѣнія къ людямъ и потому, что мы можемъ ожидать отъ нихъ.

„Недовольные правительствомъ желаютъ перемѣнъ, какъ мореходъ вѣтра во время тишины; но этотъ вѣтеръ можетъ быть бурей.

„Придворные раболѣпствуютъ царю, а царь часто повинуется имъ.

Швейцаріи (17/29 іюня) и въ двухъ пространныхъ письмахъ оттуда-же (23 іюня/5 іюля и 29 іюня/10 іюля) о своемъ знакомствѣ съ Фридрихомъ, Тикомъ и о прелести Сикстинской Мадонны [1]).

Приведенные отрывки даютъ понятіе о путевомъ дневникѣ и путевыхъ письмахъ Жуковскаго. Дневники эти онъ велъ постоянно, хотя неравномѣрно; ранніе по времени свѣжѣе и болтливѣе; мы знаемъ, что они служили ему средствомъ самонаблюденія; таковыми были для Гёте его Tagebücher. Главное мѣсто отведено описаніямъ природы, питавшей его лиризмъ и склонность пофилософствовать съ собою; въ этомъ отношеніи швейцарскій пейзажъ былъ ему сподручнѣе, его итальянскія впечатлѣнія суше, восторженность сдержаннѣе. Затѣмъ наибольшій интересъ вызываютъ искусство и театръ; порой, техника реальной жизни охватитъ невзначай его вниманіе, и онъ описываетъ съ подробностями какое-нибудь ремесленное производство. По дорогѣ онъ

„Многіе воображаютъ, что вредны для государства одни отъявленные царедворцы. Отъ этого зла не трудно бы избавиться: иные государи сами не любятъ имѣть ни каммергеровъ, ни егермейстеровъ. Но настоящій, самый вредный дворъ составляется не изъ нихъ, а изъ приближенныхъ льстецовъ всякаго званія, или, лучше сказать, всѣхъ названій, и такого двора нельзя истребить даже уничтоженіемъ монархіи. Что же умѣритъ вредъ онего? Только одно: умъ, добродѣтель правителей, ихъ вниманіе къ голосу истины и средства внимать ему.

„Les ministres qui parlent sans cesse de la volonté du Souverain, de la pensée du Souverain, ne sont-ils pas un peu comme les faux prophètes?.... Oui! et les pamphlétaires qui parlent de l'opinon publique?....

„Dans les troubles politiques les honnêtes gens peuvent avoir différentes opinions, mais il n'auront jamais qu'un parti: celui de leurs serments.

„La liberté pour quelques nations est comme la vie pour certaines gens d'une constitution faible: elle se passe toute entière à lutter contre la mort, qu'enfin ont est obligé de subir.

„С. Д. говоритъ о революціяхъ и реформахъ нашего времени, что это лишь перемѣна безпорядка.

„Въ жизни мыслящихъ людей я вижу три періода: первый, или младенческій, есть просто вѣкъ незнанія, второй довѣрчивости, надеждъ и заблужденій; наконецъ третій есть вѣкъ сомнѣній. Они сопровождаютъ насъ до гроба: за нимъ начинается четвертый періодъ познанія и истины.

„Причины происшествій въ семъ мірѣ, какъ тайныя слова логогрифа; люди могутъ отгадать одно или хоть нѣсколько изъ означаемыхъ, но первое, изъ коего всѣ прочіе составлены, знаетъ одинъ Богъ".

1) Сл. Русская Старина 1901 г., октябрь и ноябрь и мою указанную выше (стр. 315, прим. 1) замѣтку: „Цвѣтъ Завѣта".

дѣлаетъ массу знакомствъ, но „люди" вообще очерчены слабо, когда они не шли къ его симпатіямъ (Гуфеландъ, позднѣе Радовицъ), или не поддавались его опоэтизированію; мы знаемъ, что и въ геніи онъ прежде всего искалъ—добродушія (о Тикѣ). Гётевскія письма изъ Италіи, полныя живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній, послужили матеріаломъ для его Italienische Reise; нѣкоторыя части дневника Жуковскаго были имъ стилизованы въ видѣ писемъ къ великой княгинѣ, къ роднымъ въ Дерптъ, къ друзьямъ и, лишь побродивъ въ кружкѣ, подвергались печатной огласкѣ. Они интересовали какъ литературныя произведенія: въ 1821 г. 2 іюня (Карлсбадъ) Блудовъ упрекалъ Жуковскаго, что онъ уѣхалъ, не давъ ему „копіи своего письма объ Мадоннѣ, Саксонской Швейцаріи и пр. и проч. Исправь вину, пришли мнѣ хотя изъ Цюриха, но поскорѣе, свою интересную тетрадку *описаній*" [1]). Плетневъ читаетъ по салонамъ письмо Жуковскаго къ роднымъ о своей женитьбѣ [2]), а императрица и вел. кн. Марья Николаевна сами отдаютъ письма къ нимъ Жуковскаго Плетневу — для Современника.

Гёте вернулся изъ Италіи новымъ человѣкомъ; съ Жуковскимъ не произошло никакой метаморфозы, всего менѣе во вкусѣ кн. Вяземскаго, который продолжалъ корить его „павловскими фрейлинами", упрекая его и Тургенева, что, взысканные милостью двора, они „или слишкомъ придворны или слишкомъ безпечны" и ничего не дѣлаютъ для своей родины, разнѣживъ душу свою на островѣ Калипсо [3]). И недавній пріятель Перовскій присоединялъ свой голосъ: стыдитъ Жуковскаго, что тотъ не пишетъ ему, тогда какъ великой княгинѣ писалъ четыре раза и всякій разъ по тетради (письмо изъ Спа), а ему письма Жуковскаго необходимы, ибо, въ каждомъ изъ нихъ „ты мнѣ пересылаешь нѣсколько искръ чистаго огня, которымъ могу зажигать мои фонари.... Ты на одинъ фрейлинскій взглядъ, на одну улыбку отвѣчаешь мадригаломъ, а я требую отъ тебя не отвѣтовъ.... отвѣчай лишь на дружбу" [4]). Въ 1825 году онъ

1) Русскій Архивъ 1902 г. № 6: Изъ писемъ къ В. А. Жуковскому. Письма графа Д. Н. Блудова, № III, стр. 337.

2) Письмо къ Я. К. Гроту 8 марта 1844 г. Сл. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, стр. 203.

3) Къ Жуковскому 9 января 1823 г. Русскій Арх. 1900 г. № 2, стр. 187.

4) Изъ Флоренціи 16 августа 1823 г.

извѣщалъ Жуковскаго о своемъ намѣреніи покинуть службу: „дворъ я никогда не считалъ для себя надежной пристанью, всегда былъ готовъ поднять якорь и распустить паруса, прежде чѣмъ морской вѣтеръ разобьетъ меня о берегъ, или же береговой выгонитъ насильно въ море.... Два слова о тебѣ. Занятія твои меня пугаютъ: мнѣ кажется, что ты, какъ *Жуковскій*, потерянъ теперь для друзей, какъ давно уже для нихъ потерянъ, какъ *поэтъ*. Гдѣ ты найдешь время бесѣдовать съ нами?“ [1])

---

1) Вѣстникъ Европы 1901 г., апрѣль: Захарьинъ (Якунинъ) 1. с. стр. 534, 537—8, 539—40.

X.

Литературныя ожиданія. Жуковскій о Байронѣ, Шиллерѣ и Гёте.

„Милыя тѣни“ прошлаго — и жалобы на полжизни, потраченной „безумно“; желаніе „отказаться отъ потеряннаго“, рѣшеніе искать еще возможнаго для него въ жизни пути—и „ребяческое“ огорченіе, что кронпринцъ его не вспомнилъ — все это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой духовной разладицѣ, которая не могла не отразиться на производительности художника. Жуковскій не „безличенъ“ какъ говорилъ кн. Вяземскій, онъ даже воспиталъ въ себѣ волю, въ письмахъ изъ поры своей сердечной разрухи онъ нерѣдко ободряетъ себя словомъ: persévérance!, но въ этомъ словѣ у него болѣе самоотреченія, чѣмъ энергіи.

Друзья тревожатся за Жуковскаго и мечтаютъ расширить его кругозоръ въ уровень, казалось, съ его талантомъ. И тутъ они ошиблись: отъ него ожидали многаго, чего, по свойству своего таланта, онъ не могъ дать.

Началось это давно, въ періодъ раннихъ „балладъ“. Батюшковъ, недолюбливавшій ихъ [1]), сѣтуетъ, что поэтъ занимается такими бездѣлками: „съ его воображеніемъ, съ его дарованіемъ и болѣе всего съ его искусствомъ можно взяться за предметъ важный, достойный его“ [2]); „пора ему взяться за что-нибудь поважнѣе... онъ заслужилъ уваженіе просвѣщен-

---

1) Сл. его письма къ Гнѣдичу, февраль-мартъ 1811 г., и къ Жуковскому, іюнь 1812 г. Сл. Соч. Батюшкова, т. III, стр. 111 и 187.

2) Къ князю Вяземскому, первая половина іюля 1812 г., l. с. стр. 194.

ныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ, но славу надобно поддерживать трудами“ [1]). О „пути къ славѣ“ говорится и въ другомъ письмѣ [2]). Жуковскій писалъ Батюшкову въ пору жестокой сердечной тревоги, и тотъ благодаритъ его за откровенность: онъ ея достоенъ, потому что, по чувствамъ, Жуковскій ему родной. „Во всемъ согласенъ съ тобой на счетъ поэзіи. Мы смотримъ на нее съ надлежащей точки, о которой толпа и понятія не имѣетъ. Большая часть людей принимаютъ за поэзію риѳмы, а не чувство, слова, а не образы. Богъ съ нею! Но, милый другъ, если ты имѣешь дарованіе небесное, то дорого заплатишь за него, и дороже еще, если не сдѣлаешь того, что Карамзинъ: онъ избралъ себѣ одно занятіе, одно поприще, куда уходитъ отъ страстей и огорченій: тайная земля для профановъ, истинное убѣжище для души чувствительной. Послѣдуй его примѣру. Ты имѣешь талантъ рѣдкій; избери же землю, достойную его, и приготовь для будущаго новую пищу сердцу и уму, новую славу и новое сладострастіе любимцамъ прекраснаго“ [3]).—„Онъ у насъ великанъ посреди пигмеевъ, прекрасная колонна среди развалинъ“, пишетъ Батюшковъ о Жуковскомъ: „баллады его прелестны, но балладами не долженъ себя ограничивать талантъ рѣдкій въ Европѣ“ [4]). Батюшковъ протестуетъ противъ его переводовъ съ нѣмецкаго: добро переводить философовъ, „но ихъ то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то я начинаю презирать ее.... У нихъ все каряченье и судороги.... Слогъ Жуковскаго украситъ и галиматью, но польза какая, то есть, истинная польза?.... Не лучше-ли посвятить лучшіе годы жизни чему-нибудь полезному, то есть таланту, чудесному таланту?.. Правда, для этого ему надобно переродиться. У него голова вовсе не дѣятельныя. Онъ все въ воображеніи“ [5]).

Предметомъ „важнымъ“, достойнымъ Жуковскаго, долго считали затѣянную имъ поэму „Владиміръ“, сюжетомъ которой онъ занимался съ 1810 года и которую никогда не написалъ.

---

1) Къ нему же 10 іюня 1813 г., l. c. стр. 227—8.
2) Къ нему же 3 ноября 1814 г., l. c. стр. 306.
3) Середина декабря 1815 г. l. c. стр. 356—7.
4) Къ Гнѣдичу, вторая половина февраля 1817 г., l. c. стр. 416.
5) Къ князю Вяземскому 1817 г., 4 марта l. c. стр. 427—8.

Около 1820-хъ годовъ о ней уже молчатъ, но пріятели по прежнему чего-то ждутъ. „Жуковскій уже похитилъ творческій пламень, писалъ кн. Вяземскій; но твореніе не свидѣтельствуетъ еще землѣ о похищеніи небесномъ. Мы, посвященные, чувствуемъ въ его рукѣ творческую силу; но толпа чувствуетъ глазами и увѣряется осязаніемъ. Для нея надобно поставить на ноги и пустить въ ходъ исполина: тогда только поклоняется она. Къ тому же искра въ дѣйствіи обширнымъ пламенемъ возносится до небесъ и освѣщаетъ окрестности; праздная, она — тотъ же огонь, но свѣтится только для нѣкоторыхъ и гаснетъ забытая“ [1]).

Разсчитывали, что Жуковскаго расшевелитъ Байронъ. По всѣмъ признакамъ Жуковскій „точно воскресаетъ, пишетъ Ал. Тургеневъ, и геній-воскреситель его есть Byron, да и отдыхъ въ пользу. Онъ теперь нянчится только съ фрейлинами, ѣстъ ихъ конфекты и пьетъ за нихъ шампанское. Вино поэзіи веселитъ сердце его, а съ нимъ и воображеніе“. Лишь бы онъ бросилъ стихотворныя бездѣлки, и, „хотя въ одинъ присѣстъ и съ натугою, пусть разродится геній его обдуманнымъ и достойнымъ его произведеніемъ.... Я восхищался уродливымъ произведе-

1) Князь Вяземскій Ал. Тургеневу 1819 г. 11 іюля (выписка изъ „журнала“ 10 іюля). Такъ и въ старой записной книжкѣ, сл. Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 30; тѣ-же строки внесены кн. Вяземскимъ въ одинъ изъ альбомовъ Жуковскаго (начатомъ въ Берлинѣ 16/28 декабря 1820 г.) съ замѣчаніемъ: „Все это написано не для тебя, а было написано про себя въ Варшавѣ“ (слѣдующая затѣмъ запись датирована: „Царское село 30 іюня 1825 г.). Передъ этой замѣткой, другая, крайне характерная, какъ признаніе: „Я желалъ бы умѣстить все бытіе свое въ одно чувство, а это чувство издержать въ одномъ ощущеніи. О небо! небо! Зачѣмъ, при склонностяхъ мирныхъ дало ты мнѣ порывы мятежные? Зачѣмъ не умѣю вкусовъ своихъ согласовать съ страстями своими? Тихое забвеніе, убѣжище уединенное, тѣнь двухъ-трехъ деревъ, свѣтлый бѣгъ ручья! При васъ мысль моя отдыхаетъ, вами ограничилось бы честолюбіе моихъ желаній, но страсти, роковыя страсти, на крыльяхъ бури уносятъ меня далеко отъ васъ! Въ волненіи тоски безпредѣльной я по васъ вздыхаю, на вашемъ безмятежномъ лонѣ порываюсь на движеніе новое и въ борьбѣ всегдашней съ самимъ собою почерпаю жизнь въ потрясеніи и стычкѣ наклонностей, другъ другу противныхъ. Но мнѣ-ли сѣтовать о томъ? Не изъ сего-ли тайнаго и глупаго волненія родится вѣчно бьющій источникъ поэзіи, который одинъ можетъ утолить жажду души, чужой темнымъ благамъ, души, изсохнувшей бы на почвѣ, гдѣ, по преданіямъ толпы, растетъ человѣческое счастіе и расцвѣтаютъ житейскія выгоды?“

ніемъ Байрона: „Манфредъ", трагедія. Жуковскій хочетъ выкрасть изъ нея лучшее" [1]). — „Есть много забавнаго и поэтическаго въ стихахъ Жуковскаго, отвѣчалъ кн. Вяземскій, но мало созданія: надобно было накормить вымыслами, а то какъ-то голо и худощаво, тѣмъ болѣе, что длинно, даже и чувства мало" [2]). Кн. Вяземскій увлеченъ Байрономъ: „Что за скала, изъ коей бьетъ море поэзіи! Какъ Жуковскій не черпаетъ тутъ жизни, коей стало бы на цѣлое поколѣніе поэтовъ?" [3]) спрашиваетъ онъ и съ удовольствіемъ слышитъ, что Жуковскій питается и бредитъ Байрономъ, готовитъ переводы [4]). „Дай Богъ, чтобы Жуковскій впился въ Байрона. Но Байрону подражать не можно: переводи его буквально, или не принимайся. Въ немъ именно что и есть образцоваго, то его безобразность. Передай всѣ дикіе крики его сердца; не подливай масла въ ядъ, который онъ иногда изъ себя выбрасываетъ; бѣснуйся, какъ и онъ, въ поэтическомъ изступленіи. Я боюсь за Жуковскаго: онъ станетъ дѣвствовать, а никто не въ силахъ, какъ онъ, выразить Байрона. Пускай начнетъ съ IV-й пѣсни „Пилигрима", но только слово въ слово, или я читать не буду" [5]). „Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, Вяземскій имъ бредитъ", писалъ Ал. Тургеневъ И. И. Дмитріеву [6]).

Жуковскій чувствовалъ, что его поэзія захирѣла, и чаялъ себѣ обновленія отъ заграничкой поѣздки. „Что дѣлаетъ жемчуголовъ Жуковскій? Много-ли раковинъ навезетъ? Ему должно будетъ грянуть на публику чѣмъ-нибудь тяжкимъ, писалъ кн. Вяземскій А. Тургеневу (18 декабря 1821 г.), а ради Бога, не давайте ему метать бисеръ въ журналы. Публика, то есть, свиньи, топчетъ его безъ понятія. Всѣ къ нему вѣру потеряли. Онъ молчи или снова заколдуй".

Вмѣсто того Жуковскій пристрастился къ Муру („Пери и ангелъ" напечатанъ въ Сынѣ отечества 1821 г. № 20, стр. 243—265), и Пушкина это бѣситъ; „и что ему понравилось въ этомъ чопорномъ, подражателѣ безобразному восточному во-

---

1) А. Тургеневъ князю Вяземскому 13 августа 1819 г.
2) Князь Вяземскій Тургеневу 15 августа 1819 г.
3) Къ Ал. Тургеневу 11 октября 1819 г.
4) Къ нему же 22 октября 1819 г.
5) Къ нему же 1 ноября 1819 г.
6) 6 генваря 1820 г., сл. Русскій Архивъ 1867 г., ст. 652—3.

ображенію?.. Пора ему (Жуковскому) имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы" [1]); иное дѣло Тассъ, Аріостъ, Гомэръ, другое Маттисонъ, Муръ, Саутей" [2]).

Жуковскаго ждали изъ-заграницы въ концѣ 1821 года. Что онъ привезъ, спрашивалъ кн. Вяземскій, полагая, что онъ уже вернулся, „и хорошъ ли онъ пріѣхалъ?" Письмо переходитъ къ критикѣ „Лѣтняго вечера", явившагося впервые въ № 4 изданія „Для немногихъ" (1818 г.), а теперь перепечатаннаго въ Сынѣ отечества 1821 года (№ 4—5, стр. 252 слѣд.). „Если подумать, что Жуковскій, нагулявшись по бѣлой Европѣ, присылаетъ въ гостинецъ въ Россію такіе стихи, то въ самомъ дѣлѣ пришлось бы пожалѣть о затменіи Жуковскаго. А сволочи того и надобно... Какъ можно, говорятъ они, онъ писалъ въ старину оды и стихи къ свѣтлѣйшему, да удостоился писать къ самому благочестивѣйшему и самодержавнѣйшему государю, а теперь сбивается на стишки про солнышко.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.

Это значитъ изъ попа да въ дьяконы. Оно и въ самомъ дѣлѣ почти такъ" [3]).

6 февраля 1822 года вернулся Жуковскій, вернулся необновленный. „Жажду — тебя видѣть", писалъ ему кн. Вяземскій (16 февраля 1822 г.); проситъ прислать Орлеанскую Дѣву, спрашиваетъ, почему не перевелъ онъ Лару или Жіаура [4]), велъ ли онъ свой журналъ, сбирается-ли что-нибудь издать о своемъ путешествіи. „Соберись съ силами и напиши мнѣ, что дѣлать думаешь, какъ жить будешь. Сердись или нѣтъ, а я все одно тебѣ говорю: продолжать жить, какъ ты жилъ, совѣстно тебѣ. Отряхнись! Имѣй одну ногу долу, а другую горѣ, а обѣими на лощинѣ тебѣ стоять не годится: приростутъ ноги и нальются свинцомъ. Въ тебѣ то и бѣда, что ты поэзію свою разносишь

---

1) Къ князю Вяземскому 1822 г., 2 генваря.

2) Онъ же Гнѣдичу того же года, 27 іюня. Сл. такіе же укоры Гнѣдича самому Жуковскому за его манеру переводить второстепенныхъ авторовъ. Московскій Вѣстникъ 1827 г., ч. 6, стр. 318—19.

3) Къ Ал. Тургеневу 22 ноября 1821 г.

4) „Правда-ли, что Жуковскій переводитъ Гяура"? (Пушкинъ къ Ал. Тургеневу, Одесса, 1823 г., 1 декабря).

повсюду съ собою. Жасминъ жасминомъ остается и въ конюшнѣ, но какая отъ него прибыль? Подумай, что ты сдѣлалъ для славы своей и отечества въ теченіе этихъ пяти или шести лѣтъ? Накидалъ нѣсколько цвѣтовъ на истукановъ; рано или поздно они должны поблекнуть; имъ тутъ не мѣсто. Не забудь при томъ, что ты въ самой порѣ мужества: теперь пора рѣзать для потомства. А скажи по совѣсти, въ состояніи ли ты заняться трудомъ важнымъ посреди стихіи, въ коей трепещешься? Минерва выскочила не изъ напудренной головы. Пудра сушитъ мозгъ, повѣрь мнѣ. Ничего не пиши, то есть, не печатай, или одно достойное тебя... ты истощился на бездѣлицы. Въ тебѣ остается силы только на Геркулесовскій подвигъ. Тутъ ты опять окрѣпнешь. Конечно, много у тебя недоброжелателей и завистниковъ, но въ числѣ твоихъ осудителей встрѣчаются и судіи безпристрастные, не менѣе первыхъ строгіе, но основательнѣе. Скажу тебѣ искренно: едва-ли не я одинъ оставался рыцаремъ твоимъ, не изъ слѣпой привязанности къ тебѣ, но изъ вѣрнаго познанія тебя. Публика не видитъ тебя за кулисами; для нея ты и живешь только что на сценѣ" [1]).—„О твоей бездѣйственности я болѣе жалѣю, нежели ты самъ, пишетъ Жуковскому Ал. Тургеневъ [2]). Что ты голоса не подаешь о себѣ публикѣ? Зачѣмъ не кончилъ переводъ элегіи Парни?" [3]) „Что душа Жуковскій, и что душа Жуковскаго? Не его дѣло переводить Виргилія.... Въ такомъ занятіи дарованіе его не живетъ, а прозябаетъ; не горитъ, а курится; не летаетъ, а движется... Зачѣмъ бросилъ онъ баллады?.... Свободный рыцарь романтизма записывается въ учебные батальоны Клейнмихеля классиковъ!" [4]).

Между тѣмъ явился Шильонскій узникъ (цензурное разрѣшеніе 14 апрѣля 1822 г.), и Пушкинъ восхищенъ. „Переводъ

---

1) Русскій Архивъ 1900 г., № 2, стр. 183—4.

2) Приписка къ письму Блудова 9 іюня 1822 г. Сл. ibid. 1902 г. № 6, стр. 340 и выше стр. 296, прим. 2.

3) Отрывокъ перевода элегіи Парни („Въ разлукѣ я искалъ смягченья тяжкихъ бѣдъ") относится къ 1806 году.

4) Князь Вяземскій къ Ал. Тургеневу 3 іюля 1822 года. „Разрушеніе Трои" изъ Виргилія явилось въ Полярной Звѣздѣ 1823 года, но 5-мъ изданіемъ отнесено къ 1822 г. Сл. письмо князя Вяземскаго къ Жуковскому 13 декабря 1823 г.: „Что дѣлаешь" Все-ли *Енеидишь*, или уже *не идешь*"? Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 2, стр. 191.

est un tour de force. Злодѣй! Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный [1]). Должно быть Байрономъ, чтобы выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумашествія, а Жуковскимъ, чтобы это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій первой части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать" [2]). Д. В. Давыдовъ „негодуетъ на Жуковскаго, зачѣмъ онъ только переводитъ" [3]). „На балу я много занимался Жуковскимъ, писалъ Сперанскій дочери 25 генваря 1823 года: искалъ возбудить въ немъ чувство оригинальности, но онъ весь сжатъ въ переводахъ и, кажется, дальше не пойдетъ Делиля; и то хорошо, конечно, но жаль, что не болѣе" [4]).

„Надо взять тебя подъ опеку, писалъ Жуковскому кн. Вяземскій, возмущенный тѣмъ, что онъ напечаталъ въ Полярной

---

1) Сл. кн. Вяземскій „Къ В. А. Жуковскому". Подражаніе сатирѣ III Депрео (1821 г.):

О ты, который намъ явить съ успѣхомъ могъ
И своенравный умъ, и безпорочный слогъ,
Въ бореньи съ трудностію силачъ необычайный.

2) Гнѣдичу 27 сентября 1822 г.

3) Барсуковъ, Жизнь и Труды Погодина, I, 197 (Погодинъ подъ 16 октября 1822 г.).

4) На память гр. Сперанскаго Спб. 1872 г., стр. 597. Сл. тамъ же стр. 613 слѣд. письмо отъ 2 марта 1823 г.: Сперанскій сообщаетъ, что третьяго дня былъ на экзаменѣ въ Екатерининскомъ институтѣ. Три дѣвицы пѣли стихи Жуковскаго „на выпускъ". „Стихи, жаль, посредственны. Говорятъ, что онъ спѣшилъ, но какъ бы онъ ни спѣшилъ, онъ долженъ былъ сдѣлать лучше. Горькое условіе великой славы! Тутъ нѣтъ почти ни одной искры тонкаго, глубокаго чувства, а предметъ такъ къ тому удобенъ. Какая тема: невинность, вступающая въ свѣтъ!" Среди печатныхъ стихотвореній Жуковскаго есть нѣсколько написанныхъ на „выпуски" 1821, 1824, 1826 и 1827 годовъ, но ни одного, относящагося къ 1823 году. Въ альбомѣ Жуковскаго, съ черновыми редакціями его стихотвореній 1822—3 годовъ, сохранилась прощальная пѣсня, написанная для воспитанницъ одного изъ институтовъ. (Нач.: Ты, здѣшнихъ мѣстъ благотворящій геній, сл. Бумаги Жуковскаго стр. 90). 1 іюня 1823 г. Плетневъ сообщалъ Жуковскому, что въ Институтѣ, по случаю праздника 25-лѣтія, его стихи были прочитаны, Государыня растрогана и самъ Плетневъ невольно заплакалъ, дочитавшись до того мѣста, гдѣ Жуковскій упомянулъ о голосѣ „умолкнувшемъ, но нами не забытомъ".

Звѣздѣ „столько пустяковъ". „Какъ миліонщику носить въ карманѣ мѣдныя деньги? Конечно, это все деньги для знатоковъ, но для толпы это смѣшно. Въ полномъ собраніи твоихъ сочиненій они могли бы имѣть свое мѣсто, но тутъ выходить на показъ, въ ряду съ мальчишками-недорослями и состарѣвшимися прохвостами, съ бездѣлками, не имѣющими никакого выдающагося достоинства, ни въ отношеніи *мыслей*, ни въ отношеніи *выраженія*, есть дѣло непростительное, для друзей твоихъ прискорбное, для холоповъ литературныхъ утѣшительное и барышное... Какъ ни говори, тебѣ необходимо пустить свою жизнь въ выжигу; или рѣшиться только чувствовать, а ничего не производить.... Я похожъ на дьячковъ, которые другимъ поютъ: Тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите, а сами рыгаютъ въ то время лукомъ и сивухою. Говорю тебѣ о жизни, а самъ гнію со всѣхъ концовъ. Но какая разница между твоимъ запасомъ жизни и моимъ! Изъ капли твоей плоти выскочитъ дюжина моей братіи" (9 февраля 1823 г.) [1].

Умеръ Байронъ: „Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину пишетъ кн. Вяземскій. Вотъ случай Жуковскому! Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать пламенникъ его погасъ" [2]). Жуковскому не до того было: онъ узналъ объ этой смерти, когда у него на рукахъ былъ сумасшедшій Батюшковъ [3]). Но кн. Вяземскій настаиваетъ: „Неужели Жуковскій не воспоетъ Бейрона? Какого же еще ждать ему вдохновенія? Эта смерть, какъ солнце, должна ударить въ геній его окаменѣвшій и пробудить въ немъ спящіе звуки! Или дѣло конченное? Пусть же онъ просится въ камеръ-юнкеры или въ вице-губернаторы" [4])—„Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царствіе небесное" [5]).

Кромѣ „Пѣсни" 1820 г. („Отнимаетъ наши радости"), приложенной къ собственному душевному настроенію, и „Шильонскаго узника", Жуковскій ничего не взялъ изъ Байрона. Онъ побаивался его „яда", какъ выразился кн. Вяземскій, не даромъ

---

1) Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 2, стр. 189. Сл. его же письмо къ Жуковскому 27 августа 1823 г. ibid. стр. 191.

2) Ал. Тургеневу 26 мая 1824 г.

3) Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 3 іюня 1824 г.

4) Ал. Тургеневу 11 іюля 1824 г.

5) Пушкинъ брату 1824 г. 13 іюня.

опасавшійся, что, переводя Child Harold'a, онъ начнетъ „дѣвствовать". „Въ стихахъ Байрона находилъ я нѣкоторое сходство съ вами, писалъ Жуковскому Уваровъ (20 декабря 1814 г.), но онъ одушевленъ геніемъ зла, а вы геніемъ добра" [1]). „Ты на солнцѣ европейскомъ... долженъ очень походить на Байрона, еще не раздраженнаго жизнью и людьми" [2]), говорилъ кн. Вяземскій (15/27 марта 1821 г.), когда Жуковскій переводилъ Шильонскаго узника. Но Шильонскій узникъ для Байрона поэма не показная. „Многія страницы его вѣчны", писалъ Жуковскій Козлову (27 января 1833 г.), но и въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ—утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Байронова не выдержитъ этой повѣрки", тогда какъ А. Н. Муравьевъ — „поэтъ въ благородномъ смыслѣ этого слова". Главный источникъ байроновскаго негодованія—скептицизмъ, добавляетъ Жуковскій позднѣе (О меланхоліи въ жизни и поэзіи 1845 г.); „духъ высокій, могучій, но духъ отрицанія, гордости и презрѣнія... Но Байронъ сколь ни тревожитъ умъ, ни повергаетъ въ безнадежность сердце, ни волнуетъ чувственность, его геній все имѣетъ высокость необычайную (можетъ быть, отъ того еще и губительнѣе сила его поэзіи): мы чувствуемъ, что рука судьбы опрокинула созданіе благородное и что онъ прямодушенъ въ своей всеоблемлющей ненависти — передъ нами титанъ Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа и гордо клянущій Зевеса, котораго коршунъ рветъ его внутренность" (Слова поэта—дѣла поэта, 1848 г.).

Въ этомъ полуопредѣленіи поэтъ взялъ верхъ надъ моралистомъ. Не надо забывать, однако, что за характеристикой Байрона слѣдуетъ другая, оттѣняющая ее: характеристика неназваннаго нѣмецкаго поэта, одареннаго, какъ никто „чародѣйнымъ могуществомъ слова", но „хулителя всякой святыни", „свободнаго собирателя и провозгласителя всего низкаго, отвра-

---

1) Русскій Архивъ 1871 г. № 2, стр. 0163—4.
2) Русскій Архивъ 1900 г. № 2, стр. 182.

тительнаго и развратнаго". Байронъ выигрывалъ въ этомъ сосѣдствѣ.

Для поэта—художника, усвояющаго на своемъ языкѣ другого поэта, выборъ переводовъ характеренъ: онъ рисуетъ человѣка. Если не Байронъ, то Шиллеръ и Гёте образовали Жуковскаго, какъ самъ онъ признавался Ал. Тургеневу [1]. Повѣрка можетъ быть интересна. Изъ Шиллера переведено съ 1806 по 1833 г. 29 стихотвореній, не считая Орлеанской Дѣвы [2]; изъ Гёте между 1809 и 1833 годомъ всего 13 со включеніемъ общаго предисловія къ „Двѣнадцати Спящимъ Дѣвамъ" [3]. Шиллеръ, какъ сентименталистъ и идеалистъ, долженъ былъ прійтись по сердцу Жуковскому: въ молодости гимнъ An die Freude подсказывалъ ему грёзы счастья, позже, когда настала другая череда, стихи Шиллера пошли ему на встрѣчу, и онъ переводилъ ихъ, передавалъ, а переводы Жуковскаго были нерѣдко переживаніемъ въ чужихъ образахъ и метрахъ его личныхъ ощущеній, отражали біографію его сердца. Орлеанская Дѣва привлекла его своимъ религіозно-нравственнымъ паѳосомъ; къ Шиллеру—философу онъ былъ равнодушенъ и подписался бы подъ мнѣніемъ Гёте, что въ Шиллерѣ философъ нерѣдко портитъ поэта, но и юный Шиллеревскій протестъ, его громы въ защиту притѣсненныхъ, отзвуки Sturm- und Drang'a, были не по немъ. Въ 1819 году Вяземскій видѣлъ въ Варшавѣ

---

1) Письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 1824 г. 8 сентября изъ Лейпцига.

2) Въ одномъ томѣ сочиненій Шиллера (Friedr. von Schiller, Sämmtlich Werke, X B., 1-e Abth. Stuttg. und Tübingen, Cotta, 1814), нынѣ въ коллекціи А. Ѳ. Онѣгина, Жуковскій набросалъ карандашемъ опыты переводовъ отдѣльныхъ стиховъ, строфъ и выраженій. Иные изъ этихъ переводовъ явились въ печати (Графъ Габсбургскій 1818 г., Торжество Побѣдителей 1828 г, Кубокъ, Поликратовъ Перстень, Жалоба Цереры, Сраженіе со змѣемъ 1831 г.), другіе были затѣяны: напр. выборка изъ Perlen und Räthsel: Жуковскій намѣревался переводить № 1 (Von Perlen baut sich eine Brücke), 3 (у него помѣчено 2), 6 (у него 3), 8 (у него 4), 10 (у него 5, съ надписью: der Pflug), 11 (у него 6). Изъ помѣченныхъ переведены лишь №№ 1-й и 3-й. Начатъ переводъ Pompeji und Herculanum („Что за чудо совершилось"?). — Въ бумагахъ Жуковскаго сохранилось начало переводовъ Донъ Карлоса и Димитрія (сл. бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 80—1).

3) Не отмѣчено въ 10 изданіи г. Ефремова, какъ переводъ: „Новая любовь" (Neue Liebe neues Leben) и „Жалоба пастуха" (Schäfers Klagelied).

Вильгельма Телля и писалъ Ал. Тургеневу: „Обрѣзано, исковеркано, дурно играно, а слезы такъ изъ глазъ и брызжутъ, слезы восторга, слезы священныя, изъ которыхъ одна стоитъ рѣки слезъ, пролитыхъ за какую-нибудь „Федру" или „Ифигенію". Вотъ Жуковскому стезя, его достойная: переводи нѣмецкій театръ и сорви съ нашей сцены безплодное дерево, пересаженное къ намъ съ французской" (24 іюля 1819 года).

„Моя богиня" (1808—9) — первое стихотвореніе, написанное Жуковскимъ въ подражаніе Гёте. Разница настроеній замѣчательна: у Гёте она — богиня фантазіи, дѣйствительно дочь Зевса, вѣтренная, беззаботно порхающая; порхаетъ и короткій, вольный метръ; отъ всего стихотворенія вѣетъ земной жизнью и божественнымъ весельемъ. Жуковскій замедлилъ темпъ, уже одни постоянно дактилическія окончанія стиха настраиваютъ уныло. У Гёте Зевсъ любуется своей вѣтренницей-шалуньей (hat seine Freude — An der Thörin), у Жуковскаго: „Ее величаетъ онъ Богинею-радостью"; ея превращенія безконечны: у Гёте она шествуетъ повелительницей со скипетромъ въ рукѣ, у Жуковскаго она „малиновкой носится"; порой, распустивъ волосы, отуманивъ взглядъ, она вѣетъ вѣтромъ вокругъ утесовъ (oder zie mag Mit fliegendem Haar Und düsterm Blicke Im Winde sausen Um Felsenwände); у Жуковскаго получился оссіановскій образъ:

Кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное и т. д.

Въ болѣе позднихъ переложеніяхъ изъ Гёте, между которыми есть нѣсколько превосходныхъ, такой субъективной окраски меньше, но выборъ стихотвореній не показателенъ для Гёте и не свидѣтельствуетъ о сознательной оцѣнкѣ его поэзіи. Передъ нимъ Жуковскій благоговѣлъ, но благоговѣніе не есть пониманіе; человѣкъ замѣчательно цѣльный въ своей односторонности, онъ старался разгадать тайну дру-

гой цѣльности, безконечной въ своемъ разнообразіи, но его надпись къ портрету Гёте (1819 г.) [1]), перифразирующая четверостишіе Андрея Тургенева (1803 г.) [2]), отзывается общимъ мѣстомъ:

Свободу смѣлую принявъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслію надъ міромъ онъ носился
И въ мірѣ все постигнулъ онъ
И ничему не покорился.

Онъ прислушивается къ слову Гёте, записываетъ его рѣчи, паломничаетъ къ нему, посѣщаетъ, по его смерти, мѣста, гдѣ онъ жилъ и писалъ, слушаетъ разсказы о немъ, приглядывается ко всѣмъ мелочамъ его обстановки, точно хочетъ вдуматься—и рисуетъ въ домѣ Гёте!.. Въ этой чертѣ сквозитъ весь сентиментальный Жуковскій. Онъ не могъ „постигнуть глубины Гёте“ писалъ Полевой [3]).

Въ 20-хъ годахъ, окруженный лучами европейской славы, Гёте царилъ въ Веймарѣ въ старческомъ величіи („полупокойникомъ“ зоветъ его Пушкинъ въ письмѣ къ Бестужеву 29 іюня 1824 г.). Далеко была за нимъ пора юношескихъ увлеченій, спросовъ свободной индивидуальности и неугомоннаго сердца. Отъ всего этого онъ отказался, и его лозунгомъ становится теперь Entsagung, идеаломъ — гармоническое, всестороннее развитіе природныхъ наклонностей; надо образовать въ себѣ человѣка раньше, чѣмъ гражданина. Въ этомъ требованіи народность изчезаетъ передъ понятіемъ человѣчности, — оттого такъ вялъ его патріотизмъ; нарушеніе гармоніи тяжелѣе нарушенія правъ, оттуда отрицательное отношеніе къ революціи — и къ безпорядку, безформенности романтиковъ. Просвѣтители Вильгельма Мейстера—гармонически совершенные и совершенствующіеся люди, стоящіе поверхъ общества, которые они желаютъ обновить: культурный абсолютизмъ въ новой постановкѣ. Передъ такими руководителями можно поступиться и свободой; Тассо говоритъ Альфонсу, то есть Гёте Карлу Августу:

---

1) Пушкинъ находилъ, что эта надпись „прелесть“. Сл. его письмо къ Жуковскому, май—іюнь, 1825 г.

2) Сл. выше стр. 58.

3) Очерки Спб. 1839 г. I, стр. 112.

Der Mensch ist nicht geboren frei za sein,
Und für den Edlen ist kein schöneres Glück,
Als einem Fürsten, den er ehrt, zu dienen.

„Титаны“ поры бури и натиска забыты для Зевса:

Gross beginnet ihr, Titanen, aber leiten
In dem ewig guten, ewig schönen
Ist der Götter Werk, die lässt gewähren.
(Pandora).

Когда-то и Гёте бѣсновался съ толпой демонически-геніальныхъ юношей, теперь онъ съ мудрыми, божественно-благими:

Du hast getollt zu deiner Zeit mit wilden
Dämonisch-genialen jungen Schaaren,
Dann sachte schlossest du von Jahr zu Jahren
Dich näher an die Weisen, göttlich milden.
(West-östlicher Divan V).

Такое міросозерцаніе опредѣляетъ и отношеніе къ религіозному вопросу: Гёте перешелъ отъ пантеизма къ христіанству (Wilhelm Meisters Wanderjahre), даже къ конфессіонализму (заключеніе Фауста), и въ Паріи (начатомъ въ 1821 году) возвеличенъ не суровый подвигъ покаянія, отвоевывающій спасеніе, а молитва страдальца къ всевѣдущему Брамѣ.

Въ старческой программѣ Гёте Жуковскій нашелъ бы многое, отвѣчавшии его собственной, неизмѣнно, послѣдовательно пережитой; у Гёте она явилась въ результатѣ долгаго жизненнаго, художественнаго и философскаго опыта, отъ демоническаго геніальничанья его молодой-поры до успокоенія въ антикѣ и гармонической человѣчности. Рисунокъ былъ одинъ, но освѣщеніе, „душа“, исторія души — другія.

Веймаръ сталъ центромъ литературныхъ и любительскихъ паломничествъ. Рано стали являться и русскіе. Яковлевъ, съ 1810 года русскій посланникъ въ Касселѣ, познакомился съ Гёте въ 1807-мъ году: Гёте подарилъ ему кусокъ халцедона, а Яковлевъ заказалъ Morelli вырѣзать на немъ силуэтъ поэта, оттиски котораго и послалъ ему въ

даръ [1]). Уваровъ, бывшій въ перепискѣ съ Гёте, поклонялся издали „послѣднему вѣнцу Германіи“ (die letzte Krone Deutschlands) и просилъ позволенія насладиться свиданіемъ съ нимъ, принесть дань удивленія [2]). Въ 1814 году видѣлъ его у великой княгинѣ Маріи Павловны А. С. Шишковъ [3]); въ 1818 г. посѣтилъ его домъ Блудовъ: Вигель, бывшій съ нимъ, отказался отъ осмотра: „такая набожность къ знаменитости, въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живой, чужеземной, показалось мнѣ непонятною и неумѣренною“ [4]).

Были посѣщенія и другого рода: Однажды явилось двое русскихъ; es waren im ganzen recht hübsche Leute, разсказывалъ Гёте Эккерману (19 апрѣля 1830 г.), но одинъ изъ нихъ велъ себя не особенно любезно (nicht eben liebenswürdig): сдѣлавъ при входѣ молчаливый поклонъ, онъ просидѣлъ съ полчаса, не раскрывши рта и все время уставившись на Гёте. Тому это наконецъ надоѣло, и онъ сталъ молоть всякій вздоръ, говорилъ о Соединенныхъ Штатахъ, о томъ, что на умъ взбредетъ. Его слушателямъ это, должно быть, понравилось, потому что, видимо, они остались довольны (sie verliessen mich dem Anscheine nach durchaus nicht unzufrieden).

Въ 1821 году прибыла въ Веймаръ великая княгиня Александра Ѳедоровна съ августѣйшимъ супругомъ и посѣтила Гёте, что онъ и отмѣтилъ въ своихъ Tag- und Jahresheften. Въ свитѣ великой княгини находился и Жуковскій. На этотъ разъ его свиданіе съ Гёте было мимолетное: „отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня, писалъ онъ великой княгинѣ 1 ноября 1821 года; тамъ имѣлъ счастье представиться Ея Императорскому Высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая приняла меня съ очаровательною милостью, и ея-же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и чтобъ я имѣлъ время къ нему съѣздить, Ея Высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ-же день видѣлъ поэта. Но свиданіе съ нимъ было похоже

1) См. письмо Гёте 3 генваря 1811 года въ веймарскомъ изданіи его сочиненій, IV Abth., 22 B., стр. 4, № 6091 и стр. 405—6.

2) Russische Revue XXVIII B. 1888 г.: G. Schmid, Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel, стр. 149: письмо 1812 г.

3) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Berlin 1870 г., I, стр. 303.

4) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. V, стр. 104.

на плаваніе мое по Рейну; оно было туманно, хотя онъ принялъ меня съ ласкою" [1]). Въ дневникѣ Жуковскаго подъ 29-мъ октября помѣчено: „хлопоты о Гёте... Гёте: французскій языкъ; столъ; планъ Рима; бюсты; шкапъ съ минералами; о Märchen; Alles ist Wahrheit, Wahrheit und Dichtung"; подъ 30-мъ того-же мѣсяца: „домъ бѣдный Шиллера; домъ Гёте" [2]).

„Вы, вѣроятно, почувствовали при отъѣздѣ изъ Іены, какъ мнѣ было больно, что вы не продлили вашего пребыванія, — писалъ Гёте Жуковскому. Когда нежданно явившійся, быстро овладѣвшій вашей дружбой человѣкъ столь-же быстро удаляется, вы начинаете раздумывать, что̀ бы вы могли ему сказать, о чемъ спросить, что̀ ему сообщить. Не стану говорить, что все это я ощутилъ вдвое и втрое, когда вы и вашъ милый спутникъ покинули меня ночью въ моей кельѣ (Einsiedelei); пока примите мое письмо, какъ повтореніе моего „добро пожаловать" и „прости". Я желалъ бы, чтобы вы сохранили память обо мнѣ и при случаѣ рекомендовали меня благоволенію и милости прекрасной принцессы, прелестный образъ которой у меня ежедневно передъ глазами. Олицетвореніе высокаго дарованія въ соединеніи съ небесной добротой и кротостью, она производитъ на меня самое благотворное вліяніе. Не пишу болѣе, дабы настоящее письмо мое быстрѣе дошло до васъ при посредствѣ высокихъ путешественниковъ, которымъ желаю всякаго счастья въ далекомъ пути" (16 ноября н. ст. 1821 г. Сл. Tagebücher подъ 15 ноября).

О другомъ посѣщеніи Веймара „высокими путешественниками" говоритъ слѣдующее стихотвореніе Гёте:

Ihro Kaiserlichen Hoheit Grossfürstin Alexandra.

Der Frühling grünte zeitig, blühte froh,
Narciss' und Tulpe, dann die Rose so;
Auch Früchte reiften mit gedrängtem Segen
Der nah und nähern Sonnengluth entgegen;
Sie zierten wechselnd längst ersehnte Zeit
Und schmeichelten der tiefsten Einsamkeit.

---

1) Сл. Русская Старина 1902 г. № 5, стр. 357.

2) Goethe's Tagebücher 1821 года 29 октября: Gegen Abend Herr von Joukowsky aus Petersburg mit Herrn von Struve; empfohlen von Graf Brühl und von Boisserée's.

Da stellte sich dem Hocherstaunten dar
Ein hehrer Fürst und Jugend Paar um Paar,
So gut als lieb, ehrwürdig und erfreulich;
Der innre Sinn bewahret sie getreulich,
In Frühling-, Sommer-. Herbst-und Wintertagen
Die holden Bilder auf- und abzutragen;
So kann er dann, bei solcher Sterne Schein,
Auch wenn er wollte, niemals einsam sein.

Жуковскій отвѣчалъ на письмо Гёте изъ Петербурга 25 февраля 1822: для него письмо было неожиданною радостью, такъ же какъ и драгоцѣнный подарокъ (?), его сопровождавшій. Онъ читаетъ, и у него навертываются слезы. „То, что вы съ такой добротой говорите о нашемъ свиданіи, чувствовалъ и я и въ нашемъ присутствіи, и разставаясь съ вами. Это страстно желаемое и ожидаемое свиданіе длилось одну минуту, но минута эта была богата живыми ощущеніями; я ничего не могъ сказать вамъ потому только, что слишкомъ много хотѣлось сказать, но я васъ видѣлъ, и лучшіе дни моего прошлаго точно пронеслись предо мною вновь (votre présence a été pour moi comme une récapitulation rapide des plus beaux temps de mon passé). И много милыхъ тѣней встало (und manche liebe Schatten steigen auf: гётевскій стихъ, по нѣмецки во французскомъ текстѣ письма).... Примите же, дорогой великій человѣкъ, благодарность мою за это прошлое, такъ часто украшавшееся вліяніемъ вашего генія, и за то мгновенье, въ которое я ощущалъ ваше благотворное присутствіе и которое вы довершили такимъ дружескимъ, отеческимъ рукопожатіемъ, и за трогательное письмо съ wiederholtes Willkommen und Lebewohl, которое свято сохранится, какъ священный даръ дорогой руки". Жуковскій показалъ письмо Гёте великой княгинѣ; она была глубоко тронута; „эта душа чистая, простая, глубоко чувствительная, можетъ быть понята вашей душой. Ей было хорошо съ вами, она сама это говоритъ, а въ васъ она должна была оставить милое впечатлѣніе, какъ явленіе друга, въ которомъ соединено все великое, и это великое не что иное, какъ природная чистота и невинная простота ребенка. Tel est le caractère de cette chère princesse".

„Гёте, казалось, было пріятно, что Жуковскій познакомилъ русскихъ съ нѣкоторыми его мелкими стихотвореніями", запи-

салъ въ 1820 году Кюхельбекеръ послѣ краткаго свиданія съ „безсмертнымъ“, которому привезъ поклонъ отъ Клингера [1]).

Нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго Гёте прочелъ позже въ англійскомъ переводѣ. „Г-нъ Боурингъ подарилъ мнѣ русскую антологію, писалъ Гёте, и это заставило меня ближе ознакомиться съ отдаленными восточными твореніями, которыя разнитъ отъ насъ малоизвѣстный языкъ. Такимъ образомъ не только возъимѣли для меня значеніе нѣкоторыя славныя имена, но я могъ ближе узнать человѣка, съ которымъ давно сроднился въ любви и пріязни, — г-на Жуковскаго: онъ любезно почтилъ меня милыми стихотвореніями, и теперь я получилъ возможность полюбить и оцѣнить его въ болѣе широкихъ границахъ его творчества“ (Kunst und Alterthum).

Едва-ли антологія Боуринга [2]), изъ которой и Байронъ узналъ о Жуковскомъ, „русскомъ соловьѣ“, дала Гёте понятіе какъ о поэзіи его пріятеля, такъ и о „достоинствахъ“ нашихъ стихотворцевъ, какъ писалъ онъ впослѣдствіи Борхардту, прибавляя, что и „по многимъ другимъ признакамъ“ (?) можно „предположить высокое эстетическое образованіе въ области русскаго языка“. Въ первой части своей Антологіи, Боурингъ перевелъ изъ Жуковскаго „Пловца“ (The mariner), Эолову арфу, Весеннее чувство (Song) — и „Тоску по миломъ“ (Romance, Нач. Gather'd yon dark forest over — Lo the gloomy clouds are spread), которую Жуковскій въ свою очередь пере-

---

1) Письмо изъ Веймара 10/22 ноября въ Мнемозинѣ 1824 г., ч. I, стр. 89. Сл. Goehte's Tagebücher 1820, 22 ноября: Junger Petersburger von Küchelbecker in Gefolg des Fürsten Narischkin. Сл. отмѣтку подъ 23 и 27 ноября: der junge Herr von Küchelbecker einen in Adular geschnittenen Jünglingskopf vorzeigend. Въ Tag-und Jahresheften 1820 г. записано: D-r Küchelbecker von Petersburg, von Quandt und Gemahlin, von Arnim und Mahler Ruhl brachten durch die interessantesten Unterhaltungen grosse Mannichfaltigkeit in unsere geselligen Tage—Кюхельбекеръ былъ секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, „съ коимъ онъ былъ въ Парижѣ, гдѣ началъ читать въ Атенеѣ лекціи на французскомъ языкѣ о русской словесности. За либерализмъ въ его чтеніяхъ Нарышкинъ принужденъ былъ покинуть его“ (Плетневъ въ Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ III, 409).

2) Россійская антологія. Specimens of the russian poets with preliminary remarks and biographical notices, transl. by John Bowring. London 1821 и 1823 г. 2 т.

велъ изъ Шиллера (Пикколомини III ч.); во второй части помѣщены „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ", „Свѣтлана" (Catherine: имя это замѣнило Свѣтлану ради риѳмы), Теонъ и Эсхинъ и Пѣвецъ (The bard) [1]. Съ „Пловцомъ" переводчикъ не справился, потому что не могъ знать біографической подкладки стихотворенія [2], да и стилистическая вольность Жуковскаго сбила его съ толку. У Жуковскаго пловца, испытавшаго бурю (т. е. самого Жуковскаго), Провидѣніе заноситъ къ райской обители (у Боуринга: on Eden's land), гдѣ онъ видитъ трехъ ангеловъ (Ек. Аѳ. Протасову и двухъ ея дочерей). Передъ ними онъ въ восхищеніи, хотѣлъ бы ими жить, для нихъ дышать, пусть имъ радость, ему страданье — „но... не дай ихъ пережить!" Боуринга смутилъ первый стихъ 4-ой строфы: „О спаситель-Провидѣнье" (сл. Пустынникъ, изъ Гольдсмита: дѣва — прелесть); подъ спасителемъ онъ и уразумѣлъ Христа; къ Нему, оказывается, обращены восторги и поклоненіе поэта въ 4-й и 5-й строфахъ, передѣланныхъ до неузнаваемости [3].

Отголоскомъ перваго знакомства Жуковскаго съ Гёте былъ портретъ послѣдняго, посланный имъ Дмитріеву: „Я видѣлъ Гёте и могу поручиться вамъ за совершенное сходство портрета съ оригиналомъ", писалъ онъ, вспоминая, что стихи Дмитріева: „Размышленіе по случаю грома", переведенные изъ Гёте, были первые, выученные Жуковскимъ наизусть въ русскомъ классѣ, и что первые стихи написанные имъ безъ соблюденія стопъ, были ихъ подражаніемъ (11 февраля 1823 г.).

Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ удалось Жуковскому побесѣдовать съ Гёте. Съ весны 1826 г. по октябрь 1827 г. онъ снова былъ заграницей, чтобы поправить свое здоровье и приготовиться къ возложенной на него должности: быть наставникомъ наслѣдника престола. Первымъ продолжительнымъ этапомъ былъ для него Дрезденъ (съ 11 сентября н. ст. 1826 г. по 14/26 апрѣля 1827 г.), куда не задолго до него (31 августа)

---

1) Въ предисловіи къ I-й части стр. IX и въ коротенькой біографической замѣткѣ о Жуковскомъ на стр. 235 упоминаются Людмила, Марьина роща (Marina roshcha — Mary's Goat?), Моя богиня изъ Гёте и Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ.

2) Сл. выше стр. 131.

3) См. напр. начало послѣдней строфы: „Неиспытанная радость — Ими жить, для нихъ дышать: O, unutterable joy! In Thy light to breathe, to be и т. д.

явился и Ал. Тургеневъ съ душевно-больнымъ братомъ Сергѣемъ [1]). „Я пріѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми, писалъ Жуковскій Козлову Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни.... Я въ Дрезденъ перевезъ съ собою свою петербургскую комнату. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполнѣ воспользоваться здѣшнею совершенною свободою, дабы въ Петербургѣ было мнѣ легче" (28 сентября, 1826 г.). Онъ трудится надъ планомъ ученія, составляетъ историческія программы, имѣющія для него „всю прелесть его прежнихъ поэтическихъ работъ" [2]). Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, пишетъ онъ Елагиной (7/19 февраля 1827 г.), ни минуты нельзя употребить на что-нибудь другое". Съ этой стороны болѣзнь для него благодѣяніе: она дала ему шесть мѣсяцевъ свободы и уединенія, чтобы посвятить свои мысли одной, главной, царствующей. „Могу сказать, что настоящая, положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы назвать себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойнымъ меня), но для счастія нужно не одно свое; но и счастію я давно далъ другое имя. Я называю его *должность*. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы" [3]).

Утро отдано работѣ, трудъ прерывается прогулкой; послѣ обѣда читаетъ Ал. Тургеневъ, Сергѣй Тургеневъ и Жуковскій слушаютъ [4]). Затѣмъ Жуковскій начинаетъ показываться въ обществѣ; его дрезденскій дневникъ извѣстенъ пока лишь въ отрывкахъ, кое что досказываютъ его письма, дневникъ Ал. Тур-

1) Даты указаны дневникомъ Ал. Тургенева.

2) Къ Государынѣ 2/14 октября 1826 г.

3) Зейдлицъ l. c. стр. 141—2.

4) Ал. Тургеневъ брату Николаю 17 октября 1826 г. Въ ноябрѣ они читали вмѣстѣ статью изъ Kleine Schriften Бутервека I: Die grossen Nationen unserer Zeit. Noch ein Fragment zur Philosophie der Weltgeschichte (изъ дневника Ал. Тургенева).

генева и его письма къ брату Николаю; сохранился и собственноручный списокъ лицъ, съ которыми Жуковскій водилъ знакомство: русскіе и нѣмцы, въ числѣ послѣднихъ старые знакомые: Тикъ и Фридрихъ [1]); затѣмъ Карусъ, лейбъ-медикъ саксонскаго короля, поклонникъ Гёте и также живописецъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ Фридриха; проф. Гассе, пасторъ Аммонъ и др. Но на первомъ мѣстѣ красуются: „M-me de Recke. Тидге“ [2]) — поэтъ и поэтесса душевно-сентиментальнаго и морализующаго настроенія, доживавшіе свой вѣкъ въ пору подъема романтизма.

Елизавета von der Recke (род. 1756 г.), урожденная имперская графиня von Medem, сводная сестра герцогини курляндской Доротеи, выступила въ литературѣ уже въ 1780 г. съ Geistliche Lieder einer vornehmen kurländischen Dame mit Melodien von Hiller. Рано разведясь съ мужемъ, она предприняла въ 1784 г. путешествіе съ своей пріятельницей Софіей Беккеръ (въ замужествѣ Шварцъ), такой-же поэтессой, какъ она, и свела множество литературныхъ знакомствъ; она разъѣзжаетъ, чтобы повидать ученыхъ мужей Германіи и принимать ихъ у себя, шутила мать Гёте. Сохранился альбомъ графини, на складныхъ стѣнкахъ котораго знаменитости оставили свои имена и пожеланія, между прочимъ, Глеймъ, Гердеръ, Гёте („Zur Erinnerung des 13 Juli 1785“), Клопштокъ, Moses Mendelsohn. На гармоніи „душъ“ построилась платоническая amitié amoureuse Елизы и Тидге (род. 1752 г.), они странствовали по нѣмецкимъ Kurort'амъ и въ Италіи, Тидге и жилъ у графини въ Берлинѣ и теперь на покоѣ въ Дрезденѣ. Они мечтали, думали и работали вмѣстѣ; она была когда-то видной, тихой красавицей, онъ, ея обиженный природой, безстрастный Петрарка, счастливъ безконечно уже тѣмъ, что обрѣтается „въ небесной святынѣ ея присутствія“, и начинаетъ свое письмо къ ней (1 генваря 1825 г.) стихами изъ Тассо Гёте:

Wer neben diese Frau sich wagen darf,
Verdient für diese Kühnheit schon den Kranz.

Въ этомъ старосвѣтскомъ салонѣ, гдѣ царила дружба и милыя воспоминанія вызывали слезы, бывали Ал. Тургеневъ и

---

1) Сл. выше стр. 254 слѣд.
2) Дневники В. А. Жуковскаго, изд. И. А. Бычкова, стр. 192, прим. 2.

Жуковскій; оба они смолода сентименталисты, но теперь ихъ чувствительность приподнята: тревожитъ судьба Николая Тургенева, заподозрѣннаго въ событіяхъ 1825 года и принужденнаго скитаться за границей, на рукахъ больной Сергѣй Тургеневъ, и еще не пережита смерть Карамзина.

Жуковскаго и Тургенева она страшно поразила. Въ іюлѣ 1826 года Жуковскій писалъ Карамзиной подъ впечатлѣніемъ недавной утраты [1]), въ концѣ года писалъ къ ней снова въ отвѣтъ на ея недошедшее до насъ письмо. „Благодарю за письмо душевно. Вы въ немъ прислали мнѣ себя. Если бы что нибудь могло увеличить мое къ вамъ уваженіе, то, конечно, это письмо, въ которомъ такъ сильно выражается и наше великое несчастіе, и высокость души, которая способна его чувствовать и въ то же время быть съ нимъ *наравнѣ*, сносить его съ достоинствомъ и въ немъ же самомъ нѣкоторымъ образомъ находить свое подкрѣпленіе. *Любовь къ мертвому;* въ этихъ словахъ вся ваша остальная жизнь. Безъ счастія, но съ благотворнымъ святымъ воспоминаніемъ, которое не замѣнитъ счастія, но даетъ особенное величіе жизни. C'est notre second rédempteur, a nous propre, говорите вы. Tout le sublime de la douleur et de la vertu est dans cette expression. Въ этихъ словахъ выражается вся его прошедшая жизнь и вся ваша будущая. On a raison de dire que les grandes idées viennent du coeur, on peut ajouter: du coeur frappé par une grande perte et qui pour se soutenir doit absolument s'élever et quitter l'ordre des choses communes, où il se trouvait si tranquillement insouciant, bercé par son bonheur. Съ такимъ воспоминаніемъ, какое вы имѣете, съ такимъ сокровищемъ, которое не многимъ достается въ свѣтѣ, не могу представить себѣ, чтобы вы могли чувствовать совершенное *одиночество.* Кому же вѣрить невозможности разлуки, если не вамъ? Прекрасная жизнь, которой вы были свидѣтелемъ, есть самое ясное убѣжденіе, что она не миновалась. У васъ въ сердцѣ должны быть умилительныя надежды, успокаивающая вѣра; все это *наполняетъ* жизнь, и душа имѣетъ всегда свою пищу. Прошедшее не исчезло; милое изъ присутственнаго сдѣлалось невидимымъ, но за то и не подверженнымъ измѣненіямъ; жертва принесена, но этой жертвой куплена высокая мысль, что уже не будетъ измѣненія для того,

1) Соч. Жуковскаго, 7-е изд. Ефремова, т. VI, стр. 510 слѣд.

что теперь вѣчно остается нашимъ. Съ такой вѣрой можно жить, ни въ комъ такая вѣра не можетъ быть такъ тверда и ясна, какъ въ васъ. Великое счастіе, что я нашелъ здѣсь Александра и Сергѣя. Наше вмѣстѣ стоитъ десяти докторовъ" — Приписка 12 января (1827 г./31 декабря 1826 г.): „Мечтательное въ жизни миновалось. Многаго, что было самое драгоцѣнное, нѣтъ уже въ ней, она не потеряла своей цѣны отъ этого, ибо никогда не должна потерять ее, но потеряла много прелести, мѣсто которой заступитъ строгая дѣятельность. Завтра новый годъ, вы встрѣтите его со слезами и съ молитвою къ нашему доброму генію, который невидимъ, но насъ не покинулъ. Прекрасная жизнь его у насъ въ душѣ. Благодарность ему за эту прекрасную жизнь никогда въ ней не изгладится. Завтра вы вѣрно вспомните о насъ. Мы принадлежимъ къ семейству Карамзина, и теперь мы все его семейство; хотя его съ нами нѣтъ, но онъ въ насъ по прежнему. За него ничего временнаго уже бояться нельзя, объ немъ только можно думать съ чистымъ, высокимъ чувствомъ, въ которомъ уже не можетъ быть измѣненія! Для насъ есть и случай и несчастія, для него одно неизмѣнное, благодарное воспоминаніе" [1]).

Таково было настроеніе друзей.

Въ кружкѣ графини можно было отвести душу: здѣсь вѣяло лаской и стариной. „Третьяго дня былъ у графини Рекъ, гдѣ видѣлъ и Тидге, пишетъ Ал. Тургеневъ въ дневникѣ подъ 9 декабря 1826 г. Добрая, умная и любезная старушка, живущая воспоминаніями о прежнихъ друзьяхъ—и бесѣдою съ немногими оставшимися, вѣрными спутниками въ жизни—и цѣлительнымъ водамъ. Изъявила радушіе при свиданіи со мною, говорила о поэзіи, о законодательствѣ, о Шекспирѣ и Шиллерѣ,

---

1) Письмо это внесено Ал. Ив. Тургеневымъ въ его дневникъ 1826—1827 года, откуда и сообщается. Въ тотъ же дневникъ, послѣ отмѣтки, что Тургеневъ выѣзжаетъ сегодня утромъ 27 августа изъ Францбрюна, внесено письмо Ж(уковскаго) о К(арамзинѣ), обращенное къ Государынѣ по поводу смерти Карамзина. Это отрывокъ изъ письма Жуковскаго къ имп. Маріи Ѳедоровнѣ, Эмсъ 14/26 іюня 1826 г. (Русскій Архивъ 1896 г., № 3, стр. 457 слѣд.), начиная со словъ: „Вы потеряли друга" и до конца. Начало печатнаго письма („Немедленно по прибытіи моемъ на мѣсто моего назначенія") напоминаетъ начало неизданнаго французскаго, обращеннаго на слѣдующій же день (15/27 іюня) къ имп. Александрѣ Ѳедоровнѣ (Arrivé à ma destination je m'empresse de profiter и т. д.).

о нѣмецкой философіи и о вліяніи оной на всѣ явленія въ словесности и даже въ гражданскомъ быту народа“. 19 декабря бесѣда шла между прочимъ о религіозныхъ вопросахъ: о іезуитахъ и происках католиковъ, о M-me Krüdener, о Сократѣ и Христѣ, „о Неандерѣ, который совѣтовалъ не читать философіи и держаться только Мендельсона и Гарве“. „Пѣли элегію Тидге на смерть сестры нашей доброй Рекъ, герцогини курляндской, Der Ostermorgen, на которую Нейкомъ сочинилъ прекрасную музыку. Одна изъ дамъ, составлявшихъ хоръ, дочь Платнера, другая внучка его. И въ стихахъ Тидге много поэзіи и чувства.... Кто-то пѣлъ: Der Erlkönig и другіе стихи Гёте: Wie kommt's, dass du so traurig bist? Мелодія отвѣчала содержанію этой меланхолической пѣсни“,—и Ал. Тургеневъ грустно раздумался о братѣ. „Послѣ музыки Тидге читалъ „Весну“ Клопштока, и высокое благочестіе поэта меня успокоило, возвысило духъ мой (примѣчательно, что въ старости Клопштокъ былъ совершеннѣйшій поэтъ лирическій, нежели въ молодости его; онъ же и въ 70 лѣтъ пѣлъ любовь его 13-лѣтняго возраста съ чувствомъ первой любви). Потомъ прочелъ онъ и свою пьесу, одну изъ лучшихъ: сраженіе при Кунерсдорфѣ, элегія“ [1]).

29 декабря у графини „послѣ обѣда читаны нѣкоторыя пѣсни изъ шуточной поэмы Баггезена, послѣ смерти его изданной: Der Sündenfall въ 12 пѣсняхъ [2]), гдѣ онъ осмѣиваетъ часто философію темную нѣмцевъ, особливо Фихте, и еще темнѣйшую терминологію ихъ. Рожденіе Евы забавно“.

Поклонникъ Клопштока, Виланда и особенно Фосса, Баггезенъ относился отрицательно къ новымъ теченіямъ нѣмецкой литературы, особенно къ романтикамъ и мистикамъ, которыхъ

---

1) Разсказъ о посѣщеніи графини 19 декабря разбитъ въ дневникѣ на двѣ записи, въ третьей — выписки изъ Ostermorgen и Kunersdorf. Въ письмѣ изъ Дрездена декабря 1826 г., напечатанномъ въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XIII, № 2, стр. 162 слѣд. (Подпись Э. А. = Эолова Арфа, арзамасское прозвище Ал. Тургенева), Тургеневъ обѣщалъ поговорить о графинѣ Рекъ и ея вечерахъ. „У нея живетъ поэтъ Тидге, который вчера прочелъ намъ двѣ первыя пѣсни своей Ураніи. Въ нихъ много прекрасныхъ стиховъ и высокихъ мыслей“.

2) Adam und Eva oder die Geschichte des Sündenfalls. Ein humoristisches Epos in 12 Gesängen. Mit Vorwort von G. J. Göschen. Lpz. 1826. Больной Баггезенъ былъ въ Дрезденѣ въ сентябрѣ 1826 г. на пути въ Копенгагенъ, гдѣ и скончался 3 октября.

осмѣялъ въ Альманахѣ 1810 года [1]), за что, какъ извѣстно, Арнимъ покаралъ его въ своей Gräfin Dolores, въ типѣ Waller'a.

Въ салонъ графини Жуковскій приносилъ знакомый намъ альбомъ, съ помѣтой на первомъ листѣ: 1820 г. 16/28 декабря. Берлинъ; къ четвертому приклеено, среди вѣтокъ засохшей Ländlergras, письмо великой княгини 22 іюня 1819 г., въ которомъ она дала Жуковскому тему для его „Цвѣта Завѣта"— цвѣта воспоминаній [2]). 12 генваря 1827 г. Тидге внесъ въ этотъ альбомъ двустишіе по адресу Жуковскаго, такого-же „величателя женщины", какъ онъ самъ:

Sie, die heilige Kunst, erhebet das Leben zur Wahrheit,
Was die Wirklichkeit nahm, giebt sie dem Leben zurück.

Rufe das Wort zuweilen mein Andenken zurück in das Herz meines edlen Frauenlobs C. A. Tudge, Dresden 12 Jan. 1827. Въ тотъ же день, на оборотѣ листа, къ которому приклеено письмо вел. княгини, графиня, очевидно ознакомившаяся съ его содержаніемъ, написала слѣдующее: In Beziehung auf das Grashalm, welches unsere erhabene Kaiserin Alexandra zur schönen Aufgabe eines Liedes für sie machte, wage ich es auf dem nähmlichen Blatte die Gefühle meines Herzens hinzuschreiben:

Der Friede, der bei Engeln wohnt,
Wird nie dem edlen Herzen fehlen!
Es giebt ein Reich hienieden, wo er thront—
Es ist das Reich der schönen Seelen.

Dresden den 12-ten Jan. 1827. Elise von der Recke, geborne Reichsgräfin von Medem.

---

1) Der Karfunkel oder Klingklingel-Almanach. Ein Taschenbuch für vollendete Romantiker und angehende Mystiker. Auf das Jahr des Gnade 1810. Tübingen, Cotta.

2) Объ этомъ-то альбомѣ („*вашъ* альбомъ") говоритъ, вѣроятно, Жуковскій въ черновомъ письмѣ къ вел. княгинѣ (Дрезденъ 4/16 іюня 1821 г.), первомъ изъ напечатанныхъ въ Щукинскомъ сборникѣ вып. I (1902 г.), стр. 66 слѣд., съ ошибочнымъ адресомъ: вел. кн. Николаю Павловичу. Сл. выше стр. 315 прим. 1. Письмо великой княгини напечатано мною въ моей замѣткѣ „Цвѣтъ Завѣта", Литературный Вѣстникъ, т. V, 1903 г., кн. 3, стр. 299.

„Вчера проводили мы вечеръ у больного поэта Тидге, въ домѣ гр. Рекъ, и болтали о литературѣ старой и новѣйшей нѣмецкой, писалъ Ал. Тургеневъ брату Николаю (10 февраля 1827 г.). Тидге и гр. Рекъ многихъ или почти всѣхъ знатнѣйшихъ литераторовъ знали и прожили весь славный вѣкъ нѣмецкой словесности и сами въ немъ участвовали. Анекдоты ихъ о прежнихъ литераторахъ и авторахъ нѣмецкихъ любопытны. Они жили въ согласіи и въ дружбѣ и мало или рѣдко ругались въ журналахъ и брошюрахъ. Въ одномъ Веймарѣ гр. Рекъ нашла холодность и взаимную недовѣрчивость. Другихъ же славныхъ авторовъ Тидге называетъ братьями, подъ однимъ лавровымъ древомъ почившимися". Тидге разсказалъ анекдотъ о Баггезенѣ и прочелъ свои послѣдніе стихи къ другу:

Lass dich von der Unnatur
Neuer Singerer nicht stören!
Sing uns Wahrheit und Natur!
Wird durch dich *ein Herz* nur besser,
Heller *eine Seele* nur,
Blicke froh dann aufs Gewässer
Wo dein Lebensschifflein fuhr.

На другой день Тидге долженъ былъ прочесть у графини свою еще не напечатанную сатирическую поэму въ 4-хъ пѣсняхъ, „коихъ предметы: свѣтъ, литература, философія, деньги, словомъ все, что составляетъ жизнь и хлопоты человѣка въ свѣтѣ".

Въ этомъ пріютѣ Жуковскаго любятъ. На стѣнѣ виситъ его гравированный портретъ, рядомъ съ портретомъ Тургенева; какъ то разъ графиня замѣтила Тургеневу, что его профиль смотритъ на портретъ Бёттихера, такого же полигистора, какъ и онъ, а профиль Жуковскаго — на Клопштока, и Тургеневъ особенно радъ за сосѣдство друга [1]). По дорогѣ изъ Дрездена Жуковскій читаетъ „profession de foi M-me de Recke", можетъ быть, ея „Gebete und religiöse Betrachtungen" (Berlin, 1826 г.), и нѣсколько полемизируетъ съ ней, между прочимъ, относительно значенія молитвы и обряда [2]).

---

1) Письмо къ Ник. Тургеневу 16 августа 1827 г.; сл. еще письма 9 и 31 августа.

2) Сл. Дневники В. А. Жуковскаго l. c. стр. 192—3 и прим. 3 на стр. 192.

За тихими дрезденскими днями послѣдовала сутолока Парижа, куда за Жуковскимъ направились и братья Тургеневы и гдѣ Сергѣй Тургеневъ вскорѣ скончался. Это бросило печальную тѣнь на Парижское пребываніе. „Je passerai tout le mois de Juin à Paris, писалъ Жуковскій государынѣ, mais je sens que je ne profiterai pas autant de mon séjour, que je l'aurais pu faire avant notre malheur.... C'est une maladie de langueur, qui empèche de prendre aucun intérêt à ce qui vous entoure“, говоритъ онъ о себѣ. Кое-что и кое-кого онъ видѣлъ, понялъ и угадалъ Парижъ, вспоминалъ впослѣдствіи кн. Вяземскій, имѣвшій въ рукахъ его парижскій дневникъ [1]). Онъ знакомится съ городомъ, посѣщаетъ лекціи, палату депутатовъ, школу глухо-нѣмыхъ, интересуется сценами въ судѣ исправительной полиціи и записываетъ свои театральныя впечатлѣнія. Но его личное знакомство ограничено: Шатобріанъ, Ламартинъ и „другія видныя лица“ не могли привлечь Жуковскаго, замѣчаетъ князь Вяземскій: его кружокъ — кружокъ Гизо и его пріятельницы, графини Разумовской, дружески связанной съ Тургеневыми; набожный филантропъ Дежерандо; Гизо — человѣкъ мысли, убѣжденія и труда, не рябившій въ глаза блесками французскаго убранства. Онъ былъ серьезенъ, степененъ, протестантъ вѣроисповѣданіемъ и всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ, человѣкъ „возвышенныхъ воззрѣній и стремленій, свѣтлой и строгой нравственности и религіозности. Среди суетливаго и лихорадочнаго Парижа онъ былъ такое лицо, на которомъ могло остановиться и успокоиться вниманіе путешественника, особенно такого, какимъ былъ Жуковскій“ [2]). Жуковскій былъ уже въ Эмсѣ, когда графиня Разумовская писала ему о христіанской кончинѣ M-me Гизо, которую Жуковскій оставилъ умирающей: она велѣла сказать Тургеневу и Жуковскому, что желала бы видѣть ихъ здѣсь, что они для нея не иностранцы, а родныя, благородныя души. И графиня Разумовская прибавляетъ отъ себя: „Вы водворились здѣсь, какъ будто составляете для нихъ

1) „Жуковскій въ Парижѣ 1827 г., май, іюнь“, сл. Полное собр. сочин. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 470 слѣд., а также парижскія письма Ал. Тургенева къ брату Николаю.

2) Князь Вяземскій, тамъ же, стр. 473.

важнѣйшее въ жизни. Vous êtes transparent, bon Joukovsky: on vous aime vite et avec sécurité [1]).

2/14 іюля Жуковскій прибылъ въ Эмсъ, гдѣ и остался до 16/28 августа, чтобы выдержать курсъ лѣченья. Около 25 августа н. ст. Ал. Тургеневъ собирался выѣхать изъ Дрездена въ Лейпцигъ — „или въ Веймаръ на встрѣчу Жуковскому и юбилею-празднику Гёте“ [2]), но поѣздка не состоялась. Поѣхалъ

---

1) Письмо 5 августа 1827 г.; сл. ея-же письмо 28 октября 1827 г.: vous êtes pour moi un objet de culte et d'admiration. См. кн. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ т. 2-й стр. 210, 214.

2) Разумѣется годовщина рожденія Гёте (28 августа). Въ 1831-мъ году А. И. Кошелевъ описалъ бывшее по этому поводу торжество. Сл. Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева II, стр. 3—4. — Тургеневъ былъ у Гёте 16 марта 1826 г. проѣздомъ въ Россію, о чемъ и записалъ въ своемъ дневникѣ: „Былъ у Гёте. На порогѣ Salve. Издаетъ полныя сочиненія; сначала о занятіяхъ своихъ по натуральной исторіи: они нашли меня, не я набрелъ на нихъ“. Въ августѣ 1827 года Тургеневъ былъ снова въ Веймарѣ, но Гёте не видѣлъ, веймарскія достопримѣчательности показывалъ ему канцлеръ фонъ-Мюллеръ, выпросившій у него для Гёте автографъ Карамзина. „Гёте, кажется, живетъ уже и теперь съ потомствомъ: о немъ говорятъ уже, какъ о воспоминаніи, съ почтеніемъ, которое питаютъ къ великому и вмѣстѣ давно минувшему. Показываютъ его жилище какъ святыню“ (Ал. Тургеневъ брату Николаю 7 августа 1827 г.). Въ дневникѣ Гёте отмѣчено подъ 6 августа: russischer Staatsrath Tourgenjeff; 8 августа, когда онъ уже уѣхалъ, Мюллеръ разсказывалъ о немъ Гёте (Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Müller, hrsg. von Burckhardt, подъ 8 августа 1827 г.). Гёте „истинный представитель не одной только поэзіи нѣмецкой, но всей германской цивилизаціи, писалъ Тургеневъ въ генварѣ 1827 года. Онъ живое выраженіе всей ихъ интелектуальной національности, болѣе чѣмъ Шекспиръ англійской, а Вольтеръ французской, ибо онъ выражаетъ нѣмцевъ и въ поэзіи, и въ учености, и въ чувствѣ, и въ философіи, дѣйствуетъ на нихъ, а черезъ нихъ и на всю европейскую литературу, служитъ вмѣстѣ и вѣрнымъ, всеобъемлющимъ зеркаломъ Германизма, коего онъ самъ есть созданіе, между тѣмъ какъ Шекспиръ создалъ вкусъ и народность англичанъ въ поэзіи, а Вольтеръ образовалъ вѣкъ свой и французовъ, а не ими образованъ“ (Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XIII, № 4, стр. 341 слѣд.: Письма изъ Дрездена 3—9/15—21 января. Подпись Э. А.=Эолова Арфа). — О другомъ посѣщеніи Гёте писалъ Тургеневъ Жуковскому 3 сентября 1829 г.: „Въ Веймарѣ въ первый разъ въ жизни насладился бесѣдою съ Гёте за бутылкой вина и осыпаемый острымъ огнемъ Гёте-сатирика надъ философами берлинскими“ (Русская Старина 1903 г., августъ, стр. 410—1). Сл. письмо Жуковскаго къ проф. Моргенштерну 18 сентября 1829 года: „J'ai reçu une lettre de Tourguéneff qui me

Жуковскій, еще весь обвѣянный душевной атмосферой дрезденскаго салона и религіозно-элегическими воспоминаніями Парижа. Съ нимъ ѣхалъ его будущій тесть Рейтернъ, когда-то русскій гусаръ, извѣстный живописецъ, котораго въ 1816 году онъ видѣлъ мелькомъ въ Дерптѣ, гдѣ любовался его рисунками у профессора Зенфа и графини Юліи Мантейфель, но съ которымъ сошелся по душѣ лишь въ Эмсѣ 1826 года [1]). Рейтернъ зналъ Гёте съ 1814 года, постоянно встрѣчалъ въ немъ любовное, отеческое отношеніе къ его работамъ и замысламъ, и эти отношенія поддерживались перепиской и посылкой рисунковъ. О своемъ 4-дневномъ пребываніи въ Веймарѣ въ 1827 г. Рейтернъ писалъ женѣ, а Жуковскій вносилъ въ дневникъ слѣдующія подробности: 31 августа н. ст. они посѣтили во Франкфуртѣ домъ Гёте: „гербъ, три лиры, дворъ, колодезь, мансарды, Гретхенъ"; подъ 1-мъ сентября отмѣчено чтеніе Елены [2]), 3-го путешественники прибыли въ Веймаръ, — и Жуковскій очутился въ Гётевской атмосферѣ. — 4-го сентября: „къ Гёте. Крыльце съ поворотомъ. Собака. Въ прихожей: Юпитеръ du Capitole, Pallas de Velletri. Въ гостиной Aldobrandini [3]), рисунки. Столъ съ портфелями. Голова Юноны колоссальная [4]). Баронъ Швейцеръ [5]), внукъ Вольфгангъ" [6]). 5-го сентября: „поутру у графини Эглофштейнъ [7])…. Внукъ Гётевъ у Рейтерна Вальтеръ. Къ Гёте: разговоръ о Рейтерновыхъ рисункахъ [8]),

---

parle aussi de Goethe avec lequel il a passé une heure délicieuse" (Русская Старина 1890 г., ноябрь, стр. 479—80; сообщ. Кордтомъ; сл. Е. В. Пѣтуховъ, Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ, 1903 г., стр. 92—3).

1) Сл. письмо Жуковскаго къ роднымъ 10/22 августа 1840 г. (Русская Бесѣда 1859 г., кн. III, Изящная Словесность, стр. 18 слѣд.); Gerhard von Reutern. Ein Lebensbild S.-Pb. 1894 г., стр. 48 слѣд.; сл. стр. 43, 137; дневникъ Жуковскаго 17 августа 1827 г. и слѣд.

2) Helene, klassisch-romantische Phantasmagorie. Zwischenspiel zu Faust.

3) Копія античной картины (Nozze Aldobrandini), сдѣланная въ 1797 г. Мейеромъ.

4) Слѣпокъ Юноны Ludovisi, подаренный Гёте Шульцомъ.

5) Саксенъ-веймарскій министръ.

6) Внукъ Гёте.

7) Графиня Генріетта Эглофштейнъ и ея дочь Юлія—хорошія знакомыя Гёте.

8) Гёте высоко цѣнилъ ихъ. Сл. Tagebücher, 11-er Band (Weimar 1900 г.), стр. 106; Eckermann l. c. подъ 12 февраля 1829 г. и 1 апрѣля 1831 г.; Gerhard v. Reutern, l. c. стр. 51—2.

Въ музеумъ. Обѣдалъ въ трактирѣ. Миллеръ [1]). Швейцеръ. Послѣ обѣда опять къ Гете [2]). Отъ него къ Юліи Эглофштейнъ" 6-го сентября: „Къ Миллеру. Бумаги Гердера, Шиллера, Гёте и Якоби [3]). Lettres autographes.... къ Гёте. Разговоръ о Еленѣ, о Бейронѣ. Гёте ставитъ его подлѣ Гомера и Шекспира [4]) Die Sonne, die Sterne bleiben doch echt; es sind keine Copien. Прогулка по саду Гёте; домъ, гдѣ онъ писалъ и сочинялъ Ифигенію. Домикъ герцога. Мѣсто, гдѣ сиживалъ онъ, Шиллеръ, Виландъ, Якоби, Гердеръ. Рѣчка Ильмъ. Къ Гёте. Усталость и дѣятельность. Мы пробыли недолго. Эффектъ головы Юнониной" [5])—7 сентября: „Чтеніе Гёте. Отъѣздъ. Въ полночь въ Лейпцигъ".

„Въ полночь пріѣхалъ Жуковскій, писалъ изъ Лейпцига Ал. Тургеневъ брату Николаю (8 сентября 1827 г.). Мы свидѣлись въ 6 часовъ, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажился три дня въ Веймарѣ въ бесѣдѣ съ Гёте, отъ котораго и я получилъ милое слово черезъ канцлера Миллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковскій жалѣетъ, что меня не было съ нимъ у Гёте. Онъ былъ необыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ. Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ, ибо онъ говоритъ, что Гёте и Шиллеръ образовали его, а съ нами вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная

---

1) Веймарскій канцлеръ Фридрихъ фонъ Мюллеръ. О его Goethes Unterhaltungen сл. выше, стр. 345, прим. 2.

2) Вотъ что записалъ канцлеръ фонъ Мюллеръ подъ 5-мъ сентября: посѣщеніе Жуковскаго и Рейтерна привело Гёте въ такое расположеніе духа, что онъ былъ любезенъ и сообщителенъ, какъ никогда еще, много говорилъ объ искусствѣ и былъ доволенъ, когда Мюллеръ убѣдилъ гостей подольше остаться въ Веймарѣ. Я такъ распорядился своимъ временемъ, что для друзей его у меня хватитъ, сказалъ Гёте.

3) Johann Georg Jacobi.

4) Eckermann l. c. подъ 26 марта 1826 г.; сл. отзывъ подъ 8 ноября того же года: ihm (т. е. Байрону) ist nichts im Wege als das Hypochondrische und Negative, und er wäre so gross wie Shakspeare und die Alten; 5 іюля 1827 г.: Byron ist nicht antik und ist nicht romantisch, sondern er ist wie der gegenwärtige Tag selbst.

5) 6-го сентября они нашли Гёте не совсѣмъ здоровымъ и нѣсколько усталымъ. Разговоръ шелъ о людяхъ, воображающихъ себя знатоками, всегда готовыхъ признать въ оригиналѣ копію. Пусть ихъ себѣ; „Sonne, Mond und Sterne müssen sie uns doch lassen und können sie nicht zu Kopien machen". Friedr. von Müller, l. c.

съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его.... и что здѣсь началось европейское его образованіе; и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многаго бы лишился, что пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ. Но Гёте — незамѣнимъ.... Вотъ стихи Жуковскаго, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гёте". Выписано извѣстное стихотвореніе:

Творецъ великихъ вдохновеній!
Я сохраню въ душѣ моей
Очарованіе мгновеній,
Столь счастливыхъ въ близи твоей [1]).

Въ полуночной странѣ Гёте былъ ему „животворителемъ жизни", говоритъ Жуковскій и сѣтуетъ:

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ.

„Иной чудесно-пышный свѣтъ" создался бы вокругъ него, и самъ онъ прослылъ бы „поэтомъ".

По мнѣнію фонъ Мюллера, отнесшагося къ Жуковскому съ большой симпатіей [2]), Гёте принялъ слишкомъ равнодушно

---

1) Это стихотвореніе напечатано впервые въ 1872 г. въ Письмахъ Ал. Тургенева къ брату Николаю. Интересно сличить первые стихи съ эпилогомъ Ганса Кюхельгартена (написаннаго, какъ полагаютъ въ 1827 г., но вышедшаго въ 1829 г.):

Страна высокихъ помышленій....
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій *Гётте* бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

2) Въ альбомъ Жуковскаго онъ вписалъ слѣдующіе стихи, навѣянные гётевскимъ Тассо I, 1, въ концѣ 6-ой реплики Леоноры (Die Stätte, die ein guter Mensch betrat):

Wohl ist sie heilig, wie der Dichter lehret,
Die Stätte, die ein edler Mensch betrat!
Im unsichtbaren Geisterringe kehret
Sein Segen wieder, fruchtet früh und spat,
Weckt in der Enkel blühenden Geschlechten
Den zarten Sinn des Schönen und des Rechten.

превосходное прощальное стихотвореніе Жуковскаго (herrliches Abschiedsgedicht) [1]), хотя нашелъ въ немъ нѣчто восточное, глубокое, гіератическое (Priesterliches). Говоря о стихахъ баварскаго короля (Nachruf an Weimar), онъ осуждалъ ихъ крайнюю субъективность: не слѣдуетъ поэту такъ трагично изображать прошедшее вмѣсто того, чтобы признать настоящее и наслаждаться имъ, убивать прошедшее ради возможности — воспѣть его; надо представлять его, какъ оно изображается въ Римскихъ элегіяхъ. „Потому то, что люди не умѣютъ оживить, оцѣнить настоящаго, они и вождѣлѣютъ будущаго и кокетничаютъ съ прошлымъ. И Жуковскому надлежало бы болѣе обратиться *къ объекту*" (mehr aufs Objekt).

Таковъ отзывъ Гёте, записанный Мюллеромъ въ день отъѣзда Жуковскаго (7 сентября). Въ одинъ изъ своихъ альбомовъ съ автографами (на футлярѣ: Berlin den 3 april 1821) Жуковскій помѣстилъ гравюру съ портретной медали Гёте и нѣсколько листковъ, сорванныхъ въ его саду, съ припиской: 6 сентября 1827 г. Тутъ же вклеена страничка съ стихами Гёте, очевидно вырѣзанная изъ какого нибудь альбома. Стихи эти, напечатанные уже въ изданіи стихотвореній Гёте 1815—19 г., внесены имъ 28 декабря 1813 г. въ альбомъ Генріетты Лёръ [2]); въ листкѣ, попавшемъ къ Жуковскому, они подписаны: „Weimar 18 märz 1825. W. Goethe". Стихотвореніе, озаглавленное въ печати „Eigenthum", — манифестъ великаго объективиста, умѣвшаго, какъ никто, пользоваться прекраснымъ настоящимъ. Можетъ быть, листокъ — подарокъ фонъ Мюллера; точно иллюстрація къ отзыву Гёте о Жуковскомъ, такъ внятно она подчеркиваетъ требованіе: mehr auf's Objekt:

Ich weiss, das mir nichts angehört,
Als der Gedanke, der ungestört
Aus meiner Seele will fliessen,
Und jeder günstige Augenblick,

Wenige aber unvergessliche Stunden heiter-innigsten Zusammenseins werden Erinnerung und frommen Wunsch immerdar in meiner Seele erneuern. Friedrich von Müller, Weimar am 6 Sept. 1827.

1) Стихотвореніе написано было рано утромъ въ день отъѣзда Жуковскаго и вручено Мюллеру для передачи Гёте.

2) Сл. Goethes Gedichte, веймарское изданіе, I, стр. 395, прим. къ стр. 103.

Den mich ein liebendes Geschick
Von Grund aus lässt geniessen.

Жуковскій и Рейтернъ подарили Гёте прекрасные рисунки [1]), Жуковскій — картину Каруса, имѣвшую аллегорическое отношеніе къ смерти Байрона: романтическій ландшафтъ, на балконѣ арфа, освѣщенная лучами мѣсяца, за нею пустое кресло, на которое наброшенъ богатыми складками плащъ. Надпись: Offrande à celui dont la harpe a créé un monde de prodiges, qui a soulevé le voile mystérieux de la création, qui donne la vie au passé et prophétise l'avenir. Эту картину видѣли въ гостинной Гёте еще въ 1829 году [2]). Къ тому же свиданію относится, вѣроятно, и подарокъ Гёте Жуковскому: каллиграфически переписанная такъ называемая маріенбадская элегія (Was soll ich nun vom Wiedersehen hoffen), внушенная 74-лѣтнему старику страстнымъ увлеченіемъ красавицей von Lewezow. На спискѣ элегіи собственноручно написанъ авторомъ эпиграфъ (помѣщаемый и въ заголовкѣ элегіи):

Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott zu sagen, was ich leide [3]).

„Елена", конченная около 29 генваря 1826 года, была еще новинкой, когда Жуковскій читалъ ее, подъѣзжая къ Веймару. Понятно, что въ бесѣдахъ съ Гёте зашла рѣчь и объ этой символической фантасмагоріи („Разговоръ о Еленѣ", записалъ Жуковскій) и Гёте ее комментировалъ; въ дневникѣ Гёте (Tagebücher) подъ 6-мъ сентября читаемъ: Herr von Reutern und Joukoffsky, commentierendes Gespräch über Helena. Въ томъ же году въ XXI-мъ № Московскаго Вѣстника, органа московскихъ шеллингистовъ, Шевыревъ помѣстилъ стихотворный переводъ:

---

1) Сл. Goethe's Tagebücher подъ 5 и 6 сентября Сл. дневникъ Жуковскаго 17/29 августа 1833 г.: „рисунки Гёте Рейтерну".

2) Сл. письмо Шевырева къ А. П. Елагиной: Гёте „показалъ намъ подарокъ Жуковскаго, картину, изображающую арфу у стула, на которомъ кто-то сидѣлъ и исчезъ, оставивъ плащъ свой. Луна ударяетъ на струны. Эта мысль взята изъ его Елены". Русскій Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 139.

3) См. П. А. Висковатовъ, „Война мышей и лягушекъ", въ годовомъ отчетѣ гимназіи и реальнаго училища Видемана за 1900—1 г., стр. 8, прим. 1 и указанную тамъ литературу.

„Отрывокъ изъ междудѣйствія къ Фаусту: Елена, сочиненіе Гёте“ (стр. 3 слѣд.) и объяснительную статью (стр. 79 слѣд.), въ которой Эвфоріонъ оказывается рожденнымъ „отъ сочетанія преображенной красоты (Елена) съ великодушнымъ рыцарствомъ“ (Фаустъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ „живой музыкальной поэзіи христіанскаго вѣка“, которая исчезаетъ, какъ Эвфоріонъ, потому что исчезли на землѣ и духовная красота и великодушное мужество. Борхардъ перевелъ эту статью и послалъ ее Гёте вмѣстѣ со своей замѣткой: Goethes Würdigung in Russland zur Würdigung von Russland [1]). Гёте выразилъ свое удивленіе, что на отдаленномъ востокѣ къ нему питаютъ „чувства столь же нѣжныя, сколько глубокія“. Далѣе онъ снисходитъ — снисхожденіе великана: разрѣшеніе Шевыревымъ проблемъ, узла проблемъ, поставленныхъ въ Еленѣ, показалось ему столь же проницательнымъ, сколько простодушнымъ (so entschieden einsichtig, als herzlich fromm [2]). Къ сочувствію изъ Россіи онъ привыкъ — и поминаетъ о своихъ пріятнѣйшихъ отношеніяхъ къ Жуковскому (ein höchst erquickliches Verhältniss zu Herrn Schoukowsky).—Когда въ 1831 году А. И. Кошелевъ былъ у Гёте, они „разговаривали о нѣмецкой литературѣ: Гёте очень любитъ нашего Жуковскаго, съ удовольствіемъ говоритъ о часахъ, которые съ нимъ провелъ,.... и вообще много ожидаетъ отъ русскихъ“ [3]).

---

1) См. Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. 9, № XI стр. 326 слѣд.

2) Сл. Kunst und Alterthum VI. 2. Одобреніе Гёте было нѣсколько условно: по поводу разбора Шевыревымъ второй части Фауста онъ писалъ въ Kunst und Alterthum: „Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ понять его, русскій себѣ присвоить. Такимъ образомъ гг. Карлейль, Амперъ и Шевыревъ вполнѣ представили, не сговариваясь, всѣ категоріи возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы“. Сл. Погодинъ, Воспоминаніе о Шевыревѣ, стр. 15, и письмо Пушкина къ Погодину 1 іюля 1828 г.: Московскій Вѣстникъ — „первый, единственный журналъ на святой Руси“, долженъ „оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣса въ мнѣніи общемъ“.

3) Н. Колюпановъ l. c. стр. 7. П. Бартеневъ разсказываетъ, со словъ Кошелева, что когда онъ явился къ Гёте съ рекомендаціей вел. кн. Маріи Павловны, тотъ принялъ его съ чиновничьей важностью и говорилъ только о русскомъ дворѣ. Чтобы какъ-нибудь перевести бесѣду на другой предметъ, Кошелевъ сказалъ, что привезъ ему поклонъ отъ Жуков-

22 марта 1832 года скончался Гёте, и Жуковскій снова паломничаетъ въ Веймаръ, собирая впечатлѣнія по слѣдамъ Гёте и Шиллера, которыя и вноситъ въ свой дневникъ. Въ Готѣ онъ видѣлъ „Гётевы рисунки" (1833 г. 11/23 августа). Въ Веймарѣ 12/24 августа: „Анекдоты о Гёте. Nie in einem schlechten Theater sich zu langweilen, nie ein Kompliment zu sagen, ohne es aufrichtig gedacht zu haben. — Von solchen Dingen spreche ich nur zu Gott"; подъ 13/25 августа: „Бюстъ Гёте Давида (David d'Angers).... О привязанности Гёте къ Шиллеру. Виландово письмо о Гёте къ Якоби. Письма отца и матери.... Въ домѣ Гёте. Комната медалей: медали среднихъ вѣковъ; бронзы; слѣпокъ съ Шиллерова черепа"; (слѣдуютъ нѣсколько анекдотическихъ замѣтокъ о Шиллерѣ); 14/26 августа: „По утру у канцлера Миллера. О Гётевомъ Фаустѣ".

Дневникъ 1832 года полонъ указаній на интересъ къ Гёте и бесѣдъ о немъ: читано Ueber Italien, Fragment eines Reisejournals съ замѣткой: „ясность и живость. Нѣтъ ничего лишняго. Обо всемъ собственная мысль. Eigenthümlichkeit, Fasslichkeit und Bild — характеръ Гётева слога. Краткость и легкій порядокъ въ изложеніи; скрытая, но ощутительная мысль"; въ другомъ мѣстѣ указаны чтенія: Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Styl; Joseph Bossi, Leonard da Vinci, Abendmahl zu Mailand [1]), Hermann und Dorothea, Ueber die Malerei (вызвавшее большую замѣтку въ дневникѣ); по поводу записокъ Гёте: „vornehmer Styl".

Въ 1836 году А. Тургеневъ, осматривая домъ Гёте, „его сокровища" и кабинетъ, видѣлъ въ его альбомѣ надпись Жуковскаго 25 августа (ст. ст.) 1833 г.; воспоминанія о Гёте вызвали у него мысли о Жуковскомъ — поэтѣ. Вмѣстѣ съ канцлеромъ Мюллеромъ онъ посѣтилъ Тифуртскій сельскій домикъ, „гдѣ въ продолженіи болѣе сорока лѣтъ разцвѣталъ цвѣтъ

скаго. „А, Жуковскій! Онъ далеко пойдетъ! Онъ, кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ?" Кошелевъ ушелъ раздосадованный. На другой день онъ былъ на званомъ вечеру у Гёте, гдѣ „великій человѣкъ былъ уже совсѣмъ иной. Общество состояло изъ писателей и художниковъ и разговоръ тому соотвѣтственный". Русскій Архивъ 1884 г. № 1, стр. 248.

1) Въ толкованіи „Тайной Вечери" Леонардо да Винчи Гёте раздѣлялъ взгляды Босси. См. объ этомъ Strzygowski въ XVII томѣ Goethe-Jahrbuch (1896 г., стр. 138 слѣд.) и Euphorion IX B., стр. 316 слѣд.

германской словесности, гдѣ Виландъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ собирались мыслить въ слухъ при дворѣ въ услышаніе всей Европы и потомства“ и „паганизмъ Виланда не чуждался ни библейской поэзіи Гердера и идей его о судьбѣ человѣчества, ни Шиллеровой религіи сердца христіанскаго, ни *хладныхъ сомнѣній всеобъемлющаго, но не все постигающаго Гёте-Мефистофеля*“. Въ Тифуртѣ приготовлялось будущее Германіи, созидались новые элементы для европейской литературы, для Байрона и Вордсворта, для Гизо и Форіэля, для „души Сталь“, „*наконецъ, для нашего Жуковскаго, котораго, кажется, Шиллеръ и Гёте, Грей и Вордсвортъ, Гердеръ и Виландъ ожидали, дабы воскликнуть въ пророческомъ и братскомъ сочувствіи: „Мы всѣ въ одну сольемся душу“—и слились въ душу Жуковскаго*.... Этому не земному и этому лучшему своего времени, „dem besten seiner Zeit“, этой душѣ ввѣрили, отдали они свое лучшее и будущее милліоновъ! Геній Россіи храни для ней благодать сію. Да принесетъ она плодъ свой во время свое“.—Въ домѣ Гёте, гдѣ ожидалъ ихъ Крейтеръ, Тургеневу позволили взять „три лоскутка съ помарками и съ исправленіями рукою“ поэта, въ одномъ портфелѣ онъ видѣлъ „собственноручныя рисунки Гёте карандашемъ (другое сходство съ нашимъ Жуковскимъ).... Тутъ и дерево, нарисованное для Гёте нашимъ воиномъ-живописцемъ Рейтерномъ: онъ часто любовался имъ“ [1]).

„Мысли о Гёте и Шиллерѣ даютъ особенную прелесть этимъ мѣстамъ“, записываетъ Жуковскій въ дневникѣ 25 августа/6 сентября 1838 г., снова очутившись среди веймарскаго прошлаго и своихъ воспоминаній, которыя пытается обновить: „первое посѣщеніе Гётева дома“ (27 августа); „въ домѣ Гёте;.... разговоръ съ Экерманомъ и Крейтеромъ [2]). Описаніе смерти Гёте.... Пирамида изъ папки: Sinnlichkeit — зеленый цвѣтъ, Verstand—голубой, Vernunft—желтый, Fantasie—красный“ (28 августа); 29-го августа осмотръ дворца: комнаты Виланда и Шиллера; 1-го сентября: „по утру съ великимъ кня-

1) См. Отрывки изъ записной книжки путешественника въ Современникѣ 1837 г. т. V, стр. 294 слѣд.; письмо Ал. Тургенева къ кн. Вяземскому 3 и 21 іюля 1836 года изъ Москвы. О письмѣ Вальтера Скотта къ Гёте, списанномъ Тургеневымъ, см. Eckermann l. c. подъ 25 іюля 1827 г.

2) Friedrich Theodor Kräuter, секретарь библіотеки, приведшій въ порядокъ Гётевскій архивъ.

земъ въ домѣ Гёте"; 2-го: „посѣщеніе Гётевой гробницы"; 3-го: „рисовалъ въ кабинетѣ Гёте". На пути изъ Веймара осмотръ Schillerhöhe, деревни, гдѣ Шиллеръ жилъ въ 1788-мъ году и писалъ свои первыя стихотворенія. — „9 мая Шиллеровъ памятникъ открывается въ Штутгардѣ, записалъ Жуковскій 11/22 апрѣля 1839 года (въ Гаагѣ) — мнѣ бы явиться туда съ стихами! Увидимъ!" [1]).

Это дневникъ энтузіаста, не молчаливаго, но „творецъ великихъ вдохновеній" въ немъ не сквозитъ. Мы знаемъ, что дневникъ Жуковскаго былъ для него матеріаломъ для писемъ къ друзьямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, для описаній и „размышленій", попадавшихъ въ печать. О Гёте онъ нигдѣ не отозвался. „Жуковскій въ кабинетѣ Гёте еще для меня любопытнѣе, чѣмъ у рейнскаго водопада или на высотахъ Сенъ-Готарда", замѣтилъ кн. Вяземскій; пріятно смотрѣть его глазами на природу, „но еще пріятнѣе и полезнѣе сводить черезъ него знакомство съ знаменитыми современниками" [2]). — Что такое воспоминанія о Гёте, о которыхъ говоритъ Жуковскій въ дневникѣ 1832 года подъ 28 іюня/10 іюля изъ Ганновера: „утро дома. Чтеніе воспоминаній о Гёте"?

Въ салонѣ А. Ѳ. Россетъ (съ 1832 года замужемъ за Смирновымъ), куда Жуковскій и Пушкинъ ввели Гоголя, и въ домѣ Карамзиныхъ Жуковскій встрѣчался со своими старыми друзьями, кн. Вяземскимъ, Ал. Тургеневымъ, Блудовымъ, Полетикой и другими. Толковали о литературѣ, о политикѣ; баронесса Клебекъ пѣла романсъ Вейрауха (Land meiner seligsten Gefühle), напоминавшій Жуковскому „его идеальную кузину Марію Мойеръ" [3]); Тургеневъ знакомилъ съ новостями французскаго романтизма, Жуковскій являлся представителемъ нѣмецкой литературы, говорилъ о Vehmgericht'ѣ, разсказывалъ скандинавскія легенды [4]). Россетъ-Смирнова ловитъ разговоры и записываетъ на лету имена и анекдоты. „Вчера вечеромъ у Карамзиныхъ Орестъ и Пиладъ (Жуковскій и Пушкинъ) болтали въ углу, а я училась у нихъ, записывая то, что они говорили. Они говорили о Лессингѣ, о Гёте, Шиллерѣ,

1) Сл. еще въ дневникѣ посѣщеніе Гётева дома 27 марта 1840 г.
2) См. Полное собр. сочиненій кн. Вяземскаго I, стр. 269.
3) Записки А. Ѳ. Смирновой I, 69.
4) Тамъ-же стр. 51, 53.

Клейстѣ“ [1]). — Главное мѣсто отведено Гёте и Шиллеру; можетъ быть, отзывы Жуковскаго восполнятъ то, чего напрасно ждалъ отъ него кн. Вяземскій.

„Жуковскій, вѣрный своему Гёте, продекламировалъ Коринѳскую невѣсту“, отмѣчаетъ Смирнова [2]); по словамъ Жуковскаго Гёте „ни эгоистъ, ни равнодушный, а просто не любитъ сентиментальностей. Онъ уважалъ Карамзина и серьезно интересовался нашими писателями“ [3]), „обѣщаетъ русской литературѣ великую будущность. Жуковскій видѣлъ у него Шлегелей и говорилъ о нашей славянской поэзіи, о нашихъ пѣсняхъ.... Гёте относится иронически къ нѣмецкимъ философамъ и.... наименѣе нѣмецъ изъ всѣхъ нѣмцевъ; онъ больше думаетъ, чѣмъ мечтаетъ (schwärmt)“ [4]). Его голова „была всегда спокойна, это видно по его лицу“ [5]). „Говорятъ, что Шарлотта любила Гёте, сказалъ Жуковскій, но не хотѣла отказывать Кестнеру, такъ какъ она его знала раньше Гёте, который былъ очень друженъ съ нимъ. Но Шлегель мнѣ говорилъ, что Гёте никогда не женился бы на ней: у него тогда еще не было ни малѣйшихъ матримоніальныхъ наклонностей“. Онъ искренно любилъ свою сестру и говорилъ Жуковскому, „что смерть сестры была однимъ изъ величайшихъ несчастій его жизни. Но у него была натура не экспансивная, онъ не часто говорилъ о томъ, что чувствовалъ“ [6]). „Я говорилъ съ Гёте объ Италіи; онъ сказалъ мнѣ, что итальянцы родились классиками; они навсегда останутся греками, латинянами, этрусками, троянцами, даже сарацинами; они въ такой степени являются продуктомъ безчисленныхъ колонизацій и самыхъ разнообразныхъ цивилизацій, что со времени провансальскихъ и романскихъ поэтовъ уже не поддаются никакому литературному вліянію. Но и эти поэты, въ сущности, порожденіе того же античнаго прошлаго.

---

1) Тамъ-же стр. 154.

2) Тамъ-же стр. 41—2.

3) Тамъ-же стр. 54.

4) Тамъ-же стр. 56.

5) Тамъ-же стр. 88. Въ Берлинѣ у Гуфеланда Жуковскій любовался бюстомъ сорокалѣтняго Гёте: „удивительно прекрасный профиль“; „его кто-то прекрасно теперь назвалъ Олимпійскимъ Юпитеромъ безъ бороды“ (дневникъ 3 ноября 1820 г.). Сл. еще Записки Смирновой т. I, стр. 85 (отзывъ императора Николая).

6) Тамъ-же, стр. 87.

Итальянецъ родился художникомъ; это въ его крови, въ его вкусахъ; итальянскій языкъ такой же чудесный, какъ и греческій, и дѣлается красивѣе латинскаго съ тѣхъ поръ, какъ они становятся въ поэзіи опять греко-латинянами" [1]).

Въ сравненіи съ Гёте Шиллеръ, хотя онъ часто „и является грекомъ, но все-таки онъ архинѣмецкій поэтъ; было время, когда онъ былъ болѣе грекъ, чѣмъ Гёте: въ юные годы Гёте не былъ такимъ ярымъ грекомъ" [2]). Талантъ его „необъятенъ: онъ чувствуетъ, онъ вдумывается, подчасъ онъ бываетъ геніаленъ [3]). Въ своемъ „Колоколѣ" онъ достигъ наибольшей высоты именно простотой этого произведенія, описывающаго человѣческую жизнь и дѣятельность рабочихъ и художниковъ; поэма эта одинаково нравится и ученымъ и простымъ людямъ. Но все-таки онъ не Гёте и не Байронъ" [4]). Сравнивая драмы Шиллера и Гёте со стороны ихъ сценичности, Жуковскій отдаетъ предпочтеніе первому [5]). „Разбойники" и „Коварство и любовь" тенденціозны [6]), какъ и „Эгмонтъ" и „Донъ-Карлосъ"; послѣднее сказано по поводу драмы французскихъ романтиковъ, которые, воображая, что слѣдуютъ примѣру Шекспира, прямо становятся на сторону того или другого историческаго лица. По мнѣнію Жуковскаго, Корнель и Расинъ были въ этомъ отношеніи „безпристрастнѣе романтиковъ"; „для изображенія историческихъ лицъ обыкновенно пользуются готовыми ходячими легендами, не углубляясь въ изученіе архивовъ, въ которыхъ хранится такой богатый матеріалъ. Гёте и Шиллеръ написали Эгмонта и Донъ-Карлоса съ извѣстной предвзятой мыслью" [7]).

---

1) Тамъ-же, стр. 157.

2) Тамъ-же, стр. 156.

3) Дневникъ 1832 г. 9/21 августа: „Шиллеръ — идеалъ поэта".

4) Записки Смирновой I, стр. 141.

5) Сл. Дневникъ 1826 г. 30 іюня по поводу представленія Макбета въ переводѣ Шиллера: „Шекспировы и большая часть нѣмецкихъ трагедій не для представленія. Нѣтъ общаго эффекта, кромѣ нѣкоторыхъ Шиллеровыхъ, особенно Валленштейна. Выходишь безъ главнаго—чувства"; но Jungfrau von Orleans „лирическая поэма, а не драма" (дневн. 1840 г. 27 марта).—Въ 1838 году 20 мая/1 іюня Жуковскій записалъ, что провелъ вечеръ, разговаривая съ Тикомъ, Клейстомъ, Форстеромъ объ актахъ въ „Фаустѣ".

6) Записки Смирновой I, 154.

7) Тамъ-же, стр. 198.

Есть еще бѣглыя замѣтки о Вертерѣ, котораго когда-то собирались переводить Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ, и о Wahlverwandschaften, романѣ, который оказывается „гораздо безнравственнѣе, чѣмъ Вертеръ, потому что „свернулъ въ Германіи голову большему числу женщинъ, чѣмъ число самоубійствъ, вызванныхъ Вертеромъ“ [1]). Нѣсколько разъ поднимается вопросъ о Фаустѣ. „Что же ты думаешь о Фаустѣ, о Вильгельмѣ Мейстерѣ? — допрашивалъ Жуковскій Гоголя, чтеніями котораго руководилъ онъ и Пушкинъ. — Я совершенно пораженъ геніемъ Гёте, отвѣчалъ Гоголь. Шиллеръ, съ которымъ я довольно хорошо знакомъ, кажется мнѣ теперь совсѣмъ другимъ. Я началъ читать Гамбургскую Драматургію и прочелъ Натана Мудраго. Я сдѣлалъ извлеченія изъ этихъ книгъ. — Жуковскій: Можешь оставить ихъ себѣ.... Не благодари, потому что у меня ихъ нѣсколько изданій. Шиллеръ — великій поэтъ, но Гёте и великій мыслитель“ [2]). — „Фаустъ удивительно сцениченъ“, сказалъ какъ-то Жуковскій; „Фаустъ стоитъ совсѣмъ особо, замѣтилъ Пушкинъ, это послѣднее слово нѣмецкой литературы, это особый міръ, какъ Божественная Комедія, это, въ изящной формѣ, альфа и омега человѣческой мысли со временъ христіанства; это цѣлый міръ, какъ произведенія Шекспира [3]). — Совершенно справедливо, подтвердилъ Жуковскій, Фаустъ производитъ такое-же удивительное впечатлѣніе, какъ и Гамлетъ, Отелло, Макбетъ, Ричардъ III“ [4]). Когда о Фаустѣ зашла рѣчь въ другой разъ, Пушкинъ утверждалъ, что въ немъ „больше идей, мыслей, философіи, чѣмъ во всѣхъ нѣмецкихъ философахъ, не исключая Лейбница, Канта, Лессинга, Гердера и прочихъ. — Это философія жизни, des lebendigen Lebens, заключилъ Жуковскій“ [5]).

Гётевскому Фаусту посвящена статья Жуковскаго: „Двѣ сцены изъ Фауста“ 1848 года. Первая замѣтка показываетъ съ христіанско-философской точки зрѣнія, чѣмъ погрѣшилъ Фаустъ, когда въ сценѣ до появленія Маргариты принялся тол-

1) Тамъ-же, стр. 307.

2) Тамъ-же, стр. 138—9.

3) Сл. отзывъ Пушкина: Фаустъ величайшее созданіе поэтическаго духа и служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи такъ же, какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности (о Байронѣ 1827 г.).

4) Записки Смирновой I, 155.

5) Тамъ-же, стр. 186.

ковать по своему мысль Евангелиста: Въ началѣ бѣ Слово [1]). Вторая вызвана рисунками Корнеліуса и Реча къ такой сценѣ: когда Фаустъ и Мефистофель, скачутъ мимо лобнаго мѣста, гдѣ утромъ будутъ казнить Маргариту, передъ ихъ глазами дѣлается что-то странное.—Что это? Зачѣмъ собрались они у висѣлицы? спрашиваетъ Фаустъ.—Кто ихъ знаетъ, что они стряпаютъ! отвѣчаетъ Мефистофель.—Фаустъ: Взлетаютъ, слетаютъ, наклоняются, простираются.—Мефистофель: Дрянь, ночная сволочь!—Фаустъ: Какъ будто готовятъ мѣсто, какъ будто его освящаютъ.—Мефистофель: Мимо, мимо!—Художники одинаково поняли видѣніе, у обоихъ являются мертвецы въ саванахъ, скелеты съ головами и безъ головъ, бѣгаютъ, летаютъ, пляшутъ около эшафота. Зачѣмъ-же было Мефистофелю называть ихъ сволочью? спрашиваетъ Жуковскій и предлагаетъ другое толкованіе: Маргарита покаялась, добровольно предала себя Божьему суду; „она спасена!" слышится свыше голосъ въ сценѣ тюрьмы, и вотъ чистые ангелы своими руками уготовляютъ и святятъ то мѣсто, на которомъ слѣпое человѣческое правосудіе удовлетворитъ земной правдѣ, казнивъ преступное тѣло человѣка, а Божіе всевидящее правосудіе совершитъ правду небесную, принявши въ лоно милосердія покаяніе души человѣческой. Эти мысли развиваются и далѣе въ согласіи съ идеями статьи Жуковскаго „О смертной казни" (1849 г.), вызвавшей укоръ Аксакова (въ Молвѣ 1857 г. № 14): „Можно ли думать, что поэтъ нашъ, столь проникнутый вѣрою, столь благодушный — защитникъ смертной казни!.... Христіанское-ли это дѣло?" [2]).

Ни та, ни другая замѣтка Жуковскаго не выясняютъ, какъ понималъ онъ типъ Фауста; піэтистическій характеръ комментарія не указываетъ на пониманіе. Къ тому-же, чтобы такъ истолковать сцену у висѣлицы, надо было болѣе, чѣмъ исказить текстъ: Мефистофель говоритъ не о дряни, ночной сволочи, какъ переводитъ Жуковскій, а о сонмѣ вѣдьмъ, Hexenzunft, и спѣшитъ онъ не потому, что ангелы освящаютъ мѣсто казни и

1) Статья эта встрѣтила цензурныя затрудненія, тѣмъ не менѣе была напечатана въ Москвитянинѣ 1849 г., т. I, стр. 13—18.

2) „Эта превосходная статья въ соприкосновеніи съ юридическимъ законоположеніемъ, слѣдственно не можетъ пройти безъ воли источника законовъ", писалъ Плетневъ Жуковскому 1/13 октября 1851 г. Цензура ее не пропустила.

ему не по себѣ, а надо отвлечь вниманіе Фауста да и поспѣть въ тюрьму къ Маргаритѣ. Во всемъ этомъ нѣтъ и слѣда des lebendigen Lebens; Гёте нашелъ бы такое толкованіе по крайней мѣрѣ herzlich-fromm. Правда, оно относится къ послѣднимъ годамъ Жуковскаго, порѣ душевнаго его единенія со Стурдзой и Гоголемъ второй формаціи. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Смирнова со словъ Пушкина записала, что Жуковскій лучше всѣхъ въ Россіи понимаетъ Гёте [1]). При коренной разницѣ міросозерцанія, какъ то не вѣрится, чтобы душа Жуковскаго могла воспалить „свой пламень на его огнѣ"; говорилъ-же его пріятель Ал. Тургеневъ о „хладныхъ сомнѣніяхъ" Гёте-Мефистофеля.

Не безинтересно, что послѣ восторженнаго свиданія съ Гёте въ 1827 году Жуковскій перевелъ въ 1829-мъ лишь двѣ его бездѣлки (Мысли и Памятники I), а послѣ усиленнаго чтенія его произведеній въ 1832-мъ пересказалъ его старую басню „Орелъ и голубка": молодой орелъ пустился на добычу, но, раненый стрѣлкомъ, упалъ въ масляничную рощу; излѣченный живительнымъ бальзамомъ всеисцѣляющей природы, онъ хочетъ испытать крылья и безсильно опускается на землю. Уныло смотритъ онъ на вершину дуба, на солнце, на далекій небесный сводъ, и въ его глазахъ сверкаютъ слезы. А голубка, гулявшая тутъ же съ голубкомъ, утѣшаетъ его: къ чему унывать? Здѣсь все, что нужно для простого счастья: благоуханіе и сѣнь оливы и „вечеръ золотой"; ты гуляешь по цвѣтамъ, можешь пищу сбирать съ кустовъ и жажду въ струяхъ студеныхъ утолять.

О, другъ! повѣрь,
Умѣренность прямое счастье;
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны.
—О мудрость! прошепталъ орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,
Ты разсуждаешь, какъ голубка.

Умѣренность, то, что въ карамзинскую эпоху звалось „посредственностью", было для Жуковскаго идеаломъ счастья въ

1) Записки Смирновой I. с. стр. 186.

пору его юношескаго дневника (804—5 г.); объ „умѣренности желаній“ твердитъ онъ постоянно, въ разныхъ случаяхъ жизни и разныхъ житейскихъ обстановкахъ;

Орелъ летитъ отважно въ горній край,
Пчела свой медъ на скромномъ копитъ лугѣ.
(Къ Арбеневой 1812 г.).

XI.

Общественные взгляды Жуковскаго.

Съ этого-то „скромнаго луга" хотѣлъ вывести его кн. Вяземскій въ „горній край" общественныхъ вопросовъ. Мы помнимъ, какихъ яркихъ политическихъ впечатлѣній желалъ онъ ему, самъ настраиваясь кипуче: это было въ его стилѣ и характерѣ. Надежды строились на патріотическихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго, создавшихъ ему въ 1812—14 годахъ громкую славу. Извѣстно его посланіе къ вел. княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ на рожденіе вел. князя Александра Николаевича (1818 г.); получивъ его въ Парижѣ, Полетика призналъ въ немъ кисть „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ": „Карамзинъ показалъ намъ, какъ должно посвящать книги царямъ, писалъ онъ Жуковскому, отъ тебя же наши будущіе поэты научатся, какъ слѣдуетъ поздравлять ихъ въ стихахъ. Отъ васъ обоихъ познаютъ всѣ наши писатели, сколь великая есть разность между справедливою похвалою и подлою лестью" (6/18 іюля 1818 г. [1]).

Къ такого рода сюжетамъ поэтъ вернулся значительно позже, не съ прежней свѣжестью энтузіазма, но съ бо̀льшей реторикой, и не съ надеждами, а въ спокойномъ сознаніи, что онѣ „совершены": „Русская Слава" 1831 г., стихотворенія всего 1834 г., „Бородинская годовщина" 1839 г. и стихотвореніе на 1-е іюля 1848 г. состоятъ изъ торжественнаго перечня прошлыхъ судебъ Россіи, обезпечивающихъ ея настоящее.—Въ 1826 году

---

1) Русская Старина 1902 г. октябрь стр. 195 слѣд.

Пушкинъ объяснялъ по своему, почему Жуковскій такъ долго не отзывался на событія дня [1]), въ 1831 г. кн. Вяземскій называлъ его „Старую пѣсню на новый ладъ“, — „шинельными стихами“; „разумѣется, Жуковскій не переломилъ себя, не кривилъ совѣстью, говоритъ онъ въ непосланномъ Пушкину письмѣ, слѣдовательно мы съ нимъ не сочувственники, не единомышленники. Впрочемъ, Жуковскій слишкомъ подъ игомъ обстоятельствъ, слишкомъ подъ вліяніемъ лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистотѣ и дѣвственности ихъ“ [2]). Въ 1821 году кн. Вяземскій еще мечталъ, что, Жуковскій станетъ „гражданскимъ пѣснопѣвцемъ“, какъ въ событіяхъ 1812 г., [3]) и обращалъ его къ злобѣ дня, къ вопросамъ, волновавшимъ современную политическую жизнь. Иначе не понять отвѣта Ал. Тургенева: „не надобно на Жуковскаго смотрѣть изъ одной только точки зрѣнія, съ которой ты на него смотришь—*гражданскаго пѣснопѣвца*. У него все *для души* [4]): душа его въ талантѣ и талантъ въ душѣ. Лишь бы она только не выдохнулась! Но ее бережетъ дружба, самая нѣжная и для тебя невидимая. Я ее узналъ, и всѣ мои надежды на Жуковскаго оживаютъ. Въ немъ еще будетъ прокъ. Онъ не пропадетъ ни для друзей, ни для Россіи“ [5]).

Но князь Вяземскій возвращается къ аттакѣ: „у Жуковскаго все душа и все для души. Но душа, свидѣтельница настоящихъ событій, видя эшафоты, которые громоздятъ для убіенія народовъ, для зарѣзанія свободы, не должна и не можетъ теряться въ идеальности Аркадіи. Шиллеръ гремѣлъ въ пользу притѣсненныхъ; Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобы грянуть негодованіемъ въ притѣснителей, и краски его романтизма сливаются часто съ красками политическими. Дѣлать теперь нечего. Поэту должно искать

1) Къ Жуковскому 1826 г. генварь.

2) Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго т. IX, стр. 155 слѣд. Этотъ отзывъ касается и Пушкина („На взятіе Варшавы“, „Клеветникамъ Россіи“), патріотическія стихотворенія котораго вызвали отрицательную оцѣнку Мельгунова и сочувствіе — Чаадаева. Сл. Кирпичниковъ, Очерки по исторіи новой русск. литературы т. II, 2 изд., стр. 167—8.

3) Къ Ал. Тургеневу 1821 г., начала февраля.

4) Намекъ на запись Жуковскаго въ альбомъ Е. Н. Карамзиной, сл. выше стр. 48.

5) Тургеневъ кн. Вяземскому 1821 г. 16 февраля.

иногда вдохновенія въ газетахъ. Прежде поэты терялись въ метафизикѣ, теперь чудесное, сей великій помощникъ поэзіи, на землѣ“ [1]). „Я готовъ назвать поэзіею политическою всякую народную или гражданскую поэзію, объемлющую возвышенныя, общественныя истины, писалъ кн. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ парижскихъ писемъ. (1826—7 г.). И почему поэту не быть, наравнѣ съ ораторомъ, стражемъ народныхъ выгодъ и блага общественнаго?“ [2]).

Все это были проэкты въ родѣ тѣхъ, которые пріятели считали достойными дарованій Жуковскаго, забывая о его темпераментѣ. У него все дѣло въ душѣ, въ человѣчности; въ этомъ смыслѣ Жуковскій гуманистъ сентиментальной эпохи, глубоко проникнутый ея настроеніемъ, воспитывавшій въ себѣ добро, сѣявшій его всюду, гдѣ только страдали и куда доходило вліяніе поэта [3]). Онъ былъ человѣкъ сердца, ставшаго принципомъ; это всѣхъ къ нему привлекало. Молодой цесаревичъ называлъ его въ письмѣ къ Мердеру (1833 г.) „добрымъ“, „безцѣннымъ“; въ письмахъ И. И. Дмитріева онъ „милый“, „добродушный“, „добрый поэтъ“; „bell'alma generosa“, воплощеніе „безконечной доброты“, душа у него „хрустальная“, говоритъ о немъ Смирнова; таковъ и отзывъ Пушкина: Жуковскій почти слишкомъ добръ, „у него небесная душа“ [4]); „душа твоя свѣтла, какъ зеркало, съ котораго и послѣднее дуновеніе мгновенно исчезаетъ“ (Ал. Мих. Тургеневъ въ 1837 г.). „Уѣхалъ почтенный нашъ Василій Андреевичъ, писала А. И. Кологривова Плетневу (6 мая 1838 г.)... Его отъѣздъ для многихъ важная сердечная утрата.... Но всегда милый, всегда добрый, всегда и во всемъ неземной, онъ и въ минуту отъѣзда не забылъ о тѣхъ, которымъ съ такимъ радушіемъ обѣщалъ свое покровительство“ [5]). „Сколько

---

1) Кн. Вяземскій Тургеневу 1821 г. 25 февраля. Сл. выше, стр. 309, письмо кн. Вяземскаго къ Жуковскому 15/27 марта того-же года.

2) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго т. I, стр. 224.

3) См. Н. Дубровинъ, Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ. Русская Старина 1902 г. Апрѣль, стр. 45 слѣд. Тамъ же стр. 121 и слѣд.: Письма и записки В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой. О Жуковскомъ, какъ филантропѣ, сл. Сумцова, В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь (Харьковъ 1902 г.); А. И. Маркевичъ, Отношенія В. А. Жуковскаго къ писателямъ и артистамъ. Одесса 1902 г.

4) Записки Смирновой I, 178, 186, 219 и слѣд.

5) К. Гротъ, Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуков-

благословеній на душу и на потомство Жуковскаго несется отовсюду", говорилъ впослѣдствіи князь Вяземскій: изъ хижинъ, изъ за̀мковъ, изъ дворцовъ и даже изъ келій [1]); „удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій, писалъ матери И. В. Кирѣевскій, хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ" [2]). Извѣстны его хлопоты о Пушкинѣ, когда онъ былъ въ бѣдѣ, о декабристахъ, о больномъ Батюшковѣ, о Николаѣ Тургеневѣ, Мещевскомъ, Боратынскомъ, Кирѣевскомъ, его участіе въ судьбѣ Шевченка, матери и брата Никитенка, семьи Воейковой и др.

Разумѣется, требованія сердца встрѣчались съ нѣкоторыми унаслѣдованными воззрѣніями, которыя уступали тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сильнѣе было благоговѣніе передъ историческимъ преданіемъ. Такъ въ вопросѣ о крѣпостничествѣ. Въ 1806 году Жуковскій говорилъ о необходимости дарованія крестьянству многихъ правъ, которыя приблизили бы его нѣсколько къ свободному состоянію [3]), въ 1808 году онъ стоитъ за дарованіе ему всепревышающаго блага—свободы, но излишество образованія кажется ему вреднымъ, потому что оно отучило бы крестьянъ „наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ" тѣмъ жребіемъ, „въ которомъ помѣщены они судьбою". „Убійственное чувство рабства" („Печальное происшествіе" 1809 г.) не было для Жуковскаго пустой фразой, но самъ онъ лишь въ 1822 году отказался отъ права рабовладѣльца, хотя дѣло это давно лежало у него „на душѣ". „Очень радъ, что мои эсклавы получили волю", писалъ онъ А. П. Елагиной, жалуясь, что не могъ спасти отъ цензуры стиховъ Шиллера:

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren
(Die drei Worte des Glaubens),

скаго. Извѣстія Отд. Русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ 1901 г., т. VI, кн. 2, стр. 24.

1) Тургеневу 2 декабря 1842 г.

2) Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевскаго I, стр. 6 (письмо датируется указаніемъ, что напечатаны уже 23 пѣсни съ половиною Одиссеи.

3) Письмо къ А. Тургеневу, половина декабря.

а безъ нихъ не пожелалъ напечатать перевода [1]). Въ 1848 году, въ письмѣ къ Наслѣднику (6 марта), онъ выражаетъ надежду, что правительство уничтожитъ „искусственныхъ пролетаріевъ“, которыхъ само произвело.

Жуковскому, казалось, не доставало мужества въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда можно было бы ожидать отъ него откровенности гражданина: онъ могъ общаться съ людьми, отъ которыхъ его друзья сторонились, пытался даже оправдывать ихъ, самъ не вѣря оправданію, могъ „споткнуться разсудкомъ ребяческимъ, но вѣрно не сердцемъ“. Друзья объясняли это не равнодушіемъ, а безхарактерностью, лѣнью ума, и не осуждали [2]), а комментировали, въ приложеніи къ Жуковскому, слова Бонапарта: Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas. Сдѣлай милость, смотри за Жуковскимъ въ оба, писалъ изъ Варшавы кн. Вяземскій Тургеневу (13 октября 1818 г.): „я помню, какъ онъ пилъ съ Чебышевымъ и клялся Катенинымъ. Съ нимъ шутить нечего. Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas: въ первую субботу напьется съ Карамзинымъ, а въ другую съ Шишковымъ“. „Жуковскій, какъ попрыгунья стрекоза, поминутно перескакиваетъ этотъ шагъ (т. е. du sublime au ridicule), то взадъ, то впередъ. Но добрый геній придерживаетъ его на нашей сторонѣ и, наконецъ, вѣроятно, одержитъ рѣшительный верхъ“ [3]).

Все это не мѣшало дружбѣ: „насъ для него не много, ибо многіе знаютъ его только по таланту, а онъ *у насъ* одинъ, защищаетъ его отъ упрековъ кн. Вяземскаго Тургеневъ: съ нимъ я давно живу и чувствую, чувствую и живу, и онъ знаетъ, что меня морозъ Зимняго Дворца не прохватитъ“ (1819 г. 2 сентября).

Заступничество за декабристовъ, переписка съ гр. Бенкендорфомъ по вопросу о литературномъ наслѣдіи А. Пушкина и пересмотрѣ оставшейся послѣ него корреспонденціи служатъ свидѣтельствомъ, что Жуковскій былъ способенъ на гражданскій подвигъ. Въ дѣлѣ Н. Тургенева онъ дошелъ до непріятнаго для него объясненія. „Ты при моемъ сынѣ. Какъ тебѣ слыть сообщникомъ людей безпорядочныхъ или осужденныхъ за преступленія?“

1) Зейдлицъ l. c. стран. 123—5.

2) Кн. Вяземскій А. Тургеневу 1823 г. 1 октября; Тургеневъ кн. Вяземскому 9 октября 1823 г.; Ал. Тургеневъ Ник. Тургеневу 12 и 27 августа 1827 г.; Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 1839 г. 17 іюня / 5 іюля.

3) Кн. Вяземскій Тургеневу 30 мая 1819 года.

сказалъ ему государь. — Еслибъ я имѣлъ возможность говорить, вотъ чтобы я отвѣчалъ и сдѣлалъ-бы хорошо, но вѣрно бы повредилъ себѣ; и такъ невозможность говорить нѣкоторымъ образомъ послужила мнѣ къ добру". Жуковскій записываетъ эти слова на клочкѣ бумаги вмѣстѣ съ конспектомъ рѣчи, которую онъ—не произнесъ: о томъ, что правосудіе не безошибочно, особливо въ Россіи, что доносы не „рѣшительные приговоры Божьи", что, если довѣриться имъ, нравственность наша будетъ на произволѣ доносчиковъ, около царя будутъ жить лишь тѣ, кто живетъ предательствомъ, люди преданные и честные будутъ молчать съ горемъ и лишены возможности быть полезными. И Жуковскій говоритъ про себя: „я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринымъ, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность къ Государю. Во всемъ прочемъ надо отдать себя на волю Провидѣнія, которое спасаетъ добрыхъ, или губитъ ихъ для ихъ же добра. Въ этой одной мысли — спасеніе. Буду осторожнѣе, вступаясь за тѣхъ, кто въ ссорѣ съ правительствомъ, ибо тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать, а можно только погубить себя, благоразуміе велитъ думать о себѣ; это не будетъ эгоизмъ.... Вотъ бѣдствія, происходящія отъ невѣжества. Мало того, чтобы имѣть чистую совѣсть, надобно имѣть и понятія, принадлежащія времени, въ коемъ живемъ. Ихъ даетъ одно просвѣщеніе. Просвѣщеніе для ума есть то же, что чистая религія для совѣсти. Тамъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенія, каждый имѣетъ свой собственный умъ, умъ своего мѣста, своей партіи, и всѣ они въ противорѣчіи, въ безпрестанной битвѣ" [1]).

Итакъ дѣло не въ лѣни ума, которую Гоголь объяснялъ по своему, а въ способности все идеализировать, всюду видѣть Аркадію, при большомъ миролюбіи, сказавшемся въ юношескомъ афоризмѣ дневника: не говорить правды въ глаза, если она вредна [2]), и въ отсутствіи общественной жилки. Въ 1808 году, въ руководящей статьѣ Вѣстника Европы („Письмо изъ уѣзда"), Жуковскій писалъ: „политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ

1) Сл. Дубровинъ, В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ l. c. стр. 80 слѣд.

2) Сл. „Двѣ повѣсти" 1844 г.: „Злой наѣздникъ правды".

имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ". Въ концѣ того же года политическій отдѣлъ изчезаетъ изъ журнала, на его счетъ развита критика и отдѣлъ свѣдѣній „о достопамятныхъ явленіяхъ натуры".—„Я уже отпѣлъ панихиду политикѣ и ни мало не опечаленъ ея кончиною", извѣщалъ Жуковскій А. Тургенева (15 сент. 1809 г.). Но и въ скромныхъ размѣрахъ она возбуждала опасенія; 5-го генваря 1809 г. Ал. Тургеневъ писалъ Жуковскому по поводу политическаго обозрѣнія въ Вѣстникѣ Европы, которое принялъ на себя Каченовскій: „теперь тебѣ будетъ болѣе времени писать свое, ты не будешь уже въ отвѣтственности за политику. Здѣсь (въ Петербургѣ) многіе удивлялись твоей дерзости и оплошности вашей цензуры, а въ одно время я самъ боялся, чтобы не запретили твоего журнала" [1]). Въ 1819 году Жуковскій отказался участвовать въ Союзѣ Благоденствія, которому сочувствовалъ: его уставъ заключаетъ въ себѣ мысль благодѣтельную, высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, выразился онъ; онъ почелъ-бы себя счастливымъ, если-бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія, но, къ несчастію, не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы [2]). Съ молодости его идеалъ — индивидуальное развитіе, общественное — результатъ личнаго; это шиллеровское воззрѣніе на облагороженіе характера, какъ на средство достигнуть политической и гражданской свободы. Въ этомъ направленіи развиваются послѣдовательно взгляды Жуковскаго, за вычетомъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ *о свободѣ* въ патріотическомъ смыслѣ этого слова, объ охраненіи или самосознаніи народности, либо о свободѣ въ кругу друзей, въ объятіяхъ природы, въ поэзіи, въ томъ, что звалось поэтическимъ otium'омъ. Въ 1806 году поэтъ зоветъ себя воспитанникомъ свободы, дышавшимъ въ объятіяхъ природы [3]); такъ и Горацій смотрѣлъ на свѣтъ глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и— къ свободѣ [4]). Пѣвецъ соединяетъ „Младенца чистоту Съ величіемъ свободы, Боготворя природы Простую красоту.... По-

1) Изъ неизданнаго письма.
2) Записки Трубецкаго, стр. 80.
3) Отрывокъ: „Подражаніе".
4) 1809 г. „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира".

средственность, свобода, Животворящій трудъ, Веселіе досуга Близъ милыя и друга, И пѣнистый сосудъ Въ часъ вечера пріятной Подъ липой ароматной Съ забвеніемъ суетъ, Вотъ все" (Къ Батюшкову май 1812 г.). Свобода другъ нашъ благодатный, обращается Жуковскій къ кн. Вяземскому и В. А. Пушкину: „Мы независимо, въ тиши Уютнаго уединенья, Богаты ясностью души, Поемъ для музъ, для наслажденья, Для сердца вѣрнаго друзей" (1814 г.); веселая свобода сидитъ и „за большимъ семейственнымъ столомъ" (въ альбомъ бар. Ел. Ив. Черкасовой 1814 г.); Шиллеровское воззрѣніе въ пересказѣ Элевзинскаго праздника (1833 г.): „Здѣсь лишь нравами одними Можетъ быть свободенъ онъ" (т. е. человѣкъ).

Неясно понятіе свободы въ воспоминаніяхъ 1806 года о дружеско-литературномъ обществѣ 1801—2 годовъ:

О братья, о, друзья! Гдѣ нашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ?
(Вечеръ 1806 г.).

Тѣмъ яснѣе то, что говорится въ „Протоколѣ 20-го арзамасскаго засѣданія 1817 года" [1]). Какъ разъ въ этомъ году въ общество вступило нѣсколько либерально и дѣятельно настроенныхъ членовъ: Николай Тургеневъ, замѣшанный потомъ въ дѣлѣ 1825 года, декабристъ Н. Муравьевъ, М. Орловъ, по арзамасскому прозвищу Рейнъ, мечтавшій о возстановленіи масонства, заподозрѣнный впослѣдствіи въ связяхъ съ декабристами, отъ которыхъ, впрочемъ, отсталъ, поклонникъ ланкастерской методы обученія, химикъ и политико-экономъ, какимъ изобразилъ его впослѣдствіи Герценъ [2]). Арзамасъ готовился оживиться, отстать отъ прежнихъ „шалостей", поставить себѣ серьезныя, литературныя и общественныя цѣли. Уже въ 1816-мъ году арзамасцы подумывали о своемъ журналѣ [3]), и въ бумагахъ Жуковскаго нашлась его программа и заглавіе: Отрывки, найден-

---

1) О литературномъ обществѣ Арзамасъ сл. изслѣдованіе Е. А. Сидорова въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. №№ 6 и 7.

2) См. примѣчанія къ №№ 83, 101 и 216 переписки кн. Вяземскаго и Тургенева; Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго 1901 г. стр. 400 слѣд.; Герценъ, Былое и Думы, женевск. изд. т. VI, стр. 209.

3) Сл. письмо кн. Вяземскаго къ Тургеневу 27 сент. 1816 г. Сл. Соч. Батюшкова, III, стр. 404 (къ Жуковскому 25 сентября 1816 г.).

ные въ Арзамасѣ. Но затѣя касалась обычнаго литературнаго альманаха, въ которомъ Жуковскій хотѣлъ помѣстить „Пѣснь Игоря“. Теперь задача явилась иная. Въ апрѣльское засѣданіе Орловъ-Рейнъ внесъ проэктъ политическаго журнала; вопросъ этотъ обсуждался въ 20-мъ, Іюльскомъ, засѣданіи, и Жуковскій фантазируетъ въ своемъ протоколѣ, какъ, по мановенію волшебнаго жезла, явились пышныя врата съ надписью: Журналъ Арзамаса; Рейнъ растворилъ ихъ: „за ними кипѣли въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ“, виднѣлись тѣни славныхъ, и надо всѣмъ

Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ носилось
Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ божество: Просвѣщенье, давъ руку
Грозной и мирной богинѣ Свободѣ! — И всѣ арзамазцы,
Пламень почуя въ душѣ, ко вратамъ побѣжали.... Все скрылось!
Рейнъ сказалъ: „Потерпите, голубчики! Я не достроилъ!
Будетъ вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ съ васъ довольно!“

Изданіе Журнала было рѣшено, въ работахъ надъ новымъ уставомъ общества и программой журнала принималъ живое участіе и Жуковскій, котораго просили въ редакторы. Обнародованіе „Священнаго Союза (25 декабря 1815 года) ознаменовало въ правительственныхъ сферахъ рѣшительный поворотъ къ реакціи, а между тѣмъ первый отдѣлъ журнала долженъ былъ служить распространенію „*идей свободы*, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ ея настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее“. Журналъ остался проэктомъ. Уже въ первой половинѣ 1818 года многимъ изъ зачинателей пришлось оставить Петербургъ; Жуковскій-Свѣтлана (по арзамазскому прозвищу) засѣлъ, скорчившись, „въ графахъ таблицъ“: онъ обучалъ вел. княгиню Александру Ѳеодоровну и дѣйствительно писалъ однѣ „грамматическія таблицы“[1]). Мы знаемъ, что къ таблицамъ онъ питалъ въ своей педагогической практикѣ надъ собой и другими особую слабость. Блудовъ назначенъ былъ въ Лондонъ, Дашковъ съ 1817 года состоялъ при

1) См. письмо Карамзина къ Дмитріеву № 224, 28 ноября 1818 г., сл. выше стр. 271 (гдѣ ошибочно напечатано: 22 ноября).

русской миссіи въ Константинополѣ, кн. Вяземскій—Асмодей уѣхалъ въ Варшаву, „распростившись съ халатомъ свободы“,

Между тѣмъ Реинъ усастый, насъ взбаламутивъ, далъ тягу,
Въ Кіевъ и тамъ въ Днѣпрѣ утопилъ любовь къ Арзамасу!
Реинъ давно замолчалъ, да и мы не очень воркуемъ.

Такъ разсказываетъ Жуковскій въ „Отрывкѣ арзамасской рѣчи 1818 года; въ томъ же году онъ писалъ Орлову:

Начальникъ штаба, педагогъ,
Ты по ланкастерской методѣ
Мальчишекъ учишь говорить
О славѣ, пряникахъ, природѣ
О кубаряхъ—и о свободѣ!

Во второй половинѣ жизни всѣ эти воззрѣнія отлились въ благодушную систему общественности, которую Жуковскій излагаетъ въ письмахъ, въ замѣткахъ [1]), можетъ быть, отрывкахъ какой-нибудь „бѣлой книги“, гдѣ извѣстныя мысли разъ выливались въ опредѣленную форму и съ нею идутъ въ оборотъ, лишь кое-гдѣ измѣняясь. Въ основѣ этой системы лежитъ теорія гуманистической личности, „души“, прогрессъ опредѣляется „временемъ“, „Промысломъ“, его желательный — характеръ—„умѣренность“ („умѣренность, покорность“, „Пѣвецъ въ Кремлѣ“), сдерживающее начало — историческое преданіе. Время—единственный, „вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго“, оно „послушно одному Богу“. Исторія „говоритъ властителямъ: будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ: впереди, но ровнымъ шагомъ; отстанете, онъ васъ покинетъ, повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу — онъ васъ раздавитъ“ [2]). Историческое преданіе, въ міросозерцаніи Жуковскаго, то-же, что воспоминаніе: одно хранитъ лучшіе опыты

1) Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ изданіи: Изъ собранія автографовъ Имп. Публ. Библіотеки, СПБ. 1894, стр. 49 слѣд.: Политическія и философскія замѣтки и мысли В. А. Жуковскаго. Сл. Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. проф. Архангельскимъ т. XI: Отрывки 1845—50 гг.

2) Черты исторіи государства Россійскаго 1834 г.

сердца, которыхъ не забыть, другое—вѣковые опыты народной жизни, ихъ-же не прейдеши. Промыселъ и общественные перевороты, нарушающіе умѣренность прогресса, сопоставляются въ апологѣ, написанномъ Жуковскимъ для Н. Тургенева, пострадавшаго въ событіяхъ 14 декабря 1825 года: въ переворотахъ многіе гибнутъ, для лучшихъ они — испытаніе свыше; такъ сгораетъ въ горнѣ голикъ, „а золото горитъ и не ропщетъ на судьбу и вѣритъ тому, что безъ огня не быть ему чистымъ, и радуется пламени, которое возвыситъ его достоинство“ [1]). Онъ хлопоталъ о Н. Тургеневѣ, принималъ участіе въ личной судьбѣ декабристовъ, но ихъ движеніе осуждалъ: это разбойники, возмутители, у которыхъ „даже не видно фанатизма, а просто звѣрская жажда крови безо всякой даже химерической цѣли“ [2]). Перевороты исключаются и святостью историческаго преданія: „всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надо прибѣгать только по необходимости“, писалъ Карамзинъ; Жуковскій развиваетъ это: „кто дерзаетъ на настоящее вѣрное зло для будущаго невѣрнаго блага, тотъ — злодѣй“ [3]); нельзя „разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага.... Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ, но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, что мы хотѣли въ началѣ.... Что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага. *Человѣкъ во всякую настоящую минуту можетъ быть справедливымъ; въ этомъ его человѣческая свобода.* Что справдливо теперь, то несомнительно, жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, слѣдовательно, сомни-

1) Письмо Ал. Тургенева къ брату изъ Лейпцига 1827 г.

2) Къ Ал. Тургеневу, 16 декабря 1825 г.

3) Русскій Архивъ 1896 г. № 3, стр. 457. Статья, озаглавленная „объ энтузіазтахъ“, отнесена издателемъ къ началу царствованія Императора Николая Павловича. Въ печатномъ текстѣ статьи „Энтузіазмъ и энтузіасты“ (1848 г.) приведенный выше афоризмъ выраженъ иначе: „кто, вооружаясь на существующее зло въ пользу будущаго, невѣрнаго блага, нарушаетъ вѣчные законы правды, тотъ злодѣй“.

тельной пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область провидѣнія.... Должны-ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени?... Нѣтъ. *Но для человѣка довольно собственной дѣятельности безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему.* Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ и исполняй то, что онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его.... Работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живого то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое, уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жить другимъ, и паче всего блюди *Божію правду*" [1]).

Отсутствіемъ „*Божьей правды*" объясняется плачевное состояніе запада, о которомъ въ письмахъ къ Ал. Тургеневу сѣтуетъ Жуковскій: „въ нашемъ убійственно позитивномъ вѣкѣ" нѣтъ ничего святого, „математически-гордый умъ гонитъ Бога съ мѣста" и „образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна". Правда, Франція „никогда не имѣла такой массы свободы", за то „достоинство человѣческое унижено, свѣтлое раздавлено" (1833 г. 15 генв.). Свобода „не безумное равенство правъ, а независимость каждаго на его мѣстѣ", пишетъ онъ, прочитавъ первый томъ Haller's Restauration der Staats-Wissenschaft; онъ увлеченъ его системой, жалѣетъ, что не познакомился съ нею ранѣе и самъ обрушивается на защитниковъ „фальшивой свободы, верховной власти народа, такъ называемаго общаго блага и пр. и пр. Это отсутствіе всего Божественнаго, этотъ матеріализмъ, это замѣненіе всего высокаго и святого въ душѣ человѣческой ариѳметическими разсчетами интереса (частнаго или общаго, все равно), это презрѣніе ко всему историческому, это замѣненіе патріархальной верховной власти грубою властію народовъ, этотъ деспотизмъ книгопечатанія, которое общимъ бѣдствіемъ, то есть безнравственностью доктринъ, губящихъ правило, замѣнило частныя бѣдствія, проис-

1) 1833: Отрывки письма о Швейцаріи о революціяхъ = письмо къ Козлову 4 генв. 1833 г.

ходившія отъ страстей одного и оставившія слѣды неглубокіе, все это приводитъ въ трепетъ". Революціонная богиня разума не на престолѣ и никого не пугаетъ болѣе, но она терпима: это признакъ усталости, миръ могилы, состояніе неестественное для человѣка. Надо, чтобы возвратилось „святое", религія: „въ ней и гражданство, и *свобода*, и благородство души человѣческой" (1833 г. 14/26 марта). „Что такое цивилизація? Собственность, идея правды, вниманіе ко всему умственному. Тутъ всѣ формы годятся. Революція французская хотѣла всѣмъ дать вдругъ иную схожую внѣшность и вздумала намазать ее на лицахъ кровавою кистью" (дневникъ, 27 марта/8-го апрѣля1839 г.).

Понятно, какъ долженъ былъ отнестись Жуковскій къ движеніямъ 1848 года. Они волнуютъ его, онъ говоритъ о нихъ въ своихъ письмахъ (напр. къ Наслѣднику, въ генварѣ, 17 февраля, 1 марта 1848 г. и 29 генваря 1849 г.), противуполагая „русскому великану", „мощному первенцу творенья" („Къ русскому великану" 1848 г.)[1]) — полувѣковую „мелодраму" которую сыграла Франція. Его „Четыре сына Франціи"—представляютъ вольный переводъ четырехъ строфъ, авторомъ которыхъ, какъ ему сказывали, была дѣвица Цедлицъ; такъ отмѣчено на заглавномъ листкѣ бѣлового списка, сохранившаго стихотвореніе; „пятая строфа прибавлена мною въ началѣ 1849 г.", присоединяетъ Жуковскій, но на ней онъ не остановился, 7-я строфа говоритъ о 2-мъ декабрѣ 1851 г. И 4-я строфа не осталась безъ добавленій: Цедлицъ писала въ 1846 г., и Жуковскій поясняетъ, что именно эта строфа „заключаетъ въ себѣ пророчество, исполнившееся въ декабрѣ 1848 г.". Въ его передѣлкѣ она и подписана 1849-мъ годомъ, и, вѣроятно, передѣлка этимъ не ограничилась. Сравненіе первыхъ 3-хъ строфъ съ послѣдующими указываетъ на разницу настроенія: Цедлицъ быстро, лирически характеризуетъ событія 1789, 1812, 1830 годовъ, Жуковскій ужасается и морализуетъ по поводу черни, наставленной „благимъ совѣтомъ пушки", самодержавнаго народа, который спѣшитъ замазать на стѣнахъ „свободу, равенство и братство"—и не споется „съ владыкою штыкомъ". Судъ Божій правъ, обращается онъ къ Франціи:

---

1) Напечатано первоначально въ Русскомъ Инвалидѣ вмѣстѣ съ экспромптомъ Тютчева. Сл. письмо Плетнева къ Жуковскому 29 октября/10 ноября 1848 г.

Изъ чаши,
Въ которой буйно ты,
Цареубійства ужасъ,
Безвѣрія чуму
И бѣшенство разврата
Въ одинъ смѣшала ядъ —
Святой воды здоровья
Не можешь ты испить;
Ни ты, ни зараженный
Твоимъ безумствомъ свѣтъ!
Но есть спасенья чаша,
Она передъ тобой, —
Къ ней, къ ней со страхомъ Божьимъ
И съ вѣрой приступи.

Что такое *Божія правда*? Въ письмѣ къ наслѣднику цесаревичу 30 авг. 1843 г. Жуковскій даетъ ему знакомые совѣты: не жертвовать настоящимъ вѣрнымъ благомъ вѣроятному будущему, частнымъ благомъ общему, такъ называемому государственному, ибо „общее благо есть сумма благъ частныхъ. Можетъ-ли оно существовать въ цѣломъ, когда нѣтъ его по частямъ?" Паче всего хранить Божію правду: „самодержавіе есть только высшая степень покорности *Божіей правдѣ*". Его опаснѣйшій врагъ самовластіе [1]). Въ 1847 году онъ прочелъ рѣчь свою „вѣнчаннаго друга" (Фридриха Вильгельма) и восхищенъ ею; но будетъ-ли она имѣть вліяніе? „Слишкомъ проникнутъ придьявольскою необузданностью нашъ вѣкъ, чтобы понять и принять голосъ верховной *Божьей правды*"; наше время — „палачъ всякой правды" [2]). „Подъ развитіемъ самодержавія разумѣется твердѣйшее укорененіе и распространеніе его патріархальнаго могущества, котораго источникъ и право есть верховная *Божія правда*" [3]). Іоаннъ Миллеръ заключилъ свою всеобщую исторію словами: умѣренность порядокъ [4]); это правило, извлеченное

1) Сл. письмо къ нему-же 1845, 23 августа.

2) Изъ Эмса 2 іюня 1847 года, къ нему-же; то-же въ письмѣ къ кн. Вяземскому, того же дня и года.

3) О стихотвореніи „Святая Русь" 1848 г.

4) Сл. комментарій къ этимъ словамъ въ „Собирателѣ" 1829 г.: Хрестоматія для вел. кн. Александры Николаевны (Польза исторіи для государей).

имъ изъ исторіи, можно извлечь и изъ начала высшаго и выразить словами: *Божія правда* [1]). Либо, вмѣсто умѣренности, „золотая середина“: реформа во время „по закону *вѣчной правды* [2]), „могущій русскій великанъ, представитель русскаго самодержавія т. е. „*высшей правды*“ [3]). Съ *Божьей правдой* водворится и *свобода*, которое „не иное что, какъ личное благоденствіе всѣхъ и каждаго, хранимое властью, не жертвующее призраку благоденствія общаго, а его въ своемъ итогѣ производящее“ [4]), ибо нельзя разрушить всѣ частныя земныя блага, „чтобы на нихъ построить Публичнаго безжизненнаго блага темницу“. (Странствующій Жидъ 1851—2 г.).

Но чтобы, Божія правда водворилась, надо, чтобы она „цвѣла“ въ *душѣ* государей (Но трона красота — великая *душа*, Императору Александру 1814 г.). Въ „Собирателѣ“ 1829 года говорится: „душа государя есть тоже для нравственной жизни народа, что климатъ для жизни физической человѣка“ (Климатъ физическій и нравственный); „сила нравственная въ *душѣ* государей“ (къ Наслѣднику 1832 г., 5 ноября); лишь Божьей правдой сильны цари, „ею одною человѣкъ пріобрѣтаетъ достоинство сына Божія, она есть главное на землѣ, ибо частное на землѣ есть *душа* человѣка. Царство исчезаетъ; все, что человѣкъ создаетъ, или не совершается, или обращается въ прахъ; самый родъ человѣческій есть только измѣняющееся явленіе. Одно существуетъ, одно принадлежитъ Богу на всѣ вѣка — наша душа и все то, что въ ней сохранилось, взятое ею изъ временной жизни“ (ему же 30 авг. 1843 г.). Въ письмахъ къ государынѣ Жуковскій указываетъ на мѣсто, которое Фридрихъ Вильгельмъ III займетъ „въ исторіи *души царской*, ибо на землѣ все для души“; „въ наше время когда все трещитъ и ломается, много спасательной силы заключено, быть можетъ, въ душевномъ союзѣ царей, согласныхъ любовію къ правдѣ, вѣрѣ и истинной свободѣ“ (къ Наслѣднику, Дюссельдорфъ

---

1) „Самоотверженіе власти“ 1848 г. (сл. письмо къ Наслѣднику 3/15 декабря 1848 г., 19/31 генв. 1849 г.).

2) „Теорія и практика“ 1848; повторено въ письмѣ къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта 1850 г. Сл. въ дневникѣ 4 іюня 1838 г. замѣтку о шведской конституціи.

3) Къ Д. П. Сѣверину 17 ноября 1848 г., Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 43; къ Булгакову 7 марта 1848 г. Русскій Архивъ 1868 г., стр. 1470.

4) „О происшедствіяхъ 1848 г.“.

12 окт. 1843 г.). Могущество царя опирается на нравственность народа, а для этого надлежитъ, „чтобы *душа царева* была святилищемъ этой нравственности“ (ему-же 15/27 дек. 1847 г.

Такой идеалъ мирной исторической эволюціи, снившійся Жуковскому; возможна она лишь тамъ, гдѣ, какъ у насъ, сохранилось народно-историческое преданіе и еще почитаются устои древней жизни, пережившіе всѣ перевороты, включая петровскій. Какъ относился Жуковскій къ послѣднему? Въ 1810 году онъ упрекалъ себя, что, не зная азбуки, взялся за авторство: „хвататься за трудное, не приготовивъ себя къ успѣшному его исполненію работою продолжительною, есть свойство русскихъ, за которое они должны благодарить Петра Великаго“ 1). „Въ Сардамскомъ домикѣ“ (апрѣля 1839) полно восторженнаго лиризма, какъ и посланіе къ поэту Леннепсу (7/19 апрѣля 1839) 2) и письмо къ императрицѣ (изъ Гаги 17 апрѣля): „при взглядѣ на лачугу, гдѣ жилъ Петръ Великій, слезы полились изъ глазъ моихъ и намъ въ эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душѣ человѣческой, одно изъ самыхъ сладкихъ есть благодарность Государю за отечество; оно именно потому такъ сладко, что оно совершенно безкорыстное. Благодарность не за себя, не за всѣхъ и за одно благотворное дѣло, а за пожертвованіе цѣлой жизни святому дѣлу, и радуешься, что находишь себя способнымъ чувствовать такого рода благодарность 3). Петра Великаго давно нѣтъ, и его Сар-

---

1) Къ Ал. Тургеневу 4 дек. 1810 года.

2) Сл. дневникъ 1839 11/22 апрѣля: „Сочинилъ стихи Леннепсу, которые прочиталъ съ удовольствіемъ Толстому“.

3) Сходныя идеи въ черновомъ письмѣ къ вел. княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ (Дрезденъ 4/16 іюня), ошибочно напечатанномъ въ Щукинскомъ Сборникѣ (вып. I, стр. 66 слѣд.), какъ обращенное къ вел. кн. Николаю Павловичу. Жуковскій говоритъ о своей прощальной бесѣдѣ съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ, которому всею душою желалъ счастія: „въ желаніи счастія тому, кого судьба помѣстила на такую высокую степень, есть что-то возвышенное и благородное; все личное исчезаетъ, слово счастіе получаетъ какой-то величественный смыслъ; думаешь не объ одномъ настоящемъ, не объ однихъ мелкихъ, ежедневныхъ обстоятельствахъ жизни; желаешь добра не одному, а въ одномъ множеству, желаешь ему великаго, прекраснаго мѣста въ исторіи: такого рода чувство трогаетъ душу, и я разстался съ нимъ, будучи тронутъ не одною благодарностью за ту, смѣю сказать, дружескую ласку, съ какою онъ со мною простился, но вмѣстѣ и мыслію, что онъ способенъ получить то счастіе,

дамскій домикъ чуть держится, но это мѣсто для русскаго имѣетъ очарованіе невыразимое. Жуковскій приводитъ здѣсь отрывокъ изъ своего посланія къ Леннепсу:

Работникомъ простымъ
Въ Сардамской хижинѣ великій царь таился
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Тамъ мыслію его корабль застроенъ тотъ [1]),
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемый [2]) средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Указаннымъ путемъ [3]) плыветъ подъ флагомъ славы,
Корабль великія Россійскія державы.

И повѣрьте мнѣ, что эта избушка, гдѣ я провелъ, одинъ, незабвенные полчаса.... думалъ о Петрѣ, живо вспоминая государя, о которомъ вообще какъ-то чаще думается здѣсь, гдѣ такъ много слѣдовъ могучаго сардамскаго плотника".

Мѣсяца два спустя Жуковскій любовался въ Петербургѣ Зимнимъ дворцомъ, въ одинъ годъ вновь отстроеннымъ послѣ пожара 1837 года: „совершенный образецъ Россіи: огромно, безъ точности, безъ общей связи, выраженіе одной общей воли, которая, повелѣвая, рабствуетъ. Во всѣхъ мелочахъ отражаетъ тотъ характеръ, который далъ Россіи Петръ Великій: скорѣй во что бы то ни стало. Мы не идемъ впередъ, а скачемъ отъ пункта къ пункту, впередъ-ли, назадъ-ли — все равно" [4]).

Еще въ 1841 году въ письмѣ къ вел. князю Константину Николаевичу (5/17 сентября) Жуковскій характеризовалъ Петра какъ представителя „зиждущей силы", который вспахалъ дикую почву Россіи и засѣялъ ее сѣменами, уже давшими богатую жатву. Подъ впечатлѣніемъ событій 1848 года, которыми полны его тревожныя письма, его взгляды опредѣляются: надо „китайскою стѣною отгородить Россію отъ заразы", она есть

котораго я искренно пожелалъ ему". Этого эпизода (стр. 67) нѣтъ въ текстѣ письма, напечатаннаго И. А. Бычковымъ въ Русской Старинѣ 1901 г. октябрь, стр. 225. Сл. выше стр. 315, прим. 1.

1) Въ печатномъ изданіи: здѣсь былъ его рукой корабль.

2) Въ печатномъ текстѣ: неизмѣняемо.

3) „Указаннымъ путемъ" нѣтъ въ печатномъ текстѣ.

4) Дневникъ 1839 г. 27 іюня.

отдѣльный, самобытный міръ [1]). „А наша святая Россія?.... Ходъ Европы не нашъ ходъ; что мы у нея заняли, то наше, но мы должны обработывать его у себя, для себя, по своему, не увлекаясь подражаніемъ, не слѣдуя движенію запада, но и не вмѣшиваясь въ его преобразованіе. Въ этой отдѣльной самобытности вся сила Россіи. Она представитель чистаго патріархальнаго монархизма. Самодержавіе въ его полномъ, благотворномъ развитіи есть ея доля, самодержавіе безъ всякой примѣси произвола" [2]). „А наша святая Россія? повторяетъ онъ на слѣдующій день. О, она тверда собственной силой.... Ея сила стоитъ на святомъ, вѣковомъ фундаментѣ самодержавія, ея эмблема—Александровская колонна?.... Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу подъ шумомъ древнихъ междоусобій, подъ громомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукой Петра.... Для меня теперь стало еще яснѣе, что ходъ Россіи не ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія, вопреки тому *насилію*, которое сдѣлала намъ могучая рука Петра, бросившая насъ на дорогу намъ чуждую" [3]). Дальнѣйшее содержаніе этого письма развито въ письмѣ къ князю Вяземскому по поводу его стихотворенія „Святая Русь"; опущена фраза о „насиліи" и выяснены природные устои русской жизни.

Такими устоями издревле были у насъ церковь и самодержавіе [4]), и „вѣра въ святое" не исчезла, какъ на западѣ, отъ „ѣдкой дѣятельности ума человѣческаго", отъ „злоупотребленія ума". Это онъ исказилъ западную цивилизацію, истощилъ чувство, вѣру, уничтожилъ семью. Чтобы спасти себя, западу надо вернуться къ вѣчнымъ, покинутымъ имъ основамъ, намъ слѣдуетъ только выдти изъ „бездѣйственнаго неупотребленія ума" и *пересоздать западную цивилизацію въ свою собственную*, на своихъ началахъ. Не даромъ „Святая Русь"—„ровесникъ христіанской Россіи"; Россія — политическій терминъ, Святая Русь — „соб-

1) Къ наслѣднику 17 февраля 1848 г.

2) Къ нему же 1848 г. 5 марта.

3) Ему-же 4 іюня 1848 г.

4) Сл. статью „Самодержавіе" въ „Политическихъ и философскихъ замѣткахъ и мысляхъ В. А. Жуковскаго" l. c. стр. 49 слѣд.

ственность русскаго народа", упроченная ему Богомъ. Не говорятъ объ англійскомъ, нѣмецкомъ Богѣ, но *русскій Богъ* отразилъ „какое-то особенное народное преданіе о Богѣ, давнишнемъ сподвижникѣ Руси"; удивительное созданіе нашего ума, „отдѣльно существующее при вѣрѣ въ Бога христіанскаго", выведенное русскимъ народомъ изъ откровеній его исторіи, соединяющее въ одномъ словѣ „наше бодрое, безпечное авось.... съ крѣпкою надеждою на высшее провидѣніе" [1]).

Когда въ 1850 году Жуковскій резюмировалъ свои общественные взгляды въ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ Радовицу, далеко было то время, когда князь Вяземскій звалъ Жуковскаго къ подвигу „гражданскаго пѣснопѣвца", но едва-ли и въ ту пору общественное міросозерцаніе поэта принципіально отличалось отъ воззрѣній его старчества; если кто измѣнился, такъ это князь Вяземскій, авторъ извѣстной записки къ гр. Уварову; теперь онъ „задумчивый философъ, тихій христіанинъ, меланхолическій затворникъ (Плетневъ къ Жуковскому 28 февраля/11 марта 1849 г.), пѣснопѣвецъ „Русскаго Бога". Источника этихъ воззрѣній надо искать тамъ-же, гдѣ сложилось для Жуковскаго и его пониманіе поэзіи; отъ Карамзина и посланія къ имп. Александру (1814 г.), черезъ „Русскаго Бога" Кюхельбекера прямой путь къ славянофиламъ; туда же шелъ послѣдовательно и Гоголь. Достоевскій будетъ говорить о „русскомъ Христѣ", объ „исключительно-религіозномъ призваніи русскаго народа", „народа богоносца", имѣющаго внести „примиреніе въ европейскія противорѣчія".

Если послѣдніе взгляды Жуковскаго еще при жизни его вызывали цензурныя сомнѣнія, то не по существу, а потому что, отрицая противоположные, онъ невольно знакомилъ съ ними читателя. Таково было мнѣніе Дубельта [2]), поданное 23 декабря 1852 г. въ Главное Правленіе цензуры о послѣднихъ сочиненіяхъ Жуковскаго: хотя съ одной стороны одно имя автора ручается за благонамѣренность его сочиненій, съ другой — результатъ всѣхъ его сужденій въ рукописи (за исключеніемъ только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей и выраженій) клонится къ тому, чтобы обличить человѣка, удалившa-

1) О стихотвореніи „Святая Русь" 23 іюля 1848 г.

2) Въ письмѣ 10/22 октября 1848 года Жуковскій писалъ ему какъ къ „любезнѣйшему дядюшкѣ".

гося отъ религіи и представить „превратность существующаго нынѣ образа дѣлъ и понятій на западѣ, тѣмъ не менѣе, вопросы его сочиненій духовные слишкомъ жизненны и глубоки, политическіе слишкомъ развернуты, свѣжи, намъ одновременны, чтобы можно было безъ опасенія и вреда представить ихъ чтенію юной публики. Частое повтореніе словъ *свобода*, *равенство*, *реформа*, частое возвращеніе къ понятіямъ: *движеніе вѣка впередъ*, *вѣчныя начала*, *единство народовъ*, *собственность есть кража* и тому подобнымъ останавливаютъ на нихъ вниманіе читателя и возбуждаютъ дѣятельность разсудка. Размышленія вызываютъ размышленія, звуки — отголоски, иногда невѣрные. Благоразумнѣе не касаться той струны, которой сотрясеніе произвело столько разрушительныхъ переворотовъ въ западномъ мірѣ и которой вибрація еще колеблетъ воздухъ. Самое вѣрное средство предостеречь отъ зла — удалить самое понятіе о немъ“ [1]).

Цензура не разрѣшила печатать сборникъ религіозно-нравственныхъ статей Жуковскаго, посланный имъ Плетневу [2]). Жуковскій недоумѣвалъ: „по моему направленію философическому я строгій христіанинъ; я теперь вполнѣ убѣжденъ, что не можетъ быть другой философіи, кромѣ христіанской, то есть кромѣ основанной на откровеніи. О разныхъ исповѣданіяхъ я не спорю; по моему глубокому убѣжденію я принадлежу православію и наиболѣе утвердился въ немъ въ послѣднее время жизни, но это однако не приводитъ меня къ мнѣнію, что ни католикъ, ни протестантъ не могутъ быть вѣрующими христіанами.... Относительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи

---

1) Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго т. IX: Старая записная книжка 1813—52 ч., стр. 48.

2) „Толстый томъ, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ къ Плетневу 20 декабря 1848 года; „у меня есть довольно написано философическихъ отрывковъ, они могутъ составить толстый томъ“ (къ нему-же 29 сентября/11 октября 1849 г.). Переписка по этому дѣлу между Плетневымъ и Жуковскимъ продолжается съ 1849 г. по 1851 г.: послѣднее письмо Жуковскаго 3/15 генваря, Плетнева 1/13 октября 1851 г. Слѣдующія въ текстѣ выписки сдѣланы изъ писемъ Жуковскаго 19/31 декабря 1850 и 3/15 генваря 1851 г. Сл. еще Соч. и переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, стр. 519 (Плетневъ Жуковскому 7 августа 1850 г.). Сборникъ „философическихъ отрывковъ“ недавно найденъ К. Я. Гротомъ.

неприкосновеннымъ; мнѣнія, на этой базѣ утвержденныя, не только не могутъ быть у насъ вредны, но они необходимо должны быть пущены въ ходъ, выраженныя не лакейскимъ оффиціальнымъ слогомъ, а словомъ сердца и ума, покореннаго высшей правдѣ". Самъ онъ могъ бы безпокоиться за статью о Радовицѣ, которая, по содержанію, была его письмомъ къ наслѣднику: заступаясь за Радовица, онъ говорилъ о его политикѣ „не въ томъ смыслѣ, какой находитъ въ ней наше правительство. Это письмо, вѣроятно, одобрено не будетъ, и его слѣдовало бы вовсе исключить изъ манускрипта. Но это теперь уже не нужно". Онъ просилъ Плетнева взять рукопись изъ цензуры.

Запрещена была и статья Жуковскаго: „Англійская и русская политика", напечатанная имъ въ Allgemeine Zeitung и, по его желанію, переведенная для Москвитянина Шевыревымъ [1]). Статьей по поводу стихотворенія князя Вяземскаго „Святая Русь" Государь остался очень доволенъ и приказалъ напечатать ее, исключивъ все, касавшееся Реформаціи, „изъ чувства деликатности передъ тѣми, которые въ Россіи реформатскаго исповѣданія" [2]).

Сенковскій слышалъ о какомъ то запретѣ, постигшемъ Жуковскаго, но говорилъ о сорока (?) не разрѣшенныхъ къ печати стихотвореніяхъ. „Вы знаете, писалъ онъ Загоскину, что Василій Андреевичъ неспособенъ, такъ же, какъ и мы съ вами, написать что-нибудь неприличное или вредное.... Что же?.... Жуковскій уже не можетъ ничего написать" [3]).

---

1) Барсуковъ l. c. X, стр. 192—3.
2) Плетневъ Жуковскому 29 октября / 10 ноября 1848 г.
3) Русская Старина 1902 г., іюль, стр. 94.

XII.

„Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній". „Милости просимъ, святая проза".

I.

Когда въ 1826-мъ году Жуковскому поручено было руководить учебной частью воспитанія наслѣдника престола, его общественное міросозерцаніе сложилось прочно; серьезно и благоговѣйно принялъ онъ къ сердцу свое назначеніе, въ сознаніи высокаго долга—и своей неприготовленности: Toute ma vie est maintenant devouée à mon sacré devoir", писалъ онъ государынѣ въ день отъѣзда (11 мая 1826 г.). „Que Dieu me donne la santé et surtout la capacité pour le remplir dignement. Je n'ai à présent qu'un seul but: il me fait supporter ma vie, mais aussi il me remplit de crainte, car je me défie de mes forces" [1]). „Ce devoir est l'unique but de mon éxistense, повторяетъ онъ изъ Парижа 15/27 іюня 1826 года, c'est en lui seul que se réunissent maintenant toutes mes idées de bonheur ici-bas „toutes mes plus chéres espérances"; его опасеніе, — „c'est celle de mon incapacité et mon peu d'expérience". И въ то же время у него вспыхиваетъ воспоминаніе о старинѣ съ ея неосуществившимися идеалами; изъ Парижа и въ томъ же мѣсяцѣ онъ писалъ г-жѣ Моро де ла Мельтьеръ: „Муратово — это мѣсто, гдѣ протекалъ мой золотой вѣкъ. То была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ. Изъ этого прошедшаго ничего не существуетъ, а что и осталось, то весьма перемѣнилось.... А я брошенъ на особаго рода путь, котораго никогда не думалъ

---

1) Русская Старина 1903, мартъ, стр. 47—8

выбирать и по которому влечетъ меня сама судьба. И вотъ я отданъ дѣятельности, вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу". На то воля Провидѣнія; новая дѣятельность пугаетъ его, но онъ готовъ ей отдаться, она наполняетъ его существованіе; вся его жизнь принадлежитъ ей. И опять у него сомнѣнія: ни онъ, ни Мёрдеръ, назначенный воспитателемъ наслѣдника, не отвѣчаютъ своей цѣли, пишетъ онъ государынѣ (іюля 1/13 1827 г.), для этого надо быть ученымъ „въ наукѣ человѣчества", „испытать борьбу человѣческихъ страстей въ особенности на поприщѣ политическомъ", „пройти этотъ курсъ наукъ не по книгамъ, но по событіямъ и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила" [1]. — Онъ „учится" въ Дрезденѣ, въ Парижѣ, этого недовольно. „Жуковскому очень бы хотѣлось возвратиться на полгода въ какой нибудь нѣмецкій университетъ, писалъ Ал. Тургеневъ брату Николаю (8 сентября 1827 г.), ибо онъ чувствуетъ, какъ академическая жизнь прилѣпляетъ къ труду учебному и ученому, и для будущаго его занятія эти полгода были бы полезны. Но это только — pia desideria".

Въ Петербургѣ, куда Жуковскій явился въ октябрѣ 1827 года, онъ всецѣло отдался своему долгу. „Живу очень уединенно, пишетъ онъ Ал. Тургеневу, всегда почти обѣдаю дома, изрѣдка бываю въ людяхъ; на это у меня опредѣленный часъ послѣ обѣда" [2]. Онъ отдыхаетъ лишь на своихъ литературныхъ субботахъ, „на высотѣ семидесятиступенной", „на четвертомъ небѣ" [3], въ квартирѣ Шепелевскаго дворца, или показывается

1) „Въ политикѣ я не судья, писалъ впослѣдствіи Жуковскій (въ характеристикѣ Радовица 1850 г.), могу только съ нѣкоторою ясностью повторить то, что слышалъ, но не могу взять на себя произнести какой нибудь приговоръ, ибо для того нужна опытность политическая, которой я не имѣю, нужно имѣть передъ глазами весь ходъ происшествій современныхъ: я не могъ слѣдовать за ними съ надлежащимъ вниманіемъ на всѣ подробности, бывъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ". См. его письмо къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта того же года: его жизненная дорога „была стороннею тропинкою, хотя и прошла черезъ свѣтлый домъ русскаго царя; цвѣтовъ опытности я не много на ней собралъ: я не практическій человѣкъ". Слѣдуетъ выдержка изъ его статьи 1848 г. „Теорія и практика.

2) Изъ письма Ал. Тургенева къ брату Николаю 26 декабря 1827 г.

3) См. письмо Гнѣдича къ Жуковскому 18 апрѣля 1828 г. и В. Перовскаго къ нему же 17 сентября того же года, Русская Старина 1903 г. іюль

въ салонѣ Россети-Смирновой, литературной красавицы, у которой собирались его друзья, поклонники „небеснаго дьяволенка", какъ звалъ ее Жуковскій, „доньи-Соль" кн. Вяземскаго. Здѣсь онъ могъ отводить душу въ живой бесѣдѣ, полюбоваться на своего „феникса-Пушкина". Онъ какъ дома: такъ добродушенъ, такъ мило остритъ, ему даютъ прозвища „Sweet William", „бычокъ", „милый, мычащій бычокъ.... тотъ самый бѣлый быкъ, о которомъ разсказываетъ дѣтская сказка", — и онъ доволенъ. Часто онъ отсутствуетъ, потому что долженъ работать [1]).

„Работалъ онъ, какъ бенедектинецъ. Сколько написалъ онъ, сколько начерталъ плановъ, картъ, конспектовъ, таблицъ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ! вспоминаетъ кн. Вяземскій. Бывало, придешь къ нему въ Петербургѣ: онъ за книгою и дѣлаетъ выписки, съ карандашемъ, кистью или циркулемъ, и чертитъ и малюетъ историко-географическія картины [2]).

Въ „планѣ ученія", представленномъ Жуковскимъ государю, цѣлью воспитанія поставлено: „образованіе для добродѣтели" путемъ развитія природныхъ добрыхъ качествъ воспитанника, его ознакомленіе съ окружающимъ, съ тѣмъ, что онъ есть и долженъ быть, какъ „существо нравственное и безсмертное".

„Занятій множество, писалъ Жуковскій Зонтагъ: надобно учить и учиться, и время все захвачено. Прощай навсегда поэзія съ риомами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь" [3]).

Ал. Тургеневъ прислалъ ему выдержку изъ похвальнаго слова Боссюэ, Жирардена: „Dans une monarchie l'éducation du prince est une sorte de ministère; c'est un dépôt sacré dont les peuples quelque jour auront droit de demander compte. Bossuet s'en chargea aves une sorte d'éffroi réligieux. Cette cour brillante, cet appareil de magnificence, cet enfant nourri dans la grandeur et dont le berceau même n'avait pas manqué de courtisans, que de perils et de travaux! „Je désire servir Dieu, dit-il

---

1) Записки Смирновой I стр. 42, 130.

2) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго т. VII, ст. 470.

3) Зейдлицъ l. c. стр. 143 слѣд. Сл. Соч. и переписка П. А. Плетнева III, стр. 92.

dans une de ses lettres, mais le monde, le monde! les mauvais conseils! les mauvais exemples! Sauvez nous, Seigneur, sauvez nous! J'espère en votre bonté et en vôtre grâce: vous avez bien préservé les enfants de la fournaise, mais vous envoyàtes votre ange; et moi, hélas! qui suis-je?" [1]).

Жуковскій могъ волноваться по тѣмъ же соображеніямъ. Его тронуло „дружеское чувство" къ нему Николая Тургенева, которое онъ вычиталъ въ письмѣ его къ брату [2]), въ письмѣ граф. Разумовской (28 октября 1827 г.), и отвѣчая Александру Тургеневу, онъ снова касается наболѣвшаго у него вопроса. До сихъ поръ или, лучше сказать, когда Николай Тургеневъ могъ его видѣть, онъ смотрѣлъ на него, Жуковскаго, какъ на „какого-то потеряннаго въ европейской сферѣ. Ни моя жизнь, ни мои знанія, ни мой талантъ не стремили меня ни къ чему политическому. Но когда-же *общее дѣло* было мнѣ чуждо? Я не занимался современнымъ, какъ бы было должно—это правда, и теперь вижу, что мнѣ многаго не достаетъ въ моемъ теперешнемъ званіи, ибо теперешнія занятія пожираютъ все вниманіе, все сердце и все время. На внѣшнее могу только заглядывать изрѣдка, урывками. А знакомство съ нимъ необходимо для вѣрности, солидности и теплоты идей. Я живу теперь для *одного* исключительно и одно только имѣю безпокойство, часто мучительное, хорошо ли сдѣлаю свое дѣло. Другихъ безпокойствъ нѣтъ никакихъ на счетъ себя, ибо ничего *себѣ* не ищу"

---

1) Сл. письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 18 ноября 1827 г. Барантъ былъ удивленъ, узнавъ, „что воспитаніемъ наслѣдника руководитъ поэтъ; въ Парижѣ объ этомъ ничего не знали". Когда Барантъ сказалъ это Смирновой, она отвѣтила: „Это странно, такъ какъ г. Ла-Ферроннэ зналъ Жуковскаго, и они бесѣдовали вмѣстѣ, даже Ла-Ферроннэ прозвалъ его русскимъ Фенелономъ". — Говорили-ли они о воспитаніи? спросилъ Ла-Ферроннэ; можетъ быть, отвѣчала Смирнова, они говорили при мнѣ о „Духѣ Христіанства", о религіозной поэзіи по поводу Расина и Жана Батиста Руссо, Жуковскій о Мильтонѣ; но за разговоромъ я не слѣдила и въ записки свои не внесла; впрочемъ, я была тогда очень молода, заключаетъ она (Записки А. О. Смирновой I стр. 228). Ла-Ферроннэ былъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

2) „Какою частію занимается Жуковскій? спрашивалъ брата Николай Тургеневъ (14 сентября 1826 г.). Очень радуюсь, что онъ съ вами. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я знавалъ, я не видалъ другой души, столь чистой и невинной. *Я, бывало, негодовалъ на него, что онъ въ стихахъ своихъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства*". Русская Старина 1901 г., май, стр. 255.

(20 ноября/5 декабря 1827 г.). „Я не почитаю себя ни счастливымъ, ни несчастливымъ; у меня есть должность, я живу для ея исполненія“ (къ Ал. Тургеневу, 4 февраля 1828 г.).

Пріятели могли говорить и тогда, какъ несколько лѣтъ спустя, что Жуковскій не исполняетъ святой, лежавшей на немъ обязанности, „для коей приставили его къ наслѣднику; не его вина была бы, если бы онъ и надоѣлъ напоминаніями; не рисовать, а читать, учиться надлежало.... У него должна была быть одна мысль: заронить искры, пробуждать чувство, обращать, отвращать отъ баловъ и парадовъ и устремлять на лучшее устройство; заговаривать о важномъ, хотя бы и не слушали его, не отвѣчали ему. Россія, друзья истинные его и отечества не заглянутъ въ его альбумы, а спросятъ, что́ узналъ онъ и его воспитанникъ, чѣмъ прельщался онъ и что́ вывезъ изъ Германіи и Англіи для Россіи. Ему надлежало такъ надоѣсть великому князю и прочимъ приставникамъ, чтобы быть отослану или съ дороги, или по возвращеніи, и тогда бы онъ дорисовалъ свой album спокойной кистію и съ спокойной совѣстію на досугѣ и сохранилъ бы otium cum dignitate (Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 1839 годъ 21 апрѣля).

Жуковскій сдѣлалъ свое дѣло, положивъ на него все сердце и время, совѣстливо, въ предѣлахъ возможности и въ размѣрѣ своихъ гуманныхъ идеаловъ.

Жуковскій во дворцѣ былъ отрокомъ Бѣлева:
Онъ вѣру, и мечты, и кротость сохранилъ
И дѣвственной души онъ ни лукавствомъ слова,
Ни тѣнью трусости, дитя, не пристыдилъ [1]).

Стихи кн. Вяземскаго, поддержанные слѣдующими воспоминаніями, освѣщаютъ эту пору дѣятельности Жуковскаго, бросая свѣтъ и на его раннее положеніе при дворѣ въ 1817—20-хъ годахъ, и на неуравновѣшенность его берлинскаго дневника [2]). „Оффиціальный Жуковскій не постыдитъ Жуковскаго поэта. Душа его осталась чиста и въ томъ и въ другомъ званіи“. Разумѣется, бывали у него и темныя минуты. „Особенно, такія

---

1) Изъ стихотворенія „Замѣтка“. Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, т. XI, стр. 388.

2) См. выше стр. 310 слѣд.

минуты могли падать на долю Жуковскаго въ средѣ, въ которую нечаянно былъ онъ вдвинутъ судьбою. Впрочемъ, не все тутъ было дѣломъ судьбы или случайности. Призваніемъ своимъ на новую дорогу Жуковскій былъ обязанъ первоначально себѣ, то есть личнымъ своимъ нравственнымъ заслугамъ, дружбѣ и уваженію къ нему Карамзина и полному довѣрію царскаго семейства къ Карамзину. Какъ бы то ни было, онъ долго, если не всегда, оставался новичкомъ въ средѣ, опредѣлившей ему мѣсто при себѣ. Онъ вовсе не былъ честолюбивъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова[1]). Онъ и при дворѣ все еще былъ „Бѣлева мирный житель". Отъ него все еще пахло, чтобы не сказать, благоухало, сельской элегіей, которою началъ онъ свое поэтическое поприще. Но со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ щекотливъ, иногда мнителенъ: онъ былъ цвѣтокъ „не тронь меня"; онъ иногда приходилъ въ смущеніе отъ малѣйшаго дуновенія, которое казалось ему неблагопріятнымъ, именно потому, что онъ не родился въ той средѣ, которая окружала и обнимала его, и что онъ былъ въ ней пришлый и такъ сказать чужеземецъ. Онъ, для охраненія личнаго достоинства своего, бывалъ до раздражительности чувствителенъ, взыскателенъ, можетъ быть, иногда и не кстати[2]). Переписка его, въ свое время, все это выскажетъ и обнаружитъ, но между тѣмъ и докажетъ она, что всѣ эти маленькія смущенія были мимолетны. Искренняя, глубокая преданность съ одной стороны, съ другой уваженіе и сочувствіе были примирительными средствами для скораго и полнаго возстановленія случайно или ошибочно разстроеннаго равновѣсія"[3]).

Дневникъ, веденный съ 27 іюля по 4 августа 1837 г. старымъ пріятелемъ Жуковскаго, Александромъ Михайловичемъ Тургеневымъ, въ дни пріѣзда въ Москву Жуковскаго съ наслѣдникомъ, и начинающійся чѣмъ то въ родѣ обращенія къ другу, открываетъ другія, не столь веселыя перспективы на обстановку, въ которой находился воспитатель[4]). „На тебя смотритъ

---

1) См. выше стр. 307 отзывъ Карамзина.

2) Слѣды этой излишней чувствительности сохранились въ дневникѣ. См. напр. замѣтку подъ 9/21 апрѣля 1839 года: „привезли ленту и брильянты Кавелину, а мнѣ оплеуху". Сл. дневникъ 1839 г. 25 іюня.

3) Полное. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VІІ, стр. 472.

4) См. К. Я. Гротъ, В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году. Спб. 1902 г. стр. 6—8.

вся Россія, вся Европа. Первая утѣшаетъ себя мыслью упованія, наслаждается благоденствіемъ, уготованнымъ трудами и попеченіемъ твоимъ при развитіи душевныхъ качествъ питомца твоего; вторая знаетъ тебя, какъ знаменитаго автора. Ты не принадлежишь самъ себѣ; имя твое будетъ извѣстно въ позднѣйшемъ потомствѣ. Роль твоя à peu près — роль Адашева. Въ этихъ отношеніяхъ ты ходишь, какъ говорятъ, по ножевому острею. Ты всѣмъ извѣстенъ добротою души и сердца твоего. Всѣ знаютъ, что душа твоя свѣтла, какъ зеркало, съ котораго и малѣйшее дуновеніе мгновенно исчезаетъ. Но знай, что ты имѣешь много людей недоброжелательствующихъ тебѣ. Всѣмъ тѣмъ, которыхъ называютъ у насъ родовыми, ты не угоденъ, потому что у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермолафіи[1]). Въ шестьдесятъ лѣтъ жизни мнѣ довелось видѣть одного въ большомъ табунѣ родовыхъ, который не принадлежалъ къ роду, а прочіе всѣ носили отпечатокъ наслѣдниковъ Тараса Скотинина. Сколько разъ слышалъ я восклицанія на счетъ выбора твоего: чему быть доброму, что можемъ у него занять, чему научиться? Стихи писать? И вслѣдъ за сими восклицаніями панегирикъ Екатеринѣ II за премудрое избраніе Николая Ивановича Салтыкова[2]), человѣка п....ѣйшаго и гн....ѣйшаго, какого когда либо видали подъ солнцемъ.... Я увѣренъ..., что ты скорѣе согласишься умереть, нежели сдѣлать какую-либо подлость. Но суди жъ о людяхъ, и именно родовыхъ, которые до того и тупы и дерзки, что осмѣливаются тебя ставить въ параллель съ Н. И Салтыковымъ. И потому повторяю тебѣ, ты ходишь по ножевому острею. Помни, родовая сволочь на все способна!... Питомца твоего масса любитъ и обожаетъ, родовая сволочь видитъ въ немъ направленіе, не сообразное съ ея желаніями. Она будетъ всячески стараться употреблять всѣ ухищ-

---

1) Ермолафія—чепуха (здѣсь въ смыслѣ родословной); Ермолафъ—, кличка А. М. Тургенева въ письмахъ къ нему Жуковскаго. „Я невѣжда—Ермолафъ" писалъ Тургеневъ Жуковскому, укорявшему его за то, что „Кота въ сапогахъ" онъ предпочитаетъ Одиссеѣ. Крыловъ вывелъ подъ именемъ Ермалафида писателя новѣйшей (Карамзинской) формаціи, невѣжу, отрицавшаго всѣ науки и „правила древнихъ" во имя „свободы словесныхъ наукъ". Сл. Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей. С.-Петербургскій Меркурій 1793 г. апрѣль ч. 2-ая, стр. 26 слѣд.

2) Князь Н. И. Салтыковъ, съ 1783 г. воспитатель вел. князей Александра и Константина Павловичей.

ренія, чтобы завладѣть грунтомъ и истребить добрыя сѣмена, тобою насажденныя. Уповаю на Бога! Это ей не удастся".

„Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью, товарищъ несравненный", писалъ Жуковскій въ 1815 году [1]); стиль этой поэзіи удержался и въ эпоху мадригала, когда „сердечное воображеніе" вступило въ роль сердца, но за тѣмъ товарищъ сталъ сторониться. 1821 — 2 годы были для Жуковскаго климатерическими. Самъ онъ надѣялся, что путешествіе не только „оживитъ и расширитъ его душу" и его „вялость душевная поубавится", но что оно пробудитъ „давно уснувшую поэзію"; въ 1822 году онъ сознается, что „поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни" [2]). „Время поэзіи уже пролетѣло для Жуковскаго, пролетѣло навсегда, писалъ впослѣдствіи Полевой: восемь лѣтъ тому назадъ (въ 1823-мъ году) онъ спрашивалъ дарователя пѣснопѣній, генія чистой красоты, возлагая на алтарь его все, что сохранилъ отъ милыхъ, темныхъ и ясныхъ минувшихъ дней, отъ времени прекраснаго,—цвѣты уединенной мечты и цвѣты лучшей жизни, спрашивалъ его о возвратѣ вдохновенія и говорилъ:

Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ его утрата
И вѣчно арфѣ не звучать?" [3]).

Вернется ли когда чреда „свѣтлыхъ вдохновеній", поэтъ не знаетъ, но ему знакомъ еще „геній чистой красоты", онъ различаетъ сіяніе его звѣзды и еще надѣется.

Не умерло очарованье
Былое сбудется опять
(Я музу юную бывало).

---

1) См. выше стр. 209.

2) См. выше стр. 233.

3) Очерки I 96. Рѣзкій, но едва ли справедливый отзывъ Полевого въ другомъ мѣстѣ статьи (стр. 115): „Съ изгнаніемъ непріятеля (1812 г.) возобновились мирныя занятія Жуковскаго. Но геній *собственной* поэзіи его, блеснувшій на минуту, тогда же уже исчезъ. Все, что ни писалъ онъ послѣ были .... переводы съ нѣмецкаго, или лирическія, на случай сочиненныя пьесы".

Въ немъ замирало мало по малу то настроеніе, которое, пережитое и выстраданное однажды въ жизни, оставалось въ немъ и позже живымъ, хотя бы и формальнымъ ферментомъ; источникъ его элегической фантазіи не билъ съ прежней силой. „Моя муза молчитъ, пишетъ онъ Дмитріеву (1825 г. 28 марта): она выбрала теперь для себя совсѣмъ другую дорогу и не смѣетъ ее покинуть или, лучше сказать, не можетъ". „Съ 1817 года начинается другая половина жизни моей, совершенно отличная отъ первой, писалъ онъ впослѣдствіи импер. Николаю. Я былъ приближенъ къ особѣ государыни императрицы.... Въ это время я продолжалъ еще писать [1]). Но съ той минуты, въ которую возложена была на меня учебная часть воспитанія великаго князя, авторство мое кончилось и я сошелъ со сцены" [2]). Въ 1827 году (27 ноября) онъ извиняется передъ Измайловымъ, что ничего не даетъ въ его „Литературный Музеумъ": „ничего не написалъ и не скоро что-нибудь написать надѣюсь"; сердится на Тургенева, что онъ снабдилъ его стихами альманахъ Ѳедорова (Памятникъ отечественныхъ музъ, изданный на 1827 г.): „во всемъ его альманахѣ не было ничего хуже моихъ пьесъ" [3]). Онъ перекладываетъ въ стихи сказки, возвращается къ балладамъ и входитъ постепенно въ колею переводовъ, въ тотъ третій періодъ своей дѣятельности, когда изъ лирика онъ сталъ „болтливымъ сказочникомъ" [4]), „смирнымъ поэтомъ-разскащикомъ" [5]), изъ „таинственно-заносчиваго германскаго романтика" — „смирнымъ классикомъ" [6]). Въ концѣ 1832 и началѣ 1833 года онъ переводитъ съ какимъ то лихорадочнымъ спѣхомъ: въ 1832 г. 2—4 декабря новаго стиля переведенъ изъ Уланда der Waller (Братоубійца), 5—6-го его же Der Rehberger (Рыцарь Роллонъ), 7-го восемь строфъ изъ Der junge Königssohn und die Schäferin Уланда (Царскій сынъ и поселянка),

---

1) Несмотря на „граматическія занятія". Сл. выше стр. 271 прим. 5 и стр. 369 прим. 1. Въ 1819 году, 5 іюня, И. И. Дмитріевъ писалъ А. Тургеневу: „Можетъ быть, Плещеевъ успѣетъ обратить Жуковскаго къ поэзіи и простудить его къ грамматическимъ таблицамъ. Какъ можно поэту заниматься такою работою!" Русская Старина 1903 г. ноябрь, стр. 716.

2) Письмо 30 марта 1830 г., Русскій Архивъ 1896 г. № 1, стр. 109 слѣд.

3) Къ Тургеневу, генварь 1835 г.

4) Къ Государынѣ 1842 г.

5) Къ И. В. Кирѣевскому 1844 г.

6) Къ С. С. Уварову 1848 г.

8-го его-же Graf Eberhard Weissdorn (Старый Рыцарь), съ 9-го по 30-е: три главы Ундины; 20 генваря 1833 г. начало Уллина (Campell'я Ullin's daughter), съ 21-го по 29-ое изъ Шиллера Eleusisches Fest; 13—14 февраля отрывокъ, всего 67 стиховъ, какой то нѣмецкой пьесы съ дѣйствующими лицами Элленой и Гунтрамомъ [1]).

Эта изумительная переводческая дѣятельность его не удовлетворяетъ. „Стиховъ написано довольно, сообщалъ онъ Тургеневу (15 генваря 1833 г.), но все еще не расписался и *черпаю изъ другихъ, а своего не начиналъ*, и не знаю, удастся ли написать что-нибудь свое: для этого нужно больше живости и свѣтлости воображенія, которому болѣзнь большая помѣха". „Кажется мнѣ, что время поэзіи для меня миновалось; можетъ быть, это оттого, что жизнь моя сама по себѣ безцвѣтна и что лѣта уже взяли свое, то есть заступили то, что *не было никогда обращено въ живое пламя*". Въ такомъ настроеніи онъ упрямился писать, кое-что написалъ, но многое бросилъ, и это его разстроило (къ тому же 14/26 марта 1833 г.); а друзья успѣли уже проблаговѣстить, что онъ началъ поэму (кн. Вяземскій Жуковскому 29 генваря 1833 г.).

Критика становилась назойливѣе. И прежде Каченовскій жаловался на „западные, чужеземные туманы", застилавшіе для него поэзію Жуковскаго, на „обороты, блестки ума и безпонятную выспренность" нѣмецкихъ стихотворцевъ, а Благонамѣренный глумился надъ его подражателями „тевтонороссами". Въ 1825 г. Вяземскому пришлось защищать Жуковскаго отъ нареканій, будто онъ выдавалъ чужое за свое, „что было возможно, пока наша публика мало слыхала о Шиллерѣ, Гёте, Бюргерѣ и другихъ нѣмецкихъ романтическихъ поэтахъ; теперь все извѣстно: знаемъ, что́ откуда заимствовано, почерпнуто или пересказано". Жуковскаго упрекали въ однообразіи; правда, отвѣчаетъ Вяземскій, многія изъ его произведеній, а въ особенности послѣднія, носятъ какой-то общій отпечатокъ, но, за немногими исключеніями, однообразіе, односторонность, одноличность скорѣе достоинство, признакъ таланта, вѣдь и „цвѣтокъ имѣетъ одинъ запахъ, плодъ одинъ вкусъ, красавица одно выраженіе" [2]).

1) Сл. дневники Жуковскаго подъ указанными числами и его Бумаги стр. 104—5.

2) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго. I, стр. 179—80. Это

Пушкинъ также выступилъ въ защиту учителя. „Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. „Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный“. Переводы избаловали его, излѣнили. Онъ не хочетъ самъ созидать, но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить о немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. „Былое сбудется опять“, и я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ“ [1]). Онъ не сочувствуетъ строгому отзыву Бестужева о Жуковскомъ: „Зачѣмъ кусать намъ ґруди кормилицы нашей?.... Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же переводный слогъ его остается навсегда образцовымъ“ [2]). Рылѣевъ готовъ согласиться съ Пушкинымъ относительно заслугъ Жуковскаго по языку; онъ „имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая то туманность, которыя иногда въ немъ даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить его славу“ [3]). И въ то-же время Кюхельбекеръ пародировалъ „Жалобу Цереры“ и нѣкоторые монологи „Орлеанской дѣвы“, чѣмъ вызвалъ острастку Пушкина [4]): когда-то и самъ онъ погрѣшилъ пародіей на „Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ“ (какъ въ 1818 году на начало „Тлѣнности“), съ его стороны это „недостатокъ эсте-

---

тѣ же нападки, что позже у Полевого, Очерки I стр. 117, 135 — 6, и та-же защита, что у Бѣлинскаго (въ статьѣ объ Очеркахъ Полевого, От. Зап. 1840).

1) Къ кн. Вяземскому 1825, 25 мая.

2) Къ Рылѣеву 23 января 1825 г.; сл. Сочиненія кн. Вяземскаго, I, стр. 181.

3) Къ Пушкину 1825, 12 февраля. Сл. стихотвореніе Боратынскаго къ „Богдановичу“ 1827.

4) Къ Кюхельбекеру 1825 г., въ началѣ декабря; сл. письмо къ кн. Вяземскому 1825 г. до 22 апрѣля противъ Полевого за пародіи на Жуковскаго.

тическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе" [1]).

Подъ крыломъ Жуковскаго выросъ и возмужалъ поэтъ новаго поколѣнія, и учитель призналъ въ немъ „ученика-побѣдителя", слѣдитъ за его успѣхами, наставляетъ—и журитъ, когда тотъ волновался въ ссылкѣ и рвался на свободу. Онъ обращается къ нему любовно, называя его арзамасскимъ прозвищемъ: Сверчокъ моего сердца. „Ты созданъ попасть въ боги — впередъ! Крылья у души есть, вышины она не побоится. Тамъ настоящій ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ — и небо твое; вотъ моя вѣра.... Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца". Но тутъ-же оговорка—по поводу „Демона": „Къ черту черта! Вотъ пока твой девизъ"; „я не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ „Цыганъ". Но, милый другъ, какая цѣль? Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?" Надо бросить эпиграммы, „должно быть возвышеннымъ поэтомъ", создать что-нибудь безсмертное, „превосходное, великое". Обратившись къ такой поэзіи, онъ создастъ тебѣ свободу и — мѣсто на русскомъ Парнассѣ, если „съ высокостію генія" онъ соединитъ „и высокость цѣли". *Талантъ ничто, главное: величіе нравственное.* Слава Пушкина еще не согласна съ его нравственнымъ „достоинствомъ"; къ такому согласію онъ долженъ стремиться: будь „Байронъ на лирѣ, а не Байронъ на дѣлѣ", тогда ты будешь „честью и драгоцѣнностью Россіи", а пока своими „буйными, одѣтыми прелестью поэзіи мыслями" онъ нанесъ юношеству „вредъ неисцѣлимый", что должно заставить его „трепетать" [2]). „Жажду Годунова, писалъ въ 1827 г. Жуковскій Гнѣдичу; скажи ему (Пушкину) отъ меня, чтобы бросилъ дрянь и былъ просто великимъ поэтомъ, славою и благодѣяніемъ для Россіи—это ему возможно".

Такъ звали когда-то и Жуковскаго его друзья къ „возвышенной поэзіи", къ превосходному, великому, но умыселъ былъ другой, не слышно было и тѣхъ мотивовъ, въ которыхъ расписался самъ Жуковскій: „Извини эти строки изъ катихизиса".

---

1) Критическія замѣтки 1830—1-хъ годовъ.

2) См. Русскій Архивъ 1889 г. № 9: Письма Жуковскаго къ Пушкину 1 іюня 1823 г., осенью 1824 г., 9 августа и 23 сентября 1825 г. и 12 апрѣля 1826 г. Сл. письмо Пушкина къ Жуковскому май—іюнь 1825 года.

Когда въ 1831—2 годахъ Жуковскій и Пушкинъ сходились въ салонѣ Россетти-Смирновой, она записала впечатлѣніе ихъ встрѣчъ: какъ Жуковскій гордился и любовался Пушкинымъ, смотрѣлъ на него „съ нѣжностью“, наслаждался всѣмъ, „что говоритъ его фениксъ. Есть что-то трогательное, отеческое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, братское въ его привязанности къ Пушкину, а въ чувствѣ Пушкина къ Жуковскому — оттѣнокъ уваженія даже въ тонѣ его голоса, когда онъ ему отвѣчаетъ“. Однажды Пушкинъ прочелъ Жуковскому свое переложеніе молитвы Ефрема Сирина, и тотъ въ восторгѣ поцѣловалъ его: „Ты, ты — мое неоцѣненное сокровище!“ И Пушкинъ исповѣдуется Смирновой: „всякій разъ, какъ мнѣ придетъ дурная мысль, я вспоминаю о немъ (Жуковскомъ) и спрашиваю себя: что сказалъ бы Жуковскій? И это возвращаетъ меня на прямой путь“ [1]).

Было ли то благоговѣйное преклоненіе, или та духовная или сердечная близость, когда душа всецѣло раскрываетъ передъ другой завѣтъ своихъ думъ, отдаваясь ея пониманію и вліянію?

По смерти Пушкина Жуковскому вмѣстѣ съ Дубельтомъ порученъ былъ разборъ его писемъ и бумагъ. О результатахъ разбора Дубельтъ донесъ Бенкендорфу, которому, съ своей стороны, Жуковскій написалъ объяснительную записку. Она сохранилась въ двухъ черновикахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ распространеніе другого; оба, повидимому, безъ конца [2]); не потому-ли, что письмо и не было доставлено по назначенію, какъ тѣ мысли, которыя Жуковскій записалъ на клочкѣ бумаги послѣ своего объясненія съ государемъ по дѣлу Тургенева? [3]). Письмо — апологія Пушкина и, вмѣстѣ, близко стоявшихъ къ нему лицъ, Жуковскаго. Въ пушкинскихъ бумагахъ ожидали найти „много новаго, писаннаго въ духѣ враждебномъ правительству и вреднаго нравственности. Вмѣсто того нашлись бумаги, рѣшительно доказывающія со всѣмъ иной образъ мыслей, особенно выразившійся въ отвѣтѣ на печатное

---

1) Записки Смирновой I стр. 219, 279, 321.

2) Оба черновика, нынѣ въ коллекціи А. Ѳ. Онѣгина, будутъ напечатаны въ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Далѣе я пользуюсь подробной редакціей, кое-гдѣ указывая въ прямыхъ скобкахъ на нѣкоторыя подробности краткой.

3) Сл. выше стр. 365—6.

письмо къ Чаадаеву, которое Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ послать не по почтѣ, но не послалъ, вѣроятно, по той причинѣ, что не желалъ своими опроверженіями усиливать скорбь пріятеля, уже испытавшаго заслуженный гнѣвъ государя [1]). Однимъ словомъ, новаго предосудительнаго не нашлось ничего, и не могло быть найдено, въ чемъ я напередъ былъ увѣренъ, зная, каковъ былъ образъ мыслей Пушкина въ послѣдніе годы". Съ тѣхъ поръ, какъ „Государь такъ великодушно его присвоилъ", Пушкинъ совсѣмъ перемѣнился; за это время онъ не написалъ ничего „злонамѣреннѣе" стиховъ „къ Лукуллу", за которые друзья жестоко его укоряли; да и тѣ напечатаны „съ одобренія цензуры, но безъ его вѣдома". А между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ продолжалъ состоять подъ тѣмъ-же „мучительнымъ, непрестаннымъ надзоромъ" (двойная цензура, запретъ ѣхать въ деревню, за границу; выговоръ за чтеніе въ обществѣ Бориса Годунова до цензурнаго одобренія). Пушкинъ никогда не былъ демагогическимъ писателемъ: были у него до 1826 года „грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастіемъ [„Ода къ свободѣ"; „Кинжалъ" 1820 года, написанный въ то время, когда Зандъ убилъ Коцебу], но демагогическаго, написаннаго съ точнымъ намѣреніемъ произвести волненіе (общества), ничего не было между ними и тогда. Заговорщики противъ Александра (воспользовались?), можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но въ ихъ смыслѣ (то есть въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего и замыслы ихъ были ему совершенно чужды. Это однако не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ) причислить его къ героямъ 14-го декабря и назвать злоумышлен-

---

1) Письмо Пушкина къ Чаадаеву напечатано было впервые въ Русскомъ Архивѣ 1884 г. № 4, стр. 453—5. Изъ записки Жуковскаго къ Бенкендорфу оказывается, что Чаадаеву оно не было послано, и это подтверждается письмомъ Чаадаева къ Жуковскому съ просьбой прислать ему, по возможности, письмо Пушкина — уже по смерти поэта (см. Русская Старина 1903 г. октябрь, стр. 165—6). И такъ: Бенкендорфъ зналъ о существованіи письма, но оно не было ему доставлено вмѣстѣ съ другими наличными, ибо нашлось въ бумагахъ Жуковскаго. Пушкинъ, сообщаетъ Жуковскій, не послалъ Чаадаеву письма, чтобы своими опроверженіями „не усиливать скорбь пріятеля, уже испытавшаго заслуженный гнѣвъ государя". „Воронъ ворону глаза не выклюетъ — шотландская пословица, приведенная Вальтеръ Скоттомъ въ Woodstock", приписалъ Пушкинъ на послѣдней страницѣ письма.

никомъ на жизнь Александра". За послѣднія его сочиненія его „никакъ нельзя назвать демагогомъ. Онъ просто русскій національный поэтъ, выражавшій въ лучшихъ стихахъ своихъ наилучшимъ образомъ все то, что дорого русскому сердцу" [Годуновъ, Полтава, многія пѣсни на Петра Великаго, Ода на взятіе Варшавы, Клеветникамъ Россіи].—Переходя къ политическимъ взглядамъ Пушкина, Жуковскій спрашиваетъ Бенкендорфа: „благоволили ли вы взять на себя трудъ когда-нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ?" Вы слышали о нихъ отъ другихъ, „вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ". И Жуковскій излагаетъ политическое credo Пушкина: „*Первое*: Я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благотворителя, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣряю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что онъ былъ за послѣдніе годы) рѣшительно убѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и это не по одной любви къ нынѣшнему Государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву [1]). *Второе*: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія и въ этомъ онъ даже доходилъ до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ то-же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна, и что она, служа защитою обществу отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго произвола [2]). *Третье*:

1) „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками—я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ послалъ" (изъ письма къ Чаадаеву).

2) Сл. защиту Пушкинымъ цензуры въ „Мысляхъ на дорогѣ" X. Торжекъ. (1836): мысль должна быть свободна „въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.... законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ искоренить то и другое".

Пушкинъ былъ врагъ Іюльской революціи. По убѣжденію своему онъ былъ карлистъ; онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и незыблемость законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорою гражданскаго порядка. Наконецъ, *четвертое*: Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ [„былъ почти фанатическій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую, чему доказательство нашелъ я еще недавно въ письмахъ его женѣ"]. — Таковы были главныя политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. *Они были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частыхъ, непринужденныхъ разговоровъ.... И они были таковы уже прежде 1830 года*". Пушкинъ созрѣлъ, мужалъ умомъ, онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ—и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и что бы онъ не написалъ, еслибъ несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, „перваго поэта Россіи!"

Цѣнность этого документа опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрить въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и безсознательный, невольный шаржъ — идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелямъ [1]): все, что входило въ кругъ его симпатій, выростало или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковскій *зналъ* своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ. Эти цѣли выяснились для Жуковскаго изъ того ограниченнаго круга идей, въ которыхъ онъ выросъ и созрѣлъ и которыя начинаетъ приводить въ систему. Мы видѣли, какъ онъ упорядочилъ свои общественныя взгляды [2]),—ими онъ мѣритъ Пушкина; и въ области духовно - нравственныхъ вопро-

1) См. выше стр. 298, 303, 308.
2) См. выше стр. 370 слѣд.

совъ, волновавшихъ его со времени его юношескаго дневника, онъ пытается разобраться, привести ихъ къ органической цѣльности. Они окончательно опредѣлятъ какъ его взглядъ на возвышенную поэзію-религію, такъ и его отрицательное отношеніе къ Онѣгинымъ, Печоринымъ и къ теченіямъ русской литературы, современной послѣдней порѣ его дѣятельности.

2.

Для него эти вопросы — были вопросами самоопредѣленія; онъ не устаетъ подходить къ нимъ то съ той, то съ другой стороны, точно хочетъ успокоиться, выразивъ для себя „невыразимое", уяснить себя „здѣсь" таинственное „тамъ". Въ этомъ исканіи чувствуется какая то тревога. Смолода онъ старался воспитать въ себѣ вѣру (сл. его дневникъ 1805 г.), твердитъ о томъ въ письмахъ 1814—15-хъ годовъ; „я еще могу имѣть религію", записалъ онъ въ своей берлинской замѣткѣ 1820 г. Николай Тургеневъ читаетъ Библію: „слава Спасителю! пишетъ Жуковскій его брату. Онъ явился во время. Познакомься и ты съ Нимъ поближе. Онъ скажетъ и дастъ тебѣ то, чего никто на землѣ не даетъ и не скажетъ: смиреніе и нетревожимость. Я не говорю это, я такъ думаю теперь. Я этому вѣрую и хочу вѣрить" [1]). C'est le poète de la passion, давно сказалъ о немъ кн. Вяземскій [2]); теперь благодать страданія займетъ особое мѣсто въ міросозерцаніи поэта, такъ долго служившаго задумчивой музѣ меланхоліи: „земная жизнь—страданія питомецъ", страданія возвышаютъ душу, и когда „въ величіи покорной тишины она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ", тогда „вся Промысла ей видима дорога, она полна понятнаго ей Бога" (На кончину королевы Виртембергской 1819 г.). „Le grandes idées viennent du coeur.... frappé par une grande perte", писалъ онъ въ 1826 г. вдовѣ Карамзина [3]). „Страданіе—творецъ великаго, повторяетъ онъ въ 1831 г. („Взглядъ съ земли на небо"): оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ вѣры, съ утѣхою надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ любви". „Стра-

---

1) 1 ноября 1827 г. Сл. дневникъ 14 апрѣля того же года.

2) Сл. выше стр. 299.

3) См. выше стр. 339.

данiемъ душа поэта зрѣетъ, Страданiе — святая благодать". (Камоэнсъ 1839 г.).

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще слышится въ его письмахъ ободряющiй себя крикъ сердца: вѣрить, вѣрить, вѣрить! „Мы на землѣ только для вѣры.... Я это знаю...., но знать однимъ убѣжденiемъ мысли, и быть на дѣлѣ тѣмъ, что ясно постигаетъ мысль, великая разница. И я еще не достигъ до этой высоты" [1]). „Я знаю, что нѣтъ ничего выше вѣры и молитвы, знаю, что это высшее сокровище души человѣческой, за которое должно отдать всякое другое, — знаю, и во мнѣ нѣтъ того, что я считаю лучшимъ, желаннѣйшимъ, свѣтлѣйшимъ. Но будетъ-ли когда? Въ святилищѣ семейной жизни стоитъ сосудъ причащенiя жизни вѣчной. Дѣти мои и жена его мнѣ подадутъ" [2]).

Онъ занимается переводомъ на русскiй языкъ Евангелiя [3]), читаетъ Фенелона и мистика Таулера [4]), увлеченъ книгой Стурдзы [5]), записками пастора Розенштрауха [6]), переписывается о религiозныхъ предметахъ съ Гоголемъ, переживавшемъ тогда тяжелый душевный кризисъ, съ Смирновой, впавшей въ благочестiе. Пiэтизмъ Жуковскаго — печать чувствительности; въ немъ и не произошло перелома, а лишь обострение; его окружали теперь пiэтисты, вѣрующiе, лютеране и католики, Рейтерны, Радовицъ, Штольберги [7]); онъ обсуждаетъ, взвѣшиваетъ, но не сдается, стоитъ на своемъ и жаждетъ непосредственной вѣры капитана Боппа,

Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ (1843 г.) [8]),

1) Къ государынѣ 1842 г., мартъ.

2) Дневникъ 1842 г. 12 ноября.

3) Тамъ же 1844 г.: переведены всѣ четыре Евангелiя, Дѣянiя Апостольскiя и Апокалипсисъ. Сл. письма къ Плетневу 6 марта 1850 г., къ Стурдзѣ марта 1850 г. (Русская Старина 1902 г., iюнь, стр. 582), Плетневъ Гроту 22 сентября 1848 г. „Новый Завѣтъ Господа нашего Iисуса Христа" въ переводѣ Жуковскаго изданъ въ Берлинѣ въ 1895 году.

4) Дневникъ 1843 г. 1 генваря.

5) Сл. письмо къ Сѣверину 10 апрѣля н. ст. 1846 г., Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 163 слѣд.

6) Плетневъ къ Жуковскому 2 iюня 1846 г.

7) Записки А. О. Смирновой. Сѣверный Вѣстникъ 1897 г., № 1, стр. 139 (1844 г.), Зейдлицъ l. c. стр. 247.

8) Онъ прочиталъ эту повѣсть въ прозѣ и попробовалъ пересказать ее — для дѣтей. „Свѣжему, молодому сердцу такого рода впечатлѣнiя мо-

хочетъ разстаться съ своимъ прошлымъ и, отобравъ всю шелуху, выбрать изъ него только то, что достойно сохраненія, если такое найдется [1]).

„Минута христіанства для насъ наступила, для тебя и для меня. И наступила для обоихъ поздно, пишетъ онъ Тургеневу. Мы оба растратили множество жизни по пустякамъ.... Что тебѣ осталось отъ твоей бѣготни по лекціямъ, по проповѣдямъ по салонамъ и прочее? Что ты узналъ и чему вѣришь? Я менѣе тебя извинителенъ: я не имѣлъ твоей разсѣянной, увлекательной жизни; я киснулъ въ своемъ углу и въ небольшомъ кругѣ идей поэтическихъ". Теперь Божій перстъ указалъ ему уголъ семейный, и онъ надѣется, что проповѣдь семейной жизни воздѣйствуетъ на него; „но обратится ли этотъ смиренно-убѣжденный умъ въ жаждущее сердце, не знаю".... [2]).

„Моя вѣра далека отъ желаннаго мира, читаемъ въ другомъ письмѣ: дойдетъ-ли она до него въ этой жизни, не знаю, я имѣю одно только убѣжденіе, что нѣтъ ничего выше вѣры, что мы здѣсь для вѣры, а не для чего иного, что она все и въ ней все. Но это только убѣжденіе; когда же оно обратится въ жизнь и размягчитъ камень сердца"? [3]).

Одно время пошли слухи о переходѣ его въ католичество. отъ которыхъ пришлось защищаться [4]). Въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ дневниковъ (1846 г.) есть грустная запись: его прошедшее не представляетъ ничего утѣшительнаго для сердца; рука Господня охранила его отъ земныхъ бѣдствій, но что онъ сдѣлалъ самъ? „На дорогѣ жизни я не собралъ истиннаго сокровища для неба: душа моя безъ вѣры, безъ любви и безъ надежды, и при этомъ бѣдствіи нѣтъ въ ней той скорби, которая должна была бы наполнять ее и возбуждать ее къ по-

---

гутъ быть благотворны. Чѣмъ раньше въ душу войдетъ христіанство, тѣмъ вѣрнѣе и здѣшняя и будущая жизнь. Безъ христіанства же жизнь кажется мнѣ уродливою загадкой, заданною злымъ духомъ человѣческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько его помучить и потомъ посмѣяться надъ его самонадѣянностью,—ибо загадка безъ отгадки" (Къ гр. Сологубу 14/20 ноября. 1844 г., Русская Старина 1901 г., іюль, стр. 100—1).

1) Къ наслѣднику 30 августа 1843 г.

2) 6/18 генваря 1844 г.

3) 1844 г., 8 ноября.

4) Къ Тургеневу 6 генваря 1844 г. Сл. письмо къ Цесаревичу 1 генваря 1844 г., Сѣверину 16 апрѣля 1846 г. (Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 165).

каянію. Окаменѣлость и разсѣяніе мною владѣютъ. Воля моя безсильна. Вмѣсто вѣры одно только знаніе, что вѣра есть благо верховное и что я не имѣю сего блага. Молитва моя одно мертвое разсѣянное слово, умъ безъ мысли, сердце безъ любви. Одна рука Твоя, Господь Спаситель, примиривши насъ съ Самимъ Собою, она отечески, дѣйствіемъ Твоего Святаго Духа можетъ извлечь меня изъ сей бездны: простри ко мнѣ Твою руку, посѣти мою душу Твоимъ Святымъ Духомъ".

Онъ обобщаетъ, ставитъ формулы; и въ поискахъ за вѣрой онъ систематикъ [1]): вѣра — свободный актъ воли, подчиняющій разумъ благодати; вѣра — смиреніе разсудка и воли и ихъ уничтоженіе передъ высшимъ разумомъ и высшею волею; вѣра, будучи „здѣсь" блаженнымъ откровеніемъ и принятіемъ невѣдомаго, становится любовью, то есть, блаженнымъ созерцаніемъ — „тамъ"; „вѣра, надежда, любовь, взятыя вмѣстѣ — смиреніе" [2]). Когда-то онъ баюкалъ себя сентиментальными представленіями о свиданьи, любви за гробомъ; теперь, когда поздно доставшееся счастье привязало его къ землѣ и возможность утраты стала осязательнѣе, вѣрить стало потребностью. „Еще не вошелъ мнѣ въ душу миръ Божій" — и долго еще не войдетъ; „квартира эта еще не довольно для него очищена. Но въ ней отъ уборки и безпрестанной переборки, отъ выбрасыванія всего ненужнаго, отъ обметанія пыли и выметанія сора, становится свѣтлѣе и просторнѣе..... въ знаніе и убѣжденіе не влилась еще мирная жизнь вѣры" [3]).

Въ эти годы его идеаломъ становится Радовицъ, съ которымъ въ 1827 году онъ сблизился въ Берлинѣ по письму Рейтерна: убѣжденный католикъ и монархистъ, „теплая, крѣпкая душа", съ „высокими, непрозаическими мыслями", не лишенными „излишества", но явленіе радостное въ современномъ об-

1) „Добрый нашъ Жуковскій! Онъ все любитъ подводить подъ систему", писала Зонтагъ Плетневу по поводу письма къ ней Жуковскаго, который, обобщая свой тяжелый жизненный опытъ, говорилъ о четырехъ классахъ жизненной школы: 1) признаніе воли Божіей, 2) смиреніе въ признаніи, 3) покой въ смиреніи, довѣренность; наконецъ, 4) чувство благодарности и живая любовь къ Учителю. Онъ, Жуковскій, еще въ первомъ классѣ. Сл. Жуковскій къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г. и Плетневъ къ нему 28 марта того же года.

2) Разсужденія и размышленія 1846—7 гг.

3) Къ А. Ѳ. Смирновой 23 февраля 1847 г.

щественномъ хаосѣ, „когда все возвышающее душу засыпано земнымъ соромъ"; человѣкъ aus einem Guss, у котораго „все подведено подъ одну мысль, все подведено подъ христіанство", и вся жизнь была слѣдствіемъ „его убѣжденій и вѣры" [1]). Радовицу, котораго Ал. Тургеневъ звалъ „кривотолкомъ", Жуковскій посвятилъ обширную апологію [2]); но его главнымъ духовнымъ руководителемъ становится теперь Стурдза, его знакомый съ 1817 года, зять любезнаго ему „человѣка Божія", Гуфеланда [3]). Пушкинъ шутилъ на Стурдзой „библическимъ", „монархическимъ", для Жуковскаго онъ „нашъ Платонъ христіанскій" [4]), строгій блюститель православія, предъ богословской мудростію котораго онъ преклонялся, у котораго искалъ поученія и духовной опоры. Еще въ 1829 году Стурдза рекомендовалъ ему свой Энхейридіонъ, руководство къ воспитанію въ духѣ православія, „ибо вы не мечтаете о воспитаніи, а занимаетесь имъ" [5]); въ 1835 г. онъ указывалъ на нѣсколько книгъ, „которыя Его Высочество особливо могъ бы прочесть съ великою пользою для ума и сердца", между ними „Жизнь св. апостола Павла" и „Страстная седмица" архимандрита Иннокентія [6]). И позже онъ продолжаетъ снабжать Жуковскаго указаніями на текущую литературу по духовно-нравственнымъ и церковнымъ вопросамъ, особенно на русскую, отъ которой Жуковскій, живя за границей, отсталъ; посылаетъ ему и собственныя творенія [7]). На эти темы завязалась переписка.

Хотѣлось бы побесѣдовать съ Вами, пишетъ ему Жуковскій въ мартѣ 1850 г., „бесѣдовать о такомъ предметѣ, который теперь для насъ обоихъ есть главный въ жизни, *который для васъ всегда стоялъ на первомъ ея планѣ, а для меня* такъ ярко отразился на ея радужномъ туманѣ *весьма недавно*, только тогда, когда я вошелъ въ уединенное святилище семейной жизни.

---

1) Къ Ал. Тургеневу 1833 г. 15/27 генваря и 1844 г. 6/18 генваря.

2) „Іосифъ Радовицъ" 1850 г.

3) Выраженіе Стурдзы въ письмѣ къ Жуковскому 14 іюня 1835 г. Русская Старина, 1903 г., май, стр. 400.

4) Къ Сѣверину 3 декабря 1849 г.

5) Письмо 7 октября 1829 г., Русская Старина тамъ-же, стр. 397—8. Энхейридіонъ напечатанъ былъ въ 1830 г. въ переводѣ С. Ю. Дестуниса подъ заглавіемъ „Ручная книга православнаго христіанина".

6) Письмо 14 іюня 1835 г., тамъ-же, стр. 398 слѣд.

7) См. тамъ-же, стр. 405 слѣд., письма 1840—50-хъ гг.

Этотъ чистый свѣтъ, свѣтъ христіанства, который всегда мнѣ былъ по сердцу, былъ завѣшенъ передо мною прозрачною завѣсою жизни; онъ проникалъ сквозь эту завѣсу, и глаза его видѣли, но все былъ завѣшенъ, и вниманіе болѣе останавливалось на тѣхъ поэтическихъ образахъ, которые украшали завѣсу, нежели на томъ свѣтѣ, который одинъ давалъ имъ видимость, но ими же и былъ заслоненъ отъ души, разсѣянной ихъ поэтической прелестью. Вотъ вамъ моя полуисповѣдь; цѣлой исповѣди не посылаю: на это не имѣю времени, да издали она будетъ и безполезна. Если бы мы были вмѣстѣ, многое изъ этой исповѣди васъ бы удивило; въ душѣ человѣческой много непостижимыхъ загадокъ, и никто не разгадаетъ ихъ, кромѣ самого Создателя души нашей". Прочитавъ давнишнее сочиненіе Стурдзы [1]), Жуковскій сѣтуетъ, что у православныхъ нѣтъ такого богатства христіанской литературы, какъ у католиковъ и протестантовъ; въ особенности у послѣднихъ есть много чудно-прекраснаго, „хотя они все строютъ, не имѣя никакой базы, но въ убѣжденіи, что имѣютъ самую лучшую. Имъ и въ голову не приходитъ, что въ христіанствѣ право freier Forschung такъ же уничтожаетъ всякую возможность имѣть неподсудимый авторитетъ, или, что все равно, церковь, какъ въ политическомъ мірѣ уродливая база народнаго самодержавія (souveraineté du peuple) уничтожаетъ всякую возможность общественнаго порядка". Несмотря на это, чтеніе иныхъ протестантскихъ сочиненій для него тѣмъ „назидательнѣе и убѣдительнѣе", что все истинное онъ переноситъ съ ихъ базы на свою твердую, „на базу православія" [2]).

Исканіе непосредственной вѣры продолжаетъ томить Жуковскаго и далѣе. „Я постигаю, если не живою вѣрою (она есть даяніе свыше), то глубокимъ убѣжденіемъ", „мое убѣжденіе еще не есть этотъ внутренній миръ, производимый живою вѣрою; я вижу, въ чемъ состоитъ верховное единственное благо жизни, но я слишкомъ поздно началъ это видѣть; жизнь моя прошла

---

1) Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église orthodoxe. Par Alexandre Stourdza. Weimar. 1816.

2) Русская Старина 1902 г., іюнь. Часть этого письма была приведена Стурдзой въ его статьѣ: Для памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя, „Москвитянинъ", 1852 г. № 20, кн. 2, стр. 218 слѣд. Отвѣтное письмо Стурдзы въ Русской Старинѣ 1903 г., май, стр. 414—15.

въ непроизвольномъ, бѣдственномъ невниманіи къ святѣйшему, и поздніе годы ея отзываются ничтожностію молодыхъ; жизнь моя прошла безъ тѣхъ сильныхъ ударовъ, которые потрясаютъ душу, ее расталкиваютъ и вырываютъ ее изъ того самодовольнаго сна, въ которомъ лелѣютъ ее поэтическія сновидѣнія“ [1]). „Въ твоей душѣ съ перваго дѣтства живетъ вѣра“, пишетъ онъ графинѣ С. М. Сологубъ...; я этой свѣжести сердца не имѣю. Во мнѣ одно полное убѣжденіе и неотрицаніе. Такая вѣра, какая твоя *теперь* и какою со временемъ *будетъ*, есть награда за покорное страданіе“ [2]). Идеаломъ становится долгъ, превращенный въ жизни „въ смиренную покорность Спасителю“ [3]).

Задумчивая муза меланхоліи, такъ долго питавшая поэзію Жуковскаго, теперь отринута: она присуща была языческому міросозерцанію, сквозитъ въ его жизнерадостности, и не христіанство ввело ее въ новую поэзію, какъ полагала M-me de Staël: христіанству присуща скорбь, неотъемлемое чувство души, сознающей свое паденіе и чающей вступить въ первобытное величіе; меланхолія водворилась у насъ не съ христіанствомъ, а по его распространеніи—и съ его отрицаніемъ. „Романтикъ“—христіанинъ лишь по своей эпохѣ, не по образу мыслей и чувствованій; чѣмъ болѣе его душа обогатилась сокровищами христіанскаго откровенія, тѣмъ сильнѣе она ощущаетъ противорѣчія окружающаго міра, и въ немъ рождается новая психологія байроновскаго скептицизма, либо меланхолія — „лѣнивая нѣга“, „грустная роскошь, мало по малу изнуряющая и наконецъ губящая душу“ [4]).

Какое значеніе получитъ въ этомъ міросозерцаніи поэзія?

Что такое истинная поэзія? Жуковскій отвѣтилъ на это въ письмѣ къ Козлову (1833 г.) [5]); въ (неизданномъ) письмѣ къ государынѣ 1840 г. онъ говоритъ о силѣ музыки, перенесшей

---

1) Къ графинѣ Соф. Мих. Сологубъ 24 іюля 1850 г. Сл. „О В. А. Жуковскомъ“, рѣчь, произнесенная въ Имп. Дерптскомъ университетѣ 29 января 1883 г. орд. проф. П. А. Висковатымъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г., мартъ, ч. CCXXVI, отд. 4, стр. 17 слѣд.

2) 22 сентября 1850 г., тамъ-же, стр. 21.

3) Къ Перовскому 1851 г., іюнь, Баденъ.

4) „О меланхоліи въ жизни и поэзіи“ 1845 г.; сл. письмо къ Кирѣевскому 1844 г.

5) Сл. выше, стр. 327.

его изъ настоящаго въ область воспоминаній—и переходитъ къ поэзіи: когда онъ очнулся отъ очарованія звуковъ, вокругъ него былъ тогда другой міръ: „онъ мнѣ не чуждъ, и я ему не чужой, но онъ какъ будто не имѣетъ будущаго, глаза болѣе оборачиваются назадъ, а то, что впереди, какъ будто стоитъ уже за границею жизни, какъ будто задернуто занавѣсомъ. *Поэзія не измѣнила, но она перемѣнила одежду. Она не обманъ, напротивъ, она верховная правда жизни, но въ первыя, свѣжія лѣта жизни она сливается со всѣмъ, что насъ окружаетъ. Позже она становится съ одной стороны воспоминаніемъ, съ другой вѣрою;* въ промежуткѣ же между этими двумя образами опустѣвшая сцена жизни; видишь вблизи декораціи, кулисы, машины и веревки. Хотя прямой картины нѣтъ, но ея дѣйствіе все было истинное. А въ жизни вѣрно только одно, прошедшее, ибо оно неизмѣнно; вѣрное же будущее принадлежитъ къ другому разряду".

Въ письмѣ къ Смирновой (23 февраля 1847 г.) проводится какъ будто иной взглядъ: Жуковскій говоритъ о призракѣ „поэзіи, которая насъ часто гибельнымъ образомъ обманываетъ на счетъ насъ самихъ, и часто, часто мы ея свѣтлую радугу, привидѣніе ничтожное и быстро исчезающее, принимаемъ за твердый мостъ, ведущій съ земли на небо. Подъ старость я не разсорился съ поэзіей, но не въ ней правда; она только земная, блестящая риза правды" [1]). — Но противорѣчіе только кажущееся: за поэзіей стоитъ другое, незыблемое — откровеніе вѣры. Въ письмѣ къ Гоголю 1848 г. прежнее воззрѣніе возникаетъ снова, піэтистическое, какъ встарь, но серьезно передуманное. Вторая, отрицательная часть письма повторяетъ обвиненія новѣйшей литературы (особенно французской) посланія къ Стурдзѣ (29 мая 1835 г.) [2]), вызваннаго чтеніемъ его „Письма опытнаго романтика къ новичку, выступающему на поприщѣ модной словесности" [3]). Жуковскій уже тогда раздѣлялъ воззрѣнія автора на безнравственность современныхъ писателей, на ихъ равнодушіе къ добру и злу, на отсутствіе идеаловъ прекраснаго, вѣры въ Бога; исключеніемъ выстав-

---

1) Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 533.

2) Сл. Русская Старина 1902 г., май, стр. 387—9.

3) Литературныя прибавленія къ Одесскому Вѣстнику 1883 г.; то-же въ Сѣверной Пчелѣ 1835 г. №№ 123 и 124.

лялся Вальтеръ Скоттъ [1]). Въ одномъ Жуковскій нашелъ возможнымъ попрекнуть Стурдзу: онъ написалъ о томъ, „чего быть не должно“ въ литературѣ, слѣдовало бы показать столь же сильно, „что быть должно“, и въ то же время опредѣлить истинный характеръ романтизма, который не иное что, какъ историческое понятіе [2]).

Поставимъ вмѣсто литературы — поэзію, и мы найдемъ въ

---

1) Не излишне познакомиться съ содержаніемъ письма Стурдзы для освѣщенія симпатій Жуковскаго: это тотъ же набатъ, только болѣе оглушительный. Стурдза выдѣляетъ романтиковъ, шедшихъ по слѣдамъ Гомера, Шекспира, Мильтона, Кальдерона, Клопштока, Шиллера, т. е. тѣхъ, которые были вдохновенными представителями „чего-либо прекраснаго, до установленія правилъ созданнаго самородными геніями: вотъ настоящее опредѣленіе романтическаго періода во всякой народной и въ всемірной литературѣ“ (сл. въ отвѣтѣ Жуковскаго: романтизмъ, какъ историческое понятіе). Но есть другого рода романтики, личину которыхъ надѣваетъ Стурдза, чтобы наставить новичка. Ихъ программа: ничему не удивляться, ибо удивленіе — признакъ слабаго ума и ведетъ къ рабскому благоговѣнію; презирать все, что когда либо боготворили, и боготворить „всѣ гнусные порывы строптиваго своевольства“; въ литературѣ отречься отъ Гомера, Аристотеля, Виргилія, Расина и читать Гюго, Матюреня, Бальзака, Дюмаса, Гофмана, Жанена и Занда. Литературное преданіе симметріи, подражанія, единства, засорило дѣвственные, самостоятельные органы мозга; стоитъ сбросить эти вериги, и неподдѣльное вдохновеніе вспыхнетъ, явится и новое содержаніе. „Мы, въ совокупности, не что иное, какъ одушевленный набатъ всеобщаго мятежа, разстройства и безначалія въ родѣ человѣческомъ; мы, посредствомъ неистовой поэзіи, площаднаго витійства, прозаической живописи и бѣснующейся музыки, отражаемъ бытъ народовъ современныхъ, тщательно растравляемъ раны, нанесенныя обществу буйствомъ страстей безбожныхъ; мы смѣшали, изуродовали всѣ роды изящнаго, потому что въ наше время все смѣшалось въ отношеніяхъ сословій, властей, преданій, вѣръ и законовъ; мы во всѣхъ странахъ Европы умножили число самоубійствъ, потому что намъ суждено приготовить и нѣкогда отпѣть общее, духовное и политическое самоубійство народовъ сильнѣйшихъ. . . . Романтизмъ служитъ только рычагомъ всеобщаго движенія. Точка опиранія и движущая нами рука давно возникли изъ хаоса безбожія“.

2) Въ отвѣтномъ письмѣ 14 іюня 1835 года на указанное выше письмо Жуковскаго Стурдза утѣшается тѣмъ, что „даже въ бѣснующейся Франціи, подлѣ Гюго, Жанена, Дюканжа, Дюмаса и имъ подобныхъ, являются Lamartine, S-te Beuve, Drouineau, Silvio Pellico, юные провозвѣстники воскресающаго христіанства. О Германіи теперь говорить нечего. Она вздумала умничать, и читающая въ ней публика, отметаясь истинной славы народной, восхищается твореніями Берна и Гейна“ (Русская Старина 1903 г., май, стр. 398 слѣд.).

первой, положительной части письма къ Гоголю отвѣтъ на вопросъ: что быть должно. Объясняя выраженіе Пушкина: слова поэта суть дѣла его (приведенныя Гоголемъ въ его статьѣ „О существѣ русской поэзіи"), Жуковскій отличаетъ несвободный умъ отъ относительно свободной воли, связанной нравственнымъ закономъ, и между ней и вѣрой, т. е. способностью принимать божественное откровеніе, ставитъ творчество. „Дѣйствія этой способности не слѣдуютъ никакому чуждому побужденію, а непосредственно изъ души истекаютъ,—въ ней наиболѣе выражается божественность происхожденія души человѣческой, котораго признакъ есть сіе стремленіе творить изъ себя, себя выражать въ своемъ созданіи безъ всякаго посторонняго повода, по одному только вдохновенію, которое не есть ни умъ, ни воля, но то и другое, соединенное съ чѣмъ то самобытнымъ, такъ сказать, свыше, безъ вѣдома нашего на насъ налетающимъ, другому, высшему порядку принадлежащимъ". Приведя знакомую намъ замѣтку къ Лалла-Рукъ о прекрасномъ, котораго нѣтъ въ окружающемъ насъ вещественномъ мірѣ[1]), и развивая идеи своей статьи „Объ изящномъ искусствѣ" (1846 г.), Жуковскій указываетъ на способность нашей души находить въ вещественности это прекрасное, побуждающее насъ къ творчеству. „Душа бесѣдуетъ съ созданіемъ, и созданіе ей откликается. Но что-же этотъ отзывъ созданія?.... Всѣ мелкія, разрозненныя черты видимаго міра сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одинъ самъ по себѣ не существенный, но ясно душею нашею видимый образъ. Что-же этотъ несущественный образъ? Красота. Что-же красота? Ощущеніе и слышаніе душею Бога въ созданіи. И въ ней, истекшей отъ Бога, живетъ стремленіе творить по образу и подобію Творца своего, то есть влагать самое себя въ свое созданіе". Но Создатель всего извлекъ это все изъ самого себя, человѣкъ творитъ заимствованными изъ созданія средствами, повторяя то, что Богъ создалъ своею всемогущею волею. „Сей произвольный актъ творенія есть возвышенная жизнь души; цѣлью его можетъ быть не иное что-какъ осуществленіе того прекраснаго, котораго тайну душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится явно выразить въ твореніи собственномъ. Сіе ощущеніе и выраженіе прекраснаго, сіе пересозданіе своими средствами созданія Бо-

1) Сл. выше стр. 257—8.

жія есть художество. Что-же такое художникъ? Творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это твореніе, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное. Въ чемъ состоитъ актъ творенія? Въ осуществленіи идеи Творца"; художникъ долженъ выразить „не одну собственную, человѣческую идею, не одну свою душу, но въ ней и идею Создателя, духъ Божій, все созданное проникающій". Поэзія теперь не добродѣтель, изящное не тождественно съ моральной красотой [1]); она, „дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни пріобрѣтеніе какой нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству самого.... художника. Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога, есть, такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ Нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе, поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія". Осуществить вполнѣ этотъ идеалъ поэта невозможно, но къ нему можно стремиться не одною только „красотою созданія", „музыкой словъ", а тѣмъ, что „всему этому даетъ жизнь: это есть *духъ поэта*, въ созданіи его тайно соприсутственный". Поэтъ свободенъ въ выборѣ предмета, всякое намѣреніе произвести то или другое постороннее (нравственное, политическое) впечатлѣніе исключается—свободой поэзіи, но поэтъ не свободенъ отдѣлить отъ своего произведенія самого себя: „что онъ самъ, то будетъ и его созданіе"; если онъ чистъ душею, дѣйствіе его слова будетъ благодатно; это—его дѣло. Таковъ былъ Вальтеръ Скоттъ, чья свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа разлита въ его твореніяхъ; таковъ былъ Карамзинъ, „котораго непорочная душа прошла по землѣ, какъ ангелъ свѣта".

Слѣдуетъ знакомая намъ характеристика титана Байрона [2]),

---

1) Сл. выше стр. 259 слѣд.
2) Сл. выше стр. 326 слѣд.

оттѣненная безпощаднымъ отрицаніемъ другого, не названнаго поэта.

„Но что сказать о.... (я не назову его, но тѣмъ для него хуже, если онъ будетъ тобою угаданъ въ моемъ изображеніи), что сказать объ этомъ хулителѣ всякой святыни, которой откровеніе такъ напрасно было ему ниспослано въ его поэтическомъ дарованіи и въ томъ чародѣйномъ могуществѣ слова, котораго, можетъ быть, ни одинъ изъ писателей Германіи не имѣлъ въ такой силѣ?“ Жуковскій, видимо, говоритъ о Гейне.— „Это уже не судьба, разрушившая бѣдствіями душу высокую и произведшая въ ней бунтъ противъ испытующаго Бога, это не падшій ангелъ свѣта, въ упоеніи гордости отрицающій то, что знаетъ и чему не можетъ не вѣрить, — это свободный собиратель и провозгласитель всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго, это полное отсутствіе чистоты, нахальное ругательство надъ поэтической красотою и даже надъ собственнымъ дарованіемъ ее угадывать и выражать словомъ, это презрѣніе всякой святыни и циническое, безстыднодерзкое противу нея богохульство.... это вызовъ на буйство, на невѣріе, на угожденіе чувственности, на разнузданіе всѣхъ страстей, на отрицаніе всякой власти — это не падшій ангелъ свѣта, но темный демонъ, насмѣшливо являющійся въ образѣ свѣтломъ, чтобы прелестію красоты заманить насъ въ свою грязную бездну“.

Жуковскій предаетъ проклятію такое злоупотребленіе лучшихъ даровъ Создателя. Сколько непорочныхъ душъ растлила эта демоническая поэзія! Искусство — примиреніе съ жизнью, по вѣрному опредѣленію Гоголя, но современная поэзія ему не отвѣчаетъ: она волканически-разрушительна въ корифеяхъ, матеріально плоска въ ихъ послѣдователяхъ. Нѣтъ поэзіи, которая стремила бы душу къ высокому, идеальному, облагораживала бы жизнь, а съ другой стороны беззаботно бы съ ней играла, забавляя ее свѣтлыми видѣніями. „Такое беззаботное наслажденіе поэзіею называется теперь ребячествомъ. Меланхолическая разочарованность Байрона, столь очаровательная въ его изображеніяхъ и столь плѣняющая глубокою (хотя иногда и вымышленною) грустью поэта, истощившись въ приторныхъ подражаніяхъ, уступила мѣсто равнодушію, которое уже не презрѣніе и не богохульный бунтъ гордости (въ нихъ есть что-то поэтическое, потому что есть сила), а пошлая разслабленность души, произведенная не бурею страстей и не бѣдствіями жизни, а

просто неспособностью вѣрить, любить, постигать высокое, неспособностію предаваться какому бы то ни было очарованію".

Надо-ли послѣ этого смотрѣть „съ уныніемъ и тревогой" на будущее поэзіи? Нѣтъ, настоящая поэзія не изсякнетъ „и посреди судорогъ нашего времени", еще явятся поэты, вѣрные своему призванію, — и Жуковскій приводитъ отрывокъ изъ своего подражанія „Камоэнсу", драмѣ Гальма (1839 г.) [1]), отрывокъ, въ которомъ есть и его собственныя лирическія вставки. Не счастія, не славы здѣсь ищу я, говоритъ Васко умирающему Камоэнсу,

быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей; великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать *и святость жизни*
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

У Гальма нѣтъ ни „безвѣрія", ни „святости жизни": Perez (Васко у Жуковскаго) хотѣлъ бы быть крыломъ.

der Andre aufwärts hebt,
Als Morgenroth des Lichtes Sieg verkünden...
Dem Rechte Klang, der Wahrheit Sprache leihen.

„*Поэзія—небесной религіи сестра*", твердитъ Васко у Жуковскаго, не Perez-Васко у Гальма; „страданіемъ душа поэта зрѣетъ" вторитъ подлиннику (Denn nur verblutend reift das Dichterherz), но Жуковскій развилъ эту идею въ непоказанномъ мѣстѣ и едва-ли удачно. Камоэнсъ въ госпиталѣ, кругомъ него, въ немъ самомъ глухая ночь; вдругъ что-то спустилось къ нему, понесло на высоту — Поэзія: первая его пѣсня, омо-

1) См. Дневникъ 1839 г. 12/24 апрѣля: „дома дописывалъ Камоэнса".

ченная слезами, лежала передъ нимъ, изчезла ночь и исчерпана мѣра его страданій: „моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья нашла утѣшеніе въ Богѣ, я пѣлъ — и позабылъ“ [1]). Иначе у Жуковскаго:

Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Въ послѣднемъ монологѣ Камоэнса поэзія является ему въ предсмертный часъ; у Гальма этого нѣтъ.

О! ты-ль? тебя-ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Мою любовь, мой свѣтлый идеалъ?
Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго, святова,
Я вдохновенною угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло образъ твой
И, съ миромъ къ моему приникнувъ изголовью,
Мнѣ стало *вѣрою, надеждой и любовью.*
Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моей страданье!
. . . .
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Къ толкованію послѣдняго стиха Жуковскій вернется въ письмѣ къ вел. князю Константину Николаевичу (19/31 октября 1849 г., Баденъ).

1) *War ich nicht mehr allein, nicht mehr verlassen,*
Mein erstes Lied lag thränenfeucht vor mir ....
Mein Geist, erhoben von des Leides Schwingen,
Fand Trost bei Gott, ich sang und ich vergass.

Толкованіе примыкаетъ къ характеристикѣ общественнаго настроенія конца 40-хъ годовъ, бѣдственнаго, прозаически разрушительнаго времени, „въ которомъ все, одной душѣ принадлежащее, все святое, божественно-историческое уничтожено", господствуетъ грубый матеріализмъ и всякая безусловная вѣра смѣшна. Объясняется это разложеніе — отсутствіемъ поэзіи той поэзіи, которую онъ опредѣлилъ: *„поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли"*. „Богъ есть истина, къ этой истинѣ ведетъ вѣра, которой цѣль лежитъ за границею здѣшняго міра", слѣдовательно поэзія „есть мечта истины, т. е. ея земной образъ, если только эта мечта есть мечта святая. Но эта мечта можетъ быть и не святою.... тогда она антипоэзія, *духъ тьмы въ мечтахъ земли развратныхъ*". Источникъ истинной поэзіи „есть вдохновеніе (которое я назвалъ бы вѣрою въ великое и прекрасное, вдругъ объемлющее душу нашу). Такое вдохновеніе болѣе или менѣе всякой душѣ доступно; и много было на землѣ великихъ поэтовъ, не написавшихъ ни одного стиха. Напримѣръ, одна изъ высочайшихъ минутъ такого вдохновенія выразилась въ одномъ словѣ: *На колѣна*! которымъ многочисленная толпа бунтующаго народа брошена была на землю передъ святынею вѣры и власти. И отсутствіе этой то поэзіи произвело то, что теперь вездѣ передъ нашими глазами творится".

Судъ надъ недавней и современной поэзіей, который творилъ Жуковскій въ письмѣ къ Гоголю, свидѣтельствуетъ, что какъ въ его религіозно-политическихъ, такъ и въ литературныхъ взглядахъ прогрессъ состоялъ въ упорядоченіи давно составленныхъ убѣжденій. Если Байронъ нѣсколько пощаженъ, то потому, что его заслоняетъ „падшій ангелъ свѣта", Гейне, о которомъ Жуковскій выразился какъ-то въ салонѣ Смирновой, что теперь у него одного и есть поэтическій талантъ, соединенный съ остроуміемъ [1]). Въ числѣ обвиняемыхъ нѣтъ ни одного русскаго имени, а было мѣсто и для Пушкина, и для Лермонтова, котораго Жуковскій считалъ замѣчательнымъ лирическимъ талантомъ; онъ восхищался его „Купцомъ Калашниковымъ" [2]), котораго уговорилъ отдать въ печать.

Мѣсто для обвиненій нашлось въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ. „Гдѣ ты нашелъ у насъ литературу? говорилъ онъ

1) Сл. Записки Смирновой, Сѣв. Вѣстникъ 1895 г. іюль, стр. 86.
2) Ib. стр. 85, 95. Сл. дневникъ 1839 г. 24 октября: чтеніе Демона.

въ 1830 г. И. В. Кирѣевскому. Какая къ чорту въ ней жизнь? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только объ нѣмцахъ, французахъ и проч.“ [1]). „Избавьте насъ отъ противныхъ Героевъ нашего времени, отъ Онѣгиныхъ и прочихъ многихъ, имъ подобныхъ, пишетъ онъ графу В. А. Сологубу въ 1845 г.; это бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, начавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона“ [2]). Русская литература пала, пишетъ онъ фонъ-деръ Бриггену (1/13 іюня 1846 г.), пала не съ высоты, какъ нѣмецкая или французская, потому что перешла на базаръ торгашей не черезъ святилище науки, „а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носитъ по толкучему рынку свое тряпье, которое съ смѣшною самоувѣренностью выдаетъ за цѣнный товаръ“ [3]). Онъ поощряетъ графиню Растопчину къ „истинной поэзіи“ (къ ней 25 апрѣля 1838 г.), но только талантъ оказался у нея истиннымъ, а „ея поэзія принадлежитъ къ чудовищной породѣ поэзіи нашего вѣка, разрушающей всякую святыню“ (къ Булгакову 13/25 мая 1847 г.). А. Н. Майковъ встрѣтилъ въ немъ сочувствіе: „онъ можетъ начать разрядъ новыхъ русскихъ талантовъ, служащихъ высшей правдѣ, а не матеріальной чувственности. Пускай онъ возьметъ себѣ въ образецъ Шекспира, Данте, а изъ древнихъ Гомера и Софокла. Пускай напитается исторіей и знаніемъ природы, и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую создала намъ ея исторія, Руси, богатой будущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ намъ поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси самодержавной, Руси христіанской — и пускай, ско-

1) Письмо 12 января 1830 г. Полное собр. соч. И. В. Кирѣевскаго, т. I, стр. 23.

2) Сл. Русскій Архивъ 1896 г. № 3, стр. 462.

3) Сл. письмо къ Погодину того-же года по полученіи его „Похвальнаго слова Карамзину“: время, въ которое Карамзинъ дѣйствовалъ на поприщѣ русской литературы (время его двухъ журналовъ), было лучшимъ временемъ, хотя младенческимъ, нашей литературы. При теперешней ея большой дѣятельности, при ея возмужалости едва-ли она подвинулась впередъ къ лучшему. Литература наша, не пройдя своего книжно-творческаго періода, перешагнула въ журнально-меркантильный. Этотъ періодъ начался, когда Карамзинъ скрылся въ тишину своего кабинета и безмолвно тамъ готовилъ въ продолженіи многихъ лѣтъ свою монументальную книгу (Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. VIII, стр. 213—14).

пивъ это сокровище знаній, это сокровище матеріаловъ для поэзіи, пускай проникнетъ свою душу святынею христіанства, безъ которой наши знанія не имѣютъ цѣли и всякая поэзія не иное что, какъ жалкое сибаритство,—русалка, убійственно щекочущая душу"[1]).

Характеризуя въ 1845 году плачевное состояніе русской литературы, Плетневъ говорилъ объ „одиночествѣ старчества", въ которомъ очутился Блудовъ[2]); въ такомъ же одиночествѣ оказались и Вяземскій и Жуковскій: жизнь обгоняла ихъ впопыхахъ и съ промахами, въ которыхъ сказывалось однако же исканіе новыхъ путей, либо пятилась, и они не съумѣли въ ней найтись. Говорили, что Жуковскому пора и на покой съ его поэзіей, годной только юношѣ, у котораго кипитъ кровь и играетъ воображеніе; Бѣлинскій отозвался на IX-й томъ его стихотвореній (1844 г.): Жуковскій какъ-бы самъ чувствуетъ, „что уже прошло время для романтической поэзіи", и является теперь на поэтическое поприще болѣе, какъ ветеранъ, чѣмъ какъ воинъ, состоящій на дѣйствительной службѣ. „Его теперь занимаетъ не сущность содержанія, а простота формы въ изящныхъ произведеніяхъ", простота „нѣсколько искусственная; говорятъ, онъ переводитъ Одиссею; переводъ будетъ образцовый, если поэтъ посмотритъ на поэму „прямо по гречески, а не сквозь призму нѣмецкаго романтизма". Въ другомъ смыслѣ провѣщился въ 1845 г. Бурачекъ: „Жуковскій уже совершенно преклонился передъ римскимъ истуканомъ французской, нѣмецкой и англійской лже-поэзіи. Онъ уже вовсе былъ чуждъ русскаго духа и стихіи. Мораль его — мораль римская. Вліяніе его на современниковъ было полное: онъ создалъ Пушкина. Только въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ начинаетъ пробиваться духъ Евангелія, но духъ все-таки римскій, а не русскій. Но его послѣднія стихотворенія уже не дѣйствуютъ на юное поколѣніе русскихъ—оно улыбается имъ"[3]). „Одиночество старчества" поддерживалось въ Жуковскомъ еще и отчужденіемъ

1) Сл. Барсуковъ l. c. т. XI, стр. 415: къ М. П. Погодину, 7 декабря 1851 года. Сл. письмо къ Плетневу 15/27 ноября того-же года.

2) Къ Жуковскому 2 марта 1845 года.

3) Маякъ 1845 г., т. XXII: Критическій обзоръ народнаго значенія Вселенской церкви на западѣ и на востокѣ, гл. IV. Критика, стр. 95. Сл. замѣчательное письмо кн. Вяземскаго къ Жуковскому 12 апрѣля 1846 г., Русская Старина 1902 г. октябрь, стр. 205 слѣд.

его отъ русской дѣйствительности въ долгіе годы, проведенные имъ заграницею, гдѣ его міросозерцаніе и его поэзія развивались, внѣ контроля, изъ старыхъ началъ. Плетневъ былъ правъ, когда въ 1845 году (1/13 ноября) писалъ ему: „О переѣздѣ вашемъ сюда я каждый разъ думалъ съ какою то печалью, хотя и желалъ бы при концѣ моихъ дней иногда счастливить себя свиданіями съ вами и вашими особенно. *Здѣсь не климатъ вашей поэзіи.* Ей нужно именно то, чѣмъ вы дышете теперь.... Что лучше Франкфурта и особенно Дюссельдорфа? По крайней мѣрѣ откладывайте это антипоэтическое возвращеніе столько, сколько будетъ возможности".

Въ Дюссельдорфѣ и Франкфуртѣ осуществились для Жуковскаго бѣлевскія грёзы о тихомъ семейномъ счастьи, и его поэзія вступила на свой послѣдній путь.

Въ 1845 году видѣла его съ женою въ Нюрнбергѣ вел. кн. Ольга Николаевна: „точно нѣмецкая картина, но онъ остался русскимъ и ждетъ, когда здоровье жены позволитъ ему возвратиться къ намъ"[1]). Русь стала для него живымъ воспоминаніемъ и идеализировалась тѣмъ грандіознѣе, чѣмъ гуще его охватывала нѣмецкая атмосфера. Ту же „идеализацію дали" испыталъ Тютчевъ.

---

1) Плетневъ къ Жуковскому 25 декабря 1845 г. / 6 генваря 1846 г.

XIII.

Въ своей семьѣ. Идиллія Одиссеи.

1.

Самъ Жуковскій разсказалъ намъ исторію своей послѣдней любви [1]).

Въ іюнѣ 1832 года онъ выѣхалъ заграницу для поправленія здоровья. Онъ лѣчился въ Эмсѣ и Вейльбахѣ; здѣсь подъѣхалъ къ нему его старый пріятель Рейтернъ, который рѣшился сопровождать его въ Швейцарію. Жуковскій предполагалъ прожить въ Веве не болѣе трехъ недѣль, далѣе отправиться въ Италію на встрѣчу Тургеневу, но болѣзнь открылась сызнова и отъ Италіи надо было отказаться; ему не пришлось видѣть Ливорно, могилы Саши. Тургеневу онъ поручаетъ заботу объ ея памятникѣ. „О моемъ житьѣ-бытьѣ не безпокойся; я не одинъ, со мною Рейтернъ, который выписываетъ на зиму и свое семейство, такъ что я буду и въ совершенномъ уединеніи, и со своимъ домомъ. Но Дрездена уже нѣтъ не возвратить: никогда мнѣ не было такъ уютно и покойно и домовито, какъ въ Дрезденѣ: это время одно изъ самыхъ солнечныхъ въ жизни“ (19/31 октября 1832 г. Веве).

Когда 26 ноября семья Рейтерна подъѣхала къ домику, нанятому для нихъ Жуковскимъ, онъ встрѣтилъ ихъ у воротъ, а его черные, глубокіе, добрые глаза произвели невыра-

---

1) Въ пространномъ посланіи къ роднымъ, писанномъ съ 10/22 августа по 5-е сентября 1840 года, Русская Бесѣда 1859 г. III, стр. 17 слѣд. Я пользовался кромѣ того разсказомъ его невѣсты, написанномъ (по французски) по его желанію.

Елизавета Алексѣевна Жуковская.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ

зимое впечатлѣніе на дочку Рейтерна, Елизавету, тогда еще ребенка. Она знала его съ 1826 года по имени и портрету, писанному ея отцемъ.

„Мы всѣ вмѣстѣ переселились въ наше уединеніе, вспоминаетъ Жуковскій, и съ этой минуты начинается для меня жизнь покоя, и ясный миръ домашній обхватываетъ мою душу, какъ въ бывалые, лучшіе, прежніе годы". Жуковскій заходилъ къ Рейтернамъ по нѣскольку разъ въ день, за столомъ дѣвочка сидѣла между нимъ и отцемъ, по вечерамъ ея обязанностью было подавать Жуковскому табакъ и трубку, что она впрочемъ часто забывала, а Жуковскій сюрпризомъ устроилъ дѣтямъ рождественскую елку. Повѣяло семьей, тѣнями прошлаго, молодостью. Жуковскому стукнуло 49 лѣтъ, „Я не состарѣлся и, такъ сказать, не жилъ, а попалъ въ старики, писалъ онъ въ день своего рожденія (29 генваря 1833 г.) Зонтагъ. Жизнь моя была вообще такъ одинакова, такъ сама на себя похожа, что я еще не покидалъ молодости, а вотъ ужъ надобно сказать рѣшительно „прости" этой молодости и быть старикомъ, не будучи старымъ. Нечего дѣлать!".— Затѣмъ пришлось разстаться; „они улетѣли отъ меня, какъ свѣтлыя райскія тѣни"; лишь въ августѣ 1833 года Жуковскій три дня прогостилъ у Рейтерновъ въ замкѣ Виллингсгаузенъ, гдѣ „опять на минуту очутился въ своемъ родномъ кругѣ". На прощаньи „13-лѣтній ребенокъ кинулась мнѣ на шею и прильнула ко мнѣ съ необыкновенною нѣжностью; это меня тогда поразило, но, разумѣется, никакого слѣда на душѣ не оставило". Прошло пять лѣтъ, прежде чѣмъ Жуковскій снова увидѣлъ въ Дюссельдорфѣ, въ августѣ 1838 года, свою суженую; три дня провелъ онъ въ семьѣ; Елизавета и ея сестра „разцвѣли, какъ чистыя розы".

Зимою того-же года Жуковскій былъ въ Венеціи, о впечатлѣніяхъ которой писалъ Языкову (4/16 ноября). 21-го ноября (3 декабря н. ст.) онъ гулялъ при лунѣ по венеціанской Piazza и записалъ въ своемъ дневникѣ: „тѣнь колокольни, блѣдный свѣтъ куполовъ; Maria della Salute, какъ призракъ.... Ponte dei Sospiri въ блѣдномъ свѣтѣ надъ темнымъ каналомъ, на коемъ полоса отъ фонаря гондолы, и свѣтъ въ окно тюрьмы. Per me si va (nella città dolente). Вечеръ у Шпаура. Пѣнье". Жуковскій настраивается элегически и набрасываетъ стихотвореніе:

Мой міръ лишенъ маги(че)ской одежды,
Еще могу по прежнему любить,
Но нѣтъ надежды
Любимымъ быть [1]).

Въ іюнѣ 1839 года, провожая великаго князя, онъ снова заѣхалъ къ Рейтернамъ. „Я провелъ только два дня въ замкѣ Виллингсгаузенъ, писалъ онъ роднымъ, и въ эти два дня были для меня минуты очаровательныя. Старшая дочь Рейтерна, 19 лѣтъ, была предо мной точно какъ райское видѣніе, которымъ я любовался отъ полноты души, просто, какъ видѣніемъ райскимъ, не позволяя себѣ и мысли, чтобъ этотъ свѣтлый призракъ могъ сойти для меня съ неба и слиться съ моею жизнью. Я любовался ею, какъ образомъ Рафаэлевой Мадонны, отъ которой послѣ нѣсколькихъ минутъ счастія удаляешься съ тихимъ воспоминаніемъ и.... Однако нѣтъ! Въ тогдашнемъ чувствѣ, съ которымъ смотрѣлъ я на это ангельское лицо, не было того совершеннаго покоя, съ какимъ смотришь на тихую Мадонну; оно было соединено съ грустью: мнѣ было жаль себя; смотря на нее и чувствуя, что молодость сердца была еще вся со мною, я горевалъ что молодость жизни миновалась и что мнѣ надобно проходить равнодушно мимо того, чему бы душа могла предаться со всѣмъ неистощимымъ жаромъ своимъ и что однако навсегда должно ей остаться чуждымъ. Это были два вечера грустнаго счастія. И всякій разъ, когда ея глаза поднимались на меня отъ работы (которую она держала въ рукахъ), то въ этихъ глазахъ былъ взглядъ невыразимый, который прямо вливался мнѣ въ глубину души, и я бы изъяснилъ этотъ взглядъ въ пользу своего счастія, и онъ бы тутъ же рѣшилъ мою судьбу, еслибы только мнѣ можно было позволить себѣ такого рода надежды и не должно было отъ себя всѣми силами отталкивать подобныя желанія, моимъ лѣтамъ уже неприличныя, и только что для меня тревожныя“.

Между тѣмъ Елизавета фонъ Рейтернъ писала о тѣхъ-же дняхъ: пріѣхалъ Жуковскій; вечеромъ за чаемъ, бесѣдуя съ Шадовымъ, „онъ такъ чудно говоритъ о смиреніи, что мое сердце исполнилось невыразимой радости“. Она вспоминаетъ

---

1) Третій стихъ написанъ былъ первоначально такъ: Но для меня ужъ нѣтъ теперь надежды.

о двухъ дняхъ, проведенныхъ Жуковскимъ въ Виллингсгаузенѣ: „Въ сердцѣ стало свѣтло, и этотъ свѣтъ становился все яснѣе и ярче; правда, у меня не было времени задуматься надъ этимъ. *Его* присутствіе было для меня все, все мнѣ давало; я ощущала необъяснимую радость, источника которой не понимала, а между тѣмъ мечта, которую я давно открыла въ глубинѣ моего сердца, съ каждымъ днемъ становилось существеннѣе. Присутствіе Жуковскаго было счастьемъ, видѣть его блаженство.... Погода была прелестная. Жуковскій по утрамъ рисовалъ въ саду, и я къ своему удивленію спохватилась, что мои шаги невольно направлялись туда, гдѣ онъ былъ“. Ее печалитъ мысль, что онъ скоро уѣдетъ, сердце щемитъ, когда она думаетъ о немъ; почему не бываетъ съ нею того-же, когда она думаетъ — объ отцѣ?

Еще нѣсколько бѣглыхъ свиданій въ 1840-мъ году и двухнедѣльное пребываніе въ Виллингсгаузенѣ въ маѣ; великій князь и его невѣста, ученица Жуковскаго, уѣхали изъ Дармштадта, онъ получилъ возможность самъ отдохнуть. Куда направиться? У него вдругъ „блеснуло воспоминаніе о тихой жизни на берегу Женевскаго озера, воспоминаніе о Верне и о моемъ тогдашнемъ семейномъ кругѣ (вмѣстѣ съ Верне воображенію представились нѣкоторыя ясныя эпохи Муратова, Долбина....). Передъ этимъ воспоминаніемъ всѣ другіе планы исчезли“. Онъ поѣхалъ къ Рейтернамъ, и это свиданіе было рѣшительнымъ.

Онъ счастливъ, „ясная эпоха“ Муратова наступила для него во очію; онъ вдругъ переселился туда, гдѣ „нѣкогда жилъ и уже пересталъ жить мечтою, куда влекло и уже перестало влечь сердце, гдѣ ясный міръ, гдѣ поэзія, бывшій товарищъ молодости и теперь ея представитель и замѣна“ [1]). Любовь въ семьѣ, въ районѣ дружбы и привычки („pour qui sait aimer qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude? записалъ онъ въ альбомъ Воейковой); какъ въ Бѣлевскомъ уединеніи у него была милая переписчица, такъ Елизавета фонъ Рейтернъ обрисовываетъ наброски, привезенные имъ изъ путешествія [2]). Къ этому

1) Письмо къ роднымъ.

2) Сл. Gerhard von Reutern l. c. стр. 99 слѣд.: 5 августа 1837 года Жуковскій благодарилъ Рейтерна pour le trésor des contours qui forment un journal complet de notre voyage; его дочь срисовала для Жуковскаго его croquis.

присоединилось и сходство настроенія: Рейтерны піэтисты, Рейтернъ — другъ Радовица, котораго и Жуковскій избралъ своимъ сердцемъ; Радовицъ, котораго Елизавета фонъ Рейтернъ зоветъ oncle, пишетъ Рейтерну задушевныя письма съ цитатами изъ Новалиса (Gieb treulich mir die Hände и т. д.)[1].

Въ этой средѣ выростаетъ невѣста Жуковскаго, она точно его ученица: глубоко-піэтистически настроенная, она прячетъ свое чувство, полна предчувствій и вѣры въ Провидѣніе — и сознанія своего недостоинства; ея борьба съ собою — испытаніе. На Жуковскаго она смотритъ, какъ на нѣчто высшее: не ей быть звѣздой на его небѣ; она готова ограничить свое счастье — счастьемъ видѣть его; въ ея любви много благоговѣнія, vénération. „И все это у меня — отъ тебя" (Et tout cela me vient de toi). Такъ въ былое время говорилъ Жуковскій Машѣ. Роли перемѣнились. Къ обычной застѣнчивости Жуковскаго присоединилась теперь застѣнчивость старческаго чувства, онъ не рѣшается объясниться прямо, а все намеками, полусловами, такъ, чтобы другіе договорили. Такъ съ Рейтерномъ, такъ и съ невѣстой. Онъ посылаетъ ей, въ знакомой намъ синей оберткѣ его дневниковъ, потѣшный разсказецъ, написанный по нѣмецки: Geschichte des Herrn von Klotz, который она перечитываетъ съ восторгомъ — и понимаетъ: это было объясненіе въ любви, вѣроятно, въ формахъ такой-же потѣшной аллегоріи, какъ и „Malerische Darstellung einer Bleifüssler-Procession", служившая той-же цѣли. Это — написанное по нѣмецки объясненіе къ картинкамъ, которыя приглашался нарисовать Рейтернъ. Въ стекляномъ гробу лежитъ свинопасъ, выбиваясь изъ него руками и ногами. Около него Обжора (Herr von Vielfrass), сирѣчь время: онъ сложилъ крылья, подвязалъ къ животу матрацъ, надѣлъ свинцовые сапоги и, покуривая трубочку, трунитъ надъ бѣднымъ свинопасомъ, и всякій разъ, когда проползетъ мимо него „свинцовая ножка", подвигаетъ впередъ стеклянный гробъ. Процессія „свинцовыхъ ножекъ" растянулась: это подвижныя, эѳирныя созданія, капризныя, любящія помучить человѣка. Такъ и теперь: чтобы подразнить свинопаса, они приняли тяжелыя тѣла, похожія на тыкву, ѣдутъ верхомъ на черепахахъ; одинъ куритъ, другіе играютъ въ карты и т. д.; у каждаго запечатанный ларчикъ, содержаніе котораго онъ не знаетъ; пока

1) l. c. стр. 34—6, 112.

они проходятъ, можно было бы сломать печать, тогда... но это къ дѣлу не относится.—Вдали башни Дюссельдорфа, горятъ утреннія звѣзды, въ воздухѣ что-то рѣетъ: это проклятыя „свинцовыя ножки", но они крылаты и быстро пролетаютъ, не то, что у гроба свинопаса. Онъ также какъ будто пріободрился: надъ нимъ вьется какое-то незримое существо (изображеніе бабочки), и когда оно спускается къ нему, онъ приходитъ въ спокойное состояніе, ноги вытягиваются, руки складываются на груди, и онъ лежитъ, какъ тихо покоющійся статскій совѣтникъ, которому снятся блаженные сны. Онъ ощущаетъ только близость невидимаго товарища, забывая Обжору и свинцовыя ножки.— На горизонтѣ, не далеко отъ Дюссельдорфа, виднѣется какъ будто гора, но это не гора, а исполинская телѣга, въ ней слонъ, въ слонѣ корова и т. д.—накопленіе въ стилѣ мотива извѣстной сказки; въ самомъ центрѣ — письмо отъ почтеннаго господина Рейтерна къ недостойному свинопасу. Но телѣга запряжена двумя хромыми утками! Письмо никогда не придетъ!

Время, часы — „свинцовыя ножки" идутъ такъ медленно для Жуковскаго (= свинопаса), замедлилось и письмо — отъ Рейтерна; очевидно, письмо рѣшающее. Шутка-гротескъ надписана 15/21 іюля 1840 года; 3 августа участь Жуковскаго рѣшилась. Предложеніе было сдѣлано застѣнчиво-иносказательно: Жуковскій предложилъ дѣвушкѣ часы: „Permettez moi de vous faire cadeau de cette montre, mais la montre indique le temps, le temps est la vie; avec cette montre je vous offre ma vie entière. L'acceptez vous?" Она кинулась ему на шею [1]).

Обо всемъ, что съ нимъ сталось, Жуковскій писалъ Ал. Тургеневу. „Какое письмо! пишетъ Тургеневъ. Душа Жуковскаго тихо изливается въ упоеніи и въ сознаніи своего блаженства. Читая его, я понялъ по крайней мѣрѣ половину моей любимой фразы: Le bonheur est dans la vertu qui aime.... et dans la raison qui éclaire" [2]). Жуковскій говоритъ о своемъ счастьѣ восторженно, „какъ говорилъ о немъ въ Бѣлевѣ, гдѣ все было для него поэзіей, даже любовь; счастіе поджидало

---

1) Такъ въ письмѣ къ роднымъ; сл. письмо Плетнева къ Я. К. Гроту 8 ноября 1840 (со словъ вел. кн. Ольги Николаевны), Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, I, стр. 127.

2) Соч. и переписка П. А. Плетнева III стр. 119.

его въ концѣ его жизненнаго пути; надѣюсь, его освободятъ отъ придворнаго ига, ибо что бы онъ могъ тамъ сдѣлать съ однимъ изъ тѣхъ созданій, которыя счастливы только въ семьѣ и которыхъ Софья Карамзина встрѣчала развѣ въ романахъ? Чувствую, что ради Жуковскаго я помолодѣлъ душой и люблю его братски, какъ встарь. Желаю ему только одного, чего и самъ онъ себѣ желаетъ: жизни, жизни! Пора ему не то что перестать жить для другихъ, — вѣдь только такъ и живется, — а устроить себѣ другое существованіе: жизнь, какую онъ велъ, годна была для насъ и для тѣхъ, за которыхъ онъ безпрестанно хлопоталъ. Онъ отвоевывалъ (gagnait) себѣ рай, теряя его ежедневно.... Онъ хотѣлъ бы повидать меня, но я боюсь замутить полноту его счастья видомъ человѣка, находящаго убѣжище лишь въ апатіи, упустившаго всѣ виды земного счастья, даже счастья — страдать или ожидать въ покорности"[1]).

Тургеневъ прособирался къ пріятелю, хотя тотъ его „требовалъ"[2]). Между тѣмъ „Вьельгорскіе нечаянно наѣхали въ Вильдбаденѣ на Жуковскаго, нѣтъ, на Жуковскихъ. Она — влюбленная дочь, а онъ нѣжный отецъ. Весело и умилительно на нихъ смотрѣть", писалъ князь Вяземскій[3]); а у Тургенева та-же грустная отговорка: „одинъ только Жуковскій мирить меня съ жизнью, за то я и не хочу пугать его моимъ присутствіемъ, моей тоской, въ каждой новой морщинѣ выражающейся. Письмо его ко мнѣ прелестно. Прочти его своимъ, Карамзинымъ, да еще немногимъ, — и только"[4]). Жуковскій „будетъ жить въ уединеніи, я поѣду проститься съ нимъ, навсегда, если-бы такъ случилось, довольный тѣмъ, что онъ достоинъ своей доли, скорѣе, что доля пришлась по его достоинствамъ. Онъ еще разъ возродится, обновясь въ средѣ, которая не будетъ средой дворца и петербургскихъ салоновъ"[5]).

---

1) Ал. Тургеневъ къ В. Ѳ. Вяземской 1 сентября 1840 г. (французское). Плетневъ, поздравляя Жуковскаго, восхищается строками, въ которыхъ онъ говорилъ „о новомъ раѣ своей души: жизни, жизни!" (къ Жуковскему 3 сентября 1840 г.). Онъ прочелъ эти слова въ письмѣ Жуковскаго къ кн. Вяземской (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, I, стр. 35).

2) Тургеневъ къ княгинѣ Вяземской 10 сентября 1840 г.; къ князю Вяземскому 31 августа / 12 сентября того-же года.

3) Князь Вяземскій Тургеневу 26 іюня 1841 г.

4) Тургеневъ князю Вяземскому 8 / 20 іюля 1841 г.

5) Ал. Тургеневъ княг. Вяземской 9 сентября 1840 г. (французское).

„Очищенный Руссо“, вспоминалъ впослѣдствіи кн. Вяземскій, Жуковскій на шестомъ десятилѣтіи испыталъ всю силу романической страсти; но, впрочемъ, это была не страсть, и особенно-же не романическая, а такое свѣтлое сочувствіе, которое освятилось таинствомъ брака“ [1]). Давно тому назадъ, въ пору увлеченія Машей, Жуковскій писалъ ей, что страсти къ ней у него никогда не было [2]); и теперь онъ не игралъ въ чувство, пишетъ онъ роднымъ [3]), „и какъ его въ себѣ допустить со всѣми надеждами, которыя могутъ быть приличны только молодости?“.... [4]) То, что онъ испыталъ, не „минутная вспышка души, разгоряченной романическимъ воображеніемъ; это просто сродство“. Знакомые въ Москвѣ и заграницей встрѣтили вѣсть о столь неровномъ бракѣ съ какимъ-то пріятнымъ и любопытнымъ недоумѣніемъ; и его самого это порой смущало, но онъ сказалъ о томъ Радовицу, „нашему общему другу, человѣку, котораго я во всякое время выбралъ бы и руководцемъ и судьей моей жизни“, и „Радовицъ, которому характеръ моей Елизаветы давно и коротко знакомъ, который и меня также коротко знаетъ, устранилъ мои сомнѣнія, сказавъ, что при всей ихъ основательности вообще, они въ этомъ особенномъ случаѣ неумѣстны и что онъ ручается мнѣ за счастіе, если только она подастъ мнѣ руку произвольно, отъ сердца, безъ всякаго вліянія со стороны [5]).

Оттого онъ такъ словоохотливо и добродушно разсказываетъ друзьямъ исторію своего сватовства, заставляетъ любоваться портретомъ невѣсты, писаннымъ Зономъ, старческидѣтски забалтывается до интимныхъ мелочей: какъ однажды, будучи съ матерью и невѣстой, онъ сказалъ, „что для чужихъ будетъ первую выдавать за жену свою, а вторую за дочь“; невѣста такъ разсердилась, что онъ насилу выпросилъ у нея прощеніе. Если она ведетъ себя умно, онъ зоветъ ее Эльзой, когда она шалитъ, онъ называетъ ее Бетси, а когда она заду-

1) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго т. X: Старая записная книжка стр. 154.

2) Сл. выше стр. 204.

3) Въ томъ-же письмѣ.

4) Я не нахожу въ себѣ „живого, пламеннаго чувства, которое мнѣ несвойственно и по натурѣ моей, и по моимъ лѣтамъ“ (Дневникъ 12 ноября 1842 г.).

5) То-же письмо къ роднымъ.

рачится, онъ кричитъ только Bête". Такъ разсказывалъ онъ вел. кн. Ольгѣ Николаевнѣ [1]). Онъ увѣренъ, что все это должно интересовать тѣхъ, кто его любитъ и понимаетъ.

Самъ онъ полюбилъ „христіанскою любовью"; это объясняетъ его строгую отповѣдь старому другу Александру Михайловичу Тургеневу, написанную имъ два года спустя послѣ брака. Тургеневъ, вдовецъ, сообщалъ ему въ 1843 году, что на старости лѣтъ онъ влюбился. „Не знаю, что тебѣ на это сказать, отвѣчаетъ ему Жуковскій (10/22 февраля 1843 г.). Я уважаю чувства сердца. Если ты любишь, чтобъ любить про себя, это твоя святая тайна. Если же любишь съ надеждою на взаимность — берегись: будешь виноватъ передъ собою и передъ другими.... Ты пишешь, что горесть, тоска и уныніе тебя одолѣли — должно ли это быть въ твои лѣта и отъ такой причины? Согласенъ, живое чувство 18-лѣтней любви, пробудившееся въ твоей 65-лѣтней душѣ, доказываетъ свѣжесть этой души — но не слишкомъ ли это чувство ее тревожитъ? Не заставляешь ли ее непроизвольно строить такое будущее, котораго уже не можетъ быть для нея въ здѣшней жизни? Не от-

---

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ I, стр. 127—8 (8 ноября 1840 г.): „Онъ (Жуковскій) привезъ и портретъ невѣсты, писанный въ Дюссельдорфѣ знаменитымъ Зономъ. Вообразите идеалъ нѣмки. Бѣлокурая, лицо самое правильное; потупленные глаза; съ крестикомъ на золотомъ шнуркѣ; видна спереди изъ подъ платья рубашечка; края лифа у платья на плечахъ обшиты тоже чѣмъ-то въ родѣ золотого узенькаго галуна; невыразимое спокойствіе, мысль, умъ, невинность, чувство — все отразилось на этомъ портретѣ, который я назвалъ не портретомъ, а образомъ. Точно можно на нее молиться. Самая форма картины, вверху округленной, съ голубымъ fond — все производитъ невыразимое впечатлѣніе. Весь вечеръ мы любовались на этотъ образъ.... Портретъ ея писанъ тогда, когда Жуковскій ей читалъ книгу. На картинѣ лицо взято въ профиль, оттого ея глазъ совсѣмъ не видать. Они темно-сѣрые. Цвѣтъ лица чистый, бѣлый. Черты большія. Линія отъ подбородка идетъ къ лбу, образуя тупой уголъ, что придаетъ лицу выраженіе умное и интересное". Портретъ писанъ въ Дюссельдорфѣ въ 1842 г. и литографированъ Шертле. — Иное впечатлѣніе вынесъ Мельгуновъ: „Жуковскій женился на старшей дочери Рейтерна, нашего художника въ Дюссельдорфѣ, писалъ онъ Шевыреву 5/17 октября 1842 г. Она ростомъ съ Иванъ Великій (sic) и не хороша собой, но sehr gemüthlich. Жуковскій ist überglücklich, какъ онъ пишетъ Коппу" (д-ръ въ Ганау, лѣчившій Мельгунова, пріятель Жуковскаго). Сл. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы т. II, изд. 2-ое, стр. 191 прим. 1.

влекаешь ли ее отъ мыслей и чувствъ высшаго рода, ей теперь приличныхъ и необходимыхъ?.... *Въ твои лѣта можетъ быть только любовь христіанская. Отворить ее для любви къ женщинѣ (которая всегда, сколь бы ни была чиста, болѣе или менѣе соединена съ чувственностью), есть предавать ее такимъ волненіямъ, которыя уже не должны ее тревожить* и которыя, конечно, не дадутъ укорениться въ ней тому *ясному миру*, который намъ необходимо имѣть, приближаясь къ границѣ здѣшняго. Я увѣренъ въ чистотѣ твоего чувства и (говорю опять) уважаю его. Но мой совѣтъ: сладить съ нимъ и не давать ему воли надъ душой; ей теперь не то нужно“ [1]).

Такъ сбылись надежды Жуковскаго „любимымъ быть“. Но „надежда“ подсказана риѳмой; надежда давно отмѣнена, на ея мѣсто надо поставить вѣру въ Провидѣніе. Такъ наставлялъ Жуковскій Машу, Воейкову, Самойлову, а въ альбомѣ Воейковой написалъ: „Желать что нибудь страстно значитъ мѣшаться въ дѣло Провидѣнія“ [2]). И теперь онъ увѣряетъ всѣхъ на всѣ лады, что его семейное счастье послано ему рукою Промысла. Онъ отказался было отъ всякой подобной надежды, безразсудной въ его годы, но обстоятельства, рѣшившія его, „похожи на опредѣленіе свыше“, пишетъ онъ Государю (9 іюня 1840 г.), испрашивая позволенія на бракъ. „Правда, та, которую я выбралъ, по своимъ лѣтамъ могла бы быть моею дочерью, но по своему образованію, по своему характеру она способна довольствоваться просто семейнымъ счастьемъ, основаннымъ на согласіи мыслей, чувства и на сердечномъ уваженіи, не смотря на разницу лѣтъ.... Если теперь не схвачу того, что Провидѣніе представляетъ мнѣ, то завтра будетъ поздно и завтра надобно будетъ навсегда сказать, что собственное семейное счастіе не должно быть здѣшнимъ моимъ удѣломъ“. Къ этому счастію онъ бросается „не какъ молодой человѣкъ, увлеченный страстію“, въ его лѣта это смѣшно, а съ полнымъ убѣжденіемъ, что это возможно. — И въ другомъ письмѣ къ Государю іюля 1840 года говорится, что счастіе представилось ему „неожиданно“.

Между 10/22 августа и 5 сентября того же года написано обстоятельное посланіе къ Екатеринѣ Семеновнѣ Протасовой и

1) Русская Старина 1892 г., декабрь, стр. 376.
2) См. выше стр. 227.

къ роднымъ, которымъ мы уже пользовались выше: нѣчто въ родѣ объяснительной записки-апологіи, разсказывающей исторію его любви. И здѣсь освѣщеніе то-же: все устроило Провидѣніе, даже измѣненіе маршрута Наслѣдника совершилось какъ бы съ умысломъ, чтобы въ „рѣшительныя для обоихъ минуты“ дать каждому найти свою суженую. Не было у него коротkaго знакомства съ невѣстой, но оно и не нужно: все дѣло въ „вѣрѣ сердца“, во внутреннемъ голосѣ, въ этомъ „seconde vue будущаго“; во всемъ этомъ „одно дѣйствіе Провидѣнія“. Слѣдуютъ мечты о домашнемъ счастьѣ, ожиданія сводятся къ тому, чтобы съ помощью вѣрнаго товарища, жены, „все дурное или испорченное жизнью поправить или привести въ порядокъ, чтобъ наконецъ расчитаться, какъ должно, со всѣмъ здѣшнимъ, подвесть подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь“. — Счастье нашло его само, писалъ онъ Зонтагъ 28 августа 1840 г., „вся моя личная жизнь помолодѣла, и въ душу мою влилось никогда неиспытанное чувство *двойной* жизни, которая всему на свѣтѣ даетъ настоящее значеніе и достоинство“. Онъ вѣритъ своему счастью, „но, признаться, часто изъ этого яснаго, мирнаго свѣта, который меня теперь окружаетъ, выглядываетъ строгое лицо смерти, и невольно грусть обвивается вокругъ сердца. Liebe ist stark wie der Tod, написалъ мнѣ другъ на евангеліи передъ моимъ отъѣздомъ въ Дюссельдорфъ. Какъ эти слова Liebe und Tod близки одно къ другому! На землѣ нѣтъ счастія безъ *любви*, но его нѣтъ также и безъ *смерти*. И та и другая необходимы для того, чтобъ оно *было*. Одной душа говоритъ: *Не покидай меня!* Другой душа говоритъ: *Не уноси меня!* Одна даетъ счастію его *прелесть*, другая даетъ ему его *достоинство*. Но мысль, что всему на землѣ долженъ быть конецъ, приводитъ въ трепетъ. Есть однако противъ всѣхъ этихъ тревогъ лѣкарство — и самое простое. Оно заключается въ молитвѣ Господней. Кто можетъ читать *Отче Нашъ* такъ, какъ оно дано намъ свыше, тому на землѣ ничто не страшно, и все доброе вѣрно“.

Онъ уже три недѣли, какъ состоитъ женихомъ, пишетъ онъ 1 сентября 1840 г. графинѣ Эдлингъ: Богъ ниспослалъ ему счастье помимо его исканія; ангелъ „пожелалъ связать себя съ моей жизнью и придать ей ея дѣйствительную цѣну. Я люблю ее, какъ свою душу, не съ страстностью молодого человѣка, но съ глубокою довѣрчивостью, которая успокаиваетъ, возвышаетъ и

очищаетъ все мое существо. Она любитъ меня такъ, какъ будто я былъ молодой человѣкъ. Какъ это могло случиться, я и самъ не понимаю, но я ею обязанъ, только ей одной: ничье постороннее вліяніе не оказывало на нее своего воздѣйствія; ея безхитростное и чистое сердце соединилось съ моимъ; она его помолодила, она скрасила для меня настоящее и открыла для меня будущее, о которомъ я пересталъ уже и мечтать". И Жуковскій проситъ графиню помолиться, чтобы счастье, посланное ему не по заслугамъ, не было у него отнято [1]). — Добрый ангелъ посланъ ему „Провидѣніемъ, которое здѣсь все устроило безъ моего вѣдома, такъ ясно и чисто, что я безъ взякаго сомнѣнія позволилъ себѣ поднять руку, чтобы взять благо, которое само далось мнѣ и котораго бы себѣ самъ ни надѣяться, ни искать не позволилъ. Это было, кажется мнѣ, приготовленнымъ и даннымъ свыше" (къ Государю 4 октября 1840 г.).

Въ 1842 году онъ напомнилъ государынѣ вопросъ, съ которымъ она къ нему обратилась, когда онъ впервые заговорилъ съ нею о своемъ брачномъ проэктѣ. „Mon cher, ne faites vous pas une folie? И въ то время, какъ все еще было для меня впереди, все сомнительно, я, не запинаясь, отвѣчалъ вамъ: Нѣтъ! Я объяснилъ свое „нѣтъ" съ полнымъ убѣжденіемъ, что еще внутреннее чувство и моя вѣра въ будущее меня не обманывали". И теперь, послѣ двухлѣтняго семейнаго счастья, онъ снова можетъ сознательно и съ благодарностью повторить: нѣтъ! (письмо къ Государынѣ 4 іюня 1842 г.).

Онъ такъ-же сознательно устроилъ и матеріальную часть своего счастья, чему свидѣтельствомъ его (неизданное) письмо къ Государю (изъ Эмса въ іюлѣ 1840 г.) [2]), полное разсчетовъ и выкладокъ; въ этомъ мечтателѣ была дѣловитость,—знакомый намъ элементъ таблицъ. Онъ расположился на покоѣ, „не въ чаду счастья, хотя не можетъ думать ни о чемъ, кромѣ его" [3]), ничего не можетъ прибавить къ своему „смиренному, ясному счастью: оно полное" [4]). „Вотъ уже болѣе полутора мѣсяца, какъ я женатъ, пишетъ онъ Наслѣднику цесаревичу, „мнѣ подъ старость

---

1) Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 185—6. Сл. письмо къ А. О. Смирновой 9 сентября 1840 г.

2) Сл. письмо къ Авд. Петр. Елагиной 21 апрѣля 1841 г.

3) Къ Ал. Ив. Тургеневу 1841 г.. 21 іюня.

4) Къ имп. Александрѣ Ѳедоровнѣ 7/19 августа 1841 г. (неизданное).

досталась молодая жена, которая могла бы быть мнѣ внучкою, но которая принесла неувядшей душѣ моей молодое, чистое счастье"; для него „семейная жизнь есть просто покойный, смиренный пріютъ передъ концомъ житейской дороги", благо, данное отъ Бога, въ которомъ онъ видитъ „не столько настоящую прелесть жизни, сколько ея освященіе и облагородствованіе для будущаго", оно далось ему „такимъ, какого я всегда желалъ въ поэтическіе дни молодости" (1841 г. августа 3/15 [1]). Вскорѣ онъ узнаетъ, что „семейная жизнь есть школа терпѣнія", что „страданіе одинокаго человѣка суть страданія эгоизма; страданія семьянина суть страданія любви". У него обновился страхъ потерять то, что ему всего драгоцѣннѣе, и онъ уже успѣлъ прочитать „предисловіе" своего будущаго, на которое смотритъ съ покорностью и вѣрой; вѣра „дается всякому, кто ищетъ ея, но въ жизни семейной она скорѣе объемлетъ душу и глубже въ нее входитъ" [2]).

19 апрѣля 1842 года онъ ждалъ рожденія ребенка: „Но да будетъ воля Твоя! Это я всякій день читаю, но еще не достигъ до того (далеко, далеко не достигъ), чтобы вся моя жизнь была не иное что, какъ это слово; пока этого не будетъ, жизнь не должно считать жизнью. Мы на свѣтѣ для того только, чтобы говорить это слово (во всемъ его смыслѣ); все остальное пыль и прахъ. Теперь я только это вполнѣ понимаю, но, къ несчастію, въ то-же время чувствую, какъ я ужасно далекъ отъ этой верховной, единственной цѣли. Кратчайшій или вѣрнѣйшій путь къ ней ведетъ черезъ семейство" (къ Ал. Мих. Тургеневу 19 апрѣля 1842 г.) [3]).

Въ первый разъ въ жизни онъ не одинокъ, но онъ узналъ, что счастье „покупается дорогою цѣною (къ государынѣ, марта 1842 г.), что если безъ семьи нѣтъ счастья, то только въ ней встрѣчаются „и настоящія муки сердечныя" (Наслѣднику 14 октября 1843 г.) — и ему вспоминается завѣтъ семьянина Карамзина: никому не брать на себя „крестъ семейной жизни" (Ал. Мих. Тургеневу 1844 г. 8 ноября). Какъ усталый путникъ Шамиссо онъ могъ жаловаться на тяжесть выпавшаго на его долю креста, но при выборѣ изъ всѣхъ „крестовъ земныхъ"

1) Сл. письмо къ нему-же 16 февраля того-же года.
2) Къ нему-же 23 декабря 1841 г./4 января 1842 г.
3) Русская Старина 1892 г., декабрь, стр. 373—4.

выбралъ бы „самый тотъ, который онъ уже несъ" („Выборъ креста" 1845 г.).—Чаша брачная—во спасеніе души: нигдѣ такъ, какъ въ семьѣ, не познакомишься съ собою и не почувствуешь необходимость вѣры въ нашего Спасителя! Все обманчивое, мечтательное исчезаетъ передъ простой, неукрашенной, строгой Божьей правдой. Если порой сердце и „засмолится" житейскими тревогами, то онѣ „разрабатываютъ" нашу душу (Ек. Ив. Мойеръ 4/16 сентября 1845 г.) [1]).—Теперь только онъ постигъ высокую цѣну терпѣнія, „но не все то имѣешь, что знаешь. Семейная жизнь есть школа терпѣнія, горнъ души, въ которомъ она можетъ очиститься. Говорю такъ оттого, что именно въ счастливѣйшее время жизни испыталъ много такихъ тревогъ, какихъ сердце не вѣдало въ прежнемъ безпечномъ бытѣ эгоистическаго одиночества. То, что говорю, не есть однако жалобы, а опытъ, высокій опытъ души, которая изъ настоящихъ благъ жизни выводитъ одну только истину, что жизнь есть школа терпѣнія. А терпѣніе, говоритъ апостолъ, даетъ опытность, опытность надежду, надежда же не посрамитъ" (Ал. Мих. Тургеневу 6 апрѣля 1846 г.) [2]).

И позже слышатся эти тихія сѣтованія. Семейное счастіе—„вѣнецъ божественный", въ него вплетены тернія изъ того вѣнца, передъ которымъ всѣ другіе вѣнцы исчезаютъ (къ Смирновой 23 февраля 1847 г.). Болѣзнь жены, утрата близкихъ, собственные годы наводили на мысль о смерти, и онъ увѣрялъ себя, какъ встарь, что смерть „великое благо" (къ Гоголю 20 февраля 1847 г.). „Того, что называется земнымъ счастіемъ у меня нѣтъ; но я и не хлопочу о земномъ счастіи, прошу только одного (и это было бы верхъ милосердія Божія)—даровать мнѣ возможность донести, не упавъ, мой крестъ до могилы. Не изъясните однако неправильнымъ образомъ этого слова: счастія нѣтъ. Того, что называется обыкновенно счастіемъ, семейная жизнь не дала мнѣ, ибо вмѣстѣ съ тѣми радостями, которыми она такъ богата, она принесла съ собою тяжкія, мною прежде не испытанныя тревоги.... Но эти-то тревоги и возвысили понятіе о жизни; онѣ дали ей совсѣмъ иную значительность. Помоги только Богъ устоять на ногахъ подъ бременемъ благодатнаго креста его!" (Къ Наслѣднику 5/17 октября 1848 г.).

1) Зейдлицъ l. c. стр. 209—10.
2) Русская Старина 1892 г., декабрь, стр. 388.

„Не покоемъ семейной жизни дано мнѣ подъ старость наслаждаться.... крестъ мой не легокъ, иногда тяжелъ до упада“ (къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.). Господь милостиво далъ ему „розы семейной жизни“, не уничтоживъ колючекъ, и онъ не ропщетъ: „въ этихъ колючкахъ много его благости“ (къ Булгакову 1/13 іюля 1850 г.).

А затѣмъ являлись просвѣты покоя, и онъ чувствовалъ себя хорошо въ уютномъ комфортѣ своего домика, который такъ обстоятельно описалъ имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ [1]) и такъ идиллически въ посланіи къ вел. кн. Александрѣ Николаевнѣ (посвященіе Наля и Дамаянти):

Я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой:
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда, сіяя, плыли, а за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтлѣлся домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла....
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью.... И я проснулся,
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

Старый сентименталистъ проснулся на яву, очарованное „тамъ“ его „Весенняго чувства“ (1816 г.) очутилось на мигъ очаровательнымъ „здѣсь“ среди окружившихъ его дѣтскихъ головокъ. За его „теперешній живой заборъ не залетаетъ воспоминаніе о прошедшемъ: оно здѣсь чужой гость“ [2]). Но воспоминаніе залетало, потому что — „для сердца прошедшее вѣчно“. Онъ могъ говорить, что для него „началась новая жизнь, отдѣльная отъ прошлой“, и поправлялъ себя: „лучше сказать, заступающая ея мѣсто“ [3]). „*Прежніе спутники бывшаго міра моего далеко; вокругъ меня новый міръ, и все въ немъ иное. И не смотри на это измѣненіе всѣ прежнія связи такъ крѣпки, такъ чувствительны сердцу,*

---

1) Письмо марта 1842 г.; сл. письмо къ Гоголю 10 февраля 1847 г. въ отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1887 г., приложеніе стр. 50.

2) Къ кн. Вяземскому 2 іюля 1847 г., къ Булгакову 25 апрѣля/7 мая 1842 г.

3) Къ Наслѣднику 1/13 января 1842 г.

какъ будто ничто не протѣснилось между мною и этимъ милымъ прошедшимъ. И это такъ быть должно. Въ моемъ прошедшемъ самое драгоцѣнное было и есть для меня то, что было любезно сердцу; оно не подвержено вліянію времени, мѣста и обстоятельствъ. Все остальное, внѣшнее, есть только случайный придатокъ. Первое никогда не теряется; измѣненіе или потеря послѣдняго не можетъ быть замѣтна.... Сошедши съ первой дороги моей на тихую сторонпюю тропинку семейной жизни, я не разстался ни съ однимъ милымъ товарищемъ моего прежняго путешествія" [1]). Такъ увѣрялъ онъ себя, что „милое минувшее" дружилось съ настоящимъ [2]), и онъ звалъ къ себѣ это минувшее: тамъ и родныя могилы, и воспоминанія дѣтства; онъ просилъ Зонтагъ записать ихъ „для составленія собственныхъ записокъ", и она доставляла ему „предлинныя посланія, которыя напоминаютъ ему веселое прошедшее"; онъ хранитъ ихъ, готовится перечитывать [3]).

Чувство жизни обуяло его теперь; когда то его манила его слащавая идиллія Гебеля, теперь патріархальная жизнерадостность Гомера. Поздравляя Ек. Ив. Мойеръ, дочь своей Маши, съ вступленіемъ въ бракъ, онъ шутитъ: Гомеръ предвидѣлъ этотъ бракъ и, назвавъ невѣсту, на всякій случай, Навзикаей, напутствовалъ ее:

О, да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

Жена Жуковскаго приписала поученіе изъ I кн. Царствъ VII 66: Sie gingen zu ihren Hütten fröhlich und guten Muthes über allem dem Guten, das der Herr an seinem Volke gethan hatte [4]).

---

1) Ему-же 15/27 іюня 1843 г.

2) „Вел. кн. Маріи Павловнѣ, привѣтствіе отъ русскихъ, встрѣтившихъ ее въ Баденѣ" 1851 г. — Свидѣтели его первыхъ „связей и мечтаній" не раздѣляли этой увѣренности. Сл. Зейдлицъ l. c. стр. 171—2.

3) Зонтагъ къ А. М. Павловой 5 ноября 1850 г. въ Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г. стр. 135 слѣд.

4) Зейдлицъ l. c. стр. 213—214.

И въ эту то классическо-библейскую жизнерадостность вторгалось печальное memento mori: семейное счастье далось поздно, ненадолго; вотъ почему Жуковскому почуялась въ Гомерѣ меланхолія неизбѣжной утраты, и онъ спасался отъ нея въ „святую“ прозу своихъ духовно-нравстенныхъ размышленій, отрываясь отъ идилліи Одиссеи.

2.

Жуковскій принялся переводить ее съ нѣмецкаго подстрочника, сдѣланнаго для него Грасгофомъ[1]), окруживъ себя переводами Попа и Фосса[2]); ищетъ переводовъ Рошфора и Коупера[3]); трудится въ теченіе семи лѣтъ, прерывая работу лишь по нездоровью, методично, отмѣчая, по знакомой намъ системѣ таблицъ, сколько въ такомъ-то году и мѣсяцѣ переведено было пѣсенъ[4]). Онъ увлеченъ, старается угадать смыслъ подлинника въ „галиматьѣ подстрочника“, соблюсти не только „вѣрность поэтическую“, но и „буквальную“. „Новѣйшая поэзія,

1) Въ письмѣ къ наслѣднику 29 генваря 1842 г.: переводитъ „съ оригинала“ съ помощью „знающаго весьма хорошо греческій языкъ профессора“.

2) Кромѣ Фосса у него переводы въ прозѣ: нѣмецкій, два французскихъ и одинъ „архиглупый“ русскій (къ вел. кн. Константину Николаевичу 28 октября / 9 ноября 1842 г.). Съ Попе и Фоссомъ, на котораго ему указывалъ еще Уваровъ, онъ знакомъ съ 1810 года: въ Фоссовомъ переводѣ болѣе истиннаго Гомера, чѣмъ у Попе; Фоссъ сухъ, Попе разстянутъ, употребляетъ выраженія, приличныя новѣйшимъ метафизикамъ, но языкъ его стихотворенъ. По настоящему надо читать ихъ вмѣстѣ (къ Ал. Тургеневу 12 сентября 1810 г.). Въ 1828 г. Жуковскій переводилъ для своего воспитанника отрывки Иліады по Фоссу и Попе и удивляется, какъ при своемъ поэтическомъ дарованіи Попе могъ „такъ мало чувствовать несравненную простоту своего подлинника, который совершенно изуродовалъ жеманнымъ своимъ переводомъ“ (къ Ал. Тургеневу 1828 г. 2/14 сентября). Объ отрывкѣ различныхъ мѣстъ Иліады, напечатанномъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1829 г. Жуковскій писалъ, что это „отголосокъ отголоска“: онъ „угадывалъ“ Гомера по переводамъ Фосса и Штольберга, соединяя отрывки собственными стихами. Въ 1830 году онъ говорилъ И. В. Кирѣевскому, что по окончаніи своего педагогическаго дѣла ему „хочется возвратиться къ поэзіи и посвятить остальную жизнь греческому и переводу Одиссеи“ Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевскаго т. I стр. 26 (письмо 20 генваря 1830 г.).

3) Къ Ал. Тургеневу 1844 г. октябрь: Cooper.

4) Зейдлицъ l. c. стр. 227.

конвульсивная, истерическая, мутящая душу, мнѣ опротивѣла, пишетъ онъ вел. кн. Константину Николаевичу (26 октября 1842 г.), хочется отдохнуть посреди свѣжихъ видѣній первобытнаго міра".

Въ самомъ началѣ увлеченія посѣтилъ его дюссельдорфскій домикъ Погодинъ. „Древній и новый міръ, язычество и христіанство, классицизмъ и романтизмъ являются на стѣнахъ его въ прекрасныхъ картинахъ, записалъ онъ въ дневникѣ: здѣсь сцены изъ Гомера, тамъ жизнь Іоанны Даркъ; впереди Дрезденская и Корреджіева Мадонна, молитва на лодкѣ бѣднаго семейства, Рафаель и Дантъ, Сократъ и Платонъ". Жуковскій прочелъ Погодину двѣ пѣсни Одиссеи, объяснивъ ему правила, которыхъ держался въ переводѣ; прочелъ нѣсколько отрывковъ Наля и Дамаянти. Къ откровеніямъ Германіи, Англіи, Испаніи, съ которыми познакомилъ насъ Жуковскій, присоединяется еще Индія, древность Одиссеи, замѣчаетъ Погодинъ, и самъ не удержался, присталъ къ Жуковскому съ старой просьбой, „чтобъ онъ взялся за Патерикъ, воспѣлъ основаніе печерской церкви, для котораго Несторъ и Симонъ представляютъ ему такія живыя краски, такое богатое, полное расположеніе" [1]). Не въ связи-ли съ этой фантазіей Погодина стоитъ увѣщаніе Жуковскому А. Я. Булгакова: „перестань перелагать русскую исторію въ стихи: будетъ съ тебя Гомера" [2]).

Весь 1843-й годъ Жуковскій провелъ въ восторгахъ переводнаго творчества. „Я живу въ мірѣ Гомера и, прислушиваясь къ сладкому пѣнію, не слышу визговъ сумасшедшаго Гервега и комп., которымъ рукоплескаетъ еще не образумѣвшаяся молодость, посреди которой встрѣчаются и молокососы съ просѣдью [3]). — Старуха Одиссея „идетъ хорошимъ, но еще весьма медленнымъ шагомъ, не раскачалась еще. До сихъ поръ

---

1) Барсуковъ, Жизнь и Труды М. П. Погодина т. VII, стр. 48—9.— „8/20 октября 1841 г. Дюссельдорфъ" подписанъ отрывокъ въ 12 стиховъ, нач. „Всесиленъ Богъ! Предъ нимъ всесильна вѣра! Онъ намъ сказалъ: Кто вѣруетъ, вели горамъ идти—онѣ пойдутъ!" Объ этомъ чудѣ долженъ былъ разсказать „рабъ недостойный Божій, инокъ Климентъ" на поученіе потомкамъ, чтобы они признали свое ничтожество передъ Господомъ „и въ томъ признаньи Спасеніе души своей нашли".

2) Русскій Архивъ 1902 г. Іюль, стр. 456: письмо 17 ноября 1842 г.

3) Къ Наслѣднику 1 генваря 1843 г. Сл. дневникъ того-же года подъ 2 генваря.

моя муза въ пеленкахъ моей дочки“ [1]). Гоголь желалъ бы пожить въ уединеніи съ пріятелемъ: Жуковскій работалъ бы надъ Одиссеей, онъ надъ „Мертвыми Душами“ [2]). Посылая Плетневу своего „Маттео Фальконе“, Жуковскій кается, что „совсѣмъ раззнакомился съ риемой“, за то принялся за болтовню и сказки, и ему весело подлаживаться подъ „свѣтлую, патріархальную простоту“ Гомера, забывая за ней эти уродливыя гримасы, которыми искажаютъ ея лицо „современные самозванцы поэты“ [3]). Воспользовавшись своей поѣздкой въ Берлинъ, онъ читалъ Фарнгагену фонъ Энзе часть первой пѣсни Одиссеи, прося его слѣдить по подлиннику [4]) — и проситъ Гоголя рекомендовать Смирновой его „рождающуюся 3000-лѣтнюю дочку“, которую любитъ „почти какъ родную“ [5]), а Смирнова записываетъ: „Одиссея подвигается и даетъ ему (Жуковскому) особую ясность и спокойствіе. Міръ грековъ его молодитъ“ [6]). Поэзія „прикликала ко мнѣ гигантскую тѣнь Гомера, пишетъ онъ Государынѣ (12/24 октября 1843 г., Дюссельдорфъ) [7]), и я разсказываю по русски то, что онъ разсказалъ, за 3000 почти лѣтъ, по гречески, перевожу Одиссею. Хочется перевести ее такъ, чтобы въ моемъ переводѣ сохранена была ея прадѣдовская простота древняго поэта и чтобы чтеніе Одиссея сдѣлалось доступно всѣмъ возрастамъ. И въ немъ бы жило со мною теперь полное счастье, еслибы этой радостной, тихой жизни не тревожила забота о женѣ“ (ея болѣзнь). Гоголь въ восторгѣ, что Жуковскій пребываетъ въ періодѣ творчества, когда человѣкъ становится „доступнѣе къ прозрѣнію великихъ тайнъ Божьяго созданія“ (къ

---

1) Къ Булгакову 10/22 февраля 1843 г.

2) Къ Жуковскому 28 марта 1843 г.

3) Къ Плетневу 1843 („Маттео Фальконе“ написанъ 17—19 Марта ст. ст. 1843 г.).

4) „Тайный совѣтникъ Жуковскій пробылъ у меня три часа, отмѣтилъ Фарнгагенъ въ своемъ дневникѣ подъ 13 сентября 1843 г.: онъ провѣряетъ со мною свой переводъ Одиссеи, сдѣланный гекзаметрами; моя обязанность — слѣдить по подлиннику стихъ за стихомъ. Онъ прочелъ мнѣ часть первой пѣсни, потомъ изъ Пушкина и проч. Добродушный, словоохотливый старичекъ, etwas zu demüthig gegen den Hof. Странное впечатлѣніе производитъ, при его добродушіи, подсматривающіе (lauernden), недовѣрчиво-улыбающіеся глаза“ (lächelnd—misstrauischen).

5) Второй половины сентября 1843 г. Русская Старина 1902 г. апрѣль стр. 187.

6) Записки А. О. Смирновой, Сѣвер. Вѣстн. 1895 г., ноябрь, стр. 107.

7) Письмо неиздано.

Жуковскому 2 декабря 1843 г.). Это будетъ послѣдній памятникъ его жизни, достойный отечества, если совершится, какъ должно (Жуковскій къ Наслѣднику 17/29 декабря 1843 г.).

Новый, личный элементъ вторгался въ поэзію старика, не знавшаго „молодости", нашедшаго позднее, боязливое успокоеніе въ семьѣ. „Какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи раждающейся изъ пѣны морской Анадіомены (ибо она есть символъ Гомеровой поэзіи), въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ всякаго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія, въ этой болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру безъискусственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь, пластически могучуювъ на стоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ всеоживляющихъ утѣшеній"[1]).

---

1) Къ Кирѣевскому 1844 г. Это письмо, очевидно, тождественно съ тѣмъ, о которомъ въ письмѣ къ Жуковскому 2 декабря того-же года упоминаетъ Гоголь, какъ писанномъ къ Елагиной („объ Одиссеѣ"; въ его-же письмѣ къ Языкову 1845 г. 2 генваря говорится о замѣчательномъ письмѣ Жуковскаго къ Авд. Петр. Елагиной и И. В. Кирѣевскому. Письмо къ Кирѣевскому напечатано въ Москвитятинѣ 1845 г. I ч. 39 стр. „съ позволенія почтенной особы, къ которой оно адресовано"; извлеченія изъ него въ Отчетѣ Имп. Ак. Наукъ по отд. русск. яз. и сл. за 1845 г. стр. 24 слѣд. составленномъ П. А. Плетневымъ. Странно его заявленіе, что свѣдѣнія для отчета заимствованы изъ писемъ Жуковскаго къ двумъ академикамъ, изъ которыхъ одинъ издавалъ Современникъ (Плетневъ), другой Москвитянинъ (Погодинъ), тогда какъ текстъ отчета воспроизводитъ письмо къ Кирѣевскому. О какихъ другихъ письмахъ идетъ рѣчь?— Плетневъ читалъ письмо Жуковскаго къ кн. Вяземскому, „гдѣ онъ подробно разсказываетъ о способѣ, какъ переводитъ Одиссею. Въ этомъ письмѣ есть нѣсколько и другихъ интересныхъ разсказовъ.... Между прочимъ, Жуковскій въ этомъ письмѣ съ большою нѣжностью и участіемъ говоритъ о Карамзиной и ея дѣтяхъ". Сл. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, журналъ 24 и 25 марта 1844 г., т. II стр. 217 и 218.

Гоголь слѣдитъ за ходомъ работы, думаетъ съ удовольствіемъ, какъ они будутъ читать другъ другу „дѣла свои“ [1]). Жуковскому „дѣятельность по сердцу, вдохновенныя, уединенныя бесѣды съ геніемъ Гомера и гармоническій голосъ его музы, слитый часто съ звонкимъ голосомъ малютки-дочери“ [2]). Гоголь читалъ въ рукописи первыя двѣнадцать пѣсенъ [3]), переводъ которыхъ оконченъ 28 декабря 1844 года [4]). „Вы такъ награждены Богомъ, какъ ни одинъ человѣкъ еще не былъ награжденъ“, пишетъ онъ Жуковскому, принимавшему къ сердцу всякія мелочи и продолжавшему страдать „безпокойствомъ и раздражительной боязнью духа“: на вечерѣ его дней Богъ послалъ ему такое счастье, которое другому не дается и въ цвѣтущій полдень жизни—ангела-жену; Онъ-же внушилъ ему мысль „заняться великимъ дѣломъ творческимъ“, показалъ надъ нимъ чудо, „какое едва-ли когда доселѣ случалось въ мірѣ: возрастаніе генія и восходящую съ каждымъ стихомъ и созданіемъ его силу въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“ [5]). „Переводъ этотъ рѣшительно есть вѣнецъ всѣхъ переводовъ, когда-либо совершавшихся на свѣтѣ, и вѣнецъ всѣхъ сочиненій, когда-либо сочиненныхъ Жуковскимъ“ [6]). И самъ Жуковскій надѣется занять уголокъ въ памяти потомства: „нѣтъ ничего очаровательнѣе чистой поэзіи. Повторять вѣрно на своемъ языкѣ то, что гармонически сказано было ею въ тѣ первобытныя времена, когда она еще говорила младенческимъ языкомъ природы и истины, есть неописанное наслажденіе; и это наслажденіе даетъ мнѣ изобильно бесѣда съ моимъ Гомеромъ, который могучъ, какъ Зевесъ-Громо-

---

1) Къ Жуковскому 8 генваря 1844 г.

2) Къ Наслѣднику 1/13 апрѣля 1844 г.

3) Зейдлицъ l. c. стр. 225; сл. письмо Жуковскаго къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.

4) По реестру у Зейдлица. Сл. письма къ Плетневу 9 февраля 1845 г. („наканунѣ новаго года“. Сл. Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ II, стр. 408) и 1 іюля и къ вел. кн. Константину Николаевичу 21 октября/2 ноября 1845 года. „Недавно кончилъ онъ 8 пѣсень Одиссеи“ (Мельгуновъ къ Шевыреву 10/22 октября 1844 г., у Кирпичникова, Оч. по исторіи новой русской литературы, т. II, 2 изд. стр. 199). Сл. письмо Шевырева къ Гоголю 15/27 ноября 1844 г. въ Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г. Приложеніе, стр. 19.

5) Къ Жуковскому на 1845-й годъ.

6) Гоголь Языкову 2 генваря 1845 г.

вержецъ, чистъ, какъ Харита, простодушенъ, какъ Психея, и говорливъ, какъ лишенный зрѣнія старикъ-прорицатель, которому въ слѣпотѣ его видится прошедшее и будущее и который знаетъ, что около него толпится многочисленный народъ, внимающій чудному его пѣснопѣнію"[1]). — „Моя Одиссея будетъ моимъ твердѣйшимъ памятникомъ на Руси, писалъ Жуковскій Плетневу[2]); она, если не ошибаюсь, вѣрна своему греческому отцу Гомеру; въ этомъ отношеніи можно ее будетъ почитать произведеніемъ оригинальнымъ. И будетъ великое дѣло, если мнѣ моимъ переводомъ удастся пробудить на Руси любовь къ древнимъ, какъ нѣкогда я подружилъ ихъ съ поэзіею нѣмцевъ".

Въ отвѣтъ на письмо Языкова[3]) написана статья Гоголя „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ", появившаяся въ „Перепискѣ съ друзьями" (1845 г.). Авторъ исправилъ ее и старался распространить по журналамъ, „чтобы публика была нѣсколько приготовлена къ принятію Одиссея[4]), но статья, полная парадоксовъ и елейныхъ широковѣщаній, встрѣчена была насмѣшкой и сомнѣніями. Оказывалось, что „вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ" къ переводу, и это не переводъ, а, скорѣе, „возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе" Гомера. Предвидѣлось нравственное вліяніе Одиссеи на всѣхъ и каждаго: она научитъ не унывать среди бѣдствій, какъ не унывалъ и Одиссей, обращавшійся въ трудную минуту къ своему сердцу, „не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву къ Богу, которую въ минуту бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого понятія о Богѣ".

---

1) Вел. кн. Константину Николаевичу 21 октября / 2 ноября 1845 г.

2) 1 іюля 1845 г.

3) 14 декабря 1844 г. Языковъ писалъ Гоголю изъ Москвы: „Здѣсь ходитъ слухъ, что у Василія Андреевича уже готово 10 пѣсень Одиссеи и что онъ написалъ еще сказку? Наша Одиссея перешибетъ всѣ возможные переводы: это будетъ памятникъ, про который можно будетъ сказать, что „металловъ крѣпче онъ и лучше (sic) пирамидъ". Русская Старина 1896 г. декабрь стр. 629.

4) Гоголь къ Плетневу іюля 4 и 20 1846 г. Сл. примѣчанія Шёнрока къ изданнымъ имъ письмамъ Гоголя. Статья Гоголя напечатана Плетневымъ въ Современникѣ 1846 г. XLIII, стр. 175—188.

Тогда какъ Шевыревъ восторженно совѣтовалъ Гоголю написать „предисловіе“ къ Одиссеѣ Жуковскаго (29 іюля 1846 г. ст. ст.)[1]), И. С. Аксаковъ писалъ отцу: „Вчера прочелъ я письмо Гоголя объ Одиссеѣ. Многое чудесно хорошо; появленіе Одиссеи можетъ быть замѣчательно, какъ фактъ, въ XIX вѣкѣ, но появленіе ея въ Россіи не можетъ имѣть вліянія на современное общество, на европейское. Одиссея не вылѣчитъ запада, не уничтожитъ его исторіи, а насъ, русскихъ, не примиритъ съ порядкомъ вещей, а вліяніе ея на русскій народъ—мечта. Точно будто нашъ народъ читаетъ что-нибудь — есть ему время! А Гоголь именно налегаетъ на простой русскій народъ. Нѣтъ, долго, слишкомъ долго зажился онъ за границей. Что и говорить, Одиссея подѣйствуетъ благотворно на душу отдѣльнаго человѣка, и не одного. Но какъ хороши эти незыблемыя, величавыя созданія искусства между нашей мелкою дѣятельностью, какъ нѣмѣетъ передъ ними наша кропотливая талантливость!“[2]).

Жуковскому желательно было бы услышать мнѣніе своего пріятеля Стурдзы, слывшаго не только богословомъ, но и знатокомъ Гомера; „его одного мнѣніе въ семъ отношеніи перевѣситъ для меня всѣхъ нашихъ (и чужихъ) литераторовъ (до которыхъ, вѣроятно, мнѣ нѣтъ никакого дѣла, ибо мой трудъ предпринятъ не для угожденія вкусу нашего времени и даже не для пріобрѣтенія лоскуточка славы, который въ наше время сдѣлался нечистою тряпкою, а просто для наслажденія поэзіею во всей ея дѣвственной чистотѣ). Мнѣніе же Стурдзы было бы для меня поэтическою потѣхою (?) и въ то же время вѣрною оцѣнкою труда высокаго“[3]).

Въ іюлѣ 1847 года Жуковскій „тріумвиратствовалъ“ въ Эмсѣ съ Гоголемъ и Хомяковымъ. „Добродушный, пріятный собесѣдникъ, писалъ о немъ Жуковскій, онъ мнѣ всегда былъ по нутру; теперь я впился въ него, какъ паукъ голодный въ муху: навалилъ на него чтеніе вслухъ моихъ стиховъ, это са-

---

1) Отч. Имп. Публ. библ. за 1893 г. Приложеніе стр. 26.

2) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, I стр. 353 См. сходный отзывъ кн. Вяземскаго въ статьѣ: Языковъ и Гоголь (1847 г.), Полн. собр. соч. II, стр. 325.

3) Къ Сѣверину 10 апрѣля н. ст. 1846 г. Русская Старина 1902 г. апрѣль стр. 164—5.

мое лучшее средство видѣть ихъ скрытые недостатки; явные всѣ были мною замѣчены, и, сколько могъ, я съ ними сладилъ“ [1]). По отъѣздѣ изъ Эмса Хомякова и Гоголя явился Тютчевъ: „онъ пріѣхалъ въ Эмсъ нарочно для меня и для Одиссеи, прожилъ тамъ до моего отъѣзда, заставилъ меня прочитать ему Одиссею“, которую дочиталъ у Жуковскаго во Франкфуртѣ [2]).

Первыя двѣнадцать пѣсенъ Одиссеи, процензурованныя въ Петербургѣ 30 октября 1847 года, высланы были Жуковскому для напечатанія заграницей при письмахъ Плетнева и Уварова [3]). Плетневъ читалъ Одиссею въ рукописи, предложилъ Жуковскому нѣсколько замѣчаній [4]), но въ восторгѣ отъ языка, не уклонившагося „отъ церковнославянскихъ словъ“ и не принявшаго „выраженій простонародныхъ, которыми нѣкоторые изъ нашихъ умниковъ совѣтовали возсоздать простоту первобытныхъ вѣковъ“.

Любопытно было бы знать, какъ приглянулся тогда переводъ Одиссея Хомякову и Тютчеву; извѣстенъ отзывъ В. В. Кирѣевскаго. Ему удалось просмотрѣть вторую тетрадь перевода (7—12 пѣсни) еще въ рукописи, и онъ разсказываетъ о своемъ впечатлѣніи А. М. Языкову. „Читается переводъ легко и пріятно, но замѣтно, что читаешь переводъ. Судя по словамъ Жуковскаго въ Наблюдателѣ Московскомъ надобно было ожидать языка самаго простого, а между тѣмъ послѣ стиховъ и словъ самыхъ чистосердечно-простыхъ частенько встрѣчаются выраженія и обороты языка церковнаго: понеже, напр., глава, гласъ и проч.... Нѣкоторые эпитеты, постоянно повторяющіеся и у Гомера, переведены не совсѣмъ удачно: Нептунъ земледержецъ“ (вм. Земленосецъ). „Мнѣ все кажется, что теперь возможенъ переводъ Гомера, потому что мы ознакомились съ языкомъ *первобытной, народной,* не искусственной поэзіи; таковъ языкъ Гомера, и, слѣдовательно, переводить его надо такимъ

---

1) Къ кн. Вяземскому, 3/15 іюля 1847 г., Русскій Архивъ 1866 г. ст. 1073—4. Хомяковъ обѣщалъ примѣчанія къ Одиссеѣ, которыя Жуковскій отклонилъ, ибо Одиссея должна была явиться въ общемъ собраніи его сочиненій. Сл. Русскій Архивъ 1884 г. № 5, стр. 229.

2) Къ Хомякову 12/24 сентября 1847 г.

3) Письмо Уварова въ Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ III стр. 732.

4) Письма 30 октября и 17, 28 ноября 1847 г.

языкомъ, по крайней мѣрѣ, какимъ Пушкинъ перевелъ пѣсни Западныхъ славянъ" [1]).

А Жуковскому казалось, что онъ сохранилъ всю „свѣжесть" Гомерскаго языка! Посылая Уварову первыя двѣнадцать пѣсенъ съ просьбою быть его ходатаемъ передъ цензурой, онъ повторяетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, характеристику гомеровской поэзіи въ письмѣ къ Кирѣевскому: „Перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытной поэзіей, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремитъ ни въ какую туманную даль.... Муза Гомерова озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни [2]).

Сообщая Ал. Мих. Тургеневу, что онъ началъ печатать полное собраніе своихъ сочиненій, онъ предупреждаетъ его, что новаго въ нихъ будетъ не мало; „но кто будетъ читать это новое? Весьма уже немного остается тѣхъ, для кого я писалъ: новое поколѣніе не обратитъ на меня того благоволящаго вниманія, какое удѣляли мнѣ мои современники. О жизни въ потомствѣ я не мечтаю. Одно отъ меня, вѣроятно, останется потомству: переводъ Одиссеи, ибо въ этомъ переводѣ *сохранена вся свѣжесть гомеровой поэмы*, и то, что жило 3000 лѣтъ, не увѣдая, не увянетъ и въ моемъ русскомъ образѣ. *Этотъ переводъ почитаю своимъ лучшимъ, главнымъ поэтическимъ произведеніемъ*" (1847 г. 11 ноября н. ст.) [3]).

Въ апрѣлѣ—маѣ 1848 г. первыя двѣнадцать пѣсенъ „почти отпечатаны" [4]), первый томъ вышелъ въ томъ-же году, хотя съ помѣтою 1849 года, и Жуковскій доставилъ его вел. кн. Константину Николаевичу, которому и посвятилъ свой трудъ [5]). „Сію минуту только чудакъ Гоголь сказалъ мнѣ, что получена Одиссея, писалъ Погодинъ Шевыреву; такъ хочется почитать что-нибудь успокоительное — изящное"; а подъ 18 ноября онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Получилъ Одиссею отъ Жуков-

---

1) Русская Старина 1883 г., сентябрь стр. 632.

2) Письмо къ Уварову печатается съ датой 1848 года.

3) Русская Старина 1892 г., ноябрь, стр. 392—3.

4) Письмо Жуковскаго къ вел. кн. Константину Николаевичу 19 апрѣля / 1 мая 1848 г.

5) Къ нему-же письмо изъ Франкфурта 16/28 мая 1848 г.; сл. къ нему-же письмо изъ Бадена 30 августа того-же года.

скаго и прочелъ первую пѣснь. Нѣтъ, это еще не просто! Предѣлы языка не раздвигаются"; 19 ноября, по прочтеніи второй пѣсни: „Нѣтъ, я проще разскажу *нашу* (?) Одиссею" [1]). А Гоголь въ письмѣ къ Плетневу уже выражаетъ опасенія, что — Одиссея не найдетъ читателей: „Ея появленіе въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали; весьма можетъ быть, что въ пору нынѣшняго своего лихорадочнаго состоянія большая часть читающей публики не только ее не разнюхаетъ, но даже и не примѣтится. Но за то это сущая благодать и подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь и у которыхъ сердце пріуныло отъ смутъ и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободренье и освѣженье въ наши души" [2]).

Жуковскій озадаченъ письмомъ своего стараго друга Ал. Михайловича Тургенева: „Прошу васъ простить мнѣ благосклонно, что „Котъ въ сапогахъ" мнѣ болѣе по сердцу греческаго героя, писалъ Тургеневъ. Вы знаете почтенный другъ, я невѣжда — Ермолафъ, но, не обинуясь, дозволяю сказать вамъ: сочиненія Жуковскаго будетъ читать позднѣйшее потомство съ восхищеніемъ, съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, будутъ много и много разъ изданы, а переводъ его Одиссеи послѣ перваго тисненія будетъ почтенно покоиться на полкахъ въ книгохранилищахъ" [3]). Жуковскій отвѣчалъ: „Хорошъ же ты?" Вмѣсто того, чтобы потѣшиться на старости лѣтъ сказками Гомера, которыя уже три тысячи лѣтъ веселятъ добрыхъ людей (въ Россіи только онѣ не могли никого веселить, потому что ихъ нашъ покойный Соколовъ и нашъ покойный Мартыновъ чудно перепортили), ты вздумалъ на старости лѣтъ ихъ называть бреднями; правда, поэзія—бредни, и, можетъ быть, я бы не началъ переводить Одиссеи въ эту минуту, когда мнѣ 65 лѣтъ стукнуло, но за семь лѣтъ начатое надобно кончить. Но ты не брани Гомера, не называй бреднями его поэзіи. И почему же, браня

---

1) Барсуковъ l. c. т. X, стр. 189.

2) Плетневу 20 ноября 1848 г.; сл. къ нему-же 1849 г. 15 декабря, по поводу Одиссея: „Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ".

3) Письмо начала 1848 г., Русская Старина 1893 г. генварь, стр. 252.

Одиссею, ты хвалишь „Кота въ сапогахъ"? Чѣмъ лучше Котъ Лаэртова сына? Стыдись, Ермолафушка! стою не за себя, а за старика Гомера, которому я обязанъ столькими сладкими минутами. Но подобныя минуты будутъ послѣднія: кончивъ Одиссею (которую кончить обязанъ), прощусь съ милымъ бредомъ поэзіи. Надобно другимъ теперь заниматься; не веселиться безпечно въ гостинницѣ жизни, а сбираться въ путь, въ отчизну, въ общій семейный домъ, до котораго уже немного станцій осталось. Прошу только Бога дать еще времени для порядочныхъ сборовъ" (17 декабря 1848 г.) [1]).—Въ началѣ марта онъ надѣется кончить всю Одиссею, пишетъ онъ Плетневу, „съ поэзіей пора проститься. Мы разстанемся, однако, безъ ссоры. Напослѣдокъ она мнѣ послужила вѣрою и правдою. Мнѣ кажется, что моя Одиссея есть лучшее мое созданіе: ее оставляю на память обо мнѣ отечеству". Трудъ былъ совершенъ съ полнымъ самоотверженіемъ, для одной прелести труда; только не съ кѣмъ было подѣлиться „своимъ поэтическимъ праздникомъ": лишь гипсовый бюстъ Гомера былъ нѣмымъ свидѣтелемъ. „Бывало, однако, и для меня раздолье, когда со мною жилъ Гоголь: онъ подливалъ въ мой огонекъ свое свѣжее масло; и еще, когда я пожилъ въ Эмсѣ съ Хомяковымъ и съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стряпаньямъ". Теперь онъ примется за прозу, у него уже готово на цѣлый толстый томъ [2]), „и есть великій замыселъ, о которомъ поговоримъ, когда Богъ велитъ свидѣться. И еще для одного поэтическаго созданія есть планъ. Онъ былъ бы достойнѣйшимъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности" [3]).

Русская публика встрѣтила Одиссею „равнодушно", писалъ Гоголь Данилевскому (25 февраля 1849 г.), „самыя головы

---

1) Тамъ-же 1892 г. ноябрь, стр. 394—5.

2) Въ письмѣ къ Наслѣднику 10/22 генваря 1846 г. онъ говоритъ, что Одиссеей заключается „важный періодъ" его жизни, періодъ поэзіи, начнется періодъ прозы: онъ посвятитъ себя воспитанію дѣтей и приведетъ въ порядокъ курсъ преподованія по изобрѣтенной имъ методѣ; это пригодится „для вашей второй генераціи". Сл. письмо къ нему-же 9 мая 1847 г.: по окончаніи Одиссея работы „должны получить иной характеръ"; къ фонъ-деръ Бриггену 6/18 мая 1847 г.: примется за прозу, она стала теперь для него привлекательнѣе поэзія; „въ поэзіи, такъ сказать, языкъ надежды", а въ его годы „надежда перешла уже за границу жизни и здѣсь ничего желаннаго сулить не можетъ".

3) 20 декабря 1848 г.; сл. письмо къ нему-же 3/15 февраля 1850 г.

не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать спокойное художественное произведеніе"; чего-же ожидать второму тому „Мертвыхъ Душъ?" [1]).

Между тѣмъ Сѣверинъ, котораго Жуковскій просилъ увѣдомить Стурдзу, что экземпляръ Одиссеи будетъ ему доставленъ [2]), сообщилъ Жуковскому отзывъ Стурдзы о его переводѣ, и Жуковскій обрадованъ; рисуетъ въ отвѣтномъ письмѣ вѣсы: на перетягивающей чашкѣ „выписка изъ письма Стурдзы къ Сѣверину", на другой „мнѣнія о переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскаго литераторовъ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и пр. и пр., и даже Россіи. Видишь, какъ оно увѣсисто" [3]). Онъ благодаритъ Стурдзу за отзывъ: для него тутъ не вопросъ самолюбія, а желаніе подѣлиться тѣмъ, что дорого душѣ. „Послѣдніе годы, мною проведенные вмѣстѣ съ Гомеромъ, въ тишинѣ моей семейной жизни, были счастливы"; передавая на своемъ языкѣ „его дѣвственную поэзію", онъ спрашивался „съ геніемъ Гомера", ему просто хотѣлось пожить поэтическимъ счастіемъ, пожить наслажденіемъ творчества. Изъ Россіи онъ еще не получалъ никакого отзыва, кромѣ отзыва вел. кн. Константина Николаевича, которому давно далъ обѣщаніе приняться за переводъ Одиссеи и посвятить его ему; письмо великаго князя порадовало его „умною, поэтическою оцѣнкою самой поэмы Гомера". Былъ и еще одинъ „пріятный, даже слишкомъ одобрительный отзывъ извѣстнаго Фарнгагена [4]), но всего дороже ему мнѣ-

1) Сл. его-же письмо къ Плетневу 2 декабря 1850 г.

2) Письмо 17/29 ноября 1848 г., Русскій Архивъ 1900 г. сентябрь стр. 43.

3) Къ Сѣверину 27 февраля/11 марта 1849 г., тамъ-же, стр. 44.

4) Вотъ этотъ отзывъ: „Der Eindruck dieser Uebersetzung kommt dem am nächsten, den die griechische Urschrift mir giebt. Derselbe Zauber der Sprache, dieselbe Einfachheit und Klarheit, derselbe epische Fluss und Wohlklang des Hexameters. Der Dichter hat den ionischen Reiz und Glanz Vater Homers in skythischen Lauten wiederholt, die aber freilich dem hellenischen verwandter sind, als man gewöhnlich denkt. Die unschätzbaren Anlagen der russischen Sprache zu solcher Nachbildung hat Schoukowsky's Genius mit höchstem Erfolg benützt, seine Meisterschaft der Verskunst die fremde Form mit glüchlichster Anmuth gehandhabt". — Въ 1841 году, обозрѣвая русскую литературу по смерти Пушкина, Фарнгагенъ характеризуетъ Жуковскаго не только какъ симпатичнаго, нѣжнаго (zartfühlende) поэта, владѣющаго всѣми мелодіями своего родного языка, но и какъ пѣвца родины и ея героевъ, одушевленнаго любовью къ царю и его дому и въ этомъ смыслѣ истиннаго и благороднаго выразителя народ-

ніе Стурдзы, котораго онъ проситъ не оставлять своего намѣренія—вызвать его, Жуковскаго, на „очную ставку" въ Москвитянинѣ; хотя бы разборъ и осудилъ его трудъ, но самъ по себѣ онъ „будетъ имѣть дѣйствіе рѣшительное на общій вкусъ: у насъ поэзія классическая, эта первобытная, дѣвственная поэзія—еще небывалый гость. Если подлинно мой переводъ удаченъ, то надобно, чтобы краснорѣчивый поэтическій голосъ растолковалъ его достоинство русскому свѣту; будетъ значительною эпохою въ нашей поэзіи это позднее появленіе простоты древняго міра посреди конвульсій міра современнаго". Если такой судья, какъ Стурдза, болѣе нежели кто посвященный въ тайны поэзіи, замѣтитъ какія ошибки въ переводѣ, Жуковскій обѣщаетъ исправить ихъ совѣстливо; „единственною внѣшнею наградою моего труда будетъ тогда сладостная мысль, что я, во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ, подъ старость лѣтъ загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не *утраченнаго* ею, но до сихъ поръ для нея *запертаго*" (10 марта 1849 г.)[1]).

„Ты счастливъ, подчинивши себя слѣпцу Гомеру, писалъ Жуковскому Гоголь (3 апрѣля 1849 г.): онъ не увлечетъ тебя съ дороги въ омутъ, хоть и слѣпецъ. Свой же собственный умъ, того и гляди, занесетъ куда-нибудь въ оврагъ".

Вторая часть Одиссеи[2]) вышла въ 1849 году и Жуковскій разослалъ экземпляры пріятелямъ. „Прошу принять съ любовью младшую дочку старика Жуковскаго, пишетъ онъ Сѣверину: она лучше всѣхъ поэтическихъ дочекъ его и повеселила крѣпко душу его на старости. Теперь прости поэзія, милости просимъ святая проза". Онъ ждетъ отзыва Плетнева, обѣщаетъ сообщить ему отзывъ Фарнгагена, которому экземпляръ Одис-

---

ныхъ чувствованій. О Жуковскомъ Фарнгагенъ обѣщалъ поговорить обстоятельнѣе при другомъ случаѣ (Neueste russische Litteratur 1841), но такая статья мнѣ неизвѣстна.

1) Русская Старина 1902 г. май, стр. 393 слѣд. Отвѣтное письмо Стурдзы 28 марта 1849 г. съ переводомъ (по просьбѣ Жуковскаго) стиховъ 91—104 XVI-й пѣсни Одиссея см. въ Русской Старинѣ 1903 г. май, стр. 406 слѣд.

2) Жуковскій надѣялся кончить ее къ 1 апрѣля ст. ст. 1849 г., къ Булгакову 7/19 марта. Сл. письмо къ нему-же 17/29 мая: Одиссея окончена и отпечатана; къ Наслѣднику того-же числа.

сеи долженъ былъ доставить Сѣверинъ [1]); это „теперь одинъ изъ первыхъ критиковъ Германіи. Онъ знаетъ прекрасно греческій и русскій языкъ. Если онъ мнѣ не льстилъ, то могу считать свою работу удачною". А русскіе друзья, которымъ посланы были экземпляры второго тома,—не откликнулись! [2]).

Наконецъ въ августѣ 1849 года дошелъ до него „краснорѣчивый" голосъ критики, который онъ видимо ждалъ съ нетерпѣніемъ: въ Варшавѣ, куда онъ пріѣзжалъ нѣсколько дней, чтобы получить разрѣшеніе императора Николая Павловича на дальнѣйшее пребываніе заграницей, онъ могъ познакомиться съ статьей Шевырева въ Москвитянинѣ [3]) и писалъ Зейдлицу: лишь „немногіе, мнѣнія которыхъ ему драгоцѣнно, встрѣтили съ симпатіей и благоволеніемъ его „милую дочь"; изъ соотечественниковъ одинъ отозвался о ней письменно (Стурдза? Плетневъ?), другой печатно (Шевыревъ), тѣмъ цѣннѣе для него мнѣніе Зейдлица, котораго поэтическому чутью и знанію дѣла онъ вѣритъ — и снова онъ выражаетъ надежду, что его Гомеръ будетъ ему вѣчнымъ памятникомъ; „если подлинно въ немъ отзываются чисто и гармонически тѣ звуки, которые три тысячи лѣтъ утѣшаютъ сердца избранныхъ, то на долго и на Руси останется отзывъ моей поэтической жизни" [4]).

Признаніе, съ которымъ вел. князь Константинъ Николаевичъ встрѣтилъ его переводъ, подняло его: такую оцѣнку онъ „желалъ бы слышать отъ всякаго, имѣющаго поэтическое чувство и зоркій вкусъ читателя" [5]). Въ непосредственно слѣдующемъ письмѣ онъ благодаритъ за участіе къ его дочкѣ, къ его фавориткѣ, которая такъ мило и живо повеселила его на старости и изъ всѣхъ его поэтическихъ дѣтей одна его пережи-

---

1) Сл. письмо 11—13/23—25 іюня 1849 г. Русскій Архивъ 1900 г. сентябрь, стр. 49—50.

2) Письмо 29 сентября/11 октября 1849.

3) Сл. письмо къ Шевыреву изъ Варшавы 1 сентября 1849 г. и письмо къ Гоголю, вложенное въ письмо къ Булгакову 31 октября/12 ноября 1849 г., Русская Старина 1901 г., іюль, стр. 98 слѣд.; Сборн. любителей русск. слов. за 1891 г., стр. 19—20. Въ Варшаву писалъ ему и Плетневъ съ отзывомъ о 2-мъ томѣ Одиссеи, вызваннымъ Жуковскимъ. Сл. письмо Плетнева кн. Вяземскому 8/20 сентября 1849 г.

4) Зейдлицъ l. c. стр. 225 (письмо безъ даты).

5) Письмо 19/31 октября 1849 г.

ветъ. „Поэзія въ наше время утратила много своего кредита, утратила и отъ того, что наше желѣзно-дорожное и журнально-сумасбродное время не имѣетъ ничего въ себѣ поэтическаго, и отъ того, что поэты затащили ее въ грязь партій, въ болото безвѣрія и въ лужу безнравственной чувственности. Вслѣдствіе этого я не могу надѣяться, чтобы Одиссея произвела на большинство современныхъ читателей какое-нибудь сильное дѣйствіе, да я и не имѣлъ цѣлію производить какое-нибудь дѣйствіе. Мнѣ просто хотѣлось заглянуть въ перво-міръ поэзіи, въ этомъ потерянный Эдемъ, въ которомъ во время оно дышалось такъ легко и цѣлебно. Гомеръ отворилъ мнѣ заповѣдную дверь въ него, и я пожилъ счастливо съ его свѣтлыми созданіями, которыхъ вѣяніе было такъ благовонно, которыхъ поэтическій шопотъ былъ такъ гармонически-очарователенъ посреди визговъ и мефитическаго зловонія бунтующей толпы, парламентскихъ болтуновъ и ложно вдохновенныхъ поэтовъ настоящаго времени". Со всѣмъ тѣмъ онъ вовсе не отказывается и отъ поэтически-благотворнаго дѣйствія поэмы: его чутье шепчетъ ему, что онъ дѣйствительно угадалъ гармонію ея оригинала; то-же говорятъ ему люди знающіе, способные сличить подлинникъ съ слѣпкомъ. Его Одиссея не пропадетъ для потомства, но къ его поэтической извѣстности его трудъ не прибавитъ ничего: „не болѣе шести человѣкъ (считая въ числѣ ихъ ваше высочество) сказало мнѣ свое мнѣніе о моей работѣ (нѣтъ! мой счетъ невѣренъ, еще къ шести надо прибавить трехъ)...., только въ Варшавѣ попалась мнѣ въ руки дѣльная критика Шевырева; однимъ словомъ, я не заботился о славѣ и похвалѣ, но мнѣ радостно думать, что послѣ меня останется памятникъ твердый здѣшней моей жизни".

Въ письмѣ къ П. В. Нащокину 6-го декабря 1849 г. то-же опасеніе — и то-же самосознаніе: „мои литературные подвиги вамъ должны быть извѣстны, хотя бы отчасти; не думаю, чтобы они возбудили какое-нибудь впечатлѣніе на Руси; я напечаталъ до ста экземпляровъ (для раздачи моимъ соотечественнымъ друзьямъ и знакомымъ) Одиссеи и Рустема, которые мнѣ самому кажутъ лучшимъ изъ всего, что мнѣ случалось намарать на бумагѣ перомъ моимъ—почти ни одинъ не сказалъ мнѣ даже, что получилъ свой экземпляръ. Если такъ пріятели и литераторы, то что-же простые читатели? Впрочемъ, я и не для участія отъ кого бы то ни было (сколь оно ни пріятно) работаю надъ Одис-

сей: я пожилъ со святою поэзіею мыслью и словомъ — этого весьма довольно" [1]).

Между тѣмъ Гоголь, у котораго извѣстіе объ окончаніи и отпечатаніи Одиссеи отняло языкъ [2]), отвѣчая Жуковскому 14-го декабря 1849 г., откровенно заговорилъ о пріемѣ, которымъ русская публика удостоила Одиссею: ея появленіе *„было не для настоящаго времени.* Ее привѣтствовали уже *отходящіе люди"*; Шевыревъ пишетъ рецензію, „скажетъ въ ней много хорошаго, но никакія рецензіи не въ силахъ засадить нынѣшнее поколѣніе за чтеніе свѣтлое и успокаивающее душу". И Гоголь снова пристегиваетъ себя къ Гомеру—Жуковскому: „временами мнѣ кажется, что второй томъ Мертвыхъ Душъ могъ бы послужить для русскихъ читателей нѣкоторой ступенью къ чтенію Гомера" (!) [3]).

Ни одинъ изъ друзей не порадовалъ его изъявленіемъ своего участія, повторяетъ Жуковскій 3/15 февраля 1850 г.: ни Смирнова, ни Вьельгорскій, ни Карамзины; это ему „больно и досадно" [4]).

Остается — памятникъ въ потомствѣ, но отлетѣла надежда, что откровенія классическаго Эдема прольютъ бальзамъ на лежащую въ конвульсіяхъ современность. Такъ надѣялся и Гоголь, но и онъ сталъ говорить, что появленіе Одиссеи не по времени, что ее оцѣнятъ только „отходящіе люди", т. е. люди, изолировавшіеся отъ движенія времени; а Жуковскій давно разобщился и съ русской общественной средой. Въ стихахъ Жуковскаго Шевыреву послышалась неизсякшая любовь къ Россіи, „гораздо болѣе, чѣмъ въ возгласахъ театральнаго патріотизма, который хотя и на родинѣ, но отдалился отъ нея и духомъ, и словомъ своимъ, и до того отказался отъ всего Русскаго, что не въ силахъ понимать прекраснаго языка русской Одиссеи. Можно жить въ Германіи и носить въ себѣ родину въ убѣжденіяхъ своего ума и сердца и въ языкѣ, какъ носитъ ее Жуковскій. Можно жить на родинѣ—и все таки быть иностранцемъ и по образу мыслей, и по языку своему" [5]). Но эта ро-

1) П. Загаринъ. В. А. Жуковскій и его произведенія. Москва, 1883 г. Приложеніе V, стр. XXVII.

2) Къ Жуковскому конца 1849 г.

3) Сл. письмо Гоголя къ Жуковскому 28 февраля 1850 г.

4) Къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.

5) Сл. Москвитянинъ 1849 г. № 3, Критика и библіографія стр. 116—117.

дина стала для Жуковскаго чѣмъ-то отвлеченнымъ, внѣ движенія времени, и какъ прежде онъ сознательно издавалъ свои стихотворенія въ книжкахъ „Для Немногихъ", такъ теперь немногіе его слушали, когда онъ разсчитывалъ на вниманіе толпы. Въ концѣ 40-хъ годовъ переводъ Одиссеи былъ въ самомъ дѣлѣ подвигомъ поэтическаго изолированія.

Въ 1850-мъ году Жуковскій вспоминалъ, какъ, оторвавшись на время отъ политической дѣятельности, его другъ Радовицъ объяснялъ въ кругу родныхъ, въ вецларскомъ уголкѣ, съ его очарованнымъ наукой покоемъ, народную нѣмецкую Иліаду, пѣсни Нибелунговъ. „Если вспомнить, кто и послѣ какихъ событій съ такою сладостью переходитъ изъ міра тревогъ, гдѣ на самомъ себѣ испыталъ разрушительность благъ житейскихъ, въ безмятежный міръ поэзіи и тамъ все забываетъ, раздѣляя прелесть этой поэзіи съ сердцами, понимающими его сердце, то невольно почувствуешь благоговѣніе передъ младенческою свѣтлостью этой души, которая, глубоко вѣдая, какая буря окружаетъ ее, такъ же оставалась тиха при своемъ знаніи, какъ младенецъ, безстрашный отъ своего непорочнаго незнанія" [1]).—Жуковскій охарактеризовалъ самъ себя.

Русская критика Одиссеи этихъ вопросовъ не поднимала, но не была и такъ равнодушна, какъ жаловался Гоголь [2]). Явился панегерикъ Шевырева [3]), радовавшагося за торжество русскаго языка, который въ Одиссеѣ похожъ „на самый чистый каррарскій мраморъ безъ жилокъ"; но открыты были и жилки въ неровностяхъ языка, въ тяжеловѣсности эпитетовъ, въ неологизмахъ, въ періодизаціи; поднятъ былъ вопросъ и о вѣрности поэтическому тону подлинника. Уловилъ-ли его поэтъ, передалъ-ли его настроеніе? Находили, что Жуковскій глубоко проникся поэтической стороной своего оригинала, но не всегда вѣренъ нравамъ и понятіямъ героической эпохи, и его прибавленія и отступленія, отвѣчая метрическимъ и эсте-

---

1) Іосифъ Радовицъ 1850 г.

2) Сл. Черняевъ, Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи" Жуковскаго современные и послѣдующіе критики, Филолог. Записки 1902 г., вып. II—III, стр. 133 слѣд.; Тимошенко, В. А. Жуковскій, какъ переводчикъ Одиссеи, и современная ему критика. Кіевъ 1902 г. (Оттискъ изъ газеты „Кіевское Слово").

3) Москвитянинъ 1849 г. № 1, критика и библіографія стр. 41—8; № 2, стр. 49—56, № 3, стр. 91—117.

тическимъ требованіямъ, передаютъ не гомеровскій колоритъ, а личное настроеніе переводчика[1]). И въ то-же время критикъ Allgemeine Zeitung удивлялся, какимъ образомъ, не зная греческаго языка, Жуковскій, „при возможно-буквальной вѣрности, почти волшебнымъ образомъ не подражаетъ, а скорѣе возсоздаетъ тонъ, оттѣнки и духъ подлинника, въ свободномъ и естественномъ теченіи самобытнаго разсказа“ [2]). О возсозданіи Гомера говорилъ уже Гоголь; для Лавровскаго это не возсозданіе, и не художественный переводъ, претворяющій подлинникъ въ новое, личное произведеніе, и не буквальный, а нѣчто среднее, порой близко придерживающееся текста, порой отдаляющееся отъ него, вносящее новыя краски, чувствительность и искусственность вмѣсто гомеровской простоты и естественности[3]). Этотъ элементъ субъективности подчеркнулъ и Ордынскій: переводъ превосходный самъ по себѣ, безъ отношенія его къ подлиннику, но это скорѣе Одиссея Жуковскаго, чѣмъ Одиссея, переведенная Жуковскимъ [4]).

Характеръ его личной поэзіи намъ знакомъ: стоило ему безсознательно тронуть иное кистью, замѣнить одинъ эпитетъ другимъ, и онъ незамѣтно внесетъ въ Гомера свою сентиментальность и нравоучительность; а мы знаемъ, какъ сложилось у него представленіе о гомеровой меланхоліи. Такъ получилось въ его Одиссеѣ нѣкоторое единство тона; это возсозданіе, но Анадіомена вышла нѣсколько сентиментальной.

Любопытно, что по мнѣнію Лавровскаго Одиссею слѣдовало бы перевести народно-пѣсеннымъ языкомъ; въ разной мѣрѣ склонялись къ тому Ордынскій и Сенковскій, и это не мѣшало послѣднему вмѣнить въ заслугу Жуковскому, что изъ „хаоса разноязычныхъ началъ и разноголосныхъ данныхъ“ онъ вывелъ „одну стройную, русскую, новѣйшую красоту, которая бы примѣтно уподоблялась первобытной, древней, греческой красотѣ“ [5]). Требованіе простонароднаго языка для Гомера, по-

1) Дестунисъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1850 г., № 8, отд. II, стр. 59—98.

2) Статья эта переведена въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1850 г., № 4, отд. VI, стр. 68—9. Не о ней-ли говоритъ Жуковскій въ письмѣ къ Булгакову 31 октября / 12 ноября 1849 г.?

3) Отечественныя Записки 1849 г., т. 63, отд. V, стр. 1 слѣд.

4) Тамъ-же 1849 г. т. 65, отд. V, стр. 1 слѣд.; т. 71, отд. V, стр. 1 слѣд.

5) Сенковскій, Соч. т. VII, стр. 335.

жалуй, еще бóльшая несообразность, чѣмъ налеты чувствительности у Жуковскаго.

За Одиссеей Жуковскій обѣщалъ обратиться къ „святой прозѣ". Толстый томъ, о которомъ онъ писалъ Плетневу, состоялъ изъ „философскихъ отрывковъ", т. е. накопившихся у него статей религіозно-нравственнаго содержанія; иныя изъ нихъ онъ намѣренъ былъ послать на просмотръ Стурдзѣ, ибо „онѣ такого рода, что имъ не только нужно его одобреніе, но и его строгій экзаменъ, его выправка [1]). Въ мартѣ слѣдующаго года онъ хочетъ отправить рукопись къ Стурдзѣ [2]), но все еще просматриваетъ ее, приводитъ въ порядокъ. Онъ пишетъ Стурдзѣ: „можно быть православнымъ христіаниномъ и безъ обширной теологической учености, но пускать въ ходъ свои мысли должно только по прямой дорогѣ, указанной нашею церковью, и для этого нуженъ путеводитель опытный. Все, что церковь дала намъ одинъ разъ навсегда, то мы должны принять безусловно вѣрно также одинъ разъ навсегда. Въ это дѣло нашему уму не слѣдуетъ мѣшаться.... Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства, которой смыслъ: отъ Бога къ Богу. Философія, истекающая изъ одного ума, есть ложь. Пунктъ отбытія всякой философіи (point de départ) должно быть откровеніе.... У меня въ виду со временемъ написать нѣчто подъ титуломъ: Философія невѣжды. И этотъ титулъ будетъ чистая правда: я совершенная невѣжда въ философіи. Нѣмецкая философія была мнѣ доселѣ неизвѣстна и недоступна; на старости лѣтъ нельзя пускаться въ этотъ лабиринтъ: меня бы въ немъ цѣликомъ проглотилъ минотавръ нѣмецкой метафизики, сборное дитя Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и проч. и проч. Хочу попробовать, чтó могу написать на бѣлой бумагѣ моего ума, опираясь на однѣ откровенныя, неотрицаемыя истины христіанства" [3]).

---

1) Къ Сѣверину 11—13 іюня 1849 г. Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 9, стр. 50.

2) Къ Сѣверину 11 марта 1850 г., Русская Старина 1902 г., іюнь, стр. 516.

3) 1850 г., мартъ, Русская Старина 1902 г. іюнь, стр. 581—582. Сл. относящіяся къ 1850-му году показанія о. Базарова въ его письмѣ о кончинѣ Жуковскаго (17 апрѣля 1852 г.), Русскій Архивъ 1869 г., ст. 109—110, и приведенную выше (стр. 409, прим. 2) статью Стурдзы: Для памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя l. c. стр. 221—2.

Мы знаемъ, что этотъ сборникъ не былъ напечатанъ по цензурнымъ соображеніямъ [1]).

3.

За годъ до смерти Жуковскій еще разъ бесѣдовалъ съ Зейдлицомъ о своемъ „памятникѣ“ [2]); между тѣмъ его превлекла Иліада. Это искушеніе явилось у него въ концѣ 1848 г. [3]); о томъ, что онъ принялся за переводъ, говоритъ уже разборъ въ Allgemeine Zeitung. „Плановъ для пера скопилось“ у него много, а приближающіеся шаги смерти часъ отъ часу слышнѣе (къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта 1850 г.). Приводя въ письмѣ къ кн. Вяземскому отзывъ Фарнгагена объ Одиссеѣ (wir, Deutschen, haben nichts so sehr gelungenes), Жуковскій выражаетъ желаніе дать отечеству „чистаго Гомера“, это было бы для него великимъ утѣшеніемъ [4]); онъ оповѣщаетъ о томъ и Гоголя, но „объ этомъ однако прошу тебя не говорить“ [5]). Уже полуслѣпой, съ помощью лектора, онъ хочетъ воспользоваться своимъ „заточеніемъ и слѣпотою, чтобы вполнѣ быть русскимъ Гомеромъ“ [6]). 13 сентября 1851 года переведены были съ нѣмецкаго двѣ пѣсни Иліады — и вновь загомозилась поэзія: Жуковскій принялся за поэму, тема которой давно занимала его [7]); первые стихи написаны десять лѣтъ

---

1) См. выше стр. 379 слѣд. О цензурныхъ затрудненіяхъ, какія встрѣчали сочиненія Жуковскаго, сл. еще замѣтку И. А. Бычкова: „Попытка напечатать „Черты исторіи государства Россійскаго“ В. А. Жуковскаго въ 1837 году“, Русская Старина 1903 г., декабрь, стр. 595 слѣд.

2) Зейдлицъ 1. с. 225—6.

3) Къ Плетневу 20 декабря 1848 г.: „мысль была та, чтобы перевести все по теперешней методѣ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, а потомъ взять бы изъ перевода Гнѣдичева всѣ стихи имъ лучше меня переведенные (въ чемъ, разумѣется, признаться публикѣ)“. Подробнѣе въ указаномъ письмѣ о. Базарова.

4) 18 апрѣля 1850 г.

5) 1/13 февраля 1851 г. Сл. Сборникъ общ. люб. русск. словесности за 1891 г. стр. 23.

6) Къ Сѣверину 9 сентября 1851 г. Сл. Русская Старина 1902 г., № 6, стр. 519.

7) Сл. отрывокъ 1831 г. въ Бумагахъ Жуковскаго стр. 94.

тому назадъ [1]). Онъ довелъ ее почти до половины [2]); „Странствующій Жидъ" такъ и остался отрывкомъ.

Для этой лучшей „лебединой пѣсни" онъ собиралъ толкованія къ Апокалипсису, который переложилъ въ стихи [3]), для нея же просилъ у Гоголя, которому сообщилъ планъ и прочелъ начало (не болѣе какъ изъ двадцати стиховъ), мѣстныхъ красокъ и топографическихъ впечатлѣній Палестины: „мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ, какъ искры, отъ удара моей фантазіи объ твою" [4]). Для той же цѣли покупалъ онъ описанія Палестины съ рисунками [5]). Къ чему эти свѣдѣнія? писалъ ему Гоголь: „всякое событіе евангельское и безъ того уже обстанавливается въ умѣ христіанина такими окрестностями, которыя гораздо ближе даютъ чувствовать минувшее время, чѣмъ всѣ нынѣ видимыя мѣстности, обнаженныя, мертвыя.... Другъ, сообразилъ ли ты, чего просишь, прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, *которая должна быть вмѣстѣ и внутренней исторіей твоей собственной души*? Соверши же помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествіе, и всѣ святыя окрестности возстанутъ предъ тобою въ томъ свѣтѣ и колоритѣ, въ которомъ онѣ должны возстать" [6]). Именно съ Гоголемъ хотѣлъ бы поговорить Жуковскій о Странствующемъ Жидѣ, „котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по сердцу — и, занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ" (къ Плетневу 5 марта 1852 г).

„Я написалъ поэму, она еще не кончена, говорилъ Жуковскій о. Базарову за нѣсколько дней до смерти; я писалъ ее слѣпой нынѣшнюю зиму. Это Странствующій Жидъ въ христіан-

---

1) Къ Плетневу 20 декабря 1848 г. Въ 1844 году А. О. Смирнова записала: „Онъ (Жуковскій) хочетъ написать поэму о Вѣчномъ Жидѣ и даже потихоньку читалъ мнѣ нѣкоторые стихи". Сѣверный Вѣстникъ 1897 г. генварь, стр. 134.

2) Къ Плетневу въ февралѣ 1851 г.: до 800 стиховъ.

3) Сокращенный пересказъ видѣнія назначенъ былъ первоначально занять въ ней мѣсто послѣ 915-го стиха.

4) 20 генваря / 1 февраля 1850 г. въ Сборникѣ Общ. люб. русск. словесности за 1891 г. стр. 21, 22.

5) Сл. Русскій Архивъ 1869 г. стр. 90.

6) 28 февраля 1850 г.

скомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь.... Я начиналъ было переводить ее самъ, диктуя самъ по нѣмецки[1]). Но Кернеръ берется перевести ее по нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по своему, пусть прибавляетъ, но мысль мою онъ пойметъ" [2]).

Юстинусъ Кернеръ, поэтъ и врачъ романтическаго типа, извѣстный своей книгой о ясновидящей въ Префорстѣ (Die Seherin von Prevorst), прожилъ всю свою жизнь ребенкомъ въ атмосферѣ сказочнаго чудеснаго. Міръ психопатическихъ явленій, которыя, какъ врачъ, онъ совѣстливо изучалъ, раскрылъ передъ нимъ область мистически-безсознательнаго, и оно имъ овладѣло. Онъ сталъ духовидцемъ; ночью, когда онъ шелъ къ больному въ сопровожденіи своей собачки, кругомъ него витали души людей, которыхъ ему не удалось спасти отъ смерти. При этомъ человѣкъ сердца и добродушнаго юмора, безконечно жалостливый къ больнымъ, искавшій дружбы и „души".

Съ Жуковскимъ онъ познакомился въ Баденъ-Баденѣ лѣтомъ 1857 года, и они сошлись: было съ кѣмъ потолковать о „привидѣніяхъ" („Нѣчто о привидѣніяхъ" 1848 г.), о душѣ. Въ Баденѣ, писалъ Кернеръ, онъ нашелъ облегченіе своихъ страданій не столько въ тепломъ источникѣ, сколько въ одномъ сердцѣ съ холоднаго сѣвера, полномъ тепла и силы и дѣтской чистоты, въ которое онъ погрузился, какъ въ цѣлебныя струи. „То было сердце русскаго поэта Жуковскаго. Знакомство съ этимъ благороднымъ, богато одареннымъ человѣкомъ было для меня, послѣ холодной и во многихъ отношеніяхъ печальной для меня зимы, точно дыханіе весны на мое больное, оледенѣлое сердце" [3]).—„Странствующаго Жида" Кернеру не пришлось

---

1) О Жуковскомъ, какъ нѣмецкомъ стилистѣ, можетъ дать понятіе его передача бѣлыми стихами его собственнаго стихотворенія: Видѣніе (Нач. Eine Seraphsgastalt erschien mir—Strahlend von morgendlicher Klarheit) и переводъ его-же статьи о Радовицѣ, напечатанный, какъ рукопись, въ Karlsruhe, 1850: „Joseph Radowitz, wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimath". Сл. Haape W. A. Schukowsky und seine Beziehungen zu Deutschland und Baden (München, 1900 г.), стр. 16 и 23.

2) Сл. письмо о. Базарова о кончинѣ Жуковскаго, l. c., ст. 103.

3) Haape l. c. стр. 26—7. Тамъ-же воспоминаніе von Schack'a при посѣщеніи Бадена въ 1875 году: In der Stadt mahnte mich der Balkon eines Hauses an einen Mann, den ich wegen seiner Herzensgüte wie wegen sei-

перевести, но еще при жизни автора явился переводъ одной его сказки: Vom Iwan Zarewitz und dem grauen Wolfe (1852 г.), съ такимъ посвященіемъ Кернера:

Empfängt dies nordische Gedicht
Von Licht und Farbe so durchdrungen,
Dass man vermeint, aus Nordenlicht
Sei dieses helle Kind entsprungen.
Schaut her! Ein nordisch Herz hat euch
Die nord'schen Sagen so gestaltet,
Ein Herz, das, ist's auch jahrereich,
Ein Kinderherz bleibt, das nicht altert [1]).

„Странствующій Жидъ", за судьбу котораго безпокоился кн. Вяземскій [2]), занимаетъ, по его мнѣнію, первенствующее мѣсто не только между твореніями Жуковскаго, но едва-ли и не во всемъ циклѣ русской поэзіи [3]). Это дѣйствительно исторія младенческаго, не состарѣвшагося сердца, если у такого сердца есть исторія. Оно смолода, почти безъ колебанія, шло навстрѣчу тому идеалу, въ которомъ восторженное исканіе Бога объединилось съ меланхоліей Гомера и елейностью Стурдзы. Это не тревожно-трусливое настроеніе Гоголя въ поискахъ за синтезомъ, который примирилъ бы его противорѣчія; искали его и другіе русскіе люди изъ чающихъ, но имъ недостало надеждъ и увѣренности и знанія. Признаніе, что всякая дѣйствительность разумна, было такимъ же знакомъ безсилія въ общественномъ смыслѣ, какъ и сентиментализмъ съ его призракомъ уединенно-піэтистически воздѣланной человѣчности. Тогда бросились искать Бога, — и въ одномъ лагерѣ очутились и узкій Стурдза, и Смирнова, и Гоголь, спасавшійся отъ неясныхъ, но болевыхъ задачъ то въ самомнѣніе призванничества, то въ лоно

---

ner Geistesgaben ungemein verehrte. Es war der russische Dichter Schukowsky.

1) l. c. стр. 20—1.

2) Сл. его письмо къ Плетневу 19 ноября / 1 декабря 1852 г.: „можетъ-ли быть напечатанъ Странствующій Жидъ, то есть, чернорясая цензура пропуститъ-ли его?"

3) Русскій Архивъ 1866 г. № 6, ст. 874 (Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива).

отца Матвѣя, — и благоговѣйный Жуковскій въ пору Одиссея и Странствующаго Жида.

Ярче, чѣмъ въ „святой прозѣ" его религіозно-нравственныхъ трактатовъ, выступаетъ въ поэмѣ Жуковскій послѣднихъ лѣтъ съ его успокоеніемъ въ вѣрѣ, то есть, въ свободномъ актѣ воли, подчиняющій разумъ благодати[1]). Наполеонъ на островѣ св. Елены — это человѣкъ державной, но не подчиненной воли, „чудесный человѣкъ", какъ выразился Жуковскій въ отрывкѣ письма изъ Италіи 1833 г.[2]); когда-то „вождь побѣдъ и страхъ царей, теперь царей колодникъ", онъ страдаетъ въ ожесточеньи „безнадежной скорби", въ негодованьи „силы", вдругъ лишенной свободы. Орелъ быстро промчался мимо него съ моря на высоту, и онъ

Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность: воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.

Передъ нимъ Агасверъ; разсказывая узнику повѣсть своей души, онъ желаетъ быть врачемъ его души.

Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя.
Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля.

Онъ былъ наказанъ неслыханно, но казнь пересоздала его душу, воспитала „въ училищѣ страданій несказанныхъ"; „онъ Бога угадалъ страданьемъ". Не вдругъ достался ему этотъ миръ, лишь

по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій,
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ,

1) Сл. выше стр. 401.
2) Русская Старина 1902 г. апрѣль, стр. 181.

Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ крѣпкій
Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.
. . . .
На потребу мнѣ одно:
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
„Твое, а не мое да будетъ!" Въ немъ
Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды....
случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строитъ, намъ во благо.

И теперь „безнаградная" любовь Агасвера къ людямъ не иное что, какъ любовь къ Источнику любви, къ Тому, кто первый излюбилъ его, любовь милосердая, смиренная, терпѣливая; миръ человѣческій исчезъ для него передъ природой, „Господней книгой, — Гдѣ буква каждая благовѣститъ Его Евангеліе".

Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ; свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба,
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ,
Глубокое молчанье лѣса, моря
Необозримость тихая, иль голосъ
Невыразимый въ бурю —

для этихъ чудесъ нѣтъ „словъ", они невыразимы; созерцаніе становится „смиреннымъ, безсловеснымъ предстояньемъ" передъ величіемъ Божія созданія, блаженной молитвой;

с нею
Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія — земная
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова!
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою — и мнѣ
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ, посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ
И все движенье жизни скоротечной.

Послѣднее опредѣленіе поэзіи, „невыразимаго", которое обняло и „веселыя селенья человѣковъ"—идиллію Одиссеи. И въ то-же время Жуковскій писалъ Плетневу, уговаривавшему его вести свои мемуары: журнала онъ не велъ, теперь поздно, изъ прошедшаго многое исчезло, какъ небывалое, да и „выставлять себя такимъ, каковъ я былъ и есть, не имѣю духу. А лгать о себѣ не хочется. Въ поэтической жизни, сколь бы она ни имѣла блестящаго, именно поэтому много лжи (которая все ложь, хотя по большей части непроизвольная), и эта ложь теряетъ весь свой мишурный блескъ, когда поднесешь къ ней (рано или поздно) лампаду христіанства" [1]).

Въ пору Одиссеи видѣлъ Жуковскаго Александръ Тургеневъ. Послѣ несчастія, постигшаго его брата, онъ уѣхалъ за границу и въ Россію показывался лишь урывками, но друзья переписывались, прошедшее ихъ связало, ибо для сердца оно вѣчно. Въ 1826—7 гг. мы видѣли ихъ въ Дрезденѣ и Парижѣ [2]); въ іюнѣ 1832 г. они вмѣстѣ выѣхали изъ Россіи за границу,

1) 6 марта 1850 г. „Впрочемъ, если напишется, въ послѣднемъ, еще не существующемъ томѣ сочиненій моихъ будетъ нѣчто въ родѣ мемуаровъ, но только въ литературномъ смыслѣ" (то-же письмо).

2) Сл. выше стр. 336 слѣд.

чтобы разъѣхаться; затѣянное ими путешествіе въ Италію не состоялось [1]). Письмо Жуковскаго изъ Бѣлева тронуло Тургенева за живое: „прошедшее такъ живо представилось сердцу и воображенію, и такъ какъ я помню болѣе сердцемъ, то во всѣхъ эпохахъ, кромѣ теперешней, нынѣ текущей, нахожу, вмѣстѣ съ братьями, и Жуковскаго.... Развѣ память одного Жуковскаго будетъ для насъ такъ же священна, такъ же мила и благодѣтельна для сердца, какъ и жизнь его, какъ и память Карамзина" [2]).

Лѣтомъ 1839 г. друзья снова видѣлись во Франкфуртѣ и Киссингенѣ. „Съ Жуковскимъ провелъ я нѣсколько пріятныхъ, задушевныхъ минутъ, писалъ Тургеневъ князю Вяземскому, но только минутъ; онѣ повѣяли на меня прежнимъ сердечнымъ счастіемъ, прежнею сердечною дружбою". Онъ почти прослезился, когда Жуковскій представилъ ему свой новый переводъ Греевой элегіи, который обѣщалъ посвятить ему, какъ первый посвященъ былъ брату Андрею. „Мы пережили многое и многихъ, но не дружбу: она неприкосновенна, по крайней мѣрѣ, въ моей душѣ и выше мнѣній и отношеній враждебныхъ свѣта, недоступна никакому постороннему вліянію. Соприкосновеніе Жуковскаго съ чуждыми мнѣ и часто враждебными элементами не повредило вѣрному и постоянному чувству.... Въ отсутствіи я сердился на него за многое; встрѣча примиряетъ съ нимъ, ибо многое объясняетъ. Я люблю его и за великаго князя, въ коемъ вижу что-то доброе, сердечное, человѣческое, и меня что-то влечетъ къ нему. Я долженъ удерживать это влеченіе и буду стараться рѣже съ нимъ встрѣчаться, ибо это несовмѣстно съ моимъ положеніемъ, съ достоинствомъ оскорбленнаго во всѣхъ отношеніяхъ: гражданскихъ и семейственныхъ" [3]).

Враждебные элементы — это люди, прикосновенные къ осужденію его брата Николая; въ первую голову Блудовъ; въ глазахъ Тургенева это осужденіе было великой неправдой, а онъ былъ искатель правды. Въ этомъ отношеніи онъ непримиримъ; „покою, мой Капнистъ, покою", писалъ ему по этому поводу

---

1) Дневникъ 18 іюня 1832 г. и выше стр. 416.

2) Къ князю Вяземскому 23 декабря 1837 г. / 4 января 1838 г.

3) 5 / 17 іюня 1839 г., Киссингенъ (согласно съ этимъ слѣдуетъ исправить невѣрное датированіе этого письма выше, стр. 364, прим. 2). Сл. еще письмо къ князю Вяземскому 8 іюня 1839 г.

князь Вяземскій [1]); сбираясь заграницу, Тургеневъ говорилъ ему, что хочетъ повидать Жуковскаго, „но уже къ нему не явлюсь лично; развѣ по дорогѣ. А то и такъ подумали, что я ухаживаю не за нимъ, а за великимъ княземъ“ [2]).

Вѣсти о женитьбѣ друга привели его въ умиленіе, но онъ не поѣхалъ къ нему, чтобы не смутить его покой видомъ неуспокоеннаго человѣка. Въ письмѣ къ княгинѣ Вяземской онъ охарактеризовалъ себя [3]); одинъ „изъ самыхъ *усталыхъ*“ нашего круга, писалъ о немъ Жуковскій Булгакову [4]). Жуковскій воплотилъ въ дѣйствительности свой личный житейскій идеалъ, князь Вяземскій, когда-то боевой протестантъ, уже не ощущаетъ прежняго „зеленаго пыла“ [5]) и также вошелъ въ мирную гавань опытности. А Тургеневъ все еще ищетъ и мечется, онъ непосѣда, и его все куда-то тянетъ; le grand agité, какъ назвалъ его одинъ пріятель. Онъ не только сентименталистъ Карамзинскаго стиля [6]), но и „либералистъ“ Александровской эпохи, либералистъ, выбитый изъ колеи, не у дѣлъ, одинъ изъ недовольныхъ, лично оскорбленный въ „гражданскихъ и семейственныхъ“ отношеніяхъ. Это опредѣляетъ его старческій обликъ [7]): русскій „душей, сердцемъ и воспоминаніемъ“ [8]), онъ убѣжденный западникъ, ратуетъ за освобожденіе крестьянъ, говоритъ о Карамзинѣ, что „вся жизнь его была прекрасное и полезное употребленіе его качествъ душевныхъ“, но что онъ уронилъ свой талантъ въ своей Исторіи, которая „не отвѣчаетъ требованіямъ разсудка и надеждамъ сердца“ [9]); человѣкъ,

---

1) 1 генваря 1830 г.

2) 13 апрѣля 1840 г. Тургеневъ засталъ Жуковскаго въ горѣ по скончавшемся поэтѣ Иммерманѣ († 25 августа 1840 г.), съ которымъ онъ познакомился въ Дюссельдорфѣ. Сл. Русскій Архивъ 1896 г., II, стр. 197. Объ Иммерманѣ упоминаніе въ дневникѣ Жуковскаго подъ 1/13 августа 1838 года.

3) Сл. выше стр. 421 слѣд.

4) 20 декабря 1845 г. / 1 генваря 1846 г.

5) Къ Тургеневу 3 апрѣля 1843 г.

6) Интересно сравнить размышленія его юношескаго дневника, на темы греевской элегіи и родныхъ воспоминаній (выше стр. 88), съ его письмомъ 6/18 генваря 1841 года (Русскій Архивъ 1896 г., II, стр. 194—5). И тамъ и здѣсь одинъ и тотъ-же душевный почеркъ.

7) Сл. выше стр. 297—8.

8) Къ князю Вяземскому 8 октября 1845 г.

9) Къ нему-же 14 ноября 1845 г.

искренне вѣрующій, блюститель обряда, чуткій къ исторической поэзіи православной святыни, онъ ведетъ бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ, увлеченъ Шеллингомъ и рекомендуетъ князю Вяземскому — Vinet, Sur l'indépendance des opinions réligieuses [1]). Князь Вяземскій отписывается, споритъ по всѣмъ статьямъ, уличая пріятеля въ идолопоклонствѣ словамъ, системѣ, теоріи [2]), а тотъ упрекаетъ его, что онъ упалъ „съ терпимости на равнодушіе" [3]), говоритъ, что люди, которые, чувствуя трудъ борьбы со зломъ, заключили съ нимъ миръ, „неприметно для нихъ самихъ дѣлаются врагами добра" [4]). Даже филантропическая дѣятельность Тургенева, въ которой онъ отводилъ душу, „апатію" сердца, его заботы, въ сотрудничествѣ съ докторомъ Газе, о бѣдныхъ и арестантахъ, вызывали у князя Вяземскаго нареканіе, что у Тургенева какая-то страсть къ „политической и протестующей филантропіи", что онъ „лелѣетъ любовь воинственную, критикующую, мстительную, осуждающую" и печатаетъ „оппозиціонную статью противъ уголовной палаты и всѣхъ палатъ и всѣхъ право или криво правящихъ" [5]).

И въ духовномъ лагерѣ возбуждались тѣ-же сомнѣнія. Митрополитъ Филаретъ благодаритъ своего лаврскаго намѣстника Антонія за сообщеніе молвы, будто около него собираются „недовольные". „Словъ неудовольствія, надѣюсь, никто не слыхалъ отъ меня, потому что и мысли у меня, по благости Божіей, не таковы, отвѣчалъ Филаретъ. Но и небылое скажутъ и сказкѣ повѣрятъ по людямъ, вводимымъ въ сказку. Меня озабочивало и прежде, а теперь и болѣе, что ко мнѣ ходитъ А. И. Тургеневъ, котораго я сталъ принимать въ уваженіе благорасположенія къ нему князя Голицына, а онъ представилъ мнѣ человѣка два, ему знакомыхъ, людей любознательныхъ.... У нихъ есть мудрованіе, не политическое, а ученое: кто знаетъ, не полагаютъ-ли въ нихъ, чего я не примѣчаю и не знаю"? (февраля 14, 1843 г.) [6]).

---

1) Къ нему-же 19 ноября 1845 г.

2) Къ Тургеневу 23 ноября 1845 г.

3) Письмо 16 октября 1836 г.; сл. письмо князя Вяземскаго 2 ноября того-же года и письмо Тургенева 7 октября 1845 г.

4) 27 марта н. ст. 1843 г,

5) Начала октября 1742 г.

6) Письма митрополита московскаго Филарета къ намѣстнику свято-

Жуковскій и князь Вяземскій уже отпѣли панихиду русской литературѣ 40-хъ годовъ, а Тургеневъ прочелъ въ Отечественныхъ Запискахъ статью Бѣлинскаго о Державинѣ и пишетъ изъ Москвы: „Ай да Бѣлинскій! Ай да цензурушка голубушка Петербургская! А здѣсь и въ салонахъ такой правды въ услышаніе славянъ не высказать. „E pur si muove“ наша литература“ [1]).

Въ 1842 году Тургеневъ былъ заграницей, но по болѣзни не заѣхалъ къ Жуковскому. Князь Вяземскій не можетъ ему этого простить. „Нужно было ѣхать въ Берлинъ за пустяками, переливать изъ пустого въ порожнее и пускать пыль въ глаза, добро еще другимъ, а нѣтъ, себѣ. Въ наши лѣта, братъ, поздно учиться. *Что тебѣ проживаться на Шеллингѣ, когда Богъ далъ тебѣ нажить Жуковскаго?*“ [2]). Напрасно ты трунишь, „что я гоняюсь за Шеллингами, отвѣчалъ Тургеневъ; я ими живу и живъ буду. Я набрался въ Берлинѣ и въ другихъ университетахъ столько духовной жизни, что отъ избытка оной удѣляю и другимъ, когда встрѣчаю охотниковъ“. Но онъ не презираетъ и прошедшимъ и еще недавно оживилъ его пепелъ поѣздкой къ Троицѣ, гдѣ нашелъ „и людей достойныхъ, и книги прекрасныя, и радушіе христіанское и гостепріимство для бѣдныхъ“; его окружили воспоминанія о давнихъ поѣздкахъ сюда съ отцемъ и Лопухинымъ. Онъ выслушалъ въ два дня вечерню, всенощную, обѣдню, нѣсколько молебновъ, обѣдалъ въ общей трапезѣ съ Филаретомъ и монахами, видѣлъ какъ „митрополитъ съ галлереи благословлялъ сухихъ и хромыхъ, чающихъ движенія воды и горячихъ щей и пива. Картина трогательная; чего у меня не лѣзло въ голову!“ [3]).

троицкія Сергіевы лавры архимандриту Антонію, ч. II, стр. 66—8. Тамъ-же ссылка на старую записную книжку, выдержки изъ которой напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1875 г., I, стр. 61—62. (=Полное Собраніе соч. князя Вяземскаго, т. VIII, стр. 273 слѣд.): о тайномъ полицейскомъ надзорѣ, учрежденнымъ надъ Тургеневымъ въ Москвѣ (въ 1831 году); въ его „кондуитныхъ спискахъ“ всего чаще встрѣчались имена ....ой и митрополита Филарета, съ которымъ „онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію и по уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. И. Голицынѣ“.

1) Князю Вяземскому 11 октября 1845 г.

2) Къ нему-же 21 сентября 1842 г.

3) Къ нему-же 29 сентября 1842 г.

Лишь въ 1844 году собрался онъ къ Жуковскому, чтобы пожить съ нимъ подольше во Франкфуртѣ и сдружиться съ Гоголемъ, „коего переписка лучше книгъ его, ибо душа въ ней слышнѣе“ [1]). Жуковскаго онъ увидѣлъ въ Гейдельбергѣ [2]) и наконецъ очутился въ его семейномъ уголкѣ. „Я здѣсь блаженствую сердечно въ миломъ, добромъ, умномъ семействѣ, писалъ онъ кн. Вяземскому (30 августа/10 сентября 1844 г.); онъ изнѣженъ „всѣми комфортабельностями жизни, достойными шотландской цивилизаціи и всей классической дружбы Жуковскаго и его ангела спутника.... Ты знаешь, какой мастеръ Жуковскій устраиваться, но онъ превзошелъ здѣсь себя во вкусѣ уборки дома, мёблей, картинъ, гравюръ.... Все на своемъ мѣстѣ, во всемъ гармонія, какъ въ его поэзіи и въ его жизни.... Онъ встаетъ въ семь часовъ [3]) и бесѣдуетъ съ Гомеромъ (переводъ Одиссеи на 8-й пѣснѣ и переводъ, по его мнѣнію, коему я вѣрю, какъ чужому, — прекрасный и лучше всѣхъ другихъ). Въ девять мы вмѣстѣ завтракаемъ и милая жена-хозяйка разливаетъ сама кофе моккскій. Жуковскій во всемъ сибаритъ.... До 12-ти часовъ Жуковскій опять съ Гомеромъ, потомъ опять съ Морфеемъ, то есть, спитъ до перваго часа, закрываясь отъ мухъ Аугсбургской газетой, которую, какъ нѣмецкій европеецъ, получаетъ, но не всегда читаетъ, предпочитая баденскую Badeliste. Отъ часу до двухъ мелкія подѣлки или визиты. Въ два обѣдаемъ. Послѣ обѣда — болтовня, и при солнцѣ, подъ деревьями, въ саду. Тутъ являются иногда къ чаю или къ моему молоку, разбавленному водой, сестры, мать, отецъ святой Елизаветы Жуковской: милое, умное, почти идеальное въ нѣмецкой существенности семейство — они поютъ и играютъ; Жуковскій гуляетъ съ часъ; до часу визиты: геніальный и всеученый Радовицъ, художники съ бюстиками, портретами“. У жены „много der hohen aber auch tiefen germanischen schönen Weiblichkeit“. „Слушаю Одиссею Жуковскаго, говорится въ другомъ письмѣ (8/20 сентября 1844 г.). Простота высокая и свѣжесть запаха древности такъ и наполняетъ душу! Что за колдунъ Жуковскій! Знаетъ по гречески меньше Оленина, а угадываетъ и выражаетъ Гомера

1) Къ нему-же 15/27 апрѣля 1844 г.

2) Къ нему-же 26 іюня/6 іюля 1844 г.

3) Рукой Жуковскаго поправлено: въ пять.

лучше Фосса. Все стройно и плавно и въ изящномъ вкусѣ, какъ и распредѣленіе и уборка кабинета, салона его. Стихи текутъ спокойно, какъ Гвадалквивиръ, отражая геній Гомера и душу Жуковскаго".

Жуковскій былъ доволенъ, что ему удалось полелѣять стараго друга въ своей семьѣ: точно ожила молодость, что-то напомнило горницы московскаго университета, гдѣ они собирались около брата Андрея. А твои замѣчанія въ письмѣ, „на счетъ моей роскошной сибаритской жизни", не совсѣмъ справедливы, пишетъ онъ пріятелю (октябрь 1844 г.): можетъ быть, надобно болѣе простоты, но излишество почти преступленіе противъ неимущихъ; ни онъ, ни жена его не любятъ, любятъ „святую умѣренность", „опрятность и видъ смиреннаго довольства"; „опрятность и comfort въ семейной жизни есть то, что гармонія и чистота стиля въ стихахъ".

Въ маѣ 1845 года Тургеневъ былъ снова у своего стараго друга, но мимолетно; „это было наше послѣднее свиданіе на семъ свѣтѣ", читаемъ въ дневникѣ Жуковскаго [1]). 14-го августа Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву, совсѣмъ больной, но такой же лихорадочно-дѣятельный, какъ всегда. „Въ субботу (1-го декабря) онъ слушалъ первую публичную лекцію Грановскаго, въ воскресенье провелъ полдня въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ, вмѣстѣ съ докторомъ Газомъ; въ понедѣльникъ (3-го декабря), въ день кончины, все утро писалъ письма въ Парижъ, отвезъ ихъ въ почтамтъ, а въ шестомъ часу послѣ обѣда скончался въ тѣсномъ, загроможденномъ портфелями и книгами мезонинѣ небольшаго дома на Арбатѣ двоюродной сестры своей А. И. Нефедьевой". Москвичи пожалѣли о дѣйствительно добромъ человѣкѣ, соединившимъ симпатіи западниковъ и славянофиловъ, Герцена и Хомякова, какъ самъ онъ, по выраженію Погодина, „былъ ревностнымъ сыномъ европейской цивилизаціи", оставаясь „русскимъ въ душѣ" [2]).

Посылая Жуковскому некрологъ Тургенева, написанный Погодинымъ, Мельгуновъ сообщалъ ему, что покойный давно хотѣлъ ему писать, но не могъ собраться съ духомъ. „Онъ видѣлъ въ васъ друга и, какъ другу, хотѣлъ повѣрить свою

---

1). Сл. Тургенева письма къ княгинѣ Вяземской 6/18 и 7/19 мая 1845 г., и дневникъ Жуковскаго подъ тѣмъ-же годомъ.

2) Сл. Барсуковъ, l. c. VIII, стр. 237—51.

тайную скорбь; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ друга, не хотѣлъ и огорчить. За нѣсколько дней до своей кончины онъ рѣшился наконецъ писать вамъ и написалъ длинное письмо, которое изорвалъ въ мелкіе клочки. „Я это сдѣлалъ потому, говорилъ онъ...., что въ этомъ письмѣ *излилъ всю свою душу; а это огорчило бы Жуковскаго: онъ испугался бы, прочитавъ его.* Однако я далъ себѣ слово писать къ нему сегодня непремѣнно; и написалъ, принудилъ себя. Но письмо ему не понравится; онъ меня въ немъ не узнàетъ: оно сжато, сухо, sans abandon, какъ будто не я писалъ; Жуковскій будетъ недоволенъ" [1]).

„Два раза пожилъ онъ подъ моею кровлею, писалъ Жуковскій, получивъ извѣстіе о кончинѣ „дорогого товарища", который „изъ всѣхъ самый давнишній"; онъ совсѣмъ бы осиротѣлъ, еслибъ около него не явился его „собственный, свѣтлый, молодой свѣтъ". „Смерть удивительно быстро знакомитъ съ истиннымъ бывшимъ человѣкомъ",—и Жуковскій пытается возстановить „неуловимую физіономію ума Тургенева", „фиміамъ его души", его „младенческую душу безъ пятна"; „жизнь могла покрыть его своей пылью, но смерть легко сдунула съ души его эту пыль, которая вся всыпалась въ могилу". Самые недостатки его имѣли источникъ добрый", „неопредѣленность его мнѣній, на которыя столь часто дѣйствовало и все внѣшнее и настоящая минута", не мѣшала его жизни быть постоянною, всегда единою, теплою христіанскою дѣятельностью. „Но о такихъ мертвыхъ, какъ онъ, жалѣть не должно; *хотя въ теперешнемъ моемъ кругу, смотря на моихъ и думая о томъ, что есть и чѣмъ еще можетъ быть для меня жизнь, я не могу сказать: смерть желательнѣй жизни, но конечно скажу: смерть, въ ея истинномъ смыслѣ взятая, лучше жизни*" [2]).

Смерть — „великое благо" повторяетъ онъ Гоголю (20 февраля 1847 г.). Онъ къ ней давно готовился, трепетно и сознательно, и она тихо его посѣтила. Жуковскій скончался 12 апрѣля 1852 года.

---

1) Русскій Архивъ 1899 г. апрѣль стр. 634 слѣд.

2) Къ неизвѣстному лицу (мартъ или апрѣль 1846 г.); къ А. Я. Булгакову 20 декабря 1845/1 января 1846 г.; 31 декабря 1845/12 января 1846 г.; къ Гоголю 24 декабря 1845 / 5 генваря 1846 г.

XIV.

Поэтика романтиковъ и поэтика Жуковскаго.

Если проводить связь между „душей Жуковскаго" и тѣми направленіями западной литературы, которыя она отразила, то намъ нечего выходить изъ теченій сентиментализма, въ которыя поэтъ вступилъ въ началѣ своей дѣятельности. До конца онъ піэтистъ съ идеаломъ Schöne Seele и выспренной дружбы; поэзія для него религіозное откровеніе, являющее „святость жизни.... во всей ея красѣ небесной"; слова поэта—дѣла поэта; до-Шиллеровское отождествленіе поэзіи и добродѣтели замѣняется требованіемъ, что поэтъ долженъ быть чистъ душой, тогда только его слово будетъ благодатно. Изъ сферы сентиментализма перешло къ Жуковскому пристрастіе къ мечтательности, загробнымъ образамъ и таинственной лунѣ и то настроеніе меланхоліи, которое онъ тщился превратить въ понятіе — христіанской грусти.

Поэзія Sturm und Drang'a, бурныхъ стремленій и геніальничанья, съ ея энергическими заявленіями личности и протестомъ противъ всякихъ условностей, коснулась Жуковскаго не своей психологіей, а литературной стороной: интересомъ къ народной старинѣ (Бюргеръ), міровой литературѣ и поэтическому экзотизму (Гердеръ, Фоссъ).

Гёте и Шиллеръ пережили стадію чувствительности и бурнаго чувства, Вертера и Мора, погрузились въ созерцаніе античной красоты, вынесли изъ нея понятіе о высокомъ назначеніи искусства и стали поодаль на высотахъ веймарскаго Парнасса. Кругомъ нихъ кипитъ молодое поколѣніе, не остывшее еще отъ волненій періода бури и натиска, и ищетъ пути;

тамъ, гдѣ Гёте остановился въ величавой Entsagung, они строятъ систему. Есть между ними люди расторженные и скептики, теоретики и эстеты, вѣрующіе и фантасты мистицизма: Тикъ, Ваккенродеръ, Новалисъ, Шлегели и др. Время въ общественномъ смыслѣ было глухое, подавленное сознаніемъ несбывшихся надеждъ и подкошенныхъ стремленій: чувствительность стала сосѣдить съ филистерствомъ, титаны чувства сгорѣли и обратятся въ героевъ байроновскаго пессимизма. Оставалось уйти въ себя, удалиться отъ дѣйствительности въ область искусства, раскрытаго веймарскими классиками; въ тѣсный кружокъ друзей-поэтовъ, вродѣ кружка іенскихъ романтиковъ, или того, фантастическаго, который Ла-Мотъ-Фукэ собралъ въ какомъ-то замкѣ въ Пиренеяхъ (Alwin); погрузиться въ недѣятельное прозябаніе, Müssiggang, возведенное въ идеалъ, поскольку оно соединено съ экстазомъ поэзіи и „божественнымъ эгоизмомъ" и ему одному довлѣетъ. Такое пониманіе искусства, поэзіи, повторяетъ воззрѣнія сентиментализма и Sturm und Drang'a, но ведетъ ихъ дальше, обобщаетъ, обосновываетъ *теоретически.* Чувство подчиняется рефлексіи, безсознательное анализу сознанія. У англійскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ романтическимъ называлось то, что выходило за границы привычной дѣйствительности и уравновѣшенной культуры, а встрѣчалось развѣ въ старыхъ рыцарскихъ романахъ: дикая мѣстность, темные гроты, мечтательная, несущественная любовь. Все это получитъ мѣсто въ новомъ синтезѣ: мы на почвѣ романтической школы.

Съ ея воззрѣніями, пріемами, программой надо познакомиться ввиду того, что у насъ говорено было о „романтизмѣ"— и романтизмѣ Жуковскаго 20-хъ годовъ.

Что такое поэзія, искусство? Жизнь, природа — отраженіе безконечнаго, но отраженіе неполное, призрачное; угадать полноту идеала въ оболочкѣ конечнаго можетъ лишь мистически-вдохновенное чувство поэта; Шеллингъ назоветъ его интеллектуальнымъ прозрѣніемъ; романтики припоминали выраженіе стараго мистика Бёме: Der Blitz, молніеносное откровеніе. Оно-то и раскрываетъ смыслъ реальности, которая сама по себѣ мертва; „абсолютно-реальна — поэзія", философія — ея теорія, „совершенная форма науки должна быть поэтической"; „настоящій поэтъ всезнающъ, онъ — свѣтъ въ маломъ видѣ" (Новалисъ). Но это восторженное сознаніе чередуется съ дру-

гимъ, ироническимъ: сознаніемъ противорѣчій идеала и его земныхъ формъ. Такое воспріятіе дѣйствительности, полное контрастовъ и грустно-веселаго юмора, и есть прекрасное, оно даетъ цѣнность жизни, какъ символа невыразимаго, недоступнаго намъ, совершеннаго. Поэзія настраиваетъ насъ благоговѣйно, ведетъ къ религіи; „есть особый умственный, поэтическій органъ для познанія божественнаго, которое становится непосредственнымъ достояніемъ чувства, чаянія, совѣсти“, говоритъ Новалисъ; „поэзія — продуктивная религія“. И, наоборотъ: религіозное настроеніе — „высшее и чистѣйшее художественное наслажденіе“ (Тикъ). Идеаломъ является проникновеніе поэзіи въ природу, въ практику личной и общественной жизни, развитой новыми спросами культуры. Періодъ „геніевъ“ поставилъ на очередь вопросъ о значеніи чувства, до тѣхъ поръ сжатаго, упорядоченнаго требованіями традиціонной нравственности въ вопросахъ любви и брака, и рѣшилъ ихъ въ смыслѣ широкой свободы: Якоби проповѣдывалъ „платоническую бигамію“, Гёте выступилъ съ своими Wahlverwandschaften; романтики переняли это рѣшеніе, воплотивъ его въ жизнь и поэзію (Люцинда Фр. Шлегеля), играя такими обновленными сказочными, но рискованными темами, какъ любовь брата къ сестрѣ (романтики, Шелли, Байронъ — и праисторическій мотивъ кровосмѣшенія).—Къ отождествленію: религія—поэзія (философія) пристали другія: когда сердце, отвлекаясь отъ всей дѣйствительности, становится самому себѣ идеальнымъ объектомъ, зарождается религія, говоритъ Новалисъ; всѣ частныя вожделѣнія сплываются въ одно, цѣлью котораго становится высшее существо, Богъ, и страхъ Божій объемлетъ всѣ чувствованія и стремленія. „Если такимъ объектомъ будетъ любимая женщина — это будетъ прикладная религія“. Игра синтеза продолжается: чувственное—матеріалъ, оно условіе искусства, поэзіи-религіи; отсюда: религія, какъ скрытая, невыяснившаяся чувственность.—Въ результатѣ получалось міросозерцаніе, напоминающее психическое настроеніе XII—XIII вѣковъ: чувственный мистицизмъ, въ которомъ элементъ плотскаго бывалъ теоретически заглушенъ — самообузданіемъ страсти, наслажденіемъ жертвы, и чувственность граничила со святостью (Вернеръ).

„Жизнь и поэзія—одно“ пѣлъ и Жуковскій; какъ и романтики, онъ пренебрегъ и позабылъ „низость настоящаго“, но

для него жизнь наполнялась сентиментальной семьей, уютной меланхоліей. И для него поэзія — сестра религіи, но какъ ея призракъ и отраженіе, не какъ настроеніе, которое привело романтиковъ изъ безформенности піэтизма, Гётевскаго пантеизма, абстрактнаго религіознаго чувства (Шлегель), къ историческому и философскаго обоснованія религію, какъ необходимой формѣ сознанія, и художественному католицизму. Исканіе кончилось, жажда положительной вѣры нашла успокоеніе, при воздѣйствіи raisons poétiques, raisons de sentiment; первое заглавіе Шатобріановскаго Genie du Christianisme было: Красоты христіанской религіи. Или отъ искусства къ религіи Жуковскій въ ней выросъ лишь и старается проработаться отъ убѣжденія къ благодати непосредственной вѣры.

Романтики — символисты (къ символизму спустился и реалистъ Гёте — въ Пандорѣ, во второй части Фауста); символисты по призванію и теоріи. Конечное кругомъ насъ — лишь символъ безконечнаго; поэзія прозрѣваетъ соотвѣтствія неба и земли, духовнаго и вещественнаго, интеллекта и чувства, сознательнаго и безсознательнаго, чудеснаго и раціональнаго, жизни и смерти, Аполлона и Діониса. Во всемъ раскрывается единая органическая сущность міра, полярныя противорѣчія мирятся, потому что одна и та-же сила бьется въ человѣческомъ пульсѣ и управляетъ вращеніемъ свѣтилъ; классическій образъ „андрогина“ оживаетъ, съ таинственнымъ значеніемъ, въ фантазіи романтиковъ.

Was in den Himmelskreisen sich bewegt,
Das muss auch bildlich auf der Erden walten,
Das wird auch in des Menschen Brust erregt,
Natur kann nichts in engen Grenzen halten,
Ein Blitz, der aufwärts aus dem Centro dringet,
Er spiegelt sich in jeglichen Gestalten,
Und sich Gestirn und Mensch und Erde schwinget
Gleichmässig fort und eins des andern Spiegel,
Der Ton durch alle Creaturen klinget.
(Tieck, Genoveva: Schlachtfeld).

Какъ чаровница Винфреда въ Geneveva'ѣ, такъ и романтики чуютъ внутреннюю связь явленій, видимо раздѣленныхъ въ природѣ:

Wie Stern' im Abgrund die Metalle formen,
Wie Geister die Gewächse figurieren,
Wie sich Gedank' und Wille korporieren,
Wie Phantasie zum Kern der Dinge dringt,
Durch Einbildung Unmögliches gelingt,
Wie jeder Stein uns stumme Grüsse beut,
Alle Dinge nur sind der Geisterwelt ein Kleid.

Единство міра не только въ органическомъ сосуществованіи настоящаго, но настоящаго и прошедшаго: новое можетъ быть только обновленіемъ, развитіемъ стараго, ибо общество, государство — живой, самъ себя обусловливающій организмъ; возвращеніе къ народной старинѣ и идеаламъ средневѣковаго уклада было у романтиковъ не однимъ только поэтическимъ спросомъ, а исканіемъ органической связи съ прошлымъ, нарушенной посторонними вліяніеми. Прошлое обязываетъ. Игра таинственныхъ созвучій и соотвѣтствій обнимаетъ всю исторію человѣчества: мы когда-то уже были, чьи-то двойники, идущіе на встрѣчу другимъ, Cyane у Новалиса та-же Матильда (Heinrich von Ofterdingen), Изида та-же Rosenblüthe (Die Lehrlinge von Sais).

Und was man glaubt es sei geschehn,
Kann man von weitem erst kommen sehn
(Heinrich v. Ofterdingen).

Старые мотивы метемпсихозы и двойничества являлись въ новомъ освѣщеніи, связывая личность идеей атавизма, прирожденности, унаслѣдованной доли. Романтическая драма рока не наслѣдіе классической, обновленной Шиллеромъ, а звено того мірового синтеза, который грезился романтикамъ, который питалъ ихъ Sehnsucht. Ваккенродеръ и Брентано сравнивали себя съ инструментами, на струнахъ котораго играетъ судьба.

Такое міросозерцаніе должно было создавать новое „чудесное", отмѣнявшее старыя, неподвижныя рамки классическаго. Въ два послѣднихъ десятилѣтія XVIII вѣка протестъ противъ его разсудочной цивилизаціи выразился поднятіемъ интереса ко всему духовному, сверхъестественному: къ магіи и жизненному элексиру, къ вызыванію духовъ и всему демоническому, Фаустамъ и Мефистофелямъ. На первыхъ порахъ даже такія реаль-

ныя завоеванія науки, какъ открытіе кислорода (1774 г.) и гальванизма (1789 г.) послужили матеріаломъ для спиритуалистическихъ построеній. Животный и земной магнетизмъ представился той силой, которая связываетъ органическое и неорганическое, духовное и тѣлесное въ одно живое цѣлое. Отсюда увлеченіе астрологіей, она также раскрывала единство міра; „я совершенно увѣренъ, что наша судьба привязана къ небу и звѣздамъ", писалъ брату Вильгельмъ Гриммъ.

Шиллеръ пишетъ своего Geisterseher, романы Шписа и C° спустили на площадь новомодную фантастику, тогда какъ народная фантастика сказокъ и преданій проходила въ поэзію съ Виландомъ и балладами Бюргера.

Такъ собирались матеріалы для романтическаго чудеснаго и сложилась его теорія. Шлегель поставитъ требованія новой „миѳологіи", которой христіанство и его легенды, Кальдеронъ и народныя сказки и восточная фантазія отдадутъ свои мотивы. И сказка, легенда, забытое народное преданіе поднимаются въ цѣнѣ. „Невидимое дитя" Гофмана явится къ дѣтямъ бѣднаго дворянина Бракеля, которыхъ учитель Тинте душилъ чернильной мудростью, и будетъ играть съ ними, сказывать сказки, учить наслаждаться въ полѣ каждой былинкой, въ небѣ каждой звѣздой. Въ сущности все въ здѣшнемъ мірѣ иносказаніе, сказка, понять и изобразить которую можно только, какъ сказку, говоритъ Новалисъ. Для него она „канонъ поэзіи", она, „какъ сновидѣніе, безъ связи, смѣсь чудесныхъ фактовъ и созвучій, какъ музыкальная фантазія, гармоническіе отголоски эоловой арфы, какъ сама природа".

Mondbeglänzte Zaubernacht,
Die den Sinn gefangen hält,
Wundervolle Märchenwelt,
Steig auf in der alten Pracht.
(Tieck, Octavian, Prolog).

Соотвѣтствія безконечны, и фантазія работаетъ: у романтиковъ все wunderbar, wundervoll, wundersam, wunderlich, seltsam, все чудо, вызываетъ предчувствіе о чемъ-то неуловимомъ, настраиваетъ на идею безконечнаго. Но чудесное не въ одномъ таинственномъ, освѣщенномъ луною, и не въ загробныхъ образахъ; оно повсюду: у Гофмана оно дѣется среди бѣла дня, изъ

каждаго повседневнаго, видимо филистерскаго акта выглядываетъ змѣйка-фея, точно поверхъ жизни невидимо идетъ какая-то другая, подсказывая и отрицая, вызывая поочередно приливы пантеистическихъ восторговъ и юмора. Чувствительный Стернъ былъ въ модѣ у сентименталистовъ, Стернъ-юмористъ нашелъ признаніе у романтиковъ.

Когда за объективной видимостью таится другая, незримая, она не описательна, не вызываетъ непосредственно и на рефлексію; надо чтобы въ читателѣ явилось то особое расположеніе чувства, то настроеніе (Stimmung), которое сдѣлало бы его внутренне зрячимъ, способнымъ угадывать безконечное въ конечномъ, *невыразимое* въ призрачномъ. Поэты-описатели рисовали природу, сентименталисты размышляли надъ нею, у романтиковъ—символистовъ она не реальна: Новалисъ желалъ бы изобразить ее въ видѣ дріады или ореады; у Гофмана художникъ пишетъ съ натуры группу деревьевъ, а зрителю кажется, „что изъ-за густыхъ листьевъ выглядываютъ разнообразнѣйшія фигуры, то геніи, то странныя животныя, то цвѣты“,—и художникъ поясняетъ, что именно этотъ способъ писать этюды и вноситъ въ пейзажъ поэтическій, фантастическій элементъ, элементъ неуловимыхъ ассоціацій, втягивающихъ человѣческую жизнь въ тѣсное единеніе съ окружающею ее живою и живущею реальностью. У Тика слагаются причудливые образы: изъ весеннихъ облаковъ киваютъ ручки, на каждомъ пальцѣ по розѣ („Frühling und Leben“: Aus den Wolken winken Hände, — An jedem Finger rote Rose), смѣются алыя уста — смѣются розы; далѣе фантастическое перенесеніе: розы вырастаютъ на стеблѣ, „поцѣлуями, поцѣлуями любви осыпанъ кустъ“ (mit Küssen, mit Liebesküssen der Busch bestreut. „Frühlings-und Sommerluft“); золотыя полосы стелятъ по голубому небу, путь солнцу (Magelone), а восторгъ въ который приводитъ лѣсное приволье, выражается такъ, какъ будто самъ поэтъ былъ частью лѣса, обвѣяннаго вѣтромъ и птичьей пѣсней:

Mit Fingern, mit Zweigen, mit Aesten,
Durchrauscht vom spielenden Westen,
Durchsungen von Vögelein,
Freun wir uns frisch in die Wurzeln hinein.
(Wald, Garten und Berg).

Начиная съ романтиковъ, которымъ вторилъ Гёте, наивный психологическій параллелизмъ народной пѣсни началъ раскрываться новому спросу: выразить невыразимое.

Это требовало и новыхъ средствъ языка и стиха. Уже движеніе Sturm und Drang'а поставило задачей созданіе „геніальнаго" стиля, сильнаго и вещественнаго, черпавшаго изъ Ганса Сакса и народной рѣчи, не боявшагося новообразованій и свободной конструкціи, элизій и инверсій. Таковъ стиль молодого Гёте. Романтики пошли далѣе. Дѣло не въ рисункѣ, а въ возбужденіи настроенія; здѣсь починъ романтиковъ неистощимъ въ опытахъ. Новые эпитеты: обновляется потускнѣвшій у сентименталистовъ эпитетъ „золотой"; рядомъ съ нимъ „красный" и „зеленый": rotes Leben, rote Sehnsucht; grüne Flammen—весенняя листва (Тикъ). Синкретизмъ и символизмъ чувственныхъ ощущеній: звуки свѣтятся, птицы — оперенные звуки; синій цвѣтъ—цвѣтъ страданія и ревности, красный—дѣятельности и любви; у Гофмана запахъ темно-красной гвоздики вызываетъ мечтательность, точно слышишь издалека набѣгающіе и отливающіе звуки англійскаго рожка (Kreisleriana, 5); А. В. Шлегель изобрѣлъ скалу соотвѣтствій между гласными и рядомъ вызываемыхъ ими ощущеній: а — красный цвѣтъ, юность, радость, блескъ, о—пурпуръ, благородство, великолѣпіе, солнце, і—небесно-голубой цвѣтъ, глубокая любовь и т. д. При этомъ игра въ архаизмы языка, не всегда удачные, но возбуждающіе представленіе чего-то не своего, далекаго, стариннаго, легендарнаго, туманнаго; любовь къ созвучіямъ, риѳмы ради созвучія и риѳмы; если-бы ихъ изобиліе и затемняло смыслъ, оно мелодически настраиваетъ. „Почему именно содержаніе должно быть — содержаніемъ поэтическаго произведенія?" спрашивалъ Тикъ (Sternbalds Wanderungen). „Можно представить себѣ разсказы безъ связи, но въ ассоціаціи, какъ сновидѣнія; стихотворенія, полныя красивыхъ словъ, но безъ всякаго смысла и связи, развѣ та или другая строфа будутъ понятны; точно разнородные отрывки" (Новалисъ).

Романтики—музыкальные импрессіонисты; недаромъ ихъ герои, графы или бродяги, не мыслимы безъ арфы или мандолины, будь они въ Италіи или въ Исландіи. „Языкъ точно отказался отъ своей тѣлесности и разрѣшился въ дуновеніе, выразился А. В. Шлегель о Тикѣ; слово будто не произносится и звучитъ нѣжнѣе пѣнія",

.... dass alle Pulse zu Klängen werden,
Dass alle Gedanken in Tönen irren,
Gefühl und Wunsch und Wahnsinn durcheinander wirren
(Tieck, Genoveva).

Звучныя слова неопредѣленнаго значенія производятъ то-же впечатлѣніе, что и музыка, говоритъ Новалисъ; въ жизни души опредѣленныя мысли и чувства — согласныя, неясныя чувствованія — гласные звуки. „Музыка потому выше другихъ искусствъ, что въ ней ничего не понять, что она, такъ сказать, ставитъ насъ въ непосредственныя отношенія къ міровой жизни (Universum); сущность новаго искусства можно бы такъ опредѣлить: оно стремится облагородить поэзію до высоты музыки“ (Захарія Вернеръ въ письмѣ 1803 года). Для Гофмана музыка— самое романтическое изъ всѣхъ искусствъ; ея объектъ—безконечное, это праязыкъ природы, на которомъ одномъ можно уразумѣть пѣсню пѣсней деревьевъ и цвѣтовъ, животныхъ, камней и водъ. Какъ музыка — праязыкъ природы, такъ въ другомъ мѣстѣ образный языкъ поэзіи и религіи приравнивается къ языку первобытнаго человѣка, отвѣтившему дѣйствительности, утраченной нами съ переходомъ безсознательнаго въ область сознанія, но вѣчно истинной и еще живой, которую человѣку предстоитъ снова открыть.

И еще одна старая тема обновилась въ сюжетности романтиковъ: миѳъ объ Аріонѣ и чудодѣйственной, зиждущей силѣ его пѣсни.

Исканію настраивающей выразительности отвѣтило и разнообразіе лирическихъ формъ, введенныхъ въ оборотъ, романскихъ и восточныхъ и навѣянныхъ народной пѣсней; романтики мастера терцины и сонета. Преобладаніе импрессіонизма надъ рисункомъ сказалось въ свободномъ отношеніи Тика къ вопросамъ синтаксиса, у романтиковъ вообще такимъ-же отношеніемъ къ формамъ традиціонной поэтики, различавшей извѣстные роды, сценическіе пріемы; они, казалось, связывали своей излишней опредѣленностью, тѣлесностью: надо смѣшать ихъ, играть ими, тогда только они будутъ „подсказывать“. Арабеска, эта наивно-музыкальная, въ самой себѣ вращающаяся линія, представлялась Фр. Шлегелю древнѣйшей формой человѣческой фантазіи.

Отъ романтиковъ перейдемъ еще разъ къ Жуковскому.

Онъ не символистъ ихъ стиля, въ сравненіи съ ними его можно бы назвать классикомъ; онъ простъ; его чудесное носитъ спеціальный характеръ Юнговыхъ Ночей и Оссіана: оно либо лунное, загробное, либо просто сказачно-страшное. И его притягиваетъ „невыразимое", „неизреченное"; оно и есть прекрасное: не даромъ онъ такъ часто возвращался къ толкованію афоризма Руссо: il n'y a de beau que ce qui n'est pas [1]). Есть слова для „блестящей красоты", говоритъ онъ,

Но то, что слито съ сей блестящей красотою,
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее внезапно дуновенье
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ,
Святая молодость, гдѣ жило упованье),
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ, —
Какой для нихъ языкъ?.... Горѣ душа летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится,
И лишь молчаніе понятно говоритъ.

(Невыразимое).

„Прелесть природы въ ея невыразимости", писалъ въ 1821 г. Жуковскій [2]), но средства выраженія у него не тѣ, что у романтиковъ. Я сказалъ выше, что сентименталисты, по существу не зрячи (visuels), но къ сентименталисту Жуковскому мы поставили бы иныя требованія: онъ не только любитель и знатокъ живописи, но смолода и страстный рисовальщикъ [3]). Для него, какъ поэта, это не безразлично. На этомъ слѣдуетъ остановиться.

Зонтагъ разсказываетъ, какъ, будучи 4—5-лѣтнимъ мальчи-

1) Сл. выше стр. 257—8.

2) Къ вел. кн. Александрѣ Ѳедоровнѣ, Карлсбадъ 17/29 іюня 1821 г. (Русская Старина, октябрь, 1901 г., стр. 232) = Путешествіе по Саксонской Швейцаріи.

3) Сл. Сумцевъ, l. c., стр. 106 слѣд.

комъ, онъ забрался въ пустую комнату и мѣломъ срисовалъ на полу стоявшій тамъ образъ Боголюбской Божьей Матери; его картина, написанная по 14-му году, осталась въ Московскомъ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ[1]). Въ 1815 году, въ Дерптѣ, онъ учится гравировать въ мастерской профессора живописи Зенфа; заграницей усердно посѣщаетъ музеи; картины занимаютъ не-малое мѣсто въ его дневникѣ. Онъ водится съ художниками, Фридрихомъ, Рейтерномъ, Кларой и другими, поддерживаетъ ихъ, толкуетъ объ искусствѣ, покупаетъ и собираетъ[2]). Въ 1838 году дѣлаетъ государю наслѣднику предложеніе „о составленіи собранія памятниковъ искусства среднихъ вѣковъ"[3]); въ 1840 году пишетъ императору Николаю Павловичу, что желалъ бы употребить свое трехлѣтнее пребываніе заграницей на ознакомленіе съ тѣми способами, какіе тамъ въ ходу для „успѣшнаго образованія" художниковъ, чтобы приложить эти способы на пользу Россіи[4]): въ 1845 году принимаетъ участіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія въ Нюрнбергѣ и пересылки въ Россію готическаго алтаря съ живописными копіями рисунковъ Дюрера[5]).

Его художественные вкусы выясняются постепенно. Въ 1821 году онъ видѣлъ не вѣсть что въ Мадоннѣ Рафаэля; въ въ 1840 году онъ еще находится подъ ея обаяніемъ[6]); въ 1838 году онъ такъ судитъ о современной живописи: „Германская (школа): правильность, мысль, Gemüth, правда, иногда сухость. У итальянцевъ школа и преданіе безъ жизни. У англичанъ экзажерація и въ то-же время правда, много поэзіи. Французы — пріятность, безъ правды, манерность и аффектація; отсутствіе мысли или ея неглубокость"[7]). — Правда и Gemüth, „душа" — вотъ чего онъ будетъ требовать отъ художника. „Die Aussendinge sind die Farbe des Geistes, писалъ ему въ 1803 г. Андрей Тургеневъ[8]); настоящій художникъ повсюду находитъ

1) Шевыревъ, Исторія Имп. Московскаго Университета, стр. 306.

2) Сл. его письма къ Сѣверину 1839 г. Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 154, 155; письма Н. М. Смирнова къ Жуковскому, Русскій Архивъ 1899 г., № 4 стр. 623—7.

3) Дневникъ 1838 г., 29 ноября / 11 декабря.

4) Изъ Эмса 1840 г., іюль, неиздано.

5) Письмо къ Сѣверину, Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 162.

6) Сл. его письмо къ роднымъ о бракѣ.

7) Дневникъ 1838 г. 25 декабря / 6 генваря 1839 г.

8) Сл. выше стр. 58.

въ природѣ „символъ человѣческой жизни", скажетъ Жуковскій о Фридрихѣ; „красота природы въ нашей душѣ", „главный живописецъ — душа", запишетъ онъ въ своемъ дневникѣ (1821 г., 25 іюля и 7 сентября) и разовьетъ эту мысль въ письмѣ къ Рейтерну: не слѣдуетъ украшать природу, потому что rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable (Boileau), но художникъ схватываетъ ее индивидуально, il la saisit de son propre *sentiment*, car il ajoute à ce qu'elle donne ce qui est dans son âme. Mais cette individualité ne sera autre chose que *l'âme humaine dans celle de la nature;* elle sera pour nous une voix qui parle dans le désert, qui l'embellit et l'anime. Une ruine, p. e., est belle par elle même, mais le *souvenir* d'un homme, qu'elle a vu passer, ce souvenir, qui s'y attache vaguement, lui donne un charme indéfinissable.... C'est donc l'âme humaine que nous aimons à retrouver partout. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что Рейтернъ умѣетъ выражать l'extérieur природы, „donnez nous à présent l'intérieur, la nature invisible et grande"[1]). Это отчасти воззрѣніе Гёте въ замѣткѣ, которую Жуковскій читалъ: на низшей степени стоитъ подражаніе природѣ, выше художникъ, умѣющій вложить въ предметы свое личное художественное пониманіе; выше всего тотъ, кто съумѣетъ извлечь изъ предметовъ ихъ сущность (Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Stil). Въ 1838 году Жуковскій судилъ о Брюлловѣ, что у него рѣшительно болѣе творческаго генія, нежели у всѣхъ современныхъ живописцевъ, „не выключая и Горація Верпета"; еслибы „онъ къ своему итальянскому мастерству (Meisterschaft) присоединилъ и идеальность и глубокое чувство религіозности живописцевъ германскихъ", онъ сталъ бы на ряду съ первыми живописцами всѣхъ вѣковъ[2]). Картины его кажутся ему „слишкомъ матеріальными, подавляющими къ грѣшной землѣ божественное высшее искусство". Такъ разсказываетъ Шевченко: онъ и Штейнбергъ учились въ мастерской Брюллова, Жуковскій, только что вернувшійся въ 1839 году изъ заграницы, предложилъ имъ зайти къ нему „полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ и на другой-же день явились въ кабинетъ германофила.

1) Gerhard von Reutern l. c. стр. 63 слѣд., стр. 104.

2) Къ вел. кн. Марьѣ Николаевнѣ 1838 г., 2/14 іюля.

Но, Боже! что мы увидѣли въ этомъ огромномъ, развернувшемся передъ нами портфёлѣ: длинныхъ, безжизненныхъ мадоннъ, окруженныхъ готическими, тощими херувимами, и прочихъ, настоящихъ мучениковъ живого, улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей XIX вѣка.... Разсматривая эту коллекцію идеальнаго безобразія, мы высказывали вслухъ свои мнѣнія и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василія Андреевича до того, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича (Брюллова) и хотѣлъ закрыть портфёль передъ нашими носами" [1]).

Жуковскаго-поэта нельзя представить себѣ безъ карандаша: гдѣ-бы онъ ни былъ, куда-бы не явился, онъ всюду брался за него и рисовалъ, въ Мишенскомъ и Муратовѣ, въ Швейцаріи, Римѣ, Швеціи; мѣстами его дневникъ имъ-же иллюстрированъ. „Путешествіе (1821 года) сдѣлало меня и рисовщикомъ, писалъ онъ Зонтагъ; я нарисовалъ au trait около 80-ти видовъ, которые самъ выгравировалъ также au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искусствѣ, посылаю вамъ мои гравюры павловскихъ видовъ; такъ же будутъ сдѣланы и швейцарскіе, только при нихъ будетъ описаніе" [2]). Въ 1837 году, когда Жуковскій сопровождалъ наслѣдника цесаревича въ его путешествіи по Россіи, онъ любовался вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ Тургеневымъ окрестностями Москвы и рисовалъ; рисовалъ на всемъ пути: сохранилось два альбома такихъ рисунковъ, одинъ съ 176-ю, другой и 93-я видами, кое-гдѣ обведенными чернилами. Въ 1839 году Жуковскій налету зачерчиваетъ лучшіе виды Рима; „онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо", писалъ Гоголь [3]).

Лишь немногіе изъ этихъ этюдовъ стали достояніемъ пуб-

1) Основа, 1861 г., августъ, стр. 5.

2) Сл. Плетневъ, О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго. Соч. и переписка П. А. Плетнева, III, стр. 87; сл. Русская Старина 1883 г. № 2, стр. 485—488. Павловскіе виды, награвированные Жуковскимъ и Кларою въ Дерптѣ, изданы были въ 1824 году въ Петербургѣ въ пользу одного несчастнаго семейства. Брошюра Шторха „Путеводитель по саду и городу Павловску" Спб. 1843 г. также украшена была гравюрами Жуковскаго.

3) Письмо къ Данилевскому 5 февраля 1839 г., сл. письма къ Жуковскому февраля и 12 сентября того же года.

ликп; образцами могутъ служить павловскіе виды и изданіе „Сельскаго Кладбища“ 1839 года съ видами, снятыми поэтомъ на кладбище Stock Poges подъ Виндзоромъ. О виньеткѣ передъ „Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ“ въ изданіи 1848 года мы говорили выше [1]).

Рисунки Жуковскаго, когда они не наброски, вычерчены обстоятельно и нѣсколько сухо; его привлекали виды, Kleinleben и далекія перспективы; рѣже фигуры и лица; видно исканіе выразительности въ позѣ, исканіе правды; недостаетъ красокъ, освѣщенія. Здѣсь дополненіемъ служитъ текстъ дневниковъ; особенно дневникъ 1821 года представляетъ рядъ красочныхъ этюдовъ съ натуры, зачерченныхъ словомъ, нерѣдко до мелочей. Мы знаемъ, что многое изъ этихъ замѣтокъ нашло потомъ литературную обработку и попало въ печать, но въ дневникѣ впечатлѣнія наскоро, повторяясь, — свѣжѣе, сочнѣе, ярче; присутствуешь при моментѣ, когда видѣнное не только зарисовывается, но и вызываетъ цвѣтовые образы, сравненія и—размышленія, когда на смѣну художника является, съ его рефлексіей, печальный сентименталистъ.

„Вечеръ на Lago Maggiore: *полумѣсяцъ* надъ холмомъ, *какъ колесница*. Востокъ и Западъ. Радужныя небеса.... Звѣзды на горахъ. Вѣтеръ. Воды, измѣняющіяся вмѣстѣ съ небомъ. Тихія облака. Одно облако на небѣ. Цвѣтъ Альповъ и горъ отъ розоваго къ голубому“ (1821 г. 16 августа). „Во весь день Mont-Blanc въ клубящихся облакахъ. Въ часъ заката облака вспыхнули и разошлись, и выступила *пламенная голова* великана. Теперь ночь, передовыя головы черны, надъ ними рядъ черныхъ головъ и звѣздное небо; Арва шумитъ; прекрасная сельская картина; исчезаніе предметовъ“ (21 августа). Образъ громадной головы не покидаетъ насъ и позже. Видъ изъ С. Мартина: „необыкновенная яркость *полумѣсяца* (полумѣсяцъ пріятнѣе полной луны); *туманъ, какъ дымъ, и звѣзды, какъ искры отъ пожара.* Сходъ въ долину. *Кладбище. Одинъ крестъ. Маленькая церковь.* Нѣсколько до-

---

1) Сл. выше стр. 131—2.

2) Сл. въ дневникѣ подъ 30 сентября 1821 года описаніе Рейнскаго водопада съ обработкой въ „Отрывкахъ письма изъ Швейцаріи“. Недавно изданный дневникъ Гёте въ этомъ случаѣ гораздо обстоятельнѣе, сл. Reise in der Schweiz 1797 bearb. von I. P. Eckermann въ веймарскомъ изданіи 34 B., 1-е Abth. стр. 355 слѣд.; сл. ib. p. 378 (письмо къ Шиллеру 25 сентября 1797 г.).

мовъ. Дорожки. Мѣсяцъ. Летучая мышь. Пѣтухъ. Огромные Альпы. Востокъ чистъ и ясенъ; на немъ формы Альповъ. Всѣ прочія вершины только темныя, а Mont Blanc уже свѣтелъ. Отъ луны около вершины тѣнь, а на вершинѣ нѣтъ; развѣ снизу.... Вершины озаряются, все неодинаковаго цвѣта съ прочимъ, розово-свѣтлыя, а другія голубовато-цвѣтныя. Роса пала, облака вились и перевивались около вершинъ, съ однихъ дымомъ, а съ другихъ *хвостомъ шлема, покрываломъ, всклокоченною бородою,* часть точно *летающія головы опрокинутыхъ великановъ,* какъ гиганты, упавшіе навзничь съ прикованными къ грудямъ руками и ногами, остатки древняго боя гигантовъ". И далѣе то-же: облака, „какъ головы", „бороды по скаламъ; въ этотъ вечеръ точно собраніе *духовъ*"; „на Монбланѣ вихорь пламенныхъ тучъ. *Лица опрокинутыхъ великановъ впереди: поле сраженія;*" „вихорь облаковъ, словно *духи.* Нѣсколько темныхъ облаковъ у ступеней *прокрадываются.* Между тѣмъ кузнечики, свѣжій воздухъ, яркія звѣзды, посреди неба нѣсколько парящихъ летучихъ облаковъ, стукъ цѣповъ, шумъ воды, уединеніе, колоколъ. Все точно въ тонкомъ, свѣтломъ покровѣ" (22 августа); „надъ Тунскимъ озеромъ Оссіановская картина: точно группы туманныхъ воиновъ съ *дымящимися головами*" (9 сентября). Огромное дерево, какъ *призракъ съ раскинутыми руками;* „туманы въ разныхъ видахъ, словно *привидѣнія....* облако, *какъ привидѣніе къ каскаду, какъ двѣ руки*"; „выходъ луны изъ-за утесовъ, словно *голова* на „огромномъ туловищѣ" (10 и 11 сентября).—Описаніе водопадовъ—фотографическое: сколько струй, какія бьются, а не бросаются; надъ нами радуга-красавица (22 августа; сл. 10 и 16 сентября). „Удивительный вечеръ на берегу озера, *тронувшій душу до слезъ*: игра на водахъ, чудесное измѣненіе; неизъяснимость" (27 августа); „*грусть отъ прелести и одиночества*" (28 августа). Еще сравненія для облаковъ: „бѣлыя облака, какъ *вата* или *пухъ* на синихъ горахъ" (2 сентября), „какъ взбитая *пѣна* или вата", „какъ *кудри*". Вмѣсто образа—рефлексія: „рѣка, тихо сходящая по плотинѣ—*образъ мудраго правленія;* плотина, стоячая вода, прососы—*разрушеніе*" (6 сентября); „смотря на Аарскую долину, мысль о нынѣшнихъ правителяхъ: они стоятъ не за себя, а за министровъ". Удивительная магія разоблаченія горной вершины при восходѣ солнца, „точно какъ *посвященіе въ какое-нибудь таинство; богиня-природа*"; „*вечеръ облачный едва-ли не прелестнѣе яснаго. Душа и несчастіе, душа и счастіе. Революція и порядокъ.* Вечеръ облачный и лун-

ный" (9 сентября). *Затмѣніе горъ* вызываетъ *сравненіе съ смертью* (17 сентября), другое — *заходъ солнца: „Богъ покидаетъ на время видимое твореніе"*; „видя угасающую природу, приходишь въ мысль, что душа и жизнь есть что-то не принадлежащее тѣлу, а высшее; пока онѣ въ немъ, по тѣхъ поръ и красота; удалились — формы тѣ-же, но красоты уже нѣтъ; ничто такъ не говоритъ о смерти въ величественномъ смыслѣ, какъ угасающія горы" (21 и 22 сентября). „Красота не въ природѣ, а въ душѣ человѣка; свѣтъ и душа; революція и горы"; по этому поводу размышленіе о грекахъ, сражавшихся за освобожденіе" (23 сентября) [1]). — 24 сентября: „Плаванье въ дождь съ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ. Шумъ дождя и отъ разрѣзыванія волнъ лодкою. Впереди волны надуваются, иногда рвы, изрѣдка пѣна; сзади какъ будто преслѣдуютъ, и большія струи пѣны. Сзади дождь, впереди пристань, сбоку небо! Колыханье. Въ сильный вѣтеръ и въ бурю весло и руль, но когда все напрасно, брось все: есть доска. Il y a du sublime à être debout sur une nacelle et s'avancer au milieu des vagues". — Человѣческая жизнь показывается въ этихъ пэйзажахъ лишь урывками, не нарушая общаго впечатлѣнія мечтательнаго покоя и „одиночества", плодящаго „грусть". „Послѣ обѣда прелестная прогулка берегомъ Рейссы; крестъ, старикъ и лодка; на мосту несравненное захожденіе солнца; зеленая роща въ огнѣ.... утки, рыбакъ, тростникъ" (20 сентября).

Пройдетъ десять слишкомъ лѣтъ, и мы встрѣтимъ тѣ-же характерныя черты и пріемы въ дневникѣ и письмахъ 1832 и 1833-го годовъ. „Башни, какъ *привидѣнія*. Облака, пожираемыя горами" (29 августа 1832 г.); *„чувство великаго и прекраснаго оттого такъ мучительно, что желалъ бы съ нимъ слиться:* жажда при видѣ Рейна, стремленіе при видѣ Альповъ — музыка, поэзія" (5 Сентября). „Прелестный вечеръ: янтарное западное небо. *Яркая звѣзда, какъ глазъ, наполненный слезою*" (29 сентября/11 октября); „пѣсни — горніе крики" (20 ноября/2 декабря); *„срав-*

1) „Le grec est coquin par ce qu'il a beaucoup d'esprit et est esclave; il use de sa force: rendez le libre, il sera héros; faites le esclave, il vous trompera Il est toujours le plus fort. Les ultras et les libéraux sont tous les deux ennemis de l'ordre; les uns veulent pour leur profit maintenir le désordre existant, les autres veulent le remplacer par un autre désordre qui leur profite. Il vaut mieux attendre que mal commencer, car recommencer est presque impossible".

неніе естественной и откровенной религіи съ утесомъ безъ дороги и съ дорогою" (13 декабря); „нижніе пологіе *берега, какъ призраки, черное облако, какъ орелъ* посреди свѣта. Золотые края облаковъ надъ Юрою; *снѣжная тонкая бахрама на ближнихъ облакахъ, какъ складки занавѣса*" (12/24 марта 1833 г.); „небо и озеро слиты прозрачнымъ туманомъ, сквозь который *снѣжныя горы, какъ волшебный міръ*" (14/26 марта); „облако надъ Юрою *съ золотою гривою*" (16/28 марта).—„Горная философія" письма изъ Швейцаріи [1])—образчикъ рефлексій, разбросанныхъ въ дневникѣ.

Итальянскія впечатлѣнія Жуковскаго сдержаннѣе, Италія не претворила его, какъ Гёте и, хотя и въ другомъ направленіи, романтиковъ. Онъ не того въ ней и искалъ, хотя писалъ Козлову, что покидаетъ Италію, какъ любовникъ невѣсту, которую любитъ страстно. „Все это можетъ обдѣлаться въ стихи или хоть въ прозу, ибо, какъ говоритъ Гёте, Lied und Freude wird Gesang". Но итальянцы ему не понравились, они—„природные актеры. И что за языкъ! Одушевительная живость, но мало привлекальнаго для сердца, которое не можетъ быть притянуто безъ простоты и чистосердечія". Въ Венеціи его обуяли историческія воспоминанія, и башня въ лунную ночь показалась ему призракомъ [2]).

Передъ нами вся палитра Жуковскаго-художника; его „описанія" любили, и онъ грѣшилъ ихъ изобиліемъ [3]). Пейзажъ набросанъ au trait, наложены краски; художникъ озабоченъ освѣщеніемъ, игрой цвѣта и тѣни, чутокъ къ переливамъ отъ „розоваго къ голубому", отъ „розово-свѣтлаго" къ „голубовато-цвѣтному". Это сторона *правды*, едва-ли впрочемъ такъ ярко отразившаяся „въ его живописныхъ описаніяхъ природы", какъ

---

1) Сл. письмо къ Наслѣднику изъ Верне близъ Веве 1 генваря 1833 г., Русскій Архивъ 1882 г., I стр. XVI слѣд. Общая часть печатается, какъ „Отрывки изъ письма о Швейцаріи" 4/16 генваря 1833 г.

2) Къ Козлову 9/21 февраля 1839 г.; дневникъ 23 сентября 1838 г. Сл. дневники 1833 г.: Италія—страна „живописи, поэзіи и быстрыхъ страстей, энергическихъ въ своемъ выраженіи, но минутныхъ" (12/24 апрѣля); „тихая жизнь здѣсь не откликается .... и чувственное наслажденіе туманитъ каждаго" (13/25 апрѣля).

3) 10 января 1815 г. И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу выражалъ желаніе, чтобы Жуковскій „наблюдалъ болѣе экономіи *въ описаніяхъ* и не повторялъ бы, какъ иногда случается, одной и той-же мысли. Тогда прекрасные стихи его были бы еще совершеннѣе". Русская Старина 1903 г. ноябрь, стр. 707.

говорилъ Гоголь [1]); самъ Гоголь, Марлинскій куда какъ цвѣтнѣе. Жуковскому удается кроткій лирическій пейзажъ съ „дышущимъ“ озеромъ, по которому лодка оставляетъ серебряныя струи, либо съ тѣнью, идущею по слѣдамъ пѣшехода [2]), или пейзажъ съ вѣчнымъ противорѣчіемъ, вносимымъ въ него человѣкомъ, какъ напр., изображеніе Бородинской ночи. Таковъ отвѣтъ Жуковскаго-поэта на требованіе sentiment, Gemüth, выраженія de l'âme humaine dans celle de la nature. При этомъ его фантастика старая, временъ Громобоя: по прежнему свѣтитъ луна или полумѣсяцъ, который еще пріятнѣе, а въ его свѣтѣ горы, облака, деревья обращаются въ гигантскія головы, пламенныя или дымящіяся, въ хвостатые шлемы, духи и привидѣнія съ простертыми руками [3]). Нѣтъ богатства ассоціацій, пантеистически обнимающихъ весь міръ, вездѣ раскрывающихъ символы—подъ опасеніемъ заслонить живую природу дріадами и ореадами. Не въ нѣмецкихъ-ли романтиковъ мѣтитъ Жуковскій, когда въ дневникѣ 1839 г. (23 апрѣля/5 мая) ставитъ вопросъ: „отчего живописная поэзія въ особенности принадлежитъ Англіи, нѣсколько Швейцаріи, мало Италіи и Франціи, Германіи—болѣе *фантастическая? Искусство украшать природу особенно въ томъ, чтобы ее прятать*“.—Размышленія по *поводу* (тихо сходящая рѣка—и мудрое правленіе, революція—и горы и т. д.), разсыпанныя въ дневникахъ, стоятъ какъ-бы на порогѣ того поэтическаго отождествленія, гдѣ чувственное и мысленное, природный и волевой акты сливаются—въ параллелизмахъ народной пѣсни и въ пантеистическихъ формулахъ романтиковъ. И Жуковскій чувствуетъ мучительное желаніе слиться съ прекраснымъ и великимъ въ природѣ, но останавливается передъ ней въ сентиментальной рефлексіи, въ грусти „отъ прелести и одиночества“, и ставитъ вопросы о „душѣ и счастьѣ“ и жизни,

1) „Въ чемъ-же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенности“ (Соч. Н. В. Гоголя изд. X, т. IV, стр. 179).

2) Сл. напр. его письма съ Женевскаго озера 4 и 29 генваря ст. ст. 1833 г.

3) Въ 1831 году, толкуя съ Мельгуновымъ о Саксонской Швейцаріи, Жуковскій сказалъ, что именно тамъ ему стало понятно, „почему въ горахъ такъ много сказокъ о духахъ и волшебствѣ. Нигдѣ туманы такъ не живописны, какъ въ горахъ, нигдѣ въ нихъ нѣтъ столько фантазіи, какъ тамъ; они творятъ сказки; жители только переводятъ ихъ на языкъ“. Сл. Н. А. Бѣлозерская, Кн. Зин. Ал. Волконская, Историческій Вѣстникъ 1897 г. апрѣль стр. 148.

угасающей, какъ гаснутъ горы, когда „Богъ покидаетъ на время видимое твореніе“.

Слышится старая, грустно-баюкающая, младенчески-задушевная дума Жуковскаго. Она невольно проспалась на музыку; не даромъ музыка была для него чѣмъ-то „божественнымъ“, несущественнымъ, манящимъ на воспоминанія [1]), открывавшимъ тотъ „незнаемый край“, откуда ему „свѣтится издали радостно, ярко звѣзда упованья“ [2]).

Эта мелодичность „настроенія“ очаровывала современниковъ и въ его слогѣ. „Былъ-ли такой слогъ до Жуковскаго? писалъ еще въ 1819 году (7 августа) кн. Вяземскій Ал. Тургеневу. Нѣтъ! Зачинщикомъ-ли онъ у насъ поэтическаго языка?... Что вы не думали бы, а Жуковскій насъ переживетъ. Пускай языкъ нашъ и измѣнится, нѣкоторые цвѣтки его не повянутъ. Стихотворныя красоты языка могутъ поблекнуть, поэтическія всегда свѣжи, всегда душистыя“. Именно „стихотворныя красоты“ и вызвали противорѣчіе: письмо къ Марлинскому, подписанное „Житель Галерной гавани“, представлетъ сплошную насмѣшку надъ языкомъ и стихомъ „нѣмецко-русской баллады „Рыбаки“. Статья эта возбудила оживленную полемику, въ которой приняли участіе Булгаринъ и Воейковъ и др. [3]), но потребность защиты осталась и позже: знакомые намъ отзывы Пушкина и Рылѣева [4]) звучатъ и признаніемъ и апологіей; въ томъ-же (1825) году кн. Вяземскій говоритъ объ успѣхѣ Жуковскаго въ состязаніяхъ съ богатырями иностранной поэзіи, состязаніяхъ, гдѣ онъ долженъ былъ *покорить самый языкъ* и обогатить столькими завоеваніями и духъ и формы и предѣлы нашей поэзіи [5]).

Нѣсколько лѣтъ спустя ближе подошелъ къ этому вопросу

1) Сл. выше стр. 253.

2) „Стремленіе“ 1827 г. Стихотворенія Жуковскаго клали на музыку его пріятели Плещеевъ и Вейраухъ, затѣмъ Кашинъ, Булаховъ, Бортнянскій, Верстовскій, Глинка и др. Сл. Русскія Вѣдомости 1902 г. № 123 (Жуковскій въ музыкѣ).

3) Сл. Остафьевскій Архивъ т. II, примѣчаніе къ письму кн. Вяземскаго къ Ал. Тургеневу 9 февраля 1821 г. Статья „Жителя Галерной Гавани“ (Ор. Мих. Сомова) напечатана въ Невскомъ Зрителѣ 1821 г. ч. V, январь, стр. 56—65. „Рыбаки“ явились въ 1818 году въ первой книжкѣ „Для немногихъ“.

4) Сл. выше стр. 392.

5) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго I, стр. 181.

Полевой. „Однообразіе мысли Жуковскаго какъ будто хочетъ.... замѣниться *разнообразіемъ формы стиховъ.* Ни одинъ русскій поэтъ не писалъ у насъ метрами столь многоразличными: многіе изъ нихъ до Жуковскаго были вовсе безъ употребленія, а Жуковскій ввелъ ихъ въ моду“ [1]); „если не ошибаемся, Жуковскій первый (?) употребилъ дактилическія окончанія въ русскомъ стихѣ; гекзаметръ былъ для него тоже не средствомъ избѣгнуть монотоніи шестистопнаго ямба, но музыкальнымъ новымъ аккордомъ; онъ употребилъ такимъ-же средствомъ пятистопный ямбическій стихъ и потому-же писалъ онъ много пьесъ смѣшаннымъ четырехъ-и трехстопнымъ ямбомъ. Въ „Шильонскомъ узникѣ“ осмѣлился онъ употребить сплошь рифмы мужескія и умѣлъ не быть однообразнымъ и утомительнымъ. Въ „Замкѣ Смальгольмскомъ“ употребленъ черезъ стихъ трехъ и четырехъ-стопный анапестъ, и въ нѣкоторыхъ стихахъ двойная рифма, на концѣ и въ срединѣ стиха.... *Всѣ сіи измѣненія метра показываютъ отличное знаніе русскаго языка*“ [2]). Но то говорится о раннихъ поэтическихъ опытахъ Жуковскаго: „ихъ можно назвать мечтаніями влюбленнаго юноши, который изъясняетъ любовь свою чужестранкѣ на родномъ ея языкѣ, *говоритъ невѣрно, ошибочно,* но пламенно. Языкъ, образъ выраженія Жуковскаго взяты были имъ у нѣмцевъ“ [3]).

Я не остановлюсь на вопросѣ о дѣйствительныхъ новшествахъ Жуковскаго въ области метра; многое восходитъ къ почину Карамзина; разница въ томъ, что одинъ сочинялъ стихи, у другого стихи были естественнымъ музыкальнымъ выраженіемъ чувства, элегическаго, какъ тѣ „призывные звуки“, унылые и пріятные, благовѣстъ, который манитъ Вадима. Полевой отмѣтилъ именно „музыку языка“ Жуковскаго [4]); поэтъ „играетъ на арфѣ: продолжительные переходы звуковъ предшествуютъ словамъ его и сопровождаютъ его слова, тихо припѣваемыя поэтомъ только для поясненія того, что хочетъ онъ выразить звуками. Безсоюзіе, остановка, недомолвка, — любимые обороты поэзіи Жуковскаго“ [5]). Ея характеристика—„пѣвкость“: „нельзя

---

1) Очерки I, стр. 123.
2) Ib. 139.
3) Ib. 114.
4) Очерки l. c. стр. 115.
5) Ib. стр. 123.

назвать стиховъ Жуковскаго гармоническими: гармонія требуетъ диссонанса, противоположностей, фугъ поэтическихъ; ищите гармоніи русскаго стиха у Пушкина: у него найдете булатный, закаленный въ молніи стихъ и кипящіе, какъ водопадъ горный, звуки; но не Жуковскаго это стихія. Его звуки мелодія, тихое роптаніе ручейка, легкое вѣяніе зефира по струнамъ воздушной арфы. Будучи въ этомъ самобытенъ, Жуковскій никогда не утомляетъ—нѣтъ! Онъ очаровываетъ васъ, плѣняетъ дробимостью метра, мелкими трелями своихъ звуковъ“ [1]).

Нѣсколько историческихъ справокъ доскажутъ кое что недосказанное въ характеристикѣ Полевого, удаливъ кажущіяся противорѣчія.

Жуковскій вышелъ изъ псевдо-классической школы, быстро уступавшей вліянію сентиментальной; первая на долго оставила въ его стилѣ свои слѣды — въ пристрастіи къ далеко не поэтическому олицетворенію: Сила, Гладъ, Страхъ, Любовь, Трудъ, Дружба, Вѣра, Насиліе, Свобода, Судьба, Кара, Ужасъ, Человѣчество, Погибель, Покой, Бѣда, Счастье, Страданье, Вѣсть, „веселая Молва“ и „печальный Слухъ“ („Рустемъ и Зорабъ“) и т. д. Сентиментальная поэзія дала формы его чувству, но оно хочетъ высказаться точнѣе въ своей неопредѣленности, разнообразнѣе въ своемъ однообразіи. Оно ищетъ новыхъ способовъ выраженія; нѣмецкая лирика указывала пути; начался періодъ борьбы съ языкомъ, о которомъ говоритъ Вяземскій, періодъ германизмовъ, которые вызывали укоры не одного Полевого; Мерзляковъ приводилъ своимъ слушателямъ стихи Жуковскаго въ примѣръ галиматьи. Слѣды борьбы остались и тогда, когда „въ бореньяхъ съ трудностью“ Жуковскій оказался „силачъ необычайный“. Въ „Вадимѣ“ читаемъ:

И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало.

Этого не понять, если не припомнить ранній навыкъ поэта къ аллегоріи и нѣмецкія выраженія въ родѣ „das Ewig-Weibliche“. Еще непонятнѣе такое же отвлеченіе въ женскомъ родѣ: „И *вѣрная* незримо съ нею“ („Цвѣтъ Завѣта“). Сюда же от-

---

1) Ib. стр. 138—9.

носится и выраженіе въ переводѣ Шиллеровой „Эммы“ (1819 г.): дѣло идетъ о чувствѣ любви, которое, разъ зажженное въ сердцѣ, не умираетъ:

Ihrer Flamme Himmelsglut
Stirbt sie wie ein irdisch Gut?
Небомъ въ сердцѣ зажжено
Умираетъ ли *оно*?

Это „оно“, наводящее нѣкоторый трепетъ своею невѣсомостью, производитъ впечатлѣніе и въ „Вадимѣ“: „звенитъ“, „молчитъ“, „чернѣетъ“. Намъ знакомы: *тамъ* и *здѣсь*, *розно* и „веселое *вмѣстѣ*“ („Эолова арфа“), возведенныя въ существительныя.

„Безсоюзіе, остановка, недомолвка“ (Полевой)—все это можетъ быть объяснено лирической возбужденностью, но попадаются и странные анаколюты, не внушенные подлинникомъ: Кассандра

Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордясь сама съ самой,
Благъ своихъ не постигаетъ (1809 г.),

Второго стиха нѣтъ въ оригиналѣ, послѣдній не отвѣчаетъ Шиллеровскому: Ihre Wonne fasst sie kaum. Рѣзкій примѣръ представляетъ „Наль и Дамаянти“; рѣчь идетъ о Дамаянти: „съ полною тяжкими вздохами грудью (*Временемъ щеки, какъ жаръ, временемъ блѣдныя, Очи—полныя слезъ, засохшія губы и все въ безпорядкѣ Мысли, какъ волосы*) день и ночь Дамаянти вздыхала“ [1]). Германизмомъ отзываются: „я тамъ дни мирные вела“ („Вадимъ“); „страшнаго одра кругомъ“ („Громобой“); всѣ собрались тебя вокругъ (на пріѣздъ вел. княгини Анны Павловны, принцессы Оранской, въ1824 г.[2]); то-же употребленіе „вокругъ“ послѣ существительнаго у Державина); „дряхлый мой отецъ повлекся бы ко гробу“ („Громобой“); „ничтожности алчный“ („Аббадонна“); „не мысли въ небеса“ („Утѣшеніе въ слезахъ“ изъ Гёте, 1817 г.).

1) Сл. Friedr. v. Rückert, Nal und Damajanti, 2-er Gesang: Mit von Schluchzen beklemmtem Odem, — Die Wangen wechselnd roth und blass,— Die Lippen trocken, die Augen nass, Ihre Gedanken zerstreut wie ihr Haar,— Ach, ach, seufzte sie immerdar.

2) Бумаги В. А. Жуковскаго стр. 91—2.

Рядомъ съ этимъ—фразеологія XVIII вѣка, съ ея славянизмами и архаизмами (внуши вм. услышь, „Гимнъ изъ Томсона“; ревущѣ бурѣ, очесъ, устенъ, „Громобой“; крылѣ „Адельстанъ“) и словоупотребленіемъ, въ которомъ едва-ли удастся выдѣлить личный почпнъ Жуковскаго: токъ (= теченіе, „Вождю побѣдителей“), предѣлъ, въ смыслѣ совершенство, чего выше нѣтъ, („Желаніе“ изъ Шиллера, „Пѣснь барда“); жило (= жилье, „Адельстанъ“; то-же у Крылова); людство, повременно („Громобой“); ужъ солнце жгло съ полунебесъ („Вадимъ“; сл. „Странствующій Жидъ“: въ западномъ полнебѣ; сл. у Державина: на полсвѣтѣ) и др.—Уже въ 1802 году журналъ Панкратія Сумарокова посмѣялся надъ маніей необычныхъ, сложныхъ эпитетовъ, такъ ярко звенѣвшихъ на лирѣ Державина [1]), въ 1821 г. Невскій зритель напалъ на пристрастіе къ нимъ Жуковскаго, пародируя его (дождливожелтый, вѣтренорыжій и т. п.), подчеркивая „прохладноголубой сводъ неба“, „знойную вышину“ и „родное дно“, которые теперь не вызвали бы протеста; въ 1826 г. Телеграфъ отмѣтилъ чрезмѣрное обиліе эпитетовъ въ „Марьиной Рощѣ“. Эта склонность, или слабость, осталась у Жуковскаго и позже; его выборъ и творчество не всегда удачны: онъ любитъ причастныя прилагательныя: златимый, дробимый („Эолова арфа“), разима („Старушка“), мужествомъ стремимый („Рустемъ“), яримый („Странствующій Жидъ“), богами внимаемъ (Отрывки изъ Иліады); насупленная дубрава („Пѣснь барда“), предустрашенный („Громобой“), благовѣщающіе персты („Вадимъ“; сл. тамъ-же выраженіе: разинувъ персты); затѣмъ: туманистый („Громобой“), соприсутственный („Посланіе къ имп. Александру“ и passim), скала пожарная (= гдѣ былъ пожаръ, „Пѣвецъ въ Кремлѣ“); нетлѣнный булатъ („Гаральдъ“); приливное море, напорныя волны (изъ Овидія; сл. образъ: бурныхъ волнъ сугробы, „Плаваніе Карла Великаго“), предвѣщательный ужасъ, безотпорная смерть, защитное мѣсто,

---

1) Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія, I, 1802 г. стр. 111—115: Ода въ громко-нѣжно-нелѣпо-новомъ вкусѣ:

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходитъ изъ-за горъ заря....
Въ уныло-мутно-кротки воды
Глядятся черны хороводы
Пунцово-розовыхъ воронъ и д. т.

замѣчательное(=внимательное) око („Разрушеніе Трои"); мирительное пѣніе, гривистый шлемъ (Отрывки изъ Иліады); защитная кровля („Одиссея"), подзорная башня („Рустемъ и Зорабъ") и др.

Сложные эпитеты встрѣчаются уже въ его раннихъ произведеніяхъ (бѣлорумяная заря, „Майское утро" 1797 г.; державинское: огнеперматый, „Могущество, слава и благоденствіе Россіи"; огнечешуйчатый хребетъ, „Пиршество Александра" 1812 г. и т. д.) и далѣе плодятся и разнообразятся. Уже переводы изъ Виргилія („Разрушеніе Трои" 1822 г.) и отрывковъ Иліады (1828 г.) указываютъ на нѣкоторую виртуозность, создавшую пошибъ, къ которому пріучился, какъ къ поэтическому; Иліада Гнѣдича вышла лишь въ 1829 году. Въ „Разрушеніи Трои" встрѣчаемъ: дивноогромный, неизбѣжноужасный, неслыханностраишное чудо, безполезноприскорбная повѣсть, робкобезмолвный; въ „Отрывкахъ" не только крѣпкозданный, крѣпкостѣнный, но и крѣпконагорныя стѣны; башневѣнчанный; мѣднокованный, мѣдноогромный шлемъ, мѣднолатые фокеяне; копье тяжелоогромное, Ифестъ медленнотяжкій; обильномедлительный токъ, обильнобогатый, плоднообильный; винобогатый, хлѣбодарный Закинѳъ, сладостновкусный; чернооблачный Зевесъ, черногустыя брови; краснóопоясанная дѣва (то-же у Державина) — и космолапый левъ. — Когда въ 1837 году, путешествуя съ наслѣдникомъ по Россіи, Жуковскій набросалъ карандашемъ первую редакцію перевода „Наля и Дамаянти" [1]), усвоенная имъ схема сложнаго классическаго эпитета уже владѣла имъ настолько, что, пересказывая текстъ Рюккерта, онъ невольно затиралъ восточный колоритъ его выраженія, передавалъ кое какіе эпитеты, иные, лишніе, созидалъ въ обычномъ своемъ стилѣ: тихонравная, сладкопривѣтная дѣва, сердцевластительный (herzbfehdende), зоркоспокойный (starr von Augen), огненнотемный взоръ (grossaugig-schmachtende), безпыльноэѳирныя одежды, лазурновоздушное пространство, свѣтлонетлѣнные вѣнки (steif unwelkende), отголосножалобный крикъ, небесносмиренная прелесть, игрокъ коварноискусный, неподвижнопрозрачныя воды; грозноотважный; любопытноотважная змѣйка

1) „Наля и Дамаянти" онъ читалъ въ 1832 году; 3 декабря н. ст. переведены были семьнадцать первыхъ стиховъ, послѣ чего переводъ остановился. Сл. дневники 1832 г. подъ 3 и 5 декабря н. ст.

(flink neugierig) и др. Сложные эпитеты „Одиссеи“ и „Рустема и Зораба“ (1846—7) представляютъ такой-же подборъ новообразованій, часто невнятныхъ: звонкопространныя сѣни, тучнополянистый городъ, многодарная земля, шумнонеистовый сонмъ, вкуснообильный, длинноогромный („Одиссея“); роскошнолакомый, желѣзножилистый, задумчивобезмолвный, безумнобѣшеный, прискорбносладостная рѣчь, гнѣвноогненныя очи („Рустемъ и Зорабъ“).

Если подъ сложными эпитетами разумѣть тѣ, которыхъ части взаимно опредѣляются (сердцевластительный), либо соединяются въ новомъ цѣломъ, представляющемъ какъ бы оттѣнокъ вошедшихъ въ его составъ (огненнотемный), то цѣлая группа такихъ эпитетовъ у Жуковскаго является соединеніемъ элементовъ, содержательно самостоятельныхъ и лишь послѣдовательно входящихъ въ районъ впечатлѣнія. Въ спокойномъ (или неспокойномъ) взглядѣ мы прочтемъ и зоркость, но художникъ разомъ видитъ цѣлое, быстрому объединенію впечатлѣній отвѣчаютъ сочетанія: зоркоспокойный, неподвижнопрозрачныя воды; Замора окружена „Свѣтловлажными руками Быстрошумнаго Дуэра“ (Сидъ II, 1831 г.); „влажносеребряный“ сводъ воды (Ундина гл. XIII), „радостностройная“ (Наль и Дамаянти: schön gehüftet); въ „полуясное утро“ ручей могъ дѣйствительно показаться „черноблестящей“ нитью или струйкой (дневникъ 11 сентября 1821 г.). Такъ легко было дойти и до нераціональныхъ „свѣтлонетлѣнныхъ вѣнковъ“. Во многихъ случаяхъ поэта могъ связывать нѣмецкій подлинникъ, но сказывалось въ произведеніяхъ поздней поры и долгое отчужденіе отъ живой русской рѣчи. Въ „Странствующемъ Жидѣ“ встрѣчаемъ „безпреградно“ въ смыслѣ „безпрепятственно“, „неоглядкой побѣжалъ“ и цѣлый рядъ оборотовъ, надъ которыми пуристы 20-хъ годовъ покачали бы головой: „полетъ непритѣснимый“, „желѣзномертвая несокрушимость“, мученикъ „усвоилъ“ меня „въ благодарномъ взглядѣ“; „моя судьба переломилась на двое“ (entzwei?); корабль прикованъ къ берегамъ — „цѣпью бури“.

Изъ такой-то борьбы съ языкомъ, въ поискахъ за новыми средствами выраженія, вышелъ стиль Жуковскаго, отложились его любимыя сравненія, поэтическіе образы: сходитъ „ночная, *росистая* тѣнь“, „вѣтеръ *улегся* на спящихъ листахъ“, звукъ арфы „тише дыханья *играющей въ листьяхъ прохлады*“ („Эолова

арфа"); лѣсъ полонъ „*душей весны*", слышенъ „шумъ *теплыхъ облаковъ*"; образъ „*молодого разсвѣта*" чередуется съ представленіемъ ангела востока, который въ тишинѣ

На край небесъ взлетаетъ
И по туманной вышинѣ
Зарю распростираетъ
(„Вадимъ").

Мы знаемъ, какъ воздушно передана Жуковскимъ пѣсенка изъ Шатобріана [1]); интересна и пѣсня водопада въ переводѣ Ундины гл. 9. Жуковскій передаетъ прозу Ла-Моттъ Фукэ пятистопнымъ ямбомъ, включивъ въ его размѣръ пѣсню, которая и въ оригиналѣ написана стихами, стремящимися къ звукоподражанію:

Rascher Ritter,
Rüst'ger Ritter,
Ich zürne nicht,
Ich zanke nicht;
Schirm nur dein reizend Weiblein so gut,
Du Ritter rüstig, du rasches Blut.

У Жуковскаго тембръ другой:

Ты смѣлый рыцарь,
Ты бодрый рыцарь,
Я силенъ, могучъ,
Я быстръ, гремучъ;
Не сердиты
Волны мои,
Но люби ты,
Какъ очи свои,
Молодую, рыцарь, жену,
Какъ живую люблю я волну.

Слышно, какъ волна присмирѣла, утихаетъ.

Какъ тщательно работалъ Жуковскій надъ своимъ стихомъ показываютъ его черновыя, имъ же перебѣленныя руко-

1) Сл. выше стр. 216—7.

писи, частыя передѣлки уже напечатанныхъ произведеній для новаго изданія. Что было бы съ наслажденіемъ поэта, когда бы онъ могъ производить безъ труда? Все бы очарованіе его пропало? писалъ онъ по поводу Пушкина, которому не даромъ доставались его „легкіе, летучіе стихи“ [1]).

Будущему изслѣдователю стиля Жуковскаго переводы его дадутъ богатый, хотя далеко неравномѣрный матеріалъ. Они составили и еще составляютъ его славу. Сравненіе съ романтиками подсказывается само собой. Они прислушались къ Гердеру и, въ поискахъ за живой струей, которая обновила бы формы и содержаніе поэзіи, открыли ее въ классическихъ образцахъ всемірной литературы. Одна сцена Тиковскаго Zerbino представляетъ „вертоградъ поэзіи“, полный деревьевъ, цвѣтовъ, птицъ и красокъ, все поетъ, говоритъ, шепчется — и поэты всѣхъ временъ и народовъ собрались вокругъ богини поэзіи. Сонъ въ руку: Фоссъ переводитъ Гомера, Лессингъ, Виландъ, Шекспира; за ними двинулись романтики: Шекспиръ, Кальдеронъ, Сервантесъ, Данте и Веды, поэзія Востока и Запада были усвоены, явились точные переводы, старавшіеся сохранить духъ подлинниковъ, народный колоритъ писателей, ихъ метры. А. В. Шлегель, вторя Бюргеру, высказавшемуся по этому вопросу, требовалъ отъ перевода индивидуальной правды, отъ переводчика соблюденія стихотворной формы, стиля, настроенія оригинала. Въ другой разъ онъ подчеркнулъ не столько требованіе правды, сколько — творчества переводчика: переводъ представился ему настоящимъ поэтическимъ актомъ, новымъ созданіемъ; можно доказать, говоритъ онъ, что человѣческій духъ ничего иного не дѣлаетъ, какъ переводитъ, и самъ онъ, Шлегель, постоянно пребываетъ въ поэтическомъ прелюбодѣяніи, потому что не можетъ прочесть ни одного стихотворенія безъ желанія усвоить его себѣ. Подобный взглядъ находимъ и у Новалиса: онъ различаетъ ученый, грамматическій переводъ отъ „миѳическаго“, передающаго не художественное произведеніе, а его идеалъ; образца такого перевода еще нѣтъ: въ извѣстномъ смыслѣ греческая миѳологія такая именно передача греческой народной религіи. Есть еще и третій родъ перевода, свободно измѣняющій подлинникъ, при чемъ авторъ становится къ своему

---

1) Соч. Жуковскаго изд. 7-е VI, 438.

оригиналу въ такія же отношенія, въ какія „геній человѣчества къ отдѣльному лицу“, переводчикъ является „поэтомъ поэта“.

Жуковскому слѣдуетъ, съ его-же оговорками, удѣлить мѣсто въ послѣдней категоріи.

Флоріанъ утверждалъ что „самый пріятный переводъ есть, конечно, и самый вѣрный“, и требовалъ отъ переводчика, чтобы, сохраняя мысль автора, онъ ослаблялъ, смягчалъ иныя выраженія, „черты дурнаго вкуса“. Переводчикъ Флоріанова Донъ-Кихота усвоилъ этотъ взглядъ и повторилъ его въ статьѣ, переведенной имъ съ французскаго: въ переводѣ можно иногда „жертвовать и точностью, и силою“ ради гармоніи, какъ въ музыкѣ „вѣрность звуковъ должна уступать ихъ пріятности“ [1]).

Требованіе смягченія, ослабленія, пріятности дѣлаетъ всякій переводъ подражаніемъ; но подражаніе можетъ быть творчествомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ замѣтка „О баснѣ и о басняхъ Крылова“ (1809 г.). Жуковскій опредѣлилъ себя самъ. „Подражатель стихотворецъ можетъ быть авторомъ оригинальнымъ, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго, говоритъ онъ. Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ; переводчикъ къ стихахъ—соперникъ.... Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ у себя въ воображеніи; поэтъ-подражатель въ такой же степени воспламеняется образцемъ своимъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго: слѣдственно переводчикъ, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобрѣтателенъ въ цѣломъ, долженъ быть имъ непремѣнно по частямъ: прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ нисколько своего совершенства. Что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находить у себя въ воображеніи такія красоты, которыя могли бы служить замѣною, слѣдовательно производить собственное, равно превосходное: *не значитъ ли это быть творцемъ?*“ — Въ отчетѣ о трагедіи Кребильона „Радамистъ и Зенобія“ въ переводѣ Висковатова (1810 г.) уже предполагается извѣстнымъ, „что переводчикъ стихотворца есть въ нѣкоторой степени самъ творецъ ориги-

---

1) О переводѣ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности, Вѣстникъ Европы 1810 г. № 3, стр. 190—8.

нальный", творецъ выраженія. Выраженій автора оригинальнаго онъ не найдетъ въ своемъ языкѣ, онъ должень ихъ сотворить. „А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимся ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразитъ его, такъ сказать, въ созданіе собственнаго воображенія; когда, руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія".

Жуковскій долго колебался между Попе и Фоссомъ, какъ переводчиками Гомера, между сухой точностью Фосса, сохранившей, однако, „болѣе истиннаго Гомерова духу и Гомеровой простоты", и жеманной стихотворностью Попе, исказившей то и другое [1]). Когда много лѣтъ спустя, послѣ первыхъ попытокъ „угадать" Гомера, онъ принялся за свой переводъ Одиссеи, вопросъ о „замѣнѣ", о „собственномъ" поставится снова, но рѣшенъ осторожнѣе: „переводъ Гомера недалеко уйдетъ, если займется фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ и въ тоже время все частное забыть для цѣлаго" [2]), осторожно выбирая слова, избѣгая всякой новизны, стараясь возвратиться къ „языку первобытному", возстановить нашъ „изношенный языкъ въ его первобытной свѣжести" (къ Кирѣевскому 1844 г.).

Таковы признанія старика—переводчика Гомера [3]); до тѣхъ

1) Сл. выше стр. 432 прим. 2.

2) Сл. письмо Жуковскаго къ Стурдзѣ (10 марта 1849): „я старался переводить *цѣлое*, желая сохранить общій эффектъ Гомерова слога, котораго отличительный характеръ: *не отдѣльные разительные стихи*, а *богатый потокъ цѣлаго*. Поэтому въ иныхъ, немногихъ мѣстахъ я предпочиталъ цѣлое отдѣльному и жертвовалъ отдѣльными стихами совокупному эффекту" (Русская Старина 1902 года, май, стр. 396).

3) Въ письмѣ къ Фогелю Жуковскій какъ будто распространяетъ критерій *точности* на всю свою переводческую дѣятельность. Фогель просилъ его сообщить ему какой-нибудь нѣмецкій переводъ его стихотвореній; такого у меня нѣтъ, отвѣчалъ Жуковскій, „могу однакожъ указать вамъ *легкій способъ познакомиться со мною, какъ съ поэтомъ, т. е. съ лучшей моей стороны*". Онъ совѣтуетъ Фогелю перечесть въ подлинникѣ стихотворенія, переведенныя имъ изъ Шиллера (12), Гёте (Erlkönig, Die Vergänglichkeit), Гебеля (6 или 7), Рюккерта (Наль и Дамаянти, Рустемъ и Зорабъ) и Ла Моттъ Фукэ (Undine in Hexametern) и кончаетъ письмо: „читая всѣ эти стихотворенія, вѣрьте или старайтесь увѣрить себя, что они всѣ переведены съ русскаго, съ Жуковскаго, или vice versa: тогда вы будете имѣть

поръ онъ, какъ переводчикъ, былъ *творцемъ* въ указанномъ имъ смыслѣ слова, прелестно пересказывавшимъ подлинникъ, если онъ отвѣчалъ его настроенію, но беззаботно игравшимъ воображеніемъ тамъ, гдѣ его „замѣны" или въ разрѣзъ съ оригиналомъ; не безъ „замѣнъ", какъ извѣстно, осталась и Одиссея.

У этихъ замѣнъ есть своя исторія; она поможетъ намъ разобраться въ томъ, что Жуковскій называлъ своимъ творчествомъ [1]).

Къ 1801 году относится первый опытъ перевода Греевой Элегіи, ненапечатанный при его жизни; Карамзинъ нашелъ его неудачнымъ [2]); за нимъ быстро послѣдовалъ пересказъ, который Жуковскій и позже называлъ переводомъ и къ тексту котораго не разъ возвращался: „Сельское Кладбище" (1802 г.). Это уже актъ усвоенія: мѣстныя черты (имя Кромвеля) исчезли, изъ перевода 1801 года перешелъ въ подражаніе „шалашъ" поселянина, чего у Грея нѣтъ [3]); нѣтъ у него и „чувствительнаго пѣвца" [4]): онъ принадлежитъ перескащику. У Грея говорится о сонномъ звонѣ колокольчиковъ, убаюкивающихъ стадо; въ переводѣ 1801 года они обратились въ рогъ („лишь слышится вдали пастушій рогъ унылый"), который остался и въ подражаніи („лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ"); при новомъ переводѣ Элегіи въ гекзаметрахъ [5]) текстъ Грея былъ принять во вниманіе, но „рогъ" остался: „рогъ отдаленный, сонъ наводя на стадо, порой невнятно раздастся".

понятіе о томъ, *что я написалъ лучшаго въ жизни*; тогда будете имѣть полное, вѣрное понятіе о поэтическомъ моемъ дарованіи, гораздо выгоднѣе того, если бы знали его in naturalibus" (Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 145).

1) О Жуковскомъ, какъ переводчикѣ, сл. Чешихинъ, В. А. Жуковскій, какъ переводчикъ (Рига 1895 г.); Шестаковъ, Замѣтки къ переводамъ В. А. Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ, Казань 1902 г. (Чтенія въ обществѣ любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Имп. Казанскомъ Университетѣ).

2) М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти (М. 1869 г.) стр. 182.

3) 1801 г.: „Усталый земледѣлъ задумчиво идетъ — Въ шалашъ спокойный свой"; 1802 г.: „Усталый селянинъ медлительной стопою—Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой".

4) „Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою, Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ".

5) Конч. 23 іюля 1839 г. Сл. дневники.

Въ началѣ замѣна могла быть слѣдствіемъ неполнаго знанія языка, именно нѣмецкаго, съ которымъ Жуковскій освоился поздно [1]); чаще—міросозерцанія поэта, котораго надо было пересказать. Мы знаемъ уже, что Шиллеръ-философъ не по плечу Жуковскому (сл. Мечты 1810 года = Идеалы Шиллера), какъ и его антикизирущее направленіе; оттуда пропуски и недомолвки въ переводѣ. Счастливы тѣ, которымъ отъ рожденья улыбнулись боги, говоритъ Шиллеръ въ своемъ „Das Glück"; славенъ Ахиллъ, самъ Гефестъ сковалъ ему мечъ и щитъ, вокругъ него, смертнаго, вращается великій Олимпъ; то есть, боги принимаютъ въ немъ участіе; у Жуковскаго („Счастіе" 1809 г.): „Смертный единый все древнее небо въ смятенье приводитъ"; самого бога увѣнчало отмѣренное ему счастье, выразился Шиллеръ: das gewogene Glück, мойра, судьба, которой, по греческому понятію, подвластны и боги, и люди. Жуковскій опустилъ эту характерную черту.—Въ другомъ подобномъ случаѣ онъ прибѣгнетъ къ замѣнѣ: гётевскій Wanderer обращается къ мальчику: ты родился на развалинахъ священнаго прошлаго, пусть же покоится на тебѣ его духъ; кого онъ обвѣетъ, тотъ въ божественномъ самосознаніи (Götterselbstgefühl) будетъ наслаждаться каждымъ днемъ; у Жуковскаго: „Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія—Златую жизнь внушаетъ". Ароматъ древности испарился, какъ устраняются въ иныхъ случаяхъ черты слишкомъ реальныя, наивныя въ своей жизненности и народномъ колоритѣ; Жуковскій ихъ смягчаетъ, въ этомъ отношеніи не пощаженъ даже его любимецъ Гебель; уже Пушкинъ указалъ на эту склонность Жуковскаго по поводу его Людмилы. Смягчено, покрыто флёромъ меланхоліи и мечтательности и все казавшееся слишкомъ чувственнымъ; Жуковскій „дѣвствуетъ", какъ выразился по его поводу кн. Вяземскій. Въ „Пиршествѣ Александра" (изъ Попе) обойдена сцена, гдѣ царь склоняется на грудь Таисы; въ „Пустынникѣ" (изъ Гольдсмита) отшельникъ Эдвинъ узнаетъ свою милую, Мальвину, и страстно прижимаетъ ее къ сердцу; у Жуковскаго онъ падаетъ къ ея ногамъ и лобзаетъ ихъ, нѣтъ языка страсти, да и пустынникъ названъ почему-то „старцемъ", что вовсе не отвѣчаетъ содержанію баллады. Такъ и въ передѣлкѣ „Пери" 1831 года удаленъ эпизодъ

1) Сл. Тихонравовъ, Соч. т. III, ч. I, Примѣчанія стр. 74 прим. 270, стр. 80, прим. 355.

любви, бывшій въ переводѣ 1821 г. („Пери и ангелъ"). „Орлеанская Дѣва", образецъ „удивительной вѣрности перевода" по мнѣнію кн. Вяземскаго [1]), полна такого рода умолчаній, тогда какъ въ другихъ случаяхъ усиленъ элементъ мечтательности (напр. „Голосъ съ того свѣта" Шиллера = Thekla, eine Geisterstimme), либо подчеркнута какая-нибудь черта, придающая всему колоритъ таинственности.

При такихъ пріемахъ переводъ незамѣтно склонялся къ вольному пересказу, подражанію, которое порой Жуковскій не отличалъ отъ перевода. Въ борьбѣ съ оригиналомъ онъ погружался въ него, овладѣвалъ нѣсколькими его моментами, которые были ему по сердцу, ему подсказывали, — и начиналась игра замѣнъ, урѣзываній и дополненій. Являлись лишніе эпитеты, описанія природы, распространеніе тѣхъ, которыя уже были въ подлинникѣ, новыя строфы: Шиллерово An Minna („Идиллія" 1806 г.) получило такимъ образомъ первую вводную строфу, окончаніе „Гимна" (подражаніе Томсону 1808 г.) измѣнило подлиннику для лирической вставки; цѣлая строфа (Какъ незапнымъ дуновеньемъ) вставлена въ балладу Уланда („Алонзо", у Уланда: Дуранда), три (4—6-ая) въ переведеннаго изъ Соути „Варвика" (Lord William). Уже Зейдлицъ указалъ на стихи, вставленные Жуковскимъ въ переводъ „Наля и Дамаянти" и обратившіе индійскаго злого духа Кали въ христіанскаго „искусителя"; онъ же отмѣтилъ въ „Рустемѣ и Зорабѣ" отголоски прежняго „романтизма" Жуковскаго въ такихъ внесенныхъ имъ эпизодахъ, какъ разсказъ о причитаньи Гурдаферидъ и прощаніи съ конемъ [2]). Вся характеристика Ундины въ пятой главѣ поэмы (1836 г.) принадлежитъ Жуковскому; она для него психологически характерна, его поэтическій идеалъ:

какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость сильфиды, измѣнчивость струйки.
Словомъ, Ундина была несравненнымъ, *мучительно-милымъ*,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проницала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны *болѣзненно-сладкою думой.*

---

1) Къ Тургеневу 1819 г. 13 августа.

2) Зейдлицъ l. c. стр. 193—4, 219.

И, наоборотъ, въ посланіи къ Батюшкову (1812 г.) внесенъ эпизодъ изъ Шиллеровой Theilung der Erde[1]).

Еще шагъ, и подлинникъ станетъ для Жуковскаго какъ бы мотивомъ для пересозданія, для того, что онъ называлъ подражательнымь творчествомъ. „Судъ въ подземельѣ“ — пересказъ Вальтеръ-Скоттова „Монастыря“, составляющаго вторую пѣсню „Марміонъ“. У Вальтеръ Скотта Марміонъ увлекъ молодую монахиню Констанцію; она любила его, слѣдовала за нимъ всюду въ костюмѣ пажа; когда онъ задумалъ бросить ее для выгоднаго брака, она пытается удержать его любовь, связать его съ собой участіемъ въ его преступномъ подлогѣ. На судъ она предстала блѣдная, слабая, но она собралась съ силами, и ея рѣчь — откровенное признаніе любви и проступка и, вмѣстѣ, самозащита, переходящая въ угрозу монахамъ-палачамъ, рабамъ кроваваго Рима. Жуковскій сохранилъ то, что можно бы назвать декораціей, обстановкой разсказа: поѣздку монахинь на судъ, ихъ болтовню, легенды о мѣстныхъ святыхъ, но Матильда (вмѣсто Констанціи) не дѣйствуетъ и не говоритъ, „оцѣпенѣвъ стоитъ она“, и то, что разсказывается о ея побѣгѣ, какъ-то призрачно-балладно: она вышла изъ монастыря въ платьѣ мертвеца, съ лампадой и кинжаломъ, видитъ „на дорогѣ слѣдъ въ густой пыли копытъ и ногъ; и слышенъ ей далекій скокъ“. Но топотъ удалился, а между тѣмъ „на небѣ зажглась заря“, бѣглянки хватились въ монастырѣ, и она поймана. Констанція является на судъ въ костюмѣ пажа, Матильда въ бѣлой рясѣ мертвеца, на которой почему-то видна кровь; свидѣтелями ея вины являются кинжалъ — и взятыя съ собою четки и лампада! Стиль баллады восторжествовалъ — надъ драмой.

Въ бумагахъ Жуковскаго сохранились мысли и замѣтки для задуманнаго имъ стихотворенія, куда должно было войти описаніе весны; по этому поводу сообщаются планы „Весны“ Клейста, Сенъ-Ламбера, Томсонова „Весна“, затѣмъ наброски собственнаго плана и начало стихотворенія: „Пришла весна“![2]). Мы не знаемъ, что бы изъ него вышло, но мы можемъ прослѣдимъ по наброскамъ Свѣтланы („Святки“, „Гаданіе“), какъ постепенно она претворялась изъ сюжета Леноры-Людмилы.

---

1) Отъ: „Ты помнишь ли преданье“ до „Ты презришь міръ земной“

2) Бумаги В. А. Жуковскаго l. c. стр. 154; сл. стр. 20 е), 23 э), я).

Такъ чужое обращалось въ свое, встрѣчное чувство будило эхо: личный элементъ вторгался въ переводныя произведенія, въ стихотворенія по заказу, если они давали поводъ выразить сходныя ощущенія, чаянія, надежды. 1-мъ іюля 1819 года помѣченъ „Цвѣтъ Завѣта", явившійся впервые въ Современникѣ 1837 г. (т. V, № 1, стр. 113 сл.); посылая этотъ „старый стихотворный грѣхъ" Максимовичу, который и напечаталъ его въ Кіевлянинѣ (1840 г., кн. 1), Жуковскій писалъ, что „эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей, но объяснить для нихъ этотъ смыслъ я не могу. Они писаны, *по желанію, на заданный предметъ*, и получили бы особенный интересъ, еслибъ можно было прибавить къ нимъ надлежащій комментарій". Кое-что могъ пояснить кн. Вяземскому Тургеневъ: „Посылаю тебѣ стихи Жуковскаго, написанные по заказу великой княгини. Она же дала ему и тему на нѣмецкомъ: Ländlergras; у нѣмцевъ — цвѣтъ завѣта. Чего не выразитъ чародей Жуковскій! Въ семъ „Цвѣтѣ Завѣта" соединяется воспоминаніе прошедшаго съ таинственностью будущаго. Онъ часто означаетъ какую-нибудь эпоху или минуту жизни, напримѣръ, свиданіе или разлуку. Знаменованіе его скорѣе понять, нежели объяснить можно. Но намъ, нѣмцамъ, весь мистицизмъ чувствительности понятенъ" (30 іюля 1819 г.) [1]). И „знаменованіе" и „мистицизмъ чувствительности" и самое названіе „Цвѣтъ Завѣта" принадлежатъ освѣщенію Жуковскаго. Такъ какъ въ черновомъ спискѣ стихотворенія значится, что оно начато (или затѣяно?) 16 іюня, кончено 2 іюля, то великая княгиня предложила свою тему Жуковскому ранѣе, чѣмъ изложила ее въ запискѣ, которую Жуковскій носилъ въ своемъ альбомѣ [2]). Записка эта, помѣченная 22 іюня 1819 года,

---

1) Плетневъ читалъ „Цвѣтъ Завѣта" вел. кн. Ольгѣ Николаевнѣ, который они „случайно нашли" въ книжкѣ Современника: стихи на „цвѣтокъ, любимый императрицею, который она еще въ Берлинѣ завѣщала сестрамъ, какъ залогъ ихъ взаимнаго воспоминанія. Въ 1819 году она такой цвѣтокъ нашла здѣсь, и Жуковскій воспользовался, чтобы эту идею развить въ стихахъ. Чудная прелесть"! (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II 192, журналъ 22 февраля 1844 г.). Въ примѣчаніи къ „Цвѣту Завѣта" П. А. Евремовъ даетъ такое объясненіе, слышанное отъ Елагиной: „Великая княгиня Александра Θеодоровна условилась съ сестрою присылать другъ къ другу первые весенніе цвѣты, которые каждая изъ нихъ увидитъ (VIII изд. т. II, стр. 111 и 510).

2) См. выше стр. 342.

вспоминаетъ о чудесномъ весеннемъ вечерѣ, въ прелестной мѣстности, когда вел. княгиня одѣляла своихъ товарокъ цвѣтками, между тѣмъ какъ звуки любимаго Ländler'а, вальса, уже навѣвали мысль „о прошлыхъ дняхъ, хотя и менѣе счастливыхъ, чѣмъ было настоящее мгновенье". Это ввелось въ обычай: весной искали цвѣтка и одѣляли имъ другъ друга, кругомъ него, уже названнаго Ländlergras, копились воспоминанія; когда война „разрознила" кругъ братьевъ и сестеръ, съ полей битвы по прежнему летѣли къ сестрамъ былинки, а онѣ посылали имъ навстрѣчу цвѣтки съ родныхъ полей. И теперь еще каждый ищетъ на чужой сторонѣ дрожащій стебелекъ, чтобы послать далекому другу „тихій привѣтъ съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверъ", — и онъ „говоритъ безъ словъ, чего словами нельзя бы и выразить"

„Воспоминаніе и я—одно и то-же", сказалъ о себѣ Жуковскій; и его кругъ разрозненъ, „разлучена веселая семья"; цвѣтокъ выростаетъ для него къ значенію символа; немудрено, что „чародѣй Жуковскій" весь въ чужой темѣ [1]): послѣдняя строфа „Цвѣта Завѣта" — поэтическая парафраза заключительныхъ строкъ письма:

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символъ любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
Посолъ души, внимаемый душой,
О, вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ нами,
О томъ, чего не выразить словами.

„Этотъ оберъ-чортъ Жуковскій! писалъ кн. Вяземскій Тургеневу. Письмо твое со стихами пришло въ то самое время, какъ я кончилъ подражаніе сатирѣ Депрео къ Мольеру о трудности риѳмы, и мои стихи такъ мнѣ огадились, что я не въ силахъ продолжать. Надобно прохмелиться. Какъ можно быть поэтомъ по заказу?" (7 августа 1819 г. Варшава) [2]).

Здѣсь тайна въ встрѣчности настроенія, въ умѣньи не

1) Сл. выше стр. 272 прим. 2.
2) Сл. выше стр. 305—6.

только питать чужой мыслью свою собственную, но и находить въ чужихъ образахъ и метрахъ формы для выраженія своего наболѣвшаго чувства. Въ пору Дерптскаго увлеченія Шатобріанъ и Байронъ дали Жуковскому мотивы тоски по родинѣ и разочарованія [1]); въ 1823 году въ Дерптѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ свою Машу, за недѣлю до ея смерти, и ея тихій образъ слился для него съ другими, покоящими: „звѣзды небесъ, тихая ночь"! [2]). И самъ онъ жаждалъ душевнаго покоя, цѣлительнаго забвенья ночи. Въ его бумагахъ нашлось, съ помѣтой: Дерптъ, 26 февраля, нѣмецкое стихотвореніе, писанное неизвѣстной рукою:

Schon sank auf rosiger Bahn
Der Tag in wallende Fluthen,
Labend auf brennende Gluthen
Weht nun die Kühle uns an.
Und hoch vom himmlischen Bogen
Kommt her die Mutter gezogen,
Hesperus wandelt so sacht
Im süssen Frieden der Nacht.
  Komm' denn, o Himmlische, Du,
Und wehre den nagenden Schmerzen,
Fülle die schlagenden Herzen,
Die armen, mit seeliger Ruh'.
Mit deinen fächeluden Schwingen,
Mit sanft einschläferndem Singen
Wiege die Kinderchen dein,
O, wiege, wiege sie ein!

Между строкъ этого текста Жуковскій набросалъ карандашемъ первую редакцію прелестнаго стихотворенія, напечатаннаго лишь въ 1825 году въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" подъ заглавіемъ „Ночь" (Уже утомившійся день). Эта пьеса, въ которой Плетневъ находилъ греческую простоту въ соединеніи „съ очаровательнымъ блескомъ поэзіи романтической" [3]), — почти дословный переводъ нѣмецкой. Такія пьесы Жуковскій имѣлъ

1) Сл. выше, стр. 216—7, 234—5.
2) Сл. выше, стр. 238.
3) Соч. и переп. П. А. Плетнева I, стр. 209—10.

полное право не отмѣчать, какъ переводныя: онъ ихъ перечувствовалъ, и онѣ стали его достояніемъ [1]).

Эту „удивительную пріемчивость чужихъ впечатлѣній“, въ которой Полевой видѣлъ отличительную черту Жуковскаго [2]), самъ поэтъ скромно обобщилъ, когда называлъ себя не „самобытнымъ поэтомъ“, а „переводчикомъ, впрочемъ, весьма замѣчательнымъ“ [3]). Давно тому назадъ, очутившись въ 1805 году въ деревнѣ, внѣ кружка сочувственныхъ друзей, онъ исповѣдуется: „въ самомъ себѣ не нахожу довольно прибѣжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать.... Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю *матеріи для* мыслей“ [4]); въ дневникѣ-письмѣ 15 сентября 1814 года онъ снова говоритъ о своей наклонности „къ какой нибудь хорошей чужой мысли *прививать* нѣсколько своихъ“ [5]). Способность не воображать, а подсказывать чужому воображенію, ему прирождена: естественная потребность *зараженія.* „У меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей

---

1) На нѣмецкій оригиналъ „Ночи“ указалъ впервые И. А. Бычковъ въ Бумагахъ В. А. Жуковскаго стр. 57—8. Тамъ-же приведены и двѣ первыя строки нѣмецкаго стихотворенія и первыя четыре первоначальнаго перевода. И. А. Бычкову я обязанъ сообщеніемъ какъ помѣщеннаго выше оригинала, такъ и слѣдующимъ — о набросках перевода. Между строкъ первыхъ четырехъ стиховъ первой строфы подлинника, написано:

Уже утомившійся день
Склонился въ румяныя воды,
Темнѣютъ небесные своды,
Прохладная стелется тѣнь.

Между строкъ второй строфы слѣдующіе стихи, недописанныя риѳмы которыхъ дополнены по позднѣйшей печатной редакціи:

Приди-жъ, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покры[валомъ],
Съ цѣлебнымъ забвень[я фіаломъ],
Дай миръ усталымъ сердцамъ.
Твои усыпительны пѣсни.

Слѣдующіе три стиха не переведены, лишь въ заголовкѣ стоятъ Прописныя: I, И, Ж.—И. А. Бычковъ сообщаетъ мнѣ, что дата нѣмецкаго стихотворенія написана неразборчиво (Dorp. d. 26 Feb — или Dec. — 1823 г.). — Въ 5-мъ изданіи своихъ стихотвореній Жуковскій отнесъ „Ночь“ къ 1815 году.

2) Очерки I, 36.

3) Къ Смирновой 13/25 октября 1845 г.

4) Сл. выше стр. 109.

5) Сл. выше стр. 179.

тогда, когда ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей, пишетъ онъ Гоголю (6/18 февраля 1847 г.), мой умъ, какъ огниво, которымъ надо ударить о кремень, чтобы изъ него выскочила искра — это вообще характеръ моего авторскаго творчества: *у меня почти все чужое, или по поводу чужого, — и все, однако, мое*" [1]).

„Жуковскаго перевели-бы на всѣ языки, еслибы онъ самъ менѣе переводилъ", писалъ Пушкинъ [2]), и неразъ побуждалъ учителя завестись „крѣпостными вымыслами". Но уже современники открыли въ видимой слабости источники силы. „Какое любопытное существо былъ этотъ человѣкъ, писалъ о Жуковскомъ Вигель. Ни на одного изъ другихъ поэтовъ онъ не былъ похожъ. Какъ можно всегда подражать и всегда быть оригинальнымъ?... Не знаю, право, съ чѣмъ бы сравнить его, съ инструментомъ-ли, или съ машиною какою, приводимою въ движеніе только постороннимъ дуновеніемъ? Чужеязычные звуки, какіе-бъ ни были, нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, налетая на сей русскій инструментъ и коснувшись въ немъ чего-то, поэтической души, выходили изъ него всегда плѣнительнѣе, во сто разъ нѣжнѣе. Лишь бы ему не быть подлинникомъ, дайте ему, что хотите, онъ все украситъ, французскую ничтожную пѣсенку обратитъ вамъ въ чудо, въ совершенство, въ „Узника и мотылька", и мнѣ кажется, еслибъ онъ былъ живописецъ, то изъ Погребенія Кота умѣлъ бы онъ сдѣлать chef-d'oeuvre" [3]). Полевой, отмѣтившій въ Дмитріевѣ „переводной умъ", въ его языкѣ, наблестящимъ въ свое время, отсутствіе истинной поэзіи [4]), нашелъ для Жуковскаго другія краски, другую оцѣнку. „Сличите Орлеанскую Дѣву и особенно Шильонскаго Узника съ подлинниками — совсѣмъ другой цвѣтъ, другой отливъ, хотя сущность вѣрна! Байронъ — дикій, порывистый, вольный, eternal spirit of the chainless mind, дѣлается мрачнымъ, тихимъ, унылымъ пѣвцомъ въ переводѣ Жуковскаго" [5]). Гоголь обобщаетъ:

---

1) Сл. письмо къ Гоголю 20 генваря 1850 г.

2) О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности, 1824 г.

3) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля ч. 2, стр. 58.

4) Очерки II, 471, 475.

5) Тамъ-же I, стр. 136. Иначе, но едва-ли вѣрнѣе, стр. 140: Жуковскій „первый, кажется, открылъ тайну разнообразить слогъ своихъ переводовъ сообразно слогу подлинниковъ". Въ 1827 г. Телеграфъ находилъ въ высшей степени справедливымъ замѣчаніе Воейкова, „что у Карамзина

общая черта нашей литературы — „подражаніе опередившимъ насъ иностранцамъ", но подражаніе своеобразное, не исключающее чисто русскіе элементы. Онъ приводитъ въ примѣръ Державина, Жуковскаго и Крылова. „Что такое нашъ Жуковскій? Это одно изъ замѣчательныхъ явленій, поэтъ, явившійся оригинальнымъ въ переводахъ, возведшій всѣ сильные и малосильные оригиналы до себя, создавшій новый, совершенно оригинальный родъ — быть оригинальнымъ" [1]. „Жуковскій—наша замѣчательнѣйшая оригинальность", повторяетъ Гоголь въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" [2]), у него все взято у чужихъ и больше у нѣмцевъ, но переводчикъ теряетъ собственную личность, а Жуковскій показалъ ее больше всѣхъ нашихъ поэтовъ. Стоитъ пробѣжать его переводы: „вѣрнѣйшій сколокъ слово въ слово, личность каждаго поэта удержана, негдѣ было и высунуться самому переводчику; но когда прочтешь нѣсколько стихотвореній, вдругъ и спросишь себя: чьи стихотворенія читалъ? Не предстанетъ передъ глаза твои ни Шиллеръ, ни Уландъ, ни Вальтеръ Скоттъ, но поэтъ отъ нихъ всѣхъ отдѣльный, достойный помѣститься не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ними рядомъ, какъ равный съ равнымъ". „Лѣнь ума помѣшала ему сдѣлаться преимущественно поэтомъ изобрѣталемъ, лѣнь выдумывать, а не недостатокъ творчества" [3]); источникъ этой лѣни—„свойство оцѣнивать", „останавливаться съ любовью надъ всякимъ готовымъ произведеніемъ", разнимать его до малѣйшихъ подробностей, исчерпать все. Передъ другими

всѣ говорятъ одинаково: и Цицеронъ, и Руссо, и Франклинъ, и Бюффонъ; у Жуковскаго совершенное разнообразіе: онъ передаетъ не только мысль, но и *выраженіе* автора, какъ находитъ его въ оригиналѣ, а это величайшая заслуга, такъ какъ не вѣрность перевода, а *проникновеніе въ духъ и свойство языковъ* создаетъ превосходнаго переводчика". Сл. еще фразистую оцѣнку Бестужева, Полярная Звѣзда 1823 г. (Взгляды на старую и новую словесность въ Россіи): „многіе переводы Жуковскаго лучше своихъ подлинниковъ, ибо въ нихъ благозвучіе и гибкость языка украшаютъ *вѣрность* выраженія. Никто лучше его не могъ облечь въ одежду свѣтлаго чистаго языка разноплеменныхъ писателей; онъ передаетъ всѣ черты ихъ *со всею свѣжестью портрета*, не только съ безцвѣтною точностью силуэтною".

1) Соч. Н. В. Гоголя изд. X, VI, 346 (1836 г.).

2) Въ чемъ-же наконецъ сущность русской поэзіи и въ чемъ ея особенность? Соч. Н. В. Гоголя изд. X, т. IV стр. 177 слѣд.

3) Сл. выше стр. 365, 366.

нашими поэтами онъ то-же, что ювелиръ передъ прочими мастерами. „Не его дѣло добыть въ горахъ алмазъ — его дѣло оправить этотъ алмазъ такимъ образомъ, чтобы онъ заигралъ всѣмъ своимъ блескомъ и выказалъ бы вполнѣ свое достоинство всѣмъ. Появленіе такого поэта могло произойти только посреди русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспріимчивости, данный ему, можетъ быть, на то, чтобы оправить въ лучшую оправу все, что не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами". — Переводъ Одиссеи — „подвигъ, далеко высшій всякаго собственнаго созданія, который доставитъ Жуковскому значеніе всемірное". Въ этомъ смыслѣ Жуковскій и для Бѣлинскаго поэтъ, а не переводчикъ; „переводы его очень несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственныя созданія", „онъ отъ всѣхъ поэтовъ отвлекалъ свое или на ихъ темы разыгрывалъ свои собственныя мелодіи, бралъ у нихъ содержаніе и, переводя его черезъ свой духъ, претворялъ въ свою собственность"[1]).

Такой пріемъ творчества не безъ примѣра: припомнимъ отзывъ Шлегеля [2]) — и такого антипода Жуковскаго, какъ D'Annunzio въ лицѣ Andrea Sperelli (Il Piacere). Для насъ важно то, что Жуковскій давалъ въ чужомъ не только *свое*, но и всего *себя*.

---

1) Сл. Бѣлинскій, Соч. изд. 2-е, ч. IV, стр. 24, въ статьѣ объ Очеркахъ Полевого (1840 г.).

2) Сл. выше стр. 491.

XV.

Народность и народная старина въ поэзіи Жуковскаго.

Какое мѣсто удѣлено въ міросозерцаніи поэта, такъ всецѣло отдававшаго *себя*, идеѣ русской народности, въ ея языкѣ и бытѣ, въ условіяхъ прошлаго и въ идеалахъ настоящаго? Народность у насъ не отдѣляли отъ понятія романтизма—и искали ее у Жуковскаго.

И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, романтики вступили въ наслѣдіе старшаго поколѣнія, отвернувшагося отъ псевдо-классической традиціи къ самосознанію народности, которое въ области литературы поддержано было встрѣчными англійскими теченіями.

Гердеръ создалъ и пустилъ въ ходъ слово Volkslied, боевой кликъ, съ которымъ люди Sturm und Drang'а соединяли представленіе чего-то стихійнаго, голоса природы, звучавшаго въ пѣснѣ первобытнаго человѣка, а теперь дикаря, близкаго къ природѣ, оригинальнаго генія. Такая пѣсня не творится, а происходитъ по внутренней необходимости, она—естественный актъ; ich singe, wie der Vogel singt, повторялось на всѣ лады. Такъ было по теоріи; на самомъ дѣлѣ лишь немногіе, какъ Гёте, способны были открыться очарованію настоящихъ народныхъ пѣсенъ, большинство принимала оптомъ старыя и новыя, уличныя и помѣщичьи, сочиненныя для народа и перешедшіе къ нему. И не штюрмеры разобрались въ этой сумятицѣ, а просвѣтители, какъ Николаи, указали имъ на ихъ фактическое непониманіе Volkslied'а, такъ мало отвѣчавшее теоретическимъ взглядамъ. Но ферментъ остался и очарованіе обновилось: на долю романтиковъ выпало выяснить ту идею

народной поэзіи, которую мы и теперь считаемъ своею. Въ 1806—7 годахъ Arnim и Brentano издаютъ Des Knaben Wunderhorn, за ними братья Гриммы—извѣстное собраніе нѣмецкихъ сказокъ. Сказки пересказаны вольно, но въ стилѣ, къ пѣснямъ Арнимъ отнесся съ свободой поэта, но движеніе уже вышло на сознательный путь научнаго исканія и поэтическаго усвоенія, и въ лирикѣ романтиковъ, какъ и у Гёте, звенитъ струна и отзывается складъ народной пѣсни.

Въ пониманіи современной народной жизни, въ изображеніи родной природы, быта, перебой отъ чувствительно-пасторальнаго освѣщенія къ большей реальности приготовлялся постепенно: онъ замѣтенъ уже у Мюллера и Фосса; явились и попытки литературнаго употребленія нарѣчій, предварившія аллеманскія стихотворенія Гебеля. Но пониманіе нѣмецкой старины еще полно неясной идеализаціи, не различавшей своего и чужого. О кельтахъ и бардахъ знали по Оссіану, о сѣверныхъ скальдахъ по Саксону Грамматику, Олаю, Кохлею и Маллету; тѣхъ и другихъ вмѣнили народному прошлому; Эліасъ Шлегель пишетъ драму на сюжетъ Тевтобургской битвы, раздались бардіэты Рингульфа-Кречмана и Синеда-Дениса, Арминій сталъ героемъ дня (Клопштокъ, Эліасъ Шлегель), имя Hermann—типичнымъ для коренного нѣмецкаго юноши (Hermann und Dorothea). Это было патріотическое возстановленіе; другое шло на встрѣчу чувствительно-анакреонтическимъ теченіямъ нѣмецкой литературы. Уже въ концѣ XVII вѣка нѣмецкій Minnesang вызывалъ интересъ и попытки обновленія (Мошерошъ, Hofmann von Hofmannswaldau); когда благодаря Bodmer'-Breitinger'у, содержаніе большаго пѣсенника Manasse стало извѣстнымъ, интересъ обновился: миннезингеровъ пересказываютъ, имъ подражаютъ (Bodmer, Gottsched, Klopstock, Gleim, гёттингенцы и др.); современная анакреонтика представилась Бодмеру возродившимся миннезангомъ, но подъ условіемъ, чтобы новые поэты признали его своимъ необходимымъ образцомъ. Сочетаніе Minnesang'а съ анакреонтизмомъ привело къ представленію галантнаго рыцарства: у Миллера влюбленный рыцарь день-деньской бродитъ по слѣдамъ своей милой; у Бюргера идиллическая пастушка пасетъ свое стадо на могилѣ гудошника и т. д. Это одна сторона псевдо-исторической идеализаціи, унаслѣдованной и романтизмомъ; съ другой — строгая, скульптурная фигура Гётевскаго Гёца — первая бытовая картина изъ прош-

лаго, отъ которой вѣетъ духомъ исторіи. И у ней была своя исторія: отъ Гёца и Шиллеровыхъ „Разбойниковъ" пошли тѣ безконечные рыцарскіе и разбойничьи романы Veit'а, Weber'а (Wächter'а), Шписа, Крамера и др., въ которыхъ живое пониманіе старины уступило мѣсто элементу приключеній и куда романы Уольполя и Mrs. Рэдклиффъ внесли мрачную фантастику духовъ, привидѣній и скелетовъ.

Когда явились на сцену романтики, выросла вмѣстѣ съ ними и наука нѣмецкой старины, черты которой стали представляться яснѣе и раздѣльнѣе, да и у романтиковъ поворотъ къ ней сознательнѣе; бардъ-Оссіанъ отзывается, по старой памяти, лишь у Гёрреса. И вотъ они увлечены миннезингерами и народными книгами, нѣмецкимъ эпосомъ и сагами, средневѣковымъ театромъ и Гансомъ Саксомъ, Викрамомъ, изъ художниковъ Дюреромъ. Было надъ чѣмъ призадуматься, что опоэтизировать заново, хотя не всегда въ мѣру. Задумчивая фигура Дюрера проходитъ по страницамъ Sternbalds Wanderungen, и жизнь нѣмецкаго художника XVI вѣка возникаетъ передъ нами въ освѣщеніи романтическаго художническаго идеала; картинки средневѣковой купеческой среды вброшены въ мистическую повѣсть Новалиса (Heinrich von Ofterdingen), Ла-Моттъ-Фукэ переноситъ насъ въ эпоху 30 лѣтней войны (Alwin), либо къ крестовымъ походамъ, его кругозоръ обнимаетъ Швецію и Германію, Францію и Африку, на этомъ пространствѣ дѣется что-то таинственное, фатальное, не мѣшающее смѣнѣ южнаго и сѣвернаго освѣщеній и бутафорскому описанію рыцарства (Der Zauberring); Тикъ переноситъ насъ въ мистику католической легенды, къ восторгамъ наивной вѣры, торжествующей среди страданій. Вездѣ идеализація, но подъ нею чувствуется историческая почва, попытка обобщить свое народное прошлое, подвести ему итоги и на нихъ опереть свое самосознаніе.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Жуковскій остался въ преддверіи романтизма.

Начать съ языка. Въ отрывкахъ дневника отмѣчено: Бюргеръ въ балладахъ „единственный, ибо онъ имѣетъ истинно приличный тонъ изобранному имъ роду стихотвореній: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ — счастливое употребленіе *выраженій простонародныхъ* и въ описаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость

и ясность; приличіе и разнообразіе метровъ. Въ особенности изображаетъ онъ очень счастливо ужасное.... Шиллеръ менѣе простъ и живописенъ; языкъ его не имѣетъ *привлекательной простонародности Бюргерова языка*, но онъ благороднѣе и пріятнѣе....; вообще Шиллеровъ языкъ ровнѣе, но онъ не такъ живъ,.... тогда какъ въ Бюргерѣ живость есть, можетъ быть, слѣдствіе свободы, менѣе ограниченной". Бюргеръ ближе „къ простой, обыкновенной природѣ"; Шиллеръ болѣе философъ, а Бюргеръ простой повѣствователь [1]). Съ этой похвалой *простонародности* Бюргерова языка интересно сравнить отзывъ Полеваго. Жуковскій въ басняхъ пытался, „кажется, говорить простонароднымъ языкомъ, но испугался суда современниковъ и пересталъ" [2]); въ 1809 г. онъ находилъ въ басняхъ Крылова „нѣсколько выраженій, противныхъ вкусу, грубыхъ", которыя не понравятся „людямъ, привыкнувшимъ къ языку хорошаго общества" (О баснѣ и басняхъ Крылова). Въ своей Людмилѣ онъ не рискнулъ на реализмъ Катенинской Ольги, и если впослѣдствіи дозволяетъ себѣ вульгаризмы, которыхъ не боялся корректный Дмитріевъ, то главнымъ образомъ въ пьесахъ шутливаго содержанія, долбинскихъ и арзамасскихъ: (взгомозить; шкворень взволдырялъ; и растопорщивши оглобли сани ждутъ; пузо бурчитъ и хлебещетъ; нещечко и др.).

На почвѣ языка легко было смѣшать народность съ простонародностью, въ карамзинскій періодъ ихъ не различали. Народная поэзія ставитъ вопросъ именно о народности.

Любовь къ народной пѣснѣ никогда не умирала даже въ нашихъ офранцуженныхъ дворянскихъ семьяхъ XVIII вѣка. Въ сборникахъ того времени онѣ сосѣдятъ съ захожими романсами; Михаилъ Поповъ исправляетъ россійскія старыя пѣсни, находя ихъ неблагозвучными и грубыми (Россійская Эрато 1792 г.); являются попытки литературнаго подражанія (Львовъ, Николевъ, Дмитріевъ, Богдановичъ, Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ), но для поэтическаго ихъ усвоенія время еще не настало. Державинъ, чуткій къ богатству „славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсенъ", собранныхъ Чулковымъ и Ключаревымъ, не открывалъ въ нихъ „поэзіи": „онѣ

---

1) Сл. Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи Москва, 1853 г., стр. 74, прим. 35.

2) Очерки, I, стр. 110.

одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи басурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобныя нелѣпицы, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющее".

Всего менѣе можно было ожидать отъ поэтовъ сентименталистовъ, которымъ русскій бытъ и русская природа представлялись сквозь призму Кларана и идеализованныхъ швейцаровъ; схема и рефлексія обязывали ихъ къ извѣстной повышенности настроенія и выраженія, и глаза не открывались на тѣ особенности, которыя видѣлъ въ нашихъ пѣсняхъ Полевой: именно въ нихъ „простотѣ, грубости вымысла и изложенія заключаются красоты необыкновенныя", выразился онъ по поводу Мерзлякова и другихъ перелагателей народныхъ пѣсенъ [1]). У Жуковскаго нѣтъ ничего похожаго на свѣжую сезенгеймскую пѣсенку Гёте: Es sah ein Knab' ein Röslein stehn, наша народная пѣсня его не вдохновила ни своимъ просторомъ, ни формой, къ которой былъ такъ чутокъ Пушкинъ, которая вызывала подражанія Дельвига и теоретическо-патріотическіе восторги Кюхельбекера. Характеризуя на старости лѣтъ „домашнія", забавныя стихотворенія Жуковскаго, князь Вяземскій говорилъ, что въ нихъ „поэтъ мечтатель, поэтъ идеалистъ явился поэтомъ *реальнымъ* гораздо ранѣе эпохи процвѣтанія такъ называемой реальной или натуральной школы", и тутъ-же прибавляетъ, что „въ своей домашней поэзіи, на распашку, онъ всетаки остается лебедемъ, играющимъ на свѣжемъ и чистомъ лонѣ свѣтлаго озера, а не уткою, которая полощется въ лужѣ на грязномъ дворикѣ корчмы или харчевни" [2]).—Поэтическій реализмъ гдѣ-то по срединѣ между игрой лебедя и тѣмъ шаржемъ, впадающимъ въ гротескъ, которымъ отличаются многія изъ пьэсъ Жуковскаго, писанныхъ „на распашку".

Все это касается и его стихотворныхъ сказокъ: въ нихъ реальной Русью отзывается развѣ имена Берендея, Ивана Царевича; фантастика не тронута новымъ пониманіемъ или проніей Тика. Пока примѣръ Пушкина не побудилъ Жуковскаго къ литературной обработкѣ сказокъ, онъ интересовался ими

1) Очерки, I, 436.

2) Сл. „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива", Русскій Архивъ 1866 г., № 6, ст. 874.

такъ сказать, поодаль, какъ интересовался и Батюшковъ [1]), просилъ знакомыхъ записывать ихъ: „эта національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія, суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ ихъ и степени просвѣщенія и о старинѣ" [2]). А между тѣмъ онъ часто искалъ на сторонѣ то, что было у него подъ рукою, свою „Спящую царевну" въ сказкахъ Перрò [3]), „Кота въ сапогахъ" и „Тюльпанное дерево" въ собраніи Гриммовъ. Въ 1831 году онъ и Пушкинъ писали взапуски „русскія народныя сказки.... и чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя, дивится Гоголь; кажется появился новый обширный поэтъ, и уже *чисто русскій*; ничего германскаго и прежняго. А какая бездна новыхъ балладъ! Онѣ на дняхъ выйдутъ" [4]). Въ 1831 году напечатана была въ „Новосельѣ" сказка о „Царѣ Берендеѣ", но въ ней нѣтъ того дѣтскаго простодушія, той младенческой искренности, которая составляетъ существенную прелесть народныхъ преданій, писалъ Надеждинъ [5]). Пушкинъ ждетъ отъ Жуковскаго новыхъ балладъ; „былое съ нимъ сбывается опять", повторяетъ онъ его слова въ письмѣ къ Плетневу (въ апрѣлѣ 1831 г.), но что это такое: переводы или сочиненія? „Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говоритъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки и потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все

---

1) Соч. I, 240.

2) Письмо изъ Дерпта зимою 1816 г., Русскій Архивъ 1864 г., ст. 468. Сл. письмо къ Маркевичу 24 февраля 1834 г. Къ 1817—19 гг. относится тетрадь, приготовленная Жуковскимъ для замѣтокъ по „Сѣверной миѳологіи и поэзіи". „Подъ именемъ сѣверныхъ народовъ надо разумѣть обитателей Германіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Бельгіи, Британніи, Исладіи" (л. 2). На л. 16 заголовокъ: „Суевѣрныя мнѣнія, преданія, сказки народныя"; съ листа 17 по 21-й идутъ „народныя мнѣнія и сказанія нѣмцевъ и другихъ народовъ" — извлеченія изъ Добенека. Сл. Бумаги Жуковскаго l. c. стр. 165. — Въ 8-й строфѣ баллады „Старушка" одинъ стихъ, не отвѣчающій оригиналу подсказанъ былъ Жуковскому, можетъ быть, русскимъ повѣрьемъ: вѣдьма „власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла....

3) Полевой, Очерки I, 118.

4) Къ Данилевскому 1831 г. 2 ноября.

5) Телескопъ, 1833 г., ч. XIV, № 5, стр. 100.

еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла". Совѣтъ хорошъ, но едва ли Жуковскій пошелъ бы далѣе елейно-поэтическихъ пересказовъ: тутъ было мѣсто для его „дѣвствованія", тогда какъ Тиковская Genoveva вся состоитъ изъ сплетенія земныхъ и небесныхъ мотивовъ, христіанскаго аскетизма и такихъ эпизодовъ, какъ подсказанная Шекспиромъ сцена у балкона, вся сотканная изъ любви и звѣздъ, цвѣтовъ и луннаго свѣта.

Въ 1845 году Жуковскій предложилъ Плетневу для Современника сказку объ Иванѣ Царевичѣ, „во всѣхъ статьяхъ русскую, разсказанную просто, на русскій ладъ, безъ примѣси постороннихъ украшеній", хотя самъ авторъ сознается, что впряталъ въ нее „многое характеристическое, разсѣянное въ разныхъ русскихъ народныхъ сказахъ; подъ конецъ же я позволилъ себѣ и разболтаться" [1]). Прочтя сказку вмѣстѣ съ Плетневымъ, кн. Вяземскій замѣтилъ, что „такъ называемые ревнители народности" станутъ ее критиковать, скажутъ, „что Иванъ Царевичъ лишенъ яркихъ красокъ сказочнаго русскаго языка и больше представляетъ собою собственное ваше (Жуковскаго) сочиненіе". Иначе судитъ Плетневъ: „въ Иванѣ Царевичѣ не то достоинство, будто бы она (какъ вамъ хотѣлось) удержала въ себѣ весь характеръ той сказочницы, о которой вы такъ живо вспоминаете, но то, что летать съ нимъ легко, чувствуешь около себя дѣйствительно сказочную Русь, рѣчь вездѣ такая понятная и такъ близкая къ русскому сердцу и памяти выросшаго на рукахъ русскихъ нянюшекъ, а между тѣмъ есть и большое разнообразіе, какъ въ самой натурѣ, — разсказъ то шутливъ, то степененъ, то возвышенъ, то простъ. Видно, что эта сказка идетъ не изъ избы мужицкой, а изъ барскаго дома, и говоритъ ее не барской подлипало, а прямой поэтъ" [2]).

„Сказку Жуковскаго о „Жаръ-Птицѣ и сѣромъ волкѣ" я читалъ въ Современникѣ, писалъ брату Н. М. Языковъ (19 генваря 1846 г.); хороша, и очень хороша, хотя и не соблюдено въ ней уваженіе къ русскимъ сказкамъ: въ нее ввелъ Жуковскій и Бабу-Ягу и гусли-самогуды и кое что прибавилъ. Это, по моему, не годится въ нѣкоторомъ смыслѣ" [3]).

1) Къ Плетневу 1 іюля 1845 г.
2) Плетневъ Жуковскому 25 декабря 1845 / 6 генваря 1846 г.
3) Русская Старина 1903 г. мартъ стр. 537.

Понятно, что при указанныхъ условіяхъ, русскій бытъ и природа должны были являться въ нѣсколько отвлеченныхъ поэтическихъ образахъ, не свидѣтельствующихъ о непосредственномъ наблюденіи. Въ первомъ текстѣ „Марьиной рощи" Марія сидитъ за самопрялкой и роняетъ веретено; издатель Аглаи замѣтилъ автору, что Марія могла уронить веретено только сидя за прялкой, Жуковскій отдѣлывается шуткой: его Марьина роща, будто бы, вся основана на древнихъ рукописяхъ и преданіяхъ; въ одной рукописи, современной, кажется, великому князю Владиміру, сказано, что Марія сидѣла за самопрялкой, въ другой, временъ Владиміра Мономаха, говорится о веретенѣ. Авторъ свелъ оба показанія, пожертвовавъ естественною вѣроятностью вѣрности исторической. Для чего бы, напримѣръ, и мнѣ, вмѣсто того, чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва понятными записками древнихъ бытописателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестьянки: имѣетъ ли она въ рукахъ веретено въ то время, когда сидитъ за самопрялкой? Она отвѣчала бы мнѣ рѣшительнѣе всякаго манускрипта, современнаго великому князю Владиміру". Показателемъ русской природы, въ сентиментальномъ освѣщеніи Жуковскаго, является въ „Марьиной рощѣ" и „Трехъ поясахъ" цвѣтокъ: Маткина душка. Въ „Свѣтланѣ" русскихъ бытовыхъ подробностей больше, но онѣ декоративныя, не подчеркивающія впечатлѣнія—народности.

Необходимо, замѣтить, что чувство народнаго, мѣстнаго у Жуковскаго вообще какъ-то схематично-отвлеченно, изображаетъ-ли онъ русскую, восточную или западную жизнь. Въ его переводахъ названія мѣстностей часто опущены, и вы недоумѣваете, гдѣ вы, и какіе нравы васъ окружаютъ. Въ „Пѣснѣ бѣдняка" (изъ Уланда) благовѣстъ замѣнилъ органъ, дьячки въ стихаряхъ и кадила являются въ „Старушкѣ" изъ Саути; въ „Воскресномъ утрѣ въ деревнѣ" Гебеля, которымъ Жуковскій такъ увлекся въ Дерптѣ [1]), богослуженіе совершается по нашему обряду, а

1) Батюшковъ не раздѣлялъ его вкуса; его письмо къ Жуковскому (1-го августа 1819 г.) относится къ тѣмъ многимъ, предупредительнымъ, въ которыхъ выражались опасенія его друзей: „прошу тебя писать ко мнѣ; чего тебѣ стоитъ, когда ты имѣешь время писать ко всѣмъ фрейлинамъ, и еще время переводить какого-то Базельскаго Пиндара на какіе-то пятистопные стихи, и со всѣмъ этимъ — писать еще, какъ Жуковскій!" (сл. выше стр. 303 слѣд.).

въ „Дочкѣ хозяйки“ (изъ Уланда) мы встрѣчаемся съ русской картиной: „Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ“. Въ переводѣ „Овсянаго киселя“ (изъ Гебеля) нѣмецкое настроеніе осталось, не смотря на русскія имена („и Иванъ, и Лука, и Дуняша“) и такія выраженія, какъ „гнѣдко“ = Esel, „заскородилъ овесъ“, „колосъ оброшенный“.

Историческія повѣсти и поэмы Жуковскаго отражаютъ то же пониманіе въ области народной старины. Оно восходитъ къ историческимъ представленіямъ и операмъ Екатеринѣ II и Державина и къ сказкамъ Чулкова, передѣлавшаго на манеръ Bibliothèque Bleue „повѣствованія, которыя разсказываютъ въ каждой харчевнѣ“. Далѣе традиція продолжается отъ „Добродѣтельной Розаны“ Лазаревича (1782 г.) и „Владиміра“ Хераскова (1785 г.) до „Славянъ“ Богдановича и первыхъ опытовъ Карамзина („Наталья, боярская дочь“, 1792 г.; неоконченный „Илья Муромецъ“, 1794 г.) и Радищевыхъ („Бова“ Александра Радищева и „Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ“ Николая Радищева, 1801 г.). „Вадимъ“ Жуковскаго явился въ одинъ годъ съ „Марфой Посадницей“ Карамзина и анонимной „Ольгой“ (1803 г.). Въ слѣдующемъ году вышелъ, по смерти автора, отрывокъ „Добрыни“ Н. Львова; „Оскольдъ“ М. Н. Муравьева, напечатанный въ 1810 году, написанъ, быть можетъ, ранѣе.

Вездѣ одинъ и тотъ-же сентиментально-классическій или оссіановскій, позже романтически-рыцарскій рецептъ (Кюхельбекеръ, Марлинскій, кн. А. Н. Одоевскій); историческое освѣщеніе — патріотическое, крикливое или идиллическое. Дворъ Чулковскаго Владиміра славится, несчетныя сокровища потрачены на „огромныя зданія, народныя и государственныя“; у князя „милліонъ войска“ лишь для великолѣпія монаршаго: съ него довольно и богатырей, съ ними „легко было бы ему завоевать цѣлый свѣтъ, если бы не удержали его отъ этого добродѣтели“. Какъ русская природа идеализовалась иной разъ на манеръ швейцарской Аркадіи, такъ и на народную старину переносили укладъ западной средневѣковой жизни, отъ Атиллы до рыцарства включительно. Оттуда шла и фантастика, наивно мѣшавшаяся съ тѣмъ, что знали о русской, ставившая Перуна рядомъ съ Одиномъ (у Екатерины II), бабу ягу съ Венерой (Державинъ, „Добрыня“). „Барды“ держатся у насъ отъ Державина до Жуковскаго и Языкова; въ „Поэзіи“ Карамзина бардъ — Моисей. Излюблены русско-варяжскія отношенія и пошли въ

ходъ скальды и Валгалла, Валки-валкиріи (Державинъ и др.);
скальды и Бальдеръ, Перунъ и Радегастъ перенесены къ вре-
менамъ Атиллы въ славянскихъ пѣсняхъ Львова, подражаніи
амазонскимъ пѣснямъ Вейса, которыя Львовъ считаетъ сла-
вянскими [1]). Имена богатырей взяты изъ Чулкова, изъ него же
или изъ Попова, Львова, Кайсарова—фантастическая славяно-
русская миѳологія: Перунъ, Святовидъ, Лада и волшебница
Добрада. Державинъ („Добрыня") нашелъ ее въ чулковской
сказкѣ, гдѣ она — благодѣтельная фея, покровительница Доб-
рыни, который и получилъ отъ нея свое имя; въ другомъ мѣстѣ
Державинъ описываетъ „домъ благодатныя, неблазныя Доб-
рады, Богини всякаго добра" съ примѣчаніемъ, что это „богиня
древнихъ сѣверныхъ народовъ" („Обитель Добрады" 1808 г.).
Она является въ „Трехъ поясахъ" Жуковскаго, мы съ ней еще
встрѣтимся. — У Хераскова Усладъ — славянскій богъ, какъ у
Глинки („Древняя религія славянъ") и Кайсарова („Славянская
миѳологія", съ ссылкой на Хераскова); „богъ пиршествъ и рос-
копи, чтимый въ Кіевѣ" (Львовъ) [2]); у Жуковскаго это подхо-
дящее имя для влюбленнаго пѣвца, въ которомъ онъ любилъ
изображать себя [3]); авторъ „Ольги" изобрѣтётъ и „Разсуду-
Минерву". Сказывается вліяніе мотивовъ „Слова о полку Иго-
ревѣ": Херасковъ подражаетъ плачу Ярославны, Баянъ обоб-
щается въ томъ же значеніи, какъ бардъ и скальдъ. Среди
именъ Владимира, Игоря, Гостомысла (богатырь у Глинки),
Радегаста (богъ варяжскихъ славянъ у него же, Кайсарова,
Львова) посчастливилось Рогдаю Никоновской лѣтописи: Хера-
сковъ въ своемъ „Владимирѣ возрожденномъ" (1785 г.) изобра-
зилъ этого рыцаря вольнодумцемъ, готовымъ помѣряться съ Бо-
гомъ; у Львова онъ стоитъ въ перечнѣ владимировыхъ богатырей
(Яна, Рогдая, Муромца Ильи, Александра, Андріана, Добрыни) [4]).

---

1) Иппокрена, 1801 г., часть 8, стр. 230 слѣд., ч. 10, стр. 353 слѣд.; сл. ib.
ч. 9 его элегіи къ Миленѣ и къ богамъ, стр. 193 слѣд. и 273 слѣд.

2) Иппокрена 1801 г., часть 9, стр. 231, прим. 5.

3) „Марьина роща"; въ „Жалобѣ", передѣлкѣ Шиллеровскаго Der Jün-
gling am Bache, Усладъ замѣнилъ безыменнаго Jüngling, Knabe. Сл. стихо-
твореніе кн. Вяземскаго „Усладъ", Полн. собр. соч., т. III, № CI, и сказку
В. Л. Пушкина „Людмила и Усладъ" на тему, что собака вѣрнѣе любов-
ницы, Труды общества любителей русской словесности ч. XIII, 1819 г.,
стр. 67 слѣд. Сл. „Пѣвецъ Усладъ" Катенина и чувствительнаго пѣвца,
баяна, Услада у Языкова.

4) Иппокрена 1801 г., ч. 10, стр. 409; сл. его-же: Храмъ славы россій-

Его знаетъ Жуковскій („Марьина роща" 1803 г.), Нарѣжный („Славянскіе вечера" 1809 г.: Рогдай); въ балладѣ Кюхельбекера („Рогдаевы псы") онъ — новгородскій посадникъ, могучій и смѣлый, попавшій „въ опасный полонъ неисходной любви" къ своей ливонской плѣнницѣ, которая предпочла ему другого похитителя — татарина. Тема та же, что въ сказкѣ В. Пушкина („Людмила и Усладъ"). — Но въ особенной модѣ Вадимъ. Онъ издавна являлся типомъ патріота, либо носителемъ общественной идеи: онъ интересуетъ Екатерину II, Княжнина, Хераскова и Муравьева, Карамзина и Жуковскаго, Раевскаго, А. С. Пушкина, Рылѣева, Хомякова [1]). Княжнинъ сдѣлалъ его глашатаемъ народной свободы, въ Оскольдѣ Муравьева Вадимъ, возставшій противъ Рюрика и потерпѣвшій пораженіе, явился въ освѣщеніи сентиментализма и оссіанизма на классической канвѣ: на сценѣ „дѣвы мстительницы", сѣверныя „неутомимыя валки", чертоги Одина, восторженный скальдъ и Вальмиръ, питающій на дикихъ берегахъ Чудскаго озера глубокую свою задумчивость. „Вадимъ" Жуковскаго написанъ въ томъ же тонѣ: мѣсто дѣйствія — берега Ладоги, осенній вечеръ; солнце катится въ шумящее озеро, воетъ вѣтеръ, летятъ мрачныя облака и дымятся сѣдые туманы. Изгнанникъ Гостомыслъ, когда-то властитель Новгорода, которымъ завладѣли иноплеменники, сидитъ на порогѣ хижины и поетъ подъ звуки арфы: „Шумите, шумите вѣтры, чада угрюмаго Посвиста (Борей славянскій)". Сюда является къ нему Вадимъ, сынъ Гостомыслова друга Радегаста, прелестный, какъ Дагода (= Зефиръ), величественный, какъ Святовидъ (богъ лѣта и брака, которому покланялись славяне Рюгена). Онъ когда-то видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ, видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста, видѣлъ вѣнцы, летящіе къ ногамъ его сына, и „вообразилъ себя сыномъ Великаго Новгорода". Что разумѣется подъ „гражданиномъ", остается неяснымъ, ибо повѣсть, планъ которой снятъ съ флоріановскаго Вильгельма Телля, не кончена,

---

скихъ героевъ отъ временъ Гостосмысла до царствованія Романовыхъ. СПБ. 1803 г., стр. XXXVII и 19: раменистый Рогдай.

1) 23 ноября 1825 г. Сергѣй Ив. Тургеневъ писалъ Жуковскому изъ Москвы, рекомендуя молодого Хомякова: „заставьте современемъ прочесть себѣ его поэму Вадимъ". Сл. Русскій Архивъ 1902 г., іюль, стр. 457.

но мы можемъ предугадать освѣщеніе Жуковскаго, если вспомнимъ, что для него понятія гражданственности, свободы, исчезали въ требованіи личнаго развитія, преуспѣянія человѣчности, „души". Позже обновляется Княжнинскій взглядъ на Вадима; когда Кюхельбекеръ читалъ въ Парижѣ о либеральномъ движеніи въ Россіи, Вадимъ былъ для него представителемъ Новгородской вольности; такъ и въ неконченной думѣ Рылѣева.

Уже первыя послѣ „Вадима" повѣсти Жуковскаго, „Три пояса" и „Марьина Роща" (1808 г.), даютъ понятіе о той идиллической и вмѣстѣ торжественной утопіи, какой представилась ему русская древность. Между этими повѣстями, не лишенными автобіографическаго значенія, и „Двѣнадцатью Спящими Дѣвами" („Громобой" 1810 г., „Вадимъ" 1817 г.) слѣдуетъ помѣстить „комическую оперу", до послѣдней поры остававшуюся въ рукописи и, вѣроятно, никогда не предназначавшуюся къ обработкѣ: „Богатырь Алеша Поповичъ, или страшныя развалины" [1]). Она въ прозѣ, съ стихотворными партіями, романсами и дуэтами для пѣнія, и снабжена подробными сценическими указаніями. Набросокъ (1804—8 гг.) писанъ на бумагѣ 1804 г.; въ томъ же году Державинъ напечаталъ своего „Добрыню", театральное представленіе съ музыкой, содержаніе котораго навѣяно Чулковской сказкой. Связь между этой пьесой и либретто Жуковскаго представляется очень вѣроятной: то же смѣшеніе прозы съ пѣснями, при чемъ во многихъ случаяхъ преимущество народнаго колорита на сторонѣ Державина; тотъ же кропотливый сценарій, есть сходныя положенія, тѣ же роли Добрады и Торопа, комическая партія котораго намѣчена; Жуковскій довелъ своего Барму до шаржа. Разница въ фантастикѣ: у Державина она сказочно-классическая, Жуковскій ударился теперь въ ту фантастику, которую ввели въ моду нѣмецкіе романы 80—90 годовъ, полные привидѣній и разбоевъ, кровосмѣшеній и таинственной игры случая. Все это нравилось Жуковскому, пока въ грубоватомъ подражаніи, и все это одухотворится: Алеша приготовитъ „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ", пересказанныхъ по роману Шписа. Какъ Вадимъ будитъ дочь грѣшнаго Громобоя изъ ея волшебнаго сна и женится на ней, такъ въ либретто Алеша Поповичъ путемъ разныхъ приключеній добываетъ

---

1) Напечатана впервые въ изданіи проф. Архангельскаго, т. 4-й, стр. 78 слѣд.

дочь Громобоя Любимиру, которую скупой бояринъ не хотѣлъ выдать за бѣднаго богатыря; Вадимомъ руководитъ какой-то таинственный старецъ, Алешей духъ убитой мужемъ Милолики, являющійся въ видѣ старца. Судя по тому, что въ трехъ мѣстахъ рукописи вмѣсто Любимиры стоитъ зачеркнутое имя Матильды, мы вправѣ предположить, что, какъ для „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ", Жуковскій могъ заимствовать канву либретто изъ какого-нибудь нѣмецкаго источника: имя Матильды напоминаетъ героиню Новалиса (Heinrich von Ofterdingen). Освѣщеніе русской жизни—средневѣковое рыцарское; кромѣ Алеши, богатыри (Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Василій Богуславичъ, Еруслапъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ) являются исключительно въ качествѣ хора: ихъ застава — гостинница Силуяна, къ которой дѣйствіе постоянно возвращается; они пьютъ подъ пѣсню и балалайку Соловья-пѣвца, либо куда-то ѣдутъ, и снова въ гостинницѣ. Соловей видѣлъ въ Кіевѣ, какъ на „играхъ богатырскихъ" отличился Алеша, видѣлъ, „что вы очень умильно поглядывали на прекрасную Любимиру, дочь боярина Громобоя, что вы даже краснѣли, когда нечаянно встрѣчались съ нею глазами, что она сама краснѣла, что вы одни ее занимали". Алеша сознается, что влюбился: „побѣдилъ и остался побѣжденнымъ". Илья говоритъ въ томъ же тонѣ: видно „плѣнила тебя какая-нибудь красная дѣвушка", спрашиваетъ онъ Чурилу. Чурило: „Я не смотрѣлъ на нихъ! И было ли время смотрѣть"? „Не смотрѣлъ! Право? Какой чудакъ! Для чего же ты живешь на свѣтѣ? По моему мнѣнію человѣкъ, у котораго сердце не забьется при видѣ красавицы, конечно, безъ нужды бременитъ землю. Я бы посовѣтывалъ ему поскорѣе утопиться". Любимира, успѣвшая полюбить Алешу, просватана за богатаго Калиту, но Алеша получитъ ея руку, если совершитъ подвигъ — искупленія. Недалеко отъ Кіева стоялъ замокъ богатыря Горюна, котораго прозвали разбойникомъ „за то, что онъ разбойничалъ по дорогамъ; говорятъ, что онъ былъ другъ одного злаго чародѣя людоѣда, безбожника, сожженнаго молніей Перуна". Долго онъ „проказничалъ на семъ свѣтѣ, не было отъ него проходу ни встрѣчному, ни поперечному"; онъ зарѣзалъ свою жену Милолику, духъ которой не знаетъ съ тѣхъ поръ покоя; наконецъ онъ и самъ пропалъ не вѣдомо куда, замокъ его обратился въ развалины, „тамъ дѣлаются страшныя чудеса: тамъ видятъ огромныхъ волотовъ съ

огненными глазами, рогатыхъ лѣшаевъ, русалокъ, которыя кричатъ, воютъ, плачутъ, смѣются". Въ развалинахъ богатый кладъ, кто успокоитъ духъ Милолики, тому онъ и достанется. Алеша смѣется надъ этими росказнями: онъ „пересмѣшникъ", какъ въ былинахъ [1]), влюбленъ, какъ и былевой Алеша охотникъ до любовныхъ приключеній: можетъ быть, такая же идеализація пѣсеннаго типа, какъ кощунствующій Рогдай у Хераскова напоминаетъ былину о гибели богатырей на Руси. — Милолика является ему въ образѣ старика и говоритъ, что онъ достигнетъ своей цѣли, т. е. достанетъ Любимиру, если побѣдитъ препятствія и не забудетъ „о бѣдномъ, страждущемъ духѣ въ ужасныхъ развалинахъ"; то же повторяетъ ему и его покровительница, волшебница Добрада: онъ избранъ Чернобогомъ, чтобы прекратить страданья Милолики, и въ награду за смѣлость получитъ руку милой.

Въ дальнѣйшихъ подвигахъ Алеши принимаетъ участіе его оруженосецъ Барма (сказочное имя) „кудрявая голова", трусъ, хвастунъ и объѣдало, напоминающій своей ролью Лепорелло; въ сущности, одна его партія и даетъ право на названіе оперы комической. Прежде всего Алеша ѣдетъ къ Громобою, говоритъ, что любитъ его дочь, „какъ должно совѣстному богатырю", и „что одна любовь дѣлаетъ жену счастливою" и т. д. Громобой отказываетъ; „Бѣдный я человѣкъ! плачется Алеша; Лада мнѣ жестоко отмстила! Я прежде смѣялся надъ любовью, называлъ ее сумашествіемъ, думалъ объ однихъ сраженіяхъ, гонялся за дикими звѣрями, побивалъ войска и побѣждалъ богатырей, теперь люблю страстно и пламенно.... Но развѣ нѣтъ никакой надежды?... а волшебница Добрада?" Онъ готовъ дѣйствовать. Между тѣмъ въ теремъ Любимиры, бесѣдовавшей съ мамкой о своей несчастной любви, является въ образѣ дѣвочки Добрада и поетъ подъ звуки лиры романсъ, въ которомъ вѣщаетъ ей, что „милый другъ сердца" скоро явится. Волшебница исчезла, а Алеша уже въ теремѣ происходитъ объясненіе въ любви, прерванное появленіемъ Калиты и Громобоя; его челядь окружила и обезоружила Алешу, но раздается громовый ударъ, является „духъ въ видѣ воина,

---

1) „Богатырь забавнѣйшій изъ всѣхъ, заслужившихъ сіе имя"; „не столько славенъ своею силою, какъ хитростью и забавнымъ нравомъ". См. Чулковъ, Русскія сказки, Повѣсть о Добрынѣ.

покрытаго черными латами съ закрытымъ забраломъ шлема". Развѣ мало одного убійства? обращается онъ къ Калитѣ; при этомъ задняя декорація поднимается, „видѣнъ черный лѣсъ, на землѣ лежитъ женщина, окровавленная, съ кинжаломъ въ груди. Геній смерти въ покрывалѣ съ потупленною головою, обративъ факелъ жизни, погашаетъ его". Женщина эта — Мирослава, дочь стараго Добрыни, убитая Калитой за то, что отвергла его любовь. „О Перунъ! я погибъ!" кричитъ Калита и падаетъ на землю; духъ и Алеша Поповичъ исчезаютъ.

Богатыри сидятъ у Силуяна, они узнали объ участи Алеши и готовятся отмстить за „названнаго брата", когда является и онъ самъ; комическая сцена съ Бармой, который слышалъ о приключеніи въ палатахъ Громобоя и принимаетъ Алешу за привидѣніе. Между тѣмъ Громобой готовится бросить дочь въ погребъ, пока она не согласится на бракъ съ Калитой, но Добрада въ видѣ генія съ арфой уводитъ ее на глазахъ у всѣхъ, а духъ Милолики (въ образѣ старушки) говоритъ, будто Любимира утопилась въ Днѣпрѣ; Калиту она предостерегаетъ, что онъ семь разъ будетъ убійцей невинныхъ для искупленія смерти своей матери; шесть убійствъ уже совершилось, седьмое совершится съ его смертью. Калита оказывается сыномъ Милолики.

Въ слѣдующемъ явленіи Алеша и Барма идутъ къ развалинамъ по лѣсу, мѣсяцъ свѣтитъ, Добрада въ видѣ мальчика передъ ними съ факеломъ въ рукѣ; Барма труситъ, какая-то рука бьетъ его по зубамъ; онъ принимаетъ дерево за великана, проситъ, чтобъ ему позволили вернуться, и ужасный духъ съ дубиною и огромнымъ фонаремъ отводитъ его назадъ въ гостинницу. — Алеша въ развалинахъ: „на стѣнахъ мохъ, трава. Окна, двери обрушились. Въ горницѣ, пространной, со сводомъ, видны признаки скораго бѣгства. Разбросанныя платья; на столѣ горятъ два свѣтильника, на полу кинжалъ". Явленіе духа Милолики. „Меня умертвилъ супругъ мой. Я спасла одного несчастнаго юношу, котораго онъ измѣннически заманилъ въ свой замокъ, затѣмъ, ограбивъ, заколол". Алеша долженъ отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ Горюнъ, и похоронить съ нимъ тѣло Милолики, брошенное имъ въ источникъ; лишь тогда она успокоится „въ объятіяхъ Чернобога"; ея сынъ Калита никогда не зналъ ни отца, ни матери, и не узнаетъ (какъ въ романѣ Шписа, что́ Жуковскій опустилъ въ своихъ „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвахъ); „онъ долженъ семь разъ сдѣлаться убійцею въ 34 года

своей жизни, когда же они пройдутъ, онъ долженъ, въ отмщеніе, умереть отъ руки своей матери". Алеша обѣщаетъ все сдѣлать; духъ исчезаетъ; Добрада съ пальмовой вѣтвью является позади богатыря и уводитъ его съ собою. Бьетъ 12 часовъ, входитъ Барма (духъ привелъ его не въ гостинницу, а къ развалинамъ) и съ испуга прячется подъ столъ; привидѣнія бѣгаютъ по горницѣ, поютъ „страшнымъ хоромъ", пляшутъ, но дѣлаются недвижимыми при появленіи Добрады; столъ, подъ которымъ сидѣлъ Барма, исчезаетъ, а самъ онъ вылетаетъ въ окно на огромной летучей мыши. Стукъ и трескъ, занавѣсъ падаетъ.

Богатыри сидятъ въ гостинницѣ; входитъ Милолика въ видѣ богатыря, въ черной бронѣ, съ пергаментнымъ свиткомъ въ рукахъ, обернутымъ въ черный крепъ, и приглашаетъ всѣхъ въ замокъ Громобоя быть свидѣтелями его поединка съ Калитой: онъ убійца Мирославы. Богатыри обѣщаются и идутъ искать Алешу, чтобы и ему сообщить это извѣстіе. Между тѣмъ Алеша плутаетъ по лѣсу, нашелъ Барму, котораго летучая мышь оставила на утесѣ, но служители Добрыни признали его по вооруженію, похожему на вооруженіе Калиты (голубой панцырь, бѣлыя перья на шлемѣ), за убійцу ихъ боярышни, осилили его и ведутъ. „То-то молодецъ! Насилу его взяли, говоритъ Барма, спрятавшійся во время боя въ кусты. И я не трусъ! Я бы имъ не дался въ руки! Но въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться". Когда Добрада, явившись въ видѣ дочери лѣсника, спрашиваетъ, откуда онъ, онъ отвѣчаетъ, что прямо изъ сраженія: „мы сражались, какъ отчаянные!.... Всѣ убѣжали. Я одинъ остался, какъ видишь, непобѣдимымъ". Добрада хочетъ проучить хвастуна; въ слѣдующей продѣлкѣ участвуетъ и Милолика, являющаяся лѣсниковой дочерью, за которой начинаетъ ухаживать Барма, а затѣмъ обращающаяся въ дряхлую, безобразную старуху. Шутка кончается тѣмъ, что духи окружаютъ Барму и выгоняютъ его бичами.

Богатыри пріѣзжаютъ къ Громобою, Чурило обвиняетъ Калиту, и бой назначенъ. Милолика освобождаетъ Алешу, котораго Добрыня заключилъ въ погребъ; Добрынѣ она говоритъ, что убійца его дочери — Калита, съ нимъ сразится Алеша.

Мѣсто поединка огорожено черными периламы, на черныхъ скамьяхъ богатыри, судьи поединка, въ черныхъ латахъ. Во время боя является духъ Мирославы и Милолика въ образѣ

старика; она удерживаетъ Калиту, бросившагося съ булавой на Алешу, у котораго сломался мечъ; заставивъ Калиту признаться въ убійствѣ и принявъ свой собственный видъ, она поражаетъ его кинжаломъ: „умирай отъ кинжала своей матери“!

— „Моя мать!“ восклицаетъ онъ, падая.

Громобой горюетъ по дочери; онъ одинокъ, на что ему богатства? Онъ сталъ добрѣе и пріютилъ у себя старушку-Любимиру и мальчика-Добраду: онѣ замѣнятъ ему потерю. Любимира открывается ему; отецъ въ восторгѣ, посылаетъ за Алешей и богатырями, велитъ все готовить для помолвки, хочетъ веселиться.

А между тѣмъ Алеша съ Бармой ѣдутъ къ пустыннику-Милоликѣ: она показываетъ Алешѣ его будущее (видѣніе его брачнаго торжества въ храмѣ Лады) и прошедшее (видѣніе Алеши-пловца, корабль котораго разбивается о камни, старикъ является посреди волнъ и спасаетъ его) и говоритъ о несчастномъ, тридцать лѣтъ томящемся здѣсь въ подземельѣ: онъ страдаетъ „за свои преступленія, желаетъ смерти, которая бѣжитъ отъ него, проклинаетъ жизнь и живетъ“, пока какой-нибудь смѣлый юноша не согласится добровольно подать ему руку помощи. Алеша сходитъ въ подземелье (пока Добрада потѣшается надъ Бармой); передъ нимъ Горюнъ въ цѣпяхъ, блѣдный, сухой, борода по колѣна; когда-то онъ звался Пересвѣтомъ, затѣмъ его прозвали Горюномъ; убійства и грабежи были ему забавой; когда онъ заколоъ Милолику, духи мщенья повергли его въ подземелье, заковали въ оковы; здѣсь онъ томится, милосердный пустынникъ (Милолика) приноситъ ему пищу. Алеша говоритъ ему, что успокоеніе Милолики требуетъ, чтобы онъ оставилъ это мѣсто; оковы падаютъ съ Горюна; громовый ударъ, и онъ узнаетъ глухой лѣсъ, источникъ, куда онъ бросилъ тѣло убитой, въ сторонѣ развалины замка. Алеша открываетъ ему, что онъ до тѣхъ поръ будетъ страдать и странствовать, пока его прахъ не будетъ покоиться подлѣ костей Милолики. „Рѣшись, Пересвѣтъ!“ и тотъ готовъ безъ трепета покориться, приближается къ источнику и падаетъ въ него, сраженный молніей. Преображенная Милолика является въ облакѣ, съ оливной вѣтвью въ рукахъ, благодаритъ Алешу за свое избавленіе; сокровища въ развалинахъ достанутся ему, пусть спѣшитъ въ объятья Любимиры.

Либретто кончается картиной съ участіемъ Добрады и духовъ: пылающій жертвенникъ, богатыри; Любимира бѣжитъ въ объятія Алеши, Громобой соединяетъ ихъ руки.

Таково содержаніе „Алеши"; онъ остался въ черновикѣ, но „Громобой" и „Вадимъ" вышли изъ тѣхъ же матеріаловъ. Имя Громобоя взято, вѣроятно, изъ Чулковской сказки („Повѣсть о дворянинѣ Заолешанинѣ, богатырѣ, служившемъ князю Владиміру"); тамъ его настоящее имя Свенелдъ; по смерти Святослава онъ удалился въ деревню по побужденію волшебницы Добрады, предвидѣвшей, что его сердце, дотолѣ упражнявшееся въ одной храбрости, готовилось дать дань природѣ, что въ праздности и уединеніи должно оно полюбить. Но такъ какъ „опредѣленіе судебъ конечно участвуетъ въ бракахъ", Свенелдъ никого не могъ полюбить, кромѣ Милены, и онъ ищетъ ее, самъ того не вѣдая. Милена зачарована; ея освободитель долженъ быть „пригожъ, добродѣтеленъ и неустрашимъ". И Добрада ведетъ Громобоя къ Миленѣ; ихъ сынъ Звениславъ, дворянинъ Заолешанинъ. — „Громобой" Каменева (отрывокъ) взятъ изъ сказки; кромѣ имени главнаго дѣйствующаго лица (Громобой, наперсникъ Святослава), еще и Звениславъ; вмѣсто Милены = Калханта.

Чулковская сказка указывала на мотивы, приготовлявшіе къ мотивамъ исканія у Шписа. Но надо сличить съ ними „балладу" Жуковскаго, чтобы оцѣнить пріемы его „подражательнаго творчества". Ненужныя повторенія фантастическихъ приключеній удалены, планъ сталъ яснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго, нездѣшняго усилилось; по обычаю смягчены эпизоды соблазнительнаго или вообще реальнаго характера: нѣтъ безконечныхъ любовныхъ искушеній, опущенъ разсказъ о необычныхъ условіяхъ, въ которыхъ, по требованію сатаны, долженъ родиться Вилибальдъ-Вадимъ. Въ концѣ романа Вилибальдъ женится, у него 8 сыновей и 4 дочери; въ старомъ планѣ „Искупленія" Вадимъ соединяется съ „любезной и идетъ въ домъ родительскій"; въ „Вадимѣ" все это окружено какой-то неизъяснимой тайной: тайна въ храмѣ, гдѣ

Передъ угодникомъ горитъ,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда,

гдѣ кто-то „свѣтлый“ простерся въ алтарѣ передъ потиромъ, тогда какъ Вадимъ съ подругой очутились передъ налоемъ и слышится „гимнъ вѣнчальный“. Все это едва намѣчено, не досказано, все ведетъ къ сценѣ искупленія грѣшника. Этого искупленія ждутъ, и увѣренность является;

И было все для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенны древеса
Съ вершинами живыми,
И, какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними.

Впечатлѣніе такое, какъ будто все это дѣется гдѣ-то „тамъ“, въ мірѣ сказки, воздвигающей на Днѣпрѣ, подъ Кіевомъ, средневѣковые замки и надѣляющей новгородскаго Вадима не только красотой, мужествомъ „и сердца простотою“, но и настроеніемъ сентименталиста:

Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?....
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

„Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“ даютъ намъ приблизительное понятіе о томъ, что вышло бы изъ поэмы „Владимиръ“, которую Жуковскій затѣялъ въ 1809—1810 годахъ и слѣды которой можно намѣтить до начала 20-хъ годовъ. Эпическая поэма была въ чести; ее ждали отъ Жуковскаго [1]). „Пиши своего Володимира“, поощряетъ его Батюшковъ 26 іюня 1810 г.; планъ еще зрѣетъ въ его головѣ; онъ готовится къ нему, хочетъ „имѣть основательное понятіе о древности славянской и русской“; затѣваетъ путешествіе въ Кіевъ (къ Тургеневу августа 1810 г.); въ слѣдующемъ письмѣ (12 сентября) онъ откровеннѣе: Тургеневъ совѣтовалъ ему предпочесть Свято-

1) Пушкинъ ждалъ ее отъ Гнѣдича: „Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая, писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ?“ (1825 г. 23 февраля, Михайловское).

слава Владиміру, но „Владиміръ есть нашъ Карлъ Великій, а богатыри его — тѣ рыцари, которые были при дворѣ Карла; сказки и преданія пріучили насъ окружать Владиміра какимъ-то баснословнымъ блескомъ, который можетъ замѣнить самое историческое вѣроятіе. Читатель легче вѣритъ вымысламъ о Владимірѣ, нежели о Святославѣ, хотя послѣдній по героическому характеру своему и болѣе принадлежитъ поэзіи, нежели первый. Благодаря древнимъ романамъ, ни Аріосту, ни Виланду никто не поставилъ въ вину, что они окружили Карла Великаго рыцарями, хотя въ его время рыцарства еще не существовало. Что же касается святости Владиміра, то можно говорить объ немъ и заставить его дѣйствовать приличнымъ образомъ его историческому характеру; къ тому же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ не онъ, а я его сдѣлаю точкою соединенія всѣхъ постороннихъ дѣйствій, для сохраненія единства. Поэма же будетъ не героическая, а то, что нѣмцы называютъ romantisches Heldengedicht, слѣдовательно я позволю себѣ смѣсь всякаго рода вымысловъ, но на ряду съ баснею постараюсь вести истину историческую, а съ вымыслами постараюсь соединить и вѣрное изображеніе нравовъ, характера времени, мнѣній, позволяя, однако, себѣ нравы и мнѣнія временъ до Владиміра перенести въ его время, ибо это принадлежитъ къ вольности стихотворнаго дворянства, даннаго нашей братьѣ императоромъ Фебомъ“.

О „Владимірѣ“ упоминаетъ Жуковскій и въ письмахъ къ Тургеневу отъ 4 и 7 ноября того же года („Владиміръ будетъ моимъ фаросомъ“). Въ 1809—1812 годахъ онъ отмѣчаетъ для себя авторовъ и произведенія, съ которыми ему слѣдовало познакомиться для поэмы; изъ русскихъ источниковъ названы лѣтописи, Духовная Владиміра Мономаха, Слово о Полку Игоревѣ, которое Жуковскій собирался переводить[1]), народныя русскія пѣсни и сказки; перечень западныхъ представляетъ пеструю смѣсь: Гомеръ, Виргилій, Овидій, Аріостъ, Тассъ, Камоэнсъ, Мильтонъ, Шекспиръ, Саути, Маттисонъ, Вальтеръ Скоттъ, Оссіанъ, Эдда, Пѣснь о Нибелунгахъ, западно-европейскія народныя баллады, романы Трессана, Richardet и др. Отмѣчены мѣста, достойныя подражанія: изъ Гомера „каталогъ войскъ“, сравненіе войска съ лебедями и пчелами, единоборство

---

1) Бумаги Жуковскаго, стр. 156.

Париса и Менелая; изъ Тасса: описаніе Армидина сада, Клоринды, очарованнаго лѣса, изъ Роланда (Аріосто) описаніе острова Альцины и т. д. На Виланда нѣтъ указанія, но его Оберона Жуковскій затѣвалъ переводить въ 1811 г. [1]), а въ перечнѣ задуманныхъ имъ произведеній, относящемся къ 1812 году, стоятъ рядомъ: „Владиміръ, Оберонъ“ [2]), что объясняетъ, быть можетъ, позднѣйшую замѣтку Воейкова при посланіи къ нему Жуковскаго, что Владиміръ былъ затѣянъ въ стилѣ Оберона.

Сохранились въ двухъ небольшихъ набросках „Мысли для поэмы“ и нѣсколько относящихся до нея фразъ, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующую: „Царь-Дѣвица мститъ за брата своего, убитаго Ильей, требуетъ, чтобы онъ былъ отданъ ей въ руки. Царь-Дѣвица встрѣчается съ Ильей и ѣдетъ съ нимъ въ замокъ любви, не зная его. Онъ избавляется Добрыней. Вѣдьма, очаровавшая богатырей“. Это, можетъ быть, мотивъ былинъ о „трехъ поѣздкахъ Ильи“, но наизнанку: Илья заѣзжалъ къ прекрасной королевичнѣ (Зенирѣ у Рыбникова IV, 25), которая хочетъ прельстить его, но Илья ее перехитрилъ и освобождаетъ заключенныхъ ею богатырей Алешу и Добрыню.

Именно Добрыня долженъ былъ быть героемъ поэмы, какъ въ неконченной поэмѣ Львова и у Державина; имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ подтверждаютъ знакомство Жуковскаго съ Державинскимъ „Добрыней“, можетъ быть, и съ Чулковской сказкой: въ послѣдней Добрыня воспитанъ волшебницей Добрадой, которая помогаетъ ему освободить отъ очарованія царицу Карсену и ея милаго, печенѣгскаго властителя Куруса; они соединяются бракомъ; Добрыня бьется съ Тугаринымъ, притязавшимъ на руку болгарской княжны *Милолики* и подошедшимъ подъ Кіевъ, когда она досталась въ жены Владиміру.

Изъ двухъ дошедшихъ до насъ плановъ поэмы одинъ, краткій, зачеркнутъ авторомъ и, вѣроятно, не дописанъ: Тугаринъ осадилъ Кіевъ, Добрыни нѣтъ въ городѣ, а онъ одинъ можетъ побѣдить Тугарина; въ числѣ богатырей послѣдняго— Полканъ, Зміуланъ, Карачунъ; „Илья, мучимый любовью, въ лѣсу пустынникомъ; встрѣчается съ Рогнѣдой и креститъ ее.

---

1) Ib., стр. 53.
2) Ib., стр. 55.

Еруслань отыскиваетъ *Милославу* въ замкѣ Карачуна. Сраженіе Алеши съ Зміуланомъ, Царь-Дѣвица и Добрыня".

Второй планъ пространнѣе, но распорядокъ тотъ же. Добрыня посланъ за мечемъ-самосѣкомъ, Златокопытомъ, водою юности, а къ Кіеву подходитъ Полканъ Невредимый, требуетъ, чтобы Владиміръ уступилъ ему свою невѣсту Милолику; привезли ее Ярославъ и Радегастъ новгородскій, „убійца своей любовницы, мучимый привидѣніемъ". Въ числѣ богатырей Владиміра — Рогдай и Громобой, у Полкана-Тугарина — Зилантъ, Зміуланъ. Не даромъ въ разсказѣ о поѣздкѣ Добрыни намѣченъ былъ эпизодъ: „Исторія Добрады и Черномора"; очевидно, вліяніе Чулковской сказки, какъ далѣе Тасса и Аріоста; послѣднее преобразило мотивъ объ Ильѣ и Царь-Дѣвицѣ: вмѣсто нея Зилена, любовница Ильи, оба очарованы въ жилищѣ Люцины. Разсказъ переносится въ Кіевъ и снова къ Добрынѣ; онъ досталъ мечъ и Златокопыта, разрушилъ очарованіе Ксеніи (Карсены Чулкова?), проводитъ съ нею ночь въ долинѣ и лишается ея. Слѣдуетъ возвращеніе Добрыни въ Кіевъ: онъ сражается съ Полканомъ и побѣждаетъ. Владиміръ уступаетъ Милолику Радегасту, являются Ксенія и Добрада, и поэма должна была кончиться брачною ночью Ксеніи съ Добрыней [1]).

Мы не сосчитались еще съ нѣкоторыми литературными воспоминаніями, которыя могли имѣть вліяніе на затѣю Жуковскаго: Каменевскій „Громвалъ", руководимый добродѣтельной волшебницей Добрадой, ищетъ свою милую Рогнѣду, похищенную Зломоромъ; какъ „Раиса" Карамзина дала Жуковскому имя Людмилы („Три пояса" 1808 г., „Людмила", „Плачъ Людмилы" — подражаніе Шиллеровой „Амаліи" 1809 г.) [2]), такъ неконченный „Илья Муромецъ" (1794 г.) подарилъ его Черноморомъ и представленіемъ чувствительнаго Ильи, мучимаго любовью (планъ „Владиміра"), осуждающаго тѣхъ, кто ею гнушаются („Алеша Поповичъ"). Сѣвъ на берегу рѣки „подъ тѣнью деревъ развѣсистыхъ", Карамзинъ хочетъ разсказать свою повѣсть тѣмъ, кто находитъ удовольствіе „въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ, въ смѣси былей съ небылицами". „О богиня свѣта бѣлаго, ложь, неправда, призракъ истины", восклицаетъ

---

1) См. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 65—7 и Бумаги Жуковскаго, стр. 150 и 154—5: бумага 1808, 1810, 1811 гг.

2) Сл. еще Людмилу въ поэмѣ Радищева, „Алеша Поповичъ".

онъ, призывая фантазію, ту самую, „которая съ Людмилою нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ мнѣ сказала: я люблю тебя!" И онъ начинаетъ разсказъ о „безсмертныхъ подвигахъ величайшаго изъ витязей, чудодѣя Ильи Муромца!" Весна; „рыцарь" Илья ѣдетъ, и хотя онъ „Геснера не читывалъ", но, имѣя „сердце нѣжное" и „чувствительную душу", размышляетъ, любуясь „красотою дня", какъ истый сентименталистъ — на подкладкѣ игривой чувственности. Видитъ шатеръ, около него гуляетъ конь, но витязь не показывается; въ шатрѣ покоится красавица, какой не написалъ бы ни Тиціанъ, ни Корреджіо; она разметалась, и Илья можетъ налюбоваться ея прелестями, напримѣръ, лилейною рукой, „гдѣ всѣ жилки васильковыя были съ нѣжностью означены". Понятно, какая „сердечная чувствительность въ маслѣ глазъ его свѣтилася". Два дня и двѣ ночи проводитъ Илья въ шатрѣ, а красавица не просыпается. „Какъ Илья, хотя и Муромецъ, хоть и витязь Руси древнія", могъ просидѣть цѣлую недѣлю, не взявъ въ ротъ маковой росинки, не чувствуя дремы? Это чудо любви: такъ святой монахъ цѣлое столѣтіе пробылъ безъ пищи и сна, слушая пѣніе райской птички. Наконецъ черная муха сѣла на малиновыя уста красавицы; Илья сгоняетъ ее „указательнымъ пальцемъ", на которомъ сіялъ перстень съ талисманомъ благодѣтельной волшебницы Веславы, и красавица очнулась: талисманъ подѣйствовалъ на нее, усыпленную чарами „хитраго волшебника, Черномора ненавистника". Илья понялъ, что красавицѣ надо одѣться, и онъ выходитъ изъ ставки, чтобы не стѣснять ее; она показывается въ доспѣхахъ рыцаря, и оба садятся „подъ сѣнистыми кусточками". Двѣ минуты продолжается молчаніе, „въ третью чудо совершается"; какое, мы не знаемъ, потому что поэма не кончена; можно подсказать одно изъ положеній, намѣченныхъ въ планѣ Владимира. Русская древность служитъ цѣлямъ травестіи, чувствительной или романтической: стиль Виландова „Оберона", приложенный къ „былямъ" Владимировыхъ богатырей; „небылица" была именно въ стилѣ, но его несообразность не ощущалась. Въ 1804 году чувствительничаетъ и Державинъ: его Добрыня — „рыцарь", Владимиръ любуется спящей Прелѣпой и, въ жилки голубыя

Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ.

Прелѣпа — царица его сердца, онъ ее узналъ; законъ любви царя съ пастушкою равняетъ: Прелѣпа и Добрыня горятъ и млѣютъ другъ къ другу страстью и мечтаютъ соединиться въ небѣ невиннымъ духомъ.

Очень вѣроятно, что Воейковъ узналъ о затѣѣ Жуковскаго, когда въ началѣ 1813 года, поощряя его къ серьезной поэмѣ, говорилъ ему о Святославѣ съ Добрынею, о Владимирѣ, нашемъ Готфридѣ и Карлѣ. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи Жуковскій сообщаетъ не столько планъ, сколько общее содержаніе поэмы, которая должна была наполнить его „бѣлую книгу"; упоминаніе „Царь-Дѣвицы" указываетъ на старый планъ, устраненный вторымъ: Кіевъ осажденъ басурманами, виденъ Добрыня, уже скачущій на Златокопытѣ,

Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ!

Далѣе мотивъ изъ „Слова о Полку Игоревѣ", который трудно пріурочить къ планамъ поэмы: Добрыня скачетъ, а дѣвица-краса глядитъ на его путь изъ терема (не Ксенія?), летитъ за нимъ душою

И такъ въ раздумьи говоритъ:
„О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вѣешься?
Ты не отъ милаго несешься [1]),
Ты не принесъ веселья мнѣ;
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесію съ облаками,
По синю морю съ кораблями,
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга радости моей.

Интересно сравнить эту передѣлку мотива изъ Слова о Полку Игоревѣ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ перевода, который въ 1817 году Жуковскій готовилъ для несостоявшагося арзамасскаго журнала: „Голосъ Ярославнинъ слышится, на зарѣ одинокой чечоткою кличетъ: Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю.... О вѣтеръ, ты вѣтеръ! Къ чему же такъ сильно вѣешь?

---

1) Психически-разстроенный Батюшковъ любилъ повторять эти стихи: О вѣтеръ.... несешься. См. Соч. Батюшкова, I, 297.

Почто же наносишь ты стрѣлы ханскія своими легковѣйными крыльями на воиновъ лады моей? Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью? Мало-ль кораблей на синемъ морѣ твоему лелѣянью?"

Посланіе продолжаетъ, намекая: Добрыня бьется съ Бабой-Ягой; далѣе встрѣча съ Дубыней, Горыней; русалка и козлоногій лѣшій въ дремучемъ лѣсу,—

И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Дворецъ волшебный Царь-Дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ,
И онъ . . . .

Планъ поэмы, можетъ быть, никогда и не выяснился далѣе этого „И онъ"; что должно было произойти между Царь-Дѣвицей и Добрынею, мы не знаемъ. Въ Чулковской повѣсти объ Алешѣ Поповичѣ богатырь встрѣчается съ Царь-Дѣвицею въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ Карамзинскій Илья; Державинъ въ своей „Царь-Дѣвицѣ" (1812 г.) замѣнилъ его Маркобруномъ сказки о Бовѣ, описалъ теремъ Царь-Дѣвицы, украшенный „въ солнцахъ, мѣсяцахъ, звѣздахъ", она гуляетъ „въ рощахъ злачныхъ въ *лукоморьѣ*", „и по вѣткамъ птички райски, скакивалъ *заморскій котъ*"; полкъ нимфъ слѣдуетъ за нею, являются женихи; одинъ изъ нихъ несетъ „*колпицъ* алы черевички". Образы эти обратили вниманіе Жуковскаго и Пушкина [1]).

Кажется, и послѣ 1813 года Жуковскій собираетъ матеріалы для поэмы. Въ одной изъ мыслей, набросанныхъ по ея

1) Въ одномъ эпизодѣ „Бахарьяны" (Бахарьяна или Неизвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ. Москва 1803 г.), гдѣ такъ мало русскаго, несмотря на заглавіе, въ образѣ Царь-Дѣвицы является волшебница Злодума, похитившая Фелану, которую держитъ на своемъ островѣ, среди соблазновъ и угрозъ, принуждая ее выйти за ея сына, уродливаго Ишима. Содержаніе поэмы состоитъ въ разсказѣ о приключеніяхъ Неизвѣстнаго (имя котораго разоблачается въ самомъ концѣ: Оріонъ), ищущаго свою милую Фелану. Есть и эпизодъ объ очарованіи богатырей: рядомъ съ Эспландіаномъ и Калеандромъ — Ярусланъ, Илья Муромецъ и князь Иванъ; ихъ держитъ у себя въ звѣриной метаморфозѣ магъ Софантъ.

поводу, читаемъ: „Владимиръ подъ старость лѣтъ посылаетъ одного изъ богатырей (очевидно, Добрыню) на подвиги. Время ужасное для него приближается, въ которое прошлое должно быть заглажено. Добрыня испытываетъ многія очарованія, слѣдствія одного и съ нимъ однимъ разрушающіяся. Въ то же время война съ Печенѣгами, въ коей успѣхъ соединенъ съ тѣмъ же очарованіемъ". Къ этому прибавлено: „заимствовать изъ Zauberring"; вѣроятно, имѣется въ виду Zauberring Ла-Моттъ-Фуке (1813 года). Въ письмахъ къ Воейкову и Тургеневу встрѣчается почти одна и та же фраза: „молись же судьбѣ, чтобы вдругъ меня не ослѣпило (т.-е. счастье брака). Это значитъ: пріѣзжай, и въ бѣлой книгѣ наполнятся страницы" [1]), „молись, братъ, чтобы въ бѣлой книгѣ наполнились страницы" (письмо къ Тургеневу середины марта 1814 г.). „Скандинавскій замокъ" Батюшкова прелестенъ, пишетъ онъ Ал. Тургеневу въ сентябрѣ 1814 года, „онъ поджигаетъ меня на поэму. Эта мысль уже давно въ головѣ моей; теперь будетъ зрѣть и созрѣетъ.... Нѣтъ-ли у тебя какихъ-нибудь пособій для Владимира? Древностей, которыя бы дали понятія о томъ вѣкѣ старинныхъ русскихъ повѣстей? Посовѣтуйся объ этомъ съ Дашковымъ и съ Сергѣемъ Семеновичемъ (Уваровымъ)". „Я поищу у себя и у другихъ матерьяловъ для твоего Владимира, отвѣчаетъ Тургеневъ. Дашковъ уже въ Москвѣ, съ Уваровымъ, который обнимаетъ тебя, совѣтоваться буду, но мысли мои давно бродятъ на сѣверѣ и мало встрѣтили для тебя полезнаго. Развѣ скандинавскія и шотландскія баллады не представятъ-ли чего сроднаго? Уваровъ намѣревался прислать тебѣ нѣкоторыя баллады шотландскія. Я еще не получалъ ихъ, а въ томъ, что читалъ, находилъ многое, что мнѣ тебя напоминало" [2]). Пріятели интересовались; увлеченный поэмами Вальтеръ-Скотта, Уваровъ признается Жуковскому, что какъ онъ ни влюбленъ въ греческую поэзію, но она „не такъ къ намъ близка, какъ туманныя, фантастическія изображенія сѣверныхъ бардовъ". Онъ приглашаетъ Жуковскаго заняться поэмой въ родѣ Вальтеръ-Скотта. „Двѣ эпохи можно назвать піити-

---

1) Русскій Архивъ 1900 г. № 9, стр. 19, письмо 13 февраля 1814 г.: къ Воейкову.

2) Ал. Тургеневъ въ неизданномъ письмѣ къ Жуковскому 2 октября безъ года (= 1814 г.).

ческими: классическую, т. е. эпоху грековъ, и романтическую, т. е. эпоху среднихъ вѣковъ, des Mittelalters. Мы и слѣды потеряли къ таковому расположенію умовъ" [1]). Вскорѣ онъ найдетъ у насъ и средніе вѣка и расположеніе умовъ. Когда Капнистъ указалъ ему на интересъ, представляемый нашими народными пѣснями, онъ отвѣчалъ ему въ 1814 году [2]): „безъ собственныхъ формъ, языку нашему свойственныхъ, намъ никогда нельзя имѣть истинно-народной словесности.... Русской языкъ имѣетъ въ своихъ древнихъ памятникахъ большое изобиліе въ метрическихъ формахъ, но эта золотая руда еще въ нѣдрахъ земли сокрыта". Надо надъ этимъ потрудиться. „Я часто о семъ предметѣ бесѣдовалъ съ моимъ пріятелемъ Жуковскимъ, котораго превосходный талантъ въ поэзіи довольно извѣстенъ; я часто предлагалъ ему написать русскую поэму *русскимъ размѣромъ*, предоставляя судить ему, какой метръ между русскими способнѣе къ продолжительному сочиненію. Зачѣмъ, я говорилъ ему, не избрать эпоху древней нашей исторіи, которую можно назвать эпохою нашего рыцарства, въ особенности эпоху, предшествовавшую введенію христіанской религіи? Тутъ вы найдете въ изобиліи всѣ махины, нужныя въ поэмѣ. Что можетъ быть для поэта обширнѣе нашихъ походовъ на Царьградъ? Что разнообразнѣе древняго нашего баснословія? Съ какимъ искусствомъ предстоитъ вамъ соединить ея оригинальныя сѣверныя формы съ блистательными появленіями Востока? Какимъ волшебнымъ свѣтомъ можетъ поэтъ озарить берега днѣпровскіе, стѣны Кіева, Восфоръ и златыя вершины Царьграда? Въ этой эпохѣ исторія сопутствуема баснословіемъ; поэтъ можетъ произвольно черпать изъ той и другой, составляя цѣлое не по слѣдамъ Гомера, потому что мы не греки, не по слѣдамъ Тасса и Аріоста, потому что они писали для своего народа". — Сходно въ статьѣ Батюшкова того же года: „Г. Уваровъ, въ письмѣ своемъ о гекзаметрѣ, говоритъ между прочимъ, что русскіе могутъ имѣть свою отечественную поэму, и назначаетъ для оной именно эпоху до христіанства и послѣдующую, которую называетъ онъ эпохою нашего рыцар-

1) Письмо Уварова къ Жуковскому 17 августа 1813 г., Русскій Архивъ 1871 г., 2, ст. 0161—2.

2) Чтенія въ бесѣдѣ любителей русскаго слова 1815 г. Чт. 17, стр. 64 слѣд.

ства.... Если г. Жуковскій согласился на его приглашеніе написать поэму изъ нашей исторіи, то онъ долженъ непремѣнно избрать сей періодъ отъ рожденія славянскаго народа до раздѣленія княжества по смерти Владиміра. Мы пожелаемъ съ г. Уваровымъ, чтобъ авторъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ" и пр., поэтъ, который умѣетъ соединять пламенное, часто своенравное воображеніе съ необыкновеннымъ искусствомъ писать, посвятилъ жизнь свою на произведенія такого рода для славы отечества.... и не истощалъ бы своего безцѣннаго таланта на блестящія бездѣлки" [1]).

Еще поѣздка Жуковскаго въ Дерптъ не была рѣшена, но письмо Маши его ободрило и, отвѣчая ей, онъ пишетъ: „Владиміръ будетъ написанъ" (15 сентября 1814 г.) [2]). Собираясь въ путь и составляя планъ будущей жизни и занятій, онъ намѣчаетъ: „матеріалы для Владиміра. Владиміръ.... баллады, посланіе къ Государю.... Оберонъ.... Eloisa to Abelard — Der Mönch und die Nonne" [3]); проситъ Тургенева достать у Уварова обѣщанныя англійскія книги (Southey, Thalaba the Destroyer и Hoole, Arthur or the Northern Enchantement), онѣ могутъ пригодиться для его Владиміра, который крѣпко гнѣздится у него въ головѣ [4]). „Я не шутя начинаю думать о поэмѣ; уже и Карамзинъ (милый, единственный Карамзинъ, образецъ прекраснѣйшаго человѣка) мнѣ помогаетъ. Я провелъ нѣсколько сладостныхъ дней, читая его исторію. Онъ даже позволилъ мнѣ дѣлать выписки. Эти выписки послужатъ мнѣ для сочиненія моей поэмы. Но какъ еще много надобно накопить матеріаловъ! Жизнь дерптская, дерптская библіотека, все это создастъ Владиміра" (ему же 4 марта 1815 г. Москва). — 11-го іюня 1815 г. онъ пишетъ Кирѣевской, что хочетъ побывать въ Дерптѣ „на крестинахъ"; „потомъ назадъ въ Петербургъ что-нибудь для себя состряпать. Это что-нибудь не иное что, какъ пенсіонъ, который мнѣ хочется для себя выхлопотать. Если же не удастся, то уѣду безъ всего и буду работать музамъ и славѣ, нимало не

---

1) Соч. Батюшкова, II, стр. 410; III, стр. 644 прим. къ стр. 99; I, стр. 189 прим. 1.

2) Сл. выше стр. 179.

3) См. Бумаги Жуковскаго, стр. 7—8; сл. ib. стр. 32—3: Монахъ.

4) Письмо къ Тургеневу изъ Долбина 1 декабря 1814 г.

заботясь о прочемъ.... Примусь прилежно за Владимира, и онъ вѣрно дастъ мнѣ гораздо больше состоянія, нежели когда-нибудь служба" [1]). — „Вѣроятно, что старому дѣду (Шишкову) не достанется ценсоровать Владимира", писалъ Уваровъ, вызывая Жуковскаго изъ Дерпта въ Петербургъ по желанію Императрицы (29 іюля 1815 г. [2]). Въ началѣ августа того же года Жуковскій мечтаетъ въ Дерптѣ: „мнѣ бы хотѣлось въ половинѣ будущаго года сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для Владимира. Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе, а послѣдніе на путешествіе" (къ Тургеневу, 4-го августа) [3]).

30-го декабря 1816 г. Жуковскому назначена была пенсія въ 4.000 р. по докладу министра народнаго просвѣщенія А. Н. Голицына, передъ которымъ ходатайствовалъ о томъ А. И. Тургеневъ. Въ запискѣ, поданной имъ при этомъ случаѣ, говорится, что при талантѣ Жуковскаго отъ него можно ожидать новыхъ успѣховъ и что онъ „безъ дерзости можетъ предпринять одно изъ тѣхъ великихъ поэтическихъ твореній, коими ознаменованы славнѣйшіе вѣки въ словесности; влекомый желаніемъ воздвигнуть такой памятникъ себѣ и отечеству, онъ уже предполагаетъ эпохою своей поэмы назначить время, когда въ нашихъ лѣтописяхъ сумракъ баснословныхъ преданій смѣняется яснымъ свѣтомъ исторіи. Позволительно думать, что совершеніе столь великаго труда, кромѣ таланта, требуетъ еще и обстоятельствъ благопріятныхъ, особливо независимости отъ нуждъ недостаточнаго состоянія. При безкорыстномъ и благородномъ характерѣ Жуковскаго, сія независимость можетъ быть доставлена единственно черезъ помощь отъ престола" [4]),

Жуковскій считалъ царскій подарокъ „наградой за добрую надежду", но, „чтобы написать что-нибудь важное, надо собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ множества матеріаловъ историческихъ. Того, откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою взять не могу — а время между тѣмъ

---

1) Сообщено А. Е. Грузинскимъ. См. Предисловіе.

2) Русскій Архивъ 1871 г. № 2 стр. 0166.

3) Сл. Русская Старина 1883 г. апрѣль, письмо къ Кирѣевской отъ 1 августа 1815 г.

4) Русская Старина 1901 г. августъ: Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. къ А. Н. Голицыну, стр. 393.

летитъ. Что, если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ — жалкая жертва! Я боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ". Всѣхъ своихъ книгъ ему не перетащить съ собою; „сверхъ того я беру здѣсь лекцію, именно для моего плана весьма важную. Она продолжится отъ февраля до конца мая и должна облегчить мнѣ большой трудъ. Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году я долженъ написать что-нибудь важное; безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ" [1]).

Если и въ данномъ случаѣ разумѣется „Владимиръ", что вѣроятно, то тѣмъ интереснѣе встрѣтить Воейкова, и въ томъ же году, на путяхъ Жуковскаго. Весною 1816 г. онъ собрался въ Крымъ и Кіевъ, и Жуковскій просилъ для него у Тургенева рекомендательныхъ писемъ къ архіепископамъ Кіевскому, Черниговскому и Псковскому [2]). Весной или въ началѣ лѣта Воейковъ уже уѣхалъ [3]) съ открытымъ письмомъ отъ университета ко всѣмъ губернаторамъ и архіереямъ для оказанія ему содѣйствія „къ обозрѣнію всего примѣчанія достойнаго". Въ просьбѣ къ совѣту университета Воейковъ мотивировалъ свое путешествіе тѣмъ, что хочетъ написать поэму о князѣ Владимирѣ и потому нуждается въ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовалъ его герой [4]). Въ стихотвореніи „Къ женѣ" 10 ноября 1817 г. онъ напоминаетъ ей о Кіевскихъ впечатлѣніяхъ; „Посланіе къ моему другу-воспитаннику о пользѣ путешествія по Россіи", написанное въ 1818 году [5]), говоритъ о Владимирѣ, который „въ свѣтлыхъ теремахъ, гдѣ вкругъ заря видна, Гдѣ солнце въ день, въ нощь звѣзды и луна, Пилъ сладострастье полной чашей; Сребромъ и златомъ посыпалъ И въ пологахъ золототканныхъ, На скатертяхъ камчатныхъ браныхъ, Князей, богатырей и гридней угощалъ", пока Духъ Святой не „назнаменалъ своей Владиміра печатью: Жива душа! убита плоть!"

1) Плетневъ, О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго; сл. Соч. и переписка П. А. Плетнева т. III, стр. 79.

2) Письмо Жуковскаго къ Тургеневу изъ Дерпта, 12 апрѣля 1816 г.

3) Сл. письма къ Тургеневу №№ LXXIV—LXXV и LXXVIII.

4) Сл. Пѣтуховъ, Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ Университетѣ. Юрьевъ, 1900 г., стр. 43.

5) Сл. Вѣстникъ Европы 1818 г. № 12, іюнь, стр. 270 слѣд.

Была ли это затѣя, или предлогъ для поѣздки, мы не знаемъ; Жуковскому удалось побывать въ Кіевѣ лишь въ 1837 г.; что до его Владимира, то слѣды его становятся рѣже. Повидимому о немъ говорится въ письмѣ къ Дмитріеву (1 марта 1817 г.): „готовлюсь! чтобъ хорошо обработать предметъ, взятый изъ нашей исторіи, надобно покороче познакомиться съ этою исторіею въ ея источникахъ: это я и дѣлаю. Безъ подмостокъ нельзя построить зданіе. Дай Богъ только не остаться съ одними подмостками“. — Въ бумагахъ 1819 г. есть пять зачеркнутыхъ строкъ, можетъ быть, относящихся къ какому-то эпизоду поэмы: „Лодоміръ и Милороза. Лодоміръ въ бесѣдахъ съ Владимиромъ“ [1]). Дмитріевъ все еще надѣется, что Жуковскій „побывавъ въ отчизнѣ Шиллера, Клейста, а, можетъ быть, и Виланда, воспламенитъ насъ обѣщанною поэмою во вкусѣ Оберона“ [2]). Надѣялся въ 1822 году и кн. Вяземскій: записываетъ „въ книгу литературныхъ упованій“ обѣщаніе Пушкина разсказать „Мстислава древній поединокъ“—и ждетъ „съ нетерпѣніемъ давно обѣщанной поэмы Владимира, „который и послѣ Хераскова еще ожидаетъ себѣ пѣснопѣвца“ [3]). И въ то-же почти время Пушкинъ работаетъ въ Кишиневѣ надъ планомъ „Владимира“, причемъ хотѣлъ воспользоваться былинами, „Словомъ о Полку Игоревѣ“, Тассомъ — и Херасковымъ.

Затѣей осталась и другая повѣсть Жуковскаго на историческую, русско-нѣмецкую тему; изъ ея программы и набросковъ, относящихся къ 1814 г., видно, что дѣйствующими лицами являлись Гатредъ, одинъ изъ рыцарей, вызванныхъ епископомъ Альбертомъ въ Лифляндію, братъ его (Волкуинъ = Адольфъ; Родригъ) и Изара, похищенная братьями во время одного изъ ихъ походовъ [4]). Очень вѣроятно, что на эту тему намекаетъ Жуковскій въ 1819 г.: онъ будто бы нашелъ ее въ какомъ-то „пергаментномъ истлѣвшемъ спискѣ“, написанномъ „славянскимъ древнимъ языкомъ“, но списокъ принадлежитъ, вѣроятно, къ категоріи тѣхъ рукописей временъ Владимира, на которыхъ, будто-бы, основана „Марьина Роща“; списка того онъ разобрать еще не могъ, докладываетъ поэтъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но знаетъ, что въ немъ преданье

1) Бумаги Жуковскаго, стр. 82.
2) Къ Ал. Тургеневу 18 августа 1820 г.
3) Сынъ Отечества 1822 г. ч. 82, № 49, стр. 125.
4) Бумаги Жуковскаго, стр. 156.

Какое-то заключено
О князѣ древнія Герспки,
Котораго Альбертъ Великій,
Епископъ, сжегъ (какъ то давно
Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно).
Еще упоминаетъ въ немъ
О сынѣ князя молодомъ,
О розѣ, о любви чудесной
Какой-то дѣвы неземной
И прочее. Итакъ, быть можетъ,
Когда фантазія поможетъ
Мнѣ подружиться съ стариной,
Я разгадаю списокъ мой,
Быль небылицами приправлю
И всеподданнѣйше представлю
Вамъ, государыня, въ стихахъ
О томъ, что было въ древни лѣты
На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
Гдѣ павильонъ Елизаветы.

(Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ въ іюнѣ 1819 года).

Добавленные стихи (3-го августа) говорятъ, что поэтъ не могъ одинъ добраться до смысла рукописи, таинственно зарытой подъ древній пень, гдѣ ее до нынѣ сторожила „волшебная кошка“, но „Ливій Сѣвера“[1]) помогъ ему понять „непонятный слогъ“, выбрать золото изъ сора и силой воображенія исторгнуть изъ сумрака старины. „И вотъ я сдѣлалъ переводъ стариннаго рукописанья и т. д. до 150 стиховъ“ (на этомъ обрывается приписка). Жуковскій былъ, повидимому, на пути къ инородческому романтизму, который воздѣлывали Марлинскій, Кюхельбекеръ, Языковъ и недолюбливалъ Катенинъ.

Попытки силой воображенія освѣтить сумракъ русской старины, такъ долго занимавшія поэта и его друзей, чаявшихъ ему отъ того славы, привели его, хотя и поздно, къ сознанію, что „древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека и трудно угадать и живо представить сіи времена отдаленныя:

1) Сл. Отрывокъ изъ письма къ И. И. Дмитріеву 1813 года: Карамзинъ—нашъ Ливій Славянинъ.

слишкомъ будетъ ощутителенъ вымыселъ поэтическій". Но тутъ же онъ раскрываетъ ему двери, перечисляя возможные, не столь отдаленные сюжеты: времена междоусобія, Мономахъ, Изяславъ, Всеволодъ Великій и т. д. — до Іоанновъ, Василія Темнаго, Годунова, междуцарствія; „все это полно удивительной жизни. Но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щебня лѣтописей", надобно быть такимъ „гигантомъ", какъ Вальтеръ Скоттъ и Шекспиръ. „Что еслибъ нашелся Шекспиръ для русской исторіи и своимъ геніемъ дополнилъ, описалъ и олицетворилъ то, о чемъ умолчала наша скудная лѣтопись?" (Мысли и замѣчанія 1846—1847 гг.).

Мы не вправѣ прилагать къ Жуковскому мѣрку нашего реальнаго и эстетическаго пониманія народности; она не лежала въ сферѣ его непосредственныхъ интересовъ. Въ 1837 г. онъ промчался по Россіи отъ Сибири до Крыма, но дневники его путешествія, по настроенію и направленію наблюденій, ничѣмъ не отличаются отъ его старыхъ, заграничныхъ; не видно подъема симпатій къ развернувшимся передъ нимъ картинамъ народной жизни. По прежнему онъ зарисовываетъ виды: на Губерлинской станціи его поразили „горы, какъ левъ или крокодилъ, лежащіе поперекъ. Камни, какъ бородавки" (11 іюня); „крестьяне на дорогѣ въ хорошей одеждѣ" (6 іюня). Мѣстныя историческія воспоминанія схематизируются огуломъ, безъ оглядки, въ общее положеніе или размышленіе съ расплывающимися поэтическими контурами. Въ Угличѣ Жуковскій записываетъ: „Церковь на крови. Рака; земля, напитанная кровью, и образъ. Нижняя церковь. Лампада (оправданіе православія. Для будущаго вѣра, для настоящаго смиреніе, для прошедшаго благословеніе). Энтузіасмъ. Чувство святое; слезы; но ребяческое. La raison. Le sentiment. Дѣло правительства" (8 мая).

Поэтическое „дополненіе" исторіи, о которомъ говорилъ Жуковскій, требуетъ ея пониманія, не безпочвенной, хотя бы и не предвзятой идеализаціи. Она была бы возможнѣе, если бы ей предшествовали другія, поэтическія, на которыя новому поэту можно было бы опереться, хотя бы въ смыслѣ того подражательнаго творчества, которое Жуковскій возвелъ въ теорію. Романтики читали не однѣ хроники, но миннезингеровъ и Нибелунги; имъ стоило только разбудить „Спящую красавицу", намъ надо было ее создать. Было бы интересно

сравнить наши древнія литературные памятники съ „бездной поэмъ, романсовъ, героическихъ и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ, писалъ въ 1834 году Пушкинъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ можно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы увидѣли бы разницу между простодушіемъ стараго французскаго трувера и лукавой насмѣшливостью скомороха, между площадной полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь, и на ней возвышается единственный памятникъ: Пѣснь о Полку Игоревѣ".

Ко всему этому присоединился и личный моментъ: Жуковскій не эпикъ, онъ лирикъ даже тогда, когда становится разсказчикомъ, прислушиваясь къ сказкамъ и къ мѣрному паденію греческаго гекзаметра. Вотъ почему не могъ удасться его „Владиміръ". „Странствующій Жидъ" не поэма, а лирическая исповѣдь.

Жуковскій — лирикъ, даже въ подражаніи дававшій *свое*, отдававшій *себя*. Именно эта потребность отдаться, способность занять собою и сдѣлала его у насъ первымъ поэтомъ *непосредственнаго чувства*. Районъ его поэтическаго настроенія крайне бѣденъ, онъ не могъ быть послѣдовательно Вертеромъ и Фаустомъ; онъ односторонен, но эта односторонность цѣльная, исчерпывающая все его существо: онъ весь погруженъ въ себя, открываетъ въ себѣ цѣлый міръ неизвѣданныхъ ощущеній и всѣхъ заинтересовалъ исторіей своей души. Какъ штюрмеры отдыхали на Клопштокѣ отъ галантнаго воркованья XVIII-го вѣка, такъ „рѣзвая радость" прислушивается у Пушкина къ стихамъ Жуковскаго. Дѣло не въ одной ихъ „плѣнительной сладости", которая заражала, а въ чемъ-то другомъ. Жуковскаго мѣрятъ „клейменнымъ аршиномъ", замѣчаетъ для себя князь Вяземскій [1]): „ни форма его понятій, чувствованій

1) Въ „Записной книжкѣ", Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго, т. IX, стр. 30: несомнѣнно 1819 года.

и самого языка не отлиты по другимъ нашимъ образцамъ. Пожалуй, говори, что онъ дуренъ, но не сравнивай же его съ другими, или молчи, потому что ты не знаешь, что такое есть поэзія". Стихотворныя красоты языка Жуковскаго могутъ поблекнуть, „поэтическія всегда свѣжи, всегда душисты", писалъ въ 1819 году князь Вяземскій Ал. Тургеневу [1]): поэтическія красоты правдиваго настроенія, радостно-унылаго, чающаго; полусвѣтъ, гдѣ утраты сходятся съ надеждами, вещественное съ нездѣшнимъ, и горизонты таютъ въ таинственной дали „невыразимаго"; образы, расплывающіеся въ мелодію; чувство, цѣломудренно останавливающееся на порогѣ страсти. Молодость увлекалась имъ, потому что и самъ онъ былъ до гроба ребенкомъ, смотрѣвшимъ „на свѣтъ сквозь призму сердца, какъ поэтъ", и мечталъ при лунѣ, уходя отъ низости настоящаго къ „очарованному тамъ". Глинка, въ 1826 году положившій на музыку два „тоскливыхъ романса" Жуковскаго („Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ„ и „Бѣдный Пѣвецъ"), сознается, что сентиментальная его поэзія „трогала его до слезъ, потому что въ молодости онъ былъ парень романическаго устройства и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія [2]). Жуковскій—„всего прекраснаго пѣвецъ" и „идолъ дѣвственныхъ сердецъ" (Евг. Онѣгинъ), выразился Пушкинъ; „единственный изъ насъ, который *умѣетъ любить*" [3]); какъ въ 1803 году Ал. Тургеневъ сравнивалъ его съ Петраркой, такъ въ 1827 году старикъ Тидге назвалъ его mein edler Frauenlob [4]). Гоголь говоритъ о „благоговѣйной задумчивости", проносящейся сквозь всѣ его картины, исполняющія ихъ „того грѣющаго, теплаго свѣта, который наводитъ необыкновенное успокоеніе на читателя. Становишься тише во всѣхъ своихъ порывахъ, и какою-то тайною замыкаются твои уста" [5]). И Кирѣевскій вторитъ: поэзія Жуковскаго „передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи", онъ развилъ (въ нашей поэзіи) „сторону идеальную, мечтательную" [6]).

1) Сл. выше стр. 483.

2) Записки Мих. Ив. Глинки, Русская Старина 1870 г., май, стр. 480.

3) Записки Смирновой, I, стр. 304.

4) Сл. выше стр. 342.

5) „Въ чемъ-же наконецъ существо русской поэзіи", Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 179.

6) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, I, стр. 22, 23.

Полевой благоговѣетъ передъ „младенческою чистотою“ души Жуковскаго, „переливавшейся постоянно съ гармоническимъ журчаніемъ, не смотря на то, по какимъ-бы скаламъ, падавшимъ въ нее со всѣхъ сторонъ, не текла струя думъ поэта“ [1]).

Подъ обаяніемъ этой поэзіи долго оставались его старые сверстники, когда кругомъ уже наступилъ перебой литературныхъ вкусовъ. Вигель вспоминалъ, какъ, пристрастившись въ Бѣлевскомъ уединеніи къ нѣмцамъ, Жуковскій сталъ подчивать русскихъ читателей „произведеніями, которыя по формѣ и содержанію своему не совсѣмъ приходились намъ по вкусу. Упитанные литературою древнихъ и французскою, ея покорною подражательницею,.... мы въ выборахъ его увидѣли нѣчто чудовищное. Мертвецы, привидѣнія, чертовщина, убійства, освѣщаемыя луною, да это все принадлежитъ къ сказкамъ да развѣ англійскимъ романамъ; вмѣсто Геро, съ нѣжнымъ трепетомъ ожидающей утопающаго Леандра, представить намъ бѣшено страстную Ленору со скачущимъ трупомъ любовника! Надобенъ былъ его чудный даръ, чтобы заставить насъ не только безъ отвращенія читать его баллады, но, наконецъ, даже полюбить ихъ. Не знаю, испортилъ-ли онъ нашъ вкусъ, по крайней мѣрѣ создалъ намъ новыя ощущенія, новыя наслажденія. Вотъ и начало у насъ романтизма“ [2]). Блудовъ перечитываетъ стихотворенія своего друга съ благодарностью: „О, Жуковскій, если бы я не имѣлъ къ тебѣ чувства дружбы, сего чувства, въ коемъ все сливается, и почтеніе къ благородной душѣ твоей, дѣвственной отъ всѣхъ порочныхъ побужденій, и безцѣнное ощущеніе твоей любви, наконецъ, и воспоминаніе первыхъ лѣтъ и надеждъ, Жуковскій, я бы еще любилъ тебя за минуты, въ которыя оживляюсь твоими стихами, какъ увядающій цвѣтокъ возвращеннымъ свѣжимъ воздухомъ“. Два дня онъ страдалъ „моральною болѣзнію“, способности души и ума окаменѣли, онъ утопалъ въ какой-то пустотѣ и искалъ себя, но случай привелъ на память давно нечитанные стихи Жуковскаго, и онъ „почувствовалъ свое сердце. Очаровательная музыка! Тобой я буду лѣчиться отъ новой тарантулы, которая не даетъ смерти, но отнимаетъ жизнь“ [3]). Имя Жуковскаго завѣтно

1) Очерки I, стр. 118.

2) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 3, стр. 135—6.

3) Е. Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время: Мысли и замѣтки графа Блудова, стр. 251.

для насъ, поминалъ баронъ Розенъ: „сладостные, задумчивые, души исполненные звуки его арфы раздавались упоительно въ мірѣ нашихъ юношескихъ мечтаній, отзывались глубоко въ нашей душѣ“ [1]).

Но и на мечтанія и на луну есть мода; люди захотѣли солнца, веселой энергіи дня, не одного только счастья унынія. Жуковскій ничѣмъ не „грянулъ“ въ отвѣтъ на эти требованія, а пожалѣлъ о быломъ:

Оно прошло то время золотое,
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ — и призракамъ конецъ.
(Ундина, Посвященіе 1836 г.).

Жуковскій и самъ ощущалъ, что пережилъ свое время; хотѣлось бы мнѣ, пишетъ онъ Кирѣевскому,

старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться,
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; но вашъ ужъ ладъ
Мнѣ не поется; лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ.
(Двѣ Повѣсти 1844 г.).

Онъ отказался отъ риѳмы: „она, я согласенъ, даетъ особенную прелесть стихамъ, но мнѣ она не подъ лѣта.... Она модница, нарядница, прелестница, и мнѣ пришлось бы худо отъ ея причудъ. Я угождалъ ей до сихъ поръ, какъ любовникъ,

1) Библіотека для чтенія 1849 г., т. 96, Критика, стр. 35.

часто весьма неловкій; около нея толпится теперь множество обожателей, вдохновенныхъ молодостью; съ иными она кокетничаетъ, а другихъ сама бѣшено любитъ (особенно Языкова). Куда мнѣ за ними? Я сдѣлался смирнымъ поэтомъ разскащикомъ" (Къ И. В. Кирѣевскому 1844 г.). Молодое поколѣніе читать его не будетъ, писалъ онъ А. Мих. Тургеневу [1]); онъ не надѣется, чтобы его произведенія „возбудили какое-нибудь впечатлѣніе на Руси", повторяетъ онъ П. В. Нащокину [2]); „мысль и чувство и вкусъ всей читающей русской публики искажены до того, что и Жуковскому ходу нѣтъ", жаловался въ это время Шевыревъ [3]). Для новаго поколѣнія онъ слишкомъ старъ — и слишкомъ молодъ. Въ 1815 году онъ любовался младенческой душой старца Эверса, какъ съ конца 20-хъ годовъ душей Радовица [4]); ему скоро стукнетъ 60 лѣтъ, а онъ „еще не устарѣлъ ни сердцемъ, ни мыслію, во многомъ даже еще дитя" [5]). Въ 1820 году онъ писалъ кн. Оболенской:

въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный.

„Для меня нѣтъ ничего величественнѣе старика, богатаго прекрасными воспоминаніями, писалъ онъ 1 генваря 1833 г. (Наслѣднику цесаревичу); онъ похожъ на спокойнаго младенца, съ тою только разницею, что младенецъ выходитъ изъ колыбели къ здѣшней жизни, а старикъ приближается къ гробу, который есть колыбель жизни безсмертной, и смерть въ такомъ смыслѣ не есть-ли прекрасное рожденіе?" [6]). Онъ любитъ представлять себя самого въ колыбели, гдѣ до старости лѣтъ, онъ „лежалъ веселымъ младенцемъ и посматривалъ на все окружающее мою люльку сквозь сонъ поэтическій"; и вдругъ, отрезвившись, онъ всталъ изъ нея „шестидесятилѣтнимъ старикомъ и только тутъ догадался, что наша жизнь не поэтиче-

---

1) Сл. выше стр. 440.
2) Сл. выше стр. 446.
3) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, III, стр. 741.
4) Сл. выше стр. 401—2.
5) Къ Наслѣднику 1/13 генваря 1843 г.
6) Сл. афоризмъ въ альбомѣ Жуковскаго, выше, стр. 313, прим. 1.

скій сонъ, а строгое существенное испытаніе" [1]). Въ другой разъ онъ говоритъ о „старческой колыбели", изъ которой онъ вышелъ для новой жизни—въ семьѣ [2]). Ein Kinderherz, das nicht altert (Justinus Kerner) [3]). Это одинъ изъ мотивовъ его старческой поэтики.

Когда то ему понравился образъ умирающаго съ пѣсней лебедя („Умирающій лебедь" 1827 г.); за годъ до смерти онъ вернулся къ нему какъ то лично, инстинктивно:

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на ложѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи.

А она тѣшится, перекликаясь на голубомъ лонѣ озера, „полная желаньемъ жизни своевольной", сторонясь печальнаго старика. Его „монументальный" образъ ее пугаетъ, а онъ, „пращуръ лебединый", уходитъ въ славныя воспоминанія пережитыхъ имъ историческихъ дней. Такъ „лебедь позабытый таялъ одиноко". И вотъ однажды молодыхъ лебедей поразилъ „голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной"; они присмирѣли прилетѣли на голосъ:

Передъ ними вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины

1) Къ Смирновой 19 февраля / 3 марта 1847 г.
2) Къ Наслѣднику 1 / 13 іюля 1847 г.
3) Сл. выше стр. 454.

Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
И когда допѣлъ онъ, на небо взглянувши,
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся,.... и его не стало
Въ высотѣ.... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій.
(„Царскосельскій Лебедь" 1851 г.).

Въ 1851-мъ году Жуковскій получилъ письмо отъ Чаадаева (письмо 27-го мая), когда-то завзятаго европейца, теперь присмирѣвшаго и обрусѣлаго. Онъ звалъ его на родину — водворить въ русской литературѣ миръ и порядокъ. Не стало авторитетовъ, некому поучить. „Зажились вы въ чужой глуши; право грѣхъ! Почемъ знать? Можетъ статься, Богъ и наградитъ васъ за доброе дѣло и возвратитъ здоровье женѣ вашей на землѣ православной.... Безначаліе губитъ насъ. Ни въ печатномъ, ни въ разговорномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществѣ и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ въ одиночествѣ ума и сердца. Всѣ у насъ нынче толкуютъ про какое-то направленіе: не направленіе намъ нужно, а правленіе.... Никогда не видано было у насъ менѣе смиренія, какъ съ той поры, какъ стали у насъ многоглагольствовать про тотъ уставъ христіанскій, который болѣе всѣхъ прочихъ христіанскихъ уставовъ учитъ смиренію, который весь ни что иное, какъ смиреніе. Такъ разумѣли его благочестивые наши предки; такъ разумѣли его святые наставники наши, воспитавшіе землю Русскую" [1]).

Молодое поколѣніе было иного мнѣнія, и въ письмѣ къ Погодину графиня Растопчина негодуетъ на тѣхъ, кто говорилъ и кричалъ, будто Жуковскій не имѣетъ никакого значенія ни для литературы, ни для Россіи, что онъ умеръ давно и что не зачѣмъ о немъ тужить; „онъ, видимо, риѳмоплетъ, а такъ какъ онъ кабаковъ и залавокъ не описывалъ, грязи не воспѣвалъ, то въ немъ нѣтъ ничего *общечеловѣческаго*, вовсе никакой *гуманности*, ни *конкрета*, ни *субъективности*, ни *абсолюта*, од-

1) Кирпичниковъ, Очерки l. c., т. II, стр. 143 слѣд.

нимъ словомъ, ничего такого, что нынче прозывается геніальностью“ [1]).

Графиня Растопчина напечатала въ Сѣверной Пчелѣ стихотвореніе въ память Жуковскаго; Тютчевъ далъ его „вечерній“, идеализованный обликъ:

Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасенъ;
Въ послѣдній разъ прощаяся съ тобой,
Я любовался имъ, и тихъ и ясенъ
И весь насквозь проникнутъ теплотой....
О, какъ они и грѣли и сіяли —
Твои, поэтъ, прощальные лучи!....
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужъ звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья....
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ Омировы читалъ!
Цвѣтущія и радужныя были
Младенческихъ, первоначальныхъ лѣтъ!
А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

По-истинѣ, какъ голубь, чистъ и цѣлъ
Онъ духомъ былъ, хоть мудрости змѣиной
Не презиралъ, понять её умѣлъ —
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто-голубиный.
И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтлѣлъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ....

---

1) Барсуковъ, Погодинъ, XII, стр. 20. Сл. ея-же письмо къ Плетневу 8 августа 1852 года: „прекрасное молодое поколѣніе мыслителей и реалистовъ доказываетъ, что Жуковскій *давно умеръ для литтературы*, да и прежде врядъ-ли существовалъ“, потому что онъ вовсе не имѣлъ центра инфлуэнціи и „пописывалъ стишки скорѣе для своего собственнаго удовольствія, чѣмъ для пользы русскаго языка и русской беллетристики“ Сл. Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, III, стр. 765—7.

И этотъ-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникшій лиру,
Какъ лучшій плодъ, какъ лучшій подвигъ свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ-ли міръ, оцѣнитъ-ли его?
Достойны-ль мы священнаго залога?....
Иль не про насъ сказало Божество:
„Лишь сердцемъ чистые — тѣ узрятъ Бога".
(1852 г.).

Донесутся-ли пѣсни Жуковскаго къ будущимъ поколѣніямъ сквозь „вѣковъ завистливую даль", какъ пророчилъ Пушкинъ? На такихъ поэтовъ, какъ онъ, бываетъ своя череда, череда и на психологическое настроеніе общества, когда то прислушивавшагося къ нему и на немъ воспитавшагося. И теперь еще мы ощущаемъ сладость его стиховъ, точно звуки „Эоловой арфы", откуда-то спускающіеся въ „низость настоящаго". Но уже молодость, окружавшая „лебединаго пращура", стала отказываться отъ порывовъ въ область „неизреченнаго", стала искать поэзіи въ дѣйствительности, и не въ уединенной личности, а въ широкихъ движеніяхъ общественнаго организма. Осталась *правда настроенія;* завѣтъ Жуковскаго; это стало требованіемъ, и эта правда пройдетъ „вѣковъ завистливую даль".

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМЪ.

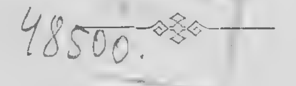
1. Портретъ В. А. Жуковскаго съ фотографіи, сдѣланной съ литографіи Эстеррейха 1820 г. Экземпляръ послѣдней находится у А. И. Гончарова (с. Ильинское, Зарайскаго уѣзда, Ряз. губ.), фотографическій снимокъ любезно предоставленъ былъ мнѣ Е. Е. Рейтерномъ.

2. (Къ главѣ III-й) Портретъ М. А. Протасовой, карандашемъ на зеленоватой бумагѣ, съ помѣтой 1811 г., нынѣ въ собраніи Е. Е. Рейтерна; снимокъ въ натуральную величину. Другой экземпляръ, руки Жуковскаго, въ альбомѣ Елагиной, откуда воспроизведенъ въ альбомѣ московской выставки 1902 года въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго л. 65.

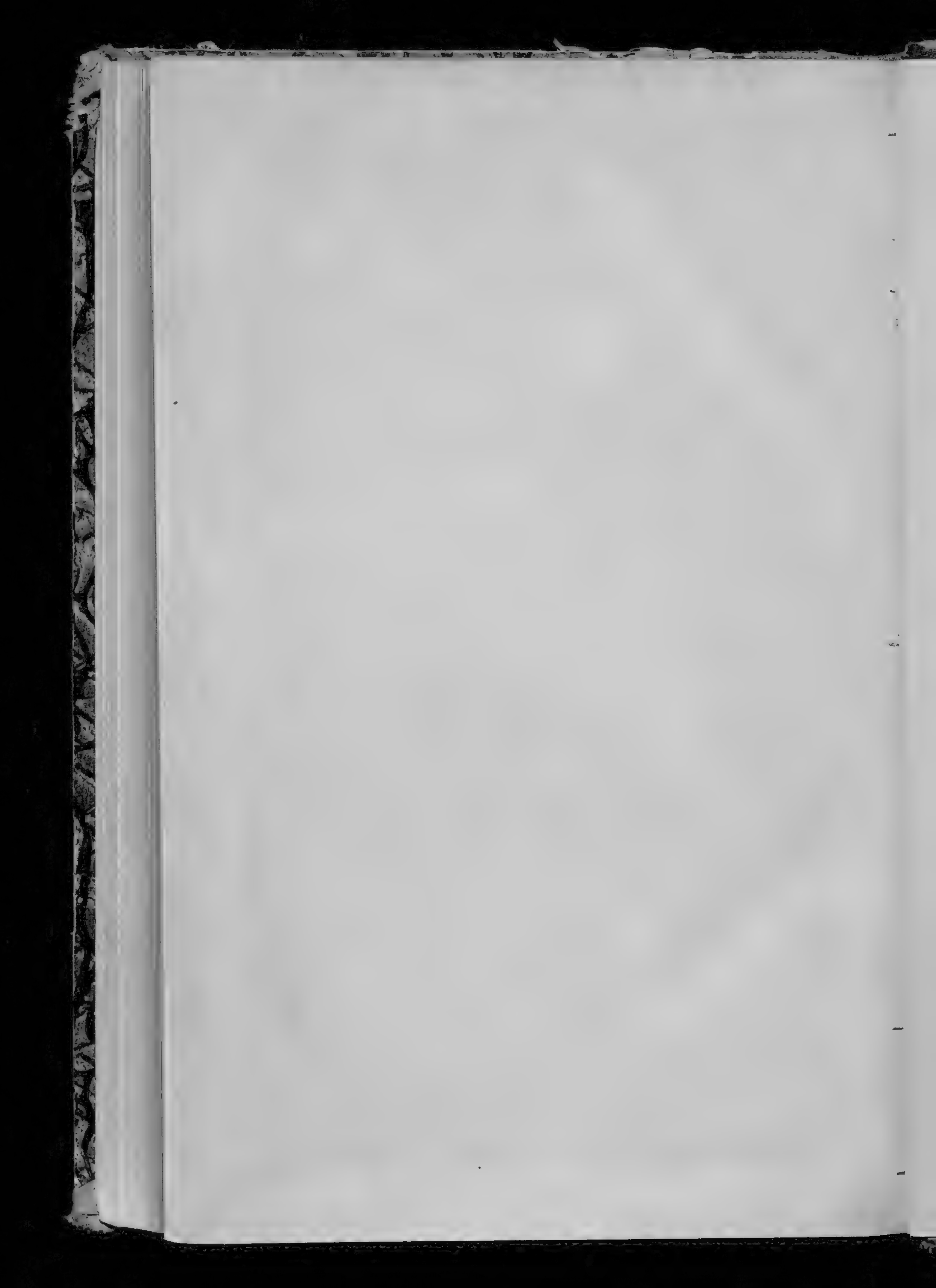
3. (Къ стр. 233—4) Два, повидимому, незаконченныхъ рисунка карандашемъ, изъ коллекціи Е. Е. Рейтерна, взяты изъ альбома А. А. Воейковой ея внукомъ, графомъ Бреверновъ-дела-Гарди. Они номерованы, бумага съ золотымъ обрѣзомъ Whatman 1821 г.; снимки немного уменьшены.

4. (Къ главѣ VIII-й) Портретъ гр. С. А. Самойловой—фототипія съ акварели, принадлежащей гр. Ал. Андр. Бобринскому. Акварель — копія, сдѣланная въ генварѣ 1892 года съ оригинала, писаннаго, какъ говорятъ, Соколовымъ въ 1822 году, когда гр. Самойлова была уже замужемъ за гр. Бобринскимъ. Оригиналъ находится въ альбомѣ, нѣкогда принадлежавшемъ гр. Григорію Строганову и затѣмъ перешедшемъ къ его дочери Еленѣ Григорьевнѣ, въ первомъ бракѣ за графомъ Шереметевымъ.

5. (Къ главѣ XIII-й) Портретъ Е. А. Жуковской писанъ въ 1842 г. въ Дюссельдорфѣ профессоромъ Зономъ и литографированъ Шертле (сл. выше стр. 424, прим. 1). Фототипія сдѣлана съ экземпляра литографіи, принадлежащаго Е. Е. Рейтерну.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

200

